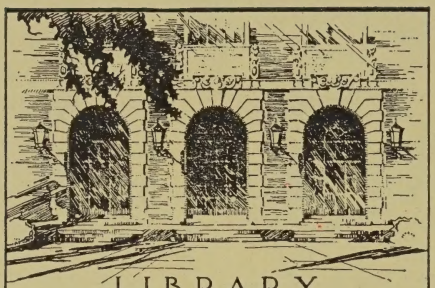
СОЧИНЕНІЯ

М. Р.

ЛАЖЕЧНИКОВА



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.73
L45
I1889
v.3-4

98-cl

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

MAR 27 1993

MAR 14 1993

When renewing by phone, write new due date below previous due date. 79521 L162

168 - Ω

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1901

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

891.73
L45
I 1889
v. 3-4

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Богатые, роскошные Патокины отпускали изъ палатъ своего сына въ солдатскомъ мундирѣ грубаго сукна; въ то же время прикащикъ его, мѣщанинъ, ходившій съ заплатами подъ мышками и союзами на сапогахъ, принималъ въ смиренномъ домикѣ свое дѣтище, облеченное въ провіантскій мундиръ 7-го класса англійскаго сукна, съ Станиславомъ на шеѣ. Володя отправлялся въ походъ, въ которомъ долженъ былъ по грязи и пескамъ, подъ тяжестью ранца и ружья, отмѣривать сотни верстъ, — отправлялся на военныя невзгоды и опасности, не зная вынесетъ ли изъ нихъ свою голову. Самсонъ Елизаровичъ Опенкинъ разъѣзжалъ въ красивой, варшавской бричкѣ, жилъ въ довольствѣ, распивая шампанское, которымъ угощали его подрядчики, не вѣдая другого труда, какъ запускать руки въ рогожные кули и, въ теплой комнатѣ, выкладывать на счетныхъ косточкахъ, сколько придется подряжающему подрядчику и пріемщику отъ перевалки этихъ кулей на разныя манеры. Когда мы описывали родителя его, тогда жь сказали, что сынъ

служилъ гдѣ-то, въ какой-то палатѣ, ассесоромъ. Пріѣхалъ въ городъ, гдѣ обрѣталась эта палата, важный ревизоръ. Какъ человѣкъ военный, представляющій себѣ премудрости канцелярскаго, многосложнаго дѣлопроизводства чѣмъ-то въ родѣ кабалистической науки, онъ имѣлъ нужду въ руководителѣ, опытномъ по этой части. Это само по себѣ. Потомъ ему, какъ второму провидѣнію, нужно было знать все, что дѣлалось въ многогрѣшной губерніи. Однимъ словомъ, ему необходимъ былъ въ помощники дѣлецъ, работникъ, умный, ловкій и пуще всего, скромный, который могъ бы, заслонясь ширмами его персоны, выказывать, что все дѣлаетъ самъ ревизоръ, а онъ машина, исполняющая его велѣнія и вѣдающая только то, что его превосходительство существуетъ, ѣстъ и пьетъ, какъ другіе люди. Ему рекомендовали Самсона Елизаровича, какъ человѣка, вполнѣ для него пригоднаго... Скромность представленнаго лица была анекдотическая.—Кажется, кашлянули его превосходительство, — говорилъ Опенкину-сыну, уже на новомъ его мѣстѣ временнаго дѣлопроизводителя ревизора, чиновникъ, вошедшій въ пріемную и услыхавшій кашель изъ кабинета, — не заболѣть-ли изволили?

— Вы, вѣроятно, ослышались, мнѣ кажется, я кашлянулъ,—отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Самсонъ Елизаровичъ, боявшійся, чтобы разговоръ о кашлѣ не почли за разглашеніе важнаго событія, секретнаго и весьма секретнаго. И принялся самъ кашлять.

Лицо, рекомендовавшее Опенкина-сына, былъ давнишній его патронъ, разсчитывавшій, что, по случаю этой услуги, собственные грѣхи его останутся прикрыты, а тамъ топи другихъ, сколько душѣ угодно, че онъ будетъ захлебываться.

Ревизія кончилась. Много было утопленниковъ, спасся, какъ и слѣдовало ожидать, патронъ Самсона

Елизаровича. Ревизоръ, въ благодарность за неутомимое усердіе, дѣятельность и скромность своего временного дѣлопроизводителя, представилъ его къ знаку отличія и спросилъ, не желаетъ ли онъ другой награды, посущественнѣй. Самсонъ Елизаровичъ, по какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, просилъ для себя мѣста провіантскаго чиновника на одной изъ важнѣйшихъ пристаней. Эта просьба бывшаго студента университета заставила ревизора немного задуматься, но какъ онъ не привыкъ долго тяготиться думой и ничему не удивляться, то и выполнилъ просьбу человѣка, служившаго ему вѣрой и правдой. И вотъ сынокъ Опенкина подвизается года два, три на хлѣбномъ поприщѣ. Готовившаяся война давала такимъ чиновникамъ усиленную работу. Самсонъ Елизаровичъ, какъ испытанный, оборотливый дѣлецъ по части провіантской, былъ вызванъ съ пристани, чтобы дѣйствовать на болѣе обширномъ поприщѣ. Войска то двигались къ Царству Польскому, то передвигались къ турецкимъ границамъ, наконецъ, внезапно получили направленіе къ Таврическому полуострову. На одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ продовольствія, былъ назначенъ въ это время Опенкинъ-сынъ. Комиссіонеру, на этотъ пунктъ надо было доставить провіантъ, хоть полѣзай въ удавку. Узнавъ, что у Патокиныхъ есть большіе запасы хлѣба въ двухъ южныхъ портахъ, предназначенные для отправленія въ чужіе края, и заподряжены на тотъ же предметъ большія партіи въ Волынской и Каменецъ-Подольской губерніяхъ, а всѣми торговыми дѣлами Сергѣя Семеновича завѣдываетъ папенька, Самсонъ Елизаровичъ поспѣшилъ въ Луковки. Эти запасы должны были вывести комиссіонера изъ затруднительнаго положенія пріискивать новые источники. Неуспѣхъ въ подрядѣ могъ навесть на него гнѣвъ начальства, успѣхъ сулилъ ему примѣрную награду.

Папенька въ своемъ укромномъ жилищѣ, неподалеку отъ фабрики, въ которое онъ переселился послѣ исторіи съ городничимъ, садился за укромную обѣденную трапезу вмѣстѣ съ тестемъ своимъ Мемнономъ Ѳеоктистовичемъ Квинтиліановымъ. Багровый, расписанный кровяными струями, носъ, въ видѣ луковки, этого господина, свидѣтельствовалъ, что старый, выгнанный изъ службы подъячій, по неизмѣнной привычкѣ, сильно придерживался чарочки, на которую только для него не былъ скупъ хозяинъ. Голова его, гладкая какъ ладонь, тряслась. Оба принялись за оловянныя ложки, но, услыхавъ стукъ подъѣхавшаго къ воротамъ экипажа и звонъ колокольчика и глухарей, торопливо положили ложки на столъ. Елизаръ Самсоновичъ всталъ изъ-за стола и взглянулъ въ окно.

— Самсоша, Самсоша пріѣхалъ! — закричалъ онъ, увидавъ желтое, костлявое лицо, выглянувшее изъ экипажа.—Ѳекла, Ѳеклуша, отворяй ворота!—Повелѣвающій голосъ его, однакожъ, дрожалъ, живчикъ игралъ на лицѣ. Отворяя второпяхъ дверь въ сѣни, онъ сильно зашибъ себѣ руку объ гвоздь, которымъ прикрѣпленъ былъ пострадавшій отъ давняго употребленія замокъ, подулъ на нее съ проклятіями и въ сердцахъ неистово толкнулъ дверь ногой; выбѣжавъ на дворъ, принялся отпирать калитку, между тѣмъ, какъ Ѳекла отъ испуга неловко возилась съ засовомъ воротъ. За нимъ бѣжалъ и тесть. Оба приблизились къ варшавской бричкѣ, откуда пріѣзжій вытягивалъ длинныя, сухія какъ жерди, ноги. Дѣдушка захлопотался съ грязною подножкой, а папенька простиралъ дрожащія руки, чтобы помочь сыну вылѣзть изъ засады.

— Самсоша!..—сказалъ Елизаръ Самсоновичъ, хотѣлъ было еще что-то прибавить, но увидѣлъ во-очію свѣсившійся съ груди крестъ in folio, съ которымъ лично не былъ знакомъ, а только по письменному из-

вѣщенію, растерялся и не зналъ, какъ ужъ назвать своего кровнаго кавалера. То называлъ его: Самсонъ Елизарычъ, то любезнымъ другомъ, то Самсошей, одинъ разъ едва не назвалъ: ваше высокоблагородіе.

— Неприлично, батюшка, неприлично, дѣдинька, могутъ увидать прохожіе, — процѣдилъ сквозь зубы Самсонъ Елизаровичъ, оглядываясь по сторонамъ и, съ помощію соскочившаго съ козелъ ямщика и подоспѣвшей тутъ же Ѳеклушки, вылѣзъ изъ повозки, заваленной чемоданами, коробками и мѣшечками съ пробами разнаго хлѣба, потомъ подошелъ къ рукѣ отца, поцѣловалъ ее, подошелъ къ рукѣ дѣда и, несмотря на сопротивленіе, также прикоснулся къ ней устами.

Тончайшій Самсонъ Елизаровичъ зналъ, что этими знаками уваженія заслужитъ себѣ отъ того и другого достойную награду.

Дѣйствительно, прохожіе засматривались на эту умилительную, семейную сцену.

— Проѣзжая по живому мосту, — сказалъ Опенкинъ-сынъ размѣренно и важно, направляя размѣренныя стопы къ отвореннымъ воротамъ, — я увидѣлъ нагруженныя хлѣбомъ суда и послалъ своего солдата узнать, чьи они, съ чѣмъ и куда идутъ.

Въ это время явился солдатъ его, съ сумкою на груди и двумя пистолетами за поясомъ, и донесъ, запыхавшись, его высокоблагородію объ исполненіи даннаго ему приказанія. Служивый, обращаясь къ своему командиру, не пропускалъ вытягиваться до натуги и величать его: ваше высокоблагородіе.

— Скотина! — закричалъ на него командиръ, — ходилъ цѣлый часъ за тремя словами.

Шафранное лицо пріѣзжаго было озабочено, казалось, на немъ лежала судьба цѣлой области. Понурые, мутные глаза избѣгали чужихъ взглядовъ. Ему могло быть лѣтъ подъ сорокъ, а онъ казался уже старикомъ.

Отъ всей наружности его вѣяло какимъ-то тлѣніемъ. Только одинъ крестъ, на который упадали по временамъ солнечные лучи, смотрѣлъ на всѣхъ молодо, весело, какъ будто обрадовался, что здѣсь-то воздадутъ ему необыкновенный почетъ. На дворѣ запахъ падали сильно поразилъ обоняніе высокоблагороднаго чиновника, а лошадиный остовъ, подлѣ собачьей конуры, заставилъ его отвернуться въ сторону. Вошелъ Самсонъ Елизаровичъ въ комнату, гдѣ еще стоялъ столъ, накрытый дырявою, засаленною скатертью и помолился образамъ; за нимъ вскорѣ вошелъ и ямщикъ.

— Что ты ломишь сюда, невѣжа? можешь подождать въ передней, — закричалъ на него господинъ комиссіонеръ и, пошаривъ у себя въ жилетномъ карманѣ, выкинулъ ему пятакъ на водку. Ямщикъ поглядѣлъ съ пренебреженіемъ на монету, почесалъ въ головѣ и крякнулъ.

— Вы, кажется, готовились обѣдать,—промолвилъ Опенкинъ-сынъ, обратясь къ отцу,—я вамъ не помѣха и самъ присяду съ вами. Вашего мнѣ только чего-нибудь горяченькаго, а тамъ я буду угощать васъ своимъ.—Антонъ,—закричалъ онъ солдату,—принеси изъ брички съѣстное.

Сняли инвалидную скатерть, Ѳекла съ засученными рукавами замѣнила ее другою, камчатною, свѣжей бѣлизны, прибавила приборъ съ такою же салфеткой, массивною серебряною ложкой, шефильдскими ножомъ и вилкой, между тѣмъ какъ у двухъ остальныхъ приборовъ оставлены оловянныя ложки, ножи съ ручками, изъѣденными временемъ, и вилки съ недостаткомъ зубовъ, поставила на столъ оловянную миску со щами, на которыхъ, отъ избытка усердія кухарки къ важному посѣтителю, плавало еще не распустившееся сало. Служивый принесъ и поставилъ на столъ передъ своимъ повелителемъ серебрянный сто-

ловый приборъ и разной величины серебряные судки, все съ гербомъ Опенкина-сына. Осанистый дубъ на герольдическомъ щитѣ съ девизомъ: «*неколебимъ*» не ладилъ съ тощею фигурой новаго дворянина. Изъ судковъ заманчиво выглядывали сыры разнаго рода, заливная осетрина и дичь, фаршированныя оленьими языками колбасы. Пропустивъ съ трудомъ въ ротъ ложки двѣ домашней отравы, Самсонъ Елизаровичъ сталъ потчивать отца и дѣда своими деликатными яствами, самъ же скушалъ всего понемногу. Къ концу пиршества принесена бутылка шампанскаго. — Не купленное, и серебро не купленное,—замѣтилъ онъ для успокоенія родителя. — Выпьемъ за здоровье родныхъ и нашихъ благодѣтелей, — провозгласилъ онъ, налилъ своимъ застольникамъ по стакану и себѣ небольшой бокалъ. Выпили и чокнулись. Дѣдушкѣ налилъ онъ другой и третій стаканъ. Повеселѣлъ Квинтиліановъ, прибодрился и отецъ, никогда не пившій вина, но на этомъ разъ не смѣвшій отказаться отъ предложенія сына 7-го класса и кавалера. Встали изъ-за стола. Безъ всякаго ужь приказанія, солдатъ, знавшій обыденныя привычки своего командира, облачилъ его въ халатъ изъ великолѣпной восточной матеріи съ золотымъ поясомъ и кистями, обулъ его въ новоторжскіе сапоги, шитые золотомъ, и бросился въ переднюю, гдѣ топилась печь. Здѣсь храбрый воинъ, Сцевола «въ своемъ родѣ», досталъ изъ печи горящіе угольки и сталъ перекидывать ихъ съ ладони на ладонь. Самсонъ Елизаровичъ развалился на диванѣ, протянулъ свои длинныя, сухощавыя ноги, положилъ голову на сафьянную подушку, тутъ же принесенную и свистнулъ. Въ одинъ мигъ чубукъ съ богатымъ янтаремъ и трубкой, дымившейся слегка подъ угольком, очутилась въ его рукѣ. Спичекъ онъ не любилъ, говорилъ, что запахъ ихъ вреденъ для груди.

— Извините,—сказалъ онъ; но увидавъ, что отецъ и дѣдъ на цыпочкахъ ускользали изъ комнаты, остановилъ ихъ.—Я только минутъ пять покейфую, а послѣ займемся съ вами дѣломъ. Не люблю дорогое время тратить. День идетъ, никого не ждетъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ только на нѣсколько минутъ закрылъ глаза, пустилъ раза два, три дымокъ латакійскаго табаку, зѣвнулъ раза два; присутствующіе при этомъ кейфѣ успѣли только шопотомъ перекинуться другъ съ другомъ нѣсколькими словами, а уже пріѣзжій господинъ открылъ бесѣду о заподрядахъ. Солдатъ, стоявшій до сихъ поръ на вытяжкѣ у двери, по первому мановенію своего командира принявшій изъ владычныхъ рукъ трубку, отосланъ въ кухню. Разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Хилый Опенкинъ-сынъ, казалось, переродился, глаза его заблистали, голосъ поднялся на цѣлую звучную октаву. Онъ выказалъ, при этомъ случаѣ, глубокія познанія въ торговлѣ хлѣбомъ, изумившія его слушателей. Всѣ средства каждой пристани, каждаго богатаго торговаго дома или значительной экономіи въ южныхъ губерніяхъ, были имъ перебраны, какъ-будто клавиши подъ пальцами искуснаго музыканта. Тутъ онъ, между прочимъ, разсказалъ отцу, сколько отъ Патокина заготовлено хлѣба въ южныхъ портахъ для продажи иностранцамъ, сколько заподряжено въ Новороссійскомъ краѣ для перевозки въ эти же порты.

— Не удивляйтесь, батюшка,—сказалъ онъ,—что я такъ хорошо знаю ваши дѣла. У меня есть вездѣ лазутчики, даже у васъ. Какъ хотите, весь этотъ хлѣбъ я возьму для своей операціи, и вы должны отдать мнѣ его. Я поручился начальству, что онъ въ моихъ рукахъ. Не снимите съ меня головы.

Стали разбирать всѣ шансы выгодъ отъ казеннаго подряда, невыгоды продажи хлѣба иностранцамъ въ

такое время, когда готовилась война, и суда, которыя зафрахтуются для отправленія въ чужіе края, могутъ быть захвачены непріятелемъ. Прибѣгли къ счетнымъ косточкамъ, къ карандашу, къ перу, для родного раскрылись тайны конторскихъ книгъ. Казалось, сошлись полководцы на совѣтъ, какіе планы принять для будущей кампаніи. Стратегики по торговой части могли поспорить съ стратегиками по военному ремеслу. Рѣшено было въ этомъ совѣтѣ: Патокину взять одну важнѣйшую часть подряда на предлагаемую комиссіонеромъ операцію. Оставалось только испросить согласіе того, безъ чьего вѣдома постановлено это рѣшеніе, но отъ чьей воли зависѣло приложить къ нему свою руку, или объявить свое veto.

— Что онъ согласится, за это ручаюсь,—сказалъ Елизаръ Самсоновичъ, разгоряченный виномъ и присутствіемъ сына, важнаго чиновника и кавалера, показавшаго такія геніальныя способности въ торговыхъ дѣлахъ.

Откуда взялась у него необыкновенная отвага? Куда дѣвались его смиреніе, его осторожность?

Птица наклевала уже отверстіе въ яйцѣ и готова выскочить изъ своей скорлупы. Птица эта—ястребъ; дайте ей опериться и, посмотрите, какъ она смѣло пустится на добычу. Страданія, кровь жертвы — ей нипочемъ!

— У меня,—продолжалъ онъ, хлопнувъ рукой по карману,—сидитъ Сергѣй здѣсь, со всѣми его потрохами, и я его не выпущу, пока не согласится. Залоговъ у насъ достаточно наберется, дадутъ намъ еще добрые люди, возьмемъ за бокъ и Красное - сельцо. Хоть онъ имѣетъ только довѣренность на управленіе, а не на продажу и залогъ, но стоитъ только съѣздить въ Москву къ генералу Огрызкову. Правда, денегъ мало въ конторѣ, даны задатки въ Подольской губерніи въ

Малороссіи—надо будетъ двинуть хлѣбъ на волахъ...

— Намъ нуженъ хлѣбъ, а деньги будутъ,—возразилъ Опенкинъ-сынъ, — мы дадимъ задатки, подъ залоги...

— Даю своихъ пять тысячъ, — промолвилъ Квинтиліановъ, — и дарю ихъ моему внуку, Самсошѣ, за любовь и уваженіе ко мнѣ. Мнѣ ужь девятый десятокъ, а умру, такъ ты же мой наслѣдникъ. Цѣлую жизнь копилъ съ помощью твоего родителя. Все серіями, дружокъ!

Внукъ бросился крѣпко обнимать и цѣловать своего дѣда, несмотря, что колючки небритой съ недѣлю бороды сильно его язвили.

Елизаръ Самсоновичъ усмѣхнулся; своихъ денегъ онъ не предлагалъ.

— Кто-жь будетъ заправлять операціей? Самъ Патокинъ?—спросилъ сынъ.

— Сергѣй Семенычъ? Ему-ль разъѣзжать за нѣсколько сотъ верстъ, когда онъ и въ Луковкахъ былъ только два раза съ той поры, какъ живетъ въ своей резиденціи? И то облюбовалъ только свой садъ, поговорилъ съ садовникомъ Матвеемъ, побывалъ на могилахъ отца и матери, а объ дѣлѣ и рѣчи не было. Да онъ съ тоски пропадетъ въ разлукѣ съ Краснымъ-сельцомъ. Окисъ хуже старой бабы, которой лѣнь сойти съ теплой печки. Развѣ мнѣ?...

— Неловко, — замѣтилъ Самсонъ Елизаровичъ, — тогда придется Опенкину-сыну принимать хлѣбъ отъ Опенкина-отца.

— Да и законъ при случаѣ можетъ взыскать, пожалуй, попадешь подъ судъ, — присовокупилъ старый законникъ, испытавшій уже невзгоды уголовнаго суда.

— А вотъ что мы сдѣлаемъ, — сказалъ Опенкинъ-отецъ, немного подумавъ: — операціей буду я дѣйстви-

тельно заправлять, между тѣмъ останусь въ сторонѣ, довѣренность на нее дадимъ моему помощнику Пестрикову, второму послѣ меня приказчику по торговлѣ хлѣбомъ, благо онъ теперь въ Приморскѣ. Человѣкъ мнѣ преданный, пошелъ отъ меня въ люди. За то готовъ для меня въ огонь и въ воду; все равно, что я самъ. А я получу другую довѣренность дѣйствовать, какъ мнѣ разсудится, принимать отъ него деньги, дѣлать закупки и, въ случаѣ, смѣнить его...

— А фабрика на чьихъ рукахъ останется? Стоитъ хлѣбной торговли!—замѣтилъ Квинтиліановъ.

Елизаръ Самсоновичъ призадумался, лицо его стало подергивать, но, вдругъ щелкнувъ пальцами, онъ радостно воскликнулъ, какъ Архимедъ, нашедшій разрѣшеніе своей задачи:—Была не была! Благословясь, съ легкимъ парусомъ, Самсоша! Фабрика останется на рукахъ англичанина Джонса.

Лицо тестя вытянулось; онъ глядѣлъ зятю во всѣ глаза, казалось, старался вслушаться въ слова его, когда тотъ уже пересталъ говорить, какъ будто ихъ не разобралъ Квинтиліановъ зналъ, что Елизаръ Самсоновичъ и Джонсъ были враги непримиримые, одинъ—явно, другой—изподтишка.

— Смотрите, тятенька, не горячитесь. Ведите свои дѣла, какъ доселѣ вели.

— А что знаю, то знаю, и на чемъ я положилъ, такъ тому и быть. Елизаръ Опенкинъ, какъ себя помнитъ, не ошибался ни разу въ своихъ разсчетахъ. Надѣюсь, и сынъ по мнѣ пойдетъ.

Дѣйствительно, разсчеты Елизара Самсоновича были вѣрны. Хлѣбная операція, предлагаемая сыномъ, сулила большія выгоды; тутъ было можно и ему и дѣтищу нагрѣть руки. Оставляя фабрику въ управленіе Джонса, онъ показывалъ себя великодушнымъ и дружелюбнымъ къ нему; честность англичанина столько лѣтъ испытана,

въ русскомъ языкѣ онъ такъ наторѣлъ, что рабочіе его понимаютъ; для веденія фабричныхъ книгъ останется молодой конторщикъ, а, пожалуй, и самъ Джонсъ записывай въ нихъ, что нужно, на своемъ басурманскомъ нарѣчіи. Если понадобится, переведетъ и Сергѣй Семенычъ самъ, а коли лѣнь его возьметъ, такъ подкидышъ Дуня. Она не только слова, и взгляды англичанина понимаетъ. Такимъ образомъ, до пріѣзда главнаго приказчика, фабричныя дѣла ничего не потеряютъ.

Елизаръ Самсоновичъ, знавшій свои грѣхи, увѣренъ былъ въ душѣ своей, что, въ отсутствіе его, дѣла эти еще выиграютъ.

Положено было отцомъ и сыномъ, за окончательнымъ рѣшеніемъ заподряда, отправиться, какъ можно скорѣе, въ Красное-сельцо.

Между тѣмъ наступила ночь; дробный дождь стучалъ въ окна и клонилъ ко сну. У Квинтиліанова слипались ужь глаза; онъ просилъ позволенія идти на покой. Солдату велѣно постлать постель для своего командира тутъ же, въ столовой, на ветхомъ кожаномъ диванѣ, обсыпать его персидскимъ порошкомъ, идти спать и вмѣстѣ караулить въ бричкѣ добро его высокоблагородія. Остались на лицо отецъ и сынъ. Эти господа были еще полны энергіи, несмотря на старость одного и хилое здоровье другого. Обоимъ давалъ необычайную силу, какъ гальваническій токъ помертвѣлому существу, интересъ, этотъ великій двигателей смертныхъ. Одинъ желалъ открыть сыну секретныя дѣла, скрываемыя даже отъ Квинтиліанова, другой угадывалъ по глазамъ отца, что тотъ имѣетъ передать ему что-нибудь важное, чего не должны слушать чужія уши. Слышала ихъ тайную бесѣду одна темная, ненастная ночь.

— Хорошо, что ты пріѣхалъ, дружокъ,—говорилъ отецъ,—я самъ хотѣлъ вызвать тебя, крайне нужно. Мы всѣ подъ Богомъ ходимъ. Вотъ видишь, есть у

меня векселя отъ Сергѣя Семеныча на имя разныхъ купцовъ. Деньги были мои.

— Рискованное дѣло, могли бы пропасть. Вы, конечно, взяли какое ни есть обезпеченіе.

— Бралъ сохранныя росписки, платилъ по копѣйкѣ съ рубля — разумѣется, пока не сдѣлана была передаточная надпись на имя...

Елизаръ Самсоновичъ остановился и посмотрѣлъ сыну въ глаза, желая узнать, какое дѣйствіе произведетъ на него умолчаніе имени.

— На чье-жь?

— Ужь конечно, на твое, Самсонушка. Есть у меня наличныя, тѣ приберегаю на покупку фабрики. Будетъ на твой вѣкъ. Можешь купить тогда и Красное-сельцо на свое имя. Умру, такъ по-христіански, честно похоронешь меня, да не полѣнишься творить по мнѣ поминки.

Едва ли не первый разъ въ жизни выкатилась слеза изъ глазъ Елизара Самсоновича, какъ будто онъ оплакивалъ собственную свою кончину.

— Полноте, батюшка, говорить о смерти, дай Богъ вамъ порѣшить наше богатое дѣло, да многія лѣта пожить, быть милліонеромъ, имѣть такія же роскошныя палаты, какія у Патокина.

— Нѣтъ, дружокъ, эти палаты, эта роскошь губятъ и погубятъ Патокина. Не миновать ему своей судьбы; самъ вырылъ себѣ яму, не кто другой. Наживи я милліонъ, коли духъ искуситель... — Господи прости мои прегрѣшенія! — (тутъ возвелъ онъ очи къ небу и набожно перекрестился)—подвинетъ меня на такой соблазнъ, наживи я милліонъ, все-таки буду жить также скромно, какъ жилъ доселѣ. Но слово не о милліонѣ. Одно, чего желаю, такъ... свою, собственную фабрику...

— Все въ волѣ Божіей, — произнесъ со вздохомъ

сынъ, приноравливаясь къ духовному настроенію отца,— Онъ отнимаетъ, онъ и даетъ.

— А что припасено, дружокъ, то надо закрѣпить. Подожди меня маленько, — прибавилъ отецъ, взялъ со стола свѣчу и побрелъ въ сосѣднюю комнату, которая была и конторой и спальней его.

Самсонъ Елизаровичъ остался одинъ. Сердце его сильно стучало, разныя предположенія бродили въ головѣ. Сколько могъ нажить отецъ? Сколько переведено на его имя? Онъ зналъ, что тятенька незастѣнчиво щечился на счетъ своего довѣрителя, зналъ, что отдаетъ въ ростъ подъ ручные залоги, деретъ ужасные проценты, во всемъ себѣ отказываетъ. Можетъ быть, нажилъ десятокъ другой тысячъ? Но дѣдъ, и тотъ изъ украденныхъ на службѣ денегъ подарилъ ему пять тысячъ... Должно быть болѣе... Прошло полчаса, отецъ не возвращался. Утѣшительныя мысли замѣнились страшными. Онъ слышалъ какой-то стукъ; будто упало что-то на полъ. Ужь не упалъ-ли отецъ? Не сдѣлался-ли съ нимъ ударъ? Зловѣщій живчикъ на щекѣ не предвѣщалъ-ли паралича?... Обыскать мертваго? Схватить ключи? Кто его знаетъ, можетъ быть, замки съ секретомъ! Не ломать же ящики! нагрянетъ полиція, всѣхъ обыщетъ, все опечатаетъ. Расплачивайся! Пожалуй, еще украдутъ половину! Видалъ я эти виды!

Онъ вскочилъ съ постели, подкрался къ двери, въ которую вошелъ отецъ, прислушался... тихо!... Сердце замерло. Едва переводя духъ осмѣлился онъ заглянуть сквозь щель худо притворенной двери... Слава Богу, отецъ живъ, движется; то вынетъ изъ ящика пачку бумагъ, то опять положитъ ее назадъ; еще разъ вынулъ... призадумался... Опенкинъ-сынъ зналъ, что порывы щедрости, любви къ ближнему, вспыхивающіе иногда у скупцовъ, тотчасъ погасаютъ, распадаются въ прахъ

при видѣ завѣтной шкатулки, откуда нужно вынуть деньги, или акты, ахъ замѣняющіе. Не отдумалъ бы?... Нѣтъ, старикъ сдѣлалъ рѣшительный знакъ рукой... взялъ пачку, положилъ въ боковой карманъ сюртука и направился къ двери... Сынъ отскочилъ отъ нея и въ одно мгновеніе былъ ужь на своей постели.

Елизаръ Самсоновичъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, вошелъ въ опочивальню сына, задернулъ гардины у оконъ и присѣлъ къ столу, у дивана, гдѣ возлежалъ еще не оправившійся отъ смущенія Самсонъ Елизаровичъ.

— Чай, заждался меня, — сказалъ отецъ,—извини, Самсоша; когда я хожу въ свою конторку, то имѣю обычай все пересмотрѣть и пересчитать документы и деньги... Неравно воръ... тогда можно по горячимъ слѣдамъ... во-время... Совѣтую и тебѣ то-же дѣлать.

Тутъ онъ вынулъ пачку изъ кармана сюртука.

— Вотъ это все заемные акты,—продолжалъ онъ,— и сталъ вынимать ихъ изъ пачки, бережно развертывая и показывая одинъ за другимъ сыну для прочтенія. Этотъ въ 10 тысячъ, писанъ такого-то года, такого мѣсяца и числа, отъ коммерціи совѣтника, именитаго гражданина, купца 1-й гильдіи и кавалера Сергѣя Семенова сына Патокина на имя купца 2-й гильдіи Перекусихина; протестъ и передача черезъ годъ на имя титулярнаго совѣтника Самсона Елизарова сына Опенкина; этотъ отъ того-жь лица на такую же сумму на имя такого-то купца, протестъ и передача черезъ годъ на имя коллежскаго ассессора Опенкина.

Такъ перебрали они всѣ векселя.

— Всѣхъ векселей, какъ видишь, отъ лица Патокина на твое имя до восьмидесяти тысячъ, а съ просроченными процентами наберется до ста. Вотъ какой ты богачъ! Что? не ждалъ такой благодати? Будто манна упала на тебя съ неба.

Сынъ разсыпался въ благодарностяхъ; онъ готовъ былъ стать на колѣни передъ геніемъ отца своего.

— А знаетъ-ли Патокинъ объ этихъ передачахъ?— спросилъ нечаянный богачъ, когда пришелъ въ себя отъ восторга, напустившаго на него туманъ.

— До сихъ поръ нѣтъ, все временилъ до удобнаго случая. Видишь, много денегъ, да и много трудился я изъ-за нихъ, много претерпѣлъ. Потомъ, нуждами, безсонницей, голодомъ пріобрѣталъ. Все для тебя Самсоша! Какъ служилъ еще у старика Патокина—держали меня въ черномъ тѣлѣ. Сколько потаскушекъ и побоевъ получилъ изъ хозяйскихъ рукъ. Щедръ былъ покойникъ на нихъ, да за то, дай Богъ ему царство небесное, умѣлъ и награждать за усердную службу. Умеръ онъ...

Сынъ перекрестился и возвелъ очи къ небу.

Голосъ Елизара Самсоновича будто оборвался, лицо его задергало, но онъ скоро оправился и продолжалъ. — Съ того времени начались на меня гоненія. Случился пожаръ въ домѣ, малый Алешка,—помнишь, игрывалъ съ тобою въ бабки,—укралъ изъ-подъ подушки больного, умирающаго короля 25 тысячъ, бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Марѳа Посадница,—чтобъ ей лихо было, какъ мнѣ тогда,—по подозрѣнію, будто я сообща съ нимъ кралъ, засадила меня въ тюрьму. Съ колодниками содержался, на нарахъ лежалъ. Выпустили меня. Сколько затѣмъ выстрадалъ! Гордая барыня у притолки держала; что ни слово, то брань или насмѣшка. Хуже, чѣмъ съ крѣпостнымъ обращалась. За хозяйкой—слуги, и тѣ надо мною издѣвались. Да, выдержалъ я черный искусъ. Въ душѣ моей сочтены всѣ обиды, всѣ, до одной, отмѣчены глубокой мѣткой; сотрутся развѣ на моемъ грѣшномъ тѣлѣ въ могилѣ. Велико было мое долготерпѣніе, истинно христіанское. Но, — прибавилъ Елизаръ Самсоновичъ, поднявъ го-

лову, — придетъ и моя пора! Можетъ быть, и мнѣ Марѳа Посадница поклонится и я посмѣюсь надъ нею.

— Батюшка, надо забывать обиды; Сергѣй Семенычъ добрый человѣкъ.

— И овца, когда ведутъ ее на закланіе, лижетъ руку человѣка, который собирается ее зарѣзать. Мнѣ Богъ не далъ такого великаго смиренія. Развѣ и отъ него не было мнѣ униженія и обиды? Мастеровому, иностранцу, почетъ, а своему, русскому, главному приказчику—другой. Джонсу жмутъ руку, хозяинъ и хозяйка сажаютъ его рядомъ, а меня, коли посадятъ съ собой, такъ за великую милость считаютъ. Нѣтъ, Самсоша, накипѣло въ душѣ десятки лѣтъ, черною смолой, сѣрой горючей, надо же когда-нибудь и вспыхнуть. Будь на его мѣстѣ дѣльный, заботливый человѣкъ, я повелъ бы иначе. На первыхъ же порахъ угадалъ, что изъ него будетъ. Насмотрѣлся у стародубовскихъ прощалыгъ, какъ раззоряются на пустяки, и пошелъ жечь деньги. Вздумалъ въ Луковкахъ великолѣпныя палаты построить и убрать—мало, въ Москвѣ такія же завелъ. Мало, деревню на чужое имя купилъ, да убилъ въ нее близъ милліона на прежнія деньги. Все на бесѣдки, на мостики, на цвѣточки... Воду пустилъ не туда, куда Господь указалъ ей идти, а куда лукавый взманилъ; дескать, Богъ не хорошо повелъ, дай противъ него сдѣлаемъ лучше. Все искушенія бѣсовскія! (Старикъ плюнулъ). Не такъ дѣла ведутъ степенные купцы, подумалъ я; не нынѣ, такъ завтра раззорится. Сама себя раба бьетъ. Не я, такъ другой подберетъ денежки, что раскидываетъ по дорогѣ, не тотъ, такъ другой, подумалъ я, и повелъ дѣла уже по своему. Видѣлъ, сколько тысячъ тебѣ долженъ; хлопка забрана въ Англіи на важную сумму... благо еще вѣрятъ въ кредитъ Патокина-короля. Десятки ты-

сячъ долженъ въ Подольской и малороссійскихъ губерніяхъ за хлѣбъ... того и гляди банкрутъ! Часомъ ранѣе, часомъ позже, не все ли равно! Яма подъ ногами его, а онъ застилаетъ ее своими красносельскими цвѣточками, да нѣжится на нихъ. Кабы я не такъ ловко велъ дѣла его, не закрывалъ яму отъ стороннихъ, такъ онъ давно бы потерялъ кредитъ.

— Вы пугаете меня, батюшка, пожалуй операція наша...

— О! съ этою мы еще справимся. Помни, ты имѣешь дѣло со мною, а не съ Патокинымъ. Покуда продержится, я такъ поведу дѣло. Завтра ты предъявишь ему свои векселя, предложишь выгодный подрядъ; возьмемъ его, дадимъ ему передышать; выгоды, которыя получатся отъ подряда, пойдутъ на уплату твоихъ векселей, а тамъ...

Опенкинъ-отецъ махнулъ рукой.

— А тамъ, видно, затянемъ петлю на глухо,—подумалъ сынъ.

— Я хотѣлъ еще переговорить съ вами объ одномъ... Вы богаты, будете еще болѣе богаты,—сами сказали,—а остаетесь до сихъ поръ мѣщаниномъ. Ужь это по доброй волѣ униженіе! Зачѣмъ унижать и сына, чиновника, кавалера, который со временемъ.,. (здѣсь Опенкинъ-сынъ сдѣлалъ движеніе рукой, проведя ее отъ плеча къ бедру) неловко будетъ вамъ и въ приморскихъ городахъ.

— Что сказали бы обо мнѣ, когда бъ я выказалъ капиталъ свой? Пошли бы подозрѣнія, придирки, а тутъ мѣщанинъ — голякъ... Да сколько бы истратилъ на гильдейскія, еслибъ давно записался въ купцы? Тысячи. Имъ лучше лежать въ моей конторкѣ. Но для тебя... я и такъ собирался... пожалуй, завтра жь запишусь въ купцы...

— Хоть второй гильдіи

— Потѣшу тебя, второй. Пора сбросить съ себя черную кожуху.

Сынъ обнялъ и горячо поцѣловалъ своего родителя.

Такъ бесѣдовали отецъ и сынъ до полуночи, и разстались — одинъ пошелъ спать съ надеждой на покупку съ аукціона фабрики для себя и Краснаго сельца для сына. Остался другой на своей постели, но не могъ сомкнуть глазъ отъ тяжести богатства, свалившагося на него съ неба, и того, которое еще ожидало его впереди.

Кукушка на часахъ прокуковала одинъ разъ. Дождь лилъ ливмя и хлесталъ въ окна цѣлыми потоками, рамы стучали, вѣтеръ завывалъ въ одинъ униссонъ съ цѣпною собакой.

Не спалъ Опенкинъ-сынъ.

Кто-то робко постучалъ въ калитку. Собака сильно залаяла. Стукъ замолкъ. Немного погодя постучали въ окно. Накинувъ халатъ, Самсонъ Елизаровичъ подошелъ къ окну.

— Кого тебѣ надо? — спросилъ онъ сквозь стекло.

— Хозяина, Елизара Самсоныча.

— Спитъ.

— Вызови: *горитъ!*

Опенкинъ-сынъ подумалъ, не фабрика ли горитъ, подошелъ къ комнатѣ отца и закричалъ ему сквозь дверь: «батюшка, вставайте скорѣй, какой-то человѣкъ пришелъ, зоветъ васъ, — говоритъ: горитъ!» Потомъ онъ подошелъ къ окну въ своей спальнѣ, поднялъ немного гардину и, сдѣлавъ рукою щитъ отъ свѣта горѣвшей на столѣ свѣчи, отражавшагося въ стеклѣ, посмотрѣлъ, въ какой сторонѣ могъ быть пожаръ.

Никакого зарева не видать было; темная ночь, казалось, покрывала весь городъ чернымъ сукномъ.

При словѣ: *горитъ*, Опенкинъ-отецъ вскочилъ съ постели и разбудилъ Квинтиліанова. Кухарку онъ не

звалъ. Они поняли это слово, но хотѣли еще сомнѣваться.

Накинувъ на себя тулупчики, тесть и зять, не смотря на дождь, поспѣшили къ калиткѣ. Между тѣмъ ночной посѣтитель стучалъ все сильнѣе и сильнѣе, такъ что стекла въ домѣ дребезжали. Собака осипла отъ лая.

— Кто тамъ? — спросилъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Отвори, узнаешь.

— Голосъ! — сказалъ Опенкинъ своему товарищу.

— Его,—отвѣчалъ Квинтиліановъ.—Онъ...

— Онъ.

Чей голосъ, кто онъ, не было сказано, но товарищи поняли другъ друга.

— Да, онъ, Алеха, пришелъ за разсчетомъ — отозвался ночной посѣтитель.

Отворилась калитка, покорная этому имени. Пошли переговоры. Ихъ не слыхать было Опенкину-сыну, хотя онъ приложилъ ухо къ окну, но слышалъ какъ заскрипѣла наружная дверь въ сѣни, какъ зашлепали по сѣнямъ грязные сапоги, какъ эти сапоги направились въ комнату Квинтиліанова. По временамъ прорывались умоляющія слова: «ради Бога, тише, сынъ пріѣхалъ, дай ему заснуть».

И затѣмъ все замолкло.

Немного погодя вошелъ Елизаръ Самсоновичъ къ сыну; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, лицо его сильно подергивало.

— Дуракъ, караульщикъ, — сказалъ онъ, — прибѣжалъ съ крупчатки нашей, что подъ городомъ, напугалъ тебя и меня. Горитъ амбарчикъ на мельницѣ; зальетъ дождикъ, а если и сгоритъ, такъ бѣда не велика, рублей на сотню убытку.

— Вамъ бы послать кого туда.

— И такъ пошлю Ѳеклу на фабрику, чтобы ѣхали съ пожарной трубой. Спи себѣ, мой другъ, спокойно.

И побрелъ Опенкинъ-отецъ въ кухню и закричалъ такъ, что сынъ могъ слышать: «сбѣгай на фабрику, скажи, чтобы ѣхали сейчасъ съ трубой пожарной на крупчатку—горитъ амбаръ; да оставайся тамъ до утра; гдѣ тебѣ шлепать по грязи въ такую темь!»

Заскрипѣла дверь изъ сѣней, застучала и калитка, пущенная по волѣ вѣтра разсерженной Ѳеклой, которой сладкій сонъ такъ немилосердно нарушили.

Потревожился было и солдатъ и выбрался изъ брички, но ему сказали, чтобъ онъ не безпокоился и легъ спать

Опенкинъ-сынъ смекнулъ, однакожъ, что въ домѣ происходитъ что-нибудь необыкновенное. Таинственные проводы ночного посѣтителя въ комнату Квинтиліанова вмѣсто кухни, умоляющій голосъ, какимъ не могъ говорить главный приказчикъ караульному съ мельницы, смущеніе, испуганное лицо отца,—все это сильно тревожило Самсона Елизаровича. Какія-то ужасныя мысли пали на умъ его. Онъ осторожно отворилъ дверь въ переднюю, другую въ сѣни; чуланъ въ нихъ былъ раскрытъ. Онъ вошелъ въ него. Тутъ, за стѣной, слышно было, что говорили въ комнатѣ дѣда.

Шелъ какой-то торгъ. Незнакомецъ требовалъ, Елизаръ Самсоновичъ и Квинтиліановъ просили уступки.

— Дайте мнѣ остальную тысячу, не то завтра жь объявлю, какъ ты меня подговорилъ и научилъ, какъ мы съ тобой украли деньги, какъ ты накинулъ подушку на лицо безумной; чуть не задушилъ ее. Ты выдалъ мнѣ тогда паспортъ—писалъ твой же тесть. Пропадай моя голова, пропадетъ и ваша!

— Алексѣй, Алеша, куда тебѣ такъ много денегъ? Вѣдь ты живешь у богатаго барина; какъ бишь его прозваніе?

— Пожалуй, скажу, не пойдете же въ слово и дѣло на свою шею — Можайскій! То-то и бѣда, что онъ померъ. Отдалъ было ему послѣднюю свою тысячу взаймы — картежникъ былъ, проигралъ. И росписка его руки есть и барыня вдова признала руку, обѣщала отдать, да на обѣщаніи и осталась. Живу у ней Христа-ради на мѣсячинѣ.

— А прежнія куда дѣвалъ?

— Говорилъ вамъ: на братью въ скиту, на утоленіе властей, вѣдь насъ бѣглыхъ десятками тамъ укрываются, потомъ на приписку въ херсонскіе мѣщане, мало ли еще на что! Вамъ какое дѣло, куда дѣвалъ?

— Живешь у барыни Христа-ради, а какъ появятся у тебя деньги, такъ, пожалуй, и пытать будутъ, откуда взялъ, не укралъ ли. Опасно.

— Опять не ваша бѣда. Слышите, деньги—тысячу, или завтра я потащу васъ въ полицію. Сказалъ: «сгину, сгинете и вы».

— Алеша, ради Бога, тише, услышитъ сынъ.

— Пускай услышитъ, не такъ еще закричу. Вѣдь двадцать пять тысячъ украдено. Обѣщали мнѣ пять, дали въ пять разъ три. Помните, двадцать слишкомъ лѣтъ прошло. Я былъ тогда молодъ, кровь съ молокомъ, а теперь сухарь сухаремъ. За одной тысячью не гонюсь, отдайте мнѣ, говорю вамъ, послѣднюю тысячу. Прошу по уговору своего, законнаго.

Опенкинъ-отецъ и Квинтиліановъ все торговались.

Самсонъ Елизаровичъ слыхалъ о пожарѣ въ домѣ Патокиныхъ, о похищеніи денегъ, слыхалъ и о томъ, что укралъ ихъ *малый* Алексѣй. Еще нынѣ упоминалъ это имя отецъ, когда говорилъ, что за него напрасно

сидѣлъ съ колодниками. Нельзя сомнѣваться, сообщникъ отца и дѣда, Алексѣй, тутъ, за стѣной. Жутко ему стало. Это дѣло вело къ каторгѣ. Онъ рѣшился разомъ покончить торгъ.

— Отдайте ему остальную тысячу, разсчитайтесь,—закричалъ онъ какимъ-то гробовымъ голосомъ изъ своей засады, выскользнулъ въ переднюю, добрелъ къ себѣ, дрожа и задыхаясь, и упалъ на диванъ.

Въ этомъ голосѣ вылилъ онъ весь свой страхъ, всю свою душу, всю грозную будущность, ожидавшую преступнаго отца. Отъ этого голоса вздрогнули отецъ и дѣдъ и самъ Алексѣй. Послышались тихіе шаги въ сосѣдней комнатѣ, далѣе щелкнулъ ключъ въ конторкѣ, немного погодя зашлепали въ сѣняхъ грязные сапоги, заскрипѣла дверь въ сѣняхъ, застучала калитка, затѣмъ все замолкло.

Только повременамъ отдавались напряженному слуху Опенкина-сына изъ комнаты отца тяжелыя воздыханія.

Утромъ слѣдующаго дня кипѣлъ серебряный самоварчикъ на столѣ у комиссіонера. Онъ отворилъ осторожно дверь въ спальню къ отцу и особенно ласковымъ голосомъ пригласилъ его на чаепитіе.

Вошелъ старикъ Опенкинъ; онъ старался скрыть свое смущеніе, но несмотря на привычку лицемѣрить, казался озабоченнымъ и грустнымъ. Сынъ, такъ же, какъ и вчера, почтительно подошелъ къ его рукѣ и еще съ большею нѣжностью поцѣловалъ ее. Солдату велѣно было позвать дѣда. Съ нимъ также почтительно обращался внукъ. Самсонъ Елизаровичъ былъ особенно веселъ, шутилъ, подливалъ Квинтиліанову рому въ чай, отчего улеглись въ душѣ стараго грѣховодника послѣдствія ночной тревоги. Дѣдъ, подгулявъ, запѣлъ было дрожащимъ голосомъ:

«Сѣлъ онъ въ салазки,
Гора высока».

Но Опенкинъ-отецъ покачалъ головой и замѣтилъ ему, что неприлично и грѣшно смѣяться надъ чужими невзгодами, особенно его благодѣтелей.

Передъ поѣздкой въ Красное-сельцо сговорились идти сначала въ думу, а потомъ въ *ряды*, въ которыхъ кавалеръ хотѣлъ показаться съ своимъ орденомъ.—Пускай знаютъ,—говорилъ онъ отцу,—каковъ-де у васъ сынъ. О ночномъ посѣтителѣ ни съ той, ни съ другой стороны не было даже намека.

— Не отложить-ли намъ записку въ купцы?—говорилъ Елизаръ Самсоновичъ; но сынъ настоялъ на своемъ, объявивъ, что онъ платитъ гильдейскія повинности изъ своей казны.

— Я и крестъ свой сниму,—присовокупилъ онъ,—если вы этого не сдѣлаете сейчасъ.

Вошелъ Джонсъ, угрюмый, озлобленный. Взглянувъ на него, Опенкинъ-отецъ угадалъ, что туча эта несетъ грозу, привсталъ со стула, умильно взглянулъ на англичанина и, показавъ рукою на сына, сказалъ:

— Рекомендую, мой сынъ чиновникъ 7-го класса; прошу присѣсть и откушать съ нами чаю.

Ни провозглашенный классъ, ни вѣжливое приглашеніе, ни крестъ, кокетливо игравшій на груди своею эмалью и золотомъ, не сдѣлали никакого впечатлѣнія на Джонса; онъ едва кивнулъ кавалеру.

— Мой, — сердито сказалъ онъ, — не принимай хлопка, что привезъ изъ Москва. Тутъ плутня былъ.

— Ваши же англичане прислали, не я принималъ, — отвѣчалъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Англичанъ прислалъ карошъ, въ Москва взялъ другой, некарошъ.

— Не можетъ быть, откуда-жь вы это узнали?

— Къ мой писать изъ Москва товарищъ моя. Вашъ приказчикъ продалъ карошъ, а взялъ бракъ, портился. Кто позволь ему это сдѣлать, такой же...

— Кто-жь могъ ему приказать, господинъ Джонсъ?— продолжалъ смиренно Опенкинъ-отецъ.

— Вашъ, господинъ Опенкинъ.

Дрожа отъ гнѣва, всталъ Опенкинъ-сынъ и, грозя пальцемъ на Джонса, закричалъ:

— Какъ смѣешь ты, дрянной мастеровой, кричать на моей квартирѣ? Обижать отца моего? Знаешь ли, я велю вытолкать тебя въ шею (онъ указалъ ему на свою шею). Понимай твой?

— Мой?...

И выпрямился Джонсъ во всю атлетическую высоту свою, взглянулъ гордо на комиссіонера и повторилъ только:—мой?...

— Солдатъ! — крикнулъ Самсонъ Елизаровичъ, — вытолкай этого невѣжу вонъ.

Служивый смекнулъ тотчасъ, что съ англичаниномъ неловко дѣйствовать силой. Дотронувшись слегка до рукава его и склонивъ голову, онъ ласковымъ голосомъ произнесъ:—Просимъ, мусье, не угодно ли марширъ.

Солдатъ былъ небольшаго роста. Джонсъ схватилъ его мощными руками за плечи, повернулъ его, какъ мальчика, и вывелъ за дверь. Всѣ эти эволюціи онъ сопровождалъ словами:

— Марширъ не мой, а твой.

Потомъ, обратясь къ Опенкину-сыну, прибавилъ:

— Мой обижать, мой вытолкать въ шей? Посмѣй кто! Понимай твой, за меня вступиться моя королева Викторія, за меня встать весь англійскій народъ. Понимай твой?

Опенкинъ-сынъ понималъ это очень хорошо и замолчалъ.

И сталъ Джонсъ на своемъ мѣстѣ, какъ боецъ, ожидающій охотниковъ съ нимъ помѣриться, осмотрѣлъ презрительно Опенкина-сына съ головы до ногъ, подождалъ немного и, обратясь къ отцу, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Дѣлай твой, что хочетъ, а хлопка мой не принимать—и вышелъ спокойно изъ комнаты.

— Вотъ этакъ всегда, — проговорилъ, вздыхая, Елизаръ Самсоновичъ, когда Джонсъ удалился,—отъ всякаго мастерового обида. Иностранецъ, такъ ему почетъ и поблажка.

— Пора, согласенъ съ вами, батюшка,—порѣшить эту неурядицу. Удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ терпѣли этого грубіяна. Все-таки вамъ подчиненный. По нашему шпицрутеномъ бы его! шпицрутеномъ!

И Самсонъ Елизаровичъ перевелъ это слово краснорѣчивой мимикой.

— Охъ, охъ! воля не моя, Самсоша. Хозяинъ и его Марѳа Посадница и питомка ихъ, всѣ за него. Терпишь, пока есть мочь.

— Есть мѣра и долготерпѣнію, и вы сами сказали.

— Еще немного потяну лямку, дружокъ, немного. Покончимъ подрядъ, а тамъ наверстаемъ свое, покажемъ и свою удаль.

— Какъ же вы оставляете его вмѣсто себя управлять фабрикой? Онъ у васъ, Богъ знаетъ что, напроказничаетъ.

— Не посмѣетъ.

— А хлопокъ?

— Велитъ хозяинъ принять, такъ приметъ, не слѣдствіе же производить. Развѣ впервой!

— Пожалуй откажется отъ мѣста; фабрика станетъ; видите, какой ретивый!

— Тѣмъ лучше. Тогда у насъ останется его подмастерье, русскій мужичекъ; обучалъ онъ же усер-

дно своему мастерству. Малый дѣльный, доточный, свои машины придумываетъ, и англичанина за поясъ заткнетъ.

— Однакожъ, пора намъ въ думу.

— Въ думу?... да... не отложить-ли намъ, Самсоша?

Самсонъ Елизаровичъ вынулъ изъ кармана бумажникъ.

— Сколько надо внести за вторую гильдію?

Отецъ назвалъ сумму.

Сынъ отсчиталъ деньги и вручилъ отцу; онъ не отказался принять.

— Не тронусь съ мѣста, пока вы не запишетесь въ купцы. Идемте, батюшка. Надо кончить прежде всего это дѣло. Всему развязка. Помните, окажутся у меня на службѣ деньги, отъ отца-купца могу получить, а на мѣщанина не покажешь.

Старику жаль было денегъ, хотя они были не его, но все-таки кровныя. Противиться, однакожъ, онъ долѣе не могъ; оставалось покорится разчетливому желанію сына.

Они отправились въ думу. Дорогой Опенкинъ-отецъ все считалъ что-то сквозь зубы, и часто складывалъ и разгибалъ пальцы передъ собою.

Въ передней думы, какой-то сторожъ съ бородой скинулъ съ нихъ пальто и галоши.

— Видно, здѣсь сторожа изъ мужиковъ,—замѣтилъ сынъ.

— Это нашъ гласный отъ мѣщанскаго сословія.

— Такъ-же, какъ и засѣдатели отъ крестьянъ въ судахъ. И тамъ они засѣдаютъ въ переднихъ, скидаютъ галоши, шинели и шубы съ чиновниковъ,—насмѣшливо замѣтилъ Самсонъ Елизаровичъ.

Въ камерѣ засѣдали голова и нѣсколько членовъ думы. Секретарь обходилъ кругомъ стола съ журна-

лами и подавалъ ихъ для подписи, тыча пальцемъ въ то мѣсто, гдѣ кому подписаться, или приложить вмѣсто подписи свою именную печать.

Въ магистратѣ еще горшая доля падаетъ на членовъ; тамъ приходится полуграмотнымъ списывать цѣлыя страницы резолюцій, написанныхъ заранѣе секретаремъ или столоначальникомъ, мучиться и потѣть, чертя каракульки, которыхъ не разберешь и въ сутки.

Елизаръ Самсоновичъ низко поклонился присутствующимъ, подвелъ сына къ головѣ и рекомендовалъ его, какъ чиновника 7-го класса по провіантской части.

— Очень радъ имѣть честь познакомиться, просимъ садиться, ваше высокоблагородіе, — произнесъ голова, указывая Опенкину-сыну почетный стулъ возлѣ себя, потомъ, взглянувъ на крестъ, прибавилъ:—вотъ какъ, сынокъ Елизара Самсоныча?... Тэкъ-съ, тэкъ-съ! Кого Господь посѣтитъ своею милостью, на кого и гнѣвъ свой явитъ. Вотъ и чиновникъ... какъ бишь?

— Седьмого класса, — поправилъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Тэкъ-съ. А вотъ сынокъ нашего почтеннаго коммерціи совѣтника, именитаго гражданина, хозяина вашего батюшки, въ солдаты пошелъ. Чтожь, по какія нуждицы къ намъ пожаловали, ваше высокоблагородіе? Хлѣбецъ закупить, что-ли? У насъ есть запасецъ малаго толико.

— Болѣе съ родителемъ повидаться, а если и хлѣбецъ сподрученъ будетъ, такъ купимъ и его. Теперь покуда просимъ удовлетворить нашу общую просьбу.

— Со всякимъ нашимъ удовольствіемъ, почтеннѣйшій.

Елизаръ Самсоновичъ поклонился и объявилъ, что онъ желаетъ приписаться въ купцы.

— Текъ-съ!—сказалъ голова, поднявъ руку въ знакъ удивленія. — Пора, давно пора. Скупенекъ почтенный вашъ родитель, а копни въ собственной его конторкѣ, такъ побольше нашего окажется. Въ какую-жь гильдію изволишь приписаться?

Опенкинъ-отецъ хотѣлъ сказать: въ третью, но сынъ предупредилъ его:

— Во вторую.

Голова и члены значительно переглянулись.

— Господинъ секретарь, — произнесъ важно голова,—изволь заняться эвтимъ дѣломъ теперь же.

Секретарь не тронулся со стула, на которомъ ужь сидѣлъ у своего стола, и не сказалъ ни слова, какъ будто и въ грошъ не ставилъ приказаній своего начальника. Тогда Самсонъ Елизаровичъ подошелъ къ нему съ заискивающей миной и поклономъ, пошептался съ нимъ, подошелъ къ писцу, на котораго тутъ указалъ, и также съ нимъ пошептался. Дѣло закипѣло. Между тѣмъ Елизаръ Самсоновичъ дрожащими руками отсчитывалъ кассиру деньги. Подписали прошеніе, исполнили прочія формальности; отецъ и сынъ раскланялись съ присутствующими, послѣдній приложился еще къ секретарю и писцу, сунувъ имъ что-то въ руку.

Долго еще послѣ нихъ шла рѣчь, какъ дивны дѣла Господни и какое счастіе посѣтило Елизара Самсоныча въ его сынѣ.

Прошлись Опенкины по торговымъ *рядамъ*, заглянули въ мучныя лавки, побывали и на пристани. Вездѣ кавалерія производила свой эффектъ, передъ ней снимались шапки и спускались до земли, ее провожалъ говоръ уваженія и удивленія. Возвратившись домой, посовѣтовались, какъ лучше дѣйствовать на Патокина по дѣлу подряда, какъ искуснѣе предъявить ему векселя, и покатили въ Красное-сельцо. Передъ отъѣз-

домъ добро комиссіонера перенесено въ комнату; солдатъ остался караулить его.

Старикъ нерѣдко дорогой перебиралъ что-то по пальцамъ, держа ихъ передъ собою.

— Смотрите, батюшка, не помѣшайтесь на этихъ пальцахъ, какъ старушка Патокина на старичкѣ со звѣздою, — замѣтилъ сынъ. Отецъ перекрестился, глубоко вздохнулъ и сунулъ руки въ карманы пальто, гдѣ ужь могъ свободно предаваться своимъ счетамъ.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Краснаго-сельца открылась передъ нашими путниками панорама его во всей красѣ своей.

— Настоящій городокъ,—сказалъ Опенкинъ-сынъ.

— Яма, въ которую положилъ безумецъ половину богатства, накопленнаго трудами дѣда и отца, а другую растратилъ на обѣды и пиры. Изъ нея выйдетъ развѣ, чтобы попасть въ другую яму. Слишкомъ двѣсти тысячъ серебромъ убито на эту игрушку, А что доходу съ нея? спросишь ты. Какихъ-нибудь тысячъ пять. Съ деньгами получилъ бы двадцать, если и по десяти процентовъ отдавать. Нынѣ съ радостью подъ залогъ двѣнадцать дадутъ. Нѣжится съ своею принцессою, словно въ раю магометовомъ, а проснется, будутъ стенанія и великій скрежетъ зубовъ. Пожалуй, можно бы и тебѣ такой городокъ, да всѣ бездоходныя затѣи изъ него вонъ; всѣ эти богатыя оранжереи, бесѣдки и финтифлюшки долой, да умкомъ зажить, приняться за пашеньку. Крестьяне избалованы, первые лѣнтяи въ уѣздѣ, въ синихъ кафтанахъ ходятъ, въ сапогахъ. Пріѣдешь, ни одинъ шапки не ломаетъ. Я бы ихъ тогда въ бараній рогъ согнулъ. Еще грамотѣ съ своей питомкой учатъ на свою бѣду! Ужь о волѣ толковать стали. Я далъ бы имъ волю!... Самъ бы на первыхъ порахъ жилъ въ полѣ, въ молотильномъ сараѣ. Цѣлы-ли у тебя акты, дружокъ?

Опенкинъ-сынъ ощупалъ свой боковой карманъ въ форменномъ сюртукѣ.

— Здѣсь, батюшка, будте покойны.

— Да нѣтъ-ли у тебя прорѣхи въ карманѣ?— спросилъ отецъ, и руками своими удостовѣрился, что бумажникъ, надувшійся актами, обрѣтается на лицо и въ добромъ здоровьѣ.

Въѣзжая въ Красное-сельцо, Опенкинъ-сынъ во все всматривался и всѣмъ любовался.

«А, чортъ побери! хорошо быть богатымъ бариномъ, имѣть Красное-сельцо,—подумалъ онъ,—катался бы въ каретѣ по сосѣдямъ, а не въ варшавской бричкѣ съ мѣшечками хлѣбныхъ пробъ, не трусилъ бы ревизоровъ. А почему бы и не такъ, если пойдетъ въ продажу съ аукціона? Роздалъ бы на торгахъ отступныя и выпустилъ бы голубчиковъ изъ бумажника. Пойдетъ за полцѣны!

У главнаго крыльца встрѣтилъ ихъ слуга и, не обращая вниманія на Опенкина-отца, спросилъ сына:

— Какъ объ васъ доложить?

— Скажи, седьмого класса Опенкинъ.

Слуга съ усмѣшкой посмотрѣлъ на того и другого и пошелъ докладывать своей госпожѣ о пріѣздѣ седьмого класса.

Сергѣй Семеновичъ былъ въ саду. Марѳа Михайловна приняла пріѣзжихъ въ гостиной, устланной богатыми коврами и уставленной дорогими растеніями; съ сыномъ обошлась вѣжливо, отцу сказала:

— Садись, Самсонычъ, будешь гость. Садись, говорятъ тебѣ,—повторила она, несмотря, что Елизаръ Самсоновичъ уже сѣлъ безъ повторенія приглашенія.

— Чай, радъ сынку чиновнику. Слава Богу, одѣлся нынѣ какъ порядочный человѣкъ. Повѣрите ли, въ заплатахъ ходитъ, въ засаленномъ платьѣ. Хоть вы бы отучили его отъ скряжничества. Вѣчно охаетъ, вѣчно

нищенствуетъ. Не можетъ выйти изъ кожи мѣщанина.

Казалось, Патокина находила удовольствіе въ лицѣ отца унижать сына чиновника и кавалера, между тѣмъ, какъ ея Володя находился въ рядахъ солдатскихъ.

— Батюшка ужь съ нынѣшняго дня купецъ,—перебилъ Самсонъ Елизаровичъ дерзкую рѣчь Патокиной.

— Вотъ какъ! Въ какую жь гильдію записался?

— Во вторую.

— Пожалуй, скоро махнетъ и въ первую.

— Все по милости сына,—сказалъ съежившись Опенкинъ-отецъ,—онъ и деньги за меня внесъ.

— Полно, Самсонычъ, людей морочить; порядкомъ набилъ себѣ карманы. А водилъ-ли онъ васъ въ свою кладовую?—прибавила она, обратясь къ Самсону Елизаровичу,—тамъ у него сундуки завалены серебромъ, кушаками, сарафанами, чай подковы есть, тутъ же оклады, содранные къ иконъ. Святой человѣкъ! и изображеніямъ и украшеніямъ молится. Не худо бы вамъ пересмотрѣть и опись составить, не то, каковъ часъ, Ѳеклушка или пьяный подъячій заберутъ.

«Припомню все тебѣ, Марѳа Посадница»,—думалъ Опенкинъ-отецъ, между тѣмъ сказалъ, усмѣхаясь:—все шутить изволите по обыкновенію.

«Есть у меня, чѣмъ сбить твою спѣсь, гордая купчиха»,—думалъ Опенкинъ-сынъ, ощупывая мысленно свой бумажникъ съ векселями во сто тысячъ.

Приходъ Сергѣя Семеновича прекратилъ этотъ разговоръ, вызывавшій месть обоихъ пріѣзжихъ.

— Я пріѣхалъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе,—сказалъ Самсонъ Елизаровичъ, подавая руку Патокину,—помню благодѣянія вашего отца; онъ записалъ меня въ гимназію, содержалъ на свой счетъ въ губернскомъ городѣ и потомъ въ Москвѣ.

— Меня радуетъ,—отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ, пожимая руку благороднаго человѣка, — что добро пошло въ прокъ.—Вотъ вы ужь и кавалеръ.... безъ особенной протекціи, собственными заслугами. Это дѣлаетъ вамъ честь и должно радовать нашего почтеннаго Елизара Самсоныча.

— Поздравь его, —сказала Марѳа Михайловна,— купецъ 2-й гильдіи.

— Поздравляю отъ души. Въ чемъ мнѣ была неудача, тамъ, вѣроятно, сынъ успѣлъ.

— Позвольте предложить намъ одну услугу,—произнесъ уже своимъ размѣреннымъ, важнымъ голосомъ Опенкинъ-сынъ,—я ѣду въ южныя губерніи, полагаю, увижусь съ вашимъ сыномъ.... даже постараюсь отыскать его.... Молодой человѣкъ по закону еще въ нижнихъ рядахъ.... конечно, нуждается въ покровительствѣ... Я имѣю въ арміи знакомыхъ мнѣ генераловъ, бригадныхъ и дивизіонныхъ. Не слыхали-ли вы имена Пентежгрецкихъ, Кнохберговъ, Османжогловъ?.. Могу замолвить за молодого человѣка...

— Вы?...—гордо перебила его Марѳа Михайловна, обиженная этимъ предложеніемъ,—спасибо! Мой сынъ не имѣетъ нужды ни въ чьемъ покровительствѣ, а еслибъ когда и понадобилось, такъ слава Богу, у насъ есть свои пріятели генералы, не хуже вашихъ Пентежгредскихъ и прочая, и прочая. Впрочемъ сынъ нашъ и безъ нихъ сумѣетъ проложить себѣ дорогу. Вотъ вы сами, Самсонъ, по батюшкѣ *Елизарычъ* (на этомъ словѣ она сдѣлала удареніе), вышли же въ люди безъ генеральской протекціи; вы были все-таки простой студентъ университета, а нашъ сынъ вышелъ кандидатомъ, съ золотою медалью.... не даромъ же ее дали!

Самсонъ Елизаровичъ, чтобы пресѣчь этотъ разговоръ, обидный для него и отца, обратился къ Сер-

гѣю Семеновичу и затронулъ хлѣбный подрядъ. Марѳа Михайловна, довольная, что удовлетворила свою ненависть къ отцу на сынѣ и скучая вновь завязавшеюся бѣсѣдой о хлѣбной торговлѣ, удалилась. Тогда Опенкины, не стѣсняясь болѣе ея присутствіемъ, мало-помалу начали подбираться къ цѣли своей поѣздки въ Красное-сельцо.

— Операція важная, небывалая, приготовленная стеченіемъ нежданныхъ обстоятельствъ! — говорилъ Самсонъ Елизаровичъ. — Кто имѣетъ запасы хлѣба въ южныхъ портахъ, заподряды въ южныхъ губерніяхъ, могъ бы обогатиться, принявъ ее. Мы разчитывали съ батюшкой: по цѣнамъ, которыя должна дать казна (комиссіонеръ объявилъ цѣну), чистаго барыша сто тысячъ. Сбавимъ 20 на непредвидѣнные случаи, все-таки получится восемьдесятъ. Это такъ вѣрно, какъ я, сынъ моего отца, имѣю честь стоять передъ вами. Вотъ къ вамъ, Сергѣй Семенычъ, эти выгоды сами напрашиваются. Вы ихъ какъ будто ждали.

— Хорошо бы, правда, если бы дали цѣну, которую вы объявили мнѣ.

— Безъ того вы имѣете право не брать подряда.

— Но я никогда не имѣлъ подрядовъ въ казну Такого рода дѣла сподручны людямъ ловкимъ, хитрымъ, изучившимъ разныя сдѣлки, о которыхъ я слыхалъ. Можетъ быть, это и клевета... Мое сердце къ нимъ не лежитъ. Начнутся, говорили, мнѣ, придирки, браковки, обвѣски; всѣмъ кланяйся, всѣхъ ублажай. Дѣло рискованное, пуще всего не по душѣ.

— О! были, конечно, времена, теперь другія. Правительство строго избираетъ людей честныхъ, надежныхъ... Мнѣ, именно, отданъ важный пунктъ продовольствія войска. Вы поручили бы операцію надежному, ловкому человѣку... Ужь, конечно, сами бы не поѣхали.

— Куда мнѣ! старъ, хилъ сталъ.

— Я все уладилъ бы, я служилъ бы вамъ, какъ вашъ приказчикъ, вашъ повѣренный, вашъ сынъ. Мы, съ батюшкой, вамъ и родителю вашему столько обязаны. Все, что онъ имѣетъ, все, чѣмъ я только пользуюсь—имя, чинъ, мѣсто, этотъ крестъ, все ваше даяніе. Вѣрьте, Сергѣй Семенычъ, имя ваше и вашего родителя въ молитвахъ моихъ идутъ рядомъ съ именемъ отца моего. Развѣ забуду ваши благодѣянія, когда сердце перестанетъ биться.

Опенкинъ-сынъ говорилъ такъ трогательно. На рѣсницахъ его заблистали слезы, выкатившіяся со дна его взволнованной души — чистѣйшіе перлы, на которые ангелы... тьмы, вмѣстѣ съ папенькой, смотрѣли съ умиленіемъ.

Патокинъ былъ тронутъ и началъ колебаться.

Самсонъ Елизаровичъ спѣшилъ воспользоваться благопріятною минутой; онъ просилъ его для конфиденціальной бесѣды перейти въ другую комнату, гдѣ не могли бы ихъ потревожить.

Перешли въ кабинетъ. Начались разсчеты: они казались ясны, выводы вѣрны. Сергѣй Семеновичъ принужденъ былъ сознаться, что поставка хлѣба, по предположенной казною цѣнѣ, чрезвычайно выгодна, а продажа его иностранцамъ, по шаткости времени, опасна; можетъ быть, правительство запретитъ и вывозъ изъ Россіи.

— Но ты знаешь, Елизаръ Самсонычъ, — сказалъ онъ,—что хлѣбъ нашъ горячо торгуютъ иностранцы, пожалуй, и задатки уже взяты; тогда всѣ наши хлопоты будутъ напрасны.

— Мы это, авось, обдѣлаемъ; я самъ берусь ѣхать на мѣсто.

— Хорошо, а фабрика...

— Останется на рукахъ Джонса.

Патокинъ посмотрѣлъ съ изумленіемъ на Опенкина-отца.

— Вы знаете его честность и усердіе.

— Все это очень хорошо... но какъ же однофамилецъ твой, комиссіонеръ, будетъ имѣть съ тобою дѣло?

— Я угадывалъ прежде, что вы сдѣлаете мнѣ этотъ вопросъ. Вы дадите довѣренность на подрядъ Пестрикову.

— Человѣкъ надежный.

— А мнѣ другую. Въ ней скажете, что я уполномоченъ принимать отъ него деньги, уплачивать по разсчетамъ и воленъ смѣнить его во всякое время въ случаѣ, если замѣчу его неисправность и ущербъ вашимъ интересамъ.

— Прекрасно.

— Припасемъ немедленно залоги, составимъ нужные акты въ Москвѣ, и тогда я отправлюсь въ южные порты. Между тѣмъ пошлемъ сейчасъ эстафету къ Пестрикову остановить запродажу хлѣба иностранцамъ. Дома и лавки въ Луковкахъ, домъ въ Москвѣ, Красное-сельцо...

— Ты предлагаешь мнѣ самоубійство, Елизаръ Самсонычъ. Скорѣй заложу себя. Почему-жь не фабрики? Останутся послѣ моей смерти, сыну не быть фабрикантомъ.

— Ну, такъ обойдемся безъ Краснаго-сельца; на домъ вашъ въ Москвѣ и въ Луковкахъ возмемъ залоги; крупчатка ваша...

— Не могу, она не моя, Марѳы Михайловны; ты знаешь, куплена на ея имя... хотя бъ она согласилась, я не соглашусь...

— Дадутъ добрые люди подъ ваше имя залоги въ Луковкахъ, въ Москвѣ.

— Но ты знаешь сроки луковскихъ...

— Вы хотите сказать, луковскихъ долговъ. Можно говорить объ нихъ при сынѣ, потому что они всѣ въ карманѣ его.

— Какъ это?... въ карманѣ? я не понимаю...

— Мы готовили вамъ сюрпризъ...

— Мы съ батышкой,—перебилъ Опенкинъ-сынъ,— позаботились васъ успокоить на этотъ счетъ: луковскіе ваши долги принялъ я на себя.

Смущеніе и удивленіе все болѣе и болѣе выступали на лицѣ Патокина.

— То есть, какъ?... спросилъ онъ.

— Извините, что не предупредили васъ во время. Разскажу вамъ искренно, какъ это случилось. Лѣтъ пять, шесть тому назадъ я взялся быть адвокатомъ по одному важному, спорному дѣлу. Въ случаѣ проигрыша нѣсколько тысячъ десятинъ должны были отойдти отъ владѣльца...

— Я говорилъ вамъ объ этомъ счастливомъ случаѣ,—сказалъ Опенкинъ-сынъ.

— Можетъ быть, не помню хорошо.

— Тогда, за неправильное пользованіе этою землею нѣсколько десятковъ лѣтъ проигравшая сторона должна была заплатить своему сопернику огромную сумму.. я выигралъ это дѣло моему довѣрителю и былъ щедро награжденъ за свои труды. Потомъ... вы знаете, когда счастіе, или несчастіе посѣтитъ человѣка, такъ то и другое валитъ, какъ снѣгъ на голову. Одна благородная, богатая старушка... Сизикова... можетъ быть, вы объ ней слыхали?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я завѣдывалъ долго ея дѣлами, управлялъ домомъ... ухаживалъ за больною, покоилъ, лелѣялъ ее, какъ сынъ... Злые языки, клеветники, большею частью ея наслѣдники, говорили, Богъ знаетъ что... Помилуйте, старушка изсохшая, какъ пергаментъ, еле жи-

вая... Умирая, она оставила мнѣ по духовной всѣ свои наличныя деньги. На рукахъ у меня очутился значительный капиталъ. Не зная, что съ нимъ дѣлать, я просилъ батюшку научить меня, куда отдать эти деньги, какое сдѣлать имъ назначеніе... Онъ указалъ мнѣ на васъ, и тогда луковскіе ваши долги въ разное время скуплены мной и переведены на мое имя...

— Ужь подлинно сюрпризъ, отъ котораго не могу придти въ себя.

— Я просилъ батюшку не увѣдомлять васъ объ этой сдѣлкѣ до того времени, какъ наступятъ сроки платежа и я самъ лично буду имѣть честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, благодарить васъ за все, что вы и вашъ родитель, достойной памяти, сдѣлали для насъ... Отецъ мой и я разсчитывали, что вамъ пріятнѣе, спокойнѣе имѣть дѣло съ близкими людьми, одолженными, помнящими ваши благодѣянія, чѣмъ съ луковскими купцами, которые дерутъ съ васъ жидовскіе проценты.

— Могу только благодарить васъ.

— Сроки, какъ вы говорите, по векселямъ наступаютъ; по моему, они ужь наступили... Чтожь за бѣда! Просрочите мѣсяцы, годъ, два, я не буду васъ безпокоить, пока не оборотитесь своими дѣлами. Проценты мы положимъ небольшіе...

Живчикъ сильно забился на лицѣ папеньки. Ужь не слишкомъ ли далеко простиралъ сынъ свои обѣщанія, Впрочемъ, подумалъ онъ для своего успокоенія, это все одни слова, а не письменное обязательство.

— Повѣрьте,—продолжалъ Опенкинъ-сынъ,—я не интересанъ, въ деньгахъ не нуждаюсь, человѣкъ холостой, получаю хорошее жалованье, не скрою отъ васъ, имѣю по службѣ свои выгоды... И батюшка, по милости вашей, не нуждается въ моей помощи; деньги мои въ вѣрныхъ рукахъ, чего-жь мнѣ больше? Кон-

чится наша операція благополучно, съ выгодами, которыя ожидаю для васъ, уплатите мнѣ тогда изъ нихъ, что можете, не стѣсняя себя. Впрочемъ... долженъ сдѣлать оговорку... если мои надежды на васъ по этой операціи не сбудутся, если вы откажетесъ отъ нея, извините... кто себѣ врагъ?... я долженъ буду искать другого подрядчика, можетъ быть, и самъ возьмусь, какъ это дѣлается иногда у насъ... и тогда вынужденъ буду... со всѣмъ прискорбіемъ моимъ... просить объ уплатѣ по векселямъ...

Патокинъ, ошеломленный такимъ трогательнымъ изъясненіемъ и доказательствомъ дружбы, могъ только, въ знакъ благодарности, пожать руку Опенкину-сыну. Ему давали передышку въ уплатѣ долговъ, это ужь было много для него. Медоточивыя рѣчи кредитора совершенно его побѣдили.

Оставалось ему сказать:—Вы дѣлаете мнѣ великое одолженіе; надѣюсь на снисхожденіе ваше.

— Ты, Самсоша, показалъ бы векселя, они всѣ въ порядкѣ.

— Не сомнѣваюсь; впрочемъ, если вамъ угодно...

Акты одинъ за другимъ, были поданы должнику. Онъ небрежно пересмотрѣлъ ихъ, потомъ взялъ счеты, повѣрилъ капиталы и проценты...

— Почти сто тысячъ въ однѣ руки!...

Патокинъ, казалось, растерялся; минуты съ двѣ глаза его остановились на счетныхъ косточкахъ, обнаружившихъ такую огромную цифру. Никогда не приходило ему въ голову основательно повѣрить свои долги. Онъ находился въ такомъ положеніи, въ какомъ находится зарвавшійся игрокъ, передъ которымъ банкометъ подвелъ итогъ всѣхъ цифръ, записанныхъ на него въ безпорядкѣ по разнымъ мѣстамъ зеленаго сукна. Однакожъ, онъ скоро оправился и повторилъ, что надѣется на снисхожденіе.

— Помилуйте, я отъ своего честнаго слова не отступлюсь, а, въ доказательство, что васъ не потревожу требованіемъ уплаты, я здѣсь, на заемныхъ письмахъ, надпишу, что получилъ проценты впередъ... за какой срокъ вамъ угодно...

Опенкинъ-отецъ испугался не на шутку.

— Извините — сказалъ Сергѣй Семеновичъ съ неудовольствіемъ,—я такого рода подарковъ ни отъ кого не принимаю.

— Я и не хотѣлъ васъ дарить, — возразилъ Опенкинъ сынъ,—а желалъ только удостовѣрить васъ, что мои слова не на вѣтеръ пущены. Впрочемъ сочтите проценты и назначьте сами, какіе вамъ угодно.

— Менѣе десяти я не плачу.

— Довольно съ меня и восьми.

Обмѣнялись рукопожатіями, сочли проценты.

— Такъ какъ вы ужь рѣшились на хлѣбную операцію...

— Дя, я *долженъ* рѣшиться.

Слово *долженъ* произнесъ Патокинъ, какъ бы человѣкъ, настигнутый у берега рѣки разбойниками, которому остается одно средство спасенія — броситься въ воду, и пуститься вплавь,—будь, что будетъ!

— Такъ вы потрудитесь съѣздить съ нами въ Москву для совершенія актовъ, о которыхъ говорилъ отецъ мой. Признаюсь вамъ, мѣшкать долго не могу... время дорого. Мнѣ кажется, я отсюда слышу ужь пушечные выстрѣлы... Позвольте попросить васъ... вы меня много обяжете, если завтра поутру...

— Ѣдемъ завтра поутру; но прежде и я долженъ попросить васъ...

— Можете мнѣ приказать.

Сергѣй Семеновичъ былъ смущенъ, точно школьникъ, пойманный надзирателемъ въ дурномъ поступкѣ, затрудняется въ признаніи, боясь, чтобы этотъ посту-

покъ не дошелъ до инспектора. Взглянувъ на Опенкина-сына своимъ добрымъ, мягкимъ взглядомъ, передъ которымъ смирился бы и звѣрь, онъ промолвилъ:— Прошу васъ не говорить объ этихъ долгахъ моей женѣ; они большею частью сдѣланы на устройство Краснаго-сельца, если хотите, на мои прихоти. Марѳа Михайловна объ нихъ не знаетъ. Такъ-ли Елизаръ Самсонычъ?

Опенкинъ-отецъ приложилъ перстъ къ губамъ и сдѣлалъ головой отрицательный знакъ.

— Честное слово, — отвѣчалъ Опенкинъ-сынъ, — такъ подрядъ-съ?

Ударили по рукамъ съ тѣмъ, чтобы Сергѣй Семеновичъ переговорилъ еще объ этомъ подрядѣ съ Марѳой Михайловной, безъ которой,—говорилъ онъ, — ни на что окончательно рѣшиться не можетъ.

— Теперь мнѣ легче, мнѣ кажется, камень съ меня свалился,—сказалъ Самсонъ Елизаровичъ,—я исполнилъ свой долгъ по службѣ и долгъ благодарности передъ вами и достойнымъ памяти родителемъ вашимъ.

Тронутый Патокинъ открылъ свои объятія и принялъ въ нихъ добрѣйшаго человѣка, посланнаго ему самимъ небомъ въ самый развалъ его трудныхъ обстоятельствъ.

Раздался звонокъ къ обѣду. Опенкинъ-отецъ шепнулъ что-то сыну.

— Я задержу васъ на одну минуту,—сказалъ Самсонъ Елизаровичъ Патокину,—есть у меня до васъ покорнѣйшая просьба.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Нынѣ, по утру, служащій на вашей фабрикѣ англичанинъ разыгралъ при мнѣ непріятную сцену съ отцомъ моимъ. Сказаны были грубыя, обидныя слова, отъ которыхъ страдаетъ честь моего старика. Въ лицѣ его я глубоко оскорбленъ и, еслибъ этотъ масте-

ровой не жилъ у васъ, я раздѣлался бы съ нимъ по своему.

— Извините, Джонсъ не мастеровой, а ученый механикъ. И съ простымъ мастеровымъ англичаниномъ раздѣлка повела бы къ большимъ непріятностямъ. Изъ чего-жь все это случилось?

— Бракуетъ цѣлую партію хлопка, — подхватилъ Елизаръ Самсоновичъ,—изъ того, что какой-нибудь десятокъ пудовъ поврежденъ. Я-то чѣмъ виноватъ? Честный, усердный человѣкъ Джонсъ, но заупрямится, такъ всегда хочетъ на своемъ поставить, а отъ его каприза работы на фабрикѣ могутъ остановиться.

— Вы, конечно, — присовокупилъ Самсонъ Елизаровичъ, — не рѣшились бы такъ оскорбить своего послѣдняго слугу.

— О! Джонсъ горяченекъ и слишкомъ уже аккуратенъ. Я сейчасъ напишу ему, я ему замѣчу.

Патокинъ взялъ листокъ бумаги и написалъ по-англійски: «Любезный другъ Джонсъ, вы дѣлаете затрудненія въ пріемѣ полученной изъ Мосвы хлопки. Я прошу васъ принять ее для меня, ради нашей дружбы. Опенкина мнѣ теперь нужно поберечь. Онъ мнѣ необходимъ по одной важной хлѣбной операціи. Посылаю его въ южные порты на нѣсколько мѣсяцевъ, а вы примете на себя управленіе фабрикой до возвращенія его. Надѣюсь, вы въ обоихъ случаяхъ не откажетесь одолжить преданнаго вамъ душою

С. Патокина.

Письмо послано съ нарочнымъ.

За обѣдомъ Опенкинъ-сынъ, какъ почетное лицо, сидѣлъ между Марѳой Михайловной и Дуней. Первая сдѣлалась теперь привѣтливою, любезною хозяйкой и старалась, какъ свѣтская женщина, исполнить долгъ гостепріимства, къ которому пріучила ее московская жизнь. Она всячески занимала своего гостя; Дуня, съ

своей стороны, ей въ этомъ помогала. Но свѣтскій разговоръ съ комиссіонеромъ не клеился. — Женщины не по моей части,—говаривалъ онъ,—я знаю въ нихъ толкъ, когда могу оцѣнить ихъ серебро, брилліанты; а женщина сама по себѣ въ такомъ случаѣ идетъ только въ придачу. — Мудрецъ, геній по денежнымъ оборотамъ, оказался жалкимъ школьникомъ, ненаходчивымъ, неловкимъ въ бесѣдѣ съ хозяйкой и ея воспитанницей. Умъ, чувство,—все было въ немъ разсчетъ. На Марѳу Михайловну онъ имѣлъ виды для своего подряда, и потому былъ къ ней особенно почтителенъ и находилъ еще нѣсколько словъ для разговора съ нею, но Дунѣ отвѣчалъ очень лаконически и даже небрежно. Замѣтивъ, однакожъ, исподлобья ея привлекательную наружность, онъ тотчасъ сдѣлалъ ей оцѣнку и подвелъ слѣдующій итогъ: «товаръ, дескать, на видъ хоть и хорошъ, но извлечь изъ него нельзя и гроша. Бѣдная сирота, пріемышъ! Что можетъ дать за нею Патокинъ, запутавшійся въ долгу, какъ въ шелку? Ровно ничего. Умъ, образованіе ея не принесутъ никакого дохода. Этотъ балластъ выкинуть хоть въ первый день брака!»

Дуня почувствовала къ комиссіонеру отвращеніе, которое не могла скрыть въ разговорѣ наединѣ съ Марѳой Михайловной.—Не хорошъ собою Лебединскій, очень не хорошъ, но сравнивая, ихъ, находишь его красавцемъ передъ этимъ господиномъ.—Отецъ и сынъ не похожи лицомъ другъ на друга,—говорила она,—но замѣтили ли вы, какое поразительное сходство въ ихъ физіономіяхъ, въ ихъ рѣчахъ. То же двойное зрѣніе, та же боязнь обнаружить себя, то же лукавство, какимъ отличается и папенька. Для какого-жь дѣла пріѣхали они сюда?

— Отецъ привезъ показать намъ своего сынка съ крестомъ на шеѣ. Чудакъ! пріѣхалъ въ деревню съ

кавалеріей!... Кого же онъ думаетъ удивить? Развѣ мужиковъ! А, можетъ быть, и по дѣламъ хлѣбнымъ. Сергѣй Семенычъ такъ довѣрчивъ... боюсь, чтобы папенька и сынокъ не завлекли его въ свои сѣти.

Къ ночи, когда гости ушли на ночлегъ въ отведенное имъ отдѣленіе и супруги остались одни, Сергѣй Семеновичъ разсказалъ женѣ о намѣреніи своемъ взять хлѣбный подрядъ въ казну, всѣ значительныя выгоды, которыя отъ него можно получить, напугалъ его совершеннымъ разореніемъ, если хлѣбъ запродастся иностранцамъ, а порты будутъ осаждены непріятелемъ, передалъ ей, кому онъ поручаетъ это дѣло и подъ чьимъ надзоромъ.

— Пестрикова я знаю,—говорила она, — человѣкъ честный и, кажется, намъ преданный, но къ чему тутъ Самсонычъ? Чтобы ни говорилъ ты, а онъ плутъ, какихъ свѣтъ мало производилъ.

— Это всегдашняя твоя пѣсня. Не Самсонычъ, такъ другой на его мѣстѣ щечился бы также. Чтожь онъ нажилъ въ свою жизнь? Какой-нибудь десятокъ тысячъ! И то отдавая въ ростъ деньги подъ ручные залоги—ты сама это хорошо знаешь. Если онъ пользовался отъ насъ крохами, ломти намъ доставались.

— Напротивъ, я думаю, что крохи намъ достаются, а ломти ему. Всегда такіе негодяи умѣютъ прикидываться бѣдняками. Улитку не узнаешь, съ рожками ли она, или безъ рожекъ, пока она въ своей раковинѣ. Да и сынокъ не нравится мнѣ; боюсь, чтобъ онъ не надулъ тебя. Не могу довѣрять людямъ, которые смотрятъ исподлобья.

Сергѣй Семеновичъ махнулъ рукой.

— Никому не вѣрить, такъ лучше бросить всѣ дѣла. Впрочемъ, я далъ рѣшительное слово, и ты уложишь меня, если помѣшаешь подряду, который посылаетъ намъ Богъ въ нашихъ обстоятельствахъ. По-

думай, я долженъ десятки тысячъ въ Англіи за хлопокъ, долженъ по заподрядамъ хлѣба въ южныхъ губерніяхъ; надо, во чтобы ни стало, выручить эти деньги... Помни, если непріятель... мы въ конецъ разорены, сынъ останется послѣ насъ безъ куска хлѣба... Пеняй тогда на себя.

Этотъ аргументъ сильно подѣйствовалъ на Марѳу Михайловну. Она была побѣждена.

— Такъ рѣшайся,—сказала она,—но будь осторожнѣй. Помни и ты, не совѣтую, но послѣ того, что ты мнѣ сказалъ, не хочу быть въ отвѣтѣ. Дѣлай, какъ знаешь, тебѣ лучше извѣстны дѣла торговыя и политическія.

На другой день, по утру, Опенкинъ-сынъ, вставая съ своего мякаго, пружиннаго ложа, признался отцу, что онъ давно такъ сладко не спалъ.—Воля ваша, батюшка, а хорошо быть красносельскимъ бариномъ, спишь себѣ и безъ персидскаго порошку, отъ котораго у меня всегда дурманъ въ головѣ. А какъ вы думаете? Сергѣй Семенычъ не отступится отъ своего слова?

— Никогда, — сказалъ отецъ, — хоть бы пришлось ему выдержать баталію съ супругой; слабый человѣкъ, но когда дѣло дошло до чести, онъ готовъ идти на чорта... прости, Господи, мои прегрѣшенія!

Опенкинымъ, за завтракомъ, объявлено объ окончательномъ согласіи на подрядъ, и немедленномъ отъѣздѣ въ Москву. Марѳа Михайловна хранила угрюмое молчаніе, но вспомнивъ, что отъ этого подряда зависитъ благосостояніе сына, преодолѣла себя и ласковымъ голосомъ просила Елизара Самсоновича наблюсти за интересами дома Патокиныхъ, даже подала ему руку, какъ въ былое время, когда онъ, по дѣлу съ луковскимъ городничимъ, такъ хорошо исполнилъ въ губернскомъ городѣ ея порученіе.

— Поберегите и вы насъ,—промолвила она, обра-

тясь къ Самсону Елизаровичу,—увидите сына, скажите ему, что мы живы, здоровы... Когда-то мы съ нимъ увидимся?...

У этой женщины, обыкновенно твердой, пресѣкся голосъ отъ слезъ.

— Елизаръ Самсонычъ, если понадобятся ему деньги, давайте, сколько потребуетъ.

Экипажи были ужь поданы къ крыльцу. Между тѣмъ Сергѣй Семеновичъ улучилъ нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы пройтись еще по саду своей Аркадіи. Дуня, увидавъ изъ окна, что онъ возвращается, поспѣшила къ нему на встрѣчу. Патокинъ былъ необыкновенно грустенъ. Она схватила его руку, крѣпко, нѣжно поцѣловала ее. Не укрылось отъ него, что горячія слезы упали на эту руку. — Я ничего не понимаю въ дѣлахъ торговыхъ,—сказала она,—можетъ быть, подрядъ, который вы берете, очень выгоденъ; но позвольте, мой благодѣтель, мой второй отецъ, мой другъ, сказать вамъ: не забудьте словъ вашей матери, когда она умирая завѣщала вамъ быть осторожнѣе съ Опенкинымъ. Теперь ихъ *два* Опенкина. Тамъ, вдали отъ васъ, съ клевретами ихъ, можетъ статься, будетъ ихъ цѣлый легіонъ.

Сергѣй Семеновичъ обнялъ ее, прижалъ ея голову къ своей груди, долго, долго продержалъ ее такъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

— Да, другъ мой, дитя мое, безцѣнный мой изумрудный-крестикъ; не знаю отъ чего, отъ болѣзни ли, можетъ быть отъ предчувствія, сердце у меня сильно замираетъ, будто стоишь на высокой колокольнѣ и чувствуешь, что перила, на которыя опираешься, того и гляди обломятся. Никогда въ жизнь мою не было со мною такой невыносимой тоски. Прошелся по саду... все такъ пасмурно глядитъ; деревья осыпали меня своимъ желтымъ листомъ, все въ природѣ уми-

раетъ. Придется-ли мнѣ еще увидѣть этотъ садъ въ весенней красѣ?...

— Зачѣмъ такія черныя мысли? Если вы боитесь за подрядъ, есть еще время отказаться... пользуйтесь минутами.. рѣшайтесь... откажитесь...

Дуня проговорила это съ необыкновенною твердостью, какъ бы вызывая своего воспитателя на такое же чувство.

— Нѣтъ, другъ мой,—сказалъ Патокинъ, покачавъ грустно головой, — поздно!... Мои обстоятельства таковы, что мнѣ надо рисковать. Никто въ нихъ не виноватъ, кромѣ меня самого. Благодарю Бога, что сынъ не въ меня. Прости, дитя мое, что я тебя огорчилъ. Полно... поручимъ себя милосердному Отцу... Меня ждутъ *мои товарищи*... (Горько произнесъ онъ послѣднія два слова). На прощанье перекрести меня.

Благоговѣйно перекрестила она его и потомъ поцѣловала въ глаза, мокрыя отъ слезъ.

Скоро послѣ того выѣзжали изъ Краснаго-сельца экипажи, уносившіе Патокина съ его *товарищами* и съ ними его судьбу.

Черезъ два часа послѣ ихъ отъѣзда пріѣхалъ въ Красное-сельцо Джонсъ. Съ помощью Дуни, онъ разсказалъ Марѳѣ Михайловнѣ о продѣлкахъ Опенкина съ хлопкомъ и о многихъ другихъ на фабрикѣ и объявилъ ей, что долженъ разстаться съ Сергѣемъ Семенычемъ.

— Переведите, миссъ Дуня, это письмо,—сказалъ онъ, подавъ ей письмо, только-что полученное имъ отъ Патокина, и когда оно было переведено, спросилъ Марѳу Михайловну, можно ли послѣ того оставаться долѣе на службѣ у такого слабаго, безхарактернаго человѣка, какъ ея супругъ.

— Нѣсколько писемъ получилъ я изъ Англіи отъ своего старшаго брата. Онъ богатъ, вдовецъ, бездѣтенъ, близкихъ родныхъ у него нѣтъ. Требуетъ, чтобы

я пріѣхалъ къ нему для утѣшенія его въ старости. Мнѣ легче будетъ умирать, пишетъ, когда я буду знать, что твоя рука закроетъ мнѣ глаза. До сихъ поръ я не говорилъ вамъ объ этихъ письмахъ. Признаюсь вамъ, я васъ всѣхъ такъ люблю, такъ уважаю... мнѣ жаль было оторваться отъ здѣшнихъ мѣстъ... Но теперь вижу, я здѣсь болѣе не нуженъ... Не могу долѣе терпѣть мошенничества съ одной стороны и слабодушія съ другой... не хочу видѣть вашего разоренія...

Марѳа Михайловна умоляла его остаться, не покидать ихъ въ такое время, когда онъ такъ нуженъ имъ, доказать имъ теперь свою дружбу. — Вы одинъ честный человѣкъ, который остается при насъ,—прибавила она.—Мы безъ васъ пропали... Подумайте, на чьихъ рукахъ оставите фабрику; надо будетъ ее закрыть.

Джонсъ былъ неумолимъ. Тогда Марѳа Михайловна, зная вліяніе Дуни на англичанина, поручила ей уговорить его.

Дуня пригласила Джонса въ садъ и разсказала ему, что говорила своему воспитателю, прощаясь съ нимъ, и что онъ ей сказалъ.

— Другъ мой Джонсъ, неужели послѣ того, что я вамъ передала, вы будете такъ жестоки, что оставите насъ? Пожалѣйте Сергѣя Семеныча, этого добраго человѣка. Онъ васъ такъ любитъ. Не судите его строго. Должны быть у него дѣла, которыя онъ скрываетъ отъ насъ. Вѣроятно они держатъ его въ нѣкоторой зависимости отъ Опенкина. Докажите, что вы любите насъ, что вы любите меня.

И взяла его Дуня за руку и взглянула на него такимъ нѣжнымъ, умоляющимъ взглядомъ.

Джонсъ растерялся.

— О! не смотрите такъ на меня, миссъ Дуня, вашими чудными глазами. Люблю васъ, какъ родную се-

стру и не долженъ васъ любить другою любовью. Чего не сдѣлаю для васъ? Велите мнѣ броситься въ огонь, пролить для васъ послѣднюю каплю крови, я отдамъ вамъ кровь свою, свою душу.

Никогда Джонсъ не говаривалъ Дунѣ съ такимъ жаромъ. Она испугалась этой нежданной рѣчи и отняла свою руку.

— И не должны вы любить меня другою любовью. Это было бы несчастіе для меня и для васъ.

— Да, это было бы безуміе съ моей стороны. Ради Бога не сердитесь на меня; не знаю самъ, какъ я увлекся... Простите меня.

— Такъ чтожь, мой добрый, милый Джонсъ, мой старшій братъ, остаетесь?

— Остаюсь. Могу ли вамъ въ чемъ отказать? Но не забудьте моихъ словъ: господинъ Патокинъ увлеченъ своею судьбою; Опенкинъ погубитъ его. Дай Богъ, чтобъ я въ этомъ случаѣ не былъ пророкомъ, чтобы слова мои не сбылись. Если жь Господь наложитъ на васъ свою руку, помните также, что у васъ есть преданный человѣкъ, по имени Джонсъ. Обратитесь тогда къ нему, и гдѣ бы онъ ни былъ, онъ сейчасъ явится къ вамъ на помощь.

Англичанинъ объявилъ Марѳѣ Михайловнѣ, что остается.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Патокинъ домой. Довѣренность, какую желалъ имѣть Опенкинъ-отецъ, ему выдана; залогами, достаточными для предполагаемаго подряда, онъ снабженъ и укатилъ вмѣстѣ съ сыномъ на югъ. Съ этого времени Сергѣй Семеновичъ сталъ часто впадать въ глубокое уныніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Владиміръ Патокинъ нашелъ свой полкъ на походѣ къ берегамъ Дуная. Командиръ полка, служившій нѣкогда подъ начальствомъ генерала Огрызкова, былъ уже предупрежденъ въ пользу молодого человѣка письмомъ своего бывшаго начальника и потому принялъ новобранца очень ласково. На первыхъ же порахъ, чтобы избавить его отъ трудовъ пѣшехожденія, предложилъ ему одну изъ своихъ верховыхъ лошадей.

— Она у меня лишняя,—говорилъ командиръ,—и если вамъ понравится, вы, пожалуй, можете купить ее для будущаго своего офицерства.

— Вѣроятно, прочіе унтеръ-офицеры идутъ пѣшкомъ во время похода,—отвѣчалъ молодой Патокинъ.— Благодарю васъ за ваше вниманіе и снисхожденіе, но если я воспользуюсь ими, то какими глазами будутъ смотрѣть на меня мои товарищи, когда они будутъ идти по щиколодки въ грязи, а я стану гарцовать передъ ними на конѣ и обрызгивать ихъ грязью? Я, какъ унтеръ-офицеръ, далъ себѣ слово нести свою обязанность наравнѣ съ другими рядовыми и не позволю себѣ ничего, чего они не могутъ себѣ позволить. Я не избалованный барскій сынокъ, воспитанный въ хлопкахъ; здоровье мое, благодаря Бога, крѣпко, и

потому не считаю за тягость исполнять то, что другіе, и постарше меня лѣтами и службой, выполняютъ. Впрочемъ, если лошадь у васъ лишняя, я куплю ее для будущаго офицерства.

На этомъ буцефалѣ сталъ гарцевать Парфенъ съ походнымъ имуществомъ своего барина. Самъ же баринъ продолжалъ идти пѣшкомъ съ прочими рядовыми и несъ съ ними наравнѣ всѣ тяжести походной жизни.

Офицеры дружески приняли его въ свой кругъ. Они помнили, что въ ихъ полку, еще не очень давно, служилъ богатый купеческій сынокъ, также унтеръ-офицеръ, который бросалъ по пятидесяти цѣлковыхъ пѣсенникамъ, качавшимъ его на рукахъ, закуривалъ трубку кредитками, билъ на пропалую жидовъ и платилъ имъ за мировую большія деньги, приглашалъ врача лечить его отъ простуды, которую онъ будто получилъ, промочивъ ноги въ шампанскомъ. За то дошелъ до того, что, ставя къ званому завтраку нѣсколько дюжинъ бутылокъ подъ фирмою мадамъ Клико, могъ только предложить на брата по тощей котлеткѣ, потому что вино отпускали ему изъ погреба въ кредитъ, а съѣстное мясники ужь въ долгъ не давали. Окурилъ-ли онъ свои проказы порохомъ — врядъ-ли; такіе господа, храбрые только съ бутылкой въ рукѣ, не любятъ его. Нѣкоторые думали найти въ Патокинѣ подобнаго распашнаго малаго, и крѣпко ошиблись. Приглашаемый на ихъ пирушки, онъ не пилъ болѣе одного, двухъ бокаловъ, и у себя, дома, предлагалъ очень скупое число бутылокъ. Карты были единственнымъ развлеченіемъ офицерскаго кружка; Володя до картъ не дотрогивался, говоря, что не умѣетъ различать валета отъ короля. Онъ не старался приноравливаться къ чужимъ понятіямъ и вкусамъ, да и не навязывалъ имъ своихъ.

. . . . . .

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

Патокина прозвали они *ученымъ*, что значило у нихъ никуда негоднымъ.... Не любя угощать офицеровъ, онъ былъ, однакожъ, щедръ на приварокъ для солдатъ одного съ нимъ взвода и умѣлъ своимъ обращеніемъ и бесѣдами съ ними снискать ихъ любовь. Иногда, по просьбѣ ихъ, писалъ подъ диктовку задушевныя письма къ ихъ роднымъ и вкладывалъ въ эти посланія для нарядовъ женѣ собственную синюю кредитку, а у кого были дѣти и десятирублевую. Отличный стрѣлокъ по милости своего дядьки Парфена, онъ обучилъ и солдатъ не терять понапрасну зарядовъ. Командиръ отряда, по прибытіи полка въ дѣйствующую армію, успѣлъ замѣтить его во время разныхъ стычекъ съ непріятелемъ на берегахъ Дуная. Особенно въ одной ночной экспедиціи, куда молодой Патокинъ былъ отряженъ за офицера съ нѣсколькими десятками солдатъ и гдѣ долженъ былъ застать врасплохъ непріятельскій пикетъ и срѣзать его, онъ отличился своею отвагой и благоразуміемъ. За это дѣло получилъ онъ солдатскій георгіевскій крестъ. . . . . .

Одинъ изъ адъютантовъ командира отряда, искусный грамотѣй и дѣлецъ, безнадежно заболѣлъ. Узнавъ, что Патокинъ кончилъ курсъ въ университетѣ, генералъ сталъ употреблять его для корреспонденціи съ высшимъ начальствомъ и даже по суднымъ дѣламъ. Прочіе адъютанты, и особенно аудиторъ, косо смотрѣли на Патокина и, когда онъ обратился къ нимъ съ просьбой указать ему нѣкоторыя обрядности дѣловыхъ бумагъ, сухо отвѣчали, что если кто взялся за дѣло, такъ долженъ его знать, а указкой ему не намѣрены быть. Съ своей стороны генералъ отзывался, что всѣ бумаги, составленныя Патокинымъ, читаетъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ. — Что иной размажетъ на страницахъ, то онъ скажетъ въ нѣсколькихъ строкахъ дѣльно, ясно, полно такъ, что ни прибавить, ни уба-

вить въ нихъ ничего не нужно. Генералъ ставилъ его въ примѣръ другимъ адъютантамъ, особенно многоглаголивому аудитору. Съ этого времени онъ приблизилъ Патокина къ себѣ, оказывалъ ему при всѣхъ особенное вниманіе и вскорѣ, желая сдѣлать сюрпризъ своему любимцу, представилъ его, секретно отъ своей канцеляріи, за отличіе въ офицеры. Кстати истекалъ шестимѣсячный срокъ его унтеръ-офицерства. Между тѣмъ одинъ смѣлый отвѣтъ Патокина разстроилъ эти пріятныя отношенія.

Нерѣдко начальникъ отряда приглашалъ къ себѣ на чай или бивуачный обѣдъ, по выбору, своихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Домашній его секретарь и будущій адъютантъ, какъ онъ называлъ Патокина, хотя и унтеръ-офицеръ, обыкновенно находился въ этомъ кругу. Генералъ любилъ разсказывать о своей прежней боевой жизни и подвигахъ русскихъ солдатъ, которыхъ превозносилъ выше солдатъ другихъ народовъ. Разъ, въ подтвержденіе этого отзыва, передалъ онъ замѣчательный случай.

— При осадѣ Варшавы, — говорилъ онъ, — когда ослабѣвала уже битва, одному пѣхотному полку, довольно поработавшему около Воли, приказано было отойти за боевую линію. Командиръ полка, исполнивъ это приказаніе, отдыхалъ ужь въ кругу своихъ офицеровъ и солдатъ, уцѣлѣвшихъ отъ непріятельскаго огня. Кто изъ солдатъ стоялъ около него, опираясь на ружье, кто изъ нихъ, болѣе утомленный, лежалъ на землѣ. По усамъ и бакенамъ ихъ, нафабреннымъ порохомъ, видно было, что они въ этотъ день скусили не одинъ десятокъ патроновъ. Нашлись краснобаи, которые, вмѣсто отдыха, вели жаркую бесѣду о гренадерахъ, помявшихъ польскіе огороды съ пѣснею:—«Ахъ, на что жь было городъ городить, на что жь было капусту садить.».— Словами этими впослѣдствіе главно-

командующій встрѣчалъ иногда генерала П., начальника этихъ пѣсенниковъ. Слышались остроты на счетъ того и другого изъ товарищей, или непріятелей.

«— Гляньте-ка, братцы,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—занялась и корчма. Только-что приложились мы къ ней, какъ и отбой; не успѣли и жидовской водочки понюхать. А водка должна быть первый сортъ, варшавская, вольная, не то, что у насъ въ матушкѣ Россеѣ, пополамъ съ водицей.

«Полковой командиръ оглянулся: огоньки, то погасающіе, то опять вспыхивающіе, перебѣгали по гребню корчмы, стоявшей саженяхъ въ двухстахъ отъ мѣста, гдѣ онъ расположился съ своимъ полкомъ; непріятель оспаривалъ ее у нашихъ, ружейные выстрѣлы и крики сражающихся все еще отдавались съ этой стороны.

«— Эхъ, ребята,—сказалъ полковой командиръ,— горло пересохло отъ жару; куда какъ хорошо бы промочить глоткомъ водки.

«— Промочимъ, ваше высокоблагородіе, — отозвались голоса, — дозвольте только намъ отлучиться маленько. Кстати поработаемъ и выпьемъ за ваше здоровье.

«— Спасибо, молодцы, — успѣлъ только сказать полковой командиръ, какъ трое охотниковъ бросились по направленію къ корчмѣ.

«Черезъ четверть, полчаса что ли, одинъ изъ троихъ окровавленною рукою подалъ своему начальнику манерку съ водкой; двое не возвращались...»

Многіе изъ слушателей этого разсказа молчали, другіе стали выхвалять геройскій подвигъ солдатъ.

— А вы что думаете, мой будущій адъютантъ?— спросилъ генералъ, обращаясь къ Патокину, грустно поникшему головой.

— Солдаты были храбрецы, — отвѣчалъ онъ,—но

командиръ ихъ иначе назвать нельзя, какъ безчеловѣчнымъ. Когда люди его полка отдыхали и онъ не получалъ приказа посылать ихъ опять въ дѣло, этотъ черствый, бездушный человѣкъ, ради своей прихоти или молодечества, вздумалъ играть ихъ жизнью. Удивительно, какъ могъ онъ пить водку изъ окровавленныхъ рукъ; думаю, тѣни павшихъ солдатъ долго преслѣдовали его во снѣ.

Генералъ побагровѣлъ и поблѣднѣлъ.

— А что вы скажете,—спросилъ онъ ужъ тономъ оскорбленнаго самолюбія,—когда я вамъ признаюсь, что полковой командиръ былъ,—я?

. . . . . .

Съ этими словами онъ отвернулся и сталъ отдавать приказанія по службѣ. Всѣ бывшіе въ палаткѣ, получившіе и не получившіе приказанія, спѣшили удалиться; молодой Патокинъ послѣдовалъ за ними.

Кончилась эта исторія тѣмъ, что онъ, за дерзкія слова начальству, просидѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ, и генералъ не требовалъ его болѣе къ себѣ.

Получивъ первый офицерскій чинъ по представленію генерала, молодой Патокинъ счелъ долгомъ явиться къ нему и благодарить его.

— Не за что,—сказалъ сухо командиръ отряда,—вы заслужили.

Объ адъютанствѣ не было ужъ помину. Но черезъ нѣсколько времени, на походѣ при отступленіи отъ Силистріи, генералъ, повыше того, о которомъ шла до сихъ поръ рѣчь, слышавшій отъ кого-то похвальные отзывы о Патокинѣ, прислалъ за нимъ и предложилъ ему мѣсто адъютанта при себѣ.

— Я не изъ дворянъ,—отозвался Патокинъ,—а у вашего превосходительства прочіе адъютанты изъ аристократическихъ фамилій.

— Это мое дѣло, а не ваше,—отвѣчалъ генералъ,— мнѣ нужны помощники дѣловые, письменные, съ одною протекціею своего образованія и службы, а такимъ мнѣ васъ рекомендовалъ (такой-то), съ которымъ вы были на несчастномъ штурмѣ.

Оставалось Патокину благодарить за честь...

За осаду Силистріи Володя получилъ крестъ въ петлицу. Не было у него, по этому случаю никакихъ шумныхъ, наружныхъ изъявленій радости, никакихъ пирушекъ ни въ походной полаткѣ, ни въ трактирахъ городовъ, черезъ которые проходилъ корпусъ, въ которомъ онъ служилъ, на маршѣ изъ Турціи. Торжествовалъ онъ только въ душѣ *право* перескочить черезъ одну перегородку и съ нимъ побѣду надъ всѣми Хрюконовскими, Минервами своего рода и клубными старшинами. Болѣе же всего радовала его мысль, что успѣхи его по службѣ доставятъ нѣсколько радостныхъ часовъ отцу и матери.

— При первомъ удобномъ случаѣ,—думалъ онъ,—въ первомъ городѣ, гдѣ найду фотографа, закажу для нихъ портретъ свой въ адъютанскомъ мундирѣ, съ двумя знаками отличія, а другой въ унтеръ-офицерскомъ, съ солдатскимъ крестомъ — для моей милой, незабвенной Дуни. Въ этой простой, грубой амуниціи прощался я съ нею».

Можно вообразить, какой восторгъ произвело въ Красномъ-сельцѣ письмо Володи, въ которомъ онъ описывалъ всѣ замѣчательные случаи своей боевой жизни. Письмо это переходило изъ рукъ въ руки и было нѣсколько разъ прочитываемо. Отслужили благодарственное молебствіе въ храмѣ всенародно, молились и келейно. Молилась Дуня въ глубокую полночь, когда одинъ Богъ могъ слышать ея молитву за того, кого при всѣхъ называла братомъ, а въ душѣ другими, болѣе сладкими, именами. Въ этихъ молитвахъ она не просила

ничего для себя—все ему, здоровье, безопасность, радости, почести! А она ужь будетъ счастлива его счастіемъ.

Володя приписывалъ въ письмѣ къ матери:

«Скажи милой сестрѣ Дунѣ, что мысль о ней одушевляла меня во всѣхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ: я знаю, она не любитъ трусовъ. Поцѣлуйте ее крѣпко, крѣпко за меня.»

На этотъ разъ Марѳа Михайловна не имѣла духа ревновать къ своей воспитанницѣ и горячо исполнила порученіе сына.

Созваны сосѣдніе помѣщики на пиръ велій, много выпито шампанскаго въ честь виновника этого пира. Самъ Сергѣй Семеновичъ, ходившій до сихъ поръ пасмурный, глубоко озабоченный, понуривъ голову, повеселѣлъ. Какъ нарядна и хороша была Дуня въ этотъ день, точно обрученная съ милымъ ей человѣкомъ! Какъ шло къ ней любимое ея украшеніе—бѣлая роза въ черныхъ волосахъ! А любила она его, потому что Володя нѣсколько разъ восхищался этимъ нарядомъ. Какимъ огнемъ горѣли ея глаза изъ-подъ сѣтки длинныхъ рѣсницъ! Старики, приглашенные на пиръ, находили въ ея бесѣдѣ особенное удовольствіе, потому что она умѣла ихъ занять предметомъ разговора, приличнымъ ихъ лѣтамъ и вкусамъ. Молодые люди были очарованы ея красотой, любезностью и умомъ. Слышно было, что одинъ изъ нихъ, очень пріятной наружности, съ хорошимъ состояніемъ, образованный и неглупый, влюбился въ нее; но когда объявилъ отцу своему, что желаетъ просить ея руки, тотъ строго настрого приказалъ ему и не помышлять о такомъ неравномъ бракѣ съ луковскою мѣщанкой. Они и не подозрѣвали, что въ сердцѣ ея было другое, болѣе несокрушимое препятствіе—любовь къ Володѣ. Въ случаѣ согласія отца, молодой столбовой дворянинъ

получилъ бы навѣрно рѣшительный отказъ отъ мѣщанки.

Здѣсь позвольте мнѣ маленькое отступленіе отъ моего разсказа.

Я могъ бы, по примѣру нашихъ и не нашихъ романистовъ, заставить Дуню вести журналъ всѣхъ ея помышленій, чувствъ и приключеній до мельчайшихъ подробностей, но отказываюсь отъ такого рода уловокъ, изъ-за которыхъ всегда выглядываетъ настоящій ихъ авторъ, да и позволяю себѣ замѣтить, что этотъ путь сочинительства у насъ избитъ до приторности. Не прибѣгаю также въ этомъ случаѣ и къ перепискѣ съ какою-нибудь пріятельницей, потому что моя героиня съ того времени, какъ сама узнала о настоящихъ своихъ чувствахъ къ Володѣ, никому не повѣряла ихъ, кромѣ Бога. Если они и выглядывали въ короткой, дружеской перепискѣ съ Володей, такъ одинъ онъ могъ только читать ихъ своимъ сердцемъ между строками. Впрочемъ и то долженъ я сказать, что любовь эта не обильна была никакими яркими проявленіями, а я не хочу насильно притягивать ихъ въ мой разсказъ, чтобы въ немъ было побольше любви, какъ можно больше, да еще пикантной... Послѣ этой оговорки обращаюсь къ пиру

Веселились отъ души и крестьяне, для которыхъ также устроено было обильное угощеніе, пили, ѣли до отвалу, пѣли до осиплости, до упаду и разошлись по домамъ только съ пѣтухами. Многіе хлебнувъ черезъ край за здоровье молодого господина, едва могли, и то съ помощью заботливыхъ супругъ, дойти до своей избы; иные, съ которыми не могли сладить ихъ нѣжныя половины, въ безчувственномъ состояніи повалились, гдѣ попало, у изгородей и заворотней. Ужь и прославляли они господскій праздникъ. Мужику угощеніе не въ угощеніе, если онъ идетъ домой въ па-

мяти, здоровый, и на слѣдующій день не трещитъ у него голова отъ похмѣлья.

Володя получилъ письмо на походѣ изъ Бессарабіи въ Крымъ, гдѣ рукою Провидѣнія водружалась уже кровавая купель, въ которой Россія должна была омыться и изъ которой суждено ей было выдти преображенною.

На адресѣ письма онъ узналъ четкую, бойкую руку Дуни, писавшей обыкновенно адресы на письмахъ своихъ воспитателей, и съ сердечнымъ трепетомъ распечаталъ его.

Патокины писали сыну, что могли только писать счастливые, нѣжно любящіе отецъ и мать. Въ концѣ письма была приписка отъ Дуни:

«Много радостныхъ слезъ было пролито надъ твоимъ письмомъ, милый другъ и братъ. Сколько благодарныхъ молитвъ услышалъ Богъ съ того времени въ домѣ нашемъ и въ крестьянской избѣ! Говорю это не для фразы; ты знаешь, я не охотница до нихъ. Повѣрь, тебя любятъ и помнятъ всѣ въ Красномъ-сельцѣ. Добро, которое ты дѣлалъ тайно, не скрылось отъ меня: видишь, какъ я слѣдила за тобой. О себѣ скажу, сестра твоя Дуня была безъ ума отъ твоей приписки. Умѣлъ же ты найти для нея слова, которыя вскружили ей голову и наполнили сердце удовольствіемъ, никогда еще ею не испытаннымъ въ такой степени. О! Еслибъ ты зналъ, какъ я была горда и счастлива въ эти дни! Мамаша описывала тебѣ пиръ, заданный сосѣдямъ въ Красномъ-сельцѣ, въ честь твою. Повѣришь-ли? я внутренно такъ возгордилась, что воображала себя царицей этого праздника. Когда пили за твое здоровье съ желаніемъ тебѣ дослужиться до генерала и звѣзды, я едва удержалась, чтобы за тебя не отвѣсить гостямъ по поклону. Вотъ бы надѣлала бѣдъ!... Когда жь я выпила за твое здоровье цѣлый

бокалъ шампанскаго, не о генеральствѣ твоемъ, не о звѣздѣ думала, а молила Бога, чтобы онъ вынесъ тебя невредимо изъ всѣхъ опасностей войны, чтобы ты скорѣй возвратился къ намъ. Мамаша передала мнѣ твой поцѣлуй; онъ глубоко, навсегда сохранился въ сердцѣ моемъ. Пиши къ намъ, какъ возможно, чаще о себѣ и удѣли мнѣ въ письмахъ своихъ хоть по двѣ строчки. Это будетъ намъ вознагражденіемъ за все, что мы выстрадаемъ до полученія ихъ.

PS. По просьбѣ папаши генералъ Огрызковъ выхлопоталъ Лебединскому мѣсто уѣзднаго стряпчаго въ одномъ изъ городовъ нашей губерніи. Съ своею рѣзкою любовью къ правдѣ уживется-ли онъ тамъ долго?..

«Будешь въ Приморскѣ, справься по дѣламъ нашего папаши. Онъ взялъ подрядъ на продовольствіе войска, а завѣдываетъ всѣмъ Опенкинъ. Боюсь, чтобы Самсонычъ съ своимъ сыномъ, комиссіонеромъ, не воспользовались добротой его и не ввели его въ большія хлопоты по этому подряду. Папаша совершенно ввѣрился ему, какъ будто обвороженный имъ.

«Общій пріятель нашъ, Джонсъ, посылаетъ тебѣ свой сердечный поклонъ. Ахъ! еслибы всѣ окружающіе насъ были такъ честны и благородны, какъ онъ, нечего было бы опасаться за дѣла ваши».

Володя читалъ эту приписку не только по строкамъ, но, какъ я сказалъ, и между строкъ, и крѣпко призадумался надъ ней.

Въ Приморскѣ привезъ къ нему офицеръ, только что пріѣхавшій, другое, тяжеловѣсное письмо отъ Мишеля Суздалина. Давно не имѣлъ Володя объ немъ слуху, а онъ сильно дорожилъ его дружбою. Можно

судить, какъ онъ обрадовался вѣсти отъ него. Правда, было что и почитать въ этомъ письмѣ, или лучше сказать цѣлой тетради. Нѣсколько листовъ почтовой бумаги были исписаны и перекрещены мелкимъ почеркомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Преслѣдую тебя, любезный другъ, Володя»,—писалъ Суздалинъ,—по всѣмъ концамъ Россіи. Сперва сказали мнѣ, что полкъ вашъ въ Царствѣ Польскомъ, потомъ—на Волыни, далѣе на берегахъ Дуная; надняхъ узналъ, что вы направили свой орлиный полетъ въ Крымъ. Махнете, пожалуй, и туда,

«Гдѣ вѣтры могутъ только дуть.

«Гдѣ-жь они не могутъ дуть? спросилъ бы я у поэта. Ужь не на курьерскихъ-ли скачутъ ваши полки? А право, стоило бы нарисовать васъ въ такомъ поѣздѣ съ вашими шефами и аншефами. Признаюсь, усталъ я крѣпко въ поискахъ за тобою. Только и перевелъ духъ, удостовѣрясь, что могу перенять тебя въ Приморскѣ. Кстати одинъ морякъ, нашъ суходолецъ, ѣдетъ туда и взялся доставить тебѣ мое письмо. Какъ хочешь, стой и не движись, мое свѣтлое солнышко, хоть часика на три, въ этомъ полурусскомъ, полугреческомъ, полуитальянскомъ городѣ, и прочти мое посланіе. А тамъ скачи себѣ опять, пока крылатые кони ваши не выбьются изъ силъ, или оси вашей колесницы не загорятся.

«Съ того времени, какъ мы разстались, въ сердцѣ моемъ накопилось столько грузу, что я долженъ непремѣнно облегчить его на груди твоей. Чтеніе приказовъ, рапортовъ, нарядовъ и маршрутовъ должно тебѣ надоѣсть; книжекъ вы съ собою не таскаете, такъ ради развлеченія, прочти мою новѣйшую исторію, которая, право, стоитъ иного романа. Увидишь, что я, *по своему*, употребилъ *вящее* стараніе отдѣлать литературное повѣствованіе о похожденіяхъ новаго Телемака Уллисовича въ лицѣ моемъ, чтобы ты не соскучился, читая ихъ. *Стиль* — важное дѣло, братецъ, иные авторы только и берутъ имъ. Увѣренъ, что ты примешь дружеское участіе въ моихъ сердечныхъ дѣлахъ. Но прежде одно важное Nota bene—читая мое письмо, помнить, что я ужь не тотъ вѣтреный, пустой юноша, какимъ ты знавалъ меня прежде, что мнѣ ужь за четверть вѣка, что я остепенился и видомъ и характеромъ, ношу что-то родѣ бороды, внушающей уваженіе, и не считаю предметовъ своего обожанія по нумерамъ, а поклоняюсь только одному, безнумерному божеству въ глубинѣ своего сердца. Чуръ, не смѣяться надъ моимъ чувствомъ, а то я могу глубоко оскорбиться, какъ ты нѣкогда оскорблялся, когда я посмѣивался надъ твоею братскою привязанностью къ изумрудному-крестику. Послѣ этой оговорки приступаю къ дѣлу.

«Вѣдай, что я обрѣтаюсь нынѣ въ нашемъ знаменитомъ, богоспасаемомъ градѣ Суходольскѣ, знаменитомъ уже тѣмъ, что это моя родина и родина твоихъ настоящихъ и будущихъ подвиговъ. Я перешелъ сюда на службу по желанію моей матери имѣть меня поближе къ себѣ. Моя борода, видно, ручалась ей, что я ужь способенъ быть опорою ея старости и удержать на крѣпкихъ раменахъ своихъ наше суходольское имѣніе въ томъ благоустроенномъ положеніи, въ какомъ

эта рѣдкая мать семейства и хозяйка поддерживала его. По прибытіи моемъ сюда, губернаторъ предложилъ мнѣ мѣсто при себѣ младшаго чиновника особыхъ порученій. Воображаю, какую гримасу сдѣлали мои бывшіе товарищи по службѣ (ужь конечно не ты) и по университету, узнавъ, что я принялъ должность *младшаго*. Гдѣ жь намъ, дескать, въ такой маленькой сферѣ размахнуться нашими орлиными крыльями, употребить въ дѣло наши великія способности и высшее образованіе! Но какъ я, съ своими крылышками, могу только пускаться недалеко отъ гнѣзда своего и увѣренный, что лучшая школа для новичка на *дѣйствительной* службѣ — провинція, то и принялъ охотно должность, мнѣ предложенную. Здѣсь, по мнѣнію моему, могу быть полезенъ всякому *человѣчеству* и, если нужно, по средствамъ и силамъ сражаться, сколько умѣнья хватитъ съ *античеловѣчествомъ* съ которымъ буду имѣть встрѣчи. Не хвастаюсь, что это подвигъ— я исполняю волю матери; служа, могу заниматься и своими хозяйственными дѣлами, сосредоточенными въ здѣшней губерніи.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ познакомился я въ домѣ нашемъ съ одною очаровательной женщиной, Катериной Александровной Можайской. Тогда я узналъ не болѣе, что она вдова, имѣетъ малолѣтнюю дочь, слѣдовательно, почти свободна. Она жила прежде съ мужемъ въ Одессѣ, потомъ овдовѣвъ, въ степной деревнѣ, и недавно пріѣхала въ свою суходольскую усадьбу, откуда нѣсколько лѣтъ изгоняли ее печальныя воспоминанія. Я назвалъ Можайскую очаровательною по впечатлѣнію, которое она на меня произвела въ первыя недѣли нашего знакомства. Вообрази себѣ типъ южной красоты (въ Молдавіи ты, конечно, встрѣчалъ его не разъ). Миндалеобразные, черные глаза то подернуты влагою сладострастнаго изнеможенія, то

пускаютъ въ тебя изъ-подъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ цѣлый пукъ жгучихъ стрѣлъ. Нѣсколько смуглое, сухощавое лицо, съ правильными, тонкими чертами, не подкрашено никакими косметическими снадобьями. Обаяніе нѣги разлито во всей ея наружности; тѣлодвиженія ея, обыкновенно лѣнивыя, какъ у жительницъ гарема, внезапно дѣлаются быстры, исполнены жизни. Дѣйствительно, она кровное дитя юга, по мужскому колѣну гречанка, по женскому—молдаванка. Въ сердце моемъ, при первомъ сближеніи съ нею, не было ни чистыхъ помысловъ, ни любви, смѣшанной съ уваженіемъ; нѣтъ, это было какое-то раздражающее, опьяняющее чувство, жажда наслажденія, наслажденія и ничего болѣе. Признаюсь тебѣ, я не видалъ въ жизни женщины, которая могла бы возбудить сильнѣе остроту этого чувства. Я спросилъ ее однажды, любитъ ли она поэзію.—«Зачѣмъ?» отвѣчала она довольно нескромно: «я сама поэзія». Да подумалъ я, ты поэзія Парни — не болѣе. Удивишься ты, когда послѣ этого описанія, скажу тебѣ, что этой женщинѣ подъ сорокъ—такъ она умѣла, какъ говорятъ, сохранить себя. А казалось бы, перекрестный огонь приключеній, сквозь который жизнь ея прошла, долженъ былъ положить на ея наружность слѣды свои. Увѣренъ, что она, и за сорокалѣтній бальзаковскій срокъ, найдетъ себѣ обожателей. Добра она—по увлеченію, готова отдать съ себя дорогую вещь бѣдному, если не имѣетъ денегъ, умна, какъ бѣсъ, и также зла, какъ онъ, когда почитаетъ себя обиженной. Тогда языкъ ея безъ пощады рѣжетъ, какъ бритва, язвитъ, какъ жало пчелы, которая не выпуститъ своей жертвы, пока не истощитъ на ней весь свой запасъ яда. Мужъ ея, по отцу моему, приходился намъ роднею, правда, седьмая вода на киселѣ, и потому я попалъ скоро въ кузены ея, хотя, по степенямъ родства, могъ

ближе считаться ея племянникомъ. Пріѣзжая сюда изъ деревни, она была заинтересована молвою обо мнѣ. Надо тебѣ сказать, что по одной мнимой побѣдѣ (клянусь тебѣ, мнимой) надъ сердцемъ довольно интересной особы, я едва не имѣлъ дуэли съ ея ревнивымъ мужемъ, и потому попалъ въ провинціальные донъ-Жуаны, а по моему тенору, который, какъ ты знаешь, угодно было московскимъ диллетантамъ находить пріятнымъ и одушевленнымъ, я произведенъ здѣсь едва ли не въ Маріо. Названная кузина любитъ окружать себя молодыми людьми, любитъ италіянскую музыку, и я скоро сдѣлался ея любимцемъ: мнѣ дано было право входить къ ней во всѣ часы дня безъ докладу, когда она бываетъ здѣсь въ Суходольскѣ (долго не имѣлъ я случая быть у ней въ деревнѣ). Я сказалъ тебѣ, что чувство мое къ ней было какое-то опьяненіе. Слава Богу, я скоро протрезвился. Правда, искушенія были сильныя, но я вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Прошло нѣсколько времени, я вглядѣлся въ нее попристальнѣе, и очарованіе, которымъ мое воображеніе и первое впечатлѣніе ее окружили, изчезло; изъ пышнаго вѣнка, которымъ я ее убралъ, стали опадать, одинъ за другимъ, по лучшему цвѣтку. Я заглянулъ и къ себѣ поглубже въ душу и увѣрился, что Катерина Александровна *не по мнѣ*, что я не могу ее любить, какъ хотѣлъ бы любить женщину по созданному мною идеалу. Къ тому жь мой добрый геній, въ видѣ матери, пришелъ ко мнѣ на помощь, когда разсудокъ мой ослабѣлъ. Она передала мнѣ исторію Катерины Александровны въ одинъ изъ важныхъ кризисовъ ея жизни, въ которомъ отецъ мой игралъ довольно значительную роль.

«Не только я пересталъ посягать на обладаніе ея очаровательною персоною и оставилъ арену свободною болѣе смѣлымъ рыцарямъ, но едва было съ нею не

разсорился, и вотъ по какому случаю. Катерина Александровна отпустила злую остроту на счетъ моихъ гражданскихъ добродѣтелей и чистоты нравовъ, взлелѣянныхъ, какъ она говорила, подъ крыломъ римской матроны. Я бы смолчалъ, или, просто, безобидно отшутился, если бы стрѣла, пущенная въ меня, не задѣла моей матери; но тутъ я не остался въ долгу и отплатилъ госпожѣ Можайской монетой съ такимъ рѣзкимъ чеканомъ, отъ котораго глаза ея помутились. Таила ли она послѣ того что-нибудь противъ меня въ душѣ своей, мнѣ неизвѣстно. Правда, разжалованъ я былъ изъ ami intime въ ami de la maison, но этимъ наша размолвка и ограничилась. Катерина Александровна не обнаруживала, что получила отвѣтную посылку. Я продолжалъ посѣщать ея домъ, какъ домашній другъ, какъ любезнѣйшій кузенъ, съ которымъ она находила удовольствіе бесѣдовать о разныхъ городскихъ новостяхъ, выходившихъ изъ ряду обыкновенныхъ, и котораго страстное пѣніе любила подъ часъ слушать. Отъ всякихъ поползновеній на болѣе короткія отношенія я былъ видимо отстраненъ, да и самъ не добивался ихъ. Эта женщина сдѣлалась фатумомъ моей жизни, и потому я долженъ разсказать тебѣ ея исторію, какъ она передана мнѣ матерью и еще человѣчкомъ, о которомъ буду говорить въ этомъ же письмѣ, въ свое время.

«Отецъ Катерины Александровны былъ русскій заслуженный контръ-адмиралъ съ греческою фамиліею, проживавшій послѣ своей отставки въ Херсонѣ. По смерти матери она осталась семилѣтнимъ ребенкомъ. Старикъ отецъ страстно ее любилъ, но замѣтивъ въ ней вспышки горячей натуры, доставшейся ей въ наслѣдство отъ матери, хотѣлъ передѣлать эту натуру методическимъ, строгимъ воспитаніемъ. Онъ, старая русская нянька, старая француженка гувернантка, пе-

ренесшая на свою воспитанницу ригоризмъ правилъ, которымъ сама подчинена была въ одномъ изъ парижскихъ монастырей, гдѣ образовалась, близкіе родственницы, большею частью старики и старушки, — вотъ все общество, въ которомъ прошла затворническая жизнь Кати до 17 лѣтъ, правда, общество любящее, заботливое о ней, но пуританское, скучное. За черту его не позволено было дѣвочкѣ заглядывать, не позволено было знать, что дѣлается тамъ, гдѣ живутъ другіе люди, какими отношеніями они движутся, знакомы-ли имъ другія чувства, кромѣ любви и уваженія къ родителямъ, воспитателямъ и роднымъ. Воспитаніе ея ограничилось знаніемъ французскаго языка, на которомъ она выучилась говорить и писать, какъ истая парижанка; съ русскимъ же языкомъ до того была незнакома, что не могла правильно составить на немъ двухъ строкъ. Поверхностныя, научныя свѣдѣнія, танцы и музыка, которымъ учила ее та же гувернантка, довершили ея воспитаніе. Чтеніе ея не шло далѣе нравственныхъ твореній madame de Genlis и Фенелона. Однакожь, когда наставница спросила шестнадцатилѣтнюю воспитанницу свою, какое мѣсто болѣе всего понравилось ей въ Телемакѣ, Катя, краснѣя, назвала страницы, гдѣ описано пребываніе сына Улисова на островѣ Калипсо. Увы! краснорѣчивыя сентенціи преосвященнаго автора не спасли ее отъ чувства, которому такъ просто учитъ сама природа. Зато отвѣтъ заслужилъ длинную проповѣдь цѣломудренной француженки. Надо замѣтить, что проповѣдь эта была послѣдняя, предсмертная. Когда Катеринѣ Александровнѣ минуло 17 лѣтъ, отецъ ея переселился въ Одессу. Тамъ она появилась на блестящемъ вечерѣ, данномъ по случаю пріѣзда одной высокой особы. Онъ хотѣлъ еще передъ смертью насладиться впечатлѣніемъ, которое произведетъ въ обществѣ ея красота и

скромность. Когда она, сбираясь на этотъ вечеръ, скинула съ себя ситецъ, бывшій обыкновенно ея форменной одеждой, одѣлась въ шелкъ и кружева и посмотрѣлась въ трюмо, замѣнившее ея крошечное зеркальце, тайный голосъ сказалъ ей, что она прехорошенькая. И въ самомъ дѣлѣ, красота ея, еще рѣзче выступавшая подлѣ дряхлаго, полуслѣпого старика, опиравшагося на ея руку при входѣ въ бальную залу, произвела электрическое впечатлѣніе. Говоръ восторга встрѣтилъ ее и провожалъ на каждомъ шагу. Сама высокая особа обратила на нее вниманіе, подняла ее на танецъ и успѣла насказать ей множество лестныхъ словъ, на которыя она, краснѣя, робко и лаконически отвѣчала. Слова эти были повторены и отцу съ приглашеніемъ въ Петербургъ, гдѣ дочь его могла бы первенствовать своею красотой и составить себѣ блестящую партію. Старикъ даже испугался торжества дочери.

«Вскорѣ присватался за нее Дмитрій Алексѣевичъ Можайскій, занимавшій довольно видное мѣсто въ Одессѣ. Пріятная наружность, хорошее состояніе, округляющее то, которое она должна была получить по смерти отца, надежды на будущую карьеру жениха, благопріятные отзывы въ пользу его характера и болѣе всего страхъ оставить ее одну среди обольщеній свѣта, рѣшили скоро участь Катерины Александровны. Она не замедлила отдать руку и сердце первому мужчинѣ, первому Телемаку, умѣвшему раскрыть это сердце для чувства, ей доселѣ невѣдомаго, и сказать ей сладкія, обворожительныя слова, никогда ею неслыханныя. Отецъ успѣлъ еще насладиться счатіемъ четы, не только въ медовые мѣсяцы, но и въ первые два года ея супружества. Сердце его, прежде чѣмъ перестало биться, еще радостно отозвалось на первый крикъ внучки Таисіи. Со смертью его, весь

міръ Катерины Александровны сосредоточился въ мужѣ и дочери. Она страстно полюбила его, старалась угадывать его желанія, истощала для него ласки и угожденія, какія могло только придумать ея молодое сердце. Чего не сдѣлалъ бы разумный, нѣжный мужъ изъ этой женщины, безгранично любящей, отдавшейся вполнѣ своему другу и любовнику! Можайскій принялся перевоспитывать ее по своему. Ему не нравилась ея скромность, похожая на робость институтки, только что вышедшей изъ ограды, въ которой она столько лѣтъ была замкнута, ему не нравились ея отвращеніе отъ шумнаго общества, ея уединенная жизнь у домашняго очага, большею частью, глазъ на глазъ съ мужемъ, у колыбели ребенка, котораго она сама кормила. Дмитрій Алексѣевичъ хотѣлъ, чтобы она, для своего здоровья, взяла кормилицу; Катерина Александровна не безъ слезъ исполнила его желаніе. Крикъ Таечки возмущалъ его, и Таечка перенесена въ дальнюю комнату, откуда нѣжный слухъ родителя не могъ оскорбляться этими криками. Успѣвъ разгадать врожденный умъ Катерины Александровны, до сихъ поръ пригнетенный пуританскимъ воспитаніемъ, Можайскій старался развернуть его на свой ладъ, для свѣтскаго общества, гдѣ она могла бы выказать его и блеснуть имъ. «*Совѣты матерямъ*» и другія книги о воспитаніи, которыми она запаслась, брошены въ кладовую на съѣденіе мышамъ; ихъ замѣнили «Новая Элоиза» и другія французскія произведенія, умѣющія такъ искусно разжигать воображеніе и кровь. Онъ хотѣлъ, чтобы красота ея возбуждала зависть соперницъ, восторгъ мужчинъ. Поболѣе блеска, ѳиміама, поклонниковъ около божества, котораго онъ жрецъ, и самъ жрецъ возвысится въ глазахъ другихъ. Съ желаніемъ, чтобы жена занимала блестящее мѣсто въ свѣтѣ, соединялось и желаніе освободиться отъ стѣсненія, въ которомъ дер-

жала его замкнутая жизнь ея. А онъ до женитьбы любилъ шумный свѣтъ, пиры, карточную игру, общество разгульныхъ молодыхъ людей и женщинъ легкаго поведенія. Пока отецъ ея былъ живъ и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти его, Дмитрій Алексѣевичъ притворялся добрымъ семьяниномъ, но время тягостнаго искуса прошло — привычка и природа взяли свое, и онъ обратился къ прежней своей жизни. Жена, изъ угожденія мужу, стала безъ строгаго разбора принимать къ себѣ общество, которое нравилось ему. Налетѣлъ въ ихъ домъ рой молодыхъ людей, военныхъ и гражданскихъ, всякой масти, раскрылись карточные столы, на зеленомъ полѣ ихъ явились цѣлыя колонны цифръ. Мужъ, если не бывалъ дома, пріѣзжалъ нерѣдко съ зимнимъ разсвѣтомъ домой. Сначала это очень огорчало Катерину Александровну, потомъ она попривыкла къ такому порядку вещей, и сама сдѣлалась полуночницей. Красота ея не могла не найти себѣ жаркихъ поклонниковъ. Слухъ ея пріучился къ страстнымъ рѣчамъ и даже не оскорблялся двусмысленностями, потому что не оскорблялся ими мужъ, при которомъ онѣ говорились. Въ два, три года нельзя было узнать прежней Катерины Александровны, краснѣвшей отъ каждаго комплимента, къ ней обращеннаго, отъ каждаго нескромнаго слова, при ней сказаннаго. Женщины, съ которыми она подружилась, старались ввести ее въ грѣшный міръ свой, чтобъ не казаться имъ однѣмъ грѣшницами. Въ такой школѣ она не могла не дѣлать успѣховъ. Между тѣмъ эта свѣтская, бойкая дама, кокетка по наружности, несмотря на всѣ искушенія, была вѣрна мужу, все-таки любила его, едва ли не съ прежнею горячностью.

«Въ одинъ несчастный для Можайскаго карточный вечеръ онъ зарвался, проигралъ всѣ свои наличныя деньги, проигралъ еще значительную сумму на чест-

ное слово. Денегъ взаймы онъ не могъ нигдѣ сыскать, потому что ему перестали вѣрить, и обратился къ казенному ящику. Положеніе его было отчаянное. Дмитрій Алексѣевичъ признался во всемъ женѣ. Въ этомъ случаѣ Катерина Александровна показала себя истинно великодушной, любящей женщиной. Ни одного упрека не сдѣлано, ни одной жалобы не произнесено. Она не долго думала, заложила свои бриллiанты и серебро, дала на свое имя заемныя письма и спасла мужа отъ наказанія и позора, которые его ожидали. Онъ падалъ передъ нею на колѣна, плакалъ, цѣловалъ съ жаромъ ея руки, клялся не играть болѣе въ карты, посвятить отнынѣ всего себя женѣ и дочери. Съ этого времени супруги стали вести скромную жизнь. Мужъ прервалъ связи съ разгульными друзьями, оба ограничились болѣе тѣснымъ, избраннымъ кругомъ, карты были изгнаны изъ дому. Несмотря на толки и пересуды людскіе, чета жила такъ съ годъ—цѣлая вѣчность для человѣка, привыкшаго къ разсѣянной, безпорядочной жизни, находившаго лучшее свое наслажденіе въ тревогахъ ея, — одинъ часъ для женщины, увѣрившейся, что тотъ, кого она любитъ, ей вполнѣ принадлежитъ.

«Пріѣхала пѣвица, италіянка, жившая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ и производившая тамъ фуроръ своею красотой и голосомъ, болѣе страстнымъ и одушевленнымъ, нежели правильнымъ и высокимъ. Она растеряла уже нѣсколько изъ своихъ прелестей и нотъ, молодость ея уже была сомнительна, но актриса умѣетъ не скоро стариться и особенно на театральныхъ подмосткахъ долго привлекательна, если къ тому одарена сценическимъ талантомъ. Первое ея появленіе въ «Семирамидѣ» было для нея настоящимъ тріумфомъ, вызовы не кончались, букеты и вѣнки легли передъ ея ногами пышнымъ ковромъ. Но зрители видѣли, какъ она среди этого торжества искала

кого-то между ними, пронзая ряды креселъ и ложъ своимъ пламеннымъ взглядомъ, и потомъ, забывшись, поникла головою на грудь. Первая ея арія въ слѣдующемъ актѣ началась глубокимъ вздохомъ. Въ театрѣ не было того, кого она искала, чьимъ привѣтливымъ взглядомъ дорожила болѣе всѣхъ восторженныхъ криковъ, болѣе всѣхъ вѣнковъ, бросаемыхъ къ ея ногамъ. Этому избраннику отдала она нѣкогда первую свою любовь, лучшіе дни своей молодости. Не было въ театрѣ Дмитрія Алексѣевича Можайскаго, хотя жена и приглашала его ѣхать слушать пѣвицу, которую такъ превозносили. Оговоркой ему было нездоровье: онъ боялся, чтобы при первомъ взглядѣ на примадонну его сердца, при первыхъ звукахъ ея голоса, потрясавшихъ такъ часто его душу, не проснулась прежняя его любовь и онъ не увлекся. Два-три слѣдующія представленія онъ также не пошелъ въ театръ. Несмотря на слабость своего характера, на приглашеніе друзей, восторгавшихся пѣвицей, онъ умѣлъ побѣдить себя.

«Разъ, при входѣ въ сѣни палаты, которой онъ былъ начальникомъ, молодая женщина подала ему письмо. — «Сеньоръ», — сказала она ему по-италіянски, — «я прислана отъ извѣстной вамъ особы: дайте отвѣтъ».

«Можайскій поколебался было взять письмо, наконецъ дрожащими руками взялъ и распечаталъ. Отъ цвѣтной бумажки пахнуло воздухомъ, вѣющимъ только подъ знойнымъ небомъ полуденныхъ странъ. Читая письмо, онъ взглянулъ раза два пытливымъ взглядомъ на швейцара, какъ бы вывѣдывая на лицѣ его, не угадалъ ли онъ тайны письма; потомъ судорожно вынулъ карандашъ изъ бумажника, написалъ на присланномъ листочкѣ только слово *буду*, вложилъ листокъ въ кувертъ и отдалъ женщинѣ, дожидавшейся отвѣта.

«Вотъ что онъ прочелъ въ письмѣ:

«Четырехлѣтняя дочь наша спитъ вѣчнымъ сномъ на берегахъ Арно; цвѣтами, опавшими съ померанцеваго дерева на ея могилу, я надушила бумажку, на которой тебѣ пишу. Прими въ этомъ ароматѣ послѣднее ея дыханіе. Она умерла со словами: папа Димитрій. Ты знаешь, я разсталась съ тобою, чтобы увидаться съ отцомъ и матерью и обезпечить ихъ послѣдніе дни. Я не застала ихъ въ живыхъ. Все мое умерло, только не умерла любовь моя къ тебѣ, неблагодарный и невѣрный другъ. Въ краяхъ, далекихъ отъ тебя, мнѣ предлагали богатыя условія, мнѣ представлялась блестящая партія, но я отвергла все, чтобы тебя увидѣть, сказать тебѣ, что я люблю тебя попрежнему, излить на твои уста всю мою жизнь. И чтожь? Узнаю, что ты женатъ. Мало, ты даже не хотѣлъ видѣть меня на сценѣ, услышать отъ меня страстныя слова, которыя готовила тебѣ твоя обожаемая царица, какъ ты называлъ меня прежде, у ногъ которой ты клялся ей въ вѣчной любви, клялся дать ей имя супруги и дочери имя отца. Обманутая, сокрушенная, потерявъ все, чѣмъ красилась и поддерживалась жизнь моя, я уѣзжаю изъ Одессы. Поѣду въ Алжиръ, въ Америку, на край свѣта, гдѣ видъ счастливой соперницы не будетъ отравлять раны моего сердца, гдѣ буду жить только воспоминаніями прежняго моего блаженства и умру вмѣстѣ съ ними. Но прежде, чѣмъ уѣду, я хочу съ тобой видѣться и сказать тебѣ послѣднее прости. Неужели ты будешь такъ жестокъ, откажешь въ этой просьбѣ женщинѣ, которая тебѣ всѣмъ пожертвовала? Жду тебя на моей квартирѣ по окончаніи спектакля».

«Въ полночь Можайскій былъ у италіянки, былъ и нѣсколько разъ послѣ того. Частыя, противъ обыкновенія, отлучки изъ дому, позднее возвращеніе домой, смущеніе, невольно выступавшее на его лицѣ, неопре-

дѣленные, уклончивые отвѣты, когда его спрашивали, гдѣ онъ провелъ ночь, стали сильно тревожить Катерину Александровну. Она подумала, что мужъ ея предался опять несчастной карточной игрѣ. Усиленныя ласки, хитрость, притворная холодность, все, что можетъ только изобрѣсти женщина, чтобы вывѣдать тайну отъ человѣка, нѣжно ею любимаго, было пущено въ дѣло, и напрасно. Между тѣмъ тайна, скрытая отъ жены, была ужь извѣстна въ городѣ. Нѣкоторые жаркіе поклонники актрисы, ухаживавшіе за нею, первые выслѣдили ночныя экскурсіи Можайскаго. Узналъ объ нихъ и одинъ молодой человѣкъ (имя его по нѣкоторымъ причинамъ, я долженъ утаить; скажу тебѣ только, что отецъ мой былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, а отецъ мой находился тогда по дѣламъ службы въ Одессѣ). Этотъ молодой человѣкъ любилъ Катерину Александровну постоянно-страстно, но съ осторожностью, съ уваженіемъ, которыми истинная любовь умѣетъ окружать предметъ свой и охранять отъ профанаціи свѣтскаго суда имя, для него святое. Катерина Александровна оказывала ему предпочтеніе передъ всѣми его соперниками въ то время, когда она, въ угожденіе мужу, разыгрывала роль эманципированной женщины. Онъ видѣлъ, что препятствіемъ обладанія ею была привязанность къ мужу, и спѣшилъ воспользоваться случаемъ, который ему представлялся, чтобы разрушить это препятствіе. Онъ пріѣхалъ къ ней и засталъ ее одну. Затронута была имъ искусно рѣчь объ актрисѣ, объ ея сценическомъ талантѣ, о красотѣ ея, довольно увядшей. Брошены были намеки на прежнія отношенія къ ней Дмитрія Алексѣевича, наконецъ молодой человѣкъ полуоткровенно дошелъ до того, что было извѣстно въ городѣ, а оставалось только тайною для жены. Глаза Можайской заблистали зловѣщимъ огнемъ, по ней пробѣжала судорож-

ная дрожь, но это была дрожь тигрицы, когда она готова броситься на свою жертву. Не о святости брака думала она, не о благодарности за все, что сдѣлала для мужа; но пренебречь ею, предпочесть ей соперницу старѣе и хуже ея, — этого оскорбленія и униженія она не могла снести. Кровь матери—молдаванки, въ ней заговорила. Разные планы мщенія зароились въ головѣ ея; она остановилась на одномъ.

«— Знаю васъ за благороднѣйшаго человѣка, — сказала Катерина Александровна роковому гостю:—но если вы изобрѣли эту исторію, чтобы поссорить меня съ *нимъ*, если вы сказали неправду...

«— Тогда я человѣкъ безъ чести, и вы можете передать мои слова мужу вашему; но если я представлю вамъ ясныя доказательства.

«— Тогда я ваша, и вотъ вамъ рука моя.

«Можайская протянула ему холодную руку, которую онъ покрылъ поцѣлуями.

«Уговорились въ первую же полночь, несмотря на погоду, если Дмитрій Алексѣевичъ не будетъ дома, идти вдвоемъ къ квартирѣ актрисы и тамъ подстеречь невѣрнаго мужа. Для молодого человѣка это былъ вопросъ высочайшаго блаженства, вопросъ чести и, можетъ быть, смерти. Катерина Александровна въ этотъ день притворилась спокойной, веселой, ничего не вѣдающей о томъ, что дѣлалось за кулисами ея дома. Мужу не пришло и въ голову никакихъ подозрѣній. Онъ былъ очень любезенъ и объявилъ женѣ, что ѣдетъ на вечеръ къ одному пріятелю, у котораго, можетъ статься, замедлится, и потому милая, безцѣнная Катя не должна безпокоиться, если онъ поздно возвратится домой.

«— Я и сама поѣду на вечеръ,—сказалъ Катерина Александровна: — къ такой-то (она назвала фамилію); думаю, поздно возвращусь.

«Супругъ, прощаясь съ нею, подарилъ ее горячимъ поцѣлуемъ, который она отплатила съ такою же нѣжностью, хотя ревность своими когтями рвала ей грудь.

«Въ полночь, переодѣвшись въ самый скромный костюмъ и накрывъ голову капоромъ, она вышла черезъ переднюю и главное крыльцо на улицу. Здѣсь ожидалъ ее молодой человѣкъ, ея наперсникъ. Ночь была ненастная. Сперва отправились они къ дому, гдѣ, говорилъ мужъ, будетъ проводить вечеръ. Осторожно справились, нѣтъ ли между экипажами, стоявшими у подъѣзда, экипажа Можайскаго, и, удостовѣрясь, что нѣтъ и не было, они направились къ квартирѣ актрисы. Пройдя мимо подъѣзда, несмотря на темную ночь, они замѣтили рысьими глазами ревности и любви, что у крыльца стоятъ крытыя дрожки и что это были дрожки Дмитрія Алексѣевича.

«Катерина Александровна крѣпко сжала руку своего спутника.

«Въ домѣ свѣтъ падалъ только изъ одного окна верхняго этажа сквозь опущенную розовую занавѣску и отражался на глянцевитой мостовой, омытой дождемъ. Вывѣдавъ мѣстность, дозорщики стали за угломъ забора, выходившаго на главную улицу, недалеко отъ подъѣзда, въ глухой переулокъ. Изъ этой засады можно было наблюдать, кто выходилъ изъ квартиры актрисы и слышать, какъ будутъ требовать экипажъ. Дождь продолжалъ падать густыми потоками, бѣдная женщина дрожала отъ холода и душевнаго волненія. Молодой человѣкъ окуталъ ее своимъ плащомъ, прижималъ къ груди своей, согрѣвалъ ея руки своимъ дыханіемъ, горячими поцѣлуями. Покорная, какъ слабый, больной ребенокъ, она не противилась, не произнесла ни одного слова. Прошло съ полчаса— онъ показался ей вѣчностью. Стукнула дверь изъ сѣней на подъѣздъ. Катерина Александровна вздрогнула и

превратилась вся въ зрѣніе и слухъ. Молодой человѣкъ слышалъ, какъ стучало у нея сердце, будто хотѣло выскочить изъ груди. — Дрожки!—закричалъ слуга, и вслѣдъ затѣмъ вышелъ изъ сѣней высокій мужчина; въ то-же время отворилось окно въ верхнемъ этажѣ и женскій голосъ сладкозвучно произнесъ: «adio; caro mio, Dimitri». Дмитрій Алексѣевичъ — нельзя было ужь сомнѣваться, что это былъ онъ, — садясь въ дрожки, сдѣлалъ прощальный знакъ рукой, кучеръ тронулъ лошадей. Катерина Александровна бросилась было имъ поперекъ, но молодой человѣкъ, изъ рукъ котораго она вырвалась, остановилъ ее: кучеръ осторожно ихъ объѣхалъ и сердито сказалъ: «эки черти! суются подъ ноги лошадей, чуть не раздавилъ.»

«Возвратившись домой, Можайскій спросилъ у людей въ передней, дома ли барыня. — «Нѣтъ дома», былъ отвѣтъ: «а лошадей не закладывали». Этотъ отвѣтъ показался ему страннымъ: онъ спросилъ горничную — та доложила, что барыня изволили уйти куда-то пѣшкомъ, и человѣка съ собой не взяли.

«— Въ такой дождь? — подумалъ онъ, — удивительно!

«Онъ прошелъ въ свой кабинетъ, въ ожиданіи жены хотѣлъ заснуть, но не могъ; угрызенія совѣсти и какое-то мучительное предчувствіе не дали ему спать. Часы пробили четыре, засуетились слуги въ передней. Дмитрій Алексѣевичъ догадался, что пріѣхала жена и пошелъ въ ея туалетную.

«Катерина Александровна раздѣвалась. Плечи ея были обнажены. Она спѣшила накинуть на себя мантилью, выслала горничную и потомъ сказала мужу:

«— Что вамъ угодно?...

«Этотъ вопросъ и тонъ, которымъ онъ былъ произнесенъ, озадачили его... Однакожъ, стараясь опра-

виться отъ своего смущенія, онъ спросилъ заискивающимъ голосомъ:

«—Гдѣ ты была такъ долго, другъ мой?

«— Я, другъ мой? — отвѣчала она съ холоднымъ презрѣніемъ, смотря на него свысока:—я была у своего любовника.

«— Вы шутите!

«— Точно такъ, какъ вы шутили со мною, проведя ночь у своей примадонны.

«Ошеломленный этими словами, онъ не зналъ, что сказать.

«— Вотъ видите, — продолжала она съ необыкновенною твердостью,—я откровеннѣе, благороднѣе васъ. Послѣ того, что я сказала вамъ, сударь, вы должны понять, что наши супружескія отношенія кончились навсегда. И это такъ вѣрно, такъ неизмѣнно, какъ святъ Богъ. Прошу сцены никакой не дѣлать; мы не на театральныхъ подмосткахъ. Надѣюсь, въ васъ найдется еще довольно благородства и чести, чтобъ удержаться отъ всякихъ мужицкихъ словъ, тѣмъ болѣе дѣйствій. Въ противномъ случаѣ, вы знаете... всѣ люди мои; я вынуждена буду на то, чего желала бы избѣгнуть. Бумажнаго процесса вы также, конечно, со мною не затѣете, зная, что на моей сторонѣ законъ, свидѣтели и деньги. Гораздо лучше, покойнѣй, не тревожась, келейно разойтись такъ, чтобы свѣтъ не зналъ о нашей размолвкѣ. Живите на своей половинѣ—я останусь на своей. Мнѣ полная свобода принимать, кого я хочу, пользуйтесь и вы тою же свободой. Дочь вашу можете видѣть, когда вамъ заблагоразсудится; воспитаніе ея беру на себя. Имѣніе ваше заложено и перезаложено, вы и теперь живете на мой счетъ. Карточный долгъ вашъ, по которому даны мною заемныя письма, будетъ мною очищенъ. Управленіе моими пятьюстами душами предоставляю себѣ.

Но знайте, что вы останетесь мужемъ моимъ для свѣта, а для меня только отцомъ моей дочери. Клянусь вамъ въ томъ великимъ именемъ Бога. Пускай Онъ накажетъ меня всѣми возможными бѣдствіями, пускай отниметъ у меня что всего дороже для меня въ мірѣ—дочь мою, если я измѣню когда-нибудь этимъ условіямъ. Человѣка, котораго презираешь, который довелъ жену свою до преступленія, полюбить снова нельзя. Оставляю вамъ сутки на размышленіе. Затѣмъ прощайте, Дмитрій Алексѣичъ.

«Можайскій ничего не сказалъ.

«Въ ту же ночь переѣхалъ онъ въ гостиницу.

«Въ слѣдующіе затѣмъ дни онъ искалъ своего противника и дослѣдилъ его.

«Они стрѣлялись. Отца моего, по родству, пригласилъ Дмитрій Алексѣевичъ къ себѣ въ секунданты. Молодой человѣкъ былъ тяжело раненъ, но, почувствовавъ черезъ нѣсколько недѣль облегченіе, по совѣту врачей, поѣхалъ долѣчиваться на Кавказъ. Говорили, что Катерина Александровна провожала его и онъ тамъ умеръ на ея рукахъ. Можайскій, потерявшій свое мѣсто по случаю дуэли, отправился въ чужіе края. Италіянка скрылась изъ города. Судъ общественный, обыкновенно, снисходительный къ слабостямъ и проступкамъ, даже грязнымъ, если они не выходятъ изъ ряда обыденныхъ, если они ловко замаскированы и не сопровождаются роковыми перипетіями, былъ на этотъ разъ неумолимо строгъ въ Катеринѣ Александровнѣ и едва не осудилъ побить ее каменьями.—«Развѣ не могла бы она», кричали въ обществѣ и, можетъ быть, самые грѣшные члены его: «развѣ не могла бы она уладить это дѣло полюбовно, безъ всякихъ эксцентрическихъ выходокъ ревности, не объявляя такъ самоотверженно мужу о своемъ проступкѣ, не выставляя себя какою-то героиней романа? Мужъ остался

бы при своей актрисѣ, она отомстила бы ему, взявъ себѣ любовника, ни того, ни другого судьба не подвергалась бы такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ, и жизнь ихъ устроилась бы прекрасно.» Катерина Александровна, преслѣдуемая этимъ строгимъ, безпощаднымъ судомъ и своею совѣстью, уѣхала въ степную деревню, гдѣ и заключила себя на нѣсколько лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ.

«Можайскій, возвратясь въ Россію, когда утихли послѣдствія его дуэли, жилъ то у себя въ деревнѣ, то въ Москвѣ или Петербургѣ; въ столицахъ былъ постояннымъ посѣтителемъ клубовъ и игорныхъ домовъ. днемъ спалъ, ночи проводилъ за картами; ѣздилъ на ярмарки, гоняясь по зеленому полю за фортуной, но она не давалась ему. Лѣса старые и молодые, оставшіеся еще нетронутыми въ деревняхъ, были имъ срѣзаны, хлѣбъ продавался на корню. Продавши одному покупщику и взявши задатокъ, перепродавалъ другому. Тяжебныхъ дѣлъ завелось у него множество. Онъ занималъ деньги даже у своихъ слугъ и крестьянъ. Несчастливый въ игрѣ, онъ пустился въ разные проекты: разводилъ піявокъ въ прудахъ, высиживалъ цыплятъ паровой машиной, дѣлалъ прививки плодовыхъ деревъ къ лѣснымъ, леталъ, съ помощью изобрѣтенныхъ имъ крыльевъ, съ балкона. Подостланныя перины не спасли его, однакожъ, отъ ушиба. Мало того, онъ сталъ отыскивать клады, завелъ связи съ знахарями, рылъ курганы, тревожилъ прахъ мертвыхъ. Всѣ эти предпріятія не принесли ему ничего, кромѣ убытковъ. Манія проектовъ до того его обуяла, что онъ на нихъ помѣшался. Много смѣшныхъ анекдотовъ ходило о немъ. Разскажу тебѣ, для примѣра, хоть одинъ.

«Пріѣхавъ разъ въ Москву, онъ выигралъ какъ-то близъ тысячи рублей. По расплатѣ за разныя покупки и расчетѣ въ гостиницѣ у него оставалось въ бумаж-

никѣ триста. Этихъ денегъ доставало только на дорожныя издержки. Чемоданы были ужь уложены, почтовыя лошади запряжены въ экипажъ и стояли у подъѣзда. Къ Можайскому пришелъ на проводы одинъ изъ его пріятелей. Роспили съ нимъ бутылку шампанскаго, простились и шли по корридору гостиницы съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ разстаться у экипажа. Навстрѣчу имъ какой-то господинъ, со всклокоченнымъ тупеемъ, окинулъ обоихъ дикими глазами и остановился передъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ.

— Ше лонеръ de parler à monsieur Mochaiski?— спрашиваетъ онъ.

— Точно такъ, что вамъ угодно?

«— Прошу на пару словъ безъ свидѣтелей, — говоритъ незнакомецъ ломаннымъ французскимъ и русскимъ языками,—вашно тѣло.

«Можайскій извиняется передъ своимъ пріятелемъ и входитъ съ незнакомцемъ въ новый нумеръ, который приказываетъ корридорному отвесть ему, а пріятеля своего проситъ подождать его въ прежнемъ нумерѣ, еще не запертомъ. Пріятель ждетъ, покуривая папироску; слуга ждетъ у экипажа, ждетъ и извозчикъ съ бляхой и павлинымъ перомъ на шляпѣ, похаживаетъ около своихъ лошадей; искоса прищуривая то одинъ, то другой глазъ, укорачиваетъ или пускаетъ подлиннѣе постромки, отъ нечего дѣлать то стегнетъ одну пристяжную, то другую, наконецъ начинаетъ роптать и говорить слугѣ, что отпущенъ со станціи на срокъ и принужденъ будетъ отпречь лошадей. Между тѣмъ Можайскій, переговоривъ съ незнакомцемъ и отпустивъ его, входитъ въ нумеръ, гдѣ ожидаетъ его пріятель. Лицо Дмитрія Алексѣевича сіяетъ отъ радости.

«— Поздравь меня, говоритъ онъ, торжественно держа въ поднятой рукѣ щегольскую фарфоровую

банку, — я сдѣлался богачемъ, купилъ у иностранца, котораго ты видѣлъ, за 300 рублей, секретъ, какъ дѣлать диковинную горчицу. Беру привиллегію. — Корридорный! крикнулъ онъ.

«Явился корридорный.

«— Прикажи моему Іоасафу отпустить почтовыхъ лошадей и перенесть все мое добро въ этотъ нумеръ. Я, братецъ, остаюсь у васъ еще на время. На меня съ неба упало богатство.

«Озадаченный корридорный отворялъ уже дверь, чтобы исполнить его приказаніе.

«— Постой!—закричалъ опять Можайскій.—А гдѣ, скажи-ка ты мнѣ, покупаете вы горчицу? Скажи хозяину своему отъ моего имени, какъ бишь его?

«— Иванъ Парфентьичъ.

«— Нѣтъ, братъ, Иванъ Парфентьичъ, шалишь, отнынѣ будешь покупать горчицу подъ фирмою Можайскаго, будутъ покупать ее во всѣхъ гостиницахъ, трактирахъ, лавкахъ. Слышишь? привилегированную, вотъ видишь, въ такихъ фарфоровыхъ банкахъ, только съ орлами, съ портретами Наполеона, Викторіи и разныхъ королей.

«Корридорный не преклонился передъ этими громкими именами, а только усмѣхнулся, посмотрѣвъ лукаво на пріятеля Можайскаго. Пріятель махнулъ рукою, плюнулъ и убѣжалъ.

«Разумѣется, важный секретъ оказался пуфомъ. Какъ ужь извернулся Дмитрій Алексѣевичъ, чтобы выѣхать изъ Москвы,—Богу извѣстно.

«Наконецъ этотъ несчастный совершенно растерялся. Видали, что тотъ, кто ѣзжалъ не иначе какъ четверкою въ мякишевской каретѣ, плелся на парѣ кляченокъ въ рогожной кибиткѣ, пріѣзжая въ Москву останавливался ужь не въ гостиницахъ, а на подворьѣ, въ какомъ-нибудь вонючемъ переулкѣ, и

покупалъ сахаръ по кусочкамъ, а чай по щепоткамъ. Правда, Катерина Александровна, узнавъ объ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не одинъ разъ присылала ему довольно значительныя деньги, платила многіе изъ его долговъ и срочные проценты по залогу имѣнія, но все это не шло ему въ прокъ. Самая наружность его ужасно измѣнилась. Нельзя было въ немъ узнать того красиваго мужчину, который нѣкогда въ Одессѣ сдѣлалъ себѣ львиную репутацію Онъ обрюзгъ, пожелтѣлъ, оплѣшивѣлъ, потерялъ зубы, сдѣлался прежде времени старикомъ.

«Съ женою онъ не старался сблизиться, да и она не дѣлала никакихъ попытокъ къ этому сближенію Оба оставались тверды и неумолимы въ своихъ отношеніяхъ одинъ къ другому, — разъ установленныхъ.

«Послѣ *египетской ночи*, какъ я ее называю, имѣла ли Катерина Александровна другіе связи, кромѣ связи, кончившейся такъ ужасно дуэлью и смертью человѣка, которому она отдалась изъ мести мужу, покрыто для меня завѣсою неизвѣстности. Дочь свою Дмитрій Алексѣевичъ видалъ не разъ, когда Таечка пріѣзжала въ Москву съ матерью, приносилъ ей игрушки, лакомства, ласкалъ ее, горячо цѣловалъ, — цѣловалъ ея ручки и разставался съ нею со слезами на глазахъ. Доброе дитя, узнавъ отъ няньки, что это ея *папа*, хотя порядочно не понимала этого слова, платила ему ласками, какія внушали ей доброе сердце и кровный инстинктъ.

«Лѣтъ за семь тому назадъ, купаясь у плотины мельницы въ своей суходольской деревнѣ Гостинцы, Можайскій утонулъ.

«Говорили, что онъ утопился, тяготясь жизнью. За нѣсколько же лѣтъ до своей смерти, подумавъ вѣроятно, о дочери, онъ свелъ счеты съ женою и при-

слалъ ей заемныя письма на суммы, втрое превышавшія то, что онъ признавалъ себя ей должнымъ. И потому имѣніе его, продававшееся впослѣдствіе съ аукціона, сдѣлалось собственностью Катерины Александровны».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается,» — говорили намъ наши нянюшки, убаюкивая насъ на сонъ грядущій старинными легендами. Такъ и съ моимъ разсказомъ. По счету матери моей, со времени замужества Катерины Александровны, прошло едва-ли не двадцать лѣтъ, а по счету самой Можайской—только шестнадцать. Дочь ея, Таисія, въ это время росла, какъ растутъ всѣ смертные, родившіеся подъ благодатными лучами звѣзды Венеры, и воспитывалась, какъ обыкновенно воспитываются дочки богатыхъ и великосвѣтскихъ маменекъ. Долго не представлялось мнѣ случая увидать ее. Пріѣзжая къ нимъ въ деревню Гостинцы, я раза два заговаривалъ Катеринѣ Александровнѣ, что желалъ бы познакомиться съ своей неѣсой, но она всегда находила предлогъ отклонить это знакомство. Дочь ея еще такъ молода, говорила она: только недавно бросила играть въ куклы, сидитъ за уроками, отвлекать отъ нихъ считаетъ мать преступленіемъ. Выпустить ее такъ рано въ общество мужчинъ—ученье не пойдетъ на умъ. Сдѣлать же для васъ исключеніе было бы странно. «Я желаю,»—прибавляла Можайская, «чтобы Таечка, сколько можно долѣе, оставалась дитятей. Будетъ время, созрѣетъ ея разумъ, успѣетъ наслушаться вашихъ лукавыхъ рѣ-

чей, сумѣетъ остеречься отъ опрометчиваго выбора, успѣетъ еще ваша праздная болтовня наскучить ей».

«Разумѣется, я отблагодарилъ ее за всю нашу братью.

«Мать моя видала нѣсколько разъ Таечку и передала мнѣ, что Катерина Александровна, дѣйствительно, держитъ свою дочь, какъ дитя, стрижетъ ея прекрасные, густые волосы въ кружокъ, одѣваетъ ее à l'enfant и увѣряетъ всѣхъ, что ей только пятнадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что ей едва ли не восьмнадцать. Можайской, повидимому, не хочется попасть въ «бальзаковскія женщины»; желая себя молодить, она убавляетъ года и дочери. Какой-нибудь уродецъ, думалъ я сначала; но мать моя увѣрила меня, что Таечка прехорошенькая, имѣетъ прекрасные глаза, въ которыхъ свѣтится умъ, замѣтный и въ разговорахъ съ нею, и ни мало ни застѣнчива, какъ слѣдовало бы предполагать по затворничеству, въ которомъ ее держатъ. Мать моя никогда не настаивала у Можайской о дозволеніи привезть къ ней сына въ деревню, не желая дать поводъ думать, что она для этого сынка прочитъ богатую невѣсту. Меня, однакожъ, сильно подмывало, на зло «Синей-бородѣ» въ образѣ Катерины Александровны, во чтобы ни стало увидѣть Таечку, скрываемую отъ меня за тридевятью замками. Заповѣданное, какъ вѣдаешь самъ, сильнѣе и искушаетъ.

«Узналъ я какъ-то, что Можайская пріѣхала въ городъ. Утаивъ (согрѣшилъ) это обстоятельство отъ матери, я напомнилъ ей отдать моей кузинѣ визитъ, давнымъ давно не оплаченный. Когда жь экипажъ былъ поданъ, просилъ ее взять меня съ собою. Мать моя подозрѣвала умыселъ, но, желая сдѣлать мнѣ удовольствіе, согласилась. А умыселъ мой былъ такой:—Можайская живетъ за тридцать верстъ отъ города; мы отправимся въ полдень, какъ разъ пріѣдемъ къ обѣду;

гувернантка Таечки, англичанка немолодыхъ лѣтъ, мистрисъ Гордонъ, бойкая и умная, уполномочена хозяйкою дома, въ отсутствіе ея, принимать, занимать и угощать по своему усмотрѣнію; навѣрно она будетъ такъ вѣжлива, что не отпуститъ насъ голодныхъ домой; не запретъ же на это время свою ученицу. — Вѣдь я Таечкѣ по матери прихожусь дядюшкой, а мать мою, какъ мнѣ было извѣстно, называетъ она grand maman. Надо тебѣ замѣтить, что я, собираясь въ деревню Можайской, подстригъ себѣ бороду (за которую,—скажу тебѣ въ скобкахъ,—доставалось мнѣ и по *службѣ*), чтобы не испугать ею милое *дитя*. Разумѣется, Катерина Александровна не могла пріѣхать къ себѣ въ деревню на коврѣ-самолетѣ.

«Какъ слѣдовало быть по всѣмъ естественнымъ законамъ, мы не нашли ея у себя. Гувернанткѣ доложили о нашемъ пріѣздѣ. Она была въ саду и велѣла насъ просить туда. Когда мы пробирались за слугою, указывавшимъ намъ дорогу, пахнулъ на насъ встрѣчный вѣтерокъ, напитанный ароматомъ липъ, бывшихъ тогда въ полномъ цвѣтѣ. «Хорошее знаменіе»,—подумалъ я. Въ то же время мы замѣтили на лужайкѣ дѣвушку, довольно взрослую, и дѣвочку, лѣтъ тринадцати, играющихъ въ серсо. Такъ какъ онѣ были довольно далеко отъ насъ, а я, какъ ты знаешь, немного близорукъ, то и не могъ опредѣлить, хорошенькія-ли онѣ, или дурнушки; замѣтилъ только, что старшая была очень граціозна.

«Англичанка ожидала насъ подъ тѣнью старыхъ липъ, остриженныхъ въ видѣ стога сѣна. Разговоръ нашъ шелъ на родномъ ея языкѣ, на которомъ,—какъ тебѣ извѣстно, — мать моя и твой покорнѣйшій слуга, могутъ порядочно объясняться. Она приняла насъ съ любезностью свѣтской женщины, сожалѣла, что мы совершили такое далекое путешествіе и не нашли хо-

зяйки дома, но что она съ миссъ Таисъ постараются замѣнить ее, какъ могутъ. Мистрисъ Гордонъ ударила раза три въ ладонь, примолвивъ: «у насъ здѣсь свои массонскіе знаки, и вы увидите, какъ ихъ хорошо понимаютъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, на этотъ знакъ явились дѣвушка постарше и дѣвочка, игравшія въ серсо.

«— Съ grand' maman вы старые друзья,—сказала гувернантка первой, перемѣшивая англійскія слова съ французскими:—но вашъ дядя, que voici, былъ для васъ до нынѣшняго дня, какъ житель береговъ Ореноко, или вѣрнѣе, comme une illusion.

«Гувернантка, упоминая о берегахъ Ореноко, хотѣла, конечно, выказать, что воспитанница ея довольно сильна въ географіи. Но мнѣ въ эти минуты было не до учености; я остолбенѣлъ и растерялся, увидавъ Таечку.

«Повѣришь ли, передо мною стояла Авдотья Петровна, когда она въ Москвѣ съ твоимъ отцомъ и матерью провожали тебя,

jeune et beau Dunois, partant pour la Syrie».

«Тотъ же граціозный ростъ, такіе же каріе глаза, въ которые смотришь, замирая, какъ будто въ глубину бездоннаго неба; такіе же черные волосы съ голубоватымъ отливомъ. Видно, на зло Катеринѣ Александровнѣ и ея ножницамъ, они растутъ не по днямъ, а по часамъ, и покрываютъ густыми кудрями ея бѣлоснѣжную шею. Такое же очертаніе лица. Можетъ быть, поставивъ ее и вашъ «Изумрудный-крестикъ» рядомъ, я замѣтилъ бы въ нихъ какое-нибудь тонкое различіе, но теперь для меня сходство это было изумительно. А когда заговорила Таечка, Боже мой, думалъ я, да это говоритъ сестра моего Володи! Слуху моему и душѣ моей отдались тѣ же гармоническіе звуки, которыми я, нѣкогда, упивался, слушая вашу

Дуню. Да, странная игра природы! Я увидалъ двойника ея. Одно, что портило сходство, такъ это нѣкоторыя принадлежности дѣтскаго туалета, которыя странно противорѣчили росту Таечки и развитости ея формъ. Смотря на нее, я стоялъ, какъ истуканъ. Она протянула было мнѣ свою руку, но остановилась и вся запылала, увидавъ, что я не двигаюсь съ мѣста и не говорю ни слова. Не знаю, сколько бы продолжался мой столбнякъ, еслибъ не вывелъ меня изъ него голосъ англичанки:

«Вы оба, — сказала она:—какъ будто растерялись, и я угадываю отъ чего: monsieur Michel оттого, что думалъ увидѣть дитя, а Таисъ отъ того, что думала встрѣтить въ своемъ дядѣ человѣка пожилого, и оба ошиблись. Надо замѣтить, что миссъ Можайски не по годамъ высока и развита. Но придите же въ себя и дайте оба другъ другу руки, какъ родные.

«Мы оба, неподвижные визави, невольно улыбнулись и подали другъ другу руки.

«— Правда, мистрисъ Гордонъ,—сказалъ я не безъ умысла: — мнѣ причудилось, что моя ньеса вотъ это дитя, что стоитъ подлѣ васъ.

«— Эта глупенькая,—отозвалась гувернантка, трепля рукою розовыя щечки дѣвочки:—моя дочь Алисъ, представляю вамъ ее. Увидавъ васъ, она открыла ротъ отъ удивленія, что дядя ея подруги отъ старика, какимъ она воображаетъ себѣ всѣхъ дядей, превратился въ молодого человѣка.

«Алиса сдѣлала книксенъ, какъ механическая куколка, которую дернули за нитку. Однакожь, она, по бойкимъ глазкамъ своимъ, вовсе не походила на глупенькую.

«Между тѣмъ какъ мы переговаривались съ англичанкой, Таечка бросилась къ моей матери, принявшей ее въ свои объятія, и извинялась, что занялась своимъ

дядей, прибывшимъ съ береговъ Ореноко, прежде чѣмъ съ grand' maman, которую давно знаетъ и такъ любитъ.

«— Признаюсь вамъ, мистрисъ Гордонъ,—продолжалъ я, обращаясь къ гувернанткѣ и все-таки искоса любуясь Таечкой:—причина моего столбняка была другая. Ваша воспитанница такъ похожа на одну знакомую мнѣ миссъ, какъ будто онѣ двойники.

«— Любопытно бы узнать, кто такая, — спросила Тая, поймавъ острымъ слухомъ мои слова.

«Въ это время, не выходя изъ объятій матери, она сдѣлала такой граціозный полуоборотъ головой и станомъ, что художникъ почелъ бы себя счастливымъ схватить ее въ этой позѣ и перенести на полотно.

«— Ее завутъ Изумрудный-крестикъ.

«— Изумрудный-крестикъ?—повторила она: — что за романическое названіе!

«— И та, которая его носитъ, преинтересная особа. Когда-нибудь разскажу вамъ объ ней много и много, а будемъ всѣ вмѣстѣ въ Москвѣ, познакомлю васъ съ нею.

«— Желала бы очень; до сихъ поръ я видѣла только своего двойника въ зеркалѣ.

«— Молодежи скучно будетъ на одномъ мѣстѣ, да еще со старушками, — сказала гувернантка Таечкѣ— (мистрисъ Гордонъ, какъ мнѣ казалось на видъ, преждевременно записалась въ старушки),—постарайтесь до обѣда занять вашего дядю, покажите ему нашъ садъ — вѣдь онъ былъ здѣсь зимой и видѣлъ его въ снѣжной пудрѣ, и то изъ окна. А право, стоитъ на него взглянуть; онъ похожъ на сады нашихъ старыхъ аббатствъ. Кстати, возьмите *мою* съ собою.

«Мы, то-есть Таечка, я и маленькая Алисъ пошли въ садъ. По разговорамъ съ своей ньесой, я нашелъ въ ней смѣсь дѣтской наивности съ разсудительностью

взрослой дѣвушки, игривость характера смѣнялась иногда въ ней внезапною задумчивостью. Она много читала—путешествій, историческихъ книгъ, даже романовъ, но все англійскихъ—ни одного французскаго. Съ русскою литературой была вовсе незнакома.

«— Дали мнѣ какъ-то Державина,—сказала она:— но онъ пришелся не по моему вкусу. Все какіе-то богатыри, башни за облака бросаютъ, станутъ на горы— горы трещатъ. Слыхала я о Пушкинѣ, о Лермонтовѣ, но ихъ, не знаю почему, не даютъ мнѣ.

»Между разговоровъ я нерѣдко наблюдалъ ее и довольно неосторожно, такъ, что она это замѣтила.

«— Вы, дядя, все сличаете меня съ вашимъ Изумруднымъ-крестикомъ,—сказала она, — не разочаровались ли наконецъ?

«Нѣтъ, чѣмъ болѣе на васъ смотрю, тѣмъ болѣе нахожу въ васъ обѣихъ дивное сходство. Только съ однимъ различіемъ: вы — дитя (въ голосѣ моемъ слышалась иронія), а той, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ, было восемнадцать лѣтъ.

«— Дитя! дитя!—перебила она меня съ неудовольствіемъ: — и вы тоже! Довольно, что я это каждый день, каждый часъ слышу отъ мамаши. Развѣ я не знаю, сколько мнѣ лѣтъ? Воля ея, а все-таки не желаю оставаться малолѣткой; я хочу пользоваться тѣмъ, что Богу угодно было мнѣ дать, а не тѣмъ, чѣмъ хотятъ меня сдѣлать. Прикажите, дядя, говорить съ вами, какъ малолѣткѣ?

«— Боже сохрани! Въ этомъ случаѣ я потерялъ бы много. Вы видите, что я бесѣдовалъ съ вами не такъ, какъ говорилъ бы съ маленькой Алисой.

«Маленькая Алиса, въ свою очередь, нахмурилась, надула губки и сдѣлала свой отчетливый книксенъ.

«— Видите, какой я неловкій, изъ огня да въ полымя. Простите мнѣ, миссъ Таисъ, и вы, миссъ Алисъ,

я знаю васъ еще такъ мало. Признаюсь вамъ откровенно, Таисія Дмитріевна, вашъ дѣтскій нарядъ ввелъ меня въ заблужденіе.

«— Настоящій маскарадъ!—сказала Таечка, слегка пожавъ плечами. — Сдѣлайте одолженіе, не обижайте меня впередъ, дядя, напоминая мнѣ мое фальшивое дѣтство.

«— Вы знаете, можетъ быть, русскую пословицу: «по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ». Рѣшено, ma chère nièce, съ этого часа мы проводили ваше дѣтство,—аминь!

«Такъ разговаривали мы, бродя, гдѣ попало, по саду. Я, какъ страстный ботаникъ, нашедшій въ глуши рѣдкое растеніе, подробно разбиралъ его,—она, какъ это растеніе, не вѣдающее, что съ нимъ дѣлаютъ, раскрывала предо мною все, что въ умѣ и чувствахъ ея было прекраснаго, и свои недостатки.

«Садъ, въ самомъ дѣлѣ, походилъ на запущенный садъ древняго аббатства; дорожки въ немъ содержались болѣе человѣческими слѣдами, чѣмъ руками ихъ. Видно было, что нынѣшняя владѣлица Гостинцевъ не любила тратить денегъ на поддержку его и украшеніе. Кое-гдѣ воспользовались только расположеніемъ деревъ, чтобы устроить подъ ними натуральныя бесѣдки Огромный прудъ, къ которому мы подошли, поросъ во многихъ мѣстахъ водяными растеніями; осока выказывала изъ воды свои зелено-коричневыя иглы, кувшинчики съ распластанными листьями обрисовали ее разными узорами. При появленіи нашемъ стая разнородной дичи, находившей въ нихъ надежный пріютъ, высыпала съ шумомъ, какой производитъ фейерверочный буракъ. Въ серединѣ пруда островъ и на немъ курганъ съ башнею въ развалинахъ, въ которой, какъ я узналъ послѣ, покойный Можайскій производилъ химическіе опыты. Все это обросло рощицами.

Легкая зелень березъ, оттѣняемая темною зеленью кедровъ и пихты, бѣлые и коричневые ихъ стволы живописно отражаются въ водѣ. На одномъ мысу столѣтніе корни, осмѣлившіеся было выступить не въ свою стихію, обрѣзаны топоромъ и образовали родъ пристани, на которую можно ступить, не промочивъ ноги.

«— Какъ хорошо должно быть на этомъ островѣ,— сказалъ я,—вижу лодку, близко насъ, у берега, однакожь не берусь, перевозить васъ на ней; признаюсь, я не мастеръ управлять весломъ.

«— Хотите? Мы съ Алисой перевеземъ васъ.

«— Вы?—спросилъ я, усмѣхаясь,—сладите ли вы съ невѣрною стихіей?

«— Почему жь не такъ! Насъ пріучили не бояться воды. Въ степной нашей деревнѣ рѣка пошире этого пруда; мы часто переправлялись черезъ нее. И здѣсь сколько разъ перебирались на островъ, и не въ такую погоду, не только на лодкѣ, но и вплавъ. Не даромъ насъ здѣсь прозвали островитянками.

«Можетъ быть многія изъ нашихъ *барышень* почли бы такую откровенность нескромною, воображеніе другого слушателя, иначе настроенное, нежели мое, могло бы привесть его въ искушеніе усмѣхнуться, какъ усмѣхается на картинѣ художника пустынникъ, увидавшій изъ-за деревъ купающуюся русалку. Мнѣ, въ эти минуты, не приходила и въ голову никакая лукавая мысль. Смотря на лицо Таечки, озаренное свѣтомъ чистой, непорочной души, я слушалъ ея рѣчь, какъ бы слушалъ лепетъ невиннаго ребенка.

«— Прежде, — сказалъ я: — позвольте осмотрѣть лодку.

«— Извольте осмотрѣть mon vènèrable oncle.

«На берегу подмостки, въ нихъ укрѣплено кольцо— и въ него задѣть крюкъ, удерживающій лодку отъ своевольной прогулки по волѣ вѣтра.

«Лодку нашелъ я въ надежномъ состояніи; на водѣ и въ воздухѣ была такая тишь, что брошенный мною въ нее листокъ не шевелился. Я хотѣлъ было подать руку Таечкѣ, чтобы облегчить ей переходъ на лодку, но она отказалась и закричала, чтобы я сѣлъ на среднюю скамью.

«— Чуръ не шевелиться, — прибавила она, грозя мнѣ пальцемъ, сама же прыгнула проворно съ мостика въ лодку, Алиса за нею.

«Обѣ взяли по веслу.

«— Отдаюсь вамъ тѣломъ и душою, — сказала я, исполнивъ приказаніе моей повелительницы.

«Таечка правила весломъ за рулевого и вмѣстѣ съ тѣмъ помогала своей подругѣ грести. Во всѣхъ движеніяхъ ея видны были смѣлость и ловкость, но между тѣмъ она не теряла граціи женственности. Лодка быстро отплыла отъ мостика и скользнула по водѣ. Удовольствіе изображалось на лицахъ моихъ гондольерокъ; казалось мнѣ, слабыя существа гордились, что перевозятъ мужчину, одареннаго отъ природы силою и смѣлостью, и помѣнялись съ нимъ ролями. Лодка шла быстрымъ ходомъ. Маленькая Алиса сдѣлала своей подругѣ знаки головой и плутовскими глазками, Таечка ихъ поняла, и лодка стала описывать по пруду то круги, то идя зигзагами. Признаюсь, я пугался не столько за себя, сколько за нихъ, боясь, чтобы желаніе пощеголять своимъ искусствомъ не кончилось чѣмъ-нибудь худымъ. Но онѣ, довольно помучивъ меня и натѣшившись своими маневрами, осторожно обогнули маленькій островъ, который, какъ пышный цвѣтникъ, выступалъ изъ воды,—такъ много было на немъ цвѣтовъ. Вдругъ лодка полетѣла стрѣлою къ пристани и остановилась у нея.

«— Довольны ли вы нами? — спросила меня Таечка.

«— Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы сказалъ: нѣтъ. Вы заставили меня полюбить катанье по водѣ и, если позволите, на обратномъ пути я поработаю весломъ, а вы меня поучите.

«— Прекрасно дядя,—сказала Таечка, — втроемъ мы заставимъ лодку идти еще скорѣе; кстати въ ней есть третье весло.

«Алиса была въ восхищеніи.

»Сдѣлали обзоръ острова съ его рощами, курганомъ и развалинами башни, съ которой видъ былъ довольно хорошъ. Я желалъ скорѣе приняться за наши уроки; они могли бы сблизить меня съ Таечкой, начинавшей сильно интересовать меня. Мои спутницы видимо сокращали путь къ пристани, и мы скоро были опять на ней. На этотъ разъ я смѣлѣе вскочилъ въ лодку и, какъ будто поступившій на службу морякъ, съ особеннымъ уваженіемъ принялъ въ нее моихъ командировъ. Схвативъ третье весло, я приложилъ руку къ козырьку, въ ожиданіи приказаній. Таечка посмотрѣла на меня свысока и, немного нахмуривъ брови, повелительно указала мнѣ мѣсто у кормы, возлѣ себя. Алиса смѣялась отъ души, а я готовъ былъ упасть на колѣни передъ Таечкой, такъ она была хороша въ этой позѣ. Мнѣ приказано было грести, но первые пріемы мои были неудачны; я то болталъ воду, то обрызгивалъ Алису, приходившуюся какъ-то цѣлью моихъ неловкихъ движеній. Хорошенькій капитанъ мой кричалъ мнѣ. — «господинъ юнгъ, не такъ, держите ваше весло вотъ какъ, не смотрите на меня, а на конецъ вашего носа»,—и, чтобы лучше внушить мнѣ урокъ, налагала свою теплую ручку на мою руку, иногда немилосердно повертывая ее. Что происходило у меня тогда въ душѣ, я и самъ понять не могъ; знаю только, что мнѣ сильно хотѣлось поцѣловать эту ручку и продлить, какъ можно долѣе, ученье.

Но съ господскаго двора потянули звуки колокольчика.

«— Насъ зовутъ обѣдать, — сказала Таечка, — теперь капитанъ и юнгъ въ сторону. Прошу, дядя, положить ваше измученное весло на покой и позволить намъ доставить васъ на твердую землю.

«Сошли на берегъ; я благодарилъ моихъ островитянокъ за удовольствіе, мнѣ доставленное, и прибавилъ, что считаю нынѣшній день однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

«— И мы долго будемъ помнить его. Иногда стараешься веселиться, а все какъ-то не ладится. Я читала гдѣ-то, что есть особенные дни отъ Бога— одни для нашихъ радостей, другіе для печали; ни тѣхъ, ни другихъ, какъ ни старайся, не переиначишь по своему.

«— Неужели и къ вамъ, въ ваши лѣта, приходятъ дни печали?

«— А почемужъ и не такъ? Развѣ я въ семьѣ людской исключеніе?

«Когда мы пришли домой, Таечка и Алисъ отдали мистрисъ Гордонъ отчетъ въ нашей прогулкѣ и рекомендовали меня своимъ ученикомъ. Смѣялись много наши старушки, когда имъ разсказали, какъ отъ моего неумѣнья доставалось бѣдной дѣвочкѣ. Къ столу повелъ я своихъ учителей, извиняясь передъ мистрисъ Гордонъ, что нынѣшній день принадлежу имъ, и сѣлъ за столъ между ними. Я замѣтилъ, что добрая моя мамаша съ удовольствіемъ смотрѣла на меня и Таечку, сидящихъ рядомъ. Всѣ были веселы и послѣ обѣда, такъ что мы не замѣтили, какъ солнце стало ужь садиться. Боясь, чтобы Катерина Александровна своимъ пріѣздомъ не спугнула нашего веселья и не испортила этотъ прекрасный для меня день, подаренный намъ, по выраженію Таечки,—Богомъ,—я напомнилъ

maman, что пора отправиться домой; не то, ночь можетъ застать насъ на худомъ спускѣ въ оврагъ.

«Когда мы собрались уѣзжать, по лицу Таечки пробѣжало душевное облачко; она задумалась.

«— Вы не откажете мнѣ въ одной просьбѣ, ma chère niéce?—спросилъ я ее.—Я, конечно, не попрошу васъ ни о чемъ, чего вы не можете исполнить.

«Она посмотрѣла на меня какъ-то особенно ласково и сказала:

«— Съ удовольствіемъ.

«Я вынулъ свою памятную книжку и подалъ ей карандашъ.

«— Напишите мнѣ нынѣшнее число, мѣсяцъ и годъ.

«Она написала дрожащею рукою: 15-го іюня 185..., нарисовала якорь и подписала:

«*Одна изъ островитянокъ.*

«Алисъ, по моей просьбѣ написать мнѣ что-нибудь на память нынѣшняго дня, нарисовала очень мило три весла, связанныя бантомъ и подписала:

«*Другая островитянка.*

«Дорогою я только и думалъ о Таечкѣ; прекрасный образъ ея носился безпрестанно передо мною, голосъ ея все еще звучалъ въ моемъ сердцѣ. Я съ восторгомъ говорилъ объ ней моей матери; она съ своей стороны отзывалась объ ней съ особенною любовью.

«На полудорогѣ къ городу мы встрѣтились съ Катериной Александровной. Экипажи наши остановились рядомъ; изъ оконъ ихъ мы перекинули другъ другу нѣсколько словъ. Я замѣтилъ, что она, увидавъ насъ, смутилась. Мать моя разсказала ей, какъ Таечка, дѣлая les honneurs de la maison, обворожила насъ своею любезностью.

«— А вы какъ нашли ее? — спросила меня Катерина Александровна.

«— Еслибъ я не зналъ маменьки, сказалъ бы, что не видалъ никого лучше въ жизни моей.

«Она погрозила мнѣ пальцемъ, потомъ обратясь къ матери, сказала:

«— Поздравьте меня; на-дняхъ пріѣдетъ ко мнѣ учитель музыки, monsieur Hautbois. Пріятельница пишетъ изъ Петербурга, что его увлекали на перерывъ во многіе дома, но ей выпалъ счастливый жребій перехватить его для меня. Правда, дорогонекъ, слишкомъ тысячу рублей monnaie sonnante. Но я не жалѣю: музыка по разнымъ обстоятельствамъ оставалась почти въ пробѣлѣ въ воспитаніи моей дочери, а время уходитъ. Учиться, учиться ей надо, пока годы не ушли.

«Она послала намъ рукой по поцѣлую и велѣла тронуть лошадей; мы приказали то же сдѣлать. Отъѣхавъ немного, я выглянулъ въ окно, экипажъ Можайской летѣлъ на крыльяхъ вѣтра, окутанный облакомъ пыли. Видно, кучеръ, по приказанію барыни, гналъ лошадей и въ хвостъ и въ гриву.

«— Боюсь,—сказалъ я матери, — чтобы не досталось Таечкѣ за прогулку по водѣ.

«— Ужь, конечно, у барыньки на душѣ не свѣтло и не тихо, но повѣрь, она довольно умна, чтобы не показать этого, даже своимъ домашнимъ.

«Не смотря на то, что сердце тянуло меня въ Гостинцы, дѣла службы помѣшали мнѣ быть у Можайскихъ ранѣе трехъ недѣль. Надо тебѣ сказать, что я, собираясь къ нимъ, на всякій случай взялъ нѣсколько уроковъ у здѣшняго рыбака и набрался у него премудрости лодковожденія, въ которой могъ уже состязаться съ моими островитянками.

«Я засталъ своихъ друзей,—такъ ужь привыкъ въ сердцѣ называть мистрисъ Гордонъ, Таечку и Алису,—

въ гостиной. Катерина Александровна съ учителемъ музыки, monsieur Hautbois, пошла осматривать хозяйственныя заведенія. — «Вотъ какъ, madame Можайская»,—подумалъ я: «вы прежде не знали, что такое озимое и яровое поле, смѣшивали снопъ съ копною и умѣли только получать денежки отъ своего бурмистра, да развѣ счесть ихъ, нынѣ принимаете изъ рукъ monsieur Гобуа жезлъ хозяйства! Даже скотный дворъ и птичныя, куда ваша ножка боялась ступить, имѣютъ счастіе видѣть васъ на своей навозной территоріи? Что съ вами сдѣлалось? Нужны были сильныя побужденія для такого переворота. Не перевернулось ли солнце ваше на оси своей?...»

«Отъ перваго взгляда на моихъ друзей не укрылось, что всѣ онѣ находились подъ гнетомъ какой-то тягостной перемѣны въ ихъ быту; однакожъ, онѣ обрадовались мнѣ.

«— Вы насъ совсѣмъ забыли, дядя, — сказала Таечка своимъ задушевнымъ голосомъ, и протянула мнѣ ручку. Гордонъ сдѣлала мнѣ такой же упрекъ, маленькая Алисъ бросилась ко мнѣ навстрѣчу и ужь безъ книксена хотѣла подать мнѣ руку.

«— То-же, какъ большая особа, — закричала на нее мать,—протягиваетъ руку; поцѣлуй въ щеку, въ щеку, дѣвочка, и непремѣнно два раза, за себя и за меня.

«Съ большимъ удовольствіемъ принявъ отъ Алисы двойной поцѣлуй, я отплатилъ его безъ счету на щечкахъ дѣвочки зардѣвшихся отъ стыда.

«— Желанія быть у васъ было у меня много, — сказалъ я, — но долгъ службы, какъ нарочно, сталъ поперекъ моего сердечнаго влеченія. За счастливый день, записанный въ памятной книжкѣ и сердцѣ моемъ, я у васъ въ долгу. Не знаю, буду ли когда въ состояніи отплатить вамъ такимъ же. Неблагодарность

не въ моемъ характерѣ, вы видите это по щечкамъ миссъ Алисъ.

«Оправдываясь, я между тѣмъ пристально всматривался въ Таечку. Меня поразила въ ея наружности какая-то перемѣна. Волосы ея ужь не падали на шею, а собраны были пышнымъ узломъ на головѣ á la Diane chasseresse, исчезли нѣкоторыя принадлежности дѣтскаго туалета. Какъ она еще похорошѣла! И это преобразованіе сдѣлано вслѣдствіе моего замѣчанія... Самолюбіе и другое, болѣе сладкое, чувство подали мнѣ голосъ изъ глубины души моей. Она старалась мнѣ угодить, сдѣлать мнѣ удовольствіе, думалъ я.

«Это удовольствіе, выступившее такъ ясно на лицѣ моемъ, не скрылось отъ проницательныхъ глазъ мистрисъ Гордонъ.

«— Видите, — замѣтила она, — какой сдѣлали *мы* успѣхъ только отъ одного вашего урока. Посмотримъ, хотѣла я сказать, такъ ли понятливъ *нашъ* ученикъ, да нынѣ врядъ ли придется васъ экзаменовать. Надо прибавить: Таисъ умѣла храбро одержать побѣду, да еще какую, —стоитъ ватерлооской. Признась, я не знала въ ней до сихъ поръ такой твердости характера.

«— Я очень благодарна дядѣ,—сказала Тая, — онъ заставилъ меня открыто сбросить униженіе, которое я таила въ душѣ моей. Пора было!...

«Я поздравилъ ее съ пріѣздомъ учителя музыки, она ничего не отвѣчала, но я прочелъ на лицѣ ея неудовольствіе.

«— Il n'y a pas de quoi, — отозвалась за нее мистрисъ Гордонъ, голосомъ, въ которомъ слышалась горькая иронія: — настоящій музыкальный учитель, играетъ на всѣ тоны... Мудрено ль? французъ! Вчера музыкантъ, завтра учитель языковъ, если нужно, инженеръ, все, что вамъ угодно, лишь бы въ томъ видѣлъ свои выгоды. Увѣрилъ нынѣ мистрисъ Можай-

ски, что онъ великій агрономъ, домоводъ, птицеводъ и прочее и прочее. Вотъ и пошли они ревизовать здѣшнее хозяйство.

«Чтожъ, — подумалъ я: — французъ не виноватъ, какъ и всѣ его собратья, пріѣзжающіе къ намъ дѣлать свою фортуну—на помадѣ ли, на мылѣ, на любви, на желѣзныхъ дорогахъ: благо, наша Русь податлива, а, можетъ быть, и простенька.

«Я только-что успѣлъ мысленно сдѣлать это заключеніе, какъ раздался въ передней крикливый голосъ Катерины Александровны, чего не было доселѣ въ ея привычкахъ.

«Я замѣтилъ, что Таечка вздрогнула отъ этого крика.

«Вслѣдъ затѣмъ появилась Катерина Александровна съ пылающими отъ гнѣва глазами; за нею шелъ незнакомый мнѣ мужчина. Увидавъ меня, она старалась принять спокойный видъ и, указывая мнѣ на своего спутника, а ему на меня, проговорила: — Mon cousin Michel Sousdaline, monsieur de Hautbois.

«Произнесенное очень отчетливо de при такой и безъ него громкой фамиліи, вызвало саркастическую улыбку на лицѣ моемъ, не укрывшуюся, конечно, отъ взоровъ Катерины Александровны. Ты знаешь, я не могу воздержаться отъ этой улыбки, когда вижу смѣшное противорѣчіе словъ съ дѣломъ.

«Я и monsieur Гобуа оглядѣли другъ друга. Онъ видимо, хотѣлъ, que je fasse les avances, но я стоялъ, не шевелясь и не произнося ни слова. Наконецъ, французъ съ медовою улыбкой протянулъ мнѣ руку и сказалъ, «что ему пріятно познакомиться со мною, что онъ столько ужъ наслышался хорошаго обо мнѣ отъ madame Mochaisky».

«Я слегка поклонился и подалъ ему руку.

«Я не знаю, какое впечатлѣніе сдѣлалъ я на гос

подина де-Гобуа, но онъ мнѣ какъ-то не понравился, несмотря на его красивую и даже очень красивую наружность. Ему можно дать лѣтъ 35. Лицо его, съ правильными, рѣзкими чертами, обрамлено волнами бѣлокурыхъ волосъ, въ родѣ львиной гривы á la Mirabeau, падающей на плечи, усики немного вздернутые, живописная эспаньолка, каріе глаза, блестящіе огнемъ, зубы бѣлые, какъ перлы, которые онъ имѣетъ искусство выказывать, произнося слова, руки бѣлыя и нѣжныя, какъ у женщины; все это должно привлекать къ нему особъ прекраснаго пола. Но мнѣ, — какъ я сказалъ, — онъ не понравился. Въ глазахъ его проглядываетъ коварство, въ рѣчахъ отзывается самохвальство и по временамъ вырываются слова, непринятыя въ порядочномъ обществѣ. Почти къ каждому случаю гремитъ онъ о превосходствѣ своего народа надъ жалкимъ, русскимъ народомъ—невольникомъ. Этотъ человѣкъ ни надъ чѣмъ не задумывается, все знаетъ, все считаетъ для себя доступнымъ, все ему трынъ-трава. Онъ изъясняется посредственно и по-русски, хотя и съ иностраннымъ акцентомъ и стараніемъ выговаривать слова грамматически, по-книжному. Угадываю въ немъ смѣлаго авантюриста, по нашему пройдоху. И въ Алжирѣ-то онъ былъ, и въ Мексикѣ, и на Кавказѣ. Вездѣ его чуть не на рукахъ носили.

«— Вообр-зите, cousin, какъ насъ, русскихъ помѣщиковъ, обманываютъ,—сказаза мнѣ Катерина Александровна:—какіе мы до сихъ поръ невѣжи и глупцы.

«Я поклонился.

«— Вы ко всему придираетесь, — прибавила она съ досадой: — *мы*, отношу къ себѣ и подобнымъ мнѣ; ваша собственная персона ограждена отъ всякихъ погрѣшностей:

«Я опять поклонился.

«— Полноте дурачиться, слушайте меня.

«— Слушаю, прекрасная кузина.

«— Вообразите, въ какомъ печальномъ состояніи наше хозяйство; наши крѣпостные люди обкрадываютъ насъ немилосердно, даютъ намъ изъ милости, что имъ угодно пожаловать, да еще и за это спасибо говори. Мы были сейчасъ съ monsieur Гобуа (на сей разъ она не прибавила *de*), обходили хозяйственныя заведенія, скотный дворъ, птичную, домъ, гдѣ сушатъ хлѣбъ. Вездѣ безпорядокъ.

«— О ужасъ! и ваше обоняніе, привыкшее къ fleur d'orange и mille fleurs, не оскорбилось запахомъ навоза?

«— Полноте шутить, не то замолчу.

«— Нѣтъ, ради Бога, продолжайте, мнѣ очень любопытно знать послѣдствія вашей ревизіи.

«— Я вамъ ужь говорила, что въ хозяйствѣ остановилась на *a* и *b*. Къ счастью узнаю, что monsieur Гобуа великій агрономъ; вотъ я и попросила его взглянуть на мои заведенія. Страшно сказать, какую неурядицу мы тамъ нашли. Imaginez, моя курица даетъ въ годъ 50 яицъ, а въ имѣніи papa de monsieur Гобуа 200; у меня корова удостоиваетъ отпускать намъ по 30 фунтовъ масла, а у папа его даетъ по 3 пуда. Въ Гостинцахъ слишкомъ сто куръ, огромное стадо коровъ, ужь, право, забыла, сколько. Сочтите, что я теряю. C'est inouis! Просто, грабежъ!

«— Папа monsieur Гобуа,—осмѣлился я замѣтить:— живетъ въ странѣ, гдѣ лѣто продолжается девять мѣсяцевъ, гдѣ косятъ искусственные луга три раза въ годъ, гдѣ коровы почти круглый годъ содержатся на стойлѣ, а мы, русскіе, обиженные природой и всѣми, кому только вздумается насъ обижать, съ лѣтомъ въ три мѣсяца, съ лугами, которые воздѣлываетъ, обсѣеваетъ и орошаетъ одинъ Богъ, можемъ ли мы сравняться въ хозяйствѣ съ французскими фермье. Вспом-

ните, что наша скотина, по крайней-мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ въ году ѣстъ солому, развѣ дойныя получаютъ въ это время по клочку сѣна.

«— Развѣ не всѣ дойныя? Безъ того, что за выгода держать ихъ?

«На это невинное замѣчаніе я и даже monsieur Гобуа улыбнулись.

«— Позвольте доложить вамъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—трудъ и наука побѣждаютъ и природу и почву; а здѣсь невѣжество, лѣнь, плутни на каждомъ шагу. Чтожъ дѣлаетъ управляющій, бургемейстеръ что-ли, зачѣмъ онъ берется не за свою должность?

«— Ему велѣли быть управляющимъ, какъ у насъ велятъ быть музыкантомъ, механикомъ, всѣмъ, чѣмъ хочетъ помѣщикъ, и онъ поневолѣ управляющій.

«— Все-таки скажу, que ce doit être un fieffé coquin; сейчасъ по глазамъ видно.

«— О! да вы второй Лафатеръ, monsieur Гобуа, увидали только разъ человѣка и тотчасъ опредѣлили его нравственныя качества.

«Это замѣчаніе, видимо, не понравилось ни Катеринѣ Александровнѣ, ни французу.

«— Говорите, что вамъ угодно, — перебила она меня: — а я у себя хозяйка, и сейчасъ смѣняю этого негодяя.

«— Матвѣя Савельича, котораго вы столько разъ мнѣ превозносили до небесъ, которому за честность и усердіе дарили почетные кафтаны, бархатныя шапки, кушаки?

«— Чтожъ дѣлать, я женщина, хозяиства не понимаю, не имѣла подлѣ себя человѣка, который открылъ бы мнѣ глаза: не мудрено, была обманута, видѣла все въ розовомъ цвѣтѣ. Неужели мнѣ и теперь, когда я прозрѣла по милости monsieur Гобуа, добровольно за-

крыть глаза и сказать этимъ ворамъ: — продолжайте, друзья мои, обкрадывать меня, дочь мою, берите мое серебро, брилліанты, платья, чепчики, ленты...

«Тутъ Катерина Александровна отъ гнѣва не могла болѣе говорить; она судорожно схватила колокольчикъ со стола и зазвонила такъ, что ушамъ нашимъ было больно.

«Вошелъ что-то въ родѣ мажордома, судя по его наружности.

«— Объяви Матюшкѣ, что онъ съ этой минуты не бурмистръ, а пастухъ.

«Дворецкій осмѣлился было сказать:

«— Матвѣю Савельичу?

«— Савельичемъ онъ былъ, а теперь знай, Матюшка

«Никогда не видалъ я, да и не могъ думать, что увижу мою очаровательную кузину въ такомъ бѣшеномъ состояніи. Она, казалось, изъ свѣтской, любезной дамы сдѣлалась степною помѣщицей, въ родѣ Плюшкиной.

«Я посмотрѣлъ на Таечку—она была блѣдна, какъ полотно.

«— Маменька,—сказала она со слезами на глазахъ, цѣлуя руку у матери: — вспомните, Савельичъ служилъ вѣрно и усердно тридцать лѣтъ дѣдушкѣ, отцу моему, вамъ... Если онъ не знаетъ чего по новому хозяйству, такъ его научатъ... Онъ уменъ и сейчасъ пойметъ все, будетъ дѣлать, какъ ему растолкуютъ.

«— Vous êtes une enfant, ma chere, ты ничего не понимаешь. У тебя были только деревянныя и фарфоровыя коровки и курочки, будешь имѣть живыхъ, другое запоешь.

«Таечка просила, но Катерина Александровна была неумолима и строго приказала ей замолчать и не вмѣшиваться въ дѣла, которыя ей не по лѣтамъ.

«— Буду молчать, но теперь скажу, что это несправедливо и жестоко.

«— Вотъ видите cousin, плоды вашихъ уроковъ,— сказала Катерина Александровна, обращаясь ко мнѣ.— Я хотѣла еще прежде замѣтить вамъ, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Вы ужь, конечно, успѣли торжествовать свою побѣду надо мной въ дѣлѣ туалета. Поздравьте, особа совершенныхъ лѣтъ!..

«Она указала на Таечку.

«— Не съ уставомъ и не въ монастырь пришелъ я, Катерина Александровна, а въ дружеское, родное семейство, которое люблю и уважаю. Какъ дядя, я сдѣлалъ только замѣчаніе моей племянницѣ. Очень радъ, что наслѣдница вашей красоты сбросила съ себя то, что ее такъ уродовало—позвольте мнѣ это сказать, несмотря на вашъ вкусъ, на вашу любовь ко всему прекрасному.

«Хотя и сладко пѣлъ, но по привычкѣ не могъ не посмотрѣть коварно на учителя музыки, агрономіи, физіономиста и прочая.

«— Ну, полноте, cher cousin и льстецъ великій,— перебила она меня, подавая мнѣ руку въ знакъ примиренія. — Я никогда не была сварливой бабой, тѣмъ менѣе желаю ею быть при постороннемъ лицѣ; а въ доказательство, что на васъ не сержусь, предлагаю вамъ продолжать ваши уроки въ *мореходствѣ*. Подивитесь, monsieur Hautbois.

«Во время переговоровъ Катерины Александровны съ дочерью и со мной, ловкій французъ ускользнулъ отъ насъ въ глубину комнаты, гдѣ мистрисъ Гордонъ и Алисъ занимались шитьемъ по канвѣ, какъ будто затѣянная кутерьма была не его дѣло. Здѣсь онъ попытался завязать вкрадчивый разговоръ съ матерью, но видя, что она не вкушаетъ его сладкорѣчія, обратился

къ дочери, разсматривалъ ея работу, хвалилъ золотыя ручки. И тутъ не найдя удачи, обратился опять къ матери.

«— Прекрасно—сказалъ онъ:—но какая цѣль этой работы; какую пользу можетъ она принести? Доставитъ ли насущный хлѣбъ?

«— Все-таки лучше, чѣмъ добывать его пустословіемъ и клеветой на ближняго;—сказала мистрисъ Гордонъ.

«Озадаченный этимъ жестокимъ урокомъ, онъ отошелъ къ окошку и началъ насвистывать какую-то пѣсеньку, потомъ развалился въ креслахъ и закурилъ сигару.

«Когда жъ имя его было произнесено Катериной Александровной, онъ подлетѣлъ къ ней.

«— Подивитесь, monsieur Гобуа,—повторила она:— mon coisin Мишель не умѣетъ даже взяться за весло; моя дочь и маленькая Алисъ учатъ его управлять лодкой... Онѣ свыклись съ водой, какъ будто родились на ней, переправляются однѣ черезъ огромный прудъ. Мы съ madame Гордонъ считаемъ это однимъ изъ важныхъ предметовъ воспитанія.

«— Очень справедливо,—отвѣчалъ Гобуа:—мало ли что можетъ случиться въ ихъ жизни. Жаль, что не могу участвовавать въ этихъ урокахъ; мнѣ надо еще заняться дѣломъ по вашему порученію. А то я скоро бы создалъ изъ monsieur Суздалинъ un fier mantonnier. Sacré Dieu! могу похвастаться въ домашнемъ кругу, что разсѣкаю морскія волны, какъ будто ножемъ разрѣзываю ломоть хлѣба. На оконечности мыса Финистера я спасъ на лодкѣ съ разбитаго бурею корабля десять человѣкъ. Когда-нибудь покажу вамъ и медаль за спасеніе ихъ.

«Я не хотѣлъ болѣе коварно усмѣхаться, какъ это дѣлалъ прежде, боясь прогнѣвить кузину и упу-

стить случай погулять и побесѣдовать съ Таечкой. Желая замаскировать цѣль прогулки, я спѣшилъ предложить руку мистрисъ Гордонъ. Наши спутницы успѣли ужь надѣть шляпки и выпорхнуть изъ комнаты. Мы нашли ихъ, сходящихъ ужь съ лѣстницы терассы.

«— Благодарю небо,—сказала мнѣ Гордонъ, ожесточенно махая на себя вѣеромъ: — наконецъ могу успокоить свои нервы. Вы не повѣрите, какъ они раздражены всѣми этими рѣзкими звуками колокольчика, этими криками, которые мы въ первый разъ слышимъ. Меня особенно возмущаетъ нахальство француза. Дерзкій, даже неловкій авантюристъ! Пріѣхалъ учить музыкѣ, въ которой, — правду сказать, — не очень силенъ, и принимается теперь за хозяйство. Пуще всего мнѣ жаль Таисъ. Вообразите, этотъ невѣжа вздумалъ во время уроковъ, при малѣйшей ошибкѣ, бить карандашомъ по пальцамъ. Она перестала играть и вышла изъ комнаты. Достался же ему отъ меня порядочный урокъ. Я, просто, сказала ему:—что такъ не обращаются даже съ горничными.— Да, жаль мнѣ Таисъ. Люблю ее не менѣе своей дочери, и нельзя не любить: умна, добра, правда, съ увлеченіями, но все-таки эти увлеченія показываютъ благородную, свѣтлую душу.

«Все это сказано было мистриссъ Гордонъ съ пониженіемъ голоса, чтобы наши спутницы, шедшія впереди насъ, не слыхали нашего разговора.

«Я молчалъ.

«— Никто здѣсь не любитъ его, разумѣется, кромѣ одной особы. Даже моя Алисъ говоритъ, что она чувствуетъ къ нему антипатію. Я порядочно ее за это пожурила; ей ли, дѣвочкѣ, знать симпатію и антипатію! Таисъ молчитъ, за то у нея на душѣ не легче; тайная грусть снѣдаетъ ее. Посѣщайте насъ, пожа-

луйста, почаще. Вы ей дядя и, какъ я замѣтила, успѣли пріобрѣсть надъ нею какое-то вліяніе — по родству ли, или просто потому, что вы поняли другъ друга. Сильна и упряма воля самой владычицы; несмотря на это, прежнее дитя умѣло поставить на своемъ въ дѣлѣ туалета—и все отъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ вами. Вы видѣли, съ какимъ восторгомъ она васъ встрѣтила. Этотъ цвѣтокъ, отъ домашней непогоды поникнувшій головкой, при васъ оживляется. А спросите-ка меня, съ какимъ нетерпѣніемъ она и моя дѣвочка васъ ожидали; всѣ уши прожужжали мнѣ объ васъ: и милый-то онъ, и умный, и добрый. Я сама полюбила васъ, какъ сына; иначе не была-бы съ вами такъ откровенна.

«— Благодарю васъ, добрая мистрисъ Гордонъ, за вашу дружбу,—отвѣчалъ я:—позвольте и мнѣ платить вамъ такимъ же чувствомъ и такою же откровенностью, даже большею. Вы не можете вообразить, какъ ваши слова приводятъ меня въ восхищеніе. Признаюсь вамъ, я не равнодушно смотрю на вашу воспитанницу. Сначала поразило меня сходство ея съ одною миссъ... Не подумайте, что я питаю къ этой особѣ страстное чувство, имѣю виды на ея руку,—нѣтъ, клянусь вамъ, уважаю ее, поклоняюсь ея уму, ея душевнымъ качествамъ—ничего болѣе. Но Таисія ваша сдѣлала на меня какое-то роковое впечатлѣніе; я видѣлъ ее только два раза, и чтожъ? это впечатлѣніе такъ сильно, что не могу совладать съ собою. Честью моей завѣряю васъ, я самый несчастный изъ людей, если не заслужу ея взаимности.

«Гордонъ посмотрѣла на меня своими голубиными глазами, какъ называетъ ихъ мать моя, и покачала головой.

«— Ого! такъ скоро? Ужь и несчастный! Если бы вы не употребили слово «честь», — я васъ

спросила бы, — а сколько разъ вы были такъ несчастны?

«— Ни однажды. Я бывалъ влюбленъ, какъ мальчикъ, потомъ какъ вѣтреный юноша, но развѣ это любовь? Скоро утѣшался я въ случаѣ неудачи; еслижъ встрѣчалъ какую-нибудь взаимность, такъ она кончалась двумя, тремя балами. На этотъ разъ я люблю на жизнь и на смерть. Мнѣ ужь подъ тридцать, мистрисъ Гордонъ.

«— А Таечкѣ пятнадцать; вы это забыли,—перебила она меня, лукаво улыбаясь.

«— Не вамъ бы это мнѣ говорить, не мнѣ бы слушать. Матери моей извѣстны лѣта миссъ Можайской не хуже ея родной матери, самой миссъ Таисѣ онѣ извѣстны; какъ же вы притворяетесь въ невѣдѣніи ихъ?

«— Положимъ, такъ. Одного только не могу понять: вы ей близкій родственникъ, а говорите объ ней словами влюбеннаго человѣка; вѣдь по вашимъ законамъ дядя...

«— Дядя только въ угоду Катеринѣ Александровнѣ. Если ужь выводить наше родство правильно, юридически, такъ я самой маменькѣ прихожусь троюроднымъ племянникомъ. Чѣмъ же я прихожусь дочери, можете сами вывесть. Можайская моложава, желаетъ еще нравиться... не ловко жь ей имѣть племянника съ бородой, какъ вашъ покорнѣйшій слуга; вотъ и пожаловали меня въ кузены.

«— Такъ эта статья чиста, препятствій нѣтъ.... но.... опять одно *но*, и самое важное, и опять на прежнюю тему. Мы знаемъ, наконецъ, что Таечкѣ скоро восемьнадцать лѣтъ. Захочетъ ли маменька отступиться отъ того, что прежде утверждала, показаться смѣшною въ глазахъ вашихъ, въ глазахъ своихъ знакомыхъ обнаружить, что она лгала, чтобы

скрыть свои годы? Думаю даже, теперь это несбыточнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Она ужь объявила галерному французу мнимыя лѣта своей дочери и будетъ все твердить, что Таечкѣ пятнадцать лѣтъ, будетъ опираться на законы... На томъ дѣло остановится.

«— Буду ждать годъ, два.

«— Хорошо, попытайтесь, ѣздите къ намъ... запрещеніе снято, la glace est rompue.... старайтесь заслужить расположеніе, пожалуй, чувство болѣе сильное Таисы. Помните, однакожъ, вы ужь не дядя ей, а я вамъ сказала, что она полюбила васъ, какъ добраго, любезнаго родственника. Вы видите, листъ перевернулся. Если Таисъ васъ полюбитъ, какъ избранника ея сердца, такъ и она будетъ ждать. Въ твердости ея характера я увѣрена, хоть ее все считали ребенкомъ. Къ сердцу ея, къ сердцу найдите путь, и съ Богомъ! Что до меня, я въ душѣ моей благословлю вашъ союзъ, какъ бы благословила союзъ моей дочери съ человѣкомъ достойнымъ, подобнымъ вамъ.

«— Тысячу разъ благодарю васъ, добрая мистрисъ Гордонъ, за ваше участіе ко мнѣ,—сказалъ я, пожавъ ей крѣпко руку.—Боюсъ, однакожь, что я, утративъ имя дяди, утрачу и то чувство, которое въ ней возбудилъ, какъ вы говорите, подъ этимъ именемъ. Не лучше ли остаться при немъ?

«— Нѣтъ, дѣйствуйте прямо, открыто, какъ благородный, отважный рыцарь, поднявъ свое забрало, а не подкрадываясь, какъ тать, къ своей добычѣ.... Я сама постараюсь искуснѣе сказать ей, что вы ей вовсе не дядя, и тогда посмотримъ, обманулась ли я на счетъ ея чувства.

«Наша передовая парочка, какъ будто услыхала эти слова и остановилась. Алиса обернулась къ намъ и погрозила пальцемъ. Мы прибавили шагу и поровнялись съ ними.

«— Кому ты грозишь?—спросила мать.

«— Ужь конечно не вамъ, мама, а дядѣ. Хочу напомнить ему объ островитянкахъ; думали онѣ поселиться на водѣ, а теперь, по милости вашихъ секретныхъ совѣщаній, должны скучать на сушѣ.

«— Ужь и тебѣ мистеръ Суздалинъ дядя? Пожалуй, онъ такъ сдѣлается и всесвѣтнымъ. И Таисъ ему племянница, какъ онъ мнѣ племянникъ; это сейчасъ разъяснилъ онъ мнѣ.

«Таечка посмотрѣла на меня съ изумленіемъ и какъ будто испугалась этого открытія.

«— Какъ же это?—спросила она, покраснѣвъ.

«— Маменькѣ вашей угодно было назвать меня своимъ кузеномъ, и потому звенья нашего родства перемѣшались. Скорѣй я вамъ прихожусь троюроднымъ или четвероюроднымъ братомъ.

«— Поэтому я не смѣю назвать вашу maman, grand'maman. Нѣтъ, какъ хотите, оставьте мнѣ это удовольствіе.

«— Никто, — сказала гувернантка, — не лишаетъ васъ этого удовольствія, какъ никто не запрещаетъ вамъ, если вамъ нравится, называть вашего ученика дядей, тѣмъ болѣе, ваша maman этого желаетъ—вы позволите, monsieur Суздалинъ?

«— Мнѣ еще пріятнѣе было бы, еслибъ меня называли просто: дядя Мишель

«— Ну, такъ все остается по старому,—закричала Алиса, захлопавъ отъ радости въ ладоши:—все по старому. Такъ мы съ дядей Мишелемъ начнемъ наши уроки.

«Мы подошли къ берегу пруда; у мостика, съ котораго начались наши прежнія похожденія по водѣ, стояла лодка, но я ее не узналъ, такъ ее разукрасили. На мачтѣ, увитой цвѣтами, развѣвался зеленый флагъ съ надписью: 15-го іюня 185.... года. Корма была украшена цвѣтами, весла перевязаны зелеными бан-

тами. Таечка и Алиса пристально вглядывались въ меня, стараясь угадать на лицѣ моемъ чувство, которое произведетъ ихъ сюрпризъ. Добрая старушка притворилась, будто не посвящена въ ихъ тайны, и лукаво улыбалась. Въ эти минуты ужь, конечно, были сброшены съ сердца всякія заботы и горе, какія могъ только имѣть каждый изъ насъ.

«— Поѣзжайте съ Богомъ, дѣти,—сказала мистрисъ Гордонъ,—а я присяду здѣсь, на скамейкѣ, и буду слѣдить за вами глазами и сердцемъ.

«Старушка усѣлась съ своимъ чулочнымъ рукодѣльемъ на скамейкѣ, стоявшей въ тѣни, на берегу пруда. Я подалъ руку Таечкѣ, чтобы перевесть ее съ мостика въ лодку, и почувствовалъ, что рука ея осторожнѣе, чѣмъ въ прежнюю нашу прогулку, опиралась на мою руку.

«— Теперь, monsieur Мишель, — сказала она, садясь на скамейку посрединѣ лодки: — обмѣняемся ролями; сядьте у кормила и дѣлайте то, что я дѣлала прошлый разъ, а я стану наблюдать, такъ ли вы поняли нашъ урокъ; Алиса будетъ вамъ помогать.

«Я взялся за весло, и лодка, повинуясь на этотъ разъ мощной рукѣ мужчины, отлетѣла отъ берега съ быстротою птичьяго полета такъ, что мои спутницы ахнули; Алиса не успѣвала за мною работать весломъ. Показавъ имъ свою удаль, я умѣрилъ ходъ лодки и сталъ ужь принаравливаться къ силамъ моего маленькаго товарища. Лодка шла быстрымъ ходомъ, но не дѣлала ужь такого сальто-мортале, которымъ я хотѣлъ изумить моихъ учителей.

«— Или вы притворялись, что не умѣете взяться за весло, — сказала Таечка, — или вы много упражнялись съ того времени, какъ мы васъ не видали.

«— Не умѣю притворяться,—отвѣчалъ я, — а что упражнялся, такъ это можетъ быть. Сюрпризъ за

сюрпризъ. Чегожь бы не сдѣлалъ я, чтобы угодить вамъ! Вы пожелали бы, чтобъ я сдѣлался каменьщикомъ, кузнецомъ, чѣмъ вамъ угодно, и вы увидали бы, какой бы я вышелъ искусный каменьщикъ, кузнецъ.

«Таечка поблагодарила меня своею ангельской улыбкой, Алиса отъ души смѣялась, воображая меня, какъ она говорила, съ огромнымъ молотомъ въ рукѣ и запачканнаго углемъ.

«— А чтобы испытать, такъ ли вы исполняете, какъ говорите, спойте намъ что-нибудь. Мамаша говорила, что вы прекрасно поете.

«Не заставляя себя просить, я спѣлъ, что попало мнѣ на умъ и по душѣ—старинный романсъ:

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой.

«Лодка наша едва двигалась, кругомъ была совершенная тишь, ограда деревьевъ по берегамъ пруда закрывала отъ насъ всяческое человѣческое жилище; надъ нами стоялъ голубой сводъ неба, по которому бѣжали легкія облачка, подъ нами такой же сводъ; казалось, мы были одни на свѣтѣ и плыли въ воздушномъ пространствѣ. Весла, осторожно и мѣрно разрѣзывая воду и скатывая съ себя серебряные всплески, ударяли въ тактъ. Алиса, зная немного музыку, старалась не сбиться съ него. Издали эхо вторило нѣсколькимъ словамъ, которыя я сильнѣе другихъ произносилъ, какъ будто отдавался голосъ изъ другого міра. Окончивъ послѣдній куплетъ, я взглянулъ на Таечку. Облокотясь на край лодки и положивъ голову на руку, она вся еще погружена была въ слухъ. Щеки ея разгорѣлись, въ отуманенныхъ глазахъ, на меня обращенныхъ, горѣлъ тусклый огонь. Не слыша болѣе моего пѣнія, она встрепенулась, вздохнула и отвернулась, чтобы не показать своего смущенія. Немного погодя, я сказалъ Алисѣ:

«— Возьмите тактъ поживѣе, и запѣлъ, для разнообразія, извѣстный романсъ: «Пловцы», котораго каждый куплетъ оканчивается припѣвомъ: «Лети, мой челнъ!»

«Въ самомъ дѣлѣ нашъ челнъ летѣлъ.

«— Теперь ваша очередь, сказалъ я Таечкѣ.

«— Я не пою,—отвѣчала она.

«— Такъ прочтите мнѣ что-нибудь изъ какого-нибудь англійскаго поэта.

«— Это я могу; дайте мнѣ только подумать.

«Она приложила руку ко лбу, продержала ее такъ минуты съ двѣ и потомъ прочла мнѣ прекрасно своимъ симпатичнымъ голосомъ отрывокъ изъ Борнса.

«Прокатившись еще по пруду, мы воротились къ мѣсту, гдѣ ожидала насъ мистрисъ Гордонъ.

«— А вы не слыхали, какъ я аплодировала пѣвцу, — сказала она, когда мы къ ней подошли.

«— Пѣніе дяди Мишеля насъ такъ заняло, что мы только его и слышали,—отозвалась Таечка.

«Съ своей стороны я передалъ Гордонъ, какое наслажденіе доставило мнѣ чтеніе стиховъ ея воспитанницы, дѣлающее честь наставницѣ.

«Возвращаясь домой, мы встрѣтили Катерину Александровну съ учителемъ музыки. Они шли полюбоваться на наше катанье по водѣ, но такъ какъ мы объяснили, что урокъ нашъ конченъ и довольно устали, то они и присоединились къ нашему обществу.

«— Тая, — сказала Можайская дочери, — поблагодари monsieur Гобуа.

«— За что, машаша?

«— Онъ такой добрый,—выпросилъ у меня прощеніе бурмистру Матвѣю, обѣщался давать ему уроки въ агрономіи и экономіи, Матвѣй валялся у него въ ногахъ, клялся исправиться.

«*У него?*... подумалъ я.... А дочь со слезами умо-

ляла? И вы отказали, Катерина Александровна?... До какого унизительнаго признанія дошли вы! У него?... Бѣдный Матвѣй!»

«Таечка хранила угрюмое молчаніе, мистрисъ Гордонъ съ горькою усмѣшкой посмотрѣла на меня.

«Вскорѣ послѣ обѣда я собрался въ обратный путь; со мною всѣ простились очень любезно, monsieur Гобуа особенно, прося позволенія посѣтить меня въ Суходольскѣ. Возмущенный противъ него, я не соблюлъ даже долга свѣтскаго приличія и ничего не отвѣчалъ. Конечно, я своею невѣжливостью нажилъ себѣ врага, а можетъ быть, и двухъ. Но Таечка была на моей сторонѣ—я это замѣтилъ: она простилась со мною такимъ магическимъ, задушевнымъ взглядомъ, который могъ съ лихвою вознаградить меня за эту вражду.

«Стремился было я нѣсколько дней спустя опять въ Гостинцы. Душа моя витала около Таечки, но персону мою оцѣпилъ сонмъ неотвязчивыхъ духовъ въ видѣ исправниковъ, становыхъ, стряпчихъ, жандармовъ и не выпускали меня изъ своего очаровательнаго круга. Наконецъ я получилъ свободу на всѣ четыре стороны и, разумѣется, тотчасъ полетѣлъ отыскивать душу мою.

«Можайской не было дома; она уѣхала за нѣсколько дней тому назадъ съ Гобуа и бурмистромъ Матвѣемъ, опять Савельичемъ, водвореннымъ въ прежнія милости и довѣріе, въ свои степныя деревни, верстъ за пять сотъ. Мнѣ показалось даже, что слуга, докладывавшій объ этомъ отъѣздѣ, коварно усмѣхнулся, а, можетъ статься, я поставилъ эту усмѣшку на томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣдовало быть по нра вственымъ законамъ сего міра, какъ неминуемо ставишь знакъ восклицанія, послѣ междометія: о!...

«Я засталъ мистрисъ Гордонъ одну.

«— Наши пошли гулять,—сказала она,—мнѣ что-то неможется. Онѣ вѣчно въ саду и все тамъ, гдѣ вѣтеръ въ сосновыхъ деревьяхъ поетъ свои оссіановскія, заунывныя пѣсни. Боюсь, чтобъ Таисъ не сдѣлалась меланхолическою дѣвушкой. Меня, бѣдную, оставляютъ одну на съѣденіе грустнымъ думамъ. Побудьте нѣсколько минутъ со мною; только въ бесѣдѣ съ вами могу отвесть душу. Сядьте-ка сюда, поближе.

«Она указала мнѣ мѣсто возлѣ себя, на диванѣ, и дружески положила свою руку на мою, какъ это дѣлаетъ мать моя, когда ведетъ со мною задушевную рѣчь.

«— Вамъ навѣрно сказали, что лэди отправилась съ французомъ за пять сотъ верстъ, но чего вы еще, конечно, не знаете—нашъ учитель музыки поступаетъ въ управляющіе всѣми нашими деревнями. Вотъ и поѣхали они вмѣстѣ ревизовать дальнее имѣніе. Хорошо еще, что взяли съ собою Mathieu Isabelle, какъ называетъ его нашъ авантюристъ, закрѣпившій уже свой якорь у здѣшней пристани.

«— А музыка?

«— До нея ли намъ, когда разыгрывается здѣсь такая музыка, подъ которую пляшетъ вся нечистая сила. Да, нашъ добрый другъ, здѣсь творятся на яву такія чудеса, которыя и во снѣ не пригрезились бы нашимъ мудрецамъ, — какъ сказалъ бы нашъ Шекспиръ.—Французъ сдѣлался настоящимъ хозяиномъ въ домѣ, повелѣваетъ, кричитъ, награждаетъ, наказываетъ... Только и слышно: «мошенникъ! розга! сто палокъ!»

«Я замѣтилъ, что иностранцы, управляющіе у насъ крѣпостными, поступаютъ гораздо жесточе, самовластнѣе съ ними, нежели сами русскіе, между тѣмъ какъ у себя, въ своемъ краю, не смѣютъ никого щелчкомъ тронуть, никому сказать грубаго слова.

«— Гнѣвъ Божій, видно, постигнулъ этотъ домъ за наши грѣхи,—продолжала Гордонъ. — Лэди точно околдована этимъ пришельцемъ; все знаетъ, все слышитъ и молчитъ! Забыто всякое приличіе, всякій стыдъ, который данъ намъ въ удѣлъ со времени нашей прабабушки Евы, безъ котораго женщина дѣлается отвратительной. Забываетъ даже, у нея взрослая дочь, гувернантка въ домѣ,—забываетъ все на свѣтѣ. Таисъ дитя по ея мнѣнію, но и дитя чутьемъ души можетъ, хотя смутно, понимать семейный скандалъ. А здѣсь онъ нарушаетъ всякое приличіе. Вообразите, Таисъ застала разъ Гобуа у матери въ шлафрокѣ. Когда бѣдняжка пришла ко мнѣ, на ней лица не было, губы ея побѣлѣли, какъ у мертвеца. Я спросила ее, что съ нею сдѣлалось; отвѣтомъ были однѣ слезы. Въ другой разъ этотъ галерный осмѣлился назвать миссъ Можайски Таечкой. Надо было видѣть, какъ она выпрямилась, какимъ гордымъ, презрительнымъ взглядомъ посмотрѣла на него и съ какою твердостью сказала:

«— Меня такъ можетъ называть только мать моя, или мистрисъ Гордонъ. Если вы въ другой разъ осмѣлитесь...

«Мать захохотала.

«— Что-жь вы сдѣлали бы, важная особа?—спросила она.

«— У меня нѣтъ брата, который могъ бы за меня заступиться,—отвѣчала Таисъ твердымъ голосомъ,— я попросила бы защиты у мистрисъ Гордонъ.

«Этотъ отвѣтъ, довольно жестокій, проскользнулъ по груди матери, но стрѣлы, пущенной въ грудь оскорбленной дѣвушки, не вынуть ужь никогда! Духовный разрывъ между ними неминуемъ. До этого времени почтительная, любящая дочь стала ужь холодно и сухо обращаться съ матерью. Боюсь за ея здоровье, за ея характеръ, который я всегда называла ангель-

скимъ. Къ чему это поведетъ, Боже мой! Я оставила бы сейчасъ этотъ домъ, обреченный позору и семейному несогласію, еслибъ не знала, что теперь я нужнѣе Таисъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Покинуть ее въ такое время, да это стоитъ наказанія Божьяго.

«Мистрисъ Гордонъ заплакала и закрыла глаза рукою.

«— Но, — сказала она, придя въ себя, — не хочу долѣе лишать ее удовольствія видѣть васъ и съ вами поговорить. Вы одни можете разсѣять ея горе, увѣряю васъ. Поищите ихъ въ саду; сердце ваше приведетъ васъ скорѣе къ ней, нежели проводникъ.

«Конечно, не у пруда,—думалъ я,—надо ихъ искать; въ грустномъ состояніи, въ которомъ находится Таечка, она не захочетъ тѣшиться прогулками по водѣ; поищу ее въ сосновой рощѣ, гдѣ, по словамъ мистрисъ Гордонъ, вѣтеръ напѣваетъ свою оссіановскую пѣснь. Высокая, сосновая роща видна мнѣ была изъ-за другихъ деревъ, которыя, какъ малыя дѣти, приходились великанамъ ея по грудь; окраина ея была срѣзана правильной линіей. Вскорѣ я сталъ передъ колоннадой стройныхъ, величавыхъ сосенъ, сквозь которыя, на всемъ протяженіи рощи, можно было видѣть, кто въ ней движется. Однакожь не видать было никого. Полумракъ и пустота царствовали въ ней. Небо застилалось мохнатыми вѣтвями, будто черными крыльями, подъ ногами мохъ, папортникъ, брусничникъ и ни одного цвѣтка. Прислушался — хоть бы гдѣ-нибудь птичка подала свой голосъ; только дятелъ однообразно стучалъ клювомъ своимъ, какъ долотомъ. Нѣсколько тропинокъ бѣжали въ разныя стороны. По которой мнѣ идти? спросилъ я сердце свое; сердце мое было глупо въ эти минуты и не дало мнѣ отвѣта, обѣщаннаго мистрисъ Гордонъ. Еслибъ я былъ въ другомъ расположеніи духа, то погадалъ бы, какъ рыцари нашихъ сказокъ: «прямо пойдешь — найдешь то-то, налѣво —

найдешь, это, направо пойдешь—найдешь прекрасную царевну». И пошелъ бы я направо. Кто-то, неподалеку отъ меня, запѣлъ, протяжнымъ напѣвомъ нашихъ раскольниковъ, псаломъ, и вдругъ голосъ его оборвался. Какая-то человѣческая фигура наклонилась и спряталась за можжевеловымъ кустомъ. — «Нѣтъ, подумалъ я, кто бъ ни былъ, хочу видѣть, что ты за персона»—махнулъ черезъ кустъ и наступилъ на ноги какого-то человѣка, обутыя въ башмаки съ огромными серебряными пряжками.

«— Встань, чего ты боишся?—сказалъ я.

«И передо мною всталъ человѣчекъ пожилыхъ лѣтъ, худенькій, сухонькій; острый носъ его выдавался изъ лица, какъ птичій клювъ; вѣки маленькихъ, сѣрыхъ глазъ, подъ черными бровями, моргали отъ испуга, сѣдые волосы, остриженные въ кружокъ, выпадали изъ-подъ пуховой шляпы въ родѣ клока, видавшаго взгоды и непогоды. Борода его была тщательно обрита. Пальто англійскаго сукна, по которому вѣникъ и щетка довольно погуляли, вѣроятно съ широкихъ господскихъ плечъ, сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Бархатный жилетъ, порыжѣлый и изрытый, полосами, едва не доходилъ до колѣнъ. На ногахъ болтались шелковые чулки, тѣлеснаго цвѣта, довольно заштопанные нитками. Съ ногъ спали бы башмаки, еслибъ они не подвязаны были ремешками. Всѣ эти принадлежности туалета доказывали, что онѣ сшиты не на лицо, ихъ носящее, а достались ему по наслѣдству изъ господскаго гардероба. На перекинутомъ черезъ плечо широкомъ ремнѣ висѣло лукошко. Мнѣ очень хотѣлось смѣяться, глядя на эту фигуру.

«— Чего ты боишься?—повторилъ я.

«— Испужался, сударь, словно вы передо мною съ сосны свалились. У насъ пошли новые распорядки, какъ французъ сталъ управлять нами. Въ лѣсу этомъ

запрещено брать грибы и ягоды, а я имѣю билетъ только на другія угодья; не подведите меня подъ штрафъ.

«— Какъ, билетъ?

«Онъ вынулъ изъ жилета зеленую бумажку На ней напечатано было красивымъ, англійскимъ шрифтомъ, съ разными фигурами и атрибутами, что предъявитель *сего* имѣетъ право собирать грибы, ягоды, и прочіе *фрукты* въ рощахъ и лѣсахъ госпожи статской совѣтницы К. А Можайской, а кто пойманъ будетъ безъ билета, или попадется въ рощахъ господскаго сада, съ того берется штрафу 1 руб. серебромъ и отбирается *охотничій* снарядъ,

«— А за билетъ берутъ деньги?

«— Грѣхъ сказать, не берутъ, выдаютъ даромъ изъ конторы. На будущій годъ, говорятъ, будутъ голубые, а на предбудущій красные.

«Разсчетъ хорошъ, — подумалъ я, — *фрукты* не стоятъ того, что издержано на бумагу и въ типографію.

«— Ты что—жь за человѣкъ?

«— Камердинъ Дмитрія Алексѣича.

«— Да вѣдь Дмитрій Алексѣичъ давно померъ.

«— А у васъ, сударь, коли помираетъ набольшій, подъ которымъ вы служили, не снимаютъ же вашего званія и чина.

«— Дѣльно. А какъ зовутъ тебя?

«— Іоасафъ, Яковлевъ сынъ, Румянцевъ.

«— Громкое имя! А скажи мнѣ, бывшій камердинеръ Дмитрія Алексѣича, не видалъ-ли гдѣ здѣшнихъ барышень?

«— Сейчасъ только отъ нихъ. Рыбу у мельницы удилъ, такъ онѣ на бережку, у плотины, сидѣли. Я все, сударь, по привычкѣ, не могу безъ дѣла; то свое платьеце почистишь, или поштопаешь, то побрѣ-

ешься отъ скуки и два раза побрѣешься, то рыбу ловлю, бредешки вяжу, верши плету Вы сами знаете, сударь, праздность есть мать всѣхъ пороковъ.

«— Ого! да ты и начетчикъ, видно.

«— Вычиталъ изъ барышниной прописи Грѣшный человѣкъ, маракую маленько грамоту.

«— Такъ скажи мнѣ, какъ найти мнѣ барышень-то.

«— Съ великою нашею радостію, пожалуйте-съ.

«Румянцевъ сталъ показывать мнѣ дорогу и часто вглядывался въ меня своими мышиными глазами.

«— А что сударь,—спросилъ онъ наконецъ,—не осудите меня, коли обезпокою васъ моимъ холопскимъ вопросомъ?

«— Говори.

«— Вы личикомъ больно сшибаете на одного барина, — былъ пріятель Дмитрію Алексѣичу, какъ живали мы съ нимъ въ Одессѣ, да такой пріятель, что въ секунданты къ нему пошелъ, когда была у нихъ дуэль... Можетъ, слыхали объ этомъ погромѣ?

«— Слыхалъ. Глазъ у тебя зорокъ и память хороша, Іоасафъ Яковлевъ; а какъ звали того барина?

«— Суздалинъ.

«— Ну, такъ я его сынъ.

«— Батюшка, по отечеству Андреичъ, а имячко-то ваше не имѣю чести знать.

«— Михайла.

«— Батюшка, Михайла Андреичъ, ручку вашу пожалуйте.

«И силился онъ поцѣловать мою руку и поцѣловалъ таки, несмотря, что я отбивался отъ этой чести.

«— Гляжу, гляжу на васъ, живой портретъ Андрея Михайлыча. А какой родитель вашъ былъ золотой, царствіе ему небесное! Спѣси въ немъ хоть бы на пылинку, и съ малымъ и съ простымъ человѣкомъ имѣлъ такое ласковое обхожденіе. Бывало, пріѣдетъ къ

намъ, и все съ припѣвцемъ, веселый былъ такой.— Ну что, Румянцевъ, скажетъ, громъ побѣды раздавайся! А намекалъ онъ, сударь, на шашни мои съ одесскими мамзелями, бонжуръ, команъ ву порте ву. Только доложу вамъ, сударь, дорогоньки; покупай имъ всѣ конфеты изъ лучшихъ магазиновъ, да сережки, да финтифлюшки разныя.

«Румянцевъ нѣсколько разъ останавливался, какъ будто ставилъ знаки препинанія въ своей рѣчи.

«— Все это мнѣ слышать очень пріятно, но я спѣшу къ здѣшнимъ барышнямъ. Приходи-ка лучше ко мнѣ въ Суходольскъ, спроси губернаторскаго чиновника Суздалина, тамъ, на досугѣ, разскажешь мнѣ про свое прежнее и нынѣшнее житье-бытье. А за труды, что проводишь меня на мельницу, вотъ тебѣ на водку.

«У меня былъ новенькій цѣлковый въ карманѣ, я отдалъ его Румянцеву.

«Глаза его заискрились; казалось, блескъ металла очень его тѣшилъ; онъ оборачивалъ монету нѣсколько разъ, потомъ положилъ въ карманъ жилета, осмотрѣвъ нѣтъ-ли въ немъ прорѣхи.

«— Водки не пью, сударь, отродясь, — сказалъ онъ,—сберегу вашъ цѣлковенькій на маслецо для лампадки. Бѣдный человѣкъ, а денно и ночно горитъ у меня неугосимая передъ образомъ Симеона Богопріимца.

«— Почему-жъ Симеона?

«— Такой зарокъ далъ; а коли погаснетъ, знай православный людъ, Румянцевъ Богу душу отдалъ.

«Шли мы, какъ птицы летаютъ, не разбирая ни ямъ, изъ которыхъ брали глину, ни кустовъ. Вскорѣ услышалъ я ровный гулъ падающей на колеса воды и между нимъ дрожащіе звуки попрыгивающихъ жерновов; воздухъ былъ напитанъ мучнымъ запахомъ. Сдѣлали еще нѣсколько шаговъ. Румянцевъ осторожно

раздвинулъ сучья двухъ кустовъ и поставилъ меня между ними.

«— Видите, — сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ, — омутъ, гдѣ кипитъ вода; здѣсь утонулъ *онъ*. Слышите? Словно голосъ подаетъ утопленникъ. По этой причинѣ и барышня долго не пріѣзжала въ Гостинцы, жутко, знать, ей казалось. Да вдовье горе, сударь, что эта рѣчка: бурлитъ и стонетъ у плотины, а посмотришь подальше, ручеекъ, въ двѣ три ниточки, только-что попрыгиваетъ по камышкамъ, да ведетъ свою веселую рѣчь. А вотъ сидитъ она, горемычная, съ товаркой на бережку, словно два голубка. Добрая барышня, и англичаночка также; то одна пришлетъ мнѣ чайку и сахарцу, то другая булочку.

«— А знаетъ-ли Таисія Дмитріевна, что отецъ ея здѣсь утонулъ?

«— Не знала прежде, да я на дняхъ, какъ-то проговорился, не сказалъ только одного... что утопился онъ.

«Злодѣй! — подумалъ я,—охота была тебѣ своимъ неосторожнымъ разсказомъ возмущать душу ея, и безъ того больную».

«— Никто не помянетъ здѣсь его, пусть дитя родное помянетъ. Плакала она, бѣдная, горько плакала, слушая меня, а какъ маменька изволили уѣхать съ французомъ, такъ обѣдню заказывала, да панафиду отслужила за упокой души своего родителя. И похоронили-то барина на кладбищѣ, гдѣ крестьянъ хоронятъ, и камышекъ-то съ крестомъ на могилкѣ положилъ бурмистръ Савельичъ. Говорили полицейскіе, милость еще сдѣлали, что тутъ его зарыли, а то самоубійцѣ слѣдовало лежать въ полѣ одному. Я видѣлъ самъ, какъ онъ бросился съ плотины на камень... Да это дѣло денежки затушили; и мнѣ велѣли молчать... Не проговоритесь и вы, сударь. Однакожъ я обезпокоилъ

васъ моею болтовней; извольте идти къ барышнямъ, а я къ ягодамъ. Прощайте, сударь не премину быть у васъ въ Суходольскѣ, больно вы мнѣ полюбились. Обойдите овражекъ вправо, крутенекъ.

«Онъ пошелъ въ свою сторону, къ сосновой рощѣ, а я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы осмотрѣть, какъ мнѣ лучше пройти. Я окинулъ взглядомъ мѣстность. Песчаные берега, на которыхъ росли тощіе кусты олешника и ветлянника, двѣ-три ивы, печально отпустившія свои вѣтви къ водѣ, огромный, гранитный камень, выступившій изъ воды своею блестящей, будто обрызганный кровью, лысиной, которую то и дѣло омывали всплески, накатываемые вѣтеркомъ, все это могло только усилить, а не разогнать печальное состояніе Таечки, о которомъ говорила мистрисъ Гордонъ. Обѣ подруги сидѣли подъ тѣнью одинокой, дупловатой березы. Маленкій, но крутой оврагъ, промытый весенними потоками, раздѣлялъ насъ. Я слегка запѣлъ начало пѣсни, которую онѣ слышали отъ меня, когда мы гуляли по пруду. Таечка и Алиса обернулись въ сторону, откуда слышался мой голосъ. Алиса спорхнула со своего мѣста, разомъ облетѣла овражекъ и, схвативъ меня за руку, сказала умоляющимъ голосомъ:

«— Ради Бога, разсѣйте ее; полоумный камердинеръ отца ея на-дняхъ разсказалъ ей печальную исторію его смерти; съ того времени она очень грустить.

«Рука въ руку съ Алисой мы побѣжали къ Таечкѣ; она была блѣдна; я замѣтилъ на глазахъ ея слѣды слезъ.

«— Наконецъ-то я васъ нашелъ, Таисія Дмитріевна, — сказалъ я, — мистрисъ Гордонъ совѣтовала мнѣ спросить мое сердце, гдѣ васъ найти, но *надо*, чтобы сердце сердцу вѣсть подавало, а ваше, молчало, конечно.

«— Видно отозвалось, — отвѣчала Таечка, улыбаясь, — когда вы насъ здѣсь нашли.

«— Что за охота сидѣть вамъ въ такомъ скучномъ, дикомъ мѣстѣ! Мистрисъ Гордонъ ждетъ васъ. Дайте мнѣ обѣ ваши ручки. Я привезъ вамъ Пушкина, Лермонтова, прочту вамъ что-нибудь, пропою вамъ что нибудь, и мы, надѣюсь, проведемъ время пріятно.

«— Вы настоящій другъ нашъ, monsieur Мишель

«— Общій вашъ другъ? Когда-то вы скажете просто: другъ мой Мишель.

«— Ужь разумѣется и *мой* другъ. Вотъ я была очень скучна, очень грустна, но вы пріѣхали, и я все забыла.

«Обѣ схватили меня подъ руки; мы были скоро въ саду. По дорогѣ попался намъ кустъ бѣлыхъ розъ, я подвелъ къ нему моихъ спутницъ, сорвалъ одну розу и подалъ ее Таечкѣ.

«— Если-бы вы прикололи ее къ чернымъ волосамъ своимъ,—сказалъ я,—походили бы еще болѣе на *Изумрудный-крестикъ*. Она очень любитъ этотъ нарядъ.

«— Нѣтъ, я хочу быть сама собой, — отвѣчала Таечка съ досадой, слегка слышавшейся въ ея голосѣ, и приколола розу къ груди своей.

«Мы продолжали идти къ дому; она задумалась.

«— А васъ этотъ Изумрудный-крестикъ очень занимаетъ?—спросила она, немного погодя.

«— Люблю ее, какъ сестру свою, желаю ей счастія, какъ сестрѣ. Я зналъ ее съ дѣтства; была еще маленькая и такая добрая; умная, какъ миссъ Алисъ.

«На этотъ разъ маленькая англичанка не исполнила своего книксенъ, а только, плутовато прищуривъ глазки, погрозила мнѣ пальцемъ.

«Вскорѣ, вѣроятно, наскучивъ нашимъ мѣрнымъ шагомъ, она вырвалась отъ меня и побѣжала по сторонамъ искать грибовъ, какъ говорила. Я продолжалъ съ

Таечкой рѣчь объ Изумрудномъ-крестикѣ, и рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ей высказаться.

«— Она теперь за нѣсколько сотъ верстъ отъ меня, — говорилъ я, — но думая часто объ ней, не грущу, не порываюсь къ ней душой. Есть другая любовь, Таисія Дмитріевна. Любятъ мать, брата, подругу, дядю... это совсѣмъ не то... Любовь объ которой я говорю... объ этой вы, вѣроятно, читали въ англійскихъ романахъ. Она рѣшается однимъ взглядомъ, однимъ часомъ, одною прогулкой по сушѣ или по водѣ, какъ хотите... Двѣ души поняли и полюбили другъ друга, и союза ихъ не разорвать ни времени, ни разлукѣ, ни обстоятельствамъ. Находятся ли онѣ за тридцать, или за тысячу верстъ другъ отъ друга, онѣ все равно томятся, пока не будутъ вмѣстѣ. Еслибъ я такъ любилъ *Изумрудный-крестикъ*, думаете ли, что какое-нибудь разстояніе, какія-нибудь препятствія, служба, чтобы ни было, удержали меня въ Суходольскѣ. Я перелетѣлъ бы сотни верстъ, какъ пріѣзжаю къ вамъ за тридцать, я давно былъ бы у ногъ ея. Когда вы будете любить такою любовью, скажете-ли вы своему дядѣ, своему другу, такъ-ли объяснилъ ее?

«Я держалъ руку Таечки въ своей рукѣ. Не знаю, не помню, что я говорилъ еще. Она шла, опустивъ на глаза густую сѣнь своихъ рѣсницъ; помню только, что она сжала мою руку.

«— Скажите, такъ, другъ мой, Мишель.

«Таечка взглянула на меня такимъ ласковымъ, нѣжнымъ взглядомъ, отъ котораго я былъ счастливъ, какъ могутъ быть только счастливы смертные, и робко произнесла: — Такъ, *мой* другъ.

«— Куда-жь вы идете?—закричала Алиса,—прямо на деревья!

«Голосъ этотъ вывелъ насъ изъ упоенья, въ которомъ мы оба находились.

«Въ самомъ дѣлѣ мы стояли передъ деревомъ, на которое могли бы наткнуться. Алиса хохотала отъ души и поднесла мнѣ пышный букетъ цвѣтовъ.

«Мы провели этотъ день прекрасно. Я прочелъ изъ Лермонтова пѣснь про «Опричника и купца Калашникова» и нѣсколько стихотвореній Пушкина. Таечка была отъ нихъ въ восхищеніи, мистрисъ Гордонъ отозвалась, что хотя не сильна въ русскомъ языкѣ, но слухомъ и душою понимаетъ силу и гармонію ихъ. Я пропѣлъ нѣсколько романсовъ, веселыхъ и грустныхъ и, между чтеніемъ и пѣніемъ, улучилъ время, чтобы шепнуть ей о своемъ благополучіи.

«— Съ Богомъ, — сказала она, крѣпко пожавъ мнѣ руку, — вынесите ее изъ этого омута.

«Пріѣхавъ домой, я ничего не утаилъ отъ матери.

«— Ни одна дѣвушка во всю жизнь мою мнѣ такъ не нравилась, — сказала она, — ты будешь счастливъ съ нею... но мать ея... Боюсь препятствій съ ея стороны; однакожъ никто, какъ Богъ!...

«Можешь вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду возвращенія Катерины Александровны. Думаю, занятая своимъ французомъ, охладѣвъ къ дочери, тяготясь присутствіемъ мистрисъ Гордонъ и Алисъ, которыя, какъ неотступные соглядатаи, тревожатъ ее... Да, я надѣюсь, что она довольна будетъ сдать мнѣ на руки мое сокровище, мою безцѣнную Таю. Имѣній Катерины Александровны мнѣ не нужно; насчетъ этого она можетъ быть покойна. Пускай управляетъ ими французъ, сколько ей угодно. Я имѣю своихъ 300 душъ; сестры мои замужемъ и отдѣлены. Слѣдовательно, могу съ матерью и женою жить припѣваючи.

«Черезъ дня два послѣ поѣздки моей въ Гостинцы, сидя въ своемъ кабинетѣ надъ однимъ дѣломъ о раскольникахъ, называемыхъ *странниками*, я услышалъ,

что кто-то за дверьми произнесъ громко: «Громъ побѣды раздавайся!»

«— А! Румянцевъ! — крикнулъ я, — войди.»

«Вошелъ Румянцевъ, щеголевато одѣтый, въ пышномъ, батистовомъ бѣломъ галстухѣ на шеѣ, манишка его украшалась бирюзовыми пуговками. Платье на немъ было новое, хотя также мѣшковато сидѣло. Онъ помолился передъ образомъ и поклонился мнѣ.

«— Вотъ, сударь, я и пришелъ по вашему приказанію; не повѣрите, такъ и тянуло къ вамъ.

«— Спасибо, большое спасибо, Румянцевъ.

«Разумѣется, первый вопросъ, который я ему сдѣлалъ, былъ:

«— Не пріѣхала-ли Катерина Александровна?

«— Нѣтъ еще, куда такъ скоро! Вѣдь пять сотъ душъ въ степной и угодій тысячи десятинъ.

«— Ну что барышня твоя подѣлываетъ?

«— Какъ-то повеселѣе стала, словно вы въ пріѣздъ свой спрыснули ее живою водой. Ужь и на мельницу не ходятъ. Таисія Дмитріевна мнѣ и кошелекъ своей работы пожаловала: извольте-ка полюбоваться.

«Онъ вынулъ изъ кармана красивый кошелекъ и показалъ мнѣ.

«— Да положила въ него такого-же яснаго сокола, какой вы мнѣ пожаловали, да примолвить изволили: — «пойдешь въ Суходольскъ, можетъ, кто еще дастъ на маслецо для лампадки».

«Я замѣтилъ, что бывшій камердинеръ не равнодушенъ къ презрѣнному металлу и все на маслецо для неугасимой лампадки, и догадался, что онъ, намекая на Суходольскъ, бросаетъ камешки въ мой огородъ, авось, дескать, подберетъ.

«— Вотъ тебѣ и отъ меня чижичка, — сказалъ я ему, отдавая ему новенькій полуимперіалъ.

«Онъ бросился цѣловать мою руку, цѣловалъ и золотую монету.

«Мало-по-мало я втянулъ его въ разговоръ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ его. Тутъ Румянцевъ разсказалъ мнѣ, что онъ херсонскій мѣщанинъ, служилъ въ Одессѣ въ гостиницѣ, понравился Дмитрію Алексѣичу и съ того времени находился при немъ камердинеромъ, какъ щедръ былъ его господинъ, подарилъ ему разъ не только свой, но и батюшки своего гардеробъ. Хоть и сидитъ на мнѣ,—говорилъ онъ,—какъ сѣдло на коровѣ, хоть и посмѣиваются надо мной, когда пріѣзжаю въ городъ, да мнѣ эти смѣшки, что къ стѣнѣ горохъ. Знаю себѣ, платье барское, да не купленное. Разсказывалъ онъ объ одесскомъ погромѣ въ семействѣ Можайскихъ, и какъ былъ при баринѣ въ Нѣмечинѣ и какъ таскался съ нимъ по разнымъ мытарствамъ, и многое, что я писалъ тебѣ въ этомъ письмѣ.

«Я спросилъ его: — Хорошо-ли теперь ему житье у барыни?

«— Хорошо-то хорошо, и мѣсячину вдоволь получаю, и жалованья три рубля въ мѣсяцъ, да скучненько,—служить некому. Служилъ я мальчикомъ, служилъ молодымъ парнемъ въ трактирѣ, служилъ потомъ у Дмитрія Алексѣича, а теперь некому... скучненько, инда подъ часъ тоска беретъ. Пошелъ бы въ услуженіе хоть къ французу, да больно сердитъ, все-таки пошелъ бы. Хоть бы колотушки подъ часъ давались, а все какъ-то веселѣе, знаешь, служишь. Я ужь и къ бурмистру Савельичу примазался было, кафтанъ ему почистишь, сапоги, умыться подашь — на душѣ легче.

«Онъ сталъ было прощаться со мною, но, взглянувъ мимоходомъ на заглавокъ дѣла, лежавшаго у меня на столѣ, прочелъ: «*Дѣло о раскольникахъ въ такомъ-то селѣ, именуемыхъ странниками*».

«При этомъ случаѣ, къ удивленію моему, онъ передалъ мнѣ много тайнъ объ этой сектѣ, какъ бы самъ въ ней находился, взявъ съ меня *честное* слово не выводить его на свѣжую воду.

«— Честное слово у васъ все равно что наша божба, да еще покрѣпче будетъ,—сказалъ онъ, видимо встревоженный опасеніями, чтобъ я его не выдалъ.

«— Ты почему-жь это знаешь?—спросилъ я.

«— Э, батюшка, потаскался довольно по бѣлому свѣту, наглядѣлся всего, всего извѣдалъ.

«Прощаясь окончательно со мной, онъ мышиными глазами осмотрѣлъ все въ моемъ кабинетѣ, разспрашивалъ, чьи портреты на стѣнахъ, и остановился передъ твоимъ фотографическимъ, который ты подарилъ мнѣ, при отъѣздѣ своемъ въ армію. Когда жь Румянцевъ прочелъ твою подпись: «Другу В. Патокинъ» мнѣ показалось, что онъ сильно смутился.

«— Что это за *вѣди* Патокинъ? — спросилъ онъ, наконецъ, покачивая головой.

«— Мой пріятель, Владиміръ Сергѣичъ Патокинъ, сынъ купца изъ Луковокъ.

«— Такъ, такъ, — проговорилъ онъ вполголоса.

«— Развѣ ты знаешь какого Патокина?

«— Не знавалъ въ лицо, а слыхалъ въ Одессѣ, торговалъ тамъ шибко хлѣбомъ, все въ иностранныя земли продавалъ. Сынъ богатаго купца? — повторялъ онъ, поднявъ руку въ знакъ удивленія, — сынъ богатаго купца?... а въ солдатскомъ мундирѣ написанъ! Развѣ за какую провинность отданъ въ солдаты?

«— Нѣтъ, своей охотой пошелъ; теперь ужь офицеръ и кавалеръ. (Кстати объ кавалеріи; я порядочно побѣсилъ Хрюконовскаго, послалъ ему отъ имени моего знакомаго приказы о награжденіи тебя чиномъ и проч.).

«Онъ перекрестился.

«— Хоть и не свой человѣкъ, а все-таки вчужѣ было жаль... такой молодецъ, сынъ богатаго купца, и солдатъ!

«Я замѣтилъ, что, говоря это, онъ былъ очень блѣденъ и какъ будто лихорадка его трясла.

«— Ты, мнѣ кажется, нездоровъ.

«— Вчера купался, такъ лихоманка схватила. Позвольте ужь, батюшка, съ вами распрощаться, авось дорогой отъ тряски полегчитъ.

«Узнавъ, что онъ пріѣхалъ съ попутчикомъ на телѣгѣ, я велѣлъ слугѣ проводить его и дать возчику на водку, чтобы бережно довезъ до двора.

«Прости, что испытываю твое долготерпѣніе этими подробностями. Странная личность Румянцева меня интересуетъ, какъ думаю, и Володю займетъ.

«PS. Хотѣлъ было еще кое-что написать, но сейчасъ пришелъ обязательный морякъ, взявшійся доставить тебѣ мое письмо, и говоритъ, что ему долѣе ждать нельзя, что онъ заѣхалъ въ почтовой телѣжкѣ и даетъ мнѣ только время запечатать письмо. Я извинился, что вручаю ему тетрадь вмѣсто письма. «Хоть десять тетрадей,—сказалъ онъ,—только ради Бога не держите меня». Мнѣ остается мысленно обнять тебя и прибавить, что, въ случаѣ счастливаго разрѣшенія моей судьбы, я буду скоро писать къ тебѣ. Прощай, любезный другъ, крѣпко жму тебя къ сердцу своему. Когда будешь писать къ вашему Изумрудному-крестику, скажи, что я влюбился въ ея двойникъ».

Володя, прочтя это письмо въ нѣсколько присѣстовъ, которые только позволяли ему дѣла по службѣ, подумалъ: — Да это цѣлый романъ! Дай Богъ, чтобы онъ кончился хорошо!»

Отвѣтъ Володи не замедлился. Вотъ, что онъ писалъ Суздалину.

«Благодарю тебя за новое доказательство твоей

дружбы. Ты присоединилъ меня къ самымъ близкимъ тебѣ людямъ, которыхъ судьба сдѣлала повѣренными твоихъ сердечныхъ тайнъ. Пробѣжавъ первыя строки твоего письма, я заперся въ своей комнатѣ отъ всѣхъ докучливыхъ посѣтителей. Читая и перечитывая его нѣсколько разъ, я перенесся къ тебѣ, жилъ съ тобою подъ теплымъ крыломъ твоей матери, въ семействѣ Можайскихъ, и сталъ не только зрителемъ, но какъ бы участникомъ всего, что происходило съ тобою. Да, это настоящій романъ. Такъ и хотѣлось бы подвинуть его къ развязкѣ. А ты, какъ нарочно, остановился близъ нея, на грани, гдѣ начертаны для тебя роковыя слова: «быть или не быть». Богъ знаетъ, когда разрѣшится для меня эта загадка. При этомъ случаѣ вспомнилъ я анекдотъ объ одномъ сочинителѣ, который, описывая интересную исторію двухъ любовниковъ, разсказывалъ женѣ своей, что остановился на самомъ критическомъ моментѣ ихъ любви и не знаетъ, увѣнчать ли ее скорѣе счастливымъ бракомъ, или затянуть эту развязку подалѣе.—«Ради Бога,—говорила жена, проливая искреннія слезы при слушаніи этого разсказа—не мучь ихъ долѣе, соедини поскорѣе, а то бѣдняжки совсѣмъ истомились». Конечно, я не такъ сентименталенъ, чтобы проливать слезы, да и положеніе твое не такое отчаянное, чтобы могло исторгнуть ихъ, но умоляю судьбу, автора твоего романа, сжалиться надъ вами и скорѣе васъ соединить. Тебѣ, конечно, понятно живѣйшее участіе, которое принимаю въ этомъ, невымышленномъ романѣ—герой его мнѣ такъ близокъ, героиня такъ похожа на Дуню, а эта статья не изъ послѣднихъ въ моемъ участіи. Изъ описанія твоего вижу, что Тая вся—увлеченіе. Тѣмъ лучше для тебя. Отдавъ тебѣ однажды свое сердце, я увѣренъ, она никому и ничему не будетъ принадлежать, кромѣ тебя, она не захочетъ знать другихъ

обязанностей, другого долга, какъ тебя любить. Мать, свѣтъ, вся жизнь ея заключается въ тебѣ. Будь на ея мѣстѣ наша Дуня, она, можетъ быть, любила бы тебя не менѣе, но не осмѣлилась бы ни на какое рѣшительное слово, ни на какой рѣшительный шагъ безъ воли своей матери; а еслибъ мать запретила тебя любить, она повиновалась бы, какъ бы ни было это для нея мучительно. И ты страдалъ бы цѣлые годы. Не всякому даны силы пройти сквозь такія испытанія. Теперь ты, по крайней мѣрѣ, знаешь, что тебя любятъ. Тебѣ это сказала сама твоя Тая, ты счастливъ этимъ признаніемъ, ты знаешь, что она твоя, рано или поздно. Съ такою увѣренностью ты можешь ждать и надѣяться. О! еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, какъ бы радостно пошелъ на всякую борьбу!... Вся жизнь моя, какова бы ни была, услаждалась бы мыслью, что я любимъ. Вотъ слова утѣшенія, которыя посылаю тебѣ. Какъ я полюбилъ твою Таю за это увлеченіе! Какъ я полюбилъ добрую мистрисъ Гордонъ, маленькую Алисъ! Что сказать тебѣ о самой Катеринѣ Александровнѣ? Строгій моралистъ осудилъ бы ее безъ аппеляціи, но я, помимо ея отношеній къ дочери, не могу не чувствовать состраданія, если не влеченія къ этой несчастной женщинѣ, не могу не удивляться силѣ ея характера. Если она пала, кто-жь причиною ея паденія, какъ не мужъ, все-таки *нашъ братъ?..* Она вышла за него молодая, прекрасная, чистая душой и помыслами; Божье око могло бы смотрѣться въ эту душу. Она полюбила его страстно, и этотъ человѣкъ не умѣлъ спокойно пользоваться сокровищемъ, которое ему послано было свыше, старался изъ самоугожденія развратить ее, измѣнилъ ей, когда ея сердце было полно имъ, когда вся жизнь ея была ему посвящена. Эта жизнь была сокрушена однимъ ударомъ; однимъ шагомъ нечистой стопы былъ разда-

вленъ этотъ цвѣтокъ. Что-жь, какъ не сильная любовь, толкнуло ее на мщеніе? Она могла бы выбрать другое—другого не выбрала, потому что большее зло, какъ измѣна, не было для нея мыслимо, другое не было приложимо къ ея кипучей натурѣ. Какимъ ужаснымъ орудіемъ поразили ее, тѣмъ же она отплатила. *Не она* могла бы помириться съ человѣкомъ, такъ сильно ее оскорбившимъ, простить его. Для нея не было болѣе мира. Не изъ такого закала душа ея. Разъ полюбивши, она думала любить вѣчно, возненавидѣвъ, она сдѣлала то-же. Пусть поступитъ также другая! Египетская ночь, паденіе ея, чувство къ французу—назови это чувство, какъ хочешь—все это послѣдствія одного и того же начала. Но объ этомъ можно бы написать цѣлую книгу. Не побивать ее каменьями, а сожалѣть объ ней должно. Осталось мнѣ только желать, чтобы ты осторожнѣе сумѣлъ выхлопотать ея согласіе на бракъ твой съ Таисіей Дмитріевной, чтобы ты въ этомъ случаѣ не употреблялъ рѣзкихъ средствъ, безсильныхъ противъ женщины, какова Можайская, чтобы ты не оскорблялъ чувства, надъ которымъ она почитаетъ себя полною госпожей, на которое, думаетъ она, дала ей право сама несчастная судьба ея. Скорѣе, какъ можно скорѣе добейся согласія и исторгни свою Таю изъ дома, отмѣченнаго, какъ говоритъ мистрисъ Гордонъ, перстомъ Провидѣнія. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя письма. Я не надолго въ Приморскѣ, куда присланъ моимъ генераломъ съ марша изъ Бессарабіи по секретнымъ порученіямъ. Когда корпусъ нашъ прибудетъ сюда, мы, кажется, потянемся въ Крымъ. Во всякомъ случаѣ пиши ко мнѣ въ штабъ главной квартиры.

«Но прежде, чѣмъ разстанусь съ тобою въ этомъ письмѣ, я хочу отплатить откровенностью за откровенность, хочу передать тебѣ тайну и своего сердца.

Ужь не влюбился-ли онъ, скажешь ты, въ какую-нибудь молдаванку, не выхватилъ-ли красавицу изъ какого-нибудь гарема? Нѣтъ, другъ мой, та, которой принадлежитъ мое сердце, русская, если хочешь, славянка, чиста, какъ... прибери, что можетъ быть чище на свѣтѣ. Помнишь, ты самъ пророчилъ мнѣ ее въ подруги моей жизни. Тогда она была еще дитя, брала уроки.—«Помяни меня,—говорилъ ты,—дай ей только развиться, увидишь, что изъ нея будетъ; ты не устоишь противъ очарованія ея красоты». Я смѣялся тогда этому пророчеству и подчасъ сердился. Росла Дуня—и я смотрѣлъ на нее, какъ на хорошенькую, умную, добрую сестренку, глазами и сердцемъ старшаго брата. Выросла, развилась — я по привычкѣ продолжалъ также смотрѣть на нее, питать къ ней тѣ же братскія чувства. Казалось мнѣ, другія чувства и не привьются никогда къ душѣ моей. Такъ думалъ я, когда мы были вмѣстѣ. Ревнивый надзоръ матери, которой, Богъ знаетъ, почему вздумалось, что сынъ ея женится не иначе, какъ на какой-нибудь княжнѣ, сторожилъ наши сердца. Не смѣю винить ее; она дѣлала это изъ сильной любви ко мнѣ. Тутъ же примѣшалось и твердое, если не глупое упрямство мое въ добываніи себѣ какого-то права... Развѣ не могъ я оставаться образованнымъ купцомъ, благороднымъ членомъ общества и безъ этого права, котораго такъ добивался? Развѣ не былъ бы я тогда полезнѣе себѣ, своему семейству? Не былъ бы счастливѣе доброю подругой, избранной сердцемъ? Но что сложилось обстоятельствами, что сдѣлано, того не воротишь. Странно! Бываютъ же такія аномаліи въ натурѣ человѣческой! Когда я разстался съ Дуней, я узналъ всю тщету моихъ увлеченій, я только тогда узналъ, что люблю ее не какъ сестру, люблю всею душею, всѣми помышленіями моими, что эта любовь сжилась и

умретъ со мною. Она не красавица, какъ ты ее называешь, нѣтъ, но въ ней есть что-то выше, лучше красоты, есть какое-то душевное очарованіе, противъ котораго сердце не можетъ устоять. Чѣмъ дальше я отъ нея, тѣмъ сильнѣе врѣзываются въ немъ ея образъ, ея взглядъ, ея слова, тѣмъ болѣе живу въ обществѣ этого дивнаго созданія. Все прекрасное въ природѣ, въ картинахъ, въ книгахъ, есть, кажется мнѣ, только отблескъ, отраженіе ея. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ люблю ее болѣе и болѣе. Стыдно мнѣ даже тебѣ напомнить негодую исторію... Я разсказывалъ ее тебѣ въ Москвѣ, при прощаніи съ тобою... Другой, на моемъ мѣстѣ, почелъ бы этотъ случай обыденнымъ и забылъ бы его такъ же скоро, какъ забываются обыкновенныя шалости молодыхъ лѣтъ. Но повѣришь ли, этотъ случай такъ глубоко возмутилъ мою душу, такъ внѣдрился въ ней, какъ будто я совершилъ преступленіе. Мысль объ немъ преслѣдовала меня на походѣ, преслѣдуетъ и теперь; не могу отъ нея отбиться. Мнѣ все кажется, что я измѣнилъ невѣстѣ, съ которою былъ обрученъ, любимой женщинѣ, которой далъ обѣтъ, какъ рыцарь, воинъ-монахъ среднихъ вѣковъ, сохранить ей свое сердце, сохранить себя въ чистотѣ и непорочности нравовъ. Эта мысль покажется тебѣ и другому смѣшною, дѣтскою, донъ-кихотскою, а меня она мучитъ, тѣмъ болѣе, что Дуня узнала мою гадкую исторію. Никогда, думаю, эта женщина любить меня не можетъ; мутный потокъ раздѣляетъ насъ. Къ довершенію моего мученія, Дуня не знаетъ, что я ее такъ люблю. Въ письмахъ къ ней я не смѣлъ ей даже намекнуть о любви. Съ одной стороны боюсь прогнѣвить мать, съ другой—самую Дуню. Мысленно сражаюсь съ препятствіями; побѣждаю одно—другое приходитъ на смѣну. Бьюсь, какъ въ сѣти, которую ни откинуть,

ни разорвать не могу. То мнѣ кажется, что Дуня любитъ меня болѣе, чѣмъ брата. Прощаясь съ нею, я видѣлъ, какъ она измѣнилась въ лицѣ, какъ дрожали ея руки, когда она меня благословляла, какъ слезы душили ее. И то сказать:—можетъ быть, привычка, дружба!... На походѣ Парфенъ, мой слуга и бывшій дядька, передалъ мнѣ, что дочь его, Параша, разсказывала ему, будто барышня ея очень и очень плакала, когда узнала про глупую мою исторію, плакала такъ, что подушка ея къ утру была мокра отъ слезъ, что она приказывала отнести ко мнѣ на память цѣпь, которою закована была бѣглянка.—«На память ему»,—сказала Дуня съ гнѣвомъ.—«Страшно было ея лицо въ это время, прибавляла Параша: никогда не видала я такою грозною госпожу свою, которая обыкновенно кротка, какъ ангелъ». Не была-ли это вспышка ревности? А безъ любви ужь, конечно, нѣтъ ревности. Такими мыслями то обольщаю себя, то отъ нихъ падаю въ отчаяніе. Письмо твое растравило еще болѣе раны моего сердца—прости мнѣ, я тебѣ позавидовалъ: ты, по крайней мѣрѣ, знаешь, что тебя любятъ и надѣешься.

«Прощай, обнимаю тебя отъ души; будь хоть ты счастливъ.

«PS. Я забылъ написать тебѣ объ одной странной встрѣчѣ, которая касается Дуни. Дня съ три тому назадъ я обѣдалъ въ одной гостиницѣ, куда собираются, большею частью, наши военные. Сборище офицеровъ, служащихъ на коняхъ, на морѣ и на своихъ двухъ ногахъ, было огромное и шумное. За обѣдомъ, какъ водится въ такомъ случаѣ, осушены дюжины «благословеннаго Аи». Подлѣ меня сидѣлъ обязательный морякъ, привезшій мнѣ твое письмо,—черезъ два человѣка отъ него какой-то кавалеристъ, лѣтъ тридцати, съ польскимъ акцентомъ. По лицу его, довольно

красивому, но блѣдному, увядшему, и раннимъ морщинамъ видно было, что жизнь его перегорѣла въ излишествахъ всякаго рода. Онъ потчивалъ знакомыхъ и незнакомыхъ шампанскимъ, котораго бутылки то и дѣло откупоривались по его приказанію, и просилъ позволенія у моего сосѣда (назвавъ его по фамиліи) и меня наполнить наши бокалы. Мы оба небольшіе охотники до возліяній, но осушили бокалы и отблагодарили его своимъ шампанскимъ, которое приказали подать.

«— Кто это такой?—спросилъ я своего сосѣда.

«— Такъ какъ я нерѣдко пріѣзжалъ сюда изъ Николаева, а онъ — нерѣдко изъ нашихъ южныхъ военныхъ поселеній, гдѣ служитъ, то я какъ-то съ нимъ познакомился,—отвѣчалъ морякъ.—Это le Benjamin, по нашему батюшкинъ сынокъ какого-то богатаго пана, Звениславскій; большой кутила, впрочемъ добрый малый.

«При этомъ имени я невольно вздрогнулъ — мнѣ пришла на память фамилія Дуниной матери, которую жестокій отецъ и мачиха погубили, лишивъ ея права освятить свою любовь благословеніями церкви и передать дочери законное имя. Съ какою-то злостью сталъ я смотрѣть на Бенжаменя-Звениславскаго. Впрочемъ, подумалъ я, это можетъ быть однофамилецъ и совсѣмъ не родственникъ матери нашей Дуни. Узнать, ошибаюсь я или нѣтъ, меня сильно подмывало. Завязать съ нимъ разговоръ за столомъ не было никакой возможности, но съ этой минуты я сталъ жадно слѣдить за его дѣйствіями и словами. Кончился обѣдъ, стулья со скрипомъ и стукомъ отодвинулись. Въ смѣси фигуръ и одеждъ, какъ въ водоворотѣ, я потерялъ Звениславскаго изъ виду. Вскорѣ толпа хлынула въ боковыя комнаты. И я побрелъ туда же. Въ одной изъ нихъ разложили ломберные столы; тутъ засѣли любители коммерческой. Въ другой комнатѣ, гораздо далѣе,

назначенной для *отгадочной* игры, сложили одинъ столъ изъ нѣсколькихъ. За него помѣстился какой-то господинъ, довольно тучный, съ мертвенными, оловянными глазами, съ угреватымъ лицомъ, на которомъ нельзя было ничего прочесть. Мой чичероне—морякъ—говорилъ, что это въ своемъ родѣ Пинетти.—«Только не такъ давно,—прибавлялъ онъ, — на этого доку нашли доки, сразившіеся съ нимъ его же оружіемъ, и порядочно его пообчистили; съ того времени онъ сдѣлался осторожнѣе, а, можетъ, и выдумалъ новую, неизвѣстную еще никому штуку». На столѣ передъ нимъ заиграла обольстительнымъ блескомъ груда золота, вздулись пачки разноцвѣтныхъ кредитокъ и квадраты съ бандеролями Воспитательнаго дома. Около банкомета помѣстились его ассистенты. Отъ ихъ рысьихъ глазъ не могла укрыться никакая цифра понтеровъ, ни одна изъ сотни убитыхъ и выигравшихъ картъ. Понтеры, кто стоя, кто сидя, окружили столъ. — «Банкъ заложенъ, господа, — сказалъ флегматически банкометъ,— мы играемъ не иначе, какъ на чистыя». — «А если будутъ замаранныя?»—спѣшилъ кто-то съострить. — «Хоть бы въ грязи, — отозвался хладнокровно банкометъ,— только наличными—это наше непремѣнное условіе. Ставка не менѣе рубля; банкъ отвѣчаетъ за 15 тысячъ рублей на серебро».

«Во все продолженіе игры онъ не показалъ ни малѣйшаго знака нетерпѣнія; хоть бы малѣйшая тѣнь смущенія или неудовольствія набѣжала на его лицо, когда срывали у него важные куши: онъ остался до конца господиномъ своего положенія и безропотнымъ угодникомъ воли своихъ противниковъ.

«Между понтирующими я замѣтилъ Звениславскаго. Я стоялъ подлѣ него, онъ учтиво отодвинулъ свой стулъ, чтобы дать мнѣ мѣсто. Молодой человѣкъ понтировалъ горячо, лихорадочно, ставилъ по множеству картъ,

проигрывая, удвоивалъ куши. Ему рѣшительно не везло. Онъ сердился, билъ по столу, рвалъ карты. Я выдернулъ изъ колоды карту и поставилъ ее, давши себѣ слово проиграть или выиграть не болѣе 50 рублей.

«Моя карта была червонная дама; я не перемѣнялъ ее.

«— Какъ вы вѣрны своей дамѣ!—сказалъ мнѣ мой сосѣдъ.

«— Не даромъ; это dame de coeur. Я прозвалъ ее Розаліей.

«— Польское имя,—замѣтилъ Звениславскій.

«— Да; она мнѣ всегда рутируетъ. Только разъ въ жизни была убита и какъ жестоко!...

«Мнѣ показалось, что мой сосѣдъ смутился.

»Не сходя съ своей карты и не возвышая куша, я выигралъ 50 рублей, получилъ ихъ и собирался отойти отъ стола, но остановился на минуту, замѣтивъ, что Звениславскій ставитъ огромный кушъ на червонную даму.

«Она была убита.

«— Ко мнѣ не милостива, — сказалъ онъ съ сердцемъ и разорвалъ карту.

«— Не мудрено, — отвѣчалъ я, и сталъ отходить отъ стола.

«Звениславскій остановилъ на мнѣ мутные глаза свои какъ будто допрашивалъ у меня объясненія моей загадки, но при словѣ: «убита!» (это была его карта) обратился опять къ игрѣ, выкинувъ на столъ проигранныя деньги. Тутъ я пошелъ въ другую комнату, гдѣ мой морякъ игралъ по маленькой въ проферансъ, посмотрѣлъ нѣсколько времени на его игру, перешелъ потомъ въ читальню и принялся за газеты и журналы. Почитавъ и подремавъ съ добрый часъ, я воротился къ своему моряку, съ которымъ мы условились ѣхать

вмѣстѣ домой. Игра его затянулась ремизами—я долженъ былъ ждать, и подсѣлъ опять къ нему.

«Немного погодя вбѣгаетъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли, Звениславскій, блѣдный, разстроенный. Волосы его были взъерошены вихрями, какъ будто лѣшій его чесалъ. Онъ бросился къ моему моряку.

«— На пару словъ!—сказалъ онъ ему.

«Морякъ извинился передъ своими партнерами и послѣдовалъ за Звениславскимъ въ уголъ комнаты.

«Изъ разговора ихъ я могъ только слышать отрывистыя слова, отчаяннымъ голосомъ сказанныя: «я зарвался .. спасите мою честь...» Послѣ отвѣта моряка Звениславскій ударилъ себя лодонью по лбу и бросился было къ двери, но, какъ будто ошеломленный, остановился и приросъ въ раздумьѣ къ одному мѣсту.

«— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я моряка, возвратившагося на свое мѣсто.

«— Проигралъ большую сумму наличными,—отвѣчалъ морякъ,—проигралъ еще 500 рублей, которыхъ у него нѣтъ и онъ ни у кого изъ знакомыхъ не нашелъ. Банкометъ забастовалъ и требуетъ денегъ. Звениславскій просилъ у меня; далъ бы охотно, чтобы спасти его отъ непріятностей... Человѣкъ богатый и вѣрный.

«Въ груди моей заговорило какое-то чувство великодушія.

«Со мною были всѣ мои деньги — я подбѣжалъ къ Звениславскому и предложилъ ему просимую сумму.

«Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и сказалъ:

«— Вы меня видите въ первый разъ, какъ же вы мнѣ вѣрите?

«— Это мое дѣло. Только въ благодарность за мое маленькое одолженіе попрошу отъ васъ одного отвѣта: не было ли у васъ близкой родственницы, именемъ Розалія?

«— Была... сестра отъ другой матери... лѣтъ съ 20 умерла... несчастно... Мнѣ было тогда лѣтъ десять, я едва ее помню... Исторію ея разсказалъ мнѣ старшій братъ. Лицо ея знаю болѣе по портрету... онъ у меня въ деревнѣ. Вы ужь сами не родственникъ-ли *того* офицера?...

«— Нѣтъ; впрочемъ съ меня довольно. Я вамъ даю деньги отъ имени дочери вашей сестры Розаліи. Помните, она васъ одолжаетъ.

«Звениславскій хотѣлъ что-то сказать, но я перебилъ его:

«— Васъ ждутъ... спѣшите расплатиться, — мы переговоримъ съ вами болѣе, когда вы возвратите мнѣ деньги. Вотъ мой адресъ и 500 рублей.

«Я вручилъ ему свою карточку и деньги.

«— Вы спасаете меня отъ большой бѣды, — сказалъ Звениславскій, крѣпко пожимая руку. — Черезъ день, много черезъ два, вашъ должникъ на честное слово будетъ у васъ.

«Съ этими словами онъ бросился изъ комнаты. На другой день Вицентій Звениславскій привезъ мнѣ должную сумму и разсыпался въ благодарностяхъ.

«При этомъ случаѣ онъ весь раскрылся передо мною, разсказалъ мнѣ все, что зналъ изъ исторіи его сестры Розаліи, не утаилъ вины отца своего и матери, бывшихъ причиною несчастнаго конца этой исторіи, прибавилъ даже, что, по жалобѣ перваго, отецъ Дуни былъ переведенъ на Кавказъ и потому не имѣлъ времени обвѣнчаться съ дѣвушкой, пожертвовавшей изъ любви къ нему своимъ долгомъ и благосостояніемъ. У Вицентія былъ еще другой, старшій братъ и сестра отъ первой жены отца его. Этимъ отецъ назначилъ по духовному завѣщанію небольшое имѣніе, а ему, Вицентію, все остальное, капитальное.

«— Но умретъ старикъ, — прибавилъ Звенисла-вскій,—я заглажу его несправедливость — это мой священный долгъ, а не посмотрю и на мать... я отдѣлю слѣдующую часть по чувству моей совѣсти и дочери Розаліи.

«Тутъ онъ распросилъ меня о наружности, характерѣ, образованіи своей племянницы, какъ называлъ онъ Дуню, спросилъ, не имѣетъ ли она нужду въ его помощи.

«— Не скрою отъ васъ, — прибавлялъ онъ,—я балованный сынокъ отца и матери, и, какъ вы замѣтили вчера, во зло употребляю ихъ любовь ко мнѣ, сорю деньгами, такъ на доброе дѣло не пожалѣю. Чувствую, что пора перебѣситься, тѣмъ болѣе, что и здоровье мое отъ всѣхъ моихъ шалостей крѣпко страдаетъ.

«Что могъ сказать я о Дунѣ, кромѣ всего добраго, и не прибавляя ничего, не разукрашивая ея портрета? Но отъ всякаго пособія именемъ ея отказался, объяснивъ ему, что она живетъ у насъ въ домѣ, какъ родная дочь, что мы богаты.

«— Только сдѣлайте ей одинъ подарокъ, который будетъ для нея дороже всякихъ капиталовъ...

«— Не знавши, о чемъ вы для нея просите, — отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ,—я даю вамъ честное слово исполнить вашу просьбу.

«— Вы говорили, что у васъ есть портретъ ея матери... подарите ей.

«— Вотъ вамъ рука моя, рука благороднаго человѣка, что онъ будетъ у ней черезъ двѣ недѣли по возвращеніи моемъ домой... безъ меня это не уладится...

«Звенисла-вскій на минуту задумался и прибавилъ:

«— Могу быть въ дѣлѣ...

«— Дайте мнѣ адресъ, куда и на чье имя переслать портретъ; вмѣстѣ съ тѣмъ дайте листокъ бумаги.

«Я написалъ адресъ въ Луковки, на свое имя, вру-

чилъ его Звениславскому, и, взамѣнъ его, получилъ листокъ, на которомъ онъ написалъ:

«Въ случаѣ, если я буду убитъ или умру своею смертью, завѣщаю моей матери и брату отослать портретъ сестры моей Розаліи въ Луковки, Расторгуевской губерніи, Сергѣю Владиміровичу Патокину. Это долгъ чести. Вицентій Звениславскій».

«Все это было сдѣлано электрически, какъ бы по щучьему велѣнію.

«Мы растались друзьями.

«Вѣтряный малый, хоть и тридцатилѣтній кутила, мотъ, но, по инстинкту сердца, я готовъ поручиться, что онъ не задумается исполнить все, что обѣщаетъ въ минуту увлеченія доброй души своей.

«Не правда-ли, странная встрѣча? Радуюсь ей особенно за Дуню. Воображаю ея восторгъ, когда въ ея кабинетѣ нежданно-негаданно появится портретъ красивой женщины—и она узнаетъ, что это—ея мать».

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Птицы, насытившись на родномъ сѣверѣ обильными дарами осени, летятъ на полдень, чтобы тамъ найти теплый пріютъ и новую пищу. По тому жь направленію, въ чаяніи богатой поживы, катили въ варшавской бричкѣ Опенкины, отецъ и сынъ, ловко обдѣлавшіе свои дѣла въ луковскихъ предѣлахъ. Папенька во всю дорогу ворчалъ на дороговизну прогоновъ, на ужасныя цѣны за обѣды, ужины и чай, бранилъ, разумѣется, не въ глаза, кровопійцъ станціонныхъ смотрителей за то, что потчивали чаемъ, когда его пить не хотѣлось, ямщиковъ за то, что просили на водку, когда и безъ того получаютъ плату отъ своихъ хозяевъ и пропиваютъ ее въ кабакахъ, однимъ словомъ бранилъ все, за что надо было платить деньги, и всѣхъ, кому только надо было выдавать ихъ.—То ли дѣло,—говорилъ онъ, вздыхая, — въ наши патріаршія времена, сказывалъ мнѣ отецъ, заѣдешь въ любой дворъ по пути. Съ поклонами отворятъ ворота, съ поклонами посадятъ въ честный уголъ, подъ образа, да скатерть

браную уставятъ яствами. Тутъ и горяченькія щи со свининкой, каша съ масломъ, купайся хоть въ немъ, папушникъ, горшокъ сливокъ, да такихъ, Самсоша, что ложка стоитъ въ нихъ; не то, что ваше сизое, трактирное молочко, взбивай цѣлый день мутовкой, зернышка маслеца не собьешь. Чайныхъ душепарокъ тогда не знали и, слава Богу, люди здоровѣе были. А деньги взять за постоялое, Господи сохрани! «Обижаете насъ, батюшка,» скажутъ, «хлѣбъ-соль у насъ не купленая и изба не развалится, что отдохнули въ ней, да погрѣлись. Развѣ мы некрести какіе». А нынѣ, Мати Божія, что за народъ сталъ! Просто разбойники засѣли на большихъ дорогахъ, да и дерутъ кожу съ живого и мертваго. Иной малый изъ баловства покачаетъ колеса у твоей повозки и за то требуетъ денегъ. Не даромъ знаменія на небеси, повѣрь, Самсоша, кончина міра недалеко.

Тутъ Елизаръ Самсоновичъ набожно крестился. Не могъ онъ также безъ ожесточенія смотрѣть, сколько солдатъ сына его потреблялъ съѣстнаго. — У меня,— замѣчалъ онъ, — душа не приметъ и въ недѣлю, что онъ съѣдаетъ за одинъ присѣстъ. Что за утробы, Господи, нынѣ стали, точно чрево кита, въ которомъ сидѣлъ праведный Іона три дня и три нощи.

За станцію отъ Приморска отецъ и сынъ размѣстились по разнымъ экипажамъ. Одинъ поѣхалъ въ своей бричкѣ, другой въ рогожной кибиткѣ, на перекладныхъ, не теряя, однакожъ, другъ друга изъ вида. Въ городѣ сынъ остановился въ гостиницѣ, отецъ направилъ путь къ квартирѣ прикащика по хлѣбной торговлѣ, Ивана Сидоровича Пестрикова. Здѣсь онъ долженъ былъ бросить якорь свой. Съ трудомъ нашли квартиру гдѣ-то въ захолустьѣ. Подъѣхали къ воротамъ. Ямщику велѣно оповѣстить хозяина о пріѣздѣ принципала по дѣламъ Патокина. Несмотря, что время было къ ночи,

Елизаръ Самсоновичъ замѣтилъ человѣка, шмыгнувшаго отъ воротъ. Крѣпче прижалъ онъ къ груди сундучекъ, который держалъ въ рукахъ.

Какъ скоро вѣсть о прибытіи Опенкина дошла до ушей Пестрикова, все въ квартирѣ его переполошилось. Онъ былъ ужь предупрежденъ о пріѣздѣ своего начальника. Въ комнаткахъ, которыя онъ занималъ, появилась иллюминація. Пестряковъ, принимая пріѣзжаго, хотѣлъ помочь ему выдти изъ кибитки.—«Сундучекъ, сундучекъ-то, дружище, прими, — сказалъ Елизаръ Самсоновичъ, передавая съ рукъ на руки довольно большую, жестью окованную шкатулку,—да ступай впереди меня и указывай мнѣ дорогу». Въ сѣняхъ встрѣтили Опенкина съ огромными подсвѣчниками въ рукахъ и отвѣсили ему по глубокому поклону сынъ хозяина, лѣтъ двадцати пяти, бравый дѣтина, остриженный въ кружекъ, хозяйка, дебелая, съ черными бровями, выведенными въ нитку, съ черными зубами и двухэтажнымъ подбородкомъ, и служанка съ длинною косою вдоль спины. При входѣ въ сѣни на Елизара Самсоновича пахнуло какимъ-то сырьемъ, напитаннымъ запахомъ кислой капусты и чесноку. Съ грустью думалъ онъ, что пріѣдетъ въ иностранный городъ, а на него такъ отрадно повѣяло Русью. Въ передней сынъ хозяина принялъ отъ него шапку, скинулъ съ него бекешъ и стащилъ валеные сапоги. Въ комнатѣ, въ которую приняли пріѣзжаго, служившей гостиной, по совершеніи имъ нѣсколькихъ благоговѣйныхъ крестныхъ знаменій передъ иконами, хозяйка опять поклонилась ему и трижды приложилась пышными губами къ его сухимъ щекамъ. Гость подносилъ только на лету свои ланиты. По указанію его, хозяинъ поставилъ шкатулку на столъ, самъ сталъ передъ нимъ въ почтительной позѣ, заложивъ руки назадъ, въ ожиданіи слова отъ своего принципала.

Это былъ старикъ съ добродушнымъ лицомъ; на головѣ и въ густой бородѣ сѣдой волосъ рѣдко пробивался между черныю ихъ.

Надо было видѣть, какъ преобразился здѣсь Елизаръ Самсоновичъ. Мизерный, робкій, низкопоклонный человѣчекъ превратился въ лицо важное, властительное; станъ его выпрямился, голосъ сдѣлался твердымъ.

Когда онъ усѣлся на диванъ, хозяйка начала осыпать его вопросами:

— Ну что у васъ, батюшка, въ Луковкахъ все-ли обстоитъ благополучно?

— Все по старому, на томъ же мѣстѣ стоитъ.

— Сергѣй Семенычъ, Марѳа Михайловна здравствуютъ-ли?

— Слава Богу, живутъ да поживаютъ.

— Слава Богу лучше всего. А питомка ихъ, изумрудная-то что-ли?

— Что ей дѣлается!

— Еще не вступила въ законное супружество?

— Нѣтъ еще,—развѣ за англичанина Джонса пойдетъ.

— И что вы, батюшка, статочное ли дѣло! вѣдь онъ нехристь. Вотъ вы бы, Елизаръ Самсонычъ, отецъ родной, хлопотали за нашего сынка. Такъ и быть, что мѣщанка, дали бы хорошее приданьеце, не побрезгали бы. Видите, какой верзила выросъ, только что въ дверь устанавливается; ужь и за грамотку крѣпко принялся.

— Пора!

Елизаръ Самсоновичъ махнулъ рукой.

— Матушку, братцевъ не видали-ль?

— Видѣлъ, живы, здоровы, кланяются.

Наконецъ, эта пустая болтовня сильно надоѣла Елизару Самсоновичу; онъ поморщился, сердито взглянулъ на хозяина и ужь значительно махнулъ рукой на

членовъ его семейства, чтобы они стерлись съ глазъ его.

Такъ понялъ это движеніе хозяинъ. Онъ прикрикнулъ на жену; исполненіе было неотлагательное.

— Получена тобою эстафета? — спросилъ Елизаръ Самсоновичъ Пестрикова, когда они остались вдвоемъ.

— Получена, да опоздала; хлѣбъ былъ запроданъ, 40 тысячъ мнѣ уплачены, суда покупщиками зафрахтованы и нагружены; осталось получить еще 30, выдать квитанцію и въ путь.

Это извѣстіе сильно поразило Опенкина.

— Худо, очень худо,—сказалъ онъ и вскочилъ съ дивана,—ихъ надо остановить.

— Я и такъ остановилъ до вашего пріѣзда, остальныхъ денегъ не принялъ, да покупщикъ и судовщики хотятъ съ жалобой пройти къ начальству. Если задержать долѣе, не ввести бы хозяина въ большіе убытки.

Елизаръ Самсоновичъ призадумался и сталъ прохаживаться по комнатѣ и вдоль и поперекъ такъ, что бѣдный Пестриковъ безпрестанно перемѣнялъ мѣсто, чтобы дать свободный ходъ своему принципалу.

— Нѣтъ-ли, братецъ, тутъ фальши съ твоей стороны? Смотри ты у меня!

Опенкинъ погрозилъ на него пальцемъ.

— Вы меня крѣпко обижаете, Елизаръ Самсонычъ; какъ передъ Богомъ, такъ передъ хозяиномъ и вами поступилъ. У меня есть свидѣтельство, когда запроданъ хлѣбъ, деньги приняты и эстафета получена.

— А кто купилъ хлѣбъ?

— Грекъ для англичанъ.

— Остановить, говорю тебѣ.

— Пожалуйте мнѣ письменный приказъ.

— Ге, ге! да ты, Иванъ Сидоровъ, видно на чуж-

бинѣ понабрался фанаберіи; вольнаго духу нанюхался; не вѣришь словамъ моимъ.

— Вѣрю, сударь, да дѣло рискованное, берегу хозяйскій интересъ; не хочу быть въ отвѣтѣ. Коли есть у васъ уполномочіе, такъ можете приказать; только, воля ваша, безъ письменнаго приказа не выполню.

Живчикъ сильно забился на лицѣ Елизара Самсоновича; онъ подошелъ къ сундучку и ключомъ, который былъ у него на поясѣ, подъ жилетомъ, отперъ его. Замокъ зазвучалъ на разные лады.

— Вотъ тебѣ уполномочіе,—сказалъ онъ съ сердцемъ, вынулъ одну бумагу, за нею другую и швырнулъ на столъ.—На, читай.

Пестриковъ былъ худой грамотѣй. Долго читалъ онъ, будто по складамъ, обѣ довѣренности, одну на имя купца 3-й гильдіи Пестрикова, другую на имя купца 2-й гильдіи Опенкина.

Съ купечествомъ не приминулъ онъ поздравить.

— Ну что, прочелъ? — спросилъ Опенкинъ.

— Подрядъ въ казну дѣло для меня небывалое, — отозвался смущенный Пестриковъ, ладонью потирая себѣ лобъ, по которому выступили крупныя капли пота.

— Мало ли что не бывало! Ты человѣкъ невольный, нанялся, такъ продался. А по что жь я пріѣхалъ сюда? Наведемъ на добрыхъ людей, научимъ, сыщемъ лазейки, проведемъ по нимъ.

— Просимъ прощенія, Елизаръ Самсонычъ, не въ огорченіе буди вамъ сказано: коли вы пріѣхали, такъ зачѣмъ я тутъ, словно главное лицо? Строеніе вы будете строить, а я только подставка, обрушится, такъ, вѣстимо, на меня упадетъ.

— Вотъ зачѣмъ, дружище, по милости Божіей, сынокъ у меня провіантскій комиссіонеръ, кавалерію

имѣетъ на шеѣ, значитъ важный человѣкъ. Мы возьмемъ подрядъ, а онъ отъ казны провіантъ будетъ принимать; неловко же, понимаешь, чтобы сынъ отъ отца принималъ. На этотъ казусъ нуженъ ты намъ.

— Смекаю, сударь, — отвѣчалъ Пестриковъ, потягивая двумя пальцами пряди волосъ въ бородѣ, какъ будто выдаивалъ изъ нихъ разныя соображенія. — Только дѣла-то съ казною мудрены, время къ тому жь настаетъ смутное, грозное, порохомъ попахиваетъ. Напрасно берется Сергѣй Семенычъ за эти подряды. И покойный родитель его въ опаскѣ ихъ имѣлъ.

— На то воля хозяйская, курицу яйца не учатъ, плечи выше головы не будутъ.

— Коли на то воля хозяйская, такъ повиненъ выполнить, хоть бы голову пришлось на плаху несть. Теперь понимаю, что проданный иностранцамъ хлѣбъ великое подспорье для подряда, хорошо бы задержать, да не приложу ума какъ это обдѣлать. Больно боязно съ властями тягаться. Коли дадите письменнное приказаніе, задержимъ, а безъ того не смѣю.

— Утро вечера мудренѣе, завтра дадимъ и письменное приказаніе. А деньги сорокъ тысячъ? Вѣдь важная сумма?

— У меня. Извольте эту обузу съ меня снять и у себя хранить, благо у васъ сундучекъ съ курантами.

— Покончимъ подрядъ благополучно, подарю тебѣ.

— Давай Богъ,—сказалъ Пестриковъ вздыхая, сходилъ въ сосѣднюю комнату и принесъ толстыя пачки кредитокъ и мѣшочекъ съ золотомъ.

Сочтены деньги—вѣрно 40 тысячъ.

Елизаръ Самсоновичъ положилъ ихъ въ свой сундучекъ и, заперевъ его, промолвилъ:

— А у тебя шалостей въ домѣ не водится, воровъ не слыхать?

— Доселѣ Господь хранилъ. Заборъ высокій, утыканъ гвоздями, цѣпная собака, аки медвѣдь, сѣни изнутри заперты засовомъ, работникъ на дворѣ цѣлую ночь караулитъ. Сына положимъ въ прихожей, а сами мы съ хозяйкой ляжемъ въ комнатѣ, подлѣ васъ. Росписочку пожалуйте, батюшка Елизаръ Самсонычъ.

— Что ты присталъ съ своей роспиской, какъ банный листъ? Не убѣгу.

— Впервой спросилъ. Сами, сударь, пріучили къ аккуратности. Отцу родному, говорили не разъ, денегъ, тѣмъ паче чужихъ, не давай безъ росписки.

Неотвязчивый Пестриковъ подалъ листъ бумаги, чернильницу и перо.

Нечего было дѣлать, Елизаръ Самсоновичъ написалъ росписку въ полученіи отъ Пестрикова 40 тысячъ за проданный такому-то греку хлѣбъ, означилъ мѣсяцъ, число и годъ, и подписалъ.

— Смотри, — сказалъ онъ, — не оповѣщай грека, что я пріѣхалъ, а тамъ завтра увидимъ, что дѣлать.

— Эхъ, сударь, не знаете вы здѣшнихъ коммерческихъ людей; они сквозь каменныя стѣны видятъ и слышатъ. Ручаюсь головой, ужь провѣдали о вашемъ пріѣздѣ.

— Завтра, говорю тебѣ, все порѣшимъ; увижусь съ сыномъ, переговорю обо всемъ.

— Буди по вашему.

Такъ до утра отложено было рѣшеніе, пріостановить ли суда, нагруженныя проданнымъ хлѣбомъ.

Давно ужь самоваръ подавалъ свой голосъ, пыхтѣлъ и захлебывался. Хозяинъ вышелъ изъ комнаты и тотчасъ возвратился; вслѣдъ за нимъ сынъ несъ на огромномъ подносѣ огромную чашку, жарко засіявшую своей позолотой; на другомъ подносѣ служанка принесла разнаго варенья и плодовъ и, поставивъ на столъ, низко поклонилась; хозяйка держала въ рукахъ малень-

кій серебряный подносъ и на немъ бутылку съ виномъ и позолоченную рюмку.

— Сласти, да и вино тутъ же, можетъ хозяйка отнести назадъ; мнѣ ихъ хоть бы никогда не было, а чай буду пить съ хозяиномъ.

Какъ ни кланялась хозяйка, какъ ни упрашивала хоть поневолиться, хоть бы *пригубить* винца, Елизаръ Самсоновичъ остался неумолимъ. Пестриковъ мигнулъ сыну, стоявшему у притолки съ подносомъ, и показалъ пальцемъ на себя. Сынъ, стряхнувъ свое кружало на головѣ, полетѣлъ изъ комнаты и разомъ принесъ отцу чашку чаю. Между тѣмъ принципалъ вглядѣлся въ жипопись своей чашки и плюнулъ. На ней изображена была наяда, выходящая изъ водъ.

— Вотъ ты, Иванъ Сидорычъ,—сказалъ Опенкинъ, живешь въ чужеземщинѣ, да и пріучился ко всякой сатанинской скверности; посмотри, какое тутъ безобразіе.

Хозяинъ взглянулъ и смутился.

— Наглядѣлись мы въ народныхъ баняхъ на такіе виды, да нынѣ и въ нихъ не пускаютъ мужчинъ вмѣстѣ съ женщинами. Прикажи-ка подать другую.

— Эхъ, эхъ! глупый вы народъ, — отозвался съ сердцемъ Пестриковъ, обращаясь къ женѣ.—Просимъ прощенія, батюшка, чашку эту подарилъ мнѣ благопріятель, иностранецъ, съ которымъ ведемъ дѣла, а намъ и не въ домекъ.

Послѣ чаепитія, Елизаръ Самсоновичъ пожелалъ спать въ той же комнатѣ, гдѣ сидѣлъ. — И тепло здѣсь,—говорилъ онъ,—и близко отъ хозяевъ.

Принесли было огромную кровать краснаго дерева, нѣсколько перинъ, подушекъ и шелковое, стеганое одѣяло, чтобы воздвигнуть роскошное ложе, въ которомъ можно было утонуть, но Елизаръ Самсоновичъ велѣлъ вынести всю эту роскошь и постлать ему на диванѣ только простыню. Улегся принципалъ подъ

своимъ тулупчикомъ, служившимъ ему шлафрокомъ и одѣяломъ.

Въ комнатѣ, передъ иконой, горѣла лампада; шкатулка стояла на своемъ возвышенномъ, почетномъ мѣстѣ, храня въ себѣ залоги будущей судьбы Патокина и его главнаго приказчика и хранимая сторожемъ, который могъ бы поспорить въ неусыпности съ добрымъ сторожевымъ псомъ. Опенкинъ сомкнулъ глаза. Лучи отъ лампадки играли на бѣлой жести сундучка и дрожа, умирающимъ свѣтомъ, падали на изсохшее лицо Елизара Самсоновича, подергиваемое и во снѣ его обычной гримасой. Сначала въ сосѣднихъ комнатахъ ходили всѣ на цыпочкахъ, потомъ настала глубокая тишина, изрѣдка прерываемая храпѣніемъ дебелой хозяйки. Не спалъ, однакожъ, Пестриковъ, обремененный думами о предстоящемъ подрядѣ. Хлѣбныя дѣла его шли такъ хорошо; онъ умѣлъ доставлять хозяину постоянныя выгоды, да и самъ себя не забывалъ, но все-таки совѣстливо, не подрывая камней изъ фундамента торговаго дома Патокина. А теперь какая страшная обязанность возлагается на него! Вмѣсто купцовъ грековъ, итальянцевъ, англичанъ, съ которыми онъ торговался, какъ равный съ равными, становятся передъ нимъ все военные, офицеры, начальство, въ блестящихъ мундирахъ, отъ него ужь требуютъ, на него грозно прикрикиваютъ...

Было уже близко къ полуночи. Кто-то подъѣхалъ къ воротамъ... застучали въ нихъ... Онъ встрепенулся, встрепенулся и Опенкинъ. Со времени послѣдняго посѣщенія его товарища по воровству, Алексѣя, положившаго основаніе его благосостоянію, полуночный звукъ въ ворота сильно пугалъ его. — «Такъ будутъ забивать надо мною гробовую крышку» — думалъ онъ увѣренный, что услышитъ этотъ звукъ, когда будетъ лежать въ гробу.

Собака сильно залаяла, отворили калитку, постучали въ сѣни; сынъ хозяина вышелъ изъ передней, отперъ сѣни, началось движеніе, послышался разговоръ въ комнатѣ подлѣ той, гдѣ спалъ хозяинъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ явился къ Елизару Самсоновичу.

— Что тамъ такое случилось?—спросилъ Опенкинъ.

— Грекъ, что купилъ хлѣбъ, пришелъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—слезно проситъ видѣться съ вашей милостью.

— Въ такую пору?

— Говоритъ, кровная нужда, не уйду, говоритъ, лягу на порогѣ, буду лежать, пока не допустятъ до васъ; убьюсь объ стѣну.

— Чтожь, какъ ты думаешь?

— Прикажите ему войти, услышите сами, чего хочетъ.

— Все еще въ нашихъ рукахъ, все еще въ нашей волѣ,—спѣшилъ поправиться Пестриковъ.

— Позови, да будь самъ тутъ, а сыну вели покараулить въ прихожей.

Елизаръ Самсоновичъ накинулъ тулупчикъ, надѣлъ на босую ногу хозяйскія туфли, ему приготовленныя у дивана.

Позвали грека.

Онъ былъ блѣденъ и дрожалъ.

— Спасите меня отъ гибели,—завопилъ онъ, едва переводя дыханіе. — Полученъ приказъ задержать въ портѣ суда, нагруженныя хлѣбомъ... завтра объявятъ... Всѣ суда снимаются съ якоря, кромѣ моихъ. Все обдѣлано... вѣтеръ попутный. Я долженъ заплатить вамъ 30 тысячъ—я принесъ ихъ, да еще десять въ благодарность, если вы меня не задержите. Не я одинъ уплываю съ своимъ добромъ. Не отпустите, потеряете все и меня погубите.

Живчикъ быстро забѣгалъ на лицѣ Елизара Самсоновича. Онъ потеръ себѣ лобъ рукою, сообразилъ,

что подрядъ уже испорченъ, сообразилъ еще кое-что и спокойно сказалъ:

— Иванъ Сидоровичъ, прими отъ него деньги и отпусти грузъ, какъ знаешь.

Пестриковъ выпучилъ глаза и не двигался.

— Чтожь? Дѣлай, что велятъ, — строго сказалъ Опенкинъ,—слышишь? не мы отпускаемъ. Не въ доносъ же идти въ ночное время, не тревогу же поднимать! Хоть бы пошли, будетъ ли толкъ; начнутся допросы, слѣдствіе, мы же останемся въ дуракахъ. Мы люди торговые; сдѣлка выгодна, такъ и не надо упускать ее. Сочти деньги и развяжи его. Не наше дѣло вязать.

Сочтены деньги, переданы изъ рукъ въ руки принципалу и положены имъ въ сундучекъ. Грекъ не зналъ, какъ благодарить. Пестриковъ обязанъ былъ проводить его, куда нужно было, и освободить грузъ, какъ того требовали обстоятельства; сынъ хозяина шелъ вмѣстѣ съ ними. Но лишь только вышли они, грекъ воротился къ Опенкину, далъ ему знакъ рукою, чтобы молчалъ, и осторожно приподнялъ сундучекъ.

Елизаръ Самсоновичъ сильно было испугался, но скоро успокоился, увидавъ что купецъ, приподнявъ сундучекъ, положилъ подъ него пакетъ, отвѣсилъ Опенкину глубокій поклонъ и быстро скользнулъ въ переднюю.

Когда Елизаръ Самсоновичъ услыхалъ, что двери въ сѣняхъ заперли, калитка отворилась и заперлась, собака лаемъ проводила ночного посѣтителя и затихла, онъ осторожно высвободилъ пакетъ изъ-подъ гнета и, при свѣтѣ лампады, счелъ благодарность въ тысячу.

— Чтобы прибавить еще тысячу! — проговорилъ онъ сквозь зубы,—скаредники! жидоморы!... А сами, чай, сдерутъ какіе барыши!... Но подрядъ?... Сладимъ

какъ-нибудь, изворотимся, а не сладимъ, такъ не наша бѣда!

На другой день былъ объявленъ приказъ не выпускать изъ порта судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, но въ портѣ такихъ не оказалось... Только съ ранняго утра видѣли въ зрительную трубу, кому нужно было видѣть, какъ они, будто стая лебедей, летѣли на всѣхъ парусахъ по направленію къ Босфору, недосягаемыя ни для какой власти, кромѣ Божьей.

Говорили, что мѣстное начальство пришло въ негодованіе, когда узнало объ этой продѣлкѣ, что оно кричало на своихъ подчиненныхъ нептуновскимъ окрикомъ, «я васъ!...» Въ канцеляріяхъ была суматоха ужасная. Передъ грозныя очи призванъ былъ Пестриковъ также, какъ и другіе торговцы, допустившіе вывозъ хлѣба, обреченнаго на питаніе французскихъ и англійскихъ желудковъ вмѣсто русскихъ; но торговцы оправдывались тѣмъ, что они не духовидцы—и потому не могли знать наканунѣ, какой приказъ послѣдуетъ завтра. Правда была на ихъ сторонѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Разумѣется, грекъ и товарищи его получили огромные барыши, вознаградившіе ихъ съ лихвою за всѣ явные и тайные расходы.

Когда Опенкинъ-сынъ явился къ начальству, чтобы рапортовать о своемъ прибытіи и изложить средства заготовки подряда, который былъ ему порученъ, *оно* объявило ему, что средства, имъ указываемыя, теперь не такъ вѣрны, какъ расчитывалъ онъ прежде.— «Плуты провели насъ,—сказало начальство,—впрочемъ вы обѣщали вѣрнаго и надежнаго подрядчика, ваше дѣло доставить его, а тамъ выпутывайтесь, какъ знаете.

— Будетъ подрядчикъ надежный по выгодной для казны цѣнѣ,—отвѣчалъ Самсонъ Елизаровичъ, — я за это ручаюсь.

Онъ хотѣлъ было илти, но начальство остановило его.

— Постойте, вѣдь ваша фамилія Опенкинъ?

— Точно такъ, ваше пре—ство.

— Мнѣ по секрету сказали, что здѣсь появился какой-то купецъ Опенкинъ и будто онъ велъ все это скверное дѣло. Не родня-ли вамъ?

— Слава Богу, нѣтъ; вѣроятно, какой-нибудь однофамилецъ,—отвѣчалъ не робѣя Самсонъ Елизаровичъ.

— Я велѣлъ за нимъ слѣдить. Долженъ быть плутъ преестественный.

— Должно быть такъ, ваше пре—ство.

Самсонъ Елизаровичъ хоть бы моргнулъ глазомъ, хоть бы малѣйшій румянецъ выступилъ на шафранномъ его лицѣ, когда онъ подтверждалъ, что отецъ его плутъ, и отступался отъ него. О! и не на такіе отвѣты готовы подобные герои, закаленные въ бояхъ съ правдою и совѣстью. Не даромъ выбралъ онъ своимъ девизомъ *непоколебимъ*. Съ этого времени Елизара Самсоновича никто не видалъ, кромѣ Пестрикова и его домашнихъ; съ сыномъ своимъ видался онъ только по ночамъ.

Пестриковъ напомнилъ Елизару Самсоновичу о полученіи вторыхъ 40 тысячъ за проданный греку хлѣбъ и просилъ росписки.

Очень не хотѣлось принципалу выпустить сизенькихъ и сѣренькихъ голубковъ изъ своей шкатулки, гдѣ они свили себѣ такое надежное гнѣздышко. — Вѣдь десять тысячъ,—думалъ онъ, пришли даромъ хозяину, и остальныя безъ меня пропали бы.—Поди, ищи грека за тридевятью землями! А какъ бы подвести фортель, чтобы они пошли ко мнѣ, Опенкину, а не къ Патокину. Безъ фортеля никакая тварь и пищи не найдетъ. И торговля вся на фортеляхъ держится, и баталіи ими выигрываютъ, и политику ведутъ и земли большія

пріобрѣтаютъ. Великое дѣло фортель! Дай-ка и мы попробуемъ. Кокъ ни верти, а Сергѣю Семенычу не спастись отъ банкротства. Подрядъ только для блезира сына беру. Изъ чего-жь ломалъ я кости отъ Луковокъ до Поморска?

Завтра, да завтра, а росписка не давалась въ руки Пестрикову. Онъ все почтительно докладывалъ своему патрону, наконецъ, сталъ настойчивѣе требовать документа для отчетности хозяину. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Елизаръ Самсоновичъ рѣшился посовѣтоваться съ сыномъ.

Самсонъ Елизаровичъ, какъ мы видѣли, былъ достойный наслѣдникъ своего отца и едва ли не геніальнѣе его въ дѣлахъ такого рода.

— Вы говорите, что получили въ первый разъ отъ Пестрикова 40 тысячъ?

— Сорокъ.

— И во второй разъ такую-же сумму?

— Равнехонько.

— Сколько съ того времени прошло дней?

— Двѣ недѣли.

— Такъ дайте ему росписку нынѣшнимъ числомъ, только на уголку надпишите *дубликатъ*. Онъ этого иностраннаго слова не пойметъ.

— Гдѣ ему! Онъ и по русски-то плохо читаетъ, мужикъ простой.

— Хорошо. Если со временемъ вздумается ему войти съ вами въ споръ и разбирательство, хоть по суду, покажите, что вторая росписка дана на одну и ту же сумму, а вы принуждены были выдать ее, потому дескать, что Пестриковъ объявилъ вамъ, будто первую росписку потерялъ. Было въ нашей Палатѣ такое дѣло, въ искѣ отказано.

— То же самое, что и мнѣ пришло въ голову; мы какъ будто сговорились. Поцѣлуй меня, Самсоша.

И отецъ прижалъ сынка къ сердцу.

— Все для тебя, дружокъ; неровенъ часъ, Патокина дѣла пойдутъ совсѣмъ подъ гору, такъ, деньгами этими наверстаемъ долгъ. А на подрядъ довольно будетъ и залоговъ.

Въ тотъ же вечеръ Опенкинъ-отецъ, при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, въ присутствіи Пестрикова писалъ росписку въ такомъ видѣ: «Симъ удостовѣряю и подтверждаю, что я получилъ, отъ такого-то, такого-то числа, сорокъ тысячъ за проданный хлѣбъ и пр.» Число полученія означилъ за двѣ недѣли назадъ, а число, когда выдана росписка, то самое, когда она выдана. Писавши ее, Елизаръ Самсоновичъ отчетисто произносилъ каждое слово вслухъ. На уголкѣ росписки онъ ловко черкнулъ *дубликатъ*, котораго, однакожъ, не прочелъ.

— Такъ-ли?—спросилъ Елизаръ Самсоновичъ.

— Чего-жь болѣе!—отвѣчалъ, кланяясь, довольный Пестриковъ.

— Однакожъ, для вѣрности прочти, братецъ самъ.

Новый Боско искусно прижалъ между двумя пальцами уголокъ росписки, на которомъ написано было слово дубликатъ, и поднесъ ее къ свѣчѣ, не выпуская изъ пальцевъ.

— Читай, тебѣ къ свѣчѣ виднѣе.

Пестриковъ подошелъ и прочелъ вслухъ, что было написано.

Елизаръ Самсоновичъ сложилъ бережно росписку на четверо и вручилъ ему.

— Смотри, братецъ, сумма важная, а гдѣ ты хранишь документы?

— Сундукъ, хоть и не съ курантами, а все-таки за огромнымъ замкомъ; мы, батюшка, люди опасливые.

Пестрикову нужно было только свидѣтельство, что отъ него деньги сданы главному приказчику и довѣрен-

ному лицу; сумма стояла явственно, подпись также, числа вѣрно означены. Обуза съ него снята. Онъ поспѣшилъ положить росписку въ свой сундукъ, не предчувствуя въ простотѣ души своей, какой ужасный для него фортель заключается въ этомъ актѣ.

Какъ ни привыкъ Опенкинъ-отецъ къ такимъ мастерскимъ продѣлкамъ, но въ тотъ же день, ложась спать, предался было какой-то смутной тревогѣ, которой причину растолковать себѣ не могъ. Сундучекъ его нельзя было украсть; онъ имѣлъ предосторожность привинтить его къ полу, подъ диваномъ, на которомъ лежалъ. Можетъ быть, заговорила въ немъ совѣсть, но на эту гостью онъ махнулъ рукой, старался заснуть и заснулъ. Сначала убаюкивали его пріятныя грезы. Ему чудилось, что онъ въ Луковкахъ, владѣлецъ бумагопрядильной фабрики, станы стучатъ, паровикъ такъ весело покрикиваетъ; онъ милліонеръ, имѣетъ золотую медаль на шеѣ, жители его родного города кланяются ему въ поясъ, сынъ его генералъ, помѣщикъ Краснаго-сельца. Елизаръ Самсоновичъ пріѣзжаетъ къ дорогому дѣтищу и велитъ ему наказать мужичковъ за худую работу. Но вдругъ обольстительныя грезы смѣняются страшными видѣніями. Семенъ Прохоровичъ, полоумная жена, Сергѣй Семеновичъ, Марѳа Михайловна, всѣ въ саванахъ, летятъ надъ нимъ со свиткомъ въ рукахъ и, указывая на него, говорятъ: здѣсь все написано; мы несемъ наше челобитье къ Судьѣ грозному, неподкупному. Какъ сердитое море, кругомъ волнуется народъ. Кричатъ: «воръ! воръ!» ты ограбилъ своихъ благодѣтелей. Гудятъ колокола, его тащутъ въ тюрьму. Вотъ онъ на тѣхъ же нарахъ, на которыхъ нѣкогда лежалъ, гремятъ цѣпи каторжниковъ, въ ушахъ отдается хохотъ ихъ, скрежетъ зубовъ, на него уставились бѣлки глазъ безъ рѣсницъ;

одинъ изъ колодниковъ подползаетъ къ его шкатулкѣ, схватилъ ее...

— Караулъ! караулъ!—кричитъ Елизаръ Самсоновичъ и открывъ глаза, силится перекреститься. Онъ на полу, держится одною рукою за шкатулку. Вокругъ него стоятъ Пестриковъ, жена и сынъ.

— Батюшка, Елизаръ Самсонычъ, что съ вами?— говорятъ хозяинъ и хозяйка въ одинъ голосъ,—сотворите крестное знаменіе, прочтите: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его».

Елизаръ Самсоновичъ крестится и что-то шепчетъ про себя.

— Ничего, ничего, — говоритъ онъ наконецъ, — только я больно ушибся, падая съ дивана; снилось мнѣ что-то страшное.

— Мѣднымъ пятачкомъ приложили бы къ больному мѣсту,—замѣчаетъ хозяйка.

— Ничего, дайте мнѣ только испить холодной воды.

Выпилъ воды, взлѣзъ охая на диванъ и просилъ окружающихъ его удалиться.

На другой день онъ отслужилъ молебенъ и поставилъ рублевую свѣчу. Страшный сонъ и всѣ смутныя опасенія стали забываться, только онъ нѣсколько дней проохалъ, лежа на диванѣ.

Подрядъ былъ, однакожъ, взятъ на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ продовольствія войскъ. Цѣны, состоявшіяся на торгахъ, сулили подрядчику значительныя выгоды. Во всѣхъ актахъ по этому подряду стояло имя довѣреннаго отъ Патокина лица, Пестрикова. Когда Владиміръ Сергѣевичъ проходилъ черезъ Приморскъ съ отрядомъ войска, въ которомъ служилъ, Елизаръ Самсоновичъ, караулившій его, не преминулъ къ нему явиться къ Пестриковымъ. Оба обнадежили его хорошимъ исходомъ дѣла, да и постороннія лиц

удостовѣрили въ томъ же молодого человѣка. Объ этомъ написалъ Володя отцу и матери и успокоивалъ ихъ на счетъ ихъ напрасныхъ опасеній, то же подтвердилъ и въ письмѣ къ Дунѣ. На предложеніе же Елизара Самсоновича выдать ему столько денегъ, сколько онъ потребуетъ, отозвался, что у него еще въ бумажникѣ сумма, достаточная на всѣ его нужды. Съ обоими довѣренными отца своего Владиміръ Сергѣевичъ обошелся очень ласково, посадилъ ихъ, напоилъ чаемъ и просилъ не уронить отзыва, который объ нихъ дѣлаетъ въ письмѣ къ своимъ родителямъ.— Мое мѣсто,—говорилъ онъ,—должно бы быть здѣсь, на вашемъ; но судьба указала мнѣ другую дорогу, и мнѣ остается только просить васъ дѣйствовать, какъ я самъ бы дѣйствовалъ въ пользу интересовъ нашего дома. Увѣренъ, что у васъ дѣла пойдутъ успѣшнѣе и надежнѣе, чѣмъ я велъ бы ихъ; вы оба такъ опытны.

Добрый и усердный Пестриковъ былъ въ восторгѣ отъ молодого Патокина и говорилъ, что для него готовъ въ огонь и въ воду. Опенкинъ отзывался объ немъ съ величайшими похвалами, но не ему было покоряться увлеченіямъ; онъ думалъ только, что своя рубаха къ тѣлу ближе, мысленно же посмѣивался надъ простодушіемъ приказчика.

Гроза, давно копившаяся надъ Одессой, разразилась. Бомбардировка города, прибытіе непріятельскихъ войскъ въ Крымъ, осада Севастополя съ ея разными фазами, должны быть извѣстны не только каждому изъ моихъ читателей, но и каждой изъ моихъ читательницъ. Цѣны на хлѣбъ и фуражъ поднялись, подвозъ, по случаю худыхъ дорогъ, изрытыхъ сотнями тысячъ колесъ и избитыхъ сотнями тысячъ копытъ, неимовѣрно вздорожалъ. Вмѣсто деревянныхъ столбовъ, которые мы такъ любимъ, будто не имѣемъ другой

мысли во время нашего путешествія, какъ считать версты, которыя мы даже поставили на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ паровики, летя мимо, освистываютъ ихъ [1]); вмѣсто верстовыхъ столбовъ, — говорю я, — трупы лошадей и воловъ указывали вѣрнѣе дорогу къ мѣсту главнаго побоища. Несмотря на всѣ эти невзгоды—можно бы еще сладить съ подрядомъ безъ важныхъ убытковъ для Патокина, еслибъ двигалъ этимъ дѣломъ одинъ Пестриковъ. Но главный уполномоченный Сергѣя Семеновича, испугавшись грозныхъ обстоятельствъ, налетѣвшихъ на страну, въ которой производилась операція подрядка, повелъ дѣла такъ, чтобы ему можно было вынести изъ нихъ только свои собственные интересы. Изъ получаемыхъ отъ казны денегъ онъ сталъ удѣлять часть на уплату по векселямъ сына; изъ первыхъ, полученныхъ отъ грека за хлѣбъ, 40 тысячъ, половина пошла на ту же уплату. Пестриковъ, стѣсненный недостаткомъ денегъ, просилъ своего принципала выдать ему вторыя 40 тысячъ, представляя, что эти деньги могли бы сдѣлать важную помощь подрядной операціи.

— Я самъ собираюсь въ сосѣднія губерніи,—отозвался Елизаръ Самсоновичъ, — куплю тамъ провіантъ и двину, куда нужно.

Оставались еще въ таганрогскихъ магазинахъ запасы хлѣба, которые можно бы продать на мѣстѣ и этою выручкой поправить хоть нѣсколько обстоятельства, но Пестриковъ съѣздилъ въ Таганрогъ только для того, чтобы видѣть, какъ огонь непріятельскій поѣдалъ его послѣднія надежды. Возвратясь въ Приморскъ, онъ не

---

[1]) Что бы нашу 500-саженную путевую мѣру замѣнить пятиверстною, назвавъ ее какъ угодно, и тогда поставить, хоть на желѣзныхъ дорогахъ, легкіе чугунные столбики на мѣсто нынѣшнихъ деревянныхъ столбовъ, истребляющихъ безпощадно лѣса, и безъ того уничтожаемые.

нашелъ уже тамъ своего принципала. Домашніе объявили ему, что Елизаръ Самсоновичъ уѣхалъ закупать хлѣбъ. Обо всемъ этомъ, поспѣшилъ онъ увѣдомить Патокина.

Елизару Самсоновичу нечего было болѣе разыгрывать роль усерднаго блюстителя интересовъ Патокина. Онъ обезпечилъ уже себя и сына и, еслибъ обучался французскому діалекту, могъ бы сказать, какъ Меттернихъ: «après moi le déluge!» Опенкинъ-отецъ махнулъ рукой, мысленно произнося на своемъ родномъ языкѣ: «послѣ меня хоть трава не расти!» Передъ отъѣздомъ написалъ онъ письмо къ Патокину. Приступъ былъ слѣдующій: «Съ сокрушеннымъ сердцемъ пишу къ вамъ, мой благодѣтель, не чернилами, а кровавыми слезами», и многое въ подобномъ родѣ. Потомъ излагались по пунктамъ обстоятельства, съ которыми не могъ сладить, потому что они были посланы волею Божьей, противъ которой никакая сила и премудрость человѣческая устоять не могутъ. Увѣдомлялъ также Елизаръ Самсоновичъ своего благодѣтеля, что онъ, въ надеждѣ богатыхъ выгодъ отъ подряда, въ началѣ операціи уплатилъ по векселямъ до 50 тысячъ. Для удостовѣренія въ вѣрности уплатъ и векселя, съ надлежащею очисткою, посланы въ надлежащее присутственное мѣсто, въ чемъ и квитанція въ письмѣ прилагалась. Въ остальной суммѣ по векселямъ съ процентами дѣлалась кредиторомъ, Самсономъ Елизаровичемъ, отсрочка на два мѣсяца. Послѣ изъясненія такого примѣрнаго снисхожденія, Опенкинъ-отецъ описывалъ свое бѣдственное положеніе и свои немощи, не позволявшія ему долѣе заниматься дѣлами своего довѣрителя. Въ заключеніе письма, Елизаръ Самсоновичъ молилъ Бога ниспослать на своего благодѣтеля здравіе, долгіе дни, утѣшеніе и помощь въ трудныхъ его обстоятельствахъ.

Отправивъ это письмо и довѣренность, онъ распрощался съ Приморскомъ, полюбовавшись изъ рогожной своей кибитки на тамошнее красное солнышко, такъ благодатно грѣющее и зимой. «Что жь,—думалъ онъ,—и въ Луковкахъ мнѣ будетъ тепло на лежанкѣ съ сундучкомъ, въ которомъ везу малую толику». Для безопасности же этого сундучка и его собственной персоны, Самсоша далъ ему въ охранители своего солдата, котораго въ рапортѣ начальству показалъ больнымъ. Въ ожиданіи развязки дѣлъ Патокина, Елизаръ Самсоновичъ поселился въ Луковкахъ на прежней своей смиренной квартирѣ.

Сергѣй Семеновичъ получилъ одновременно письма отъ него и Пестрикова. Указывая на нихъ Дунѣ, онъ сказалъ:—Это первые два гвоздя, вбитые въ гробъ мой. Объ одномъ только молю Бога спасти меня отъ банкротства.—Отъ Марѳы Михайловны нечего было долѣе скрывать запутанность ихъ дѣлъ. И безъ того истерзала его мысль, что онъ утаилъ отъ нея долги, сдѣланные на услажденія его жизни въ Красномъ-сельцѣ. Было не до упрековъ мужу; она давно замѣчала, что тайная грусть снѣдала его. Надо было дѣйствовать.

— По моему одно спасеніе,—сказала она,—не теряя времени, ѣхать въ Москву къ Огрызкову и просить его заложить Красное-сельцо. Получу отъ него деньги, отправлюсь сама въ Приморскъ. Посмотримъ, что можно будетъ еще сдѣлать; кстати раскроемъ плутни Елизарки. На Пестрикова я еще полагаюсь; онъ мужикъ честный и простой, но не грамотный, а для дѣла, которое должна буду повести противъ бездѣльника, мнѣ надо бойкаго законника.

— Возьмите Лебединскаго, — сказала Дуня, слышавшая это домашнее совѣщаніе,—онъ теперь безъ мѣста и занимается только частными дѣлами. Можетъ

быть, у него ихъ не много. Для васъ онъ пожертвуетъ ими.

Мысль эта была одобрена четою Патокиныхъ. Марѳа Михайловна отправилась въ Москву.

Генералъ Огрызковъ, какъ мы, кажется, ужъ и сказали, былъ благородный и добрый человѣкъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ нѣкогда былъ большой поклонникъ женскаго пола и ухаживалъ за Марѳой Михайловной, но теперь, одряхлѣвъ, наслаждался одними воспоминаніями о своихъ прежнихъ рыцарскихъ похожденіяхъ. Выслушавъ ее, онъ поцѣловалъ у ней ручку и безъ дальнихъ разсужденіи и гореваній о затруднительныхъ обстоятельствахъ ея мужа, сказалъ только:—Вы были красавица, другъ мой, а теперь прекрасная женщина — и побрелъ къ своему бюро. Вынувъ изъ него 30 тысячъ билетами «Опекунскаго Совѣта», онъ передалъ ихъ Марѳѣ Михайловнѣ

— Пока я заложилъ бы ваше имѣніе,—прибавилъ онъ,—прошло бы довольно времени, да и не хотѣлось бы мнѣ пускать въ огласку, что я занимаю. Благодареніе Всевышнему, я до сихъ поръ не долженъ ни въ казну, ни частнымъ людямъ. Поспѣшайте съ Богомъ, куда Онъ указываетъ вамъ путь для спасенія чести вашего мужа. На выданныя же вамъ деньги мнѣ никакихъ актовъ не нужно; ваше имѣніе по закону мое и достаточно меня обезпечиваетъ. Только старшему сыну отпишу, что далъ вамъ 30 тысячъ безъ всякаго акта. Видите, я дряхлъ, съ трудомъ передвигаю ноги; могу нынѣ, завтра умереть... А все-таки передъ смертью дайте мнѣ еще поцѣловать вашу ручку.

И въ потухавшихъ глазахъ старика блеснула еще искра того огня, которымъ нѣкогда такъ богата была его натура. Онъ поласкалъ своей рукой женскую ручку, ему протянутую, и съ нѣжностью поцѣловалъ ее.

Оставалось Патокиной послать за Лебединскимъ и убѣдить его ѣхать съ нею въ Приморскъ.

Какъ предсказывала Дуня въ письмѣ своемъ къ Володѣ, Лебединскій не долго служилъ въ уѣздномъ городѣ, куда опредѣленъ былъ стряпчимъ. Онъ поссорился съ судьею, который выбѣгалъ въ сѣни своей храмины за крестьянами и дворовыми людьми, приходившими въ судъ для засвидѣтельствованія отпускныхъ, спрашивалъ ихъ, сколько они дали въ благодарность секретарю и другимъ чиновникамъ суда имѣлъ наглое безстыдство напоминать имъ, что ему, какъ главному лицу, какъ начальнику въ судѣ, слѣдуетъ тоже соразмѣрная благодарность. Сколько было при этихъ случаяхъ мольбы и слезъ съ одной стороны,— требованій и угрозъ съ другой! Лебединскій поссорился и съ исправникомъ, который не только покрывалъ воровство, но и худшія дѣла. Судья давалъ обѣды, завтраки и карточные вечера всему городу; исправникъ приходился родственникомъ губернаторскому секретарю. Кончилась эта ссора тѣмъ, что Лебединскому, какъ человѣку безпокойному, велѣно было подать въ отставку. Не имѣя чѣмъ жить, онъ принялся за адвокатство по частнымъ дѣламъ; кстати ихъ было только одно, да и то терпѣло время, когда Мареа Михайловна предложила ему ѣхать съ нею въ Приморскъ. Наблюденіе за этимъ дѣломъ могъ онъ передать своему товарищу по университету, который занимался также частнымъ адвокатствомъ.

Если бы потребовалась бо̀льшая жертва, онъ не поколебался бы принести ее, и теперь радъ былъ, хоть чѣмъ-нибудь, отплатить Сергѣю Семеновичу за добро, столько разъ оказанное его семейству.

Возвращеніе Мареы Михайловны въ деревню съ значительнымъ денежнымъ пособіемъ, въ сопутствіи Лебединскаго, и вслѣдъ затѣмъ письмо отъ Володи,

которымъ увѣдомлялъ, что онъ переведенъ въ гвардію, очень порадовали Сергѣя Семеновича. Прощаясь съ женою, онъ умолялъ ее спасти залоги, ввѣренные ему добрыми людьми, а тамъ ужь думать о себѣ. Лебединскій получилъ довѣренность, какая требовалась по обстоятельствамъ.

Съ отъѣздомъ жены, обнаружились у Патокина сильные припадки аневризма. Когда онъ, въ бытность свою въ Москвѣ, совѣтовался съ извѣстными врачами, ему объявили, что онъ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, если сбережетъ себя отъ душевныхъ потрясеній. Послѣднія обстоятельства разрушительно подѣйствовали на него. На всѣ увѣщанія Дуни ѣхать въ Москву, онъ отвѣчалъ только:

— Наступитъ весна, она поможетъ мнѣ лучше всякихъ докторовъ; если-жь мнѣ суждено умереть, лучше умереть въ Красномъ-сельцѣ.

Дуня была съ нимъ неразлучна. Чего не придумывало ея любящее сердце, чтобы разсѣять грустныя мысли, часто находившія на него.

— Не боюсь смерти,—говорилъ онъ ей,—боюсь банкротства. Знаешь ли, мой другъ, что для честнаго человѣка это позорное клеймо. Онъ отверженецъ общества. Всѣ его избѣгаютъ, или смотрятъ на него съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Квартальный, который проходитъ мимо его дома, хожалый пугаютъ его. Позорное имя передаетъ онъ дѣтямъ своимъ. Указывая на сына, говорятъ: «это сынъ банкрота», какъ бы сказали: «это сынъ каторжника». Дочь его должна отказаться отъ утѣшенія быть супругою, матерью. Человѣкъ, котораго она полюбила, который готовился вести ее къ вѣнцу, откажется отъ нея, лишь только узнаетъ, что отецъ ея банкротъ. Вотъ какъ я понимаю это ужасное положеніе. Тѣмъ болѣе оно для меня ужасно, что я самъ его заслужилъ. Любовь къ широ-

кой жизни, безпечность, слабость характера, ослѣпленное довѣріе къ людямъ, которые его не заслуживали, погубили меня. Я не послушался умирающей матери, не послушался совѣтовъ жены, твоихъ, мой другъ. Если умру до пріѣзда Марѳы Михайловны, скажи ей,—что умоляю ее заботиться только о томъ, чтобы наше имя не было обезчещено. Пускай Огрызковъ продастъ лѣса, оранжереи, Красное-сельцо, все, что можно будетъ продать, лишь бы расплатиться со всѣми моими кредиторами. Пускай сынъ не получитъ отъ меня другого наслѣдства, кромѣ имени честнаго человѣка; я знаю, это наслѣдство будетъ для него всего дороже. Онъ теперь на хорошей дорогѣ и, если Богъ сохранитъ его въ нынѣшнюю кампанію на утѣшеніе матери, онъ пойдетъ дальше и не уронитъ себя. Скажи ему... нѣтъ, нѣтъ, я знаю, онъ и мысленно не упрекнетъ отца, въ чемъ я виноватъ передъ его матерью, передъ нимъ.

Дуня утѣшала его, какъ могла, просила его возложить упованіе на милосердіе Божье, говорила о грѣхѣ предаваться отчаянію, о надеждѣ, что съ пріѣздомъ Марѳы Михайловны въ Приморскъ дѣла поправятся.

— Вотъ и передъ тобою, другъ мой, — говорилъ онъ въ другой разъ,—я очень виноватъ. По безпечности моей и ты осталась до сихъ поръ мѣщанкой. Были у меня деньги на фонтаны, мостики, рѣдкіе цвѣты, а для тебя, мой дорогой цвѣтокъ, Изумрудный-крестикъ, денегъ не было...

— О! не думайте обо мнѣ,—отвѣчала Дуня,—я не стыжусь своего мѣщанства и никогда не помышляла, чтобы имя купчихи, хоть дворянки, могло возвысить меня... Вы дали мнѣ болѣе этого — новую жизнь, воспитаніе, вашу любовь, а она для меня дороже всего. Помните вечеръ, когда вы пришли въ Расторгуевскій сиротскій домъ? Вы нашли тамъ бѣдную сироту, под-

кидыша, безъ имени, призрѣваемую Христа-ради, среди женщинъ порочныхъ; нѣтъ, Боже меня сохрани это сказать, но съ чувствами зачерствѣлыми, съ грубыми понятіями. Чему могла я тамъ научиться?... Можетъ быть, теперь я была бы женою какого-нибудь пьянаго мѣщанина, какого-нибудь инвалида, который колотилъ бы меня за то, что не угодила разуть его, состряпала щи, не по его вкусу Развѣ многія изъ моихъ подругъ не имѣютъ этой участи? Богу угодно было, чтобы ваше доброе сердце почувствовало ко мнѣ состраданіе, полюбило меня. Другой на вашемъ мѣстѣ подарилъ бы мнѣ полтинникъ на пряники, можетъ быть, и болѣе, на платьеце, и прошелъ бы мимо, забывъ меня. Но вы тогда же назвали меня своей дочерью, и съ того времени я была для васъ дочерью. Никогда родной отецъ не могъ бы любить болѣе свое дитя, какъ вы меня любили, заботиться объ немъ, какъ вы обо мнѣ заботились. Нѣтъ, другъ мой, я была счастлива у васъ, и это счастіе не промѣняю ни на какія блага и почетныя названія. Дайте же мнѣ облобызать вашу руку, отецъ мой; слезы, которыя проливаю на ней,— слезы благодарности за все, что вы для меня сдѣлали, и вмѣстѣ слезы счастія. Да, я жила у васъ такъ хорошо, такъ хорошо, какъ бы желала жить въ Божьемъ раю. Молю Бога только объ одномъ,—чтобы я еще долго цѣловала эту руку и получала отъ нея благословенія.

Больной, духомъ и тѣломъ, почерпалъ въ этихъ утѣшеніяхъ исцѣленіе, которое было вѣрнѣе всякихъ врачебныхъ пособій. Пришла весна. Теплотворная жизнь ея заструилась въ воздухѣ, въ землѣ, въ водахъ. Вдыхая ее въ себя, и человѣкъ почерпалъ въ ней новыя силы. Казалось, Патокинъ, повеселѣлъ, и припадки его болѣзни слабѣли. Онъ принялся за свои обычныя садовыя работы. Но часто среди нихъ набѣгали на него мрачныя мысли.

— Скоро въ саду этомъ,—думалъ онъ, — появятся новые владѣльцы, разрушатъ все, что я садилъ, устроивалъ, лелѣялъ такъ долго. Можетъ быть, срубятъ на дрова эти столѣтнія деревья, которыя теперь такъ любовно раскидываютъ надо мною свои вѣтви, чтобы защитить меня отъ солнца и непогоды.

Эти грустныя мысли таилъ онъ отъ своей воспитанницы, неразлучной во всѣхъ его прогулкахъ, во всѣхъ его занятіяхъ. Съ нимъ рылась она въ землѣ, сажала цвѣты, поливала ихъ, служила ему домашнимъ секретаремъ, вела его счеты.

Судьба, какъ видно было, давала ему временную передышку. Пришли письма изъ Англіи съ требованіемъ денегъ за хлопокъ, — изъ Екатеринославской и Подольской губерній съ требованіемъ уплаты за купленный хлѣбъ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ становой и вручилъ ему сначала очищенные векселя, принадлежавшіе по передачѣ чиновнику 7-го класса Опенкину, потомъ предъявилъ ему тѣ, по которымъ не сдѣлано было еще уплаты, спрашивалъ, признаетъ ли ихъ законными и, если признаетъ, то когда сдѣлаетъ по нимъ уплату. Патокинъ объявилъ, что оспоривать ихъ не можетъ.

— Въ такомъ случаѣ поспѣшите уплатить, — сказалъ становой, — не то губернское правленіе грозитъ описью вашего имущества,

Чиновникъ земскаго суда, прежде бывшій покорнѣйшій слуга Патокина, теперь говорилъ съ нимъ свысока, съ какимъ-то презрѣніемъ. Этотъ новый ударъ пошатнулъ съ корнемъ, и безъ того слабое, здоровье Сергѣя Семеновича. Послали за Джонсомъ.

— Объ долгѣ за хлопчатую бумагу не безпокойтесь,—говорила ему Дуня,—онъ непремѣнно поможетъ вамъ. У него есть богатый братъ, котораго онъ наслѣдникъ. Добрый Джонсъ убѣдитъ его склонить кре-

диторовъ на отстрочку, можетъ быть, поручится за васъ.

Пріѣхалъ Джонсъ, съ недавняго времени полный управляющій фабрикой. Лицо его было весело, толстыя губы такъ торжественно улыбались.

— Только-то?—сказалъ онъ, когда Сергѣй Семеновичъ показалъ ему письма и счеты изъ Англіи и разсказалъ о требованіи Опенкинымъ-сыномъ уплаты по векселямъ,—можете бросить письма ваточныхъ господъ въ огонь. Я привезъ вамъ маленькую сумму, которую берегъ на этотъ случай. Изъ нихъ мы уплатимъ половину долга, а другую подождутъ по случаю военнаго времени; я вамъ за это ручаюсь: напишу къ брату. А сынъ разбойника, этотъ *претендентъ-кавалеръ* можетъ сидѣть на берегу и ждать у моря погоды. Мы его побѣсимъ. Съ вашей полиціей сладить можно. Считайте, миссъ Дуня.

Джонсъ передалъ ей пачку кредитокъ. Всѣ онѣ сложены были въ порядкѣ, по масти ихъ, и каждая обернута полоскою бумаги, на которой означена была сумма. Дуня стала считать деньги, обмакивая по временамъ свои розовые пальчики въ рюмку съ водой-какъ это дѣлаютъ счетчики, обязанные перелистывать большое число бумажныхъ знаковъ. По временамъ бросала она на Джонса дружески-кокетливые взгляды.

— Дѣла наши идутъ прекрасно,—говорилъ между тѣмъ Джонсъ, —во многихъ уѣздахъ смежной съ вами губерніи усилилась фабрикація бумажной ткани; видно, идетъ на тюфяки для госпиталей и другія потребности господъ, потѣшающихся рѣзнею другъ друга. Спросъ пряжи необыкновенный, съ трудомъ успѣваемъ заготовлять. Нечего дѣлать, я завелъ ночную очередь рабочихъ. Если такъ продолжится, мы разбогатѣемъ въ одинъ годъ, уплатимъ всѣ ваши долги.

Сергѣй Семеновичъ повеселѣлъ, благодарилъ Джонса

отъ души и предложилъ ему пройтись съ нимъ и Дуней по саду, какъ будто спѣшилъ передать свое удовольствіе и неодушевленнымъ друзьямъ своимъ; но сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, отъ одышки долженъ былъ присѣсть на первой скамейкѣ.

— Я здѣсь посижу на солнышкѣ,—сказалъ онъ,— съ нѣкотораго времени я сталъ еще болѣе любить его Жизнь для меня такъ холодна, а впереди еще такъ много мраку, мраку, пока...

Сергѣй Семеновичъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: пока не засіяетъ для меня вѣчный свѣтъ,—и не договорилъ.

— Но вы здоровы, полны силъ, пройдитесь, другъ мой, Джонсъ, съ моей дочкой по саду и посмотрите, сказалась ли еще жизнь въ томъ, что я, умирающій, сдѣлалъ въ немъ нынѣшнею весной.

Дуня взяла Джонса подъ руку и повела его по ближайшимъ дорожкамъ, не теряя Сергѣя Семеновича изъ вида.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, добрый другъ нашъ, — сказала она, — за все, что вы дѣлаете для моего второго отца!

— За что? Я исполняю только долгъ честнаго человѣка; надо быть злодѣемъ, какъ Опенкинъ, чтобы пренебречь интересами моего хозяина, особенно теперь, когда онъ такъ несчастенъ.

Они шли, то разсматривая недавнія улучшенія, сдѣланныя Патокинымъ въ саду, то разговаривая объ его болѣзненномъ, безнадежномъ положеніи, въ которомъ нельзя уже было сомнѣваться, и объ его растроенныхъ дѣлахъ. Возвращаясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Сергѣй Семеновичъ, Джонсъ вдругъ замолчалъ и впалъ въ глубокую задумчивость.

— О чемъ вы такъ задумались? — спросила его спутница.

— О вашей судьбѣ, миссъ Дуня. Что станется съ вами, если умретъ вашъ воспитатель?

— Когда честный воинъ поставленъ начальствомъ у поста своего,—отвѣчала Дуня, — онъ остается при немъ, несмотря, что кругомъ него все пало, пока его самого не сразитъ роковой ударъ. Богу угодно было поставить меня на такомъ посту въ здѣшнемъ домѣ, и я не покину его, несмотря ни на какія обстоятельства. Останусь при Марѳѣ Михайловнѣ подругой, ключницей, служанкой, чѣмъ только ей нужно, лишь бы могла быть ей полезной.

Джонсъ глубоко вздохнулъ, переминался съ тяжелой ноги на ногу и молчалъ, потомъ, видимо пересиливъ себя, спросилъ:

— Увѣрены-ли вы, что я вашъ другъ?

— Увѣрена.

— Между друзьями, если кто скажетъ что-нибудь лишнее, другой не сердится, не такъ-ли?

— Нѣтъ сомнѣнія.

— Такъ скажите мнѣ, какъ другу: свободно-ли ваше сердце?

— Не хочу допытываться, что заставляетъ васъ сдѣлать мнѣ этотъ вопросъ. Я его понимаю и буду отвѣчать вамъ, какъ честная дѣвушка. Вы любите меня болѣе, нежели обыкновеннаго друга, болѣе, нежели сестру. Оскорбляться чьею бы то ни было любовью, тѣмъ болѣе вашею, было бы знакомъ грубой, тщеславной натуры. Но я не должна васъ обманывать, Сердце мое не свободно. Скажу вамъ болѣе, тотъ, кого я люблю, не знаетъ этого и никогда не узнаетъ. Прибавлю еще, въ доказательство моей дружбы и уваженія къ вамъ, никому, кромѣ Бога, не открывала я того, что вамъ теперь открываю. Еслибъ я не связана была моими чувствами, я считала бы себя счастливой, что выборъ вашего сердца палъ на меня. Повѣрьте,

ни лѣта ваши, ни то, что вы чужестранецъ, не испугали бы меня тогда. Довольны-ли вы, мой другъ?

Джонсъ схватилъ ея руку и съ жаромъ поцѣловалъ.

— Да, — сказалъ онъ, — вы не только честная, но и дивная дѣвушка. Вы сдѣлали меня счастливымъ на всю жизнь мою однимъ воспоминаніемъ этихъ минутъ.

Довольный, гордый, онъ возвратился въ Луковки.

Красносельскіе крестьяне, торговавшіе на значительныя суммы скотомъ и хлѣбомъ, поднесли на блюдѣ своему барину, какъ они называли Патокина, 1,000 рублей. Сергѣй Семеновичъ благодарилъ ихъ со слезами на глазахъ, но не принялъ приношенія, и пожелалъ только добрымъ мужичкамъ, чтобы и впредь имъ было также хорошо, какъ при немъ.

Получено письмо отъ Марѳы Михайловны.

Она увѣдомляла мужа, что благополучно пріѣхала въ Приморскъ, подрядъ находится ужь въ расположеніе казны и воротить это распоряженіе нельзя, да и не предвидится отъ того пользы. Надо бы попросить о покровительствѣ одно сильное лицо, но это лицо въ отлучкѣ и возвратится не прежде двухъ недѣль. Марѳа Михайловна прибавляла, что воспользуется этимъ временемъ и близостью Приморска отъ главныхъ военныхъ дѣйствій, чтобы видѣться съ сыномъ. По возвращеніи отъ него обѣщалась писать обо всемъ обстоятельно и рѣшительно. Она умалчивала о найденномъ плутовскомъ *дубликатѣ* Опенкина и о томъ, что разъясненіе этого плутовства Пестрикову подвергло его въ такое отчаяніе, которое, безъ принятыхъ мѣръ, могло бы довести его до самоубійства, но не скрыла, что, по возвращеніи ея въ Красносельцо, надо будетъ начать тяжебное дѣло съ бывшимъ главнымъ повѣреннымъ.

Не дождался отъ нея другого письма Сергѣй Семеновичъ. Съ каждымъ днемъ ему дѣлалось хуже и хуже. Пріѣхалъ врачъ изъ города и объявилъ Дунѣ, что одинъ Богъ можетъ спасти его... Она не отходила отъ постели больного, не раздѣвалась нѣсколько ночей. Патокинъ, почувствовавъ приближеніе смерти, исполнилъ въ памяти и съ чувствомъ христіанскія обязанности, велѣлъ подать себѣ листъ бумаги и могъ только написать: «Завѣщаю доброму, безцѣнному другу моему, Марѳѣ Михайловнѣ, спасти имя наше отъ безчестія. Благодарю ее за любовь. Благословляю ее, Володю, Дуню». Послѣ того велѣлъ снести себя въ креслахъ къ растворенному окну изъ котораго былъ виденъ садъ. Весенніе цвѣты ужь расцвѣли, вѣтерокъ, напитанный запахомъ смолистыхъ почекъ, опахивалъ умирающаго крыломъ своимъ, небо было чисто, и солнце, садясь за деревья, золотило ихъ своими послѣдними лучами, птицы пѣли такъ сладко... Онъ сказалъ только: «Какъ хорошо здѣсь!» вздохнулъ послѣдній разъ въ жизни, можетъ быть, съ послѣднимъ замираніемъ соловьинаго гимна, и закрылъ глаза, пожавъ судорожнымъ пожатіемъ руку Дуни, державшей его въ своихъ объятіяхъ.

Жена и сынъ *покойнаго* были далеко. Дуня оставалась одна, подлѣ него, безъ помощника, безъ совѣтника, кромѣ умнаго, добраго сельскаго священника, старосты и дворовыхъ людей. Грудь ея раздиралась мучительными чувствами, но она не потеряла головы. До денегъ своего воспитателя, какія могли быть въ его конторкѣ, она не смѣла дотронуться. Первымъ ея дѣломъ было вызвать, для формальной описи всей движимости покойника, земскую полицію. Крестьяне принесли ей на похороны тѣ 1,000 рублей, отъ которыхъ, нѣсколько дней назадъ, отказался господинъ ихъ. Съ Дуней не было истерическихъ припадковъ, она не

металась, не рыдала; но съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа исполнила всѣ обряды по покойникѣ, сдѣлала всѣ приготовленія къ похоронамъ и сама, перемѣняясь только съ своими, болѣе грамотными учениками и ученицами, читала надъ гробомъ псалмы. Часто чтеніе ея прерывалось горькими слезами; нерѣдко ночью стояла она безмолвно у гроба, вглядывалась въ доброе лицо Сергѣя Семеновича, улыбавшееся тою же привѣтливою улыбкой, которую онъ столько разъ дарилъ ее, и цѣловала его холодныя руки... По исполненіи земскою полиціей всѣхъ законныхъ обрядовъ описи, украсивъ гробъ цвѣтами, она проводила его въ Луковки. Крестьяне, отслуживъ передъ каждою избой своей литію, несли гробъ до самаго города. Остались въ деревнѣ только старый, да малый, да крестьяне и дворовые люди, которымъ велѣно было караулить опечатанное господское добро. Надъ этой процессіей сіяло безоблачное небо, жаворонки стояли во все время въ воздухѣ и, казалось, также провожали ее до мѣста погребенія. Въ Луковкахъ похоронили послѣдняго Патокина-короля подлѣ отца его и матери. Можно сказать, что и здѣсь все населеніе города было на погребеніи; не одна слеза бѣднаго пала на прахъ *добраго человѣка*. Садовникъ Матвѣй былъ еще живъ, едва двигался, но и тотъ доплелся до могилы своего господина и товарища по садоводству и посадилъ на ней деревцо съ райскими яблочками, которое онъ прочилъ для своей могилки. Джонсъ также заплатилъ дань покойнику искренними слезами и проводилъ Дуню до Краснаго-сельца. Здѣсь, въ ожиданіи Марѳы Михайловны, она пригласила къ себѣ старушку-сосѣдку и ея дочь, съ которою была дружна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Путешествіе Марѳы Михайловны съ Лебединскимъ въ Крымъ было самое трудное. Почтовыхъ лошадей нельзя было достать ни за какія деньги; она купила тройку. Служанка оставлена въ Приморскѣ; слуга взялся исполнять должность кучера, но этотъ импровизованный возничій дорогою сильно заболѣлъ такъ, что принуждены были отправить его обратно съ первымъ встрѣчнымъ попутчикомъ, ѣхавшимъ въ Приморскъ. Кстати на дорогѣ попался извощикъ, пріѣхавшій въ Крымъ на нѣсколькихъ лошадяхъ и возвращавшійся домой пѣшкомъ, съ однимъ кнутомъ. Наняли его въ кучера. Безъ того пришлось бы Лебединскому исполнять должность автомедона. Дороговизна фуража была страшная, но денежная невзгода была еще для Марѳы Михайловны не большая бѣда. Экипажъ долго не выдержалъ. Колеса, погрузившись разъ по ступицу въ колею, съ неимовѣрными усиліями лошадей выходили изъ нея, какъ будто изъ канавы. При такихъ толчкахъ весь экипажъ звенѣлъ и хрустѣлъ, какъ будто ломались кости огромнаго остова. Лебединскому, сидѣвшему на козлахъ, случалось падать съ нихъ. Марѳа Михайловна ушибла и оцарапала себѣ руки, держась за что могла уцѣпиться. Наконецъ, коляска отказалась служить; ее бросили и купили рогожную кибитку.

Днемъ нашихъ путешественниковъ палило солнце жгучими лучами, ночью холодная роса обливала, какъ ледянымъ дождемъ. Часто не находили они пристанища и принуждены были ночевать подъ шатромъ небеснымъ, среди обозовъ и гуртовъ. Чего не наслышались они, какихъ насмѣшекъ не вытерпѣли! Лебединскій ложился на клочкѣ сѣна подъ кибиткой, извощикъ подъ веретьемъ, въ которомъ задавалъ кормъ лошадямъ. Марѳа Михайловна спала въ кибиткѣ. Спала? Такъ-ли? Нѣтъ, она забывалась иногда днемъ въ легкой дремотѣ и бо̀льшую часть ночей проводила безъ сна. Часто по ночамъ вставала она.

Кругомъ гладь необозримая. Ни одного деревца, ни одного человѣческаго жилища. Обозы и гурты расположились на нѣсколько верстъ. Безмолвная, мертвая доселѣ степь оживилась, заколыхалась и заговорила. Костры зажглись на всемъ пространствѣ кочевья и освѣтили безобразную массу людей, скота, телѣгъ, жидовскихъ повозокъ, приподнятыхъ оглобель, дышелъ съ ярмами. Какихъ тутъ языковъ и нарѣчій не услышишь, какихъ не увидишь обликовъ человѣческихъ! Тутъ и великоруссъ, и малороссъ, и татаринъ, и нѣмецкій колонистъ, и еврей. Всѣ эти движущіяся фигуры съ закопченными руками, протянутыми къ котламъ, большею частью въ рубашкахъ, вымазанныхъ дегтемъ, съ почернѣлыми отъ дыму лицами, изъ которыхъ выступаютъ и страшно вращаются бѣлки глазъ, кажутся собраніемъ адскихъ духовъ, брошенныхъ на землю, заклятую Богомъ. Конченъ ужинъ. Раздаются живые звуки. Тамъ отбиваютъ дробнаго трепака, здѣсь гудитъ волынка, въ другомъ мѣстѣ тянутъ:—«Не бѣлы-то снѣги во полѣ забѣлѣлись»,—гремятъ крупные разговоры, пересыпанные рѣзкими словами, которыя такъ любитъ русскій нашъ народъ. И надо всею этою безобразною массой, ближе къ боль-

шой дорогѣ, возвышается величавая фигура женщины. Она стоитъ въ кибиткѣ, облокотясь на обручъ волчка. Лицо ея обращено къ полдню; туда летятъ ея помыслы, стремится сердце. Скоро говоръ и суета обрываются. Только кое-гдѣ татаринъ творитъ свое омовеніе и вечернюю молитву, русскій возлагаетъ на себя широкія, крестныя знаменія съ поклонами на всѣ четыре стороны, колонистъ-гернгутеръ благоговѣйно приложилъ руку къ груди. Наконецъ, наступаетъ глубокая тишина, все покоится въ мертвомъ снѣ. Остается одна безобразная, неподвижная масса телѣгъ, приподнятыхъ оглоблей, дышелъ съ ярмами, и далѣе полегшіе на землю гурты, будто гряды бѣлыхъ и пестрыхъ валуновъ, нагнанныхъ на степь морскимъ прибоемъ. Заря алѣетъ на востокѣ, мѣсяцъ вонзилъ серебряные рога свои въ окраину земли. Все спитъ. Не спитъ только одна. Сквозь колеблющійся утренній туманъ, высоко надъ всѣмъ этимъ соннымъ кочевьемъ, рисуется силуэтъ женщины. Не встрѣчаетъ она глазами зарю, взоры ея прикованы къ полудню, тамъ, гдѣ горитъ другое, кровавое зарево, откуда глухо отдаются громовые раскаты. Иногда, по большой дорогѣ, среди облака пыли, промчится курьеръ на запаленной тройкѣ, залепечетъ дребежжащій звукъ разбитаго колокольчика, и все опять исчезнетъ и замолкнетъ вдали. О! какъ бы полетѣла эта женщина съ счастливцемъ курьеромъ, который черезъ часа два, три будетъ въ Севастополѣ!

Наши путешественники успѣли, однакожъ, добраться до Бахчисарая и выѣхать оттуда. Но тутъ ожидала ихъ невзгода. Военная стража проводила назадъ кибитку Патокиной. Къ утѣшенію ея, на этихъ проводахъ случился офицеръ, ѣхавшій въ Севастополь. Узнавъ цѣль ея путешествія, онъ посовѣтовалъ ей, по добру по здорову, вернуться въ Бахчисарай и обѣ-

щалъ дать знать ея сыну, что она тамъ будетъ дожидаться его.

— Можетъ быть,—сказалъ офицеръ, — начальство позволитъ ему отлучиться отъ своего поста на нѣсколько часовъ.

Марѳа Михайловна исполнила этотъ совѣтъ. Комнатка, которую она занимала до выѣзда изъ Бахчисарая, была ужь занята больнымъ офицеромъ. Она рѣшилась пріютиться подъ навѣсомъ сарая, но военный постоялецъ былъ такъ обязателенъ, что предложилъ ей уголъ, вродѣ чулана, за перегородкой своей комнаты, съ окномъ на улицу. Этотъ уголокъ показался ей палатами. Разославъ въ полицію, въ караулы, куда только могла, адресъ своей квартиры, Марѳа Михайловна сѣла у окна и стала сторожить сына. Послышится ли топотъ скачущаго всадника, она вздрогнетъ и слухомъ провожаетъ его. Сколько разъ ея ожиданія были обмануты! Наконецъ, на зарѣ другого дня, кто-то прискакалъ къ воротамъ ея квартиры и постучался въ нихъ. Это былъ ея сынъ.

Онъ былъ въ ея объятіяхъ. Явился и Лебединскій. Прошелъ часъ. Часъ этотъ показался матери минутой, но онъ былъ переполненъ высочайшимъ блаженствомъ. У Володи только и разспросовъ было, что объ отцѣ и Дунѣ. Мать скрыла отъ сына, что Сергѣй Семеновичъ боленъ. Володя съ необыкновеннымъ жаромъ говорилъ объ своей названной сестрѣ. Въ прежнее время она потревожилась бы этими горячими отзывами о Дунѣ, но теперь, неизвѣстно почему, не оскорбилась ими.

— Возвратись только скорѣй, мой другъ,—сказала Марѳа Михайловна,—мы не отдадимъ никому это сокровище...

Надо было разстаться; Володя былъ отпущенъ на нѣсколько часовъ.

Можно судить, какъ горестно было разставанье. Выѣзжая изъ Бахчисарая, она посылала благословенія въ ту сторону, откуда слышались отдаленные громы орудій, изъ которыхъ одинъ могъ пасть на голову ея сына

Въ Приморскѣ Лебединскій получилъ письмо за черною печатью; оно было страховое. Дуня просила въ немъ приготовить Марѳу Михайловну къ роковому удару.

Страшно подумать, что можетъ выдержать человѣческая натура. Патокина выдержала ударъ. Она бросила всѣ свои дѣла по подряду въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оставила передъ поѣздкой въ Крымъ.

— Пускай Господь поведетъ ихъ, какъ Ему угодно,—сказалаа на Пестрикову,—подрядъ въ рукахъ казны; можетъ быть, она побережетъ насъ. Слава Богу, имъ завѣдываетъ ужь не сынъ Опенкина. Пріѣзжай скорѣй въ Москву, ты мнѣ тамъ и въ Расторгуевѣ нуженъ для судебнаго разбора съ Елизаркой. Прощаю твою оплошность, какъ бы простилъ тебя Сергѣй Семенычъ. Не ты одинъ поддался обману этого плута.

Возвращаясь въ Красное-сельцо, она заѣхала въ Луковки, гдѣ отслужила панихиду на могилѣ мужа, отъ которой ее съ трудомъ оторвали. Въ Красномъ-сельцѣ Марѳа Михайловна пробыла не долго. Она не могла жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ была столько лѣтъ счастлива, да и дѣла не позволяли ей тамъ оставаться, и уѣхала съ Дуней и Лебединскимъ въ Москву, увезя съ собою свои брилліанты и серебро, которые не могли попасть въ опись за долги мужа. Передъ отъѣздомъ Джонсъ былъ къ ней вытребованъ. Ему объявили, что если есть у него фабричныя деньги, то отослалъ бы ихъ въ Англію за забранный хлопокъ, а работы на фабрикѣ прекратилъ. Извѣстіе это глубоко тронуло Джонса.

— Будутъ продавать фабрику,—сказалъ онъ Марѳѣ Михайловнѣ (онъ далъ свой адресъ),—увѣдомьте меня; я, можетъ быть, съ помощью брата, куплю ее. Не доставайся жь она Опенкину, который на нее зубы точитъ!

Прощаясь съ Дуней, онъ взялъ ея руку, крѣпко сжалъ ее и съ чувствомъ сказалъ:

— Не забудьте, что я вамъ говорилъ въ прошломъ году. Бо́льшая часть моихъ предсказаній сбылась, дай Богъ, чтобы не сбылись остальныя. Помните, говорилъ я тогда, что у васъ есть другъ, по имени Джонсъ, напишите только: «пріѣзжай, другъ», и гдѣ бы Джонсъ ни былъ, онъ явится къ вамъ.

Марѳа Михайловна разочла свою прислугу, наградила ее по своимъ средствамъ, просила у всѣхъ прощенія въ чемъ, по вспыльчивости своего характера, ихъ оскорбила, благодарила мужичковъ. Съ собою взяла она только Парашу и одного слугу, брата ея. Крестьяне и дворовые люди провожали ее, какъ провожали недавно гробъ Сергѣя Семеновича, съ тѣмъ же искреннимъ сожалѣніемъ. Дуня простилась съ своими учениками и ученицами, всѣхъ перецѣловала и убѣждала ихъ исполнять заповѣди Божіи и ученье нашего Спасителя, какъ она имъ толковала. Она обѣщала когда-нибудь навѣдаться, не забыли ли они ея уроковъ и наставленій.

— Будете-ли помнить, друзья мои? — повторила она еще разъ, прощаясь съ ними.

— Будемъ, будемъ,—отвѣчали дѣти, но были двѣ, три дѣвочки, которыя ничего не сказали· горькія всхлипыванія мѣшали имъ говорить.

Съ отъѣздомъ Патокиной, казалось, на господскій домъ въ Красномъ-сельцѣ невидимая рука накинула мрачное покрывало.

Въ Москвѣ Марѳа Михайловна не остановилась въ своемъ домѣ: великолѣпное его убранство такъ проти-

ворѣчило смиренному положенію, въ которомъ она должна оставаться, да и зачѣмъ ей было поселяться въ домѣ, откуда нынѣ, завтра, кредиторы или казна выгонятъ ее. Она наняла небольшую квартиру въ отдаленной части города и рѣшилась нигдѣ не показываться иначе, какъ только по дѣламъ своимъ. Куда дѣвались ея спѣсь, ея любовь къ широкой жизни! Оставалась у ней одна мысль, — исполнить завѣщаніе любимаго человѣка. Первымъ дѣломъ ея было, по возможности, привесть долги своего мужа въ извѣстность. Ихъ оказалось на огромную сумму, считая залоги постороннихъ лицъ по подряду, а тамъ, что скажетъ еще подрядъ!... Пріѣхалъ Пестриковъ. Извѣстія, которыя онъ привезъ, были не утѣшительны: залоги должны были пострадать. Марѳа Михайловна, собравшись съ силами, поѣхала къ генералу Огрызкову. Изложивъ ему запутанность дѣлъ и послѣднюю волю мужа, она просила его продать лѣсъ, принадлежащій къ Красному-сельцу, оранжереи и все, что можно было продать въ имѣніи, если нужно будетъ, продать все имѣніе. Огрызковъ вызвалъ своего старшаго сына, гвардейскаго полковника, изъ Петербурга и велѣлъ ему исполнить желаніе Патокиной.—«Я благоговѣю предъ этой женщиной»,—говорилъ старикъ сыну,—«воля ея должна быть для насъ священна: она хлопочетъ о чести своего дома. Распорядись продажей, сначала оранжерей и половины лѣса, а тамъ увидимъ, что надо будетъ дѣлать. Можетъ быть намъ удастся сохранить Красное-сельцо для молодого Патокина. Помни, ихъ интересы для меня также дороги, какъ бы они были наши собственные». Сынъ свято выполнилъ приказаніе отца. Онъ ничего не принималъ безъ согласія Марѳы Михайловны и во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ отдавалъ ей отчетъ.

— Какъ вамъ угодно, какъ прикажете, —говорилъ

онъ ей обыкновенно, и на чемъ она постановила, то исполнялъ въ точности.

Половина лѣса, рѣдкія, экзотическія растенія изъ оранжерей, аршинныя стерляди изъ прудовъ были проданы за выгодную цѣну. Деньги, вырученныя отъ этой продажи, пошли, частью на уплату помѣщикамъ южныхъ губерній за купленный у нихъ хлѣбъ, частью на освобожденіе постороннихъ залоговъ по подряду. Джонсъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Англію, послалъ туда довольно значительную сумму на уплату за хлопокъ. Какъ ни жаль было Марѳѣ Михайловнѣ разстаться съ своими брилліантами, она ихъ оплакала и продала, кромѣ фермуара, который подарилъ ей мужъ наканунѣ ихъ свадьбы. — «Берегла все моей будущей невѣсткѣ»,—говорила она Дунѣ.—И богатое серебро было продано, также, кромѣ нѣсколькихъ вещей, на которыхъ былъ вырѣзанъ вензель ея сына. Англійскій долгъ былъ уплаченъ. Между тѣмъ, въ ожиданіи развязки по подряду, Марѳа Михайловна начала тяжбу съ Опенкинымъ-отцомъ. По жительству отвѣтчика въ Луковкахъ, тяжба должна была производиться въ губернскомъ городѣ Расторгуевѣ, куда и ей надо было ѣхать съ Лебединскимъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ она получила письмо отъ сына въ отвѣтъ на увѣдомленіе о смерти Сергѣя Семеновича. Пятна отъ слезъ испестрили все письмо; казалось, въ одной строкѣ слышались его рыданія.

«Милый другъ, Дуня,—писалъ онъ также къ названной сестрѣ своей, — увѣрь мамашу, что я послѣ этой потери не тужу ни о какой вещественной утратѣ, что мнѣ ничего не нужно, кромѣ ея и твоей любви, что я съ вами буду богатъ и счастливъ. Если судьбѣ угодно будетъ лишить насъ всего нашего имущества, я найду средство, по окончаніи кампаніи, успокоить ее въ старости. Молю ее, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ,

всѣмъ пожертвовать, лишь бы спасти честное его имя Помните, онъ взываетъ къ вамъ о томъ же изъ гроба».

Марѳа Михайловна отправилась въ Расторгуевъ съ Дуней и своимъ стряпчимъ Лебединскимъ. Тамъ заняли они также скромную квартиру. Чего не перечувствовала здѣсь эта гордая женщина, сравнивая свое теперешнее, скромное положеніе съ тѣмъ, какое занимала нѣсколько лѣтъ назадъ въ этомъ самомъ городѣ, когда она въ блескѣ брилліантовъ, въ чаду богатства, торжествующая надъ кознями луковскаго городничаго, явилась на губернаторскомъ балѣ. Къ утѣшенію ея всѣ прежнія начальствующія лица смѣнились, другіе, новые люди явились на административную сцену. Впрочемъ, принимала она чиновниковъ, съ которыми ей надо было видѣться, обстановить себя нѣкоторыми декорами своего прежняго богатства. Въ такихъ случаяхъ она накидывала на плечи великолѣпную турецкую шаль, брилліантовый фермуаръ горѣлъ на груди, изъ-подъ бархатныхъ волнъ салопа, небрежно брошеннаго на стулья, чернобурая лисица выказывала свой пушистый волосъ, чай подавали на серебрѣ.

Можно вообразить, съ какими чувствами въѣзжала Дуня въ Расторгуевъ. Здѣсь она родилась, здѣсь, гдѣ-нибудь должна быть могила ея матери, которую она, проѣзжая мимо кладбища, старалась глазами и сердцемъ угадать между другими могилами. Здѣсь прошло ея темное дѣтство, отсюда благодѣтельная рука второго отца, котораго ужь нѣтъ на свѣтѣ, вывела ее въ другой, болѣе свѣтлый міръ. На другой день своего пріѣзда она взяла извозчика и приказала везти ее въ улицу, гдѣ былъ сиротскій домъ. На немъ была ужь другая надпись: «*Богадѣльня*». Старики и старухи смѣнили въ немъ дѣтей; прежде въ немъ жили вступающіе только въ свѣтъ, теперь — покидающіе его. Извозчикъ сказалъ Дунѣ, что сиротскій домъ въ другой улицѣ;

она приказала ѣхать туда. Зданіе было новое, нѣсколько обширнѣе; его только соорудили на капиталъ, которому основаніе положилъ Патокинъ, бывши въ Расторгуевѣ. Изъ прежнихъ подругъ своихъ, ровесницъ, она не нашла ни одной; иныхъ не было на свѣтѣ, другія разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Уцѣлѣвшія дѣти, которыхъ она нѣкогда няньчила, нынѣ семи-восьмилѣтніе мальчики и дѣвочки, не могли помнить ее; надзирательница была новая. Всѣмъ Дуня была чужая. Но когда они узнали, что барыня, къ нимъ пріѣхавшая, та самая сирота, которую въ прежнемъ сиротскомъ домѣ звали Дуней «Изумрудный крестикъ»,—имя, сохранившееся между ними по преданію, ее съ ласкою и любовью приняли и проводили. Прощаясь съ дѣтьми, она оставила имъ на память по маленькому подарку и не отошла ни отъ одной колыбели, не благословивъ и не перецѣловавъ дитя, въ ней лежавшее.

Началась тяжба съ Опенкинымъ. Онъ былъ вытребованъ въ Расторгуевъ и призванъ въ судъ для очныхъ ставокъ съ Пестриковымъ. На заданные ему вопросы онъ отвѣчалъ, что имѣлъ неограниченную довѣренность отъ Патокина надзирать за дѣйствіями Пестрикова по подряду, получать отъ него и кого бы то ни было и выдавать деньги, какъ ему, такъ и кредиторамъ своего довѣрителя. Главный и отвѣтственный распорядитель этого подряда все-таки оставался Пестриковъ по особенной довѣренности, суммы, выданныя ему въ разное время казною, частью отданы ему на покупку хлѣба, частью употреблены на уплату долговъ Патокина; заемныя письма, по которымъ дѣлалась уплата, отосланы въ луковскій земскій судъ для возвращенія должнику, 40 тысячъ за проданный греку хлѣбъ, онъ, Опенкинъ, такого-то числа, дѣйствительно, получилъ отъ Пестрикова, въ чемъ и дана ему росписка: изъ нихъ 20 тысячъ возвращены ему на расходы по подряду, а 20

тысячъ пошли опять на уплату долговъ Патокина, въ чемъ можно удостовѣриться по квитанціямъ, которыя и представляетъ. Другія 40 тысячъ онъ, Опенкинъ, въ одинъ и тотъ же день не получалъ. Когда жь Пестриковъ предъявилъ другую росписку въ полученіи 40 тысячъ, Опенкинъ отвѣчалъ, что дѣйствительно эта росписка писана его рукою, но дана по тому случаю, что Пестриковъ по прошествіи двухъ недѣль послѣ полученія первой росписки, объявилъ будто она имъ затеряна. Боясь фальши съ его стороны, онъ, Опенкинъ, имѣлъ осторожность написать на новой роспискѣ слово: «*дубликатъ*», а въ самой роспискѣ слова: симъ «*удостовѣряю и утверждаю*», какихъ бы словъ онъ не написалъ, еслибъ своевременно давалъ ее.

— Спросите его, — обратился Опенкинъ къ судьямъ, — читалъ ли я ему эту росписку, когда ее писалъ.

Пестриковъ подтвердилъ, что она была ему прочтена.

— Теперь спросите его,—продолжалъ Опенкинъ,— прочелъ ли онъ ее потомъ самъ.

— Прочелъ, — отвѣчалъ Пестриковъ, — но я не замѣтилъ на ней слова: «дубликатъ», потому что Опенкинъ, какъ послѣ припомнилъ и стало мнѣ вдомекъ, зажалъ двумя пальцами уголъ, на которомъ было написано это слово.

— Это можетъ быть и можетъ не быть,—сказалъ одинъ изъ судей, — мы не имѣемъ законнаго права основываться на голословныхъ показаніяхъ, намъ нужны факты, свидѣтельства. Еслибъ ты, какъ самъ признаешься, не оплошалъ, а *домекнулъ* и прочелъ хорошо слово «дубликатъ» и спросилъ бы не только своего отвѣтчика, но и постороннихъ, что́ значитъ это иностранное слово, котораго не понимаешь, то вы и не судились бы теперь

— Я самъ толковалъ ему это слово, говорилъ, что оно значитъ: «вторично, подтвердительно», и въ роспискѣ это значится,—сказалъ Опенкинъ.

Пестриковъ утверждалъ и клялся, что такого объясненія не было.

— Въ какое время дня получалъ я отъ тебя деньги?—спросилъ Опенкинъ.

— Въ глухую полночь.

— Извольте слышать, въ глухую полночь! Сталъ-ли бы я принимать, а онъ отдавать мнѣ деньги въ такой часъ?

— Тутъ былъ одинъ важный случай.

— Разскажите его, — самоувѣренно сказалъ Опенкинъ.

Пестриковъ смутился. Ему представились тяжкія послѣдствія, которыя должны были пасть на его голову, еслибъ онъ открылъ въ присутствіи суда дѣло о выпущенныхъ изъ порта корабляхъ, нагруженныхъ хлѣбомъ.

Онъ оробѣлъ и запинаясь сказалъ Опенкину:—Разскажите сами.

— Я никакого важнаго случая не знаю, да ты и выдумываешь его. Тебя спрашиваютъ, такъ ты и отвѣчай.

Пестриковъ вмѣсто прямого отвѣта, утверждалъ только, что выдалъ Опенкину вторыя 40 тысячъ, въ полученіи которыхъ былъ свидѣтель грекъ такой-то.

Гдѣ-жь было искать этого грека?...

— Вотъ видите его правду, — сказалъ торжествующій Опенкинъ. — Онъ воспользовался 40 тысячами, которыя утаилъ у себя, а меня обвиняетъ въ утайкѣ ихъ. Неужели я долженъ отвѣчать за то, что не попалъ въ ловушку, которую ставилъ мнѣ безчестный человѣкъ, за то, что не былъ въ этомъ случаѣ дуракомъ и не дался въ обманъ?

На этихъ допросахъ дѣло остановилось. Кто изъ тяжущихся говорилъ правду, нельзя было законно рѣшить. Вѣсы правосудія колебались въ сторону Опенкина...

Пестриковъ былъ въ отчаяніи, молодой адвокатъ бѣсился, разражался необыкновеннымъ гнѣвомъ на весь родъ человѣческій, потомъ, пріутихнувъ, сталъ придумывать, какія мѣры принять, чтобы обнаружить обманъ. Дуня, слушая разсказъ объ этой cause célèbre, какъ онъ называлъ дѣло съ Опенкинымъ, вспомнила, что покойный Сергѣй Семеновичъ разсказывалъ ей два подобные случая, извѣстные всей Москвѣ, въ которыхъ обманъ нельзя было доказать фактически. Одинъ случай былъ съ купцомъ, принявшимъ отъ персіянина въ 12-мъ году, передъ нашествіемъ непріятеля, на сохраненіе большую партію шелку, другой — съ дворяниномъ, которому одинъ князь довѣрилъ получить большую сумму по билетамъ Опекунскаго совѣта. Въ обоихъ случаяхъ прибѣгли къ *очистительной присягѣ*.

— Вашъ добрый геній привелъ вамъ на память эти случаи, — сказалъ Лебединскій, — вы насъ выручаете.

— Этотъ добрый геній, я увѣрена, былъ второй отецъ мой съ того свѣта, — отвѣчала Дуня.

— Испытаемъ это рѣшительное и послѣднее средство, но знайте, что послѣ него нѣтъ ужъ суда человѣческаго.

Пестриковъ позвалъ Опенкина къ *очистительной присягѣ*. Присутственное мѣсто, гдѣ происходила очная ставка, не могло по законамъ отказать въ удовлетвореніи этого призыва.

По исполненіи всѣхъ условій, законами положенныхъ, назначенный для окончательной очистительной присяги день наступилъ.

На колокольнѣ собора раздался мѣрный, рѣдкій звонъ, призывающій не къ слушанію божественной службы. Нѣтъ, въ немъ отдавались другіе звуки, похожіе на стенанія, щемящіе сердце, если хотите, болѣзненные, какъ будто при выносѣ покойника. Толпы народа съ ранняго утра усѣяли площадь противъ присутственныхъ мѣстъ и собора. Лавки и базары опустѣли, торговцы и покупатели, прохожіе и проѣзжіе, безпрестанно приливали къ мѣсту зрѣлища и составили на площади огромную, сплошную массу, а по улицамъ, ведущимъ къ площади, живые заборы. Важность обряда, мысль, что обвиняющій или обвиненный, одинъ или другой, приступающій къ очистительной присягѣ, долженъ сдѣлаться клятвопреступникомъ, любопытство знать, устоитъ ли духъ лукавства противъ силы креста, занимали умы и сердца зрителей. Полиція и жандармы разставлены были отъ выхода изъ судебнаго мѣста до собора. Глубокая тишина царствовала въ этой массѣ народа. — «Идутъ», — сказалъ кто-то, стоявшій въ переднемъ ряду, ближе къ дверямъ судебнаго мѣста. Слово «идутъ» пробѣжало электрическимъ токомъ между тысячами. Вся масса тяжело заколебалась, какъ будто пошатнулась подъ нею земля, и невольно двинулась впередъ, но оплотъ жандармовъ остановилъ ее. Взоры приковались къ одной точкѣ, къ выходу изъ судебнаго мѣста. При видѣ священника въ траурномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, всѣ головы обнажились, всѣ руки сотворили крестное знаменіе. Священникъ былъ сѣдовласый старецъ, особенно уважаемый въ городѣ за прекрасную жизнь и даръ проповѣди. Онъ шелъ впереди съ причтомъ, за нимъ слѣдовали рядомъ Пестриковъ и Опенкинъ; затѣмъ шли два чиновника въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, наряженные на эту процессію. Процессіи очищали дорогу нѣсколько жандармовъ, по два врядъ

верхами, и полиціймейстеръ, гарцевавшій на своемъ конѣ; два жандарма и нѣсколько полицейскихъ замыкали шествіе. Открытое лицо Пестрикова, печальный, но вмѣстѣ добродушный взглядъ его тотчасъ склонили сердца въ его пользу. Если бы народъ могъ произнести свой судъ, онъ въ одинъ голосъ сказалъ бы: «этотъ человѣкъ правъ». Напротивъ того, никто не почувствовалъ ни участія, ни состраданія къ Опенкину. Его глаза, смотрѣвшіе исподлобья, съ двойнымъ ихъ зрѣніемъ, подергиваніе щеки, какъ бы изобличавшее его нечистую совѣсть, нетвердая поступь, невольная дрожь, смущеніе, выступавшее на лицѣ, несмотря на желаніе казаться спокойнымъ, молва о томъ, что онъ ограбилъ своего благодѣтеля,—все это вооружило противъ него народное чувство. Слышались даже голоса: «воръ! Іуда!» Полиція уняла ихъ. — «Все это пройдетъ, какъ мой приморскій сонъ, крѣпись!» — думалъ онъ, — и, вмѣсто того, чтобы пасть передъ этими обвиненіями, казалось почерпнулъ въ нихъ новыя силы. Опенкинъ взглянулъ дерзко въ очи народу, какъ бы хотѣлъ сказать: «не то же-ли вы дѣлаете каждый день?» и пошелъ болѣе твердымъ шагомъ. Прежніе мѣрные, заунывные, щемящіе душу, звуки колокола встрѣчали и провожали процессію до собора. Въ соборъ вошли священникъ съ причтомъ, Пестриковъ, Опенкинъ и два чиновника изъ суда. Двери затворились; два жандарма стали у нихъ на паперти съ палашами на голо.

Въ эти минуты, въ храмѣ совершалось великое, страшное дѣло — борьба человѣка съ крестомъ. Народъ, толпясь около собора, ожидалъ съ трепетомъ, какое слово выйдетъ изъ него.

Священникъ, вступивши въ храмъ, совершилъ предварительно молитву, положилъ крестъ на налой, покрытый черною пеленой, и обратился съ послѣднимъ словомъ увѣщанія къ истцу и отвѣтчику.

— Вы должны знать, — сказалъ онъ твердымъ, нѣсколько строгимъ голосомъ, — къ какому великому, страшному дѣлу вы призваны. Наше траурное облаченіе есть ужь знаменіе того, чѣмъ преисполнена теперь душа наша, къ чему приступаемъ. Да, мы приступаемъ къ духовному погребенію одного изъ васъ— помните это. Не можете вы не понять важности того, что совершается теперь въ этомъ храмѣ. Вы православные христіане, не язычники, не отступники пока отъ Бога, не умалишенные и не дѣти неразумныя. Забудьте, что я служитель у алтаря Господня и со мною эти чиновники отъ правительства присутствуютъ здѣсь. Мы только свидѣтели того, что вы скажете... Но по долгу моему обязанъ я напомнить вамъ, что вы предстоите теперь передъ Тѣмъ, Кому не нужно никакихъ свидѣтельствъ, Который читаетъ въ душѣ вашей всѣ сокровенныя тайны ея, Который пришелъ на землю, чтобы спасти грѣшниковъ и явиться нѣкогда на страшномъ судѣ своемъ, чтобы обличить непокаявшихся во лжи и коварствѣ и ввергнуть ихъ въ огонь вѣчный. Еще время... Соберитесь съ мыслями, успокойте духъ вашъ. Можетъ быть, мысли ваши возмущены, духъ вашъ встревоженъ зрѣлищемъ народа, передъ которымъ вы прошли сюда по стогнамъ града. Народъ этотъ столпился теперь около храма и хочетъ узнать, кто изъ васъ посмѣетъ нечестивою стопою—страшно мнѣ произнести... святотатственно наступить на крестъ Господень. Да, съ трепетомъ произношу, наступить на крестъ Господень. Никакого другого рѣченія не приберу, чтобы выразить, какое дѣло вы совершите, если устами, оскверненными клеветою на ближняго, или ложью, облобызаете этотъ крестъ. Передъ вами Онъ, Христосъ нашъ, распятый, пострадавшій за искупленіе наше... Видите, враги Его, гонители, надѣли на святую главу Его терновый вѣнецъ, вонзили гвозди въ руки

и ноги Его... Тѣ были язычники, не понимали, что творятъ. Но вы христіане, удостоенные счастія омыться новою жизнью въ водахъ крещенія, испить пречистую кровь Его, пролитую во избавленіе васъ отъ грѣховъ, неужели, подобно язычникамъ, наложите свою руку на этотъ терновый вѣнецъ, чтобы еще глубже уязвить главу нашего Спасителя? Неужели, подобно имъ, вы принесли въ этотъ храмъ новые гвозди, чтобы вбить ихъ въ руки и ноги Его, новыя орудія, чтобы истязать живого Бога, снисшедшаго на землю для спасенія вашего и дарованія вамъ вѣчной жизни? Нѣтъ, нѣтъ, мои братья, мои други, да не будетъ совершено это преступленіе. Вы, христіане, не посягнете на то, что совершили язычники. Нѣтъ, да не будетъ потѣшаться діаволъ надъ дѣломъ, на которое только способны сыны его, низверженные въ адъ кромѣшный, въ огонь вѣчный. Осмотритесь кругомъ себя. Видите, сонмъ святыхъ и праведниковъ, сошедшихъ съ высоты небесъ, обступилъ васъ, чтобы услышать, кому вы теперь послужите, Христу или врагу Его, духу тьмы. Обратите ваши взоры на ликъ Спасителя. Это не тотъ Богочеловѣкъ, исполненный кротости и милости, который ходилъ на землѣ, чтобы сыпать слова любви, утѣшенія и надежды, исцѣлять болящихъ, ласкать дѣтей, напоять жаждущихъ, утолять голодныхъ, радовать всѣхъ своимъ присутствіемъ. Смотрите, ликъ Его грозенъ, взоры, на васъ обращенные, исполнены гнѣва... Страшитесь, чтобы этотъ гнѣвъ не разразился надъ главою того изъ васъ, кто произнесетъ ложную клятву во имя Его. Я сказалъ вамъ все, что могъ сказать по долгу священства. Теперь пусть скажутъ вамъ любимые ученики и сподвижники Спасителя слова, послѣ которыхъ я долженъ умолкнуть.

Затѣмъ священникъ прочелъ правила изъ апостоловъ

и святыхъ отцовъ, положенныя для очистительной присяги [1]).

По окончаніи этого чтенія онъ сказалъ имъ:

— Слышите, есть время одуматься... Господи! не дай мнѣ произнести слово: поздно! Тогда уже на страшномъ судѣ Своемъ Великій Судья обличитъ васъ, но уже будетъ поздно!...

— Теперь приступите къ крестному цѣлованью... затѣмъ и вы скажете свое послѣднее слово.

Пестриковъ, обливаясь слезами, перекрестился и поцѣловалъ крестъ.

Опенкинъ весь почернѣлъ и дрожа исполнилъ то же.

Послѣ того оба показали, что показывали на очной ставкѣ въ судѣ.

При выходѣ изъ церкви видѣли, что около дамы, упавшей въ обморокъ, суетились молодая, красивая дѣвушка и молодой человѣкъ, старавшіеся привести ее въ чувство. Всѣ они были въ глубокомъ траурѣ. Узнали, что эта дама вдова Патокина, обкраденная и раззоренная главнымъ приказчикомъ Опенкинымъ, который, какъ народъ говорилъ, только-что *прошелъ подъ колоколами*.

Странно! Народъ не говорилъ этого про Пестрикова и, когда онъ вышелъ изъ церкви, разступился передъ нимъ съ уваженіемъ и жалостью...

Торжество Опенкина, торжество неправды и святотатства, не могло не разстроить здоровья Марѳы Михайловны. Больная, возвратилась она въ Москву. Здѣсь ожидали ее новыя огорченія. Полиція стала

---

[1]) Правила эти оканчиваются слѣдующими словами: «А не вѣрою и не истиною, на лжи цѣлуяй крестъ, и той бо лжи есть общникъ и неисцѣльно враждаетъ себѣ и по писанію, яко Христа убій, вмѣняется таковый поругатель честному кресту... да пожнетъ его пламень и душа предастся огню негасимому». Смотр. Св. Зак. т. 10. Часть 11. Отд. 6. Изд. 1842 г.

осаждать ее требованіями уплаты по долговымъ обязательствамъ Сергѣя Семеновича, въ томъ числѣ Опенкину-сыну. Она еще и прежде объявила, что если имѣнія мужа ея недостаточно на уплату этихъ долговъ, такъ она обязывается уплатить ихъ изъ своего имущества. Ввѣрившіе Патокину залоги по подряду, узнавъ о разстройствѣ его дѣлъ, безпокоили ее просьбами обезпечить эти залоги. Она продала крупчатку подъ Луковками, нѣкогда ей подаренную мужемъ и до сихъ поръ сберегаемую для сына. Чтобы разомъ покончить съ кредиторами и залогодателями, взяла еще у генерала Огрызкова значительную сумму. Красное-сельцо было въ его рукахъ и служило ему достаточнымъ обезпеченіемъ, какъ этихъ, такъ и прежде взятыхъ у него денегъ. Долги были уплачены, залоги постороннихъ лицъ освобождены, честное имя Патокина спасено. Чистое отъ всякихъ нареканій, оно одно доставалось въ наслѣдство женѣ и сыну. Свѣтъ удивлялся самоотверженію этой женщины; нашлись, однакожъ, люди, которые отзывались, что глупо было жертвовать своимъ и сыновнимъ благосостояніемъ для честнаго имени человѣка, лежавшаго уже въ землѣ.— «Иной и три раза банкротился»,—говорили они,—«то переведетъ имѣніе на сына, то на родственника, и живетъ себѣ припѣваючи, да еще какъ ему кланяются и чествуютъ его!»

Все было продано Марѳой Михайловной, что можно было продать. Мало-по-малу истощились денежныя средства, которыя могла она еще сохранить для существованія своего, Дуни, единственнаго слуги и единственной служанки, при ней оставшихся. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и нужда, ужасная нужда, отъ которой сердце обливается кровью, осадила ее. Она занимала двѣ комнатки и жалась съ Дуней въ одной, которая было потеплѣе. Часто не доставало у ней

денегъ на дрова, на чай и сахаръ. Только въ одной роскоши она не могла себѣ отказать—въ двухъ стеариновыхъ свѣчахъ, которыя должны были горѣть у ней каждый вечеръ на столѣ.—«Страшно мнѣ въ темнотѣ,—говорила она,—я воображаю тогда, что лежу въ гробѣ». Марѳа Михайловна стала продавать свои послѣднія цѣнныя вещи, но скоро изсякъ и этотъ источникъ. И въ такой нуждѣ находилась женщина, которая за нѣсколько лѣтъ назадъ жила въ великолѣпныхъ палатахъ, окруженная многочисленной прислугой и всею обстановкою роскошной жизни, задавала генераламъ и не генераламъ обѣды съ аршинными стерлядями и зимнею клубникой. Повѣрьте мнѣ, это не вымыселъ романиста, а фактъ изъ дѣйствительной жизни. Ей совѣстно было обращаться о помощи къ генералу Огрызкову, который для нея ужь столько сдѣлалъ; гордость запрещала ей унижаться просьбами передъ тѣми, кого она сама нѣкогда одолжала. Встрѣчаясь съ этими людьми, она замѣчала, что одни отъ нея отворачивались, другіе проходили мимо, будто ее не узнавали; были, правда, и такіе, которые удостоивали ее ласковымъ словомъ, дарили сожалѣніемъ, но эти ласки, это сожалѣніе, бросаемыя съ высоты, были для ея сердца острѣе ножа. Горе точило понемногу ея жизнь. Она слегла въ постель и принуждена была прибѣгнуть къ помощи врача; визиты его и лекарства истощили ея послѣднія средства.

Дуня страдала за нее, но страданіе не есть любовь; любовь требуетъ дѣла, а она горячо любила свою вторую мать. Выдержавъ въ университетѣ экзаменъ въ англійскомъ и французскомъ языкахъ, она стала давать уроки въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ и пансіонахъ. Уроки доставилъ ей Лебединскій чрезъ своихъ знакомыхъ. Сынъ дьячка, котораго нѣкогда Марѳа Михайловна съ неудовольствіемъ приняла въ свое об-

щество, секретно удѣлялъ также на ея нужды изъ своего скромнаго гонорара за частное адвокатство. Помощь эту оказывалъ человѣкъ преданный, другъ дома Патокиныхъ, одолженный ими, и Дуня не отвергла ее въ надеждѣ, что настанетъ время, когда Марѳа Михайловна будетъ въ состояніи отплатить ему сторицей. А ожидала Дуня этого времени, когда окончится подрядъ и, какъ писалъ Пестриковъ, снова посланный въ Приморскъ, имущество Патокина, оставшееся въ залогѣ у казны, освободится. Пока это были однѣ надежды, а нужда все болѣе и болѣе осаждала Марѳу Михайловну. Въ одно утро этого тяжкаго періода московской ея жизни. Параша докладываетъ ей, что пришелъ Опенкинъ и желаетъ съ нею видѣться. У ней сидѣлъ Лебединскій. Дуни не было дома. При имени Опенкина Марѳа Михайловна вздрогнула, какъ бы провели по груди ея горячимъ желѣзомъ, впалые, потухшіе глаза ея зажглись необыкновеннымъ огнемъ, на блѣдныхъ, исхудалыхъ щекахъ вспыхнули два пунцовыя пятна.

— Который?—спросила она, приподнявъ голову съ подушки.

— Отецъ,—отвѣчала Параша.

Марѳа Михайловна вопросительно посмотрѣла на Лебединскаго.

— Примите его,—отозвался Лебединскій,—послушаемъ, что онъ намъ скажетъ; можетъ быть, пришелъ съ раскаяніемъ.

— Подите, Орестъ Григорьевичъ, въ другую комнату, а ты Параша, дай мнѣ одѣться.

Лебединскій и прислуга знали, что съ нею въ такихъ случаяхъ спорить нельзя.

Патокина была всегда, даже и въ постели, прилично одѣта и, если въ туалетѣ ея, когда посѣщалъ ее Лебединскій, оказывалась какая небрежность, не

нарушающая, однакожъ, женской скромности, то она не старалась оправиться для того, кого принимала, какъ сына. Теперь же, принимая врага своего, тщательно, хотя и съ трудомъ, одѣлась и велѣла Парашѣ позвать Лебединскаго и Опенкина.

Вошелъ Лебединскій, за нимъ Елизаръ Самсоновичъ, съежившись, съ низкими поклонами, какъ въ былое время. Марѳа Михайловна сидѣла въ креслахъ. Гордая, величавая осанка, взглядъ, полный презрѣнія и негодованія, тоже, какъ въ былое время, когда удостоивался приказчикъ ея лицезрѣнія, поразили Опенкина, думавшаго увидѣть передъ собою больную, убитую женщину, сокрушенную подъ ударами судьбы.

— Что тебѣ надо?—спросила она его.

— Я узналъ, что вы, Марѳа Михайловна, находитесь въ большой нуждѣ, и я, по долгу христіанскому...

— Прошелъ подъ колоколами, поцѣловалъ крестъ и сдѣлался христіаниномъ!... Да воръ, христопродавецъ, не могу похвалиться, какъ ты, награбленнымъ богатствомъ. Такъ что-жь?...

— Пришелъ вручить вамъ на *помощь* двѣсти рублей... серебромъ.

Опенкинъ протянулъ было руку, въ которой держалъ пачку кредитокъ и все мелкими, чтобы приношеніе казалось на видъ покрупнѣе.

При словѣ: *помощь*, Марѳа Михайловна, какъ будто силою гальваническаго тока, вскочила съ креселъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, вырвала у него кредитки, изорвала ихъ въ клочки—и полновѣсная пощечина раздалась на всю комнату.

— Жалѣю,—прибавила она,—что не имѣю столько силы, чтобы за каждый твой рубль заплатить тебѣ по такой же пощечинѣ. Орестъ Григорьичъ, выгоните этого мерзавца въ шею.

Сказавъ это, она грянулась на полъ въ судорогахъ сильнаго истерическаго припадка. Лебединскій и Параша подняли ее, положили на постель и старались привести въ чувство.

Опенкинъ не думалъ подбирать кредитки и выбѣжалъ, проклиная свою христіанскую добродѣтель.

Казалось, въ этомъ пароксизмѣ мщенія Патокина истощила послѣднія свои силы. Она вставала съ постели только на нѣсколько минутъ, чтобы *судомъ своимъ* разсчитаться съ врагомъ презрѣннымъ. Болѣзнь ея усилилась еще новыми, душевными страданіями. Письми отъ сына, которыя она, послѣ смерти мужа, довольно часто получала, еще поддерживали ея жизнь. Съ нѣкотораго, довольно долгаго времени, ни одной вѣсточки отъ него, и это мучило ее болѣе потери ея богатства. Дуня утѣшала ее, какъ могла. Между тѣмъ нужды все болѣе и болѣе расли; вмѣстѣ съ этимъ уменьшились средства Дуни. По случаю наступившихъ вакаціонныхъ недѣль въ пансіонахъ прекратилось ученіе. Не стало у нихъ денегъ на визиты лѣкарямъ и лѣкарства... Дуня не хотѣла писать о своемъ положеніи Джонсу. Ей казалось, что съ просьбою о помощи она налагаетъ на себя обязанности, которыя сердце ея выполнить не можетъ; да и скоро ли получила бы она отвѣтъ изъ Англіи! Добыть денегъ было негдѣ... Мысль о жертвѣ и жертвѣ великой блеснула въ ея умѣ...

Съ горькими слезами помолилась она Богу, сняла съ груди шелковую подушечку, въ которой зашиты были «изумрудный-крестикъ», наслѣдство ея названной бабушки, вынула крестъ, поцѣловала его нѣсколько разъ и пошла на Солянку. Боясь, чтобы чиновники ссудной казны не замѣтили, что глаза ея красны отъ слезъ, она прошлась еще по тратуару, около зданій опекунскаго совѣта, и старалась освѣжить свое лицо,

махая на себя платкомъ. Прохожіе невольно засматривались на ея хорошенькое и печальное лицо; нашлись даже молодые люди, которые предлагали ей проводить ее и утѣшить.

«Печальна участь женщины въ такой странѣ, гдѣ ей нельзя пройти по улицѣ одной, безъ провожатаго»,— думала она, и поспѣшила въ ссудную казну.

Цѣновщикъ осмотрѣлъ крестъ и пристально вглядѣлся въ Дуню.

— Лицо ваше мнѣ знакомо,—сказалъ онъ.

— Кажется, и я васъ видала,—отвѣчала она, смутившись.

— Да, помню, вы были у меня съ купчихой Патокиной, когда она продавала мнѣ свои брилліанты. Триста рублей за вашъ крестъ,—прибавилъ онъ,— согласны-ли вы?

— Согласна,—могла только сказать Дуня.

Побѣлѣвшія губы ея дрожали.

Тутъ подошелъ другой цѣновщикъ съ бородой, посмотрѣлъ на крестъ и шепнулъ первому:

— Вы слишкомъ дорого оцѣнили.

— Я и отвѣчаю,—сказалъ сухо первый.

Ей выдали триста рублей и билетъ на залогъ «изумруднаго-крестика».

Дни Марѳы Михайловны были сочтены. Она, видимо, съ каждымъ днемъ слабѣла и съ каждымъ днемъ дѣлалась нѣжнѣе къ своей воспитанницѣ.

— Другъ мой,—сказала она однажды Дунѣ,—чувствую, я не долго проживу. Богъ заплатитъ тебѣ за все, что ты для меня сдѣлала; видишь, я не могу... Помнишь-ли, что я тебѣ говорила, когда съ такою спѣсью, съ такою злостью отняла у тебя обручальное кольцо, которое матушка, умирая, завѣщала тебѣ передать Володѣ?

— Вы сказали тогда,—отвѣчала Дуня,—что лу-

ковская мѣщанка никогда не будетъ женою вашего сына, и я...

— Нѣтъ, не то... я говорила, что отдамъ кольцо только будущей невѣстѣ моего сына... Ты его любишь...

Дуня хотѣла что-то сказать, но Марѳа Михайловна остановила ее.

— Не говори, я знаю, ты его любишь... какъ сестра, скажешь ты, нѣтъ, ты его любишь болѣе, чѣмъ брата... И онъ, я знаю, я увѣрена, глаза и сердце матери не могли ошибиться... Онъ мнѣ много говорилъ въ Бахчисараѣ о тебѣ... и такъ горячо... Какое право имѣла я не исполнить завѣщанія матушки?... О! еслибъ не моя спѣсь, мы могли бы быть счастливы... Володя остался бы при насъ, занялся бы дѣлами своего отца. Но что сдѣлано, того не воротишь. Я и такъ Господомъ наказана за свою гордость. Теперь скажу тебѣ мою послѣднюю волю. Если я умру прежде, чѣмъ увижу Володю, передай ему это кольцо... больше ничего...

Марѳа Михайловна скинула кольцо съ пальца, передала его Дунѣ и благословила ее.

— Тогда только отдамъ его Володѣ, — сказала Дуня,—если...

Она не договорила, и бросилась цѣловать руки Марѳы Михайловны.

— Понимаю, если чувства его къ тебѣ не перемѣнились. Я дѣлаю свое, исполняю завѣщаніе матушки, а тамъ... да будетъ воля Господня! Дай мнѣ положить кольцо въ ладонку, въ которой твой «изумрудный-крестъ»...

Дуня растерялась, дрожала и не знала, что сказать, какъ будто совершила преступленіе.

— Дай,—говорю я тебѣ,—это моя послѣдняя воля, слышишь-ли? Пока я жива, хочу, чтобы меня слушались...

Голосъ Марѳы Михайловны былъ энергиченъ, какъ въ былыя времена.

Дуня боясь раздражить больную, сняла съ груди шелковую сумочку.

Марѳа Михайловна слабыми руками ощупала сумочку.

— Тутъ нѣтъ креста,—сказала она,—а какая-то бумажка... Вынь, что за бумажка?

Дуня, бросилась на колѣни у постели своей второй матери, цѣловала ея руки, обливала ихъ горячими слезами.

— Что это значитъ? Объясни мнѣ. Ты для меня продала свой крестъ?

— Нѣтъ, я его заложила.

По требованію Марѳы Михайловны сумочка расшита и вынутъ билетъ изъ ссудной казны.

Слезы лились по исхудалымъ щекамъ ея.

— Нѣтъ, мой другъ, эта жертва слишкомъ велика.

— Параша, — кликнула она, — вели брату своему сходить къ Лебединскому и попросить его ко мнѣ.

Лебединскій жилъ недалеко и скоро явился.

— Возьмите почтовый листъ бумаги, Орестъ Григорьичъ, и пишите, что я вамъ буду говорить.

Лебединскій сталъ писать подъ ея диктовку.

«Почтеннѣйшій другъ, довершите добро, которое вы мнѣ столько разъ оказывали. Вручите триста рублей подателю этого письма, Оресту Григорьевичу Лебединскому; онъ выкупитъ на эти деньги «изумрудный-крестъ», заложенный для меня моей воспитанницей въ ссудной казнѣ. Этотъ крестъ — наслѣдство послѣ ея матери. Къ долгу нашему прибавка такой суммы ничего не значитъ. Это моя послѣдняя просьба здѣсь, на землѣ. Я очень плоха. Увижусь-ли еще съ вами? *Тамъ* я буду молиться за васъ».

Когда это было написано, она нацарапала дрожавшею рукой:

преданая по гропъ
Марѳа Патокина.

Вручивъ Лебединскому билетъ ссудной казны, она просила его передать письмо генералу Огрызкову.

Часа черезъ два карета подъѣхала къ квартирѣ Марѳы Михайловны. Отворились двери въ ея спальню и вошелъ генералъ, опираясь на толстую натуральную трость и поддерживаемый Лебединскимъ. Онъ едва перестанавливалъ ноги. Подвинули ему кресла къ постели больной. Усѣвшись въ нихъ, онъ рукою подозвалъ къ себѣ Дуню.

— Позволь мнѣ поцѣловать тебя, добрая, благородная дѣвушка. Храни тебя Господь! Дай Богъ, чтобъ твои дѣти, когда у тебя будутъ, на тебя походили.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— А это вамъ, мой другъ, подарокъ отъ Бога,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Марѳѣ Михайловнѣ и отдавая ей письмо.—Изъ Франціи, адресовано на мое имя. Этотъ молодой человѣкъ (генералъ указалъ на Лебединскаго) говоритъ, что адресъ написанъ рукою вашего сына.

Марѳа Михайловна взглянула съ благодарностью на образъ Спасителя и благоговѣйно перекрестилась.

— Не хочу мѣшать вашей радости. Я только самъ желалъ быть вѣстникомъ ея. Обнимите меня, мой другъ, Марѳа Михайловна. Гдѣ-нибудь увидимся.

Генералъ приподнялся съ креселъ, обнялъ съ чувствомъ Марѳу Михайловну и, обратясь къ Лебединскому, скомандовалъ ему:

— Эй, молодой человѣкъ! Помоги мнѣ смаршировать тихимъ шагомъ до моего слуги.

Онъ только успѣлъ выдти изъ комнаты, какъ письмо было ужь распечатано.

Дуня читала его голосомъ, прерывавшимся нѣсколько разъ отъ душевнаго волненія:

«Милая, безцѣнная мамаша, — писалъ Володя,—неимѣя столько времени извѣстія обо мнѣ, вы могли подумать, что и меня нѣтъ въ живыхъ. Эта мысль меня убивала. Пользуюсь первою возможностью писать вамъ. Въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ я посланъ былъ моимъ генераломъ къ одному полковому командиру съ приказаніями. Передать эти приказанія было ужъ некому: полковой командиръ былъ убитъ, заступившій его мѣсто также, наши отступали. Я могъ бы улепетнуть на моемъ лихомъ скакунѣ, но боялся, чтобы не случилось со мною того же, что случилось какъ-то съ однимъ генеральскимъ адъютантомъ, бывшимъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Его проводили со стыдомъ голоса офицеровъ и солдатъ, какъ провожаютъ охотники утекающаго зайца. И потому я присоединился къ нашему кавалерійскому аріергарду, у котораго, — такъ сказать, — на хвостѣ коней сидѣлъ втрое сильнѣйшій непріятель. Въ это время напали на меня нѣсколько французскихъ конниковъ. Я отбивался отъ нихъ, сколько могъ, но, получивъ рану въ лицо холоднымъ оружіемъ, да еще удостоенный огневымъ въ ногу, былъ взятъ въ плѣнъ и перевезенъ во Францію. Не стану описывать вамъ моихъ странствованій; при свиданіи все вамъ разскажу. Слава Богу, я выздоровѣлъ. Остается только на лицѣ небольшой шрамъ, но глаза мои уцѣлѣли; немного прихрамываю, но хожу безъ костыля. Меня эти боевые знаки нимало не огорчаютъ; прошу и васъ также не огорчаться, увидавъ меня не такимъ красивымъ молодцомъ, какимъ вы меня знавали прежде. Увѣренъ, въ сердцѣ твоемъ и милой Дуни я останусь тѣмъ же, что былъ для васъ прежде, а мнѣ больше ничего не надо».

— О! конечно,—сказала Дуня съ особеннымъ оду-

шевленіемъ, остановясь на этомъ мѣстѣ,—онъ не долженъ сомнѣваться.

Мареа Михайловна сдѣлала ей знакъ рукою, чтобъ она наклонилась и, когда та исполнила ея желаніе, прижала къ себѣ голову Дуни и поцѣловала.

Дуня продолжала чтеніе письма:

«Благодаря попеченіямъ здѣшняго правительства о плѣнныхъ, я ни въ чемъ не нуждаюсь. Несмотря, что здѣсь начало марта, всѣ плодовыя деревья въ цвѣту; у оконъ моихъ распустилась любимица Дуни, бѣлая роза; птицы распѣваютъ въ моемъ садикѣ. Но я промѣнялъ бы всю эту прекрасную, оживленную обстановку южнаго края на мертвыя, снѣжныя равнины нашей Руси, гдѣ поютъ теперь однѣ вьюги и дымятся мятели, но гдѣ было бы мнѣ такъ тепло, такъ отрадно, рука въ руку съ милыми моему сердцу. Здѣсь очень сильно поговариваютъ, что кампанія скоро кончится. Дай-то Богъ! О! какъ полетѣлъ бы я къ вамъ! А покуда цѣлую тысячу разъ твои ручки, безцѣнная мамаша, и крѣпко, крѣпко цѣлую милую мою Дуню. Лебединскому дружески протягиваю руку черезъ горы и моря».

Послѣднимъ радостнымъ проблескомъ въ жизни Мареы Михайловны было это письмо. Черезъ нѣсколько недѣль она умерла, прижавъ его къ груди свой. Добрый Огрызковъ помогъ похоронить ее съ честью въ Луковкахъ.

Дуня попыталась было вступить въ одно женское учебное заведеніе классною дамой, но при этомъ случаѣ оказалась перегородка: туда нужна была классная дама изъ благородныхъ, а Изумрудова имѣла мѣщанскій видъ. Она не смѣла даже публиковать о себѣ въ газетахъ, какъ это дѣлается обыкновенно: Благородная дѣвица (знающая то и то) желаетъ давать уроки въ этихъ предметахъ или получить мѣсто гувернантки»

и т. д. Волшебный эпитетъ «благородный» въ томъ смыслѣ, какъ онъ принятъ у насъ, звучитъ такъ сладко въ ушахъ папенекъ и маменекъ и возвышаетъ цѣну претендентокъ на подобныя мѣста. Для иностранокъ не существуетъ этихъ перегородокъ; онѣ всѣ благородныя, хотя бы отецъ ихъ былъ тряпичникомъ.

Дуня не захотѣла долѣе оставаться въ Москвѣ, гдѣ все напоминало ей горестную жизнь ея второй матери, да и средства, которыя она до сихъ поръ тамъ получала за уроки, не могли постоянно обезпечивать ее. Оставался ей одинъ выходъ изъ этого тяжкаго положенія, какъ и всѣмъ подобнымъ бѣднымъ образованнымъ дѣвушкамъ—идти въ гувернантки въ провинцію. Она любила дѣтей, привыкла учить ихъ и рѣшилась, по совѣту Лебединскаго, обратиться къ Суздалину, который такъ хорошо зналъ ее и такъ любилъ семейство Патокиныхъ, съ просьбою пріискать ей въ Суходольской губерніи мѣсто, указываемое ей необходимостью и влеченіемъ сердца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

По письму Суздалина къ Володѣ мы оставили его въ ожиданіи пріѣзда Катерины Александровны Можайской съ ея управляющимъ Гобуа изъ степной деревни. Этотъ пріѣздъ долженъ былъ рѣшить участь влюбленнаго

Возвратилась она въ Гостинцы; Іоасафъ Румянцевъ, такой охотникъ служить и услуживать, поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ молодого человѣка, котораго онъ такъ полюбилъ за подареннаго ему *чижичка* въ видѣ золотой монеты.

Мишель Суздалинъ явился къ Можайской и просилъ руки ея дочери.

— Удивляюсь,—сказала Катерина Александровна,— что вы желаете вступить въ семейство, гдѣ мать съ такими качествами, какими вы нѣкогда расписали ее. Помните, въ вашемъ портретѣ было столько сажи... вы можете замараться объ нее. Кто поручится, что дочь не пойдетъ по слѣдамъ матери?

— Очень грустно и обидно слышать эти слова отъ васъ нынѣ, когда дѣло идетъ объ участи Таисіи Дмитріевны. Я думалъ, что наша маленькая размолвка, о которой у насъ не было никогда объясненія, должна быть забыта нынѣ. Вспомните, вы первая бросили въ

меня стрѣлу... Я тотчасъ забылъ бы ваше оскорбленіе, еслибъ къ нему не примѣшалось оскорбленіе моей матери. Этого я не могу перенесть. Ради Бога, простите мнѣ великодушно и не платите мнѣ такимъ ужаснымъ мщеніемъ за минутное увлеченіе.

— Пожалуй, оставимъ эти дрязги. Я согласна, что онѣ должны быть забыты при теперешнемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о судьбѣ моей дочери. Буду съ вами откровенна. Признаюсь вамъ, вы не такой женихъ для нея, которымъ можно пренебречь: вы имѣете хорошее состояніе, умны, образованы, не мотъ, не картежникъ, а для меня эти качества имѣютъ большую цѣну. Вы, конечно, знаете отъ матери вашей, какъ я была несчастлива замужемъ отъ страсти его къ карточной игрѣ. Увѣрена, вы не проиграете имѣнія моей дочери и своего, не растратите его на актрисъ... Повторяю, съ вашими достоинствами вы могли бы сдѣлать счастіе моей Таечки. Но она такъ молода... ей даже не вышло законнаго срока для супружества... священникъ не согласится вѣнчать ее... обманывать же кого-либо въ этомъ важномъ дѣлѣ я не соглашусь.

— Мать моя...

— Знаю, что вы хотите сказать. Сколько ни желаетъ мать ваша пожаловать меня въ старухи, охраняя васъ отъ обольщеній такой опасной сирены, какъ я... и вытянуть дочь мою въ невѣсты...

Суздалинъ покраснѣлъ отъ досады и, въ свою очередь, не далъ договорить Катеринѣ Александровнѣ.

— Опять мать моя! Не знаю, за что вы такъ ожесточились противъ нея, за что вы приписываете ей намѣренія, которыхъ она въ помышленіи не имѣла? Никогда не порчила она меня въ женихи вашей дочери. Обстоятельства такъ сложились, что я увидѣлъ Таисію Дмитріевну и не могъ не полюбить ее. Не подумайте, чтобы меня прельщало имѣніе ваше... Отдайте

мнѣ вашу дочь безъ ничего. Она одна дороже для меня всѣхъ душъ, которыя вы могли бы за нею дать. Дѣлайте съ имѣніемъ вашимъ что вамъ угодно, распоряжайтесь имъ, какъ вамъ заблагоразсудится, продайте его, подарите... клянусь вамъ честью моей, я не поропщу на васъ; отдайте мнѣ только ту, безъ которой не могу жить. Мы любимъ другъ друга. Безъ согласія ея я не смѣлъ бы просить ея руки.

— О! къ прекраснымъ качествамъ, которыми вы надѣлены судьбою, вы имѣете и даръ обворожать и не такихъ неопытныхъ дѣвочекъ, какъ дочь моя. Были другія, гораздо постарше, съ разсудкомъ болѣе зрѣлымъ, которымъ вы вскружили голову... Я хочу сказать о той... помните исторію съ этой интересной дамой... какъ бишь ее?...

— И вы это говорите, вы, которыя знаете, какъ свѣтъ бываетъ золъ и опрометчивъ въ своемъ судѣ?

— Слишкомъ хорошо!...

— Бѣдную женщину, которая въ томъ только была виновата, что танцовала со мною чаще, нежели съ другими, что слушала меня съ большимъ удовольствіемъ, нежели другихъ, оклеветали... тутъ же подоспѣлъ безумно ревнивый мужъ... Вамъ извѣстно, чѣмъ вся эта исторія кончилась. Зачѣмъ же возобновлять ее, хоть и въ келейномъ разговорѣ, который, конечно, не выйдетъ изъ этихъ стѣнъ? Затѣмъ же класть и тѣнь клеветы на эту женщину, которая такъ чиста, какъ я желалъ бы, чтобы чиста была моя дочь, если она у меня когда будетъ.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказала съ чувствомъ Катерина Александровна, подавъ руку Суздалину.— Вы благородный рыцарь. Да, мы, женщины, жалкія, бѣдныя созданія. Намъ мстятъ клеветою тѣ, которыхъ любовь мы отвергли, насъ ругаютъ, если мы осмѣлились полюбить кого истинною страстью. Вамъ, мужчи-

намъ, все можно, намъ ничего не прощаютъ. Но бросимте эти разсужденія въ сторону, теперь опять къ моей Таечкѣ. Мудрено ли, говорю я, что дѣвочка, не знающая свѣта, видѣвшая такъ мало молодыхъ людей, заслушалась рѣчей вашихъ, вашего страстнаго пѣнія, и голова ея закружилась! Можетъ быть, она думаетъ, что полюбила васъ на жизнь и на смерть, какъ въ романахъ, которые прочла по милости сентиментальной мистрисъ Гордонъ.

— Ей давали только англійскіе романы, а въ нихъ любовь описана такими мягкими красками; никогда скромность дѣвушки не оскорбится этими описаніями, никогда воображеніе и кровь ея не изволнуются отъ нихъ.

— Да, это говоритъ и англичанка. Она видитъ въ *своихъ* романахъ одни образцы добродѣтели и чистоты нравовъ, а въ французскихъ одинъ соблазнъ. Смѣшны мнѣ, право, эти англичанки и англичане съ своимъ патріотизмомъ и ненавистью ко всему, что пишется, не только, что дѣлается, за чертою Великобританскаго канала Но мы безпрестанно отбиваемся отъ цѣли нашего разговора. Таечкѣ, сказала я, не вышло еще законныхъ лѣтъ для супружества, и я не могу отдать ее, еслибъ и хотѣла, пока не минетъ этотъ срокъ. Это мое послѣднее, рѣшительное слово. Хотите ждать два года, пожалуй годъ, смотря по обстоятельствамъ, и тогда мы увидимъ... Я вывезу ее въ свѣтъ, въ общество молодыхъ людей, разумъ ея созрѣетъ и, если послѣ этого она скажетъ мнѣ, что васъ любитъ, васъ предпочитаетъ всѣмъ этимъ молодымъ людямъ, которыхъ узнаетъ, тогда съ Богомъ! Я сама вышла замужъ слишкомъ рано и за это дорого поплатилась. Мои опасенія, можетъ быть, напрасны... Не могу, однакожъ, не позаботиться, чтобы раннее супружество не довело дочь до тѣхъ грустныхъ послѣдствій, кото-

рыя испытала мать. Не оскорбитесь моимъ рѣшеніемъ. Ждите.. ѣздите къ намъ, конечно, не подъ именемъ признаннаго жениха, а какъ хорошій знакомый, добрый родственникъ. Вы будете всегда le bienvenu въ моемъ семействѣ. А тамъ, да будетъ воля Господня! Повторяю, это мое послѣднее слово.

— А если я увезу ее?...

Катерина Александровна вспыхнула и сердито надвинула брови на глаза. Но это была только минутная вспышка. Она усмѣхнулась и добродушнымъ голосомъ сказала:

— Пустяки!... Вы такъ благородны, что не сдѣлаете этого. Если вы истинно любите мою дочь, то не захотите ея стыда, ея несчастія. Вамъ извѣстно отъ матери вашей, что я не слабая женщина въ такихъ случаяхъ. Разорвавъ однажды связи съ мужемъ, я никогда не сошлась съ нимъ. Такъ будетъ и съ дочерью.

Сколько ни убѣждалъ Суздалинъ Катерину Александровну, какъ ни умолялъ, она была непреклонна; ему оставалось покориться. Какъ ни увѣряла Можайская, что забыла давнюю обиду, но видно было, что она пользовалась теперь случаемъ сбросить все, что накипѣло въ ея мстительной душѣ, на того, кто осмѣлился ее однажды оскорбить.

Таечка, которой передали это рѣшеніе, была въ сокрушеніи. Между тѣмъ въ домѣ Можайской продолжались тѣ же грустныя сцены, о которыхъ разсказывала мистрисъ Гордонъ Суздалину. Гобуа, по возвращеніи изъ степной деревни, сдѣлался еще болѣе неограниченнымъ властителемъ надъ волею и сердцемъ Катерины Александровны. Она ничего для него не жалѣла; всѣ жалованныя отцу ея табакерки, перстни, рѣдкую библіотеку изъ ученыхъ и старинныхъ книгъ на разныхъ языкахъ подарила ему. Въ ослѣпленіи своей страсти она не таила ее много отъ домашнихъ,

узнали объ ней и посторонніе. Женщина, въ сорокъ лѣтъ, отдавшись вся такой страсти, дорожитъ ею болѣе всего, какъ бы чувствуя, что это ея послѣдняя любовь, ея послѣднее сердечное счастіе, съ потерею котораго нить жизни ея должна порваться. Таечка страдала; уваженіе къ матери едва ли не было потеряно. Гувернантка обращалась сухо съ хозяйкой дома, грубо съ французомъ; это поселило раздоръ съ обѣихъ сторонъ. Домъ раздѣлился на два лагеря. Гордонъ рѣшилась было совсѣмъ распрощаться съ этимъ домомъ, но привязанность къ Таечкѣ, состраданіе къ ея положенію и нѣкоторыя уступки приличія со стороны Катерины Александровны удерживали еще англичанку въ семействѣ Можайской.

При первомъ свиданіи Таечки съ Суздалинымъ, она подала ему руку и сказала такъ, что мать могла слышать:

— Будемъ ждать, но даю тебѣ слово, Мишель, что рука эта и сердце мое не будутъ принадлежать никому, кромѣ тебя, хотя бы всѣ власти міра вооружились противъ насъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ отъ нея записку съ Румянцевымъ:

«Милый другъ», писала она; «если ты меня любишь, если имѣешь состраданіе ко мнѣ, увези меня, я тягощусь жизнью».

Суздалинъ отвѣчалъ:

«Богъ свидѣтель, что я тебя люблю, что твое счастье, твое спокойствіе для меня всего дороже въ мірѣ. Готовъ пожертвовать для тебя жизнью своей, но не сдѣлаю того, о чемъ ты ко мнѣ пишешь. Чѣмъ болѣе тебя люблю, тѣмъ болѣе долженъ дорожить твоею честью, беречь твое имя. Подумай, что скажетъ свѣтъ, еслибъ я тебя увезъ. Имя твое съ насмѣшками ходило бы въ презрѣнной толпѣ, тебя осудили бы,

какъ вѣтренную дѣвочку, не разбирая ничего. Мать твоя... — Нѣтъ, милая Тая, я не сдѣлаю этого. Подождемъ, поручимъ себя Богу. Можетъ быть, Онъ сжалится надъ нами и пошлетъ намъ скоро лучшее время».

Таечка показала эту записку матери. Катерина Александровна прочла, сурово посмотрѣла на дочь и ничего не сказала, но вскорѣ увезла ее въ Москву. Здѣсь пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ оказалось вдругъ семнадцать. Въ театры, на балы, въ собранія, маскарады, вывозила ее мать, но сердце Таечки не поддалось этимъ обольщеніямъ, которыя такъ очаровываютъ молодую дѣвушку, вступающую первый разъ въ свѣтъ. Мишель,—одинъ Мишель занималъ ея душу. Съ ними не было Гобуа, только мистрисъ Гордонъ и Алиса сопровождали ихъ.

— Думаютъ прельстить меня этими игрушками,— говорила Таечка своей гувернанткѣ, — думаютъ отвести мои мысли отъ него... Это имъ не удастся. Никогда не любила я Мишеля такъ много, какъ здѣсь; всѣ молодые люди, которые ухаживаютъ за мною, кажутся мнѣ фатами, или такими же актерами, какихъ я вижу на сценѣ, только эти поумнѣе. Болтовня ихъ надоѣла мнѣ своею пустотою, она выказываетъ мнѣ еще болѣе умъ и душевныя качества Мишеля.

Среди разгара всѣхъ обольщеній, которыми Катерина Александровна окружала свою дочь, она затѣяла у себя балъ. Всѣ приготовленія сдѣланы, день назначенъ. Въ этотъ день она получаетъ письмо по эстафетѣ и, прочтя его, падаетъ въ обморокъ. Что написано было въ письмѣ, никто изъ домашнихъ не могъ узнать. На вопросы гувернантки и дочери она отвѣчала одними рыданіями. Только немедленно разосланы были гонцы съ отказомъ ко всѣмъ приглашеннымъ на балъ, а домашнимъ велѣно собираться въ дорогу.

Перенесемся въ Гостинцы. Главный управляющій Можайской, какъ называли Гобуа въ имѣніи ея и во всемъ околодкѣ, поѣхалъ въ одну ближайшую деревню усмирять крестьянъ, отказывавшихся работать въ праздничный день, не положенный по табели, но который они, по обычаю предковъ, чтили ненарушимо. Бурмистръ Савельичъ былъ въ отлучкѣ — онъ повезъ въ Суходольскъ подушныя. Гобуа хотѣлъ показать свою неустрашимость и твердость, рѣшился ѣхать одинъ съ слугою и кучеромъ. На дворѣ была глубокая осень. Дождь, наканунѣ и въ день отъѣзда его изъ Гостинцевъ, лилъ какъ изъ ведра. За полверсты отъ деревни, гдѣ должна была производиться расправа съ ослушниками, рѣчка, черезъ которую, въ иное жаркое лѣто, куры переходили, необыкновенно вздулась. Кучеръ доложилъ *барину*, не опасно ли переѣзжать ее. Отвѣтомъ ему былъ ударъ палкой по спинѣ и русскія бранныя слова, выученныя очень рѣчисто французомъ. Кучеръ медлилъ и, снявъ шапку, хотѣлъ еще что-то сказать. Но Гобуа грозно прикрикнулъ на него:

— Пошелъ, каналья, и ты за одно съ этими мошенниками!—Видя надъ собою палку, кучеръ повиновался. Въѣхали въ рѣчку. Скоро лошади потеряли подъ собою землю и поплыли, но посреди рѣчки напрасно болтали ногами, горячились, — экипажъ не трогался. Стремленіе воды, стѣсненное двумя крутыми берегами, было ужасное и разомъ захлестнуло экипажъ и лошадей. Около нихъ образовался водоворотъ. Кучеръ испугался, бросилъ возжи и кинулся въ воду, за нимъ и слуга. Какъ ни кричалъ изо всѣхъ силъ Гобуа и хотя деревня была въ виду, но, за противнымъ вѣтромъ, никто въ ней не слыхалъ крика, а, можетъ быть, и не хотѣлъ слышать. Слуга успѣлъ, съ большими усиліями, доплыть до противоположнаго берега; измученный борьбою съ сильнымъ стремленіемъ воды и тя-

жестью мокрой одежды, онъ съ трудомъ добрался до деревни и тамъ далъ знать, чтобы шли спасать управляющаго. Кучеръ, выбившись изъ силъ, пошелъ какъ ключъ ко дну. Только на третій день сыскали утопленника за нѣсколько верстъ ниже того мѣста, гдѣ онъ утонулъ. Пока мужички охали, надѣвали свои овчинные тулупы, на нихъ кафтаны и опоясывались, водоворотъ захлебнулъ экипажъ и лошадей и зарылъ подъ собою Гобуа. Какъ оказалось послѣ, когда воды сошли, огромный камень задержалъ ходъ колесъ съ одной стороны и опрокинулъ экипажъ на другую. Собравшійся на берегу народъ сталъ толковать, какъ вытащить повозку.

— Нутко, ребята, — сказалъ староста перекрестясь,—распоясывайтесь, да въ воду.

— Сунься-ка самъ, коли жизнь надоѣла, — отозвался одинъ крестьянинъ.

— Эка непогодь, Господи, словно свѣтопреставленіе!—замѣтилъ другой.

— Чай, и вода-то не теплѣе крещенской,—примолвилъ третій.

— Хоть бы лодку послалъ намъ Богъ отколь!

— Жаль, багровъ не принесли.

— Кабы веревку, да штофчикъ вина, такъ и быть, пустился бы на милость Божью.

— Да топоръ или ножъ порѣзать гужи.

— Нишни, ребята, кажись, вѣтеръ потянулъ съ другого бока, авось перевернетъ повозку.

Толковали, толковали такимъ образомъ, перебранились и, наконецъ, рѣшились послать въ деревню за веревками и топоромъ. Нашлись, однакожъ, молодцы, соскучившіеся дожидаться посланныхъ; русская удаль заговорила.

Свили изъ нѣсколькихъ кушаковъ двѣ веревки, и два охотника, опоясанные однимъ концомъ и придержи-

ваемые крестьянами съ берега за другой конецъ, поплыли къ мѣсту, гдѣ вскрывалось по временамъ, отъ всплеска водъ, черное пятнышко, означавшееся верхъ экипажа. Между тѣмъ несчастный Гобуа успѣлъ захлебнуться послѣднимъ глоткомъ воды. Богъ вѣсть съ какими мыслями оставлялъ онъ этотъ міръ. Я не имѣю волшебнаго дара провидѣнія, которымъ надѣлены нѣкоторые романисты, описывающіе то, что думали и чувствовали умиравшія въ ихъ романахъ лица, и потому отказываюсь отъ этого описанія. Когда вытащили Гобуа, онъ былъ уже мертвъ, свѣсившись всѣмъ туловищемъ своимъ ко дну рѣчки. Вѣроятно, онъ силился выскочить, но не могъ высвободить ногъ изъ подушекъ, чемодана и тюфяка, на него упавшихъ. Правой рукой стиснулъ онъ боковой карманъ пальто, какъ будто хотѣлъ, умирая, унесть съ собою то, что въ немъ хранилось.

Положили его на берегу рѣки, приставили караулъ и послали въ городъ объявленіе о *мертвомъ тѣлѣ*.

Наступила ночь. Взошелъ мѣсяцъ, небо прояснѣло, морозный вѣтерокъ потянулъ съ сѣвера. Караульные зажгли костеръ вблизи утопленника и повели бесѣду о *французѣ* и барынѣ шепотомъ, какъ будто боясь, чтобы онъ не услышалъ ихъ. Гобуа лежалъ съ обращеннымъ къ небу лицомъ; пышныя волны его бѣлокурыхъ волосъ, которые Суздалинъ называлъ львиною гривой, разметались по худой свиткѣ, положенной ему подъ голову. Лицо, сохранившее еще свои красивыя черты, то ярко освѣщалось красноватыми вспышками горѣвшаго костра, то мѣсяцъ обливалъ его своимъ мягкимъ свѣтомъ; по временамъ тѣнь мимолетныхъ облачковъ перебѣгала по немъ. Вѣтерокъ шевелилъ обнаженные сучья кустовъ и слышался въ нихъ шорохъ, какъ бы шепотъ полуночныхъ духовъ, налетавшихъ около утопленника; разлившаяся рѣчка глухо стонала. Жутко

стало караульщикамъ. Облитые заревомъ костра, они дико озирались, крестились и тѣснѣе жались другъ къ другу.

Только на третій день, за худыми дорогами и объѣздами, явился на мѣсто происшествія *судъ* въ полномъ комплектѣ:—исправникъ, становой, стряпчій и лѣкарь. Освидѣтельствовали наружность и одежду Гобуа. Съ трудомъ могли отнять окоченѣвшую руку отъ мѣста, въ которое она впилась. Боевыхъ знаковъ не оказалось. Денегъ на Гобуа не было, кромѣ мелкой монеты: въ жилетномъ карманѣ нашли золотые часы и на груди медальонъ съ портретомъ женщины, въ которой можно было тотчасъ узнать Можайскую. Изъ бокового кармана пальто, за который такъ крѣпко держался утопленникъ, вынули бумажникъ съ пачкою писемъ. Осмотрѣли мѣсто, гдѣ утонулъ Гобуа и велѣли отнести *мертвое тѣло* въ деревню на временную квартиру до перенесенія его въ вѣчную. По вскрытіи тѣла лѣкаремъ признаковъ насильственной смерти не нашли. Но крестьяне, по заведенному порядку, за то, что *мертвое тѣло* лежало на ихъ землѣ, принесли, кому слѣдовало, посильную дань. Затѣмъ, какъ водится, пошло и угощеніе. Судъ, уконтентованный и очищенною водкой, и сатуринскимъ и пр. и пр., послѣ тяжкихъ трудовъ предался отдохновенію. Стряхнувъ съ себя маки Морфея, пропустили еще по очищенной и закурили папироски и сигары (одинъ стряпчій, какъ отсталый, курилъ изъ трубки съ малымъ чубукомъ) и принялись за опись имущества, найденнаго на утопленникѣ. Табачный дымъ сначала разостлался по избѣ колеблющимися, легкими слоями, потомъ пошелъ ходить облачками, наконецъ, сплотился въ одну густую массу, сквозь которую, какъ сквозь флеровый занавѣсъ, едва видны были фигуры судейскихъ. Только иногда порывистое движеніе одного изъ нихъ прорѣзывало табач-

ный туманъ, и тогда колыхались волны дыма и одѣвали всѣ лица въ какую-то фантастическую драпировку. Въ эти минуты выступало обрюзглое, рябое лицо исправника, или постное лицо стряпчаго, то выглядывали рысьи глаза станового и шевелились его большія уши, будто хотѣли вычерпать въ себя каждое слово собесѣдниковъ, то мелькала на губахъ лѣкаря саркастическая улыбка. Изъ-за него выглядывала пассивная фигура писца, безмолвно и неподвижно сидѣвшаго въ ожиданіи приказаній начальства, за маленькимъ, хромоногимъ столомъ. Передъ нимъ лежали чистые листы бумаги и стояла помадная банка, замѣнявшая чернильницу. Стали разбирать пачку писемъ, но какъ они писаны были на французскомъ *діалектѣ*, то и поручили позаняться чтеніемъ ихъ лѣкарю, который, какъ говорили товарищи, на немъ *собаку съѣлъ*. Лѣкарь, читая, по временамъ хохоталъ отъ души.

— Чему ты смѣешься, кровопускатель?—спросилъ исправникъ.

— Ну, господа, потѣха, да и только,—отозвался лѣкарь, держась руками за бока,—дайте мнѣ перевести духъ, я подѣлюсь съ вами этими *парижскими тайнами*.

Оправившись отъ своего смѣха, онъ началъ переводить *избранныя* мѣста изъ писемъ Катерины Александровны къ Гобуа.

Переписка усыпана была самыми нѣжными именами, самыми жаркими выраженіями, какія можетъ только изобрѣсти страстная женщина, увѣренная, что ихъ прочтетъ только *онъ*, да Богъ. Могла-ли вообразить Катерина Александровна, что дорогія тайны ея сердца будутъ служить посмѣшищемъ для тѣхъ, кого она прежде не иначе называла, какъ челядью?

Довольно издѣвались надъ этой перепиской, довольно натѣшились ею, усмѣхался даже и писарь суда, готовившійся писать опись.

Становой глубоко призадумался, приложивъ пальцы съ нечищенными ногтями къ толстымъ губамъ.

— А что, господа, — сказалъ онъ значительно-стряхнувъ съ себя воликія думы,—будутъ магарычи, такъ я вамъ доставлю за эти письма важную сумму. Будутъ что ли?—спросилъ онъ опять,—говорите скорѣй, а то мы запишемъ ихъ въ опись, и тогда поминай, какъ звали, дорогую лисичку за хвостъ не поймаете. Не часто Господь посылаетъ такую богатую оказію. Не смѣяться надъ этими письмами, а цѣловать ихъ надо.

— Ужъ, конечно,—сказали исправникъ и стряпчій въ одинъ голосъ, смекая, въ чемъ дѣло.

— Пойдутъ на потѣху начальству, — продолжалъ становой,—а ему и безъ того довольно потѣхи въ театрахъ, да собраніяхъ, да надъ нашими мудрыми рапортами. Рѣшено, что-ли?

— Рѣшено!—отвѣчали въ одинъ униссонъ всѣ прочіе члены суда.

Уговорились: письма въ опись не включать, перевязать ихъ, какъ они лежали въ карманѣ утопленника, тою же самою подвязкой, какою связаны были, и вручить исправнику съ тѣмъ, чтобы онъ лично передалъ ихъ въ руки самой Можайской, а тамъ овому часть, овому другую, смотря по должностямъ и заслугамъ въ этомъ дѣлѣ.

— Чуръ, не забывать переводчика, — промолвилъ лѣкарь,—и чтобы не было львинаго дѣлежа.

На томъ и *положили*.

Пріѣхала Можайская въ Гостинцы, явился туда жь исправникъ и келейно, прежде свиданія съ нею, переговорилъ съ бурмистромъ Савельичемъ.

Савельичъ секретно доложилъ барынѣ, что пріѣхалъ исправникъ и привезъ какія-то письма и *патретъ*, найденные на покойникѣ.

— Гдѣ онъ?—спросила испуганная Катерина Александровна.

— Тутъ,—отвѣчалъ бурмистръ, указывая на дверь въ ближнюю комнату.

Она пошепталась съ Савельичемъ и велѣла позвать къ себѣ исправника.

Вошелъ къ Можайской вождь земской полиціи.

Казалось, преступница стояла передъ своимъ грознымъ судьей; она была блѣдна и дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Сударыня,—сказалъ исправникъ, держа въ рукахъ пачку писемъ, перевязанную подвязкой, медальонъ и часы,—эти вещи остались послѣ покойника. Мы могли бы отправить ихъ по начальству, но не сдѣлали этого, уважая тайну... частной переписки. Клянусь вамъ, ни я, ни мои товарищи не знаютъ по-французски и потому...

Катерина Александровна едва стояла на ногахъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчала она задыхавшимся отъ волненія голосомъ, принявъ отъ него пачку писемъ и медальонъ,—тысячу разъ благодарю васъ, благороднѣйшій человѣкъ. Часы позвольте оставить у васъ на память моей благодарности. Повѣрьте, я никогда не забуду...

Она подала ему дрожавшую, холодную, какъ ледъ, руку.

— Потрудитесь,—прибавила она, — повидаться съ моимъ бурмистромъ и переговорить съ нимъ на счетъ издержекъ за похороны...

Исправникъ не преминулъ повидаться съ Савельичемъ.

За каждую строчку писемъ отсчитано было едва ли не столько, сколько платили книгопродавцы и журналисты Пушкину за каждую строчку его стиховъ.

Суздалинъ получилъ отъ мистрисъ Гордонъ записку

слѣдующаго содержанія: «Гобуа утонулъ; наша лэди заперлась въ своей комнатѣ и никого не принимаетъ. Если она его истинно любила, жаль мнѣ ее: любовь многое прощаетъ. Странная судьба этой женщины! Мужъ ея утонулъ, и тотъ, кому она пожертвовала даже любовью своей дочери, имѣлъ ту же участь. Не скажу ничего болѣе. Послѣ суда Божьяго нѣтъ мѣста суду человѣческому. Подождите къ намъ пріѣзжать. Таисъ проситъ меня сказать вамъ, что она, побывавъ въ Москвѣ, любитъ васъ еще болѣе. Обнимаю васъ отъ души».

Черезъ нѣсколько недѣль Катерина Александровна сама послала за Суздалинымъ. Разумѣется, онъ спѣшилъ пріѣхать и, увидавъ ее, не могъ вѣрить глазамъ своимъ, та ли это Катерина Александровна, которую зналъ въ былое время, — такъ она ужасно перемѣнилась. Лицо ея пожелтѣло и осунулось, ей на видъ прибавилось десять лѣтъ.

— Я увѣрилась, — сказала она, — что моя дочь истинно васъ любитъ. Вы спасли ее отъ побѣга изъ дома родительскаго и позора свѣтскаго суда, — благодарю васъ. Передаю вамъ ее, сдѣлайте ея счастье.

Она позвала Таечку и, указывая на Суздалина, сказала:

— Вотъ женихъ, котораго твое сердце выбрало, благословляю васъ. Время вашей свадьбы будетъ зависѣть отъ васъ самихъ. Дайте мнѣ только поправиться силами.

Таечка бросилась на грудь Мишеля и первымъ поцѣлуемъ, который ему подарила, обручилась съ нимъ навсегда.

— Знаешь ли, Тая, — сказалъ онъ нѣсколько дней спустя, держа письмо въ рукѣ: — я получилъ письмо отъ Авдотьи Петровны Изумрудовой, — помнишь съ

придаточнымъ названіемъ: «Изумрудный-Крестикъ», о которой я тебѣ столько разсказывалъ—прочти.

— Бѣдная! бѣдная!—сказала Таечка со слезами на глазахъ, прочтя письмо:—жила въ довольствѣ, въ богаствѣ, съ людьми, которые замѣняли ей отца и мать, и вдругъ потерять все это!... О! какъ я рада, что ее увижу; я любила ее и прежде, заочно, а теперь полюблю еще болѣе.

— Все это хорошо, но какъ мы исполнимъ ея просьбу?

— Зачѣмъ? Мы ее пристроимъ у себя, она будетъ жить у насъ, какъ родная сестра. Вѣдь ты, Мишель, не откажешь?

— Еще бы, если бы это отъ меня зависѣло! Затрудненіе въ томъ, что она сама не согласится жить на чужихъ хлѣбахъ, на чужомъ содержаніи. Я знаю, она горда и не приметъ подарковъ... Надо пріискать ей мѣсто гувернантки, какъ она желаетъ.

— Постой, я вспомнила, нѣсколько дней тому назадъ ближайшая наша сосѣдка, Болтунова, просила мистрисъ Гордонъ пріискать ей гувернантку для девятилѣтней дочери своей. Люди богатые, предлагаютъ 600 рублей жалованья съ тѣмъ, чтобы знала языки французскій и англійскій.

— Въ ея познаніяхъ я увѣренъ, да, Богъ знаетъ, что за люди эти Болтуновы, они недавно пріѣхали сюда.

— Жена была у насъ однажды съ визитомъ, съ нею была и дочь. Мать показалась мнѣ такою грустною, и это придаетъ ей особенный интересъ, такъ и хотѣлось бы выпытать тайну ея сердца и утѣшить ее. Дочка премилая. Попытаемся. Они живутъ въ полуторѣ версты отсюда... мы будемъ навѣдываться, и если чуть не хорошо покажется у нихъ Изумрудовой, мы сейчасъ похитимъ ее.

Суздалинъ самъ повезъ письмо Гордонъ къ Болтуновымъ. Мужа не было дома. Онъ охотился за зайцами по свѣжимъ слѣдамъ ихъ, отпечатаннымъ на дѣвственномъ снѣгѣ, который охотники называютъ порошью. Жена, Анна Васильевна, приняла гостя. Это была женщина лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Пріятное и доброе лицо располагало въ ея пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было смотрѣть на нее безъ состраданія. Чрезвычайная худоба, томные, голубые глаза, въ которыхъ угасалъ огонь жизни, вынужденная улыбка на блѣдныхъ губахъ, худые пальцы, унизанные кольцами, ходившими на нихъ очень свободно, по временамъ сухой кашель, — все показывало, что она ненадолго жилица въ этомъ мірѣ. Болтунова прочла письмо мистрисъ Гордонъ и благодарила Суздалина, что взялъ на себя трудъ доставить его.

— Я давно знаю рекомендуемую вамъ особу,—сказалъ онъ,—и смѣло могу поручиться за ея познанія я прекрасныя душевныя качества.

— А молода она?—спросила Болтунова.

— Молода и очень хороша собою,—отвѣчалъ онъ; но, замѣтивъ, что при этихъ словахъ легкій румянецъ выступилъ сквозь восковую бѣлизну ея щекъ и въ томныхъ глазахъ ея выразился какой-то страхъ, онъ подумалъ:—«не ревнива ли эта госпожа»? — и спѣшилъ прибавить:—могу также ручаться, что она самой строгой нравственности.

— Признаюсь, — сказала Болтунова, опять краснѣя,—я имѣла двухъ молодыхъ гувернантокъ, одну француженку, другую русскую, и должна по совѣсти сказать, что обѣ отличались легкостью нравовъ. Занимались болѣе своею наружностью, нежели моей дочерью.

— Увѣряю васъ, mademoiselle Изумрудова въ этомъ отношеніи не дастъ вамъ повода на нее сѣтовать. Это

олицетворенная скромность; кокетства въ ней ни мало, строгія правила свои она доказала своею жизнью. Повѣрьте, вы найдете въ ней не только примѣрную воспитательницу вашей дочери, но и друга себѣ—если только... будете платить ей не однѣми деньгами, но и дружескимъ обращеніемъ. Говорю вамъ это, потому что во многихъ нашихъ домахъ гувернантокъ третируютъ, какъ наемную прислугу, которая должна исполнять всѣ прихоти господъ, удостоившихъ принять ихъ въ свой домъ. Предупреждаю васъ, она горда, несмотря на свою бѣдность и скромное происхожденіе. Малѣйшая тѣнь обиды можетъ возбудить негодованіе въ ея сердцѣ, впрочемъ всегда кроткимъ и любящемъ. Потерявъ ее, вы потеряете то, что вознаградить деньгами нельзя. Примите, Анна Васильевна, мое замѣчаніе, сказанное вамъ отъ искренняго желанья добра, какъ mademoiselle Изумрудовой, такъ вамъ и вашей дочери. Опять извините меня за откровенность, я имѣю честь видѣть васъ въ первый разъ и долженъ вамъ сказать: доброта, написанная на лицѣ вашемъ, ручается мнѣ, что вы полюбите другъ друга.

Суздалинъ успѣлъ только что вымолвить, какъ послышались на дворѣ звуки бичей и роговъ, лай и завываніе собакъ и вслѣдъ за тѣмъ горячій, охотничій разговоръ въ передней, вѣроятно съ псарями. Болтунову, конечно, успѣли доложить, что у него гость, между тѣмъ онъ не церемонился. Въ провинціи такихъ людей называютъ *санъ-фасонъ*.

Болтунова вздрогнула и закашлялась, но, видимо, старалась удержаться отъ кашля.

Вошелъ Иванъ Петровичъ Болтуновъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, съ усиками, закрученными въ колечко, плечистый, румяный, живой, совершенный контрастъ жены. Жена отрекомендовала другъ другу гостя и мужа, но позабыла второпяхъ

сказать о цѣли пріѣзда Суздалина. Болтуновъ сыпалъ французскими фразами, и все отборными. Какъ скоро хозяинъ и гость размѣнялись ходячею монетой привѣтствій, Иванъ Петровичъ поцѣловалъ руку у жены, назвалъ ее душкою, ангеломъ и спросилъ объ ея здоровьѣ такимъ нѣжнымъ, трогательнымъ голосомъ, какъ будто это здоровье было для него дороже всего.

— Вотъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Суздалину,—бѣдняжка все прихварываетъ. Хотѣлъ повезти ее на воды, да состояніе не позволяетъ.

Вбѣжала прехорошенькая дѣвочка, дочь Болтуновыхъ, присѣла передъ Суздалинымъ и поцѣловала руку у матери и отца. Иванъ Петровичъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, цѣловалъ въ глаза, цѣловалъ у ней руки; казалось, это былъ самый нѣжный супругъ и отецъ. Тутъ вспомнила Болтунова, зачѣмъ пріѣхалъ къ ней Суздалинъ.

— Madame Гордонъ, что живетъ у Можайской,—сказала она,—рекомендуетъ намъ для Лизы гувернантку; monsieur Суздалинъ такъ добръ, что самъ привезъ къ намъ это извѣстіе.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю,—отнесся Иванъ Петровичъ къ своему гостю, потрясая ему съ жаромъ руку,—давайте намъ гувернаночку для этой *игрушки*, только, сдѣлайте одолженіе, пострашнѣе, съ большими зубами, въ родѣ клыковъ, рябую съ огромнымъ крючковатымъ носомъ (при этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ уморительную гримасу, смотря на жену).

— Только пожалуйста не такую, что была у насъ послѣдняя,—перебила дѣвочка, надувши губки.—Поцѣлуетъ бывало, а на щекахъ останутся румяна и бѣлила, какъ пыль съ крыльевъ бабочки.

— Та, которую вамъ рекомендую, отъ одной ключевой воды румяна и бѣла,—отозвался Суздалинъ.

У Болтунова заискрились глаза.

— Только поскорѣе, какъ можно поскорѣе, monsieur Суздалинъ,—сказалъ онъ,—а то мать и отецъ такъ избалуютъ эту игрушку, что она скоро пойдетъ по нашимъ головамъ.

— Папаша, папаша, — сказала дѣвочка голосомъ, въ которомъ слышался упрекъ,—*эта* не пожалуется на меня, не такъ-ли?

Дитя съ любовью посмотрѣло на мать и прижало свою кудрявую головку къ ея груди.

— Вѣдь вы у насъ останетесь раздѣлить нашу хлѣбъ-соль, — сказалъ Болтуновъ, — мы постараемся угостить столичнаго жителя, чтобы онъ на насъ не жаловался, что мы отпустили его голоднаго.

— Охотно, — отвѣчалъ Суздалинъ, — только я не столичный житель, а суходолецъ, служу при губернаторѣ чиновникомъ особыхъ порученій; бывая на слѣдствіяхъ, пріучился быть неразборчивымъ на пищѣ.

При имени чиновника особыхъ порученій, Иванъ Петровичъ видимо сконфузился и вскорѣ сдѣлался до приторности любезенъ (Суздалинъ узналъ послѣ, что у него есть нечистыя дѣлишки въ губернскомъ правленіи и у предводителя дворянства. Болтуновъ, не любя въ домѣ своемъ старой мебели, какъ онъ говорилъ, почти каждый годъ бралъ въ услуженіе къ женѣ крестьянскихъ дѣвокъ, вообще хорошенькихъ, и, продержавъ у себя нѣсколько мѣсяцевъ, отсылалъ назадъ въ семейства; правда, во все время ихъ служенія у него, освобождалъ членовъ этихъ семействъ отъ барщины и оброка, да за то эта барщина и оброкъ ложилась на міръ. Суздалинъ узналъ также послѣ, что нѣжный супругъ бивалъ иногда жену за припадки ревности. У нихъ былъ сынъ, десяти лѣтъ, котораго онъ пріучилъ пить по нѣскольку бокаловъ шампанскаго и драться съ нимъ на саблях; мальчикъ отъ

этихъ родительскихъ потѣхъ заболѣлъ аневризмомъ и умеръ).

Обѣдъ былъ обильный и утонченный, вина отличныя, не обошлось безъ шампанскаго. Пили за здоровье гостя, его невѣсты, mademoiselle Изумрудовой, хозяйки, хозяина. Болтуновъ то и дѣло подливалъ Суздалину вина разныхъ цвѣтовъ, мѣстностей и лѣтъ. Гость пилъ умѣренно, за то хозяинъ безпрестанно очищалъ стаканы и бокалы.

— Видно, не служили въ каваллеріи,—замѣтилъ онъ,—а я всегда нездоровъ, если не орошаю каждаго блюда добрымъ виномъ. Что дѣлать, привычка—вторая натура.

Эти возліянія не очень понравились гостю, да и вообще манеры отставного каваллериста и притворно нѣжное обращеніе съ женою, возмущали душу.— «Есть у него деньги на тонкія, дорогія вина, дорогіе ликеры, отличный столъ, псарню, а для больной жены въ кошелькѣ засуха», думалъ Суздалинъ.

По выходѣ изъ-за стола, онъ замѣтилъ сквозь растворенную переднюю дверь, что тамъ сидѣли на полу, калачикомъ, по турецки, пять, шесть мальчиковъ и дѣвочекъ и что въ суповую чашу, стоявшую передъ ними, прислуга сваливала безъ разбора съ тарелокъ остатки кушаньевъ, не доѣденныхъ господами. Эту смѣсь изъ супа, соусовъ, жаренаго, салата и пирожнаго дѣти уписывали съ наслажденіемъ деревянными ложками, которыми въ антрактахъ колотили другъ друга по лбу. Компанія была превеселая.

— Что это за дѣти? — спросилъ гость Ивана Петровича.

— Знаю только, что у нихъ матери есть, — отвѣчалъ хозяинъ.—Нашъ русачокъ mauvais genre брякнулъ бы вамъ: жиро... фи! (Иванъ Петровичъ былъ жанра деликатнаго, и не договорилъ). Какъ бы вамъ

сказать помягче, поутонченнѣе—французы на это большіе мастера. Я за ними назову этихъ мальчугановъ и дѣвочекъ: enfants naturels, enfants trouvés.—Тутъ Болтуновъ сострилъ. — Enfants perdus могли бы быть,—прибавилъ онъ, смѣясь,—но для меня они не пропащіе. Пожалуй, изъ нихъ съ годами населится цѣлая деревня—все будущіе работники и работницы. И государству польза—современемъ подушныя...—L'humanité, снисхожденіе къ слабостямъ людскимъ,—прежде всего спѣшилъ поправиться Иванъ Петровичъ, увидя, что гость сдѣлалъ какую-то кислую мину, слушая его политико-экономическіе виды.—Я прошу этого правила для себя и исполняю его въ отношеніи къ другимъ. Можетъ быть, безъ меня, раки въ рѣкѣ или прудѣ полакомились бы этими несчастными.

— Но ваша супруга...—замѣтилъ Суздалинъ.

— О! съ этой стороны она безподобная женщина; надо такихъ искать днемъ да съ огнемъ. Мое желаніе для нея законъ.

Послѣ обѣда дворовыя дѣвки, разряженныя въ пухъ и прахъ, качались противъ оконъ господскаго дома на качеляхъ, пѣли пискливымъ голосомъ пѣсни, играли въ хороводы; слышался между ними хохотъ. Эти мелодіи, игры и смѣхъ не могли гармонировать съ болѣзненнымъ, грустнымъ видомъ Анны Васильевны.

Суздалинъ отдалъ отчетъ Таѣ и мистрисъ Гордонъ въ своей поѣздкѣ и отчасти передалъ имъ непріятныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ дома Болтуновыхъ.

Увѣдомили Изумруд ву объ открывшемся для нея мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы она считала его переходнымъ, пока не сыщется болѣе надежное. При этомъ случаѣ не утаили нѣкоторыхъ экцентричностей Ивана Петровича, о которыхъ можно было только написать ей.

Въ письмѣ посылались полученные отъ Болтунова за треть впередъ двѣсти рублей.

Авдотьѣ Петровнѣ надо было существовать;—она рѣшилась вступить въ домъ, который ей предлагали, утѣшаясь мыслью, что первое впечатлѣніе, сдѣланное Иваномъ Петровичемъ на Суздалина, могло быть ошибочно. Не безумный же, не звѣрь какой! Къ тому жь ей такъ расхвалили Анну Васильевну и дочку. Пріѣхала она и остановилась у Можайской. Катерина Александровна обласкала ее, Таечка была отъ нея въ восторгѣ, мистрисъ Гордонъ и Алисъ ее полюбили.

Скоро всѣ они были на *ты* и замѣнили Таечкой, Таей Дуней, Душей Таисію Дмитріевну и Авдотью Петровну.

— Знаешь ли, Дуня,—сказала ей однажды Таечка,—я тебѣ обязана своимъ счастіемъ.

— Какъ такъ?

— Твоимъ сходствомъ со мною,—отвѣчала она,—и разсказала первую встрѣчу свою съ Мишелемъ.

Въ самомъ дѣлѣ сходство было велико. Дуня, много выстрадавшая въ послѣдніе годы, казалась немного старѣе и блѣднѣе своего двойника.

Дали знать о пріѣздѣ ея Аннѣ Васильевнѣ, но предупредили, что отпустятъ ее не прежде, какъ за недѣли двѣ до свадьбы. Болтунова спѣшила познакомиться и познакомить дочь съ будущей ея гувернанткой. Съ обѣихъ сторонъ понравились.

Въ то время, какъ члены дома Можайской изъ высшаго этажа осыпали Изумрудову своими ласками и изъясненіями дружбы, изъ темнаго уголка *людской*, съ нижней *холопской* ступени, одинъ человѣкъ осмѣливается питать къ ней какую-то благоговѣйную, непонятную любовь. Этотъ человѣкъ былъ Іоасафъ Румянцевъ. Онъ узналъ отъ слуги Суздалина, что пріѣзжая барышня воспитанница луковскаго купца Патокина, и съ того времени вездѣ слѣдилъ за нею, искалъ ее, какъ собака ищетъ слѣды своего господина, у

котораго жила нѣсколько лѣтъ и котораго было потеряла.

Выходила ли она, выѣзжала ли изъ дома, онъ былъ тутъ у подъѣзда, и взглядомъ, выражавшимъ преданность, состраданіе, песью вѣрность, старался дать ей понять эти чувства. Часто, по вечерамъ, караулилъ онъ Дуню, когда она, при свѣтѣ свѣчей, появлялась у окна, и, казалось, ловилъ ея тѣнь, ложившуюся на дворѣ. Іоасафъ сблизился съ Парашей и успѣлъ вывѣдать отъ нея, какъ жили богато Патокины по смерти Семена Прохоровича, какъ разорилъ ихъ главный приказчикъ Опенкинъ, какъ Марѳа Михайловна умерла въ бѣдности, сынъ ихъ въ плѣну у французовъ, а воспитанница принуждена идти въ гувернантки. Онъ плакалъ, горько плакалъ, слушая Парашу, словно потерялъ кровныхъ ближнихъ. Замѣчательно было, что фамилія Патокиныхъ производила на него какое-то магическое, потрясающее дѣйствіе. На Опенкина, при этомъ разсказѣ, онъ точилъ кулаки и сыпалъ на него бранныя слова, какія могъ только придумать. Разъ, когда Изумрудова прогуливалась по саду по утоптанной на снѣгу тропинкѣ, ведущей къ пруду, Іоасафъ подкараулилъ ее и волей-неволей поцѣловалъ у ней руку.

— Что это за старичокъ?—спросила она однажды Таечку.

— Бывшій камердинеръ моего отца, — отвѣчала та, — служилъ ему долго и вѣрно, былъ съ нимъ въ чужихъ краяхъ и въ разныхъ мѣстахъ Россіи неотлучно.

Суздалинъ, слышавшій этотъ разговоръ, прибавилъ:

— Большой начетчикъ священнаго писанія и между тѣмъ большой любитель металла, который поэты называютъ презрѣннымъ. Онъ говоритъ, что все собираетъ деньги для маслеца на лампаду, которая горитъ

у него денно и ночно передъ образомъ Симеона Богопріимца. Не добьюсь отъ него, почему онъ особенно чтитъ этого святого. Только недавно узналъ я, что онъ даетъ крестьянамъ деньги въ ростъ, и порядочными кушами. Странный человѣкъ! Всѣ тайны нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ знаетъ, какъ будто долго жилъ между ними. Любитъ псалмопѣніе, поетъ съ душею, но все протяжно, какъ раскольники. Не разъ, проходя мимо его жилья, я слышалъ это пѣнье. Говоритъ:—«весь вѣкъ свой служилъ, а теперь некому»; это его очень огорчаетъ. Я его совершенно не понимаю. Священное писаніе твердо знаетъ, богомоленъ, строго исполняетъ посты, въ церковь ходитъ, а у священника на исповѣди и у святого причастія не бываетъ. Ссужая крестьянъ деньгами, беретъ съ нихъ небольшіе проценты и никогда не отказывается помочь имъ, лишь бы возвращали деньги въ срокъ; за то мужички остаются ему очень благодарны и уважаютъ его. (Суздалинъ узналъ, что покойный Можайскій былъ ему долженъ тысячу рублей и что Катерина Александровна, только недавно, по смерти Гобуа, заплатила ихъ, но не сказалъ этого при своей невѣстѣ). Этотъ чудакъ такъ меня заинтересовалъ, что я нарочно старался узнать подробности его жизни въ здѣшнемъ домѣ. О прежнихъ своихъ похожденіяхъ онъ неохотно говоритъ, и то, кажется, скрываетъ въ нихъ многое. Странно, у него вдругъ зараждается особенная симпатія къ нѣкоторымъ людямъ. Такъ замѣтилъ я, онъ васъ, Авдотья Петровна, очень полюбилъ.

— Я сама это замѣтила,—сказала Дуня,—гдѣ ни появлюсь, онъ тутъ, какъ будто выросъ изъ земли, и съ такою жалостью, съ такимъ участіемъ на меня смотритъ. Вотъ и теперь онъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

— Испытайте его,—сказалъ Суздалинъ,—подарите ему новый серебряный рубль; онъ особенно любитъ новую монету. Кстати у меня цѣлковый, только-что вышедшій изъ монетнаго двора.

Подозвали Іоасафа, Дуня подала ему серебряный рубль, игравшій своимъ дѣвственнымъ блескомъ.

— Это тебѣ на маслецо для лампадки,—сказала она.

Румянцевъ видимо обидѣлся и замахалъ рукою.

— Вамъ, барышня, нужнѣе, нежели мнѣ,—отвѣчалъ онъ,—развѣ любятъ только изъ-за денегъ? Мы хоть и холопы, однако и въ насъ не паръ, а душа человѣческая.

— А за что жь ты меня любишь?—спросила Дуня.

— Да такъ, полюбилъ да и только.

Параша на вопросъ Дуни, не знаетъ ли чего о бывшемъ камердинерѣ Можайскаго, Румянцевѣ, разсказала ей, какъ онъ плакалъ, когда узналъ, что пріѣзжая барышня — воспитанница луковскаго купца Патокина, какъ онъ проклиналъ Опенкина... — «Кабь можно,—говорилъ онъ Парашѣ,—пошелъ бы въ услуженіе къ твоей барышнѣ: не знаю, почему, такъ и тянетъ къ ней».

Суздалинъ, которому Дуня передала этотъ разговоръ, также разсказалъ ей, какъ Румянцевъ смутился, смотря на портретъ Володи, висѣвшій у него въ кабинетѣ.

— Странно! — думала Дуня, — а между тѣмъ, по его словамъ, онъ не знаетъ ни одного Патокина въ лицо.

Она рѣшилась какъ-нибудь разгадать этого сфинкса.

Катерина Александровна съ нѣкотораго времени предалась богомолью. Въ прежнее время она рѣдко посѣщала церковь, а теперь бывала даже у заутрени, служила молебны дома, панихиды по мужѣ на его могилѣ, надъ которою поставила приличный памятникъ,

и полюбила чтеніе духовныхъ книгъ. Не только находила она утѣшеніе въ исполненіи наружныхъ христіанскихъ обрядовъ, но старалась и добрыми дѣлами заслужить себѣ прощеніе у Бога въ своей прошедшей грѣшной жизни. Дуня, пользуясь этимъ религіознымъ настроеніемъ ея души, вызвалась читать ей книги духовнаго содержанія. «Ѳома Кемпійскій», въ переводѣ Сперанскаго, особенно нравился Катеринѣ Александровнѣ. Изумрудова читала такъ хорошо, такъ задушевно, что слова великаго писателя падали благотворнымъ, очистительнымъ огнемъ на душу слушательницы. Разъ, вечеромъ, послѣ такого чтенія, Катерина Александровна пожелала остаться одна; Таечка занята была разборомъ своего приданаго; мистрисъ Гордонъ и Алисъ помогали ей убирать и укладывать свадебную корзину. Дуня вспомнила о Румянцевѣ и пошла съ Парашей къ такъ называемой *людской*, гдѣ онъ въ нижнемъ этажѣ имѣлъ отдѣльную комнатку. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, небо усыпано было звѣздами, млечный путь пылилъ ими. Въ такую ночь, думала она,—Провидѣніе указало Сергѣю Семеновичу путь въ расторгуевскій сиротскій домъ, откуда онъ ее взялъ. И вотъ она опять сирота!.. Дуня съ Парашей подошли къ окну, гдѣ сквозь запушенныя морозомъ стекла свѣтился огонекъ и бросалъ яркую стрѣлу на снѣжный сугробъ. Протяжные, скорбные звуки лились изъ окна. Румянцевъ пѣлъ псаломъ: «Господи, да не яростію твоею обличивши мя». (Псаломъ Давида 5). Когда онъ дошелъ до стиха: (3) «Утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всю ночь ложе мое, слезами моими омочу постель мою», казалось, грудь его разрывалась на части, рыданія слышались въ его голосѣ. — Этотъ человѣкъ долженъ быть глубоко кающійся грѣшникъ,— подумала Дуня. Кончилось пѣніе, она легонько постучалась въ окно.

— Кто тамъ?—спросилъ Румянцевъ.

— Пріѣзжая барышня Изумрудова, — отозвалась Дуня.

Черезъ минуту зазвучала щеколда, и Румянцевъ встрѣтилъ свою гостью съ низкими поклонами, цѣловалъ у ней руки, называлъ ее золотою, изумрудною, сокровищемъ.

— Не ожидалъ такого счастія; истинно благодать Божія посѣтила меня,—твердилъ онъ впопыхахъ.

Вошли Дуня и Параша въ его комнату. Все въ ней было такъ чисто, такъ прибрано, лампадка горѣла передъ образомъ въ серебряной оправѣ. Старикъ засуетился; казалось, молодыя силы возвратились; онъ принесъ тяжелыя кресла и просилъ Изумрудову присѣсть.

— Да не ангелъ-ли Божій въ образѣ вашемъ посѣтилъ меня? — говорилъ Румянцевъ, — да этотъ день будетъ записанъ звѣздными лучами въ книгѣ живота моего. Грѣшникъ, великій грѣшникъ, недостойный такой благодати. Чѣмъ же потчивать васъ, мою дорогую гостью?

— Ты и такъ угостилъ насъ своимъ пѣніемъ,— сказала Дуня.—Не всякому посылаетъ Господь такую святую скорбь, какую мы слышали въ твоемъ голосѣ. Въ эти минуты удостоился ты стоять передъ лицомъ Бога, а это развѣ не великая милость человѣку?

— Нѣтъ, я грѣшникъ, великій грѣшникъ, — твердилъ онъ,—любилъ больно стяжаніе, золотому тельцу поклонялся.

Дуня утѣшала его, какъ могла, словами священнаго писанія, разсказывала ему примѣры великихъ грѣшниковъ, которые, искренно покаявшись, заслужили прощеніе Господа, напомнила ему разбойника, удостоеннаго перейти въ царство небесное, совѣтовала обратиться къ священнику.

Іоасафъ потупилъ глаза и ничего не отвѣчалъ.

— Слышалъ я, барышня,—сказалъ онъ, стараясь перейти къ другому предмету разговора, — что вы нанялись въ гувернантки къ Болтуновымъ?

— Такъ что-жь?

— Жаль мнѣ васъ. Изъ такого богатаго дома и въ гувернантки!

— Что-жь дѣлать, мой другъ? Воля Божья, надо смириться передъ ней.

— Все такъ, да домъ-то ненадежный.

— Я видѣла Болтунову, она мнѣ очень понравилась, женщина, мнѣ кажется, такая добрая.

— Барыня-то и добрая, до что-жь она въ домѣ? Своей воли не имѣетъ, подчасъ и самой колотушки достаются. Хворая, убитая... того и гляди протянетъ ножки. Ужь лучше ей на вѣки закрыть глаза, чѣмъ видѣть у себя содомъ. Жаль только дѣвочку, безъ нея, сердечная, очутится, словно въ цыганскомъ таборѣ. Молодецъ только и думаетъ о потѣхахъ. Не стоятъ у него гувернантки, и вы у нихъ не долго проживете, помяните меня. Михаилъ Андреичъ, кажись, баринъ умный и аккуратный, а тутъ оплошалъ. Я съ людьми ихъ имѣю знакомство; поразскажутъ, такъ дыбомъ волосъ встанетъ. Развратникъ, говорятъ, и по суду пошла жалоба отъ мужичковъ.

Дуня задумалась.

— Не могу теперь отказаться, — сказала она, — я ужь и двѣсти рублей получила впередъ.

— Поберегите ихъ, а если вамъ нужны будутъ деньги, возьмите у меня. Я недавно получилъ отъ барыни... долженъ мнѣ былъ покойный Можайскій.

— Опять спрошу тебя, за что-жь ты меня полюбилъ?

— Скажу послѣ... Часъ не приспѣлъ... все еще духъ мятется, немощь одолѣваетъ... Придите ко мнѣ

дня черезъ три; можетъ, буду готовъ: да только однѣ приходите.

Обѣщалась Дуня придти, не разгадавъ на этотъ разъ гостинцевскаго сфинкса.

На другой день получила она письмо отъ Лебединскаго. Онъ увѣдомлялъ ее, что, по неустойкѣ подряда, назначены торги въ расторгуевскомъ губернскомъ правленіи на продажу луковскаго дома, лавокъ и фабричныхъ зданій со всѣмъ заведеніемъ. Московскій домъ, по его настоянію, будетъ продаваться только тогда, когда этого имущества не достанетъ на покрытіе долга казнѣ. Письмо это подавало Дунѣ надежду, что, если уцѣлѣетъ московскій домъ, можно будетъ продать его по вольной цѣнѣ и уплатить долгъ генералу Огрызкову и тогда любимое Сергѣемъ Семеновичемъ Красное-сельцо достанется сыну его. Генералъ, которому Лебединскій сообщилъ это извѣстіе, говорилъ, что ничего такъ не желаетъ, какъ передать имѣніе Патокина его наслѣднику

Черезъ три дня Дуня явилась на rendez-vous, назначенное Румянцеву. Параша проводила ее до людской и воротилась. Онъ ждалъ барышню.

Румянцевъ былъ необыкновенно блѣденъ и дрожалъ.

— Садитесь, добрая барышня,—сказалъ онъ, указывая на кресла, — вамъ придется долго слушать то, что я буду вамъ разсказывать.—Я готовъ,—прибавилъ онъ, когда Дуня усѣлась, — не могу долѣе терпѣть. Слушайте и не пугайтесь: передъ вами воръ, грабитель.

Дуня дѣйствительно испугалась этого вступленія.

— Я не Іоасафъ. Слыхали-ль вы въ домѣ Патокиныхъ про Алешку, который во время пожара у нихъ укралъ 25 тысячъ изъ-подъ подушки умирающаго Семена Прохорыча, бѣжалъ съ этими деньгами и пропалъ.

— Слыхала.

— Я тотъ самый Алешка.

Румянцевъ остановился, замѣтивъ, что Изумрудова при этомъ словѣ вздрогнула, потомъ немного погодя началъ свой разсказъ.

«Отецъ мой былъ луковскій мѣщанинъ, ремесломъ бочаръ. Избенка на подпоркахъ, часто въ ней ни полѣна дровъ, ни куска хлѣба; мать моя, на которой мужъ срывалъ подъ часъ свое сердце отъ нужды и горя, или въ пьяномъ видѣ,—не тѣмъ онъ будь помянутъ,—вотъ, сударыня, какой жребій палъ на долю моихъ родителей. Мать моя умерла, только-что родила меня. Отецъ мой выпилъ косуху вина, постучался въ окно къ сосѣдкѣ и попросилъ ихъ помочь бабкѣ прибрать покойницу и ребенка. Съ этими словами онъ пропалъ. Въ то время была рекрутчина; черезъ нѣсколько дней узнали, что онъ нанялся охотникомъ въ солдаты, гулялъ на пропалую, леталъ на тройкѣ съ колоколами и глухарями, ѣлъ сладко, пилъ нѣмецкія вина. Протрезвился онъ какъ-то часика на два, сходилъ на могилу жены, отслужилъ на ней панихиду, поплакалъ надъ ней, понавѣдался обо мнѣ, перекрестилъ меня, перекрестился, и опять пустился въ разгулъ, и опять полетѣлъ на тройкѣ съ колоколами и бубенчиками. Видно, въ эти немногіе дни хотѣлъ попировать за всю прошлую и будущую горькую жизнь. Ему забрили лобъ. Съ того времени никто, никогда объ немъ болѣе не слыхалъ. Межъ тѣмъ добрая сосѣдка, вмѣстѣ съ бабкой, обмыла тѣло покойницы, снарядила и похоронила на свой счетъ, а меня взяла къ себѣ, хоть и сама была немного побогаче насъ. Добрые люди приносили на мое пропитаніе съ разныхъ дворовъ по плошечкѣ молока, мясники подарили коровьи сосцы и рожокъ. Надо было окрестить меня.— «Какой первый прохожій пойдетъ мимо двора, того и позову крестить»,—подумала сосѣдка ,и стала караулить у воротъ,—«кого Богъ пошлетъ мнѣ въ отцы крестные».

На счастье мое первый шелъ самъ голова Семенъ Прохорычъ Патокинъ-король. Сосѣдка разсказала ему про мое голое сиротство, про свой зарокъ и слезно взмолилась привести меня въ вѣру крещеную.

«— Воли Божіей не могу ослушаться, — сказалъ Семенъ Прохорычъ, — приходи съ ребенкомъ черезъ часокъ въ мою приходскую церьковь, а я къ тому времени приготовлю крестъ и бѣлье.—Окрестилъ меня Патокинъ-король, сыскалъ мнѣ кормилку и съ того времени имѣлъ обо мнѣ попеченіе. Все это мнѣ поразсказали, когда я подросъ и вошелъ въ разумъ. Мальчикомъ, лѣтъ двѣнадцати, взялъ меня хозяинъ къ себѣ въ услуженіе, обучилъ грамотѣ и счетамъ. Мало-помалу сталъ я находиться при его рукѣ. Полюбилъ онъ меня за то, что я содержалъ его опочивальню въ чистотѣ и порядкѣ. Какъ положитъ своею владычною рукой какую вещь или бумажку, такъ и клалъ я всегда на прежнее мѣсто, бережно смахнувъ изъ-подъ нея пыль. Да и на голосъ его былъ больно чутокъ. Бывало, спишь на войлочкѣ у дверей его опочивальни, а чуть крикнетъ: «Алешка»! я и сквозь сонъ слышу, да встрепенусь и стану передъ нимъ какъ листъ передъ травой. И на руку былъ чистъ. Лежитъ ли на столѣ серебрянная или золотая монета, позаришься на нее, перекинешь съ ладони на лодонь, полюбуешься, какъ солнышко въ ней играетъ, да и опять на мѣсто. За то даривалъ онъ мнѣ двугривенный, полтинничекъ, цѣлковый, разъ подарилъ и золотой, и всегда спроситъ, сколько въ нихъ начетомъ рублей и копѣекъ. Иной мальчикъ издержалъ бы на пряники, а я все коплю, да коплю, да любуюсь ими. Въ домѣ только и было рѣчи, что о деньгахъ, о барышахъ, какъ бы нажить болѣе, то и дѣло считали бумажки, считали серебро, золото. Заразился и я деньгами и сталъ падокъ на нихъ и все любилъ новенькія; появятся у меня ста-

рыя, тотчасъ мѣнялъ у Елизара Самсоныча. Подъ часъ спроситъ хозяинъ: «а что, Алешка, чай денежки свои пролакомилъ?» А я ему потокомъ серебрянныхъ такъ и выкачу на столъ изъ кошеля. Погладитъ меня по головѣ, да и промолвитъ: «копи, копи, Алешка, да накопи тысячу на черный день, не пропадешь, какъ отецъ». Узналъ Опенкинъ, что я накопилъ полсотню, да и взмани меня отдать ихъ въ ростъ черезъ его руки.—«Пройдетъ годъ»,—говорилъ онъ,—«на эту полсотню другую тебѣ доставлю». И въ самомъ дѣлѣ высидѣлъ онъ мнѣ черезъ годъ сотню. Росъ я и со мною росли мои деньги, да за то продалъ я душу свою сатанѣ. Что ни дѣлалось въ домѣ у Семена Прохорыча, какія рѣчи говорили, особливо про Елизара Самсоныча, все ему пересказывалъ, пересказалъ и то, что въ молодой нашей хозяйкѣ старикъ души не чаетъ, что она ворочать начала всѣмъ домомъ. Говорила, «воля ваша, батюшка, а Елизаръ вашъ мошенничаетъ». — «Поймай въ крупномъ дѣлѣ,—говорилъ старикъ,—такъ я имъ и съ потрохомъ тебѣ поклонюсь». Мнѣ минуло 19 лѣтъ. Сергѣй Семеновичъ уѣхалъ въ Англію, старикъ сильно заболѣлъ, лежалъ въ постели; Марѳа Михайловна поѣхала за тридцать верстъ въ монастырь, гдѣ былъ явленный образъ, помолиться за здравье болящаго, хотѣла тамъ отслушать всенощную, заутреню и обѣдню У больного подъ подушкой лежали въ пакетѣ 25 тысячъ рублей — хотѣлъ послать сыну въ Англію. Надписывалъ пакетъ Опенкинъ, а гдѣ деньги лежатъ, знали только Марѳа Михайловна, да я. Духъ лукавый шепнулъ мнѣ сказать про то Опенкину, а онъ и сталъ меня обольщать, какъ бы украсть ихъ.—«Того и гляди, умретъ старикъ, видишь, еле дышетъ», — говорилъ онъ,—«пожалуй, Марѳа Михайловна упечетъ тебя въ солдаты, вотъ ужь вчера задала тебѣ добрую потасовку, за то, что не скоро всталъ передъ ней». И

обѣщалъ мнѣ изъ этихъ денегъ пять тысячъ и паспортъ и научилъ бѣжать къ раскольникамъ. Я былъ молодъ, глупъ, прельстился на такое богатство и согласился.»

Румянцевъ глубоко вздохнулъ, какъ бы желая свалить съ груди тягость, которая его давила, помолчалъ минуты съ двѣ и потомъ продолжалъ дрожавшимъ, прерывистымъ голосомъ:

«Былъ часъ ночи. Елизаръ далъ мнѣ выпить стаканъ вина. Отъ роду не пилъ. Въ сердцѣ закипѣла отвага, хоть бы на чорта идти. Старикъ лежалъ съ закрытыми глазами. Полоумная старушка, жена его, спала въ ближней комнатѣ. Я вошелъ къ ней босыми ногами, на цыпочкахъ, и ввелъ туда же Елизарку. Старушка спала, прислуга ея за перегородкой храпѣла. Я задулъ лампадку, задвинулъ задвижку въ перегородкѣ, воротился въ опочивальню хозяина, поджогъ икону, занавѣсы, вытащилъ деньги изъ подъ подушки... Старикъ взглянулъ на меня мертвыми, оловянным глазами, таково грозно, поднялъ на меня кулакъ... Можетъ статься все это почудилось мнѣ по страху — куда и хмѣль дѣвался!

«Богъ свидѣтель, мы не трогали старика, онъ умеръ своею смертью... Только слышалъ я, какъ полуумная старушка разъ вскрикнула, только разъ, но таково страшно, инда меня чѣмъ-то по сердцу полоснуло—и замолкла... И теперь, какъ вспомню про этотъ часъ, за тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ, мнѣ все мерещется страшный взглядъ оловянныхъ глазъ Патокина и поднятая на меня рука его, мнѣ все слышится крикъ полуумной».

Румянцевъ опять остановился, помертвѣвшія губы его дрожали, холодныя капли пота выступили у него на лбу; онъ закрылъ глаза рукою, какъ бы хотѣлъ скрыться отъ видѣнія, которое его преслѣдовало. Въ

это время послышался надъ потолкомъ слабый крикъ и стенанія.

Какимъ-то ледянымъ холодомъ пробѣжало по сердцу Дуни. Ей самой стало страшно.

— Ничего,—сказалъ Румянцевъ, увидавъ, что его слушательница поблѣднѣла,—вверху живетъ кучеръ съ женой; у нихъ дѣвочка больна и мечется.

Тутъ Алексѣй, оправившись отъ собственнаго смущенія, разсказалъ, какъ онъ укрывался недѣли съ двѣ на чердакѣ у Опенкина (кормилъ его старый подъячій, тесть Елизара), какъ онъ, будучи въ бѣгахъ съ фальшивымъ паспортомъ, который далъ ему тотъ же подъячій, попалъ въ раскольничій скитъ. Тамъ увѣрили его, что если онъ перекрестится по ихнему, такъ съ новымъ именемъ, которое ему дадутъ при этомъ крещеній, всѣ старые грѣхи его останутся за Алексѣемъ. Перекрещенецъ Іоасафъ научился въ скиту божественному писанію, церковному пѣнію. Его считали тамъ лучшимъ пѣвчимъ. Но вслѣдствіи нашествія на обитель властей, которыхъ не могли *утолить* приношенія, онъ бѣжалъ, скитался долго въ Новороссійскомъ краѣ и купилъ себѣ новый паспортъ подъ именемъ херсонскаго мѣщанина Іоасафа Петрова Румянцева. Живя въ Одессѣ въ гостиницѣ буфетчикомъ, понравился Можайскому и съ того времени находился при немъ. Баринъ былъ картежникъ. Бывало, выиграетъ, такъ и сыплетъ деньгами, и ему не разъ давалъ по пригоршнѣ серебра, а дошелъ, наконецъ, до того, что самъ у него занялъ. И другіе игроки щедро даривали ему. Отпрашивался Іоасафъ у Можайскаго нѣсколько разъ, то на богомолье, то для свиданія съ родными, и въ то время видался съ Опенкинымъ. Въ послѣдній разъ ходилъ къ нему въ Луковки ужь изъ Гостиницъ. Въ то время былъ у него сынъ чиновникъ и тотъ, убоясь грозы, уговорилъ отца своего отдать ему, Алексѣю, тысячу рублей.

Условнымъ паролемъ было у нихъ слово: *горитъ*! Денегъ, полученныхъ отъ Опенкина и накопленныхъ у барина, Алексѣй не промоталъ, а отдавалъ ихъ въ ростъ, сначала подъ ручные залоги и, наконецъ, въ Гостинцахъ мужичкамъ *на вѣру*. Такимъ образомъ накопилъ до пяти тысячъ. Правда, находили на него, по временамъ, страхъ Божій, скорбь покаянія, но любостяжаніе брало верхъ.

— Съ того времени, какъвы пріѣхали сюда,—прибавилъ онъ, кончивъ свой разсказъ,—и я узналъ, что вы воспитанница Патокиныхъ, что они разорены по милости разбойника Опенкина, во мнѣ сильнѣе заговорилъ страхъ Божій. Не найду себѣ мѣста, сна не знаю. Только закрою глаза, то чертики передо мною прыгаютъ, то запылаетъ ликъ Симеона Богопріимца, то старики Патокины кричатъ мнѣ: «отдай, Алексѣй, деньги внуку Владиміру, и тогда Господь тебя помилуетъ».

Тутъ Алексѣй упалъ въ ноги Дунѣ, обнималъ ихъ, цѣловалъ и просилъ ее снять съ него тяжелый камень, который давитъ его денно и ночно.

— Дѣлайте со мною, что хотите,—говорилъ онъ,—выдайте меня головою суду, положу охотно повинную на плаху, мнѣ жизнь не въ мочь.

— Алексѣй, Алексѣй, что я сдѣлаю съ тѣмъ, что ты мнѣ открылъ,—сказала Дуня, грустно качая головой,—зачѣмъ признавался мнѣ? Ты смутилъ мою душу. Не мнѣ слабой женщинѣ, накладывать руки на грѣшника, не мнѣ разрѣшать твои узы. Только священникъ можетъ это сдѣлать. Положимъ, я нашла бы средство позвать тебя къ суду человѣческому; сердце мое этому противится, да и къ чему бы все это повело? Вспомни, сколько годовъ прошло съ того времени, какъ ты совершилъ преступленіе. Пойдутъ слѣдствія, разбирательства. Судъ человѣческій протянется годы...

Опенкинъ богатъ... ты сгніешь въ тюрьмѣ, а онъ, пожалуй, оправдается. Мертвые Патокины изъ могилы не встанутъ, да и живой отъ твоего несчастія не будетъ богаче.

— Такъ возьмите отъ меня деньги, отдайте ихъ наслѣднику, Владиміру Сергѣичу. Вотъ они, проклятыя!

Онъ выдвинулъ дощечку, искустно вдѣланную въ бревно стѣны, и вынулъ оттуда мѣшочекъ и старый бумажникъ, набитый кредитками.

— Онѣ жгутъ меня словно огнемъ геннымъ. Здѣсь ровно то, за что я продалъ душу свою сатанѣ. Деньги, которыя понадобятся на мои похороны и поминъ души, положены у меня особо въ сундучкѣ.

— Не будешь-ли грустить о деньгахъ? Ты ихъ такъ любилъ.

— Любилъ окаянныхъ, а теперь онѣ мнѣ противны. Возьмите ихъ, сберегите до Владиміра Сергѣича; неравно умру.

— Пожалуй, но я дамъ тебѣ въ нихъ росписку.

— Росписку, отъ васъ? Нѣтъ, душа ваша мнѣ порукой, что онѣ пойдутъ въ руки къ наслѣднику Патокиныхъ.

— Гдѣ я буду хранить такую сумму?

— Отдайте на храненіе Михайлѣ Андреичу, будто свои, онъ человѣкъ вѣрный.

— Всѣ знаютъ, что у меня нѣтъ денегъ.

— Сдѣлайте, какъ хотите, только избавьте меня отъ нихъ, не то наложу на себя руки.

Дуня взяла деньги и принесла ихъ домой. Здѣсь позвала къ себѣ Суздалина и просила сохранить эти деньги до прибытія Владиміра Сергѣевича изъ плѣна.

— Что за деньги — не спрашивайте меня, ради Бога, не говорите объ нихъ никому. Онъ... Іоасафъ

отдалъ мнѣ ихъ для Володи. Это его тайна и должна остаться между нимъ, мной и Богомъ.

Черезъ недѣли двѣ назначена была свадьба; Дуня собралась къ Болтуновымъ. Катерина Александровна взяла съ нея слово тотчасъ переѣхать въ Гостинцы, лишь только не понравится ей у сосѣда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Румянцевъ предсказывалъ вѣрно—Дуня мелькнула въ домѣ Болтуновыхъ, какъ молодой мѣсяцъ на небѣ, да и тутъ заволокла его черная туча. Иванъ Петровичъ, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ надъ женскимъ поломъ и каждый день отуманенный винными парами, сталъ не на шутку за нею ухаживать, цѣловалъ у ней, ни за что, ни про что, руки, отпускалъ ей разныя конфектныя любезности. Сначала она отдѣлывалась отъ нихъ шутками, намеками, но видя, что онъ ихъ не хочетъ понимать, выразила ему довольно рѣзко свое неудовольствіе. Когда Дуня замѣтила ему, что, по лѣтамъ своимъ, не считаетъ себя вправѣ принимать почтительныя изъясненія сыновней нѣжности вродѣ цѣлованья рукъ, онъ отвѣчалъ, что не имѣлъ глупой мысли видѣть въ ней старушку и скорѣй можетъ называть ее милой, очаровательной сестрицей, такъ какъ она Петровна, а онъ Петровичъ. Мало того, Болтуновъ подкупалъ Парашу, подпивши осмѣлился даже посягнуть на поцѣлуй въ полутемномъ коридорѣ, гдѣ подкараулилъ *свою* гувернантку и, когда она прочла ему грозную отповѣдь, имѣлъ дерзость сказать:

— Мѣщаночка, и еще спѣсива! На долго-ли?...

— Вы дворянинъ, а я, мѣщанка,—отвѣчала она,— должна вамъ сказать, что ваше поведеніе хуже, чѣмъ послѣдняго изъ вашихъ слугъ.

Послѣ такой перемолвки ей оставалось, не дожидаясь дальнѣйшикъ преслѣдованій россійскаго ловеласа, тотчасъ разстаться съ его домомъ. Но какъ это сдѣлать? Одной воли ея было не достаточно. Она взяла впередъ двѣсти рублей и должна была, во чтобы ни стало, возвратить ихъ; въ противномъ случаѣ Иванъ Петровичъ могъ требовать, чтобы она *зажила* эти деньги. У ней на лицо было только сто двадцать пять рублей; семьдесять пять издержаны были передъ отъѣздомъ изъ Москвы.

«Вотъ, въ какой суммѣ нахожусь я въ кабалѣ у этого негодяя,»—думала она, ходя въ сильномъ волненіи по своей комнатѣ. Прибѣгнуть къ Можайской или Суздалину было ей совѣстно и тяжело.

Горничная Параша, узнавъ отъ ней причину ея тревожнаго состоянія, спѣшила выручить ее.

— Возьмите изъ моей казны,—сказала она, — вы знаете, что бабушка Владиміра Сергѣича, умирая, отказала мнѣ деньги. Я ихъ тогда жь получила отъ Сергѣя Семеныча и сберегла на черный день, или...

Параша смутилась и не договорила.

— Для твоего приданаго, на случай свадьбы,— подсказала Дуня. — Ты спасаешь меня отъ большого горя, дружекъ.

Получивъ отъ Параши 75 рублей, она въ тотъ же день, безъ всякихъ переговоровъ съ Ивавомъ Петровичемъ, отнесла двѣсти рублей его женѣ, объявила, что немедленно выѣзжаетъ изъ дома и просила для себя лошадей до Можайской.

Болтунова, прощаясь съ Изумрудовой, крѣпко, крѣпко обняла ее и перекрестила. Объясненій между ними не было: причину отъѣзда Авдотьи Петровны

слишкомъ хорошо понимала бѣдная женщина. Лиза, успѣвшая полюбить свою новую гувернантку, горько плакала. Нельзя было безъ глубокой грусти смотрѣть на эти два несчастныя созданія: одна умирала медленною смертью подъ ударами домашняго палача, стараясь еще слабыми руками держаться за землю, на которой оставляла свое любимое дитя при отцѣ круглою сиротой; другая... Что могло ожидать ее впереди, послѣ смерти ея матери? У Ивана Петровича была сестра, старая, сердитая дѣва, подчинившая его своему властолюбію видами богатаго наслѣдства и потворствомъ его слабостямъ. Мысль, что Лиза попадетъ подъ ярмо этой суровой женщины, леденила сердце Болтуновой.

Дуня начала укладывать свои вещи и послала Парашу узнать, скоро ли будутъ готовы лошади. Параша возвратилась съ отвѣтомъ, что Иванъ Петровичъ строго на строго приказалъ не давать лошадей и не слушаться барыни. Тогда Дуня написала къ Можайской письмо, которымъ просила немедленно прислать за нею сани. Отнести это письмо никто бы изъ прислуги Болтуновой, конечно, не посмѣлъ. Параша и тутъ явилась на выручку своей госпожи, для которой готова была въ огонь и въ воду. Ночь была темная, частый снѣгъ, падавшій мокрыми хлопками, слѣпилъ глаза; по дорогѣ, хотя и недальней, попадались ужь зажоры; въ это время года волки, не умѣющіе выражать свою любовь къ своимъ нѣжнымъ половинамъ иначе, какъ жалобными завываніями, наводили ими страхъ на ночныхъ путниковъ. На всякій случай вооружась, не безъ смѣха, большими ножницами и напутствуемая благословеніями Дуни, Параша отправилась съ письмомъ.

Изумрудова, по уходѣ ея, наклонившись надъ чемоданомъ, спѣшила укладывать въ него свои вещи.

Кто-то, крадучись, вошелъ въ комнату. Она оглянулась, — у двери стоялъ Иванъ Петровичъ и шарилъ около замка, вѣроятно, искалъ ключа, чтобы запереть дверь; но, вспомнивъ, что онъ еще по утру вынулъ его для какой-то цѣли, скинулъ съ шеи галстухъ и сталъ имъ завязывать ручки у двухъ половинокъ двери. Глаза его горѣли, зловѣщимъ огнемъ; замѣтно было, что онъ порядочно вкусилъ винограднаго опіума, потому что руки его не твердо дѣйствовали.

Дуня, испуганная этимъ появленіемъ, поднялась и грознымъ голосомъ спросила, что ему надо.

— Вы не хотѣли со мной проститься, такъ я за этимъ самъ пришелъ,—отвѣчалъ онъ, усмѣхаясь.

— Выйдите вонъ, сударь, или я буду звать на помощь. Пускай прибѣгутъ сюда ваша жена, ваша дочь, вся ваша прислуга.

— Зовите, сколько угодно; жена и дочь подъ ключемъ, прислуга не посмѣетъ войти.

Болтуновъ продолжалъ завязывать ручки у двери. Тогда Дуня осмотрѣлась, соображая, какъ ей дѣйствовать противъ негодяя. Съ быстротою молніи она схватила со стола перочинный ножикъ и открыла клинокъ.

— Клянусь всемогущимъ Богомъ, — сказала она,— если осмѣлитесь только коснуться меня своими скверными руками, вы страшно поплатитесь за это. Помните, я защищаюсь отъ разбойника.

Въ эту минуту лицо ея было ужасно, глаза сверкали, въ голосѣ слышалась рѣшимость исполнить эту угрозу.

Клинокъ ножичка блеснулъ передъ глазами Болтунова.

Онъ видимо оторопѣлъ

Дуня это замѣтила и, пользуясь его смущеніемъ, съ необыкновенною силой, которую придавало ей отчаяніе, оттолкнула его такъ, что онъ пошатнулся, раз-

Онъ вспылилъ и поскакалъ къ Болтунову.

Его не приняли, между тѣмъ какъ онъ видѣлъ Ивана Петровича у окна.

Тогда Суздалинъ написалъ къ нему: «Я рекомендовалъ вамъ Авдотью Петровну Изумрудову, какъ сестру свою. Вы глубоко оскорбили ее. Принимаю это оскорбленіе на свое лицо и требую отчета въ вашихъ *низкихъ*, *подлыхъ* и *дурацкихъ* поступкахъ».

Болтуновъ отвѣчалъ: «Не угодно ли вѣдаться со мною на *гербовой*? А я, отецъ семейства, которому дорога его жизнь, не желаю подвергать ее опасности изъ-за клеветы какой-нибудь мѣщанки».

Онъ храбрился, потому что въ то же время выигралъ на гербовой свое прежнее дѣло по жалобѣ крестьянъ.

Суздалинъ, понимая, что Изумрудова не захотѣла бы, чтобъ имя ее ходило по присутственнымъ мѣстамъ, не сталъ вѣдаться съ Болтуновымъ судомъ, а составилъ слѣдующее домашнее свидѣтельство: «Дворянинъ Иванъ Петровъ, сынъ Болтуновъ, на благородный вызовъ, въ которомъ названъ былъ низкимъ человѣкомъ, подлецомъ и дуракомъ, отвѣчалъ, что за такія слова не желаетъ подвергать жизнь свою опасности, и потому мы свидѣтельствуемъ, что онъ призналъ за собою эти названія». Подписали Суздалинъ и еще трое лицъ, достойно уважаемыхъ въ обществѣ.

Свидѣтельство отослано къ Болтунову съ требованіемъ росписки въ полученіи. Росписки не дано. Но храбрый ловеласъ, испугавшись огласки, спѣшилъ уѣхать къ сестрѣ своей, въ какую-то дальнюю губернію, влача за собою свои жертвы и свой гаремъ.

Тѣмъ исторія эта и кончилась.

И вотъ, Дуня, какъ птичка, сгоняемая бурями съ одного гнѣзда на другое, опять въ домѣ Можайской до того времени, пока не сыщетъ себѣ новаго пріюта,

можетъ быть, такого жь горькаго, какъ у Болтуновыхъ. Ей рады, ей хорошо въ этомъ домѣ, ее такъ всѣ любятъ, но тайная грусть снѣдаетъ ее. Говорятъ о мирѣ, а Володи нѣтъ какъ нѣтъ.

Часамъ къ восьми вечера въ домѣ приготовленія къ свадьбѣ были въ полномъ разгарѣ. Модистки, выписанныя изъ Москвы, швеи, портнихи, разбирали бѣлье, наряды, примѣривали, укладывали, шили, гладили; домашняя прислуга, отъ важныхъ старухъ, сердито повелѣвавшихъ, до вертлявыхъ дѣвчонокъ, бывшихъ на побѣгушкахъ, суетилась и сновалась, какъ угорѣлая. Точно царство муравьевъ, когда наступилъ ихъ годовой, брачный пиръ!

Дуня сидѣла одна въ своей комнатѣ.

Съ полными слезъ глазами она смотрѣла то на портреты Марѳы Михайловны и Сергѣя Семеновича, то на портреты Володи, которые всѣ ужь ей одной принадлежали.

Какую грустную бесѣду вела она съ ними!

Вошла Параша. Погруженная въ свои мрачныя мысли, Дуня вздрогнула. Служанка, видимо оторопѣвшая, таинственно докладываетъ, что пріѣхалъ Суздалинъ изъ города и желаетъ ее видѣть.

— Суздалинъ только часа съ четыре уѣхалъ изъ Гостиницъ и не хотѣлъ быть нынѣ; что ему надо? Случилось что-нибудь необыкновенное.

— Можно къ вамъ войти?—спрашиваетъ Суздалинъ, стуча къ ней потихоньку въ дверь,—я не одинъ, со мною мой пріятель...

— Прошу, — отвѣчаетъ Дуня дрожащимъ голосомъ.

Дверь отворяется... Передъ ея глазами, отуманенными испугомъ, какой-то офицеръ, въ адъютантскомъ мундирѣ, съ солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ на груди; шрамъ перерѣзалъ одну изъ его бровей и по-

вторился на щекѣ и подбородкѣ, онъ немного прихрамываетъ.

— Володя! — вскрикиваетъ она, и падаетъ въ его объятія.

— Дуня, милая Дуня! — можетъ онъ только сказать, цѣлуя ее.

Суздалинъ оставляетъ ихъ однихъ.

Слезы, жаркіе поцѣлуи, еще никогда ею неизвѣданные, никогда еще такъ сладко не волновавшіе ея дѣвственной груди, разсказы безъ конца о послѣднихъ дняхъ его отца и матери (много горькаго для Володи было скрыто ею), безмолвное упоеніе любви,—все было перемѣшано въ этомъ свиданіи.

Рука въ руку, они оставались одни часъ, два, три' забывъ, что хозяйка дома не видѣла еще пріѣзжаго, забывъ цѣлый міръ. Что было съ ними со времени ихъ разлуки, какъ они любили другъ друга, когда это было имъ запрещено, что они перечувствовали въ это время, всѣ тайны души, которыя они скрывали отъ свѣта, отъ родныхъ, другъ отъ друга, которыя зналъ одинъ Богъ, раскрылись передъ ними.

— Не правда-ли,—спросилъ онъ Дуню,—я сталъ оченъ безобразенъ?

— Ты для меня все тотъ же красавецъ, какимъ знала я тебя прежде, какимъ для меня навсегда останешься,—отвѣчала она, крѣпко обвивъ его шею своими руками, цѣловала его въ лобъ и въ глаза, надъ которыми палашъ непріятеля оставилъ свой почетный слѣдъ.

Наконецъ они вспомнили, что находятся въ чужомъ домѣ и что ихъ, вѣроятно, ожидаютъ. Они вошли, держа другъ друга за руку, въ гостиную, гдѣ была и Катерина Александровна, на этотъ разъ нарушившая свою келейную жизнь. Гостинцевское общество ожидало ихъ съ видимымъ нетерпѣніемъ. Таечка пер-

вая замѣтила, что у нихъ на пальцахъ блестѣло по обручальному кольцу. Дуня горѣла отъ восторга. Она отрекомендовала всѣмъ своего жениха. Владиміръ Сергѣевичъ благодарилъ хозяйку дома за ея доброе, дружеское расположеніе къ Дунѣ, благодарилъ Таисію Дмитріевну, мистрисъ Гордонъ, маленькую Алисъ. Ужинъ былъ полуночный. Пили за здоровье и счастье *старыхъ* и *новыхъ* жениха и невѣсты. Сама Катерина Александровна оживилась, приняла участіе въ общихъ разговорахъ и была любезна, какъ въ былое время. Владиміръ Сергѣевичъ разсказывалъ много интереснаго о своемъ плѣнѣ. Она отзывалась *своимъ* домашнимъ, и тѣ соглашались съ ней, что несмотря на боевые знаки, лицо его не потеряло той привлекательности, какую находили прежде въ портретахъ его. Умная, пріятная рѣчь его очаровала гостинцевское общество.

На другой день Дуня вспомнила объ Алексѣѣ. Она удивилась, что тотъ, кто такъ интересовался молодымъ Патокинымъ и ждалъ его съ такимъ нетерпѣніемъ, не пришелъ къ нему даже до сихъ поръ. На спросъ объ немъ ей сказали, что Іоасафъ сильно заболѣлъ, ужъ исповѣдывался и причастился. Когда за нею послали лошадей къ Болтуновымъ, онъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать за *своей* барышней, вскочилъ въ сани, между тѣмъ какъ лошади тронули, и сильно ударился грудью объ козлы. Несмотря на боль, онъ все-таки поѣхалъ за ней и, принимая ее изъ дому Болтуновыхъ, не показалъ ей вида, что страдаетъ.

Дуня, вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, поспѣшила навѣстить Румянцева и нашла у него священника. Больной едва дышалъ, но увидавъ дорогихъ гостей, силился улыбнуться, между тѣмъ слезы пробивались изъ глазъ. Владиміръ Сергѣевичъ обнялъ его; Дуня поцѣловала. Священникъ передалъ имъ, что глубоко покаявшійся *Алексѣй* разрѣшенъ отъ гоѣховныхъ узъ вла-

стію нашего Спасителя и объявилъ, что умирающій подтвердилъ свою волю на счетъ пяти тысячъ оставляемыхъ въ наслѣдство молодому Патокину.

Черезъ два часа Алексѣя не стало.

Владиміръ Сергѣевичъ собирался выдти въ отставку, но такъ какъ дивизія, которой начальникомъ былъ его генералъ, взявшій его послѣ плѣна опять къ себѣ въ адъютанты, должна была по прибытіи съ похода расположиться въ суходольской и смежной губерніяхъ, то и пріѣхалъ онъ въ Суходольскъ съ офицеромъ генеральнаго штаба для составленія квартирной дислокаціи. Послѣ исполненія этой обязанности, онъ твердо намѣренъ былъ разстаться съ военною службой, въ которой его состояніе не позволяло ему долѣе оставаться. По случаю даннаго ему порученія онъ обязанъ былъ явиться къ губернатору.

Въ пріемной сидѣлъ, какъ и прежде, Хрюконовскій, погруженный въ дремоту, на креслахъ, носившихъ его имя. Услыхавъ бряцанье шпоръ, онъ встрепенулся. Вошедшій офицеръ былъ съ крестомъ на шеѣ, и потому Никодимъ Ивановичъ расшаркался передъ нимъ и съ должною деликатностью спросилъ, что ему надо.

— Мнѣ нужно дежурнаго,—отвѣчалъ сухо Владиміръ Сергѣевичъ.

Явился дежурный.

— Доложите губернатору,—сказалъ онъ ему,—что пришелъ адъютантъ такого-то генерала, гвардіи штабсъ-капитанъ Патокинъ и имѣетъ надобность переговорить съ его превосходительствомъ.

При этомъ имени Никодимъ Ивановичъ, до сихъ поръ не узнавшій бывшаго Володю, поблѣднѣлъ и кряхтя спѣшилъ ускользнуть изъ пріемной. Губернаторъ тотчасъ велѣлъ просить къ себѣ Патокина въ кабинетъ. Какъ нарочно, въ кабинетѣ сидѣлъ и дру-

гой старинный пріятель Володи, бывшій старшина «*Благороднаго Собранія*» и мужъ Минервы въ «своемъ родѣ».

Владиміръ Сергѣевичъ, исполнивъ свои служебныя обязанности, подалъ въ отставку и, до разрѣшенія ея, получилъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Можайская просила его оставить у нея Авдотью Петровну до того времени, пока трауръ по отцѣ его и матери на кончится и онъ не приведетъ дѣлъ своихъ въ порядокъ.

Въ Москвѣ, только что выпрыгнувъ изъ почтовой телѣжки, онъ бросился къ своему стряпчему, Лебединскому.

— Поздравляю тебя, другъ, — закричалъ Орестъ Григорьевичъ, обнимая его,—поздравляю тебя съ возможно благополучною развязкой твоихъ дѣлъ. Московскій твой домъ уцѣлѣлъ, за него даютъ съ перваго слова болѣе того, что ты долженъ генералу Огрызкову. Я только на дняхъ изъ Расторгуева. Имѣніе твоего отца, кромѣ этого дома, пошло съ торговъ за хорошую цѣну, несмотря на всѣ козни Опенкина, чтобы удержать его за собою. Онъ употреблялъ и подкупъ и подобралъ къ торгу людей подъ масть себѣ, которымъ обѣщалъ *отступныя*. Ему не удалось купить фабрику. На первыхъ торгахъ она осталась было за нимъ, но я заранѣе имѣлъ осторожность увѣдомить объ этой продажѣ Джонса, какъ онъ просилъ твою мать. Пріѣхалъ Джонсъ, наддалъ значительную сумму и вырвалъ фабрику изъ рукъ мошенника. Луковскій домъ и лавки, стоявшіе отдѣльно въ описи, достались, однакожъ, этому бездѣльнику. Богатую мебель изъ дома я успѣлъ вывезти въ Красное-сельцо.

— Да, другъ, онъ стоитъ прекрасныхъ эпитетовъ, которыми ты его честишь,—сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ, и передалъ Лебединскому исторію Іоасафа-Алексѣя.

Эта исторія сильно взволновала молодого адвоката.

— Кабы не умеръ, кабы не умеръ!—твердилъ онъ, ударяя себя въ лобъ, и не сказалъ ничего болѣе, но видно было, что онъ сильно озабоченъ и замышляетъ что-то.

На другой день, рано утромъ, явился къ Владиміру Сергѣевичу адвокатъ его.

— У меня въ головѣ,—сказалъ онъ,—вчера вечеромъ, на сонъ грядущій, явилась во всеоружіи, какъ Минерва въ головѣ Юпитера, великолѣпная мысль. Я хочу доказать нашимъ стряпчимъ-крючкамъ, что не одни они способны на геніальныя штуки, которыя изъ рода въ родъ передаются на удивленіе приказнаго люда. Если моя штука удастся, ее стоитъ напечатать въ любомъ европейскомъ юридическомъ журналѣ.

— Я знаю,—замѣтилъ Володя,—что ты не любишь коптѣть надъ трудными юридическими журналами, не любишь долго соображать, обдумывать, перебирать мысленно всѣ шансы pro и contra, а дѣйствуешь прямо, по вдохновенію свѣтлой минуты, на шахъ и матъ. Ты и въ университетѣ удивлялъ профессоровъ экспромтами. Только смотри, не кипятись, какъ они же тебѣ наказывали. Но въ чемъ дѣло?

— Это моя тайна. Осуществится—юристы, слѣдователи, мнѣ будутъ рукоплескать, не осуществится,—она такъ и останется тайною. А покуда мы съ тобою простимся на нѣсколько дней. Всѣ твои акты подготовлены къ окончательной подписи, и ты отпустишь меня на этотъ срокъ.

По отъѣздѣ Лебединскаго Владиміръ Сергѣевичъ продалъ свой московскій домъ, расплатился съ генераломъ Огрызковымъ и пріобрѣлъ отъ него по купчей Красное-сельцо, съ которымъ, и за продажею части лѣса, можно было бы еще безбѣдно жить. Онъ оста-

вался еще въ Москвѣ для совершенія окончательныхъ актовъ по своимъ дѣламъ.

Въ Луковкахъ, въ домѣ, бывшемъ Патокина, кипѣла работа. Новый владѣлецъ, Опенкинъ, отдѣлывалъ его подъ трактиръ, харчевню, кабакъ, лавки и постоялые дворы. Себѣ онъ отдѣлилъ только три комнаты въ нижнемъ этажѣ и кладовую подъ сводами. Изъ оконъ могъ онъ любоваться на фабричныя зданія и слышать, какъ весело покрикивалъ паровикъ и стучали машины. Сердце его надрывалось отъ злости, что не ему принадлежитъ фабрика, а заклятому врагу его, Джонсу. Онъ, въ чаяніи обладать ею, записался даже въ купцы 1-й гильдіи. Судьба въ этомъ случаѣ горько надъ нимъ подшутила и разрушила всѣ его лучшія надежды. Правда, его богатству, въ лицѣ его, низко и пренизко кланялись луковскіе граждане, даже на выборахъ предлагали его въ головы, однакожъ не выбрали, сказали: «*нельзя, подъ колоколами прошелъ*».

О данной ему пощечинѣ никто не зналъ, а если бы и знали, стоило ли разсуждать о такой бездѣлицѣ. Всѣ эти неудачи сильно озадачивали его, несмотря на уваженіе къ нему города и на то, что сундучокъ его, окованный жестью, заключалъ къ себѣ едва ли не на милліонъ начетомъ. Онъ терзался и придумывалъ, какъ бы стереть англичанина долой съ глазъ своихъ. Но эти безконечныя думы лились, лились, какъ потоки воды въ бездонную бочку. Казалось, крикъ паровика съ каждымъ днемъ сильнѣе и веселѣе торжествовалъ побѣду надъ нимъ Джонса. Въ этомъ тревожномъ состояніи застало его письмо отъ сына, Самсоши. Прочтя его, Елизаръ Самсоновичъ зарыдалъ, можетъ быть, первый разъ въ жизни, рвалъ на себѣ волосы и, на спросъ стараго подъячаго, тестя своего, кричалъ только: «Самсоша! Самсоша! пропала моя голова! Мнѣ не для чего болѣе жить; зароюсь живой въ землю».

Письмо это было бѣдно строками, но чревато содержаніемъ. Самсоша зарвался на фортеляхъ, его отдавали подъ военный судъ. Будущій генералъ, который нѣкогда мысленно рисовался передъ отцомъ своимъ съ лентою черезъ плечо, могъ ожидать себѣ, вмѣсто ея, солдатскую лямку. Самсоша просилъ и денегъ. Полученныя отъ Патокина по векселямъ, нѣжный родитель умѣлъ прибрать къ себѣ на сохраненіе. Елизаръ Самсоновичъ послалъ ему небольшую сумму.—«Больше не пошлю»,—говорилъ онъ тестю,— «Самсоша уменъ, выпутается, какъ знаетъ, а я не намѣренъ разоряться за его оплошность». Въ ожиданіи, что какой-нибудь фортель спасетъ сына, онъ успокоился. Но судьба стала нагонять на его голову ударъ за ударомъ, какъ онъ нѣкогда нагонялъ ихъ на голову своего благодѣтеля.

Въ одно прекрасное утро явился къ нему Лебединскій. Опенкинъ былъ одинъ.

«— Горитъ! Алексѣй!» —говоритъ ему громовымъ голосомъ роковой посѣтитель

Опенкинъ поблѣднѣлъ, затрясся и не зналъ, что сказать, лицо его ужасно подергивало.

— Слушай,—продолжалъ Лебединскій,—сообщникъ твой Алешка открылъ мнѣ все. Вы украли съ нимъ изъ-подъ подушки умиравшаго Патокина-короля 25 тысячъ, ты закрылъ подушкой лицо полоумной жены его, чтобы она не кричала, держалъ у себя на чердакѣ своего сообщника, твой тесть далъ ему фальшивый паспортъ. Алешка, бывши въ бѣгахъ, жилъ въ Брянскихъ лѣсахъ въ скиту. Потомъ онъ бѣгалъ по Новороссійскому краю, досталъ себѣ новый паспортъ подъ именемъ херсонскаго мѣщанина Іоасафа Петрова Румянцева, жилъ въ Одессѣ въ гостиницѣ, оттуда перешелъ къ барину Можайскому, теперь живетъ у вдовы его, въ суходольской губерніи и уѣздѣ, въ

сельцѣ Гостинцахъ. Слушай еще. Въ запрошлый годъ онъ приходилъ къ тебѣ въ Луковки за разсчетомъ. У тебя былъ тогда сынъ, комиссіонеръ 7-го класса Самсонъ Елизаровъ. Этотъ сынокъ заставилъ тебя отдать ему изъ условленныхъ съ тобою за воровство денегъ тысячу рублей. Алексѣй со мною здѣсь въ Луковкахъ, и ждетъ только моего слова, чтобы заявить все въ судѣ. Съ нимъ его старый паспортъ, который смастерилъ твой тесть, и новый.

Безстрашный доселѣ Опенкинъ, герой во всѣхъ отчаянныхъ случаяхъ жизни, прошедшій сквозь огонь и воду, на этотъ разъ оплошалъ, струсилъ и растерялся. Внезапность появленія Лебединскаго и открытія роковой тайны, которая, думалъ онъ, похоронена на вѣки, мысль о каторгѣ, о потери богатства, о письмѣ сына, отняли у него всѣ умственныя и душевныя силы. Надъ нимъ сбывалась пословица: «и на мудреца находитъ простота».

Онъ нашелъ только слова, чтобы просить пощады.

— Хорошо, — сказалъ Лебединскій, — я стряпчій, крючокъ, и готовъ помириться съ тобою на деньгахъ. Помни, твоя судьба въ моихъ рукахъ. Внеси мнѣ сумму, украденную у старика Патокина, и тогда я спрячу концы въ воду.

Опенкинъ сталъ было торговаться, но Лебединскій былъ неумолимъ.

— Ты укралъ 25 тысячъ, отдалъ 4 тысячи Алешкѣ, онъ возвратилъ ихъ, возврати и ты двадцать одну тысячу. Разсчетъ милостивъ. Клянусь, ни копѣйки не возьму менѣе.

— Но кто поручится мнѣ, что вы не затѣете новаго дѣла?

— Вотъ тебѣ мое послѣднее слово. Ты отдашь мнѣ деньги съ запиской, что въ благодарность къ памяти твоего благодѣтеля, Сергѣя Семеныча Патокина, ра-

зореннаго неудачнымъ подрядомъ, ты, отъ своего достоянія, нажитаго у него многолѣтней службой, бережливостью и частными оборотами, вносишь сыну его, гвардіи штабсъ-капитану Владиміру Сергѣичу, черезъ посредство его повѣреннаго такого-то, 21 тысячу. А я дамъ тебѣ росписку тоже, какъ повѣренный его, что никогда, ни по какому дѣлу, какое бы впредь могло возникнуть со стороны Патокина, его повѣренныхъ и даже служителей, бывшихъ, и нынѣшнихъ, какія бы имена они ни носили, несмотря на давность времени могущаго открыться иска, я ручаюсь за себя и за упомянутаго наслѣдника Патокина не начинать никакого дѣла; въ противномъ случаѣ обязываюсь я, или онъ, наслѣдникъ, заплатить такому-то купцу Опенкину вдвое полученныхъ отъ него денегъ.

— Могу ли повидаться съ Алексѣемъ?

— Не иначе, какъ въ судѣ или въ полиціи, если ты не согласишься на мое предложеніе. Принеси мнѣ сейчасъ деньги; черезъ полчаса будетъ поздно. Если ты согласишься, черезъ часъ насъ въ Луковкахъ не будетъ и ты насъ никогда не увидишь. Во всемъ, что я сказалъ тебѣ на счетъ нашего условія, клянусь тебѣ Всемогущимъ Богомъ. Какъ законникъ, скажу тебѣ еще: ты самъ долженъ разсудить, что я не могу затѣять съ тобою вновь дѣла, не подвергнувъ себя отвѣтственности за то, что, зная теперь твое преступленіе, не предалъ тебя сейчасъ слѣдствію и суду.

Опенкинъ, подумавъ немного, отправился въ другую комнату и переговорилъ съ тестемъ. Старый подъячій, испуганный переданною ему вѣстью, совѣтовалъ помириться.

— Развѣ не истратишь болѣе, когда поведутъ дѣло,—говорилъ онъ, —да еще сколько хлопотъ, сколько мытарства и волокиты предстоитъ! Пожалуй, еще за-

садятъ насъ въ острогъ. Надо покориться судьбѣ; видно, таково наше счастіе!...

Опенкинъ воротился къ своему обличителю и отсчиталъ ему 21 тысячу.

Съ обѣихъ сторонъ даны были условленныя записки.

Передъ выѣздомъ изъ Луковокъ, торжествующій адвокатъ написалъ Опенкину письмо, въ которомъ была только одна строка: «*Я тебя обманулъ—Алексѣй умеръ*».

Когда Опенкинъ прочелъ это роковое посланіе, ему почудилось, что паровикъ на фабрикѣ Джонса разразился необыкновеннымъ крикомъ, какъ будто надъ нимъ злобно насмѣхался.

Нѣсколько дней ходилъ онъ, какъ шальной, потомъ исчезъ. Искали его также нѣсколько дней и нигдѣ не могли найти. Странно, однакожъ, показалось работавшимъ въ домѣ и проходившимъ мимо его, что со времени, какъ пропалъ хозяинъ, надъ крышей неотвязчиво вились стаи воронъ и вороньевъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ влетали въ разбитое окно во фронтонѣ. Сходили на чердакъ. Опенкинъ висѣлъ, удавленный въ петлѣ веревки, продѣтой черезъ рѣшетникъ крыши. Страшно было на него взглянуть; птицы выклевали у него глаза, лицо было обезображено слѣдами ихъ когтей и клюва. Пришедшіе на чердакъ, отъ ужаса и отвращенія, отхлынули назадъ.

Когда рабочіе, при помощи полицейскихъ служителей, уносили его съ чердака, одинъ изъ нихъ не преминулъ скинуть съ него сапоги, какъ это обыкновенно, по русскому повѣрью, дѣлается съ самоубійцами.

По приказанію тестя, начали отыскивать сундучекъ, окованный жестью, въ которомъ хранились деньги Опенкина: перерыли все отъ фундамента до крыши, всѣ мышьи норы, но сундучка не нашли. Таскали въ полицію и кухарку Ѳеклу, и стараго подъячаго, и ра-

ботниковъ, но, за неимѣніемъ уликъ въ похищеніи, ихъ скоро освободили. Дворникъ, при показаніяхъ, вспомнилъ, что за день до того, какъ исчезъ хозяинъ, была по его приказанію запряжена лошадь въ телѣгу; Елизаръ Самсоновичъ положилъ въ нее что-то тяжелое, завернутое въ рогожу, взялъ съ собою заступъ, ѣздилъ куда-то и къ разсвѣту возвратился домой; въ телѣгѣ ужь ничего не было. Рѣшили, что Опенкинъ зарылъ гдѣ-нибудь свое сокровище и потомъ повѣсился. Стали отыскивать по окрестностямъ свѣжихъ слѣдовъ рытой земли, но нигдѣ ничего не нашли. Вѣроятно, онъ бралъ заступъ для *отвода*, а бросилъ сундучекъ въ озеро или въ рѣку. Трудились также много всякими снастями и всякимъ способомъ, чтобы отыскать сокровище на днѣ окрестныхъ водъ, много измучилось людей на этихъ поискахъ,—и все напрасно. Можетъ быть, какой-нибудь счастливецъ изъ позднихъ нашихъ потомковъ отыщетъ богатый кладъ, истинно богатый, потому что Опенкинъ умѣлъ въ разное время промѣнять большую часть своихъ бумажныхъ денегъ на золото и серебро.

Лебединскій, въ дружескомъ кругу, съ какою-то мефистофельскою злостью хвалился своимъ адвокатскимъ подвигомъ.

— Не славное ли это дѣло,—говорилъ онъ, — перваго мошенника въ Россіи надуть!

Несмотря на дружескія убѣжденія Владиміра Сергѣевича, Лебединскій изъ полученныхъ отъ Опенкина денегъ ничего не взялъ, кромѣ тѣхъ, которыя должна ему была Марѳа Михайловна по разсчету Изумрудовой.

— Когда я буду безъ крова и насущнаго хлѣба,— говорилъ онъ Патокину,—я приду подъ кровъ твой и сяду за твой столъ, какъ семьянинъ вашъ.

Изъ этихъ денегъ отдѣлена тысяча рублей съ лихвою, пожертвованная крестьянами Краснаго-сельца

на похороны Сергѣя Семеновича; порядочная часть употреблена, тайно отъ Лебединскаго, на обезпеченіе его семейства, изъ списка котораго выбылъ ужъ отецъ, и приданое его сестрамъ; дана приличная награда Пестрикову за его честность и претерпѣнныя имъ невзгоды, назначена сумма на постоянную школу.

Изъ Москвы Владиміръ Сергѣевичъ поѣхалъ прямо въ Луковки. Здѣсь онъ помолился надъ могилами отца и матери, дѣда и бабки, и просилъ ихъ благословенія на бракъ его съ Дуней. Горячія слезы его пали на нѣмыя насыпи земли, возвышавшіяся надъ ихъ прахомъ.

Свиданіе его съ Джонсомъ,—было свиданіе двухъ братьевъ. Отъ Джонса узналъ онъ, что въ почтовой конторѣ ожидаетъ его страховое письмо и двѣ посылки.

Страховое письмо было за черными печатями. Распечатавъ его, онъ съ грустнымъ предчувствіемъ прочелъ подъ нимъ подпись: *Антонина Звениславская.*

Письмо, писанное на французскомъ языкѣ, было слѣдующаго содержанія:

«Рука Господня отяготѣла надъ нашимъ домомъ. Съ годъ тому назадъ фамильный нашъ склепъ сталъ населяться новыми пришельцами, однимъ за другимъ. Сначала умеръ мой отецъ, потомъ мачиха, немного погодя старшій братъ. Не успѣла я скинуть траура по нимъ, какъ меньшой братъ мой, Вицентій, возвратившійся въ сильной чахоткѣ изъ крымской кампаніи, послѣдовалъ за ними. Какъ все разсчетливо и предусмотрительно было устроено, чтобы обстановить его будущность всѣми возможными благами! Оставалось ему только сѣсть за пиршественный, роскошный столъ жизни, чтобы вкусить ихъ. И все это Господь сокрушилъ однимъ своимъ дуновеніемъ.

«Изъ фамиліи Звениславскихъ, среди гробницъ ея, осталась я одна, живымъ памятникомъ суеты человѣ-

ческихъ суетъ. Вмѣсто того, чтобы все богатое состояніе досталось молодому человѣку, столько обѣщавшему и которому столько дано было, готовому идти подъ брачное благословеніе съ прекрасною, такою же богатою, да еще сіятельною невѣстой, все это состояніе пало на долю хилой, старой дѣвы, которая имѣла только одно помышленіе — укрыться въ святой обители отъ земныхъ обольщеній. Я и теперь намѣрена свято исполнить этотъ обѣтъ, какъ скоро устрою свои земныя дѣла. Капиталы, мнѣ доставшіеся, съ благословенія моего духовнаго отца, передаю въ эту обитель. Недвижимое имѣніе мое переходитъ къ моимъ дальнимъ родственникамъ, которыхъ законъ не позволяетъ мнѣ обойти въ пользу болѣе близкихъ мнѣ людей. Жалѣю, что тотъ же законъ воспрещаетъ мнѣ удѣлить часть изъ населеннаго имѣнія моей племянницѣ Eudoxie, по причинѣ ея происхожденія; сожалѣю, что насъ раздѣляетъ и вѣра, признаваемая нашимъ святѣйшимъ отцомъ, папою — простите мое выраженіе—еретическою.

«Во время предсмертныхъ своихъ мученій, братъ мой, мой Вицентій завѣщалъ мнѣ послать, по оставленному вами адресу, портретъ нашей несчастной сестры Розаліи дочери ея, живущей въ вашемъ домѣ.— «Это долгъ чести»,—говорилъ онъ.—Къ этой посылкѣ онъ приказалъ мнѣ присоединить бриллiантовый фермуаръ съ жемчужнымъ ожерельемъ, назначавшійся его невѣстѣ. — «На память объ дядѣ, который ее любилъ, хотя и не зналъ»,—прибавилъ онъ,—«принявъ этотъ подарокъ, она докажетъ, что не питаетъ ненависти къ памяти Звениславскихъ, и успокоитъ мои кости».

«Съ великимъ удовольствіемъ и благоговѣніемъ къ волѣ моего брата, исполняя ее, прошу нашу племянницу Eudoxie позволить теткѣ ея заочно принять ее въ

свои горячія объятія, а васъ — изъявить мое вамъ почтеніе и преданность».

Патокинъ пожалѣлъ о добромъ молодомъ человѣкѣ погибшемъ такъ рано, можетъ быть, жертвою пристрастія и баловства своихъ родителей и непорядочной жизни, составилъ себѣ по письму понятіе объ Антонинѣ Звенославской, и погоревалъ, что предразсудки и изувѣрство дѣлятъ еще человѣчество на враждебныя другъ другу партіи; но всѣ эти гореванія слетѣли съ его сердца при мысли о пріобрѣтеніи для Дуни портрета ея матери.

Въ Красномъ-сельцѣ крестьяне, предувѣдомленные сыномъ генерала Огрызкова о скоромъ пріѣздѣ ихъ молодого помѣщика, встрѣтили его у терассы дома съ хлѣбомъ-солью и искренними изъясненіями своей любви. Тутъ были и прежніе служители стариковъ Патокиныхъ. Владиміръ Сергѣевичъ благодарилъ ихъ и объявилъ крестьянамъ, что, сверхъ уплаты денегъ, которыя они пожертвовали на похороны отца, даритъ имъ, вмѣсто процентовъ, усадебную ихъ землю. Вмѣстѣ съ этимъ обрадовалъ ихъ вѣстью, что скоро пріѣдетъ ихъ молодая хозяюшка, давно имъ знакомая. Этотъ день былъ настоящій праздникъ для Красносельцевъ. Въ господскомъ домѣ все, до малѣйшей бездѣлицы, оставалось на прежнемъ мѣстѣ; садъ былъ содержанъ въ той же чистотѣ и исправности, какъ и при старикахъ Патокиныхъ. Казалось, они только вчера выѣхали изъ Краснаго-сельца—съ такимъ благороднымъ и тонкимъ вниманіемъ сынъ Огрызкова умѣлъ сохранить имѣніе для настоящаго его владѣльца. Правда, въ оранжереяхъ недоставало самыхъ дорогихъ растеній и плодовыхъ деревъ, проданныхъ для удовлетворенія назойливыхъ кредиторовъ Сергѣя Семеновича, но изгнаніе этой роскоши не огорчало сына его, тѣмъ болѣе, что онъ самъ желалъ ее сократить.

Въ тотъ же день окрестныя болота огласились ожесточенными ружейными выстрѣлами Парфена, который спѣшилъ выместить на бѣдной красносельской дичи время, потерянное имъ вдали отъ ней, въ мѣстахъ, гдѣ стрѣляли одну Алкивіадову безперую птицу, годную только въ пищу каннибаловъ.

Нетерпѣливо сталъ ожидать Владиміръ Сергѣевичъ свою невѣсту.

Пріѣхала Дуня, и не одна. Ее провожала сама Катерина Александровна Можайская, пожелавшая быть ея посаженой матерью, *молодые* Суздалины, мистрисъ Гордонъ и Алисъ.

Разумѣется, не обошлось безъ слезъ, когда Дуня вступила въ домъ, напоминавшій ей такъ живо всю ея протекшую жизнь и ея благодѣтелей, которыхъ отсутствіе изъ него накидывало на всѣ предметы мрачную тѣнь. Обходя съ своимъ женихомъ комнаты и войдя въ назначенный ей кабинетъ, она изумлена была появленіемъ въ немъ портрета прекрасной, молодой женщины, ей незнакомой.

— Что это за портретъ? Откуда онъ? — спросила Дуня, —его никогда не было въ домѣ.

— Отгадай, мой другъ.

— Какъ я могу отгадать? Интересное лицо этой красавицы я никогда не видала.

— Не скажетъ-ли тебѣ твое сердце?

— Знаю только, что мое сердце взволновано, а какимъ чувствомъ—не понимаю.

— Это портретъ твоей матери.

— Моей матери? Какимъ образомъ?... Нѣтъ, я не вѣрю.

— Прочти это письмо,—отвѣчалъ Владиміръ Сергѣевичъ, отдавая ей письмо Антонины Звенисла вской.

— Бриллiантовъ мнѣ не надо, не надо!—вскрикнула

она, когда прочла письмо,—вотъ мои брилліанты, мое сокровище, котораго мнѣ недоставало.

И бросилась она на колѣни передъ портретомъ, потомъ цѣловала его руки, становилась передъ нимъ, заходила съ боку, чтобы въ него хорошенько всмотрѣться. Восторгъ ея описать нельзя.

Владиміръ Сергѣевичъ передалъ ей исторію своего знакомства съ Вицентіемъ Звениславскимъ.

— И этимъ безцѣннымъ подаркомъ я обязана твоей любви,—сказала она жениху, принявшему ее въ свои объятія.

По совѣщаніи съ нимъ, она написала къ теткѣ своей, будто выросшей изъ земли, письмо, въ которомъ болѣе всего благодарила за присылку портрета.

«Этотъ подарокъ дороже мнѣ всего, — прибавляла она.—Хотѣла бы отказаться отъ другого, но не смѣю по смыслу завѣщанія добраго дяди Вицентія. Долгомъ почитаю увѣдомить васъ, что я на дняхъ вступаю въ бракъ съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Патокинымъ. Этотъ союзъ вознаграждаетъ меня за все, въ чемъ судьба отказала мнѣ при рожденіи. Я богата и счастлива его любовью, довольна состояніемъ, которое мы съ нимъ будемъ имѣть, и никакого другого богатства не желаю. Прошу васъ принять изъявленія горячей благодарности, уваженія и любви

«преданной вами навсегда
«племянницы *А. И.*»

Скромно, въ кругу друзей, Авдотья Петровна и Владиміръ Сергѣевичъ отпраздновали свою свадьбу.

Какъ-то, года два тому назадъ, собрались у Патокина нѣсколько пріятелей его на крестины дочери, въ томъ числѣ два молодые сосѣда, кончившіе свое образованіе въ московскомъ университетѣ и вполнѣ оправдавшіе его своимъ благороднымъ образомъ мыслей и

твердыми правилами жизни. Когда мужчины остались одни въ кабинетѣ хозяина, зашелъ у нихъ жаркій разговоръ о назначеніи женщины, объ ея воспитаніи, наконецъ, эмансипаціи. Стали толковать о русской женщинѣ въ особенности. Одинъ изъ собесѣдниковъ приводилъ въ примѣръ слова какого-то авторитета: «что русскія женщины едва ли способны на великіе подвиги».

— Вотъ дѣло бы другое испанки, гречанки, итальянки, — перебилъ Суздалинъ голосомъ, въ которомъ слышалась горькая иронія,—въ нихъ течетъ не рыбья кровь нашихъ сѣверныхъ жителей. Кто сказалъ это, сказалъ великую клевету. Оставимъ пока вопросъ объ эмансипаціи женщинъ; онъ ввелъ бы насъ въ жаркіе споры, которые все-таки были бы безплодны. Намъ теперь другая эмансипація нужна [1]). Одно могу только утверждать: истинно любящая женщина,—мать ли она, жена, дочь,—для того, кого она любитъ, если нужно для отечества, подъ знаменемъ этой любви, готова будетъ на всякую жертву, на всякій трудный подвигъ. А какъ способна русская женщина на такія жертвы, на такіе подвиги, могъ бы я представить вамъ сотни примѣровъ. Начнемъ хоть съ нашего восемнадцатаго столѣтія. Вспомните княгиню Долгорукову, урожденную Шереметеву. Вспомните еще почти изъ того же времени жену канцлера Андрея Ивановича Остермана, урожденную Стрѣшневу. Когда императрица Елизавета Петровна велѣла ей сказать:—«что она можетъ оставаться безъ мужа на свободѣ, жить, гдѣ ей угодно, и пользоваться доходами съ богатыхъ помѣстій»,—жена ссыльнаго отвѣчала только русскою пословицей: «*куда иголка, туда и нитка*». Напомню еще вамъ нашихъ аристократокъ, послѣдовавшихъ въ 20-хъ годахъ, ужь

---

[1]) Это было говорено до манифеста 19-го февраля.

нашего вѣка, за своими мужьями въ суровое изгнанье. Избалованныя нѣгою и роскошью жизни, онѣ стали стряпать кушанье на арестантовъ, мыть бѣлье въ ледяныхъ прорубяхъ. Помянемъ также и нашихъ сестеръ милосердія въ Севастополѣ.

— Прекрасно, Мишель,—сказалъ съ жаромъ Лебединскій.—Я и самъ нѣкогда грѣшилъ языкомъ противъ русскихъ женщинъ; но съ нѣкотораго времени образумился и раскаялся, а это случилось, когда я узналъ одну... Она была не изъ аристократическаго семейства... жила въ здѣшнемъ домѣ... Эта женщина пожертвовала своимъ здоровьемъ, жизнью, чтобы только спасти честь мужа. Я могъ бы сказать еще объ *одной*, которой вся жизнь была посвящена дѣламъ самоотверженія, любви и добра къ ближнему, но не смѣю... мужъ ея здѣсь. Я только въ душѣ моей благоговѣйно произношу ея имя.

Володя съ чувствомъ пожалъ руку Лебединскому.

Войдя въ спальню жены, кормившей дитя своею грудью, онъ поцѣловалъ и благословилъ ребенка, поцѣловалъ съ особенною нѣжностью и мать.

— Не правда-ли,—сказала она, — что наша Дуня твой вылитый портретъ?

— Дай Богъ, другъ мой, чтобы она во всемъ походила на тебя,—отвѣчалъ Володя.

Джонсъ женился... на комъ бы вы думали? — На мистрисъ Гордонъ, которая нѣсколькими годами была старше его. Онъ познакомился съ нею въ Красномъ-сельцѣ, увидалъ Алису и полюбилъ ее, какъ родную дочь. Дѣвочка эта напоминала ему Дуню—«изумрудный-крестикъ», когда привезли ее Патокины изъ сиротскаго дома.

Черезъ два года по укрѣпленіи Краснаго-сельца за Владиміромъ Сергѣевичемъ послѣдовала эмансипація крестьянъ, юношескія мечты его осуществились. Въ

Красномъ-сельцѣ почти нечего было преобразовывать: крестьяне остались на прежнемъ положеніи:—платили умѣренный оброкъ и пользовались землею, какою и прежде пользовались. Выкупъ ея былъ для нихъ легокъ, тѣмъ болѣе, что усадебная земля имъ подарена. Слышно было, что Патокинъ хотѣлъ записаться въ купцы и торговать хлѣбомъ, но это намѣреніе не осуществилось: его выбрали въ мировые посредники. Можно быть увѣрену, что онъ, несмотря ни на какія перегородки, свято выполнитъ свои высокія обязанности. Дуня сдѣлала *свое* дѣло, *его* дѣло еще *впереди*. Мы знали его доселѣ только добрымъ, благороднымъ юношей и такимъ же молодымъ человѣкомъ.

Лебединскій продолжалъ *стряпать*,—какъ онъ говорилъ,—по частнымъ дѣламъ. Онъ ждетъ гласнаго судопроизводства и, если Россія получитъ его, примется за настоящее адвокатство.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

стр.

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

Часть третья и четвертая 1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ [redacted]ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1899

Дозволено цензурою. Спб., 20-го марта 1899 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 1-я л., д. № 5—7.

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

Посвящается Гал. Ал. Леб...вой.

I

Былъ полдень одного изъ дней августа 1862 года. Лѣтнее солнце, на прощанье съ жителями Москвы, хотѣло порадовать ихъ еще своими теплыми ласками. Въ это время ковылялъ въ гору, по правую руку Кузнецкаго Моста, господинъ въ свѣтломъ пальто англійскаго суровья, просторно сидѣвшемъ на худощавомъ его тѣлѣ. Ему казалось лѣтъ за шестьдесятъ, но, можетъ быть, разныя житейскія невзгоды не поскупились накинуть нѣсколько лишнихъ лѣтъ на его наружность. Соломенная шляпа съ широкими полями ограждала отъ лучей солнечныхъ его блѣдное, добродушное лицо. Въ рукѣ у него былъ небольшой узелъ, завязанный въ фулярѣ. Не занимали его любопытства выставленныя въ окнахъ магазиновъ роскошныя вещицы, отчасти выписанныя изъ-за границы, отчасти

дѣлаемыя въ Россіи подъ именемъ иностранныхъ. Продавцы ихъ, тоже иноземцы, пользуясь пристрастіемъ нашимъ ко всему заграничному и, можетъ быть, справедливымъ недовѣріемъ къ отечественнымъ издѣліямъ, берутъ съ насъ за свои товары по 50 процентовъ на сто. Иные, накопивъ на Руси богатые капиталы, уѣзжаютъ во-свояси, гдѣ въ благодарность за наше простодушіе бранятъ на весь свѣтъ дикообразную Московію, набившую ихъ карманы своимъ золотомъ. Правда, есть благородныя исключенія. Между прочими справедливо сохранить память одного изъ нихъ, Депре́, который, умирая въ Парижѣ, завѣщалъ похоронить его прахъ въ Москвѣ, гдѣ онъ нажилъ свое богатое состояніе.

Остановился, однакожъ, старикъ противъ магазина Даціаро, всегда привлекавшаго къ своимъ окнамъ толпу прохожихъ—отдохнуть ли онъ хотѣлъ, или взглянуть на картины. Вѣроятно, онъ былъ близорукъ, потому что, уставивъ глаза въ окно, прищурился и наложилъ ладонь на стекло окна, по которому переливались лучи солнечные. Вскорѣ подошелъ другой господинъ, молодой, и, ставъ подлѣ него, приступилъ къ такому же созерцательному бездѣлью. Хотя на немъ было широкое лѣтнее пальто, но въ посадкѣ его стана видно было, что онъ привыкъ носить военный мундиръ и, вѣроятно, только-что недавно скинулъ его.

— Ея ужъ нѣтъ, — сказалъ съ грустью старикъ, качая головой.

— Кого?—спросилъ его поручикъ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Старикъ былъ видимо изъ такихъ личностей, которыя въ минуты особеннаго настроенія души готовы излить ее хоть незнакомцу. По природѣ ли, или исходивши жизнь подъ гнетомъ разныхъ тяжкихъ обстоятельствъ, или отъ старости, онѣ склоняются къ дѣтству.

— Здѣсь, — отвѣчалъ онъ, поощряемый къ откровенности свѣтлымъ взглядомъ и добрымъ, пріятнымъ лицомъ своего спутника, — была раскрашенная англійская гравюра, — не величка, но какъ много говорила она сердцу! На ней изображена была красивая молодая женщина. У полуобнаженной груди ея лежалъ младенецъ. Видно было, она только-что откормила его. Ребенокъ засыпалъ и сквозь сладкій сонъ улыбался ангельскою улыбкой. Еслибъ вы видѣли, какъ смотрѣла мать на свое дитя. Любовь и блаженство выражались въ голубыхъ глазахъ ея. Да, сударь, блаженство—это чувство отъ неба; счастіе называю я наслажденіемъ земнымъ.

— Жаль, что я не видалъ этой картинки, — сказалъ молодой человѣкъ, вглядываясь въ старика и занятый болѣе его личностью, чѣмъ разговоромъ о картинкѣ.

— Очень жаль, вы потеряли нѣсколько минутъ самаго чистаго душевнаго удовольствія. Однакожъ, когда я бывалъ здѣсь, она мало занимала смотрѣвшихъ на здѣшнюю выставку. Я былъ, повидиму, одинъ, кого она приковывала къ себѣ.

— Нынѣ вѣдь нужны предметы болѣе пикантные, раздражающіе чувства.

— Такъ, такъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами обнаженныя, купающіяся женщины; ихъ сторожитъ изъ-за засады деревьевъ воспламененный взглядъ юноши, замѣтьте — юноши. Онъ, кажется, хотѣлъ бы превратиться въ волну, которая скатывается по ихъ прекраснымъ формамъ.

— У насъ нынѣ, — замѣтилъ молодой человѣкъ,— не только юношей, но и дѣтей нѣтъ.

— А вотъ эта, налѣво, ради возбужденія какихъ страстей? Бандиты со звѣриными лицами потрошатъ какого-то путешественника, подъ нимъ лужа крови.

Далѣе убійца съ топоромъ въ рукѣ, съ котораго каплетъ кровь его жертвы.

— Правда въ искусствѣ — вотъ лозунгъ, который задали себѣ наши писатели и живописцы.

— Прекрасно, но они забываютъ, что ихъ обязываетъ другая правда — художественная. Это напоминаетъ мнѣ Каратыгина въ драмѣ: «*Игрокъ*». Онъ отвратительно намазывалъ себѣ руку красной краскою, чтобы показать, что на ней кровь—слѣды совершоннаго имъ убійства. Между тѣмъ, для возбужденія въ зрителѣ чувства ужаса, и безъ видимыхъ знаковъ довольно было однихъ словъ артиста, что на рукѣ его кровь. Впрочемъ, извините болтовню старика, вамъ незнакомаго. Можетъ статься, по-вашему, по-нынѣшнему, я ошибаюсь, и вамъ непріятно слушать то, что противно вашимъ взглядамъ.

— Напротивъ, — сказалъ молодой человѣкъ, — хоть нынѣ только тѣ quasi-убѣжденія хороши, о которыхъ кричатъ наши такъ называемыя *дѣти*, я слушалъ васъ съ большимъ участіемъ. Къ тому-жъ, когда я всматривался въ васъ болѣе и болѣе, меня подмывало сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Онъ не покажется вамъ страннымъ, если вы узнаете причину его. Не вспомните-ли вы меня? Мое имя Сурминъ...

Старикъ сталъ пристально всматриваться въ лицо своего импровизованнаго собесѣдника, безцеремонно повернувъ его къ свѣту обѣими руками за плечи.

— Хоть убейте,—отвѣчалъ онъ,—ни вашего имени, ни васъ не припомню.

— Не мудрено: вы видѣли меня только одинъ разъ. Я былъ тогда еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, только-что выпорхнулъ изъ гнѣзда гвардейскихъ юнкеровъ и оперился въ мундиръ кавалергардскаго полка. Съ того времени прошло десять лѣтъ. Теперь я сдѣлался кампаньяромъ и, какъ видите, отпустилъ

ужъ бородку. Служили вы въ Прирѣчьѣ вторымъ лицомъ по губернской іерархіи?

— Точно такъ.

— Васъ зовутъ Михайла Аполлонычъ Ранѣевъ.

— Это имя мое.

— Вотъ видите, какъ я васъ помню, или, лучше сказать, помнитъ васъ мое сердце. Но я не желаю, чтобы посторонніе, останавливающіеся здѣсь, слышали нашъ разговоръ. Вы, кажется, шли въ гору Кузнецкаго Моста?

— Да, я шелъ къ оптику Швабе купить себѣ зрѣніе. Безъ очковъ, которыя, къ горю моему, по старческой разсѣянности затерялъ, всѣ предметы въ природѣ представляются мнѣ въ какомъ-то недодѣланномъ видѣ или какъ будто задернуты флеромъ.

— Мы словно сговорились; кстати, и я иду туда-жъ купить себѣ барометръ. Если вы мнѣ позволите, мы продолжимъ нашъ разговоръ, которымъ я напомню вамъ наше часовое знакомство, оставившее глубокіе слѣды въ благодарной памяти всего нашего семейства.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Они пошли въ гору; молодой человѣкъ укорачивалъ шаги, чтобы не утомить своего спутника. Дорогой повели они бесѣду, какъ давнишніе пріятели.

— У матери моей, — началъ молодой человѣкъ, — было дѣло, отъ котораго зависѣла участь всего нашего семейства: ея, меня и двухъ малолѣтнихъ сестеръ моихъ. За долги частные и процентные въ Опекунскій Совѣтъ, запущенные нашимъ опекуномъ, 500-душное имѣніе наше было подъ запрещеніемъ. Вы знаете, что такое наши опеки?

— Слишкомъ хорошо. Я читалъ отчетъ одного опекуна надъ сумасшедшимъ: былъ очень богатый баринъ. Въ этомъ отчетѣ, повѣрите ли, записана была покупка собольяго одѣяла въ шесть тысячъ рублей. Я видалъ,

какъ у малолѣтнихъ на ремонтъ дома истрачивались всѣ доходы съ имѣнія. Придя въ совершенные года, они, разумѣется, оставались нищими. Я слыхалъ, какъ заводскія тысячныя лошади продавались полячкомъ-опекуномъ подъ покровомъ воеводы по 50 рублей. Да всѣхъ продѣлокъ опекуновъ не перечтешь.

Старикъ энергически махнулъ рукой.

— Подобными продѣлками нашего опекуна, — имя его утаю (скажу только—онъ даже очень близкій намъ родственникъ),—и наши дѣла были доведены до того, что Совѣтъ назначилъ наше имѣніе въ продажу съ аукціона. По просьбѣ матери, опекунъ былъ смѣненъ и она утверждена опекуншей и попечительницей. Что можно было продать изъ движимаго имущества: серебро, бриллiанты и разныя разности, все ею было продано, добрые люди помогли, частные долги заплачены, сумма въ Опекунскій Совѣтъ собрана. Мы съ матерью отправились въ Москву, но, чтобы остановить продажу имѣнія, надо было заѣхать въ Прирѣчье. Здѣсь мы должны были получить изъ гражданской палаты свидѣтельство, что оно освободилось отъ запрещенія по частнымъ долгамъ и казеннымъ повинностямъ. Нашъ мѣстный уѣздный судъ увѣдомилъ о томъ всѣ прирѣченскія мѣста, кому надлежало знать. На спросъ гражданской палаты эти мѣста, кромѣ губернскаго правленія, отвѣчали удовлетворительно. Обращаюсь въ правленіе, показываю номеръ и число, за которыми посланъ рапортъ суда. Столоначальникъ отзывается, что рапорта не получено. «Не можетъ быть,—говорю я,—онъ отправленъ съ недѣлю, всѣ другія мѣста получили». — Намъ до другихъ мѣстъ дѣла нѣтъ, мы не получали,—съ сердцемъ отвѣчалъ столоначальникъ. По молодости лѣтъ и неопытности моей, я думалъ, что если предложу *благодарность*, такъ навлеку на себя страшныя послѣдствія.

— Хе, хе, хе, видно, молодо-зелено было.

— Такъ и мерещилось мнѣ дуло пистолета, уставленное въ грудь мою. Обращаюсь къ совѣтнику, тотъ же рѣшительный отвѣтъ. Обстоятельства были для насъ критическія; черезъ два дня роковой молотокъ (я воображалъ молотокъ при всякомъ аукціонѣ) долженъ былъ ударить и лишить насъ состоянія. На него охотники, въ томъ числѣ и нашъ бывшій опекунъ, точили ужъ зубы, заговоръ между ними былъ устроенъ, *слазы* опредѣлены.

— Охъ, эти слазы! иной разъ у иного начальника при продажѣ имѣнія сердце болитъ, что оно продается за безцѣнокъ, а противъ этого ничего не подѣлаешь.

— Моя мать въ отчаяніи. Наши прирѣченскіе пріятели указываютъ намъ на васъ, какъ на единственнаго человѣка, который можетъ спасти насъ отъ бѣды. Лечу къ вамъ, — мнѣ говорятъ, вы нездоровы, никого не принимаете. Горячо настаиваю у вашего слуги, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ, говорю: «дѣло экстренное», — онъ неумолимъ. Молодость и отчаяніе кипятили мою кровь, я сдѣлался дерзокъ, возвышаю голосъ, готовъ браниться. Вы услыхали наши крупные переговоры, вышли ко мнѣ, извиняетесь, что въ шлафрокѣ, спрашиваете, «въ чемъ дѣло». Объясняю его. Вы выслушиваете меня внимательно, между тѣмъ какъ у васъ лицо подергивало отъ негодованія.

— Ого! какъ вы помните всѣ подробности!

— Немудрено, это были роковыя минуты, онѣ не забываются. «Негодяи!» вырвалось у васъ отъ гнѣва, и тотчасъ, несмотря на свое нездоровье, приказываете подать себѣ одѣться, ѣдете со мною въ правленіе на моемъ калиберѣ, какой мнѣ второпяхъ попался. Здѣсь, по грозному требованію вашему, рапортъ суда отысканъ подъ сукномъ и въ ту же минуту при васъ сдѣлано по немъ распоряженіе. Досталось же отъ васъ

порядкомъ столоначальнику, не обошли вы своимъ замѣчаніемъ и совѣтника. Мать получаетъ свидѣтельство изъ гражданской палаты, скачемъ съ нею въ Москву и спасаемъ имѣніе отъ продажи. Опоздай одинъ день,— и мы были бы разорены. Съ легкой руки вашей дѣла наши пошли въ гору, мы живемъ теперь въ полномъ довольствѣ и благословляемъ ваше имя, какъ нашего благодѣтеля.

— Очень радъ,—сказалъ Ранѣевъ, видимо просіявшій отъ удовольствія,—очень радъ, — повторилъ онъ, пожимая руку своего спутника, — что могъ, исполняя свой долгъ, сдѣлать что-нибудь въ пользу вашу. Вотъ видите, какъ легко человѣку, у котораго есть какая-нибудь власть, располагать участью людей на добро и зло. Не перечтешь несчастій отъ сущей бездѣлицы, отъ того, что иной съ высоты своей полѣнился выслушать внимательно просителя, другой пугнулъ его въ пароксизмѣ воеводскаго нетерпѣнія. А самоуправство, апатія, продажность...—вотъ что губитъ насъ.

— Кажется, благодаря духу времени, взяточничество выводится. Поговариваютъ, что составляются проекты новыхъ судовъ съ гласностью въ помощь имъ. Надо надѣяться, что молодыя поколѣнія не ударятъ лицомъ въ грязь.

— Вотъ это дѣло другое. Гласность, гласность! великое слово, если оно вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло. Пусть явится во всеоружіи истины, хотя бы съ грозою, но только не театральной, не съ фальшфейеромъ. Не ласкать зло надо, а сокрушать его.

Въ голосѣ Ранѣева слышалось какое-то ожесточеніе; забывшись, онъ говорилъ громко и потрясалъ рукой, такъ что прохожіе смотрѣли на него какъ на чудака.

— Дай Богъ, чтобы скорѣе состоялись эти суды. Авось либо свѣжія струи съ новыми, честными силами

втекутъ на нихъ,—продолжалъ онъ.—Допусти и меня, Боже, дождаться хоть зари этого дня. О тогда, если не задушатъ этой гласности въ ея зародышѣ тѣ, кому она по грѣхамъ ихъ не понравится, я опишу исторію одного событія въ моей жизни на поученіе слѣдователямъ и судьямъ. Да, другъ мой, есть въ ней чудеса, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ-обличителямъ. Сильно боролся я съ людскою злобой и коварствомъ (только глупая овца лижетъ руку, которая ведетъ ее на закланіе) и все-таки изнемогъ въ борьбѣ. Но я, думаю, наскучилъ вамъ своими стариковскими іеремiадами. Что-жъ дѣлать, это мой конекъ, съ котораго сойду только на порогѣ гроба. Къ тому-жъ я съ перваго раза полюбилъ васъ, и потому такъ съ вами откровененъ. Кстати, вотъ и магазинъ Швабе.

Вошли въ магазинъ. Старика, видно, знали тамъ хорошо. Онъ протянулъ хозяину руку, хозяинъ радостно пожалъ ее и, привѣтствуя его съ добрымъ утромъ, называлъ превосходительствомъ. Ранѣевъ отозвалъ его въ сторону и сталъ переговаривать съ нимъ вполголоса. Онъ не стыдился своей бѣдности, но и не любилъ пародировать ею, а предметъ его разговора съ оптикомъ казался ему щекотливымъ при постороннемъ свидѣтелѣ. Дѣло въ томъ, что онъ принесъ въ узлѣ спорки богатаго шитья съ мундира, въ которомъ не имѣлъ болѣе надобности, темляки, шарфъ, и просилъ тотчасъ сжечь ихъ, свѣсить выжигу и промѣнять на очки. Между тѣмъ Сурминъ старался не слыхать ихъ переговоровъ и занялся съ приказчикомъ осмотромъ барометровъ. Порядочный комъ выжиги былъ скоро принесенъ и свѣшенъ. Хозяинъ магазина предложилъ старику выбрать себѣ очки по глазамъ. Ранѣевъ сказалъ номеръ, который онъ обыкновенно употреблялъ, золотыя очки были выбраны, испробованы на разныхъ предметахъ и пришлись совершенно по глазамъ.

— Какъ же расчетъ?—спросилъ онъ.

— Ваши вещи стоятъ 20 рублей, наши 15, вамъ слѣдуетъ получить съ насъ 5 рублей.

— Браво! — воскликнулъ торжествующимъ голосомъ старикъ, забывъ свою прежнюю осторожность,— *въ рядахъ* дали бы половину. Вотъ я и съ глазами, — прибавилъ онъ, поводя еще очками по разнымъ предметамъ въ магазинѣ, какъ будто прозрѣвалъ послѣ счастливой операціи надъ его глазами.

Ранѣевъ и новый его знакомый вышли изъ магазина. Каждый несъ свою покупку, одинъ—осѣдлавъ ею свой носъ, другой—спрятавъ ее въ карманъ своего пальто. Сойдя съ наружной лѣстницы на тротуаръ, Ранѣевъ остановился. Сначала всматривался онъ въ надписи на вывѣскахъ, потомъ переносился глазами на лица проходящихъ, испытывая на нихъ свои очки, отчего живые предметы его безцеремоннаго созерцанія встрѣчали его пристальные взгляды или усмѣшкой, или сердитой миной. Особенно чопорныя, наштукатуренныя барыни вооружались противъ него негодованіемъ, презрительно надувъ губки или отворачиваясь отъ старика-нахала. Съ своей стороны, онъ не только равнодушно принималъ эти заявленія, какъ будто они его не касались, но даже улыбался дѣтской улыбкою. Ему казалось, что внезапно выступилъ передъ нимъ изъ сумерекъ новый міръ, вспрыснутый яркими лучами солнца. Видно было, что удовольствіе отъ удачной покупки, подкрѣпляемое добротою сердца, не давало въ немъ мѣста другому чувству. Но лишь только онъ и Сурминъ простились, обѣщаясь видѣться, и сдѣлали не болѣе пяти шаговъ другъ отъ друга, первый, подъ гору Кузнецкаго Моста, второй, по направленію къ Лубянкѣ, какъ молодой человѣкъ услыхалъ позади себя крикъ:

— Онъ, онъ, Киноваровъ, воръ, грабитель!

Сурминъ оборотился и увидѣлъ, что какой-то прохожій, немолодыхъ лѣтъ, съ сѣдоватой бородкой, въ поярковой шляпѣ съ широкими полями, изъ-подъ которой упадали стриженые въ кружокъ волосы подъ масть бородѣ, въ русскомъ кафтанѣ со сборами,—рвался изъ рукъ Ранѣева, вцѣпившагося въ рукавъ его кафтана. Въ крикѣ Михайлы Аполлоновича было что-то дикое, отчаянное, словно онъ стоялъ подъ ножомъ разбойника и призывалъ прохожихъ на помощь. Онъ хотѣлъ еще что-то закричать, но слова задохлись въ его груди. Борьба была недолгая, прохожій вырвался изъ слабыхъ рукъ старика, успѣлъ вскочить на лихача, мимо шагомъ проѣзжавшаго, и скрылся изъ виду, окутанный клубами пыли, закурившейся въ послѣдній разъ на поворотѣ къ Трубному бульвару. Ранѣевъ пошатнулся и упалъ безъ чувствъ головой на тумбу. Все это какъ молнія промелькнуло въ глазахъ Сурмина, но шафранное лицо прохожаго, кошачій взглядъ сѣро-желтыхъ глазъ его — врѣзались въ памяти молодого человѣка. Пока онъ суетился около своего новаго знакомца и звалъ городового, давно образовался кружокъ любопытныхъ, въ это время мимо проходившихъ. Прибѣжалъ городовой и, разспрося слегка о томъ, что случилось, старался поднять упавшаго, между тѣмъ выкликалъ извозчика, чтобъ отвезти его въ часть. Старикъ лежалъ у тумбы, кровь текла изъ раны надъ бровью, очки, которыя такъ радовали его, лежали разбитыя на тротуарѣ. Какой-то подозрительный человѣкъ, вродѣ тѣхъ личностей, которыя при всякой суматохѣ и сборищѣ людей вырастаютъ изъ земли,—уже поднялъ золотую оправу и заносилъ съ нею руку подъ полу рыжеватой, засаленной фризовой шинели. Сурминъ успѣлъ это замѣтить и вырвать оправу у жулика.

— Это генералъ, — сказалъ онъ городовому, переводя для вящшаго эффекта статскій чинъ на воен-

ный, — отнесемъ его въ знакомый мнѣ и ему магазинъ.

Только-что они приподняли Ранѣева, какъ отъ Швабе, видѣвшаго изъ окна несчастный случай, прибѣжали посланные имъ рабочіе и помогли отнести его въ магазинъ. Здѣсь его положили на диванъ и, съ помощью примочекъ и спиртовъ, успѣли привести въ чувство. Рана была легкая, но могла быть смертельна, еслибъ онъ ударился о тумбу полувершкомъ ближе къ виску. Кровь изъ нея уняли компрессомъ изъ арники. Отдохнувъ немного, онъ осмотрѣлся, перекрестился, пожалъ руку Сурмину и попросилъ оптика приказать достать ему извозчика, сказавъ улицу своей квартиры. Сурминъ рѣшительно объявилъ, что не отпуститъ его одного и самъ доставитъ домой. Старику оставалось только поблагодарить за дружеское одолженіе.

— Я чувствую себя хорошо, — сказалъ онъ, — но еслибъ мнѣ пришлось худо, такъ лучше умереть при дочери.

Нанятая пролетка стояла ужь у крыльца. Ранѣеву обвязали голову платкомъ со свѣжими компрессами. Собираясь выходить, онъ вспомнилъ о своихъ очкахъ, ему поданы были новыя, въ футлярѣ. О томъ, что купленныя имъ прежде разбились, никто не промолвилъ ни слова. Когда онъ сходилъ съ крыльца, городовой приложилъ руку къ козырьку своего кепи и спросилъ его превосходительство, не украдено ли чего у него, такъ какъ онъ гнался за воромъ.

— Ничего, голубчикъ,—отвѣчалъ Ранѣевъ, немного смутившись, — благодарю, ни на комъ не взыскиваю, ничего не ищу, не доводи объ этомъ до начальства.

Украдкою онъ сунулъ ему въ руку серебряную монету, какая у него случилась.

Сѣли на извозчика, приказано было ѣхать не шибко.

Дорогою старикъ, оправясь, первый заговорилъ со своимъ спутникомъ.

— Многіе, послѣ происшествія со мною, почли меня за сумасшедшаго, — сказалъ онъ, — но еслибъ знали, кто былъ человѣкъ, котораго я хотѣлъ схватить, еслибъ знали его отношенія ко мнѣ, такъ оправдали бы мое бѣшеное нападеніе на него. Да, другъ мой,—прибавилъ онъ по-французски, чтобы извозчикъ не понялъ его,—это величайшій врагъ мой, онъ обокралъ казну, обокралъ меня, разрушилъ счастіе мое, счастіе моего семейства, убилъ жену мою...

— Почему-жъ бы вамъ, — замѣтилъ Сурминъ, не понимая страннаго, загадочнаго разсказа старика,—не отыскать преступника чрезъ полицію? вѣдь вамъ имя его и званіе извѣстны.

— Черезъ полицію! знаете ли, что онъ коллежскій совѣтникъ и кавалеръ, считается умершимъ въ тюрьмѣ, похороненъ... Вѣроятно, онъ скрывается подъ чужимъ именемъ и фальшивымъ паспортомъ, и послѣ встрѣчи со мною не останется ни одного часа въ Москвѣ. Что-жъ, если бы его нашли и задержали, прошлаго не воротишь, рѣшеннаго не перерѣшишь. Только однимъ бы несчастнымъ было больше на свѣтѣ. Я такъ, сгоряча, не раздумавъ хорошо, погнался было за нимъ. Но это длинная, несчастная исторія; когда-нибудь разскажу вамъ ее; Богъ дастъ, ближе познакомимся. Сколько лѣтъ не видалъ я этого злодѣя,—продолжалъ онъ немного погодя, — слишкомъ пятнадцать лѣтъ. Пятнадцать лѣтъ угрызенія совѣсти, страхъ попасть опять въ тюрьму, изъ которой бѣжалъ, и оттуда поплестись въ Сибирь,—хоть какого молодца передѣлаютъ. Я и не преступникъ, да несчастія сдѣлали изъ меня въ 57 лѣтъ, какъ видите, ходячую мумію. Онъ состарѣлся, посѣдѣлъ, надѣлъ какой-то маскарадный костюмъ, однакожъ, я его узналъ, — узналъ, какъ будто вчера только ви-

дѣлъ. Не мудрено: онъ не разъ пробуждалъ меня отъ крѣпкаго сна, его желтые, съ крапинами косые глаза блуждали по мнѣ въ ночномъ мракѣ, онъ и днемъ меня преслѣдовалъ, его образъ придетъ смущать послѣдніе мои часы. Но вотъ мы подъѣзжаемъ къ моей квартирѣ. Ради Бога, не говорите ничего дочери о сегодняшнемъ происшествіи. Я скажу, что, выходя отъ Швабе, оступился и, упавши, ушибся. Кажется, рана моя не велика. Я сниму теперь повязку, на ней, вѣроятно, выступила кровь.

Дѣйствительно, на повязкѣ были мелкія пятна запекшейся крови. Онъ снялъ ее и спряталъ въ карманъ. Сурминъ осмотрѣлъ ушибъ и успокоилъ его, сказавъ, что рана едва замѣтна. Старикъ надѣлъ очки, чтобы, какъ онъ думалъ, совсѣмъ скрыть ее.

Остановились у скромнаго домика въ пять оконъ на улицу, противъ Нижняго Прѣсненскаго пруда.

II

Зоркій глазъ дочери сторожилъ отца изъ окна. Старикъ только-что хотѣлъ позвонить у наружной двери, какъ она отворилась, и прекрасная, стройная дѣвушка бросилась ему на грудь, цѣловала руки, расточала ему самыя нѣжныя ласки, самыя нѣжныя имена. Онъ платилъ ей такими же нѣжными, горячими изъявленіями любви. Казалось, они свидѣлись послѣ долгой разлуки.

Сурминъ, въ полусумракѣ сѣней, смотря на очаровательную дѣвушку, остолбенѣлъ, какъ будто она ослѣпила его лучами своей красоты.

— Что ты такъ долго былъ?—сказала она отцу,— я думала, не дождусь тебя.

— Извини, дружокъ, случай, встрѣтилъ неожиданно стариннаго пріятеля, Андрея Иваныча Сурмина, заболтался съ нимъ. Рекомендую его. Это моя дочь, Лиза,—прибавилъ онъ, указывая на молодую дѣвушку.

Ранѣева, которая до сихъ поръ никого не видала, кромѣ отца своего, вся поглощенная любовью къ нему, прищурилась, потомъ окинула молніей своихъ глазъ молодого, красиваго незнакомца и, слегка зарумянившись, глубоко присѣла передъ нимъ, какъ присѣдаютъ институтки передъ своей начальницей.

Они вошли черезъ переднюю въ большую комнату, служившую, повидимому, старику кабинетомъ, гостиной и спальней. Здѣсь, въ комнатѣ, при большемъ свѣтѣ, нежели въ сѣняхъ, Сурминъ могъ лучше разсмотрѣть стройный, нѣсколько величественный станъ Лизы, тонкія, правильныя черты ея бѣло-матоваго лица, оттѣненнаго своеобразною прической волосъ, черныхъ какъ вороново крыло, и ея глубокіе, вдумчивые черные глаза. Все въ комнатѣ было хотя небогато, но такъ чисто, такъ со вкусомъ прибрано, что вы съ перваго взгляда угадывали, что женская заботливая рука проходила по всѣмъ предметамъ, въ ней расположеннымъ; все въ ней глядѣло привѣтливо, кромѣ портрета какого-то рыцаря съ суровымъ лицомъ, висѣвшаго, какъ-бы въ изгнаніи, надъ шкапомъ въ тѣни.

Сдѣлалась аксіомой пословица: «скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты таковъ».—Не менѣе вѣрно замѣчаніе: введи меня за-просто, по-пріятельски въ свое жилище, и я загляну въ твою душу, разскажу твой образъ жизни, твои наклонности. Такъ и здѣсь: Сурминъ, оглядѣвъ комнату, могъ дополнить характеристику хозяина, мысленно еще только очерченную въ первый часъ знакомства въ нимъ.

Столъ, покрытый черною клеенкой, придвинутъ къ окну; на немъ скромный письменный приборъ и артистическій пресъ-папье изъ матовой бронзы: это была группа Лаокоона и дѣтей его, обвитыхъ Змѣемъ-Рокомъ, который душитъ ихъ и съ которымъ отецъ, напрягши мышцы, борется до послѣдняго издыханія. Тутъ же вазочка, настоящій vieux Saxe. Такъ и срываетъ съ вашихъ устъ улыбку шаловливый рой пригожихъ, полунагихъ дѣтей, на ней изящно написанныхъ. Въ вазочкѣ свѣжій букетъ скромныхъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, со вкусомъ и гармонически подо-

бранный. Передъ столомъ глубокое, мягкое кресло, на которомъ зеленый сафьянъ уже отъ времени порыжѣлъ. Изъ окна черезъ столъ лоснится зеркало Прѣсненскаго пруда, оправленное въ раму бархатнаго газона и разнообразной зелени деревъ. На ближайшемъ берегу къ маститому, мускулистому вязу привязана красивая лодка съ разноцвѣтнымъ флагомъ, который отъ вѣтерка — то лѣниво потягивается, то бьется о мачту словно крыломъ. За Горбатымъ мостомъ видны извилины Москвы-рѣки. На лѣвомъ отъ зрителя берегу ея нагромождены плоты и груды лѣса, на правомъ изъ густой кущи деревъ выглядываетъ богатая усадьба какого-то купца. Далѣе, проведя глазомъ прямую черту по разрѣзу рѣки—Воробьевы горы, дача графа Мамонова, Александрійскій дворецъ; еще далѣе, сквозь туманъ поднявшейся надъ Москвою пыльной атмосферы видны едва очерченныя крыши деревеньки и небольшія купы рощъ; такъ и хочется перенестись въ нихъ изъ душнаго города. Здѣсь стукъ, шумъ, тревога; здѣсь дышешь тлетворными міазмами, а тамъ должно быть тихо, прохладно, груди такъ легко впивать въ себя струи чистаго воздуха. Правѣе, за Даргомиловской заставой, широкою лентой убѣгаетъ въ сизую даль такъ называемая шоссейная смоленская дорога. При взглядѣ на нее, изъ глубины души вашей встаютъ великія воспоминанія. Къ одной стѣнѣ комнаты прижался большой мягкій диванъ. У локотника его лежитъ канвовая подушка, на которую брошенъ пышный букетъ, рѣзко выдающійся свѣжестью своихъ красокъ на ветхой кожѣ дивана. Хочется обонять эти цвѣты, ждешь, что вотъ слетитъ въ нихъ пчела и зажужжитъ по комнатѣ, — такъ художественно выполнены шерстью цвѣты и пчелка. Повыше дивана, въ гравюрахъ, портреты Петра I, Екатерины II, Вашингтона, Франклина, Вальтеръ-Скотта, Шиллера и доктора Гааза,

На противоположной стѣнѣ живописный портретъ офицера среднихъ лѣтъ, въ семеновскомъ мундирѣ александровскихъ временъ. Рядомъ акварельный портретъ молодой красивой женщины, обвитый вѣнкомъ изъ иммортелей, другой, фотографическій, болѣе молодой женщины, къ которой можно тотчасъ признать дочь хозяина, и третій, такой же, юноши въ юнкерскомъ пѣхотномъ мундирѣ. Все, что любитъ старикъ, что дорого его сердцу, собралъ онъ вокругъ себя. Въ одномъ углу — кровать, на желѣзные изогнутые столбики ея накинутъ снѣжной бѣлизны чехломъ изъ марли, обшитый домашними кружевцами. Сквозь сѣтку его не проникнуть ни докучливой мушкѣ, ни трубачу-комару. Такія походныя желѣзныя кровати съ чехломъ разбиваютъ англійскіе офицеры и путешественники въ знойныхъ странахъ, не боясь ни москитовъ, ни тарантулъ. Близъ кровати небольшой образъ безъ оклада Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и порхающими надъ ними ангелами, писанный художническою кистью. Надъ шкафомъ, какъ я сказалъ, будто въ изгнаніи, живописный, средней руки, портретъ какого-то рыцаря съ гордой осанкой, въ панцырѣ. Рѣзкія, суровыя черты его, черные, большіе усы, глаза, пронизывающіе васъ насквозь, такъ и выступаютъ изъ полотна. Можно бы пугать имъ дѣтей; въ душѣ взрослаго онъ возбуждалъ непріятное чувство. Въ сосѣдней комнатѣ голосисто разливается канарейка, надъ потолкомъ воркуютъ голуби. Когда они слишкомъ заговаривались и мѣшали хозяину и гостю слушать другъ другу, Ранѣевъ замѣчалъ:

«Не взыщите, сами поселились на чердакѣ, вольная колонія! Пускай себѣ живутъ, благо имъ хорошо, а намъ тѣснѣе не будетъ».

А если они ужь слишкомъ посягали на терпѣніе его, то ему стоило только постучать въ потолокъ

тростью, чтобы они замолкли, точно понимали его. Въ семью мебели развѣ еще включить членовъ-челядинцевъ: маленькій диванъ, обитый скромнымъ ситцемъ, передъ нимъ овальный орѣховаго дерева столикъ, да четыре, пять стульевъ. Все это успѣлъ быстро занести въ свои соображенія Сурминъ, усаженный на почетное мѣсто дивана.

— Да у тебя новыя очки, — сказала Лиза, — поздравляю тебя съ покупкой, ты былъ безъ нихъ какъ безъ глазъ. Дай-ка, попробую ихъ на себѣ. Вѣдь я тоже близорука, настоящая папашина дочка, — прибавила она, обращаясь къ Сурмину, сняла съ отца очки, надѣла на свой греческій носикъ и кокетливо провела ими по разнымъ предметамъ въ комнатѣ, не минуя и гостя.

— Дитя,—подумалъ было Сурминъ, смотря на ея шаловливыя движенія.

— Совершенно по глазамъ моимъ,—сказала она,— папаша позволитъ, такъ я и сама начну носить очки и заговорю съ каѳедры.

— Ну, на это бабушка на-двое говоритъ, — возразилъ Ранѣевъ.

Возвращая очки отцу, она замѣтила у него знакъ раны надъ бровью.

— Ты гдѣ-нибудь поранилъ себя? — спросила она въ испугѣ. — Говори, что съ тобою случилось, не то допрошу monsieur Сурмина; надѣюсь, на первый день нашего знакомства онъ не рѣшится покривить передо мною душой.

— Боже сохрани, — сказалъ молодой человѣкъ, — когда-нибудь провиниться передъ вами въ такомъ тяжкомъ проступкѣ; да я думаю, и самъ Михайло Аполлонычъ признается, что онъ, сходя отъ Швабе, оступился и, упавши, ушибся о ступень. Можете судить, какъ рана была легка по слѣдамъ, которые она оставила.

— Могла бы имѣть болѣе опасныя послѣдствія, еслибъ не этотъ милый человѣкъ. Онъ поднялъ меня во-время, отвелъ въ магазинъ, гдѣ мнѣ тотчасъ приложили примочку, и былъ такъ добръ, такъ обязателенъ, что не хотѣлъ отпустить меня одного домой. Родной сынъ не могъ бы для меня болѣе сдѣлать.

Ранѣевъ съ перваго раза полюбить Сурмина и, разсыпаясь въ благодарностяхъ ему, видимо старался увеличить его одолженіе и тѣмъ задобрить свою дочь въ его пользу.

Лиза, вѣря и не вѣря показаніямъ молодого человѣка, въ раздумьѣ покачала головой, потомъ, протянувъ ему руку, наградила его такимъ взглядомъ, за который онъ готовъ былъ для нея въ огонь и въ воду.

— Вотъ негодный папашка и наказанъ за то, что не взялъ меня съ собою. Вѣдь онъ у меня такой разсѣянный, безъ меня, того и гляди, напроказничаетъ, какъ дитя. Нѣтъ, говоритъ, время прекрасное, обѣщалъ только пройтись по дорожкамъ Прѣсненскаго сада, а очутился Богъ знаетъ гдѣ.

— Хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ очками.

— Сдалась я, между тѣмъ сердце предвѣщало мнѣ что-то недоброе. Няня сказывала мнѣ, что онъ и молодой былъ разсѣянъ, да тогда глядѣлъ за нимъ глазъ позорче моего, водила его рука понадежнѣе моей.

— Ея давно ужь нѣтъ, — сказалъ грустнымъ голосомъ старикъ, и слезы навернулись на глазахъ его.— Кабы вы знали, какая это была женщина! Но такія созданія, видно, нужны тамъ, на небѣ. Посмотрите-ка на этотъ портретъ (онъ указалъ на портретъ молодой, красивой женщины). Это портретъ моей покойной жены. Какой благостыней дышетъ ея лицо, какіе лучи ангельской доброты льются изъ глазъ ея! Святая женщина! Выродокъ изъ польской семьи!

— Скажите лучше, папаша, изъ бѣлорусской.

— Ну, недалеко ушли другъ отъ друга, — перебилъ старикъ, махнувъ рукой.

— Не имѣю нужды угадывать, чей портретъ подлѣ портрета вашей супруги,—оригиналъ здѣсь на лицо,— сказалъ Сурминъ, желая отвести старика отъ разговора о національности, который, какъ онъ догадывался, могъ быть непріятенъ Лизѣ по фамильнымъ отношеніямъ, слегка высказаннымъ отцомъ и дочерью.— Я самъ немного живописецъ и хотѣлъ бы разобрать художнически, подробно, въ чемъ вѣрно выполненъ артистомъ—солнцемъ, въ чемъ не удался по милости фотографа, но боюсь, чтобы не почли меня льстецомъ. Вижу Лизавету Михайловну въ первый разъ и, не знаю почему, догадываюсь, что она не можетъ любить лести.

— Вы угадали. Скорѣе готова выслушать горькую даже непріятную истину, нежели лесть: я всегда подозрѣваю въ ней какое-то двоедушіе. Предупреждаю васъ, я люблю противорѣчіе, люблю и тѣхъ, кто со мною споритъ. Въ жизни, въ природѣ все споръ. Чтожъ за побѣда безъ борьбы!

— Послушать ее,—промолвилъ Ранѣевъ,—ужь такая спорщица, что Боже упаси!

«Охъ! это не дитя, — подумалъ Сурминъ, — не знаю еще, что ты въ самомъ дѣлѣ такое, знаю только, что искусительно-хороша и должна быть не глупа. Погоди, испытаю, крѣпки ли латы твоего самолюбія».

— Кстати, я и самъ большой спорщикъ; постараюсь при первомъ же случаѣ угодить вамъ, — сказалъ онъ. — Теперь позвольте спросить, кто этотъ юноша въ юнкерскомъ мундирѣ?

— Это сынъ мой,—отвѣчалъ Ранѣевъ.—Не правда ли, онъ похожъ на мать свою. Тотъ же прекрасный очеркъ лица, такой же блондинъ, съ такими же ясными, голубыми глазами.

— Какъ двѣ капли воды похожъ,—замѣтилъ молодой человѣкъ,—только у него въ глазахъ болѣе энергіи, болѣе мужественной силы, у нея болѣе душевной мягкости, удѣлъ слабаго пола. Правда, у большей части кровныхъ русскихъ женщинъ характеръ ярче выражается: какая-то апатичность, полное разслабленіе, сонливость души.

Старикъ, угадавъ желаніе Сурмина поспорить во что бы ни стало, лукаво улыбнулся и одобрительно кивнулъ ему, какъ будто подстрекая его на состязаніе съ дочерью.

— Апатичность? полное разслабленіе, сонливость души? бѣдная русская женщина,—съ жаромъ перебила Лиза, и брови ея гнѣвно сдвинулись, но она сейчасъ превозмогла себя и продолжала ровнымъ голосомъ. — Кто-жъ старался сдѣлать ее такою? Не вы-ли сами? Сначала вы нашихъ пробабушекъ держали въ заключеніи въ теремахъ, потомъ сняли съ насъ кокошники и сарафаны, напудрили насъ, одѣли въ роброны, выпустили какъ маріонетокъ въ асамблеи; выучили попугайствовать на французскомъ языкѣ. И теперь воспитываютъ насъ только для выставки. Но при всемъ этомъ Провидѣніе задаетъ русской женщинѣ высокую, благородную цѣль — неужели вы думаете, она не сумѣетъ самоотверженно выполнить эту задачу.

Энергическая выходка Лизы дала поводъ къ оживленному, горячему разговору о русскихъ женщинахъ. Сурминъ перебралъ ихъ по разрядамъ. Болѣе всѣхъ досталось отъ него московскимъ *барышнямъ*, которыхъ типъ будто бы принадлежитъ особенно Бѣлокаменной. Казалось, онъ, по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ, былъ ожесточенъ противъ нихъ.

— Вся жизнь ихъ,—говорилъ онъ,—проходитъ въ круженіи головы и сердца, въ стрекозливомъ пры-

ганіи. Весь разговоръ ихъ заключается въ какомъ-то щебетаньѣ, въ болтовнѣ о модныхъ тряпкахъ, о гуляньяхъ и балахъ. Живу я нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, живалъ въ ней и прежде, и долженъ признаться, нынѣ въ первый разъ слышу отъ русской свѣтской дѣвушки твердую, одушевленную, завлекающую рѣчь.

— Напомню вамъ наше условіе не льстить мнѣ,— оговорила Лиза.

— Простите, невольно сорвалось съ сердца и языка.

— Далѣе вашу филиппику.

— Онѣ считаютъ за стыдъ говорить на родномъ языкѣ. У какого народа кромѣ *россійскаго* это бываетъ?

— Зачѣмъ же сваливать этотъ грѣхъ на однѣхъ, такъ называемыхъ вами, московскихъ барышень? Кто примѣръ подаетъ? Не Петербургъ-ли? Не тамошнія-ли дѣвицы и дамы, особенно высшаго полета? Не забудьте, c'est du nord que nous vient la lumière.

— Съ этой lumière много и чаду разнеслось. Впрочемъ вы правы: попугайство, о которомъ говоримъ, принадлежитъ вообще русскимъ свѣтскимъ женщинамъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ провинціи.

— Да развѣ и нашъ братъ не повиненъ въ этомъ грѣхѣ?—вмѣшалъ тутъ свою рѣчь Ранѣевъ,—я съ Лизой былъ на-дняхъ на одной художественной выставкѣ. Тутъ же былъ и русскій князь, окруженный подчиненными ему сателитами. Вообразите, во все время, какъ мы за нимъ слѣдили, онъ не проронилъ ни одного русскаго слова и даже, увлекаясь галломаніей, обращался по-французски къ одному художнику, который ни слова не понималъ на этомъ языкѣ. Продожайте же вашъ списокъ.

— Кстати включаю въ него и такихъ, которыя,

побывавъ на чужбинѣ; возвращаются изъ нея на родину, какъ на чужбину. Ѣздятъ въ чужіе края англичанки, кведки и tutti quanti, но вездѣ, гдѣ бы онѣ ни были, остаются англичанками, шведками и проч. и возвращаются такими въ свое отечество. Однѣ русскія дамы стыдятся быть русскими, развѣ захотятъ пощеголять передъ иностранцами своимъ широкимъ, безумнымъ мотовствомъ.

— Къ сожалѣнію, правда,—сказала Лиза.

— Куда жъ тутъ до подвиговъ!

— Кончили вы, злой человѣкъ?

— Можно бы продлить списокъ, да онъ и безъ того длиненъ. Вы видите, я положилъ на свои портреты черной краски, не жалѣя ихъ.

— Да, порядочно погуляли вы на счетъ русскихъ женщинъ. Позвольте, однако-жъ, вамъ сказать: вы судите объ нихъ верхоглядно. Проникните въ тайники семействъ и, конечно, найдете высокія, энергическія личности. Жалѣю очень, что вы ихъ не встрѣчали. Не партія же мы въ семьѣ народовъ.

— Желалъ бы очень встрѣтить такую личность.

— Изъ близкихъ мнѣ я могла бы указать вамъ на одну, еслибы она была въ Москвѣ. Ты догадаешься, папаша, о комъ я говорю.

— Конечно, о Зарницыной,—отозвался Ранѣевъ.— Немного съ экзальтаціей; да, признаться, это и нашъ фамильный грѣхъ.

— Дай Богъ намъ поболѣе благороднаго увлеченія, въ немъ то мы и нуждаемся,—замѣтилъ Сурминъ.

— Надо сказать, — продолжалъ старикъ,—Зарницына по силѣ характера, по патріотизму — феноменъ между женщинами. Да и то замѣчу: Господь одаривъ ее душевною энергіей, наградилъ ее и тѣлесной. Встаетъ она въ шесть часовъ утра, то она на конѣ, то пѣшая, въ лѣсу, въ слякоть, въ жаръ, вездѣ, гдѣ

ужны ея глаза, ея заботы. Ѣздитъ верхомъ, какъ амазонка, при мнѣ въ 30 шагахъ изъ пистолета пулей срѣзала воробья съ георгины. А какая безстрашная! Кажется пошла бы на медвѣдя, еслибы ей попался на глаза. Впрочемъ, эта необыкновенная женщина должна быть исключена изъ примѣра.

— Извините, я не поклонникъ такихъ спеціальныхъ женщинъ. Думаю, и чувства ея должны быть жестокія, суровыя.

— Напротивъ, — сказала Лиза, — я не знаю женщины, болѣе нѣжной въ своихъ привязанностяхъ. Какъ она ухаживаетъ за больными въ своемъ околодкѣ, помогаетъ бѣднымъ, горячо любитъ мужа любитъ дѣтей, хотя сама не имѣетъ ихъ.

— Лиза ничего не преувеличиваетъ, а могла бы быть пристрастна. Она осталась на восьмомъ году послѣ смерти матери и десяти перешла на попеченіе дамы, о которой говоримъ. Зарницына теперь далеко. Кончивъ свои занятія по сельскому хозяйству, она поѣхала къ мужу въ одну изъ бѣлорусскихъ губерній, гдѣ онъ командуетъ полкомъ. А не то я познакомилъ бы васъ съ нею.

— Желалъ бы увидать эту диковинную женщину. Впрочемъ, какъ вы сказали, она должна быть выключена изъ примѣра.

Разговоръ обратился на воспитаніе женщинъ, на русскую литературу. Лиза тутъ высказала много наблюдательнаго ума, много вѣрныхъ взглядовъ.

— Чтобы кончить нашъ споръ, — сказалъ Ранѣевъ, — какъ медіаторъ вашъ, позволю себѣ порѣшить его такъ: вы оба вложили въ него большую долю правды. Но чтобы толковать основательно о нашемъ обществѣ, о воспитаніи женщинъ, мало простого разговора, надо написать цѣлый томъ. Да и пишутъ объ нихъ цѣлые трактаты. Добрый знакъ. Покуда дѣла отъ нихъ

только коммуны да стриженные въ кружокъ волосы; Богъ дастъ примемся и за разумное воспитаніе, какъ его понимаетъ здоровая англосаксонская раса въ Европѣ и въ Америкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ я заболталась,—сказала Лиза.— Пожалуй, нашъ гость въ первый день нашего знакомства сочтетъ меня моралисткой, резонеркой, педанткой, чѣмъ-нибудь вродѣ синяго чулка. Жаль, что я на этотъ случай не надѣла папашиныхъ очковъ, были бы мнѣ кстати.

— Мы говорили о сынѣ,—началъ опять Ранѣевъ,— а я такъ полюбилъ Андрея Иваныча, что желалъ бы познакомить его со всѣми членами моего семейства. Этотъ юноша (Ранѣевъ показалъ на портретъ юнкера), который безвинно подалъ вамъ поводъ къ спору, только-что перешелъ было блистательно въ третій курсъ здѣшняго университета, но, услыхавъ о смутахъ въ Царствѣ Польскомъ, разгорѣлся желаніемъ поступить въ военную службу. Нечего было дѣлать, отпустилъ съ моимъ благословеніемъ. Теперь онъ юнкеромъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ около Варшавы. Володѣ только 20 лѣтъ... среди народа коварнаго, вышколеннаго іезуитами, враждебнаго намъ... Знаю я ихъ хорошо. Побывалъ порядкомъ въ ихъ рукалъ. Надо вамъ сказать, по несчастному случаю, въ революцію 30 года я попался къ нимъ въ плѣнъ. Чего не натерпѣлся! Купался я послѣ того и въ чернильномъ омутѣ, не знаю, что лучше. Какъ-нибудь раскажу вамъ о моихъ похожденіяхъ. Вотъ этотъ (Ранѣевъ указалъ на портретъ офицера въ мундирѣ семеновскаго полка) отецъ мой, палъ съ честью на Бородинскомъ полѣ. Благословенна буди его память.

Ранѣевъ благоговѣйно перекрестился.

— А этотъ (онъ указалъ на портретъ рыцаря въ

панцырѣ) — отецъ моей жены. Панцырный бояринъ. Вы, конечно, не знаете, что это за званіе?

— Въ первый разъ слышу.

— Надо вамъ сказать, во времена сивки-бурки, вѣщей каурки, это были пограничные стражники близъ рубежа Литвы съ Россіей. Они должны были охранять границы отъ нечаяннаго вторженія непріятеля, въ военное же время быть въ полной готовности къ походу. За то пользовались большими участками земли, не платили податей, освобождались отъ другихъ повинностей. Бывали ли они въ дѣлѣ, нюхали ли порохъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности. Позднѣе панцырные бояре составляли почетную стражу польскихъ крулей, когда они выѣзжали на границы своихъ коронныхъ земель. Встрѣтить и проводить найяснѣйшаго, вотъ въ чемъ состояла вся ихъ служба — не тяжелая и не опасная. За этотъ парадъ панъ-круль одѣлялъ свою почетную стражу дукатами, собранными съ жидовъ и голодныхъ крестьянъ, имѣвшихъ счастіе обитать на его коронныхъ земляхъ. Нѣкоторые панцырные бояре получали въ награду и шляхетство. Какъ не горевать о такой благодатной долѣ! Но эти времена давнымъ-давно прошли, сдѣлались миѳомъ. Теперь панцырные бояре только именемъ существуютъ еще кое-гдѣ въ западныхъ губерніяхъ. Они сошли со своей почетной сцены въ ряды государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ, и съ богатыхъ коней пересѣли на клячи. Рѣдкіе изъ нихъ удержали за собою шляхетство *). Но гоноръ ихъ еще не угасъ, въ сундукахъ у нѣко-

---

[1]) Въ Витебской губерніи въ 1852 году считалось, такъ сказать, привилегированныхъ панцырныхъ бояръ: въ Витебскомъ уѣздѣ 45 душъ обоего пола, въ Рѣжицкомъ 32 души, по вѣдомству же государственныхъ имуществъ, панцырныхъ бояръ, записанныхъ въ податное состояніе, въ имѣніяхъ:

торыхъ хранятся еще панцыри. Какъ евреи ожидаютъ своего Мессію, такъ и они ждутъ, что серебряная труба созоветъ ихъ на встрѣчу пану крулю, брошенному съ неба. Вотъ и этотъ изъ числа ихъ (Ранѣевъ гнѣвно взглянулъ на портретъ рыцаря въ панцырѣ). Я давно выкинулъ бы его изъ окна, еслибы не удерживала меня мысль, что оскорблю и прогнѣвлю тамъ, на небѣ, мою дорогую Агнесу. Суровый, жестокій старикъ. Онъ былъ передъ нею такъ виноватъ, а она все-таки его любила и, умирая, завѣщала мнѣ простить его и стараться помириться съ нимъ. Я было простилъ, искалъ мира, но...

Ранѣевъ угрюмо махнулъ рукой и задумался.

— Вы забыли сказать, какъ провожали Володю въ дальній путь,—проговорила нѣжнымъ, любящимъ голосомъ Лиза, желая отвлечь отца отъ непріятныхъ воспоминаній и пользуясь его разсѣянностью.

— Да, да, — сказалъ Ранѣевъ, вызванный изъ забытья этимъ голосомъ, — отправляя его на службу, я съѣздилъ съ нимъ въ Бородино. Вотъ изъ этого окна вы видите дорогу къ нему, за Даргомиловской заставой.

Старикъ привсталъ, указалъ изъ окна по направленію своей руки и прибавилъ съ особеннымъ одушевленіемъ:

— Бородино! это Пантеонъ народной славы, усыпальница героевъ, какой не имѣетъ ни одна держава кромѣ русской. Строй они тамъ себѣ аустерлицкіе мосты, сооружай севастопольскіе бульвары, а не бы-

---

Непоротовскомъ, Себежскаго уѣзда	муж.	2505	женск.	2509
Езерійскомъ	»	1117	»	1128
Семизскомъ, Городецкаго уѣзда	»	607	»	609
Гультяевскомъ, Невельскаго уѣзда	»	1179	»	1782
	Всего муж.	5408	женск.	6028

вать у нихъ нерукотвореннаго памятника, подобнаго Бородинскому полю. Провожая Володю на службу, я повезъ его туда. Солнце какъ нарочно сіяло во всемъ своемъ блескѣ на голубомъ небѣ. Мы обнажили головы и со слезами горячо молились. А молились мы, чтобы русское сердце всегда такъ билось любовью къ отечеству, какъ оно билось въ этотъ день у ста слишкомъ тысячъ нашихъ воиновъ. Укажите между ними хоть на одного измѣнника; даже этого имени не знали тогда у насъ. — А писемъ нѣтъ, какъ нѣтъ, Лиза?— сказалъ грустнымъ голосомъ Ранѣевъ немного погодя.

— Нѣтъ, папаша.

— Юноша писалъ ко мнѣ аккуратно каждую недѣлю, а нынѣ что-то измѣнилъ.

— Военный,—замѣтилъ Сурминъ,—все равно, что кочевникъ, сегодня разбиваетъ здѣсь свою палатку, если она у него есть, а дня черезъ два, глядишь, очутился за сто верстъ.

— Да и почты въ наше смутное время, особенно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ почтмейстеры поляки, измѣнническиненисправны. Но это еще не бѣда, лишь бы хранилъ Господь. А приходилъ къ намъ кто-нибудь, Лиза?

— Былъ кузенъ Владиславъ, — отвѣчала она нѣсколько дрожащимъ голосомъ, видимо смутившись, но стараясь скрыть свое смущеніе; — я увидала его изъ окна и велѣла нянѣ сказать ему, что никого нѣтъ дома.

— И хорошо сдѣлала, дружокъ. Вотъ видите,— продолжалъ Ранѣевъ, обратясь къ гостю,—это Стабровскій, дальній родственникъ моей покойницы. Неглупый молодой человѣкъ, добрый, благородный. Мы его очень любили. Казалось, такъ всегда преданъ Россіи. И было за что. Родился на русской землѣ, воспитывался на казенный счетъ въ русской гимназіи, кончилъ курсъ въ русскомъ университетѣ, состоитъ

на русской службѣ, идетъ по прекрасной дорогѣ... Но съ нѣкотораго времени прогнѣвался на Россію, сталъ частенько завираться о какой-то польской національности въ западныхъ губерніяхъ. Поспорилъ я съ нимъ едва не до ссоры. Думалъ, не придетъ болѣе,— онъ неймется. Но заикнись онъ со своими фанаберіями въ другой разъ, такъ мы навсегда съ нимъ простимся.

Лиза сидѣла въ это время, опустивъ длинныя рѣсницы на глаза, какъ будто желая скрыть, что у нея происходило въ душѣ, сожалѣніе ли къ родственнику, или участіе болѣе нѣжное.

— Ага!—подумалъ Сурминъ,—осѣклась наша героиня! Неужли она любитъ этого полячка? Жаль, личность интересная, надо бы оставить ее за русскими.

Ударили въ звонокъ. Лиза посмотрѣла въ окно, вскричала:

— Почтальонъ!—и опрометью бросилась въ сѣни.

— Дай Богъ, чтобы отъ Володи,—сказалъ старикъ, крестясь.

Лиза принесла письмо, оно дѣйствительно было отъ Володи. Отъ радости Ранѣевъ приказалъ дать почтальону гривенникъ.

Сурминъ спѣшилъ распроститься со своими новыми знакомыми, для которыхъ въ эти минуты гость не въ пору былъ хуже татарина.

— Вы, другъ мой, можете быть, спасли мнѣ нынче жизнь,—сказалъ старикъ, пожимая ему крѣпко руку, — оживили своею бесѣдою наше пустынное житье, да еще вдобавокъ будто съ собою принесли вѣсточку отъ сына. День этотъ записанъ у меня въ сердцѣ. Во всякое время вы нашъ дорогой гость.

Лиза дружески подала ему руку, промолвивъ задушевнымъ голосомъ:

— Если резонерка не наскучила вамъ своею болтовней, приходите опять поспорить съ нею.

Выходя изъ дому, Сурминъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Слишкомъ два часа просидѣлъ я у нихъ и не видалъ, какъ пролетѣли, — говорилъ онъ самъ съ собою.—Чудные бываютъ дни въ нашей жизни, — продолжалъ онъ свой монологъ, направляя шаги на извозчичью биржу подъ Новинскимъ. — Приходятъ ли они, какъ глупыя облака, нанесенныя надъ нашею головой такимъ же безсмысленнымъ направленіемъ воздуха, или посылаются рукою Провидѣнія, — знаетъ одинъ Богъ. Надо же было мнѣ выйти на Кузнецкій мостъ для покупки себѣ барометра и встрѣтить у оконъ Даціаро того страннаго, но прекраснаго, добродушнаго старика, которому семейство наше было нѣкогда такъ обязано. Надо было встрѣтиться ему при выходѣ отъ Швабе съ какимъ-то врагомъ, злодѣемъ, упасть и ушибиться, а мнѣ отвезти его домой и увидѣть его дочь. Чудный старикъ-дитя! Жизнь его такъ загадочна, несчастіе такое таинственное и ужасное!.. Мѣщанинъ, коллежскій совѣтникъ обокралъ казну, обокралъ его, убилъ жену... Старикъ откровененъ до простодушія, полюбилъ меня и когда-нибудь разскажетъ мнѣ свою грустную повѣсть. Превосходительство! Занималъ видное мѣсто, могъ нажить себѣ состояніе, какъ это многіе дѣлаютъ, и между тѣмъ бѣденъ, и дочь, какъ она сама мнѣ говорила, даетъ уроки по домамъ!.. Вотъ вамъ и честность!. Родятся же такіе чудаки!.. Одни называютъ ихъ уродами, другіе глупцами, я глубоко уважаю ихъ. Русское семейство именемъ и любовью къ отечеству, и какая смѣсь разнородныхъ стихій втекла въ него! Жена и отецъ ея, какой-то панцырный бояринъ, поляки, и этотъ кузенъ Владиславъ, при имени котораго она смутилась... Кажется, такая строгая на словахъ, съ энергическимъ характеромъ, жаждетъ подвиговъ... Да полно, такъ-ли велики эти

силы, какъ высказываетъ? Не миражъ-ли? Говоритъ благоразумно, одушевленно, а между тѣмъ заведись червякъ въ сердцѣ, такъ запоетъ другое... можетъ быть, и завелся. Странно, я узналъ ее только нынѣ, а она ужъ околдовала меня, я засидѣлся у нихъ, заслушался ее. Очаровательно хороша! Какой дивный профиль! какіе глаза! Умна и съ огонькомъ! Ужь, конечно, не имѣю права ревновать ее, это безумно, между тѣмъ какъ будто инстинктомъ ревную къ этому Владиславу, котораго и въ глаза не видалъ. Чтобы ни было, узнаю ихъ покороче, узнаю его, и тогда что Богъ дастъ!.. По крайней мѣрѣ, какъ сказалъ старикъ, и у меня этотъ день записанъ въ сердцѣ.

Исторія прошедшей жизни Сурмина коротка и проста, не представляетъ особенно интересныхъ эпизодовъ, выходящихъ изъ ряда обыденной жизни. Родился онъ отъ приречѣнскаго зажиточнаго дворянина, человѣка образованнаго, хорошаго семьянина, хозяина-домосѣда. Онъ рѣдко и то на самое короткое время выѣзжалъ изъ своей деревни въ одну изъ столицъ, жилъ на широкую руку. До двѣнадцати лѣтъ Андрюша былъ одинъ сынъ у родителей, позднѣе Богъ далъ ему двухъ сестеръ-двойниковъ. До появленія же ихъ въ свѣтъ вся любовь матери и отца сосредоточивалась безраздѣльно на немъ одномъ. Мать его, дочь довольно извѣстнаго русскаго литератора двадцатыхъ годовъ, въ первые годы его дѣтства сама учила его всему, чему училась въ одномъ петербургскомъ институтѣ, изъ котораго вышла съ шифромъ, и, что всего важнѣе, умѣла внушить ему любовь къ добру, правдѣ и чести. Примѣромъ ему была жизнь отца и матери. Послѣ русскаго дядьки у мальчика не было гувернеровъ, гувернеромъ ему былъ самъ отецъ, оставшійся болѣе другомъ его, чѣмъ руководителемъ, до послѣднихъ дней своихъ. Дитя, потомъ юноша повѣрялъ ему и

матери своей всѣ свои проступки и даже увлеченія. По смерти отца эта дружеская довѣренность перешла нераздѣльно въ наслѣдство къ матери. Когда Андрюшѣ минуло 13 лѣтъ, его повезли въ Петербургъ. Съ того времени Сурмины оставались тамъ постоянно цѣлые годы кромѣ кратковременныхъ экскурсій въ деревню для повѣрки хозяйства. Въ Петербургѣ ходили къ мальчику дѣльные учителя. Въ пособіе къ этому преподаванію отецъ его, имѣвшій богатую библіотеку, познакомилъ его съ сокровищами новой литературы въ подлинникѣ и древней въ лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ переводахъ. Такимъ образомъ Андрюша, одаренный отъ природы хорошо устроенной головой и съ живою воспріимчивостью всего, что ему преподавали, приготовился къ поступленію въ высшее учебное заведеніе, именно въ лицей, такъ какъ предназначали его въ гражданскую службу. Однакожъ, вмѣсто лицея онъ попалъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ, по убѣжденію начальника школы, друга отца его, обѣщавшаго имѣть объ немъ попеченіе, какъ о собственномъ сынѣ. Во время пребыванія его тамъ онъ потерялъ отца и горько его оплакалъ. Кончивъ курсъ въ школѣ юнкеровъ, молодой человѣкъ поступилъ на службу въ кавалергардскій полкъ. Это сдѣлано было уже по настоянію и покровительству его крестной матери, дамы высшаго аристократическаго круга, увѣрявшей Сурмину, что, еще держа новорожденнаго у купели на рукахъ своихъ, она обрекла его въ кавалергарды. Мать согласилась, но объявила сыну, чтобы онъ не покидалъ своихъ любимыхъ занятій и готовился современемъ къ болѣе дѣловому служенію въ генеральномъ штабѣ. Когда Сурминъ въ первый разъ явился къ своей крестной матери въ полной формѣ кавалергарда, она не могла довольно налюбоваться имъ. Отъ нея онъ выѣхалъ на тысячномъ конѣ, ею подаренномъ.

Въ полку онъ строго исполнялъ свои служебныя обязанности и въ кругу офицерскомъ слылъ за прекраснаго, благороднаго товарища. Не позволялъ онъ себѣ задорныхъ рѣчей, въ дѣлѣ чести былъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ карты не игралъ, не любилъ буйныхъ оргій, но не отказывался въ своемъ кругу отъ лишняго бокала шампанскаго. Въ женскомъ кругу онъ имѣлъ нѣсколько счастливыхъ, хотя и мимолетныхъ, побѣдъ, безъ всякихъ серьезныхъ увлеченій; въ маскарадахъ красиваго, стройнаго кавалергарда любили интриговать и дамы высшаго полета, и актрисы, и знаменитыя камеліи. Съ однѣми онъ очень умно любезничалъ, другимъ позволялъ похитить себя на нѣсколько упоительныхъ часовъ, смѣясь въ бороду богатымъ старичкамъ, безразсчетно сыпавшимъ на своихъ любовницъ золотомъ, благо и неблагопріобрѣтеннымъ.

Мы видѣли, что онъ пріѣзжалъ съ матерью въ Порѣчье, когда по случаю семейныхъ обстоятельствъ и по милости опекуна, родного брата отца его, имѣніе ихъ едва не было продано съ молотка. Какъ оказались долги на имѣніи ихъ и какъ увлечены были Сурмины въ эти трудныя обстоятельства, мы, можетъ статься, будемъ имѣть случай говорить при встрѣчѣ этого братца на перепутьѣ нашего романа. Пробывъ на службѣ въ кавалергардахъ узаконненное число лѣтъ, онъ перешелъ въ генеральный штабъ. За нѣсколько времени до того умерла его крестная мать, завѣщавъ ему свой миніатюрный портретъ, писанный во время ея счастливой молодости. Въ генеральномъ штабѣ онъ оставался не болѣе пяти лѣтъ, призванный въ деревню любовнымъ голосомъ матери заняться хозяйственными дѣлами, съ которыми она, по слабости здоровья, не могла болѣе совладать.

Однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній ея было, чтобы сынъ ея женился, хотя бы выборъ его палъ

на бѣдную дѣвушку; но выборъ этотъ не представлялся.

Сурминъ, пріѣхавъ въ Москву по одному тяжебному дѣлу, затѣянному вновь его сутяжнымъ дядей, имѣлъ случай бывать въ разныхъ кружкахъ московскаго общества; здѣсь маменьки и дочки искусно и неискусно пускались на ловлю богатаго женишка, но онъ не поддался ихъ маневрамъ; сердце его оставалось свободнымъ. Не чувство нѣжное вынесъ онъ изъ этихъ кружковъ, а злую сатиру на нихъ, онъ же по природѣ былъ склоненъ къ ней.

III

Въ Москвѣ, также какъ и въ Петербургѣ, есть и роятся дома, которыхъ владѣльцы, желая избавиться отъ хлопотливыхъ сношеній со многими постояльцами, отдаютъ квартиры цѣлыми отдѣленіями одному наемщику, а этотъ, уже по своему усмотрѣнію и разсчетамъ, разбиваетъ ихъ на нѣсколько нумеровъ. Ставится въ нихъ разнокалиберная мебель, купленная на Сухаревскомъ или Смоленскомъ рынкахъ, и съ того времени они изъ рядовыхъ квартиръ возводятся въ чинъ меблированныхъ комнатъ и даже въ chambres garnies. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ можно бы приличнѣе назвать chambres dégarnies,—такъ выцвѣли и закоптѣли на нихъ обои, облупились подъ когтями времени двери, полы и окна, такъ бѣдны онѣ предметами сидѣнія, лежанія и храненія вещей, необходимыхъ жильцу. Правда, нѣкоторые, изъ этихъ жильцовъ могутъ сказать съ гордостью римлянина, что они все свое имущество носятъ съ собою. Случается, что по истеченіи контрактнаго срока хозяинъ дома, довольный наемщикомъ отдѣленія за аккуратный платежъ условныхъ денегъ и добропорядочнымъ поведеніемъ его постояльцевъ, рѣшается обновить отдѣленіе на прежнихъ или новыхъ условіяхъ. Для этой операціи пользуются благодатными лѣтними мѣсяцами, когда

жители Москвы, кто можетъ по средствамъ своимъ, спѣшатъ, какъ говорится въ витіеватомъ слогѣ, броситься изъ душной Бѣлокаменной въ объятія природы. Тогда отдѣленіе большею частью опустѣетъ, всѣ птенцы его повылетаютъ изъ постоянныхъ гнѣздъ своихъ и свиваютъ временныя по окрестностямъ. Дачи столько разъ и такъ эффектно описаны нашими фельетонистами-повѣствователями, что я избавляюсь отъ новаго описанія ихъ. При наступающемъ обновленіи меблированныхъ комнатъ развѣ не покидаетъ свою каморку какой-нибудь бѣднякъ студентъ, которому не выпалъ счастливый жребій ѣхать на вакаціонное время къ помѣщику — обучать всякой премудрости его дѣтище, и осталось переноситься однѣми грустными думами въ отдаленные родные края,

Гдѣ тыква и арбузъ на солнцѣ зрѣютъ.

Да и тутъ, если уголъ его понадобился для окраски и оклейки, его заставляютъ перекочевать въ другой, обновленный номеръ, гдѣ онъ имѣетъ удовольствіе не только считать галокъ на крышахъ сосѣднихъ домовъ и любоваться, смотря по погодѣ, голубыми или сѣрыми клочками неба, но и обонять до одурѣнія зловоніе свѣжей масляной краски.

Въ одномъ изъ домовъ на Арбатской улицѣ содержала подобное отдѣленіе, комнатъ въ двадцать, Гертруда Казиміровна Шустервагенъ, вдова, по происхожденію шляхтянка, по родинѣ полька, по замужеству нѣмка, лѣтъ 45. На линіяхъ уже отцвѣтшаго лица ея можно было выслѣдить, что она была нѣкогда очень недурна. Но въ настоящее время бывшая хорошенькая бабочка готова была завернуться въ оболочку куколки, которою могъ развѣ любоваться натуралистъ, занимающійся метаморфозами женскаго пола. Въ молодости своей, какъ знали самые интимные ея пріятели,

она была неравнодушна къ мужескому полу. Еще и теперь, когда бесѣдовалъ съ нею интересный молодой человѣкъ, въ сѣренькихъ глазкахъ ея мелькали искорки того огня, которымъ они прежде горѣли, голосъ ея, обыкновенно fortissime, переходилъ въ бемольный. Но увы! эти искры падали на собесѣдника, не оставляя по себѣ слѣда, этотъ бемольный голосъ не производилъ никакой тревоги въ сердцѣ слушателя. Исторію ея разсказываютъ слѣдующимъ образомъ: Восемнадцати лѣтъ похитилъ ее офицеръ изъ дома родительскаго, пожилъ съ нею нѣсколько мѣсяцевъ въ нигилистическомъ бракѣ и бросилъ ее на произволъ судьбы. Наградою за прекрасные дни, съ нею проведенные, были: двадцатипятирублевая кредитка съ оторваннымъ во время азартной игры номеромъ, самоваръ, довольно поворчавшій на своемъ вѣку, двѣ столовыя и одна чайная серебряныя ложки, потерявшія отъ долговременнаго употребленія свой первоначальный вѣсъ. Справедливость требуетъ прибавить въ придачу къ этому наслѣдству одну, разрозненную съ подругою, серебрянную шпору, вальтрапъ съ померкшими звѣздами, разнаго сомнительнаго металла галуны, изъ выжиги которыхъ несомнѣнно можно было извлечь унціи двѣ мѣди. Да развѣ присовокупить къ этой росписи дюжины двѣ пустыхъ бутылокъ, въ которыхъ хранилась нѣкогда искрометная влага «благословеннаго Аи». Всѣ эти предметы могли только пробудить въ сердце нашей Аріадны драгоцѣнныя воспоминанія объ исчезнувшемъ Тезеѣ и исторгнуть изъ глазъ ея слезы при мысли, что на дняхъ у нея не будетъ насущнаго хлѣба. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи она рѣшилась было утопиться, но ее избавилъ отъ купанья и его горшихъ послѣдствій панъ экономъ господскаго фольварка, жадно заглядывавшійся на нее въ приходскомъ костелѣ, какъ на будущую лакомую добычу. Вслѣдъ за первымъ льсти-

вымъ предложеніемъ Гертруда, недолго думавши, поступила къ новому своему патрону. Но и этотъ, поживши съ нею въ натуральномъ бракѣ года съ два, потребованъ къ отчету не въ управленіи фольваркомъ, а въ умѣніи распорядиться жизнью, дарованною ему небесами. Отъ пана эконома досталось ей наслѣдство покрупнѣе и поцѣннѣе офицерскаго. Она поселилась въ Вильнѣ, гдѣ и ожидала, что взойдетъ надъ нею болѣе счастливая звѣзда. Такъ и случилось. Здѣсь приглянулась она каретнику Шустервагену. Онъ любилъ дѣлать все аккуратно и прочно, чему доказательствомъ служили его оси, не боявшіяся ударовъ многопудоваго молота, и шины, которыя выдерживали русскія шоссейныя дороги на тысячу верстъ, и потому предложилъ Гертрудѣ Казиміровнѣ свою руку и сердце. Этотъ союзъ, вдвойнѣ закрѣпленный у двухъ алтарей благословеніями ксендза и пастора, былъ долговѣчнѣе связей, не освященныхъ церковью. Супругъ ея скоро переселился въ Москву; разумѣется, и она за нимъ послѣдовала подъ сѣнь златоглаваго Ивана Великаго. По истеченіи безмятежнаго, хотя и бездѣтнаго, 20-тилѣтняго супружества она уже законно овдовѣла и осталась послѣ покойника законною обладательницей кругленькаго капитальца, ей аккуратно завѣщаннаго. Привыкнувъ къ добропорядочному хозяйству въ школахъ коханна эконома и своего lieber'а Карла Иваныча, Гертруда Казиміровна разсудила за благо, для сохраненія и даже пріумноженія этого капитала, завести меблированныя комнаты. Она повела свое дѣло такъ хорошо, что два, три года отдѣленіе ея прозвано было, хотя и неофиціально, польскою отелью, а иные, въ подражаніе знаменитой варшавской, возвели ее въ саксонскую. Постояльцы у госпожи Шустервагенъ были студенты, офицеры, пріѣзжіе со службы въ отпускъ и отставные, помѣщики, адвокаты, люди, ничего не

дѣлающіе или дѣлающіе очень много подъ маскою праздности,—большею частью ея компатріоты, поляки, или такъ называющіе себя уроженцы сѣверо и юго-западныхъ губерній. Можно бы раздѣлить ихъ по состоянію на нѣсколько разрядовъ. Иные могли назваться людьми достаточными. Эти занимали по два и даже по три комфортабельныхъ номера, которые Гертруда Казиміровна прозвала графскими, хотя ни одинъ графъ въ нихъ не останавливался. Другіе изъ постояльцевъ жили безъ нужды, третьи перебивались изъ мѣсяца въ мѣсяцъ на свое скудное жалованье, на стипендіи и уроки. Были и такіе, которые, вмѣсто обѣда или чая, въ черные дни питались табачнымъ дымомъ. Но и тутъ добрая хозяйка, замѣтивъ, что въ урочный часъ въ такой-то номеръ не требовали обѣда, и узнавъ, что постоялецъ дома и здоровъ, приказывала иногда подать къ нему обычныя порціи. За то и сиротствующіе студентики называли ее своей мамашей. Бывали даже и такіе добросовѣстные господа, которые, проживъ въ ея саксонской отелѣ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣлокъ, утекали тайкомъ ночью, оставивъ ей въ полную собственность пустой, ветхій чемоданъ. Выѣзжали нѣкоторые изъ такихъ господъ и днемъ, запечатлѣвъ при этомъ случаѣ поцѣлуемъ въ ручки сохранную росписку, по которой она могла отыскивать кредитора по всѣмъ концамъ размашистой Россіи или требовать уплаты на второмъ пришествіи.

— А якъ я добродзея спокоила и жаловала, и якъ онъ негжечно отплатилъ мнѣ за то вшистко, Панъ Бугъ съ нимъ!

Пробоина была сдѣлана порядочная въ кораблѣ г-жи Шустервагенъ, но случалось, однакожъ, что пасажиры на немъ спѣшили поправить несчастіе капитана въ юбкѣ, котораго они любили за доброту, за честное и точное исполненіе условныхъ обязанностей.

Они составляли складчину, покрывавшую долгъ бѣглеца. Такимъ образомъ въ этой польской колоніи вождь ея и колонисты обрѣтались въ ненарушимой пріязни.

Одинъ изъ такъ называемыхъ графскихъ номеровъ занималъ Владиславъ Стабровскій, хотя былъ въ незначительномъ чинѣ. Онъ по службѣ получалъ жалованья около тысячи рублей, да вдобавокъ мать его, бѣлорусская зажиточная помѣщица, любившая дѣлать все во славу своего имени, присылала ему ежегодно болѣе тысячи, что составляло порядочную сумму, на которую безсемейный можетъ жить комфортабельно. Его квартира состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ, служившихъ одна гостиной, а другая кабинетомъ; въ третьей съ полусвѣтомъ была его спальня. Прибавьте къ нимъ переднюю съ перегородкой, и вы согласитесь, что помѣщеніе это, наполненное приличной мебелью, могло удовлетворить житейскія потребности молодого человѣка, да еще холостого. Онъ держалъ слугу, имѣлъ порядочный столъ, за приготовленіемъ котораго особенно наблюдала Гертруда Казиміровна, не отказывалъ себѣ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, но и не сорилъ деньгами. Съ кандидатскимъ аттестатомъ, умомъ, дѣятельностью и покровительствомъ людей съ вѣсомъ, онъ, несмотря на свою молодость, занималъ мѣсто, служившее ему надежною ступенью къ видному повышенію. Не говорю о благородныхъ правилахъ, которыхъ онъ строго держался и которыя въ наше время полагаются иногда на вѣсы при оцѣнкѣ служебныхъ качествъ. Надо прибавить, что большую долю покровительства доставилъ ему Ранѣевъ, имѣвшій еще связи съ сильными міра сего.

Мы застаемъ Владислава Стабровскаго въ одни изъ самыхъ тревожныхъ, роковыхъ часовъ его жизни. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ

двадцати шести. Кто не зналъ бы его славянскаго происхожденія, сказалъ бы, что онъ итальянецъ. Типъ Авзоніи отпечатался на его нѣсколько смугломъ лицѣ, въ его черныхъ глазахъ, горящихъ томительнымъ огнемъ юга, въ его черныхъ, шелковистыхъ волосахъ, густо ниспадающихъ на шею. Ничего рѣзкаго, выдающагося, ни одной ломаной линіи въ тонкихъ чертахъ его лица; все было въ немъ полная гармонія.

Едвига Стабровская, вдова бѣлорусскаго помѣщика, имѣла двухъ сыновей,—старшаго Владислава и меньшого Ричарда [1]). Оставшись послѣ смерти мужа съ небольшимъ состояніемъ, она не могла воспитывать ихъ на свои средства. Но на помощь ей пришла матушка-Россія. Эта добродушная орлица одинаково принимаетъ подъ теплыя, широкія крылья свои всѣхъ птенцовъ, прибѣгающихъ и приползающихъ къ ней, не разбирая—изъ голубинойли они породы, или изъ ястребиной. За то, когда ястребки оперятся, вылетятъ изъ гнѣзда и почувствуютъ, что у нихъ есть острый клювъ, они нерѣдко, въ благодарность за попеченія воспитавшей ихъ матери, стараются заклевать ее. Съ этой помощью Едвига отдала на казенный счетъ сначала перваго сына въ русскую гимназію, а затѣмъ второго, который былъ моложе его четырьмя годами, въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Владилавъ, по окончаніи университетскаго курса, пошелъ по гражданской службѣ; Ричардъ вышедши изъ корпуса, — по военной и поступилъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ.

Только тогда, когда Владиславъ вышелъ изъ университета, мать его нежданно получила богатое на-

---

[1]) Не знаю, правильно-ли я пишу его имя; въ статьѣ «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи», напечатанной въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г., оно не означено.

слѣдство. Революціонные помыслы ея, нѣкогда смиряемые скромнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, не позволявшимъ ей успѣшно дѣйствовать, при благопріятномъ для нея поворотѣ колеса фортуны, развернулись во всей силѣ. Владиславъ, бывшій у нея въ отпуску за годъ до того времени, съ котораго мы начинаемъ нашъ разсказъ, слышалъ отъ нея, что въ Москвѣ живетъ ея родственникъ въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ, Ранѣевъ. Воспитанная и опекаемая ксендзами, она не любила ничего, что носило имя русское; но какъ родственникъ этотъ былъ превосходительный, то, слѣдуя правиламъ тайнаго польскаго катехизиса, задумала чрезъ его покровительство современемъ доставить сыну мѣсто, гдѣ онъ могъ быть полезенъ польской справѣ. Замыслы эти не были извѣстны Владиславу, хотя она съ малолѣтства его и впослѣдствіи, при кратковременныхъ свиданіяхъ съ нимъ, старалась напитывать его воспріимчивую, пылкую натуру любовью къ польской отчизнѣ, которую, однакожъ, до поры до времени сливала съ русскимъ государствомъ подъ одною державой.

Владиславъ, возвратясь въ Москву изъ отпуска, отыскалъ Ранѣевыхъ, былъ ими ласково принятъ, какъ родной, и съ того времени считался членомъ ихъ семейства. До того родственны были ихъ отношенія, что молодые люди обращались другъ съ другомъ на ты. Лиза нѣсколько разъ заходила съ отцомъ къ нему на квартиру и хозяйничала у него за чайнымъ столомъ. Полюбивъ ихъ, онъ сталъ любить имя русское, русскую землю. Но позднѣе явились въ Москвѣ польскіе эмиссары и начали постепенно искушать его революціонными идеями. Мы уже узнали, изъ разсказа Ранѣева Сурмину, неосторожный отзывъ его о польской національности въ Бѣлорусскомъ краѣ, и какъ этотъ отзывъ нагналъ черную тучу на мирныя, дружескія

отношенія, доселѣ никогда съ обѣихъ сторонъ ненарушаемыя. Если что и удерживало доселѣ Владислава предаться вполнѣ коварнымъ внушеніямъ польской пропаганды, такъ это было чувство, это были надежды, охватившія вполнѣ его душу. Увѣнчайся эти надежды успѣхомъ, и онъ, можетъ быть, принадлежалъ-бы всѣмъ существомъ своимъ Россіи.

Красота Лизы не могла не сдѣлать сильнаго впечатлѣнія на сердце молодого человѣка. Подъ покровомъ родства они сблизились. Владиславъ полюбилъ ее страстно; она показывала, что любитъ его, какъ одного изъ лучшихъ, добрыхъ друзей своихъ. Слово любви никогда не было произнесено между ними. Ранѣева когда-то говорила своей интимной подругѣ:— «Если дѣвушка сказала мужчинѣ, что она его любитъ, такъ обручилась съ нимъ навсегда; еслижъ въ увлеченіи страсти поцѣловала его, она сочеталась съ нимъ союзомъ, надъ которымъ нѣтъ уже власти ни отца, ни матери, нѣтъ власти земной. Только смерть одного изъ нихъ можетъ его разорвать. Это два акта сердечнаго священнодѣйствія, ими шутить нельзя».—Можетъ быть, слова любви не смѣли они произнести, потому что надъ головами ихъ висѣлъ дамокловъ мечъ, который въ одинъ мигъ могъ разсѣчь ихъ тайныя надежды. Этимъ мечомъ было слово отца, хотя сказанное въ простомъ разговорѣ, но твердо намѣченное, что онъ никогда не дастъ своего благословенія союзу дочери съ польскимъ уроженцемъ.—«Мнѣ всегда будетъ чудиться,—говорилъ онъ, — что мой зять сдѣлается врагомъ Россіи».—Воля Ранѣева была далеко не тираническая, но въ этомъ случаѣ непреклонная; преступить эту волю значило убить его, а спокойствіе и здоровье отца было для Лизы дороже всего на свѣтѣ. Правда, Владиславъ со своей страстной натурой не могъ въ минуты интимныхъ бесѣдъ съ кузиной не обнаружить

хоть проблесками своихъ тайныхъ чувствъ; но Лиза спѣшила погасить ихъ или смѣхомъ, или строгимъ, холоднымъ словомъ, которому онъ волей-неволей покорялся, боясь потерять и ту долю любви, пріобрѣтенную, какъ онъ догадывался и безъ свидѣтельства словъ. Съ этой поры она держала его въ строгихъ границахъ родственной дружбы. Кто въ состояніи былъ бы заглянуть глубже въ тайникъ ея души, увидалъ бы, можетъ статься, что она совершаетъ тяжкій подвигъ. Она любила его, но не *должна* была любить, — натура страстная, но готовая на всѣ пытки, лишь бы исполнить долгъ свой. Въ такихъ отношеніяхъ оставались они до того времени, когда мы знакомимъ съ ними читателя.

Палевая полоса обозначалась уже на восточномъ небосклонѣ и все болѣе и болѣе разгаралась, а Владиславъ, заснувшій только съ часъ и разбуженный послѣ полуночи появленіемъ рокового для него вѣстника, все еще оставался въ томъ положеніи, въ которое онъ былъ повергнутъ послѣ проводовъ его. Этотъ вѣстникъ былъ капитанъ генеральнаго штаба Людвигъ Жвирждовскій. Онъ привезъ письмо отъ Едвиги Стабровской къ сыну и обѣщался придти на другой день за отвѣтомъ. Владиславъ то сидѣлъ въ глубокой задумчивости, облокотясь на столъ и утопивъ пальцы въ густые нечесанные волосы, то задремлетъ, одолѣваемый физическимъ утомленіемъ, то вдругъ встрепенется, какъ будто кто-нибудь толкнулъ его. И пойдетъ учащенными шагами ходить по комнатѣ. Глаза его были мутны отъ безсонницы и душевной тревоги. Повременамъ дѣлалъ онъ энергическія движенія рукой, вырывались у него отрывистыя слова, на которыя онъ самъ давалъ отвѣты:—«Освободить ойчизну? Безуміе!.. Сколько разъ эти попытки сопровождались еще бо̀льшими бѣдствіями для Польши! Все вздоръ!.. И какой я полко-

водецъ? Что сумѣю я сдѣлать въ сраженіи? Все то же, что рядовой жолнеръ. И тотъ по своимъ физическимъ силамъ будетъ полезнѣе меня. Одушевлять ихъ, когда я самъ палъ духомъ?.. Проститься навсегда съ Лизой, проститься съ лучшими надеждами своими! Пускай громъ Божій падетъ на голову тѣхъ, кто затѣялъ эту кутерьму!.. Но любитъ-ли она меня? Когда-жъ говорила она мнѣ это? Не обольщаюсь-ли я однѣми примѣтами?.. А такъ завѣтъ отца... я полякъ... ее не отдадутъ за меня... я долженъ, однакожъ, узнать... Испытаю, рѣшусь написать ей, спрошу, и тогда посмотрю, остаться ли мнѣ здѣсь и вопреки воли матери, или ей повиноваться. Не могу повиноваться. Не могу дальше вынести муки неизвѣстности».

Онъ опять сѣлъ, закрылъ рукою глаза, наполненные слезами; послѣ того, тряхнувъ головой, словно стряхалъ изъ нея мрачныя мысли, сталъ перечитывать письмо, лежавшее на столѣ. Вотъ что писала мать. Чтобы избавить читателя отъ затрудненія разбирать письма и разговоры на польскомъ языкѣ, буду передавать ихъ въ русскомъ переводѣ.

«Любезный сынъ!
«Панъ Іезусъ буди похвалёный,
«Еще Польша не сгинѣла!»

«Податель этого письма мой искренній, задушевный другъ. Довѣрься ему во всемъ; онъ объяснитъ тебѣ изустно, чего я, женщина, не имѣю возможности передать тебѣ, особенно на бумагѣ. Могу только сказать: наступило роковое время для нашей дорогой Польши, при имени которой сердца сыновъ ея не переставали биться любовью и самоотверженіемъ, несмотря, что они сто лѣтъ придавлены были медвѣжьей лапой. Никогда еще обстоятельства не были такъ благопріятны, чтобы сбросить ее. Все готово для совершенія вели-

каго подвига. Воины за свободу, имя и честь нашей ойчизны стекаются со всѣхъ сторонъ подъ крылья бѣлаго орла. Друзья наши не только на нашей родной землѣ, но и за-границей — многочисленны. Франція, Англія, Италія и Швеція скоро затопятъ Россію своими арміями и выгонятъ орды ея изъ Европы, гдѣ варварамъ и еретикамъ не должно быть мѣста. Туда ихъ, въ азіатскіе снѣга, гдѣ они могутъ обниматься со своими четвероногими, такими же мохнатыми братьями. Внутри Россіи готовится мятежъ. Наши занимаютъ надежныя мѣста и работаютъ разумно, ревностно. Быдло московское, которому задали дурману золотыми грамотами, готово поднять за рога все, что попадется ему на встрѣчу. Сами русскіе намъ помогаютъ. Передовые ихъ люди, литераторы и юношество, настроенное нашими учителями, — это стадо глупыхъ барановъ, бѣгутъ на зовъ интелигенціи. Братъ твой, бывшій прапорщикъ въ русской службѣ, утекъ изъ полка, и ужь пулковникъ жонда. Брось и ты свое подъячество. Замыслы мои о твоемъ будущемъ назначеніи теперь не годятся. Не съ перомъ, а съ мечомъ должны выступить сыны Польши въ ряды освободителей ея. А тамъ кончится война,—побѣда будетъ несомнѣнно на нашей правдивой сторонѣ, благословляемой святѣйшимъ отцомъ-папой, — ты можешь бросить мечъ въ сторону и занять важное мѣсто въ польскомъ крулевствѣ. Въ Россіи черепашьимъ классным шагомъ недалеко уйдешь. Я слышала, не скажу отъ кого, что тебя обворожили въ семействѣ Ранѣева, что ты влюбленъ въ его дочку. Не смѣй и думать о союзѣ съ еретичкой. Развѣ перевелись на нашей землѣ красавицы, которыми она всегда славилась? Панъ Людвигъ назначенъ могилевскимъ воеводой. Онъ обѣщаетъ тебѣ также номинацію въ пулковники и начальство надъ витебскимъ отрядомъ близъ нашего имѣнія, на

границѣ Могилевской губерніи. Друзья мои ручаются мнѣ за двѣ тысячи молодцовъ, если ты будешь ихъ вождемъ; какъ рыцари креста шли на освобожденіе Гроба Господня отъ ига мусульманскаго, такъ ты долженъ спѣшить на освобожденіе ойчизны отъ ига еретиковъ и варваровъ. Пріѣзжай не мѣшкая, время не терпитъ. Объятія матери ожидаютъ тебя. Горжусь, что имѣю двухъ сыновей, готовыхъ умереть за великое дѣло, какъ умирали Гораціи. Крѣпко прижимаю тебя къ сердцу, пане пулковникъ, благословеніе мое надъ тобою, милый сынку.

«Нѣжно любящая тебя мать
«Едвига Стабровская».

«P. S. Сожги это письмо; не кротость агнца нужна намъ теперь, а мудрость змія. Панъ ксендзъ Антоній прочиталъ его и одобрилъ. Онъ посылаетъ тебѣ свое пастырское благословеніе. Въ этомъ письмѣ найдешь другое на твое имя. Пишу въ немъ, что отчаянно больна. Ты предъявишь его своему начальству, чтобы дали тебѣ скорѣе законный отпускъ. Изъ деревни, осмотрѣвшись и приготовивъ все, ты можешь для формы подать въ отставку или поступить, какъ братъ, то есть разомъ разрубить всѣ связи свои съ московской татаріей».

Когда Владиславъ прочелъ во второй разъ письмо, въ груди его подняли борьбу разнородныя чувства: повиновеніе и любовь къ матери, благо ойчизны, хотя и невѣрное, благодарность Россіи, его усыновившей, такъ много для него сдѣлавшей, и любовь къ Лизѣ. Это чувство пересилило остальныя, и онъ рѣшился писать къ ней:

«Милый, безцѣнный другъ Лиза! Воля твоя была никогда не говорить тебѣ о любви моей. Слишкомъ полгода исполнялъ я ее, какъ священный обѣтъ, дан-

ный Богу. Слово твое, твой взглядъ были для меня закономъ. Но теперь наступилъ для меня роковой часъ. Мнѣ предстоитъ одинъ выборъ: счастіе всей моей будущности, или моя гибель. Жребій мой въ твоихъ рукахъ. Я долженъ сломить печать, наложенную тобою на мои уста. Съ первой минуты какъ я увидалъ тебя, я полюбилъ тебя тою силою страсти, которая можетъ только погаснуть съ жизнью, полюбилъ тебя болѣе всего, что для меня дорого и свято въ мірѣ. Ты была для меня не только любимая женщина, была божество, которому я поклонялся. Не скажу тебѣ ничего болѣе потому, что нѣтъ словъ ни на какомъ земномъ языкѣ, чтобы выразить тебѣ, что чувствуетъ мое сердце.

«Вчера я получилъ письмо отъ матери; она зоветъ меня къ себѣ. Не скрою отъ тебя, что она дѣлаетъ меня орудіемъ политическихъ замысловъ. Но скажи мнѣ, что ты меня любишь, поклянись, что не отдашь сердца своего и руки никому кромѣ меня, и я преступлю волю матери, буду глухъ къ зову моего отечества, моихъ братій и останусь здѣсь, счастливый надеждой, что ты увѣнчаешь когда-нибудь мою любовь у алтаря Господня. Буду ждать мѣсяцы, годы. Не скажешь этого, и я уѣзжаю отсюда съ растерзаннымъ сердцемъ, покорный волѣ матери, на родину, гдѣ меня ожидаетъ смерть или на полѣ битвы, или въ петлѣ русской. Жизнь безъ тебя мнѣ болѣе не нужна. Съ послѣднимъ дыханіемъ моимъ, послѣднее слово мое будетъ дорогое твое имя.

«Твой *Вл. Стабр.*».

— Кириллъ!—закричалъ онъ,—запечатавъ письмо.

Слуга, храпѣвшій за перегородкою, встрепенулся, какъ ретивый конь на зовъ бранной трубы, вскочилъ со своего ложа и явился передъ лицо своего госпо-

дина. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, небольшого роста, неуклюжій, съ простоватой физіономіей, съ приплюснутымъ нѣсколько носомъ, съ глазами, ничего не говорящими. Онъ не успѣлъ второпяхъ обвязать шею платкомъ и застегнуть сюртукъ, мохнатая грудь его была открыта.

— Эхъ! пане, встали съ кочетами, — сказалъ онъ съ сердцемъ, перемѣшивая русскія слова съ польскими и бѣлорусскими; такъ какъ жизнь его прошла сквозь строй трехъ народностей и ни на одной не установилась, то и въ рѣчи его была подобная смѣсь.

— Сами не спали, да и мнѣ не дали порядкомъ отдохнуть послѣ того ахфицера, чтобъ ему стали діаблы на дроги. Ходитъ украдкой по ночамъ, якъ злодій.

— Ну, не сердись, сослужи мнѣ службу. Ты знаешь, гдѣ живетъ генералъ Ранѣевъ?

— На Прысни-прудѣ.

— Одѣнься, отнеси это письмо къ паненькѣ Елизбетѣ, передай ей осторожнѣе черезъ няньку, чтобы не видалъ отецъ. Если она не вставала, это узнаешь по гардинамъ, задернутымъ въ ея спальнѣ—первое окно отъ воротъ,—такъ покарауль на берегу пруда у ограды и дождись, когда гардины поднимутъ.

Кириллъ былъ изъ числа тѣхъ бѣлорусскихъ слугъ, соединяющихъ съ простоватой, нѣсколько грубой рѣчью безграничную преданность и вѣрность господамъ своимъ, если господа только мало-мальски обращаются съ ними по-человѣчески. Тѣмъ болѣе былъ онъ преданъ доброму, невзыскательному Владиславу. Для него Кириллъ готовъ былъ хоть на пытку. Еслибъ его пилили, чтобы онъ открылъ тайну своего господина, вѣрный слуга не проговорился бы. Онъ не зналъ, что такое праздность, и сидѣть безъ дѣла, скрестивъ руки, считалъ за великій грѣхъ. Когда ему нечего было дѣлать

по окончаніи обыденной барской службы, онъ то вязалъ чулокъ, то по доброй волѣ утюжилъ панскія рубахи, какъ самая искусная прачка, то шилъ себѣ сапоги. Нужно ли было угодить женской прислугѣ въ гостиницѣ, безъ всякихъ видовъ на вознагражденіе, даже сердечное, онъ шивалъ ей женскіе башмаки.

— На отдыхъ,—гововилъ онъ,—Панъ Бугъ далъ человѣку ночь. Задернетъ пологъ у неба—и все созданіе закрываетъ глаза, отдернетъ занавѣску небесную—и засвѣтитъ солнышко, человѣку треба работать въ потѣ лица. Не въ чередъ другимъ днямъ воскресенье: шесть дней дѣлай, седьмой Господу Богу.

И въ этотъ день читалъ онъ молитвы по засаленному молитвеннику: «Krótkie zebranie różnego nabożeństwa.» Повременамъ слышалось за перегородкой: «Boże, bądź miłościw mnie grzesznemu człowiekowi.» Чтеніе это сопровождалось повременамъ глубокими вздохами.

Кириллъ покачалъ головой и пробормоталъ что-то сквозь зубы, на что господиномъ его не было обращено вниманія, пошелъ увальнемъ за свою перегородку, надѣлъ чистую манишку, бѣлый галстукъ, бѣлый жилетъ и остальной костюмъ по праздничному, какъ бы шелъ въ костелъ.

— Заприте, баринъ, за мною дверь; я иду.

Въ ожиданіи его Владиславъ сталъ опять неистово ходить по комнатѣ, думая усиленными движеніями угомонить сердечную тревогу. Ожиданія вѣстника были мучительны, минуты казались ему часами. Наконецъ послышался звонокъ; онъ отперъ дверь; Кириллъ подалъ ему письмо отъ паненки Елизбеты.

Дрожащими руками распечаталъ его молодой человѣкъ. Холодомъ повѣяло на него при чтеніи первыхъ строкъ, далѣе и далѣе гнѣвъ и досада выступили на его лицѣ. Вотъ отвѣтъ Лизы:

«Любезный кузенъ! Я никогда не имѣла тайнъ отъ отца, но на этотъ разъ нарушаю свои правила. Чтеніе твоего письма, особенно послѣ твоихъ безразсудныхъ выходокъ о польской національности, письма наполненнаго страсными выраженіями, которыхъ ты мнѣ никогда не говорилъ, раздражило бы его и, можетъ быть, сократило бы его жизнь,—а ты знаешь, что онъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Въ другое время я не отвѣчала бы тебѣ. Но я вижу, что ты находишься въ какомъ-то болѣзненномъ, раздражительномъ состояніи, что письмо твоей матери тебя взволновало, и я рѣшилась отвѣчать.

«Тебя влекутъ на дѣло страшное, роковое, измѣнническое, какъ я догадываюсь. Не ставлю себя судьею въ этомъ дѣлѣ; не мнѣ, а твоему разуму, твоему честному, благородному сердцу рѣшить его. Моя обязанность покоряться отцу, котораго я обожаю, а воля его тебѣ извѣстна. Безразсудный! Зная все это, чего ты отъ меня требуешь? Чтобы я сказала тебѣ слово, послѣ котораго нѣтъ уже никакой родительской, никакой земной власти! И какое время выбралъ ты для этого? Когда разгорается польская революція, когда въ Варшавѣ стрѣляютъ въ царскихъ намѣстниковъ. Можетъ быть, родной братъ твой въ этотъ мигъ заноситъ мечъ надъ головой моего брата! Я не могу скрыть отъ тебя, вчера отецъ мой получилъ извѣстіе, что Ричаръ Стабровскій бѣжалъ изъ П. полка. И въ это-ль самое время я поклянусь носить когда-нибудь опозоренное теперь имя?... Чтожъ могу я послѣ этого сказать тебѣ? Только одно: я любила и люблю тебя, какъ брата, какъ одного изъ лучшихъ друзей моихъ, останусь любящею сестрой твоей, другомъ, пока ты самъ не послѣдуешь измѣнническому примѣру Ричарда. Ты воленъ располагать своею судьбою, какъ тебѣ угодно; я не вяжу ни тебя, ни себя никакимъ

обѣтомъ, никакимъ словомъ. У тебя есть мать, которой ты долженъ покоряться, какъ я покорна отцу моему. Но знай, что врагъ Россіи есть его и мой врагъ. Уѣдешь, буду сильно грустить, что потеряла друга, и молить Бога, чтобы Онъ возвратилъ тебя на путь истинный Только на этомъ пути найдешь опять

«любящую тебя сестру
«Лизу».

Тяжко дышалъ Владиславъ, читая это письмо. Онъ перечиталъ его снова, взвѣсилъ каждое выраженіе и нашелъ его слишкомъ разумнымъ, слишкомъ холоднымъ.

— Нѣтъ, она меня не любитъ, такъ не пишутъ любящія женщины! Участь моя рѣшена!—сказалъ онъ и судорожно скомкалъ письмо въ рукѣ.

— Ты видѣлъ ее самое? — спросилъ онъ Кирилла.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—мамка вынесла, да мувила: «Понапрасну баринъ твой только безпокоитъ себя и нашу барышню своими письмами. Онъ знаетъ, что ей не бывать за полякомъ, вражьимъ сыномъ. Да у нея есть ужь женишекъ, словно писанный, такой бравый, кровный русскій дворянинъ, побогаче да почище твоего шляхтича. Не велика птица! У насъ въ Витебскѣ кухарка и кучеръ были изъ шляхты».

— Ты не знаешь, какъ зовутъ этого женишка?

— Говорила, кажись, Сурминъ.—Да еще беззубая проворчала: «генералъ въ немъ души не чаетъ и барышнѣ больно полюбился; почти кажинный день бываетъ у насъ».

Эти слова подняли со дна все, что накопилось въ душѣ Владислава.

— Счастливо оставаться! — сказалъ онъ, махнувъ рукой.

— Кириллъ!—крикнулъ онъ такимъ голосомъ, отъ котораго вздрогнулъ бы другой на мѣстѣ бѣлорусца.

Слуга стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ, а онъ отуманенными глазами не видѣлъ его.

— Я здѣсь, пане.

— Мы послѣзавтра ѣдемъ.

Кириллъ покачалъ головой и спокойно сказалъ:

— Ладно, за нами дѣло не станетъ.

Въ комнатѣ былъ каминъ. Владиславъ шелковиной связалъ вмѣстѣ письмо матери и письмо Лизы, зажегъ ихъ и бросилъ въ каминъ, да, пока они горѣли, съ какимъ-то злорадствомъ терзалъ коробившіеся отъ огня листочки каминными щипцами.

Утромъ, часамъ къ одиннадцати, пріѣхалъ Жвирждовскій; Владиславъ встрѣтилъ его словами: «я вашъ на жизнь и на смерть» и крѣпко пожалъ ему руку. Хозяинъ и роковой посѣтитель немного говорили; все было сказано въ этихъ словахъ, въ этомъ пожатіи. Людвигъ спѣшилъ въ разныя мѣста для вербовки другихъ соумышленниковъ. Сговорились завтра съ задушевными друзьями пріѣхать къ Владиславу завтракать, между тѣмъ изложить планъ будущихъ дѣйствій и дать отчетъ въ томъ, что уже приготовлено. Хозяину предоставлялось пригласить и своихъ друзей, на которыхъ онъ могъ положиться.

Владиславъ началъ приготовляться къ отъѣзду; онъ поѣхалъ къ своему начальнику, показалъ ему письмо матери, въ которомъ она писала, что отчаянно больна и желаетъ его скорѣе видѣть и благословить. Причина для отпуска была уважительна; онъ получилъ его на два мѣсяца съ дозволеніемъ проживать въ Витебской и Могилевской губерніяхъ, сдѣлалъ нужныя покупки и, возвратившись домой, утомленный безсонницей, душевно измученный всѣмъ, что выстрадалъ въ этотъ день, бросился въ постель. Сонъ его былъ крѣпокъ,

какъ это бываетъ у иного преступника передъ днемъ казни.

Въ самую полночь зазвенѣлъ колоколчикъ; онъ не слыхалъ этого звона. Кто-то сталъ сильно будить его; онъ потеръ себѣ глаза, — передъ нимъ стоялъ Кириллъ.

— Братецъ вашъ пріѣхалъ,—сказалъ слуга.

— Братецъ Ричардъ? Зачѣмъ нелегкая его принесла? Что ему надо? Что такое случилось? Еще новая бѣда!

Владиславъ только это проговорилъ, какъ у постели его появился Ричардъ, бросился ему на грудь и крѣпко обнялъ его. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 22, прапорщикъ гвардейскаго П. полка. Еслибъ снять съ его лица усики и слегка означившіяся бакенбарды, его можно было бы принять за хорошенькую дѣвушку, костюмированную въ военный мундиръ. И на этомъ-то птенцѣ поляки сооружали колосальные планы! [1])

— Безумный! Зачѣмъ ты сюда?—сказалъ съ сердцемъ Владиславъ.—Ты бѣжалъ изъ полка, тебя вѣрно ищутъ, тебя найдутъ у меня, мы пропали.

— Я хотѣлъ только тебя видѣть и обнять; я остановлюсь у Волка; онъ укроетъ меня, завтра же уѣзжаю. Мнѣ нужно только увидѣть Жвирждовскаго.

Владиславъ одумался, всталъ, накинулъ на себя шлафрокъ и со слезами на глазахъ бросился съ жаромъ цѣловать брата.

— Что бы ни было, оставайся у меня и прости мнѣ, что я спросонья такъ холодно тебя принялъ. Только однѣ сутки можешь оставаться здѣсь, съ пер-

---

[1]) Смотри статью: «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи», напечатанную въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 года.

выми поисками бросятся ко мнѣ, и наше дѣло пропало... Мы не только братья по крови, но и братья...

Онъ не договорилъ, позвалъ Кирилла и наказалъ ему, чтобы въ домѣ и помину не было о пріѣздѣ Ричарда.

— Добрже, пане, и безъ васъ знаемъ,—отвѣчалъ съ сердцемъ слуга.

Это «добрже» въ устахъ его значило, что тайна барина умретъ въ его груди.

— Что мать?—спросилъ брата Владиславъ.

— Это героиня, какую только Польша можетъ въ наши времена производить. Еслибъ у нея было десять сыновей, она всѣхъ бы ихъ пожертвовала ойчизнѣ. Она ждетъ тебя. Ты получилъ ужь номинацію?

— Нѣтъ еще, но завтра все порѣшится.

Братья, передавъ другъ другу все, что каждому знать слѣдовало, легли спать,—Ричардъ въ спальнѣ, Владиславъ въ кабинетѣ. Первый, боясь своимъ присутствіемъ у брата подвегнуть его какимъ-нибудь непріятностямъ и общее ихъ дѣло опасности, всталъ съ утренней зарей и простился съ нимъ. Кириллъ, неся за бѣглецомъ чемоданчикъ, выпроводилъ его изъ номера и изъ дому. На площадкѣ наружной лѣстницы спалъ дворникъ, завернувшись въ дырявый полушубокъ и уткнувъ въ него носъ, издававшій свою однообразную музыку. Они перешагнули черезъ него и дошли благополучно до квартиры Волка, жившаго недалеко.

IV

Къ 10-ти часамъ утра собрались заговорщики въ квартирѣ Владислава. Хозяинъ пригласилъ ихъ въ свой кабинетъ, какъ мѣсто, болѣе другихъ комнатъ огражденное отъ любопытства постороннихъ слушателей. Кабинетъ отдѣлялся отъ коридора каменною стѣною и не имѣлъ въ него дверей.

Между заговорщиками были три офицера, два студента, адвокатъ, учитель, два бѣлорусскихъ помѣщика и другихъ званій личности; былъ и миловидный, румяный ксендзъ, съ приходомъ котораго комната окурилась косметическими благовоніями. Одинъ изъ нихъ, помѣщикъ Суздиловичъ, съ отпятившимся впередъ брюшкомъ и съ татарскимъ обликомъ, на которомъ судорожно шевелились черные усики, какъ у таракана, — пересчиталъ число своихъ товарищей и замѣтилъ одному изъ нихъ, что оно роковое —тринадцать. Въ душѣ своей онъ не вѣрилъ этому мистическому числу, но ему нужна была приманка для спора. Этотъ господинъ любилъ вносить смуту во всѣ собранія, гдѣбы онъ ни появлялся. Тотъ, кому онъ это сообщилъ, просилъ не разглашать своего замѣчанія другимъ, чтобы не встревожить суевѣрныхъ. Но Суздиловичъ не выдержалъ, и скоро всѣ были посвящены въ тайну великаго открытія. Кто отвѣчалъ ему сердитой гри-

масой, кто усмѣшкой или пожатіемъ плечъ. Встревожился болѣе всѣхъ панъ солидныхъ лѣтъ въ колтунѣ [1]), какъ въ войлочной шапочкѣ.

Одинъ изъ студентовъ объявилъ, что если слѣдуетъ исключить кого-либо изъ общества, такъ скорѣе всего вѣщуна. Начался споръ, крикъ; одинъ голосъ пересиливалъ другой. Еслибъ при заговорщикахъ было оружіе, оно заблистало бы непремѣнно. Но Владиславъ вскорѣ утишилъ войну, объявивъ, что лучше всѣмъ разойтись, чѣмъ въ началѣ засѣданія изъ бабьяго предразсудка возбуждать раздоръ.

Миръ былъ водворенъ, и всѣ усѣлись по мѣстамъ вокругъ большого круглаго стола.

На президентскомъ мѣстѣ, отличенномъ отъ прочихъ нарядными креслами, сѣлъ офицеръ среднихъ лѣтъ, съ русыми волосами, зачесанными на одну сторону, живой вертлявый, въ мундирѣ генеральнаго штаба, на которомъ красовались капитанскіе погоны. Онъ началъ свою рѣчь ровнымъ, размѣреннымъ голосомъ:

— Какъ одинъ главныхъ двигателей великаго дѣла, я долженъ взять съ васъ, панове, слово не увлекаться горячностью, даже патріотическою, и не считать для себя оскорбленіемъ, если кто изъ вашихъ братій будетъ противнаго съ вами мнѣнія. Я первый даю слово подчиниться этому уговору. Только большинство голосовъ рѣшаетъ мнѣніе или предложеніе, и этому рѣшенію покоряются всѣ безусловно.

— Позвольте прибавить, панъ Жвирждовскій, — сказалъ молодой человѣкъ пріятной, благородной наружности, съ небольшимъ, едва замѣтнымъ шрамомъ на лбу, оттѣненномъ бѣлокурыми, вьющимися воло-

---

[1]) Не только у крестьянъ бѣлорусскихъ случается это болѣзненное состояніе, но и у пановъ тамошнихъ.

сами, — что тотъ, кто не согласится съ рѣшеніемъ большинства, не подвергается не только преслѣдованію, но и осужденію.

Говорившій это былъ Пржшедиловскій, бывшій студентъ дерптскаго университета, вынесшій изъ него съ основательными знаніями и боевой знакъ. Во время школьной своей жизни задорный дуэлистъ, онъ впослѣдствіи остепенился и сдѣлался примѣрнымъ членомъ общества, умнымъ, честнымъ и дѣльнымъ чиновникомъ, нѣжно-любящимъ семьяниномъ.

— Разумѣется, давъ слово не выдавать тайны нынѣшняго собранія и того, что будетъ въ немъ говориться,—отвѣчалъ Жвирждовскій.

— Оговорка эта лишняя, панъ, въ обществѣ людей съ истиннымъ гоноромъ,—отозвался съ замѣтнымъ неудовольствіемъ Пржшедиловскій. — Кто приглашенъ сюда, конечно, неспособенъ на роль низкаго предателя; онъ можетъ не соглашаться и не принимать на себя никакихъ обязательствъ, противныхъ его убѣжденіямъ; но тайну, ему ввѣренную, не продастъ цѣною своей чести.

— Прошу у пана извиненія,—спѣшилъ оговориться Жвирждовскій, наклонивъ немного голову. — Въ знакъ мира вашу руку.

Оба подали другъ другу руку, послѣ чего панъ Людвигъ обратился къ собранію съ вопросомъ: согласно-ли оно на предложенное условіе?

— Что-то слишкомъ рано панъ Пржшедиловскій забѣгаетъ со своими оговорками,—замѣтилъ пузатенькій господинъ, шевеля тараканьими усиками.—Кто не намѣренъ принимать на себя никакой патріотической обязанности, тотъ напрасно пришелъ сюда.

— Я пригласилъ сюда моего друга, — перебилъ съ твердостью Владиславъ Стабровскій, — и никто не имѣетъ права дѣлать заключеніе, что онъ здѣсь лиш-

ній. Кто находитъ это заключеніе справедливымъ, исключаетъ и меня изъ вашего общества. Часто совѣтъ, даже критика умнаго и благороднаго человѣка—важнѣе хвастливыхъ, пустозвонныхъ рѣчей иного господина.

Пронесся было по собранію глухой ропотъ; но онъ тотчасъ замолкъ, когда панъ Людвигъ Жвирждовскій попросилъ слова.

— Собрались здѣсь мы покуда люди свободные отъ всякаго обязательства, кромѣ того, которое приноситъ съ собою во всякое общество человѣкъ съ гоноромъ: хранить тайну, ему ввѣренную. Никто не имѣетъ права налагать на кого-либо изъ членовъ нашихъ другихъ обязательствъ, пока онъ самъ добровольно, по своимъ средствамъ и обстоятельствамъ, не наложитъ ихъ на себя. Но, давъ однажды установленную жондомъ клятву, онъ уже не свободенъ отступиться; онъ уже невольникъ своей присяги.—Рѣшено-ли?

— Рѣшено,—отвѣчали всѣ.

— Отступника отъ обязательства, на себя добровольно принятаго, — продолжалъ Жвирждовскій, — да покараютъ люди и Богъ. Пускай отъ него отступятся, какъ отъ прокаженнаго, отецъ, мать, братья, сестры, все кровное, церковь и ойчизна проклянутъ его, живой не найдетъ крова на землѣ, мертвый лишится чеснаго погребенія и дикіе звѣри разнесутъ по трущобамъ его поганый трупъ.

— Да будетъ такъ; прекрасно, сильно сказано,— пронеслись по собранію горячіе голоса.

— Amen, братья о Христѣ и святѣйшемъ отцѣ нашемъ, папѣ, — послышался медоточивый голосъ ксендза Б.

— Нѣтъ, этого мало, — заревѣлъ хриплымъ голосомъ Волкъ, вскочивъ со своего мѣста и проведя широкой пятерней своей дорожку по щетинистымъ, чернымъ какъ смоль волосамъ.

Дикообразная физіономія его съ выдавшеюся впередъ челюстью такъ и смахивала на рыло соименнаго ему звѣря, глаза его горѣли бѣшенымъ изступленіемъ и, казалось, просили крови. Таковъ долженъ былъ быть видъ Каина, когда онъ заносилъ на брата свою палицу.

— Этого мало,—повторилъ онъ и бросился къ стѣнѣ, на которой висѣлъ кинжалъ. Онъ схватилъ его, вынулъ изъ ноженъ и, засучивъ рукавъ своего сюртука до локтя, какъ исполнитель des hautes oeuvres передъ совершеніемъ казни, мощною рукой воткнулъ оружіе въ столъ. Гибкая сталь задрожала и жалобно завыла. — Пой, пой такъ свою заупокойную пѣснь, когда вонжу тебя въ грудь измѣнника,—приговаривалъ Волкъ, сверкая пылающими глазами.

— Клянитесь паномъ Іезусомъ и Маткой Божьей на рукояти кинжала, расположенной крестомъ.

Ксендзъ пропустилъ мимо ушей этотъ святотатственный призывъ и только улыбнулся.

— Подождите произносить клятву, паны добродзеи, не зная еще, какія обязательства на себя принимаете,—сказалъ Жвирждовскій.

— Такъ, такъ,—провозгласили почти всѣ единодушно.

— Гмъ!—крякнулъ только пузатенькій господинъ, тревожно шевелясь на своемъ стулѣ, на который онъ сѣлъ верхомъ.

Жвирждовскій сурово взглянулъ на него начальническимъ взглядомъ, отъ котораго тотъ перемѣстилъ свою позицію.

— Окончивъ эти прелиминарныя статьи,—произнесъ опять размѣренно панъ Людвигъ, — я долженъ сдѣлать оговорку. Хотя мнѣ большею частію извѣстны планы и средства нашего высшаго трибунала, я обязанъ до времени ограничиться представленіемъ вамъ

моего плана въ кругу моихъ дѣйствій, какъ воеводы могилевскаго. Опять повторяю, каждый можетъ подвергнуть его критикѣ, и я подчинюсь ей, если собраніе найдетъ ваши замѣчанія полезными для блага ойчизны. Никто изъ васъ не отвергнетъ, что если въ начинаніи патріотическаго дѣла нужно страстное увлеченіе, то и не менѣе глубокая обдуманность нужна въ начертаніи плана дѣйствій.

— Вы душой горячій патріотъ, по ремеслу воинъ, по наукѣ великій стратегикъ—нашъ будущій Наполеонъ!—молвилъ кто-то изъ собранія.

— Ого-го! Какъ вы заставляете меня широко шагать,—отозвался могилевскій воевода съ самодовольной улыбкой.

— Все, что вы начертали въ своей геніальной головѣ и потомъ изложили на бумагѣ, должны мы принять безъ разсужденій. На то вы воевода, а мы слуги, орудіе вашей воли, — послышалась чья-то угодливая рѣчь.

— Мы покуда здѣсь всѣ равные члены,—отвѣчалъ Жвирждовскій,—дѣло другое на полѣ битвы. Умъ хорошъ, а два лучше, какъ говорятъ москали.

— А я не мужикъ-москаль, — образованный панъ, замѣчу: Du choc dus opinions jaillit la vérité,—сказалъ съ выдавшимся брюшкомъ господинъ.

— Панъ очень любитъ эти безвредные *шоки*, — замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, — посмотримъ, такъ ли онъ будетъ дѣйствовать, когда раздадутся les chocs des armes.

Стабровскій пожалъ плечами.

— Нечего пожимать плечами,—вмѣшался неугомонный спорщикъ.

— Поневолѣ пожмешь, когда у насъ время проходитъ въ пустословіи: дайте же говорить дѣло пану воеводѣ; этакъ мы никогда не покончимъ.

Суздиловичъ открылъ было ротъ, чтобы опять спорить; но сидѣвшій подлѣ него шепнулъ ему, что онъ воротится домой голодный, если будетъ продолжать споръ, и тотъ замкнулъ уста.

— Соединимся же братски въ патріотическомъ національномъ гимнѣ: «Боже цось Польске!» — воскликнулъ съ одушевленіемъ Жвирждовскій.

— «Боже цось Польске»,—подхватилъ хоръ.

Когда хоръ замолкъ, ораторъ продолжалъ:

— При этомъ торжественномъ кликѣ, раздающемся отъ Вислы до Днѣпра, отъ Балтійскаго моря до Карпатскихъ вершинъ, Польша, гремя цѣпями своими на весь міръ, облеклась въ глубокій трауръ. Схвативъ въ одну руку мечъ, въ другую крестъ, она не надѣнетъ цвѣтнаго платья, пока этими орудіями не поборетъ своихъ притѣснителей. И мечъ и крестъ сдѣлаютъ свое дѣло.

— Сдѣлаютъ, сдѣлаютъ, —повторили многіе голоса.

— Со всѣхъ мѣстъ, гдѣ было ея исконное господство, сзываетъ она около себя вѣрныхъ сыновъ своихъ. Поспѣшайте, друзья мои, на этотъ призывъ. Вы, можетъ быть, спросите меня, почему мы не воспользовались гибельнымъ положеніемъ Россіи во время крымской кампаніи? На это я скажу: мы и обстоятельства не были тогда готовы. Французы, англичане, итальянцы, наши вѣрные союзники, занимались своимъ дѣломъ: имъ было не до насъ. Теперь иное время. Благопріятныя обстоятельства для насъ созрѣли. Въ Россіи совершилась эмансипація; она не удовлетворила хлоповъ и раздражила землевладѣльцевъ. Золотыя граматы загуляютъ по Волгѣ, въ мѣстахъ, гдѣ были бунты Стеньки Разина и Пугачева. Все движется по направленію, данному нашими агентами. Наша интелигенція занимаетъ всѣ надежные посты, изъ-за которыхъ бросаетъ свои разрушительные снаряды. Въ противномъ

лагерѣ дремлютъ или мечтаютъ; мы работаемъ, намъ помогаютъ. Видите, время удобное.

— Берегитесь пробужденія, оно будетъ ужасно,— сказалъ Пржшедиловскій, — по моему разумѣнію — эмансипація крестьянъ, напротивъ, отвратила отъ Россіи многія бѣдствія. Думаю, эта же эмансипація въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ нагонитъ черныя тучи на дѣло польское и станетъ твердымъ оплотомъ тѣхъ, отъ кого они ее получили. Вина поляковъ въ томъ, что паны до сихъ поръ помышляли только о себѣ, а хлопы считались у нихъ быдломъ. Силенъ и торжествуетъ только тотъ народъ, гдѣ человѣчество получило свои законныя права.

— Вотъ вамъ и тринадцатый вѣщій воронъ, — гнѣвно подсказалъ Суздиловичъ.

— Мы дадимъ народу еще болѣе широкія права,— отозвался Жвирждовскій

— Пока все это обѣщанія, исполненіе уже опоздало; надо было думать объ этомъ прежде, — возразилъ Пржшедиловскій.—Правда, польскіе уроженцы заняли надежныя мѣста по всѣмъ вѣдомствамъ и дѣйствуютъ искусно, чтобы вездѣ на русской землѣ возбудить смуты; ученіе польскихъ наставниковъ, козни польскихъ эмиссаровъ, вліяніе польскихъ администраторовъ — посѣяли гибельныя сѣмена; кровавая жатва всходитъ...

— Нечего жалѣть кровь еретиковъ,—воскликнулъ ксендзъ Б.

— Пора перестать намъ, подавно служителямъ алтаря Господня, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ вѣру христіанскую, какова бы она ни была, называть еретическою потому, что она не наша.

— Наконецъ это дерзко. Видано ли, чтобы овца учила своего пастыря! Не думаете-ли вы, панъ-философъ Пржшедиловскій, перейти въ эту восточную

схизму, проклятую нашимъ святѣйшимъ отцомъ? Ваша супруга и дѣти погрязли уже въ ней.

— Моя жена русская и русскаго исповѣданія; по закону и дѣти мои должны быть такими. Что же касается до меня, то вы лучше другихъ знаете, панъ ксендзъ, какому исповѣданію я принадлежу, потому что бываю у васъ ежегодно на духу. Не для святѣйшаго отца я это дѣлаю, а потому, что родился, выросъ и воспитывался въ вѣрѣ моихъ отцовъ. Въ этомъ исповѣданіи и умру. Но мы отступили отъ главнаго предмета нашихъ разсужденій и потому позволю себѣ спросить васъ, панъ Жвирждовскій, какое войско выставитъ Польша, какихъ вождей она дастъ ему, гдѣ возьметъ оружіе?

— Время родитъ вождей, — отвѣчалъ воевода. — Наше войско многочисленно и одушевлено патріотизмомъ, но до времени притаилось по домамъ. Оно выступитъ изъ земли, когда мы кликнемъ ему кличъ, и удивитъ міръ своимъ появленіемъ. Покуда оно худо вооружено, худо обмундировано; но если нужно будетъ, косари наши, въ бѣлыхъ сермягахъ, также сумѣютъ рѣзать головы москалей, какъ они привыкли косить траву. Мы видѣли, что во время французской революціи нестройные сброды санкюлотовъ, босоногихъ воиновъ, побѣждали регулярныя арміи.

— Босоножекъ этихъ водили генералъ Бонапартъ и полководцы, какихъ нынѣ уже нѣтъ.

— Нашъ главный вождь, Мѣрославскій, хотя и не такой великій геній, но умный, храбрый воинъ, испытанный стратегикъ. Онъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Война, какъ я сказалъ, родитъ и другихъ вождей. Что до моего воеводства, то я имѣю уже полковниковъ изъ поляковъ, служившихъ въ русскихъ полкахъ, надежныхъ по своему патріотизму, уму, знанію военнаго дѣла. Ожидаю въ большомъ числѣ и другихъ изъ

военныхъ академій. Не стану исчислять вамъ имена тѣхъ, которые должны командовать отдѣльными отрядами. Для примѣра, однакожъ, укажу вамъ на Ричарда Стабровскаго, брата нашего хозяина.

— О! на этого мы возлагаемъ большія надежды,— сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Этотъ далеко пойдетъ,—подхватили другіе.

— Въ случаѣ, если я буду раненъ или убитъ, онъ замѣнитъ меня,—сказалъ Жвирждовскій.

— Онъ замѣнитъ и Мѣрославскаго,—кричали изступленные поклонники прапорщика Ричарда Стабровскаго.

— Могу представить вамъ еще одного надежнаго пулковника,—здѣшняго хозяина. Ему поручается очень важный постъ. Когда на всѣхъ пунктахъ возстанія въ Могилевской губерніи отряды сдѣлаютъ свое дѣло, панъ Владиславъ, пользуясь чрезвычайно лѣсистою и болотистою мѣстностью, гдѣ будетъ до поры до времени скрываться, при появленіи непріятеля вдругъ выступитъ изъ этихъ лѣсовъ и болотъ и ударитъ во флангъ его. Этотъ ударъ будетъ рѣшительный. Мать пана, истинная патріотка, и друзья ея ручаются ему за двѣ тысячи повстанцевъ, хорошо вооруженныхъ, только на условіи, чтобы старшій сынъ ея командовалъ ими. Вы, конечно, догадываетесь, что нынѣшнюю революціонную войну будемъ мы вести иначе, нежели предшествовавшія. Я назову ее войной партизанской, гверильясовъ. Мы станемъ дѣйствовать отдѣльными отрядами въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ, какъ будто нарочно сбереженныхъ для подобнаго рода дѣйствій. Здѣсь каждому начальнику отряда предоставлена полная свобода, и потому намъ генералы Бонапарты не нужны.

Заговорщики привѣтствовали хозяина съ важнымъ назначеніемъ. Владиславъ холодно принялъ поздравленія.

— Кажется, русскіе начали рубить лѣса вдоль желѣзныхъ дорогъ, а другіе, вѣковые, заказные и прежде двинулись изъ Литвы въ Балтійское море,—насмѣшливо замѣтилъ кто-то.

— Еще будетъ съ насъ. Сражаясь на родной землѣ, дома, мы имѣемъ на своей сторонѣ важныя преимущества. Каждая тропинка, каждый кустъ, овражекъ намъ знакомы. Нынѣ ночуемъ на-сторожѣ въ непроходимомъ лѣсу, завтра пируемъ у брата нашего гостепріимнаго пана. Нырнемъ здѣсь, вынырнемъ за десять миль. Лазутчики, проводники, ксендзы, шляхта, пани и паненки—все помогаетъ намъ. Мы разрушаемъ желѣзныя дороги, перехватываемъ транспорты, баттареи съ ненадежнымъ конвоемъ, опустошаемъ русскія кассы, палимъ жатвы, амбары еретиковъ, нападаемъ на сонныхъ солдатъ, сжигаемъ вмѣстѣ съ хатами, рѣжемъ ихъ. *Оружіе доставляютъ намъ Чарторижскіе и Замойскіе; монастыри мужскіе и женскіе будутъ тайными складами этого оружія; отъ польскихъ комитетовъ въ Парижѣ и Лондонѣ* получаемъ деньги.

— И отъ патріотовъ, живущихъ въ Россіи,—спѣшилъ словомъ своимъ дать перевести духъ витіи одинъ изъ собранія, среднихъ лѣтъ, довольно пріятной наружности, мощно сложенный.

Это былъ Людвиковичъ. Засунувъ руку въ боковой карманъ фрака, онъ вынулъ оттуда пакетъ, раздувшійся отъ начинки его.

— На первый разъ, панъ воевода, кладу на алтарь ойчизны двѣ тысячи рублей, и если они будутъ благосклонно приняты...

— Еще бы! — радостно перебилъ Жвирждовскій, принимая пакетъ и кладя его въ боковой карманъ своего русскаго мундира.

— Завтра представлю вамъ еще десять тысячъ и каждые четыре мѣсяца столько же.

— Благодарю отъ лица всѣхъ нашихъ братій и матки нашей, Польши,—молвилъ съ чувствомъ воевода, пожавъ въ нѣсколько пріемовъ руку щедраго дателя.

— Виватъ, панъ! молодецъ, панъ! — загремѣло въ собраніи.

— Немудрено, что панъ такъ щедръ, — ввернулъ тутъ свое замѣчаніе пузатенькій господинъ, — онъ родился подъ счастливыми созвѣздіями Венеры и Меркурія: эмблемы понятны—любовь и торгъ. Онъ нашелъ неистощимый кладъ въ сердцѣ одной вдовы-купчихи, которой мужъ оставилъ огромное денежное состояніе. Старушка отъ него безъ ума; что ни визитъ, то, думаю, тысяча.

— Всѣ средства хороши, лишь бы достигали своей цѣли,—замѣтилъ ксендзъ,—кто рветъ цвѣты въ молодомъ цвѣтникѣ, кто плоды въ старомъ вертоградѣ.

— Наши офяры по списку, который я держу, простираются уже до значительной суммы, — сказалъ одинъ изъ членовъ собранія.

— Будьте осторожны съ письменами, — внушилъ ему Жвирждовскій.

— О! на этотъ счетъ можете быть покойны; я пишу ихъ разными гіероглифами.

— Хорошо бы было, еслибъ вы доставили мнѣ завтрашній же день всѣ собранныя деньги. Спѣшу въ Петербургъ для набора рекрутъ-офицеровъ, да особенно нужно мнѣ переговорить съ Огризкой. Вотъ этотъ такъ геній по своей профессіи, самого діабла обманетъ, лишь бы не наткнулся на одного человѣчка. Идетъ шибко въ гору... Да найдите вѣрную персону, которая лично будетъ доставлять мнѣ приношенія.

— Я беру на себя эту обязанность,—сказалъ одинъ изъ собранія, — кстати у меня есть дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ Могилевской губерніи.

Воевода благодарилъ.

— Виватъ наша интеллигенція! Она ручается намъ за вѣрную побѣду на всѣхъ путяхъ нашихъ. Вотъ наши скромныя средства вести войну, панъ Пржшедиловскій,—прибавилъ иронически воевода, обратясь къ тому, въ комъ онъ видѣлъ своего антагониста.

Пржшедиловскій молчалъ.

— Досадно больно, однакожъ, — сказалъ Людвиковичъ, положившій важный кушъ на алтарь ойчизны,— что наши же братья-поляки, узнавши мою тайну, обнаруживаютъ ее нескромными рѣчами и разстроиваютъ мои виды на богатую вдову. Ужь и въ Петербургѣ объ ней узнали и возбудили нѣкоторыя, хотя и не опасныя подозрѣнія въ такомъ мѣстѣ, куда бы они не должны проникнуть. А я такъ было все хорошо устроилъ въ домѣ Маврушкиной. Я у нея врачемъ, адвокатъ полякъ, гувернеръ, учителя — тоже поляки. Недавно ввелъ я къ ней досточтимаго пана ксендза Б. И вдовушка и дѣти безъ ума отъ его вкрадчивыхъ рѣчей. Еще долженъ прибавить, что нескромность моихъ компатріотовъ вызвала нашихъ эмиссаровъ къ безпрерывнымъ требованіямъ отъ меня денегъ. Одни пишутъ прислать имъ столько-то, другіе столько. Вотъ и вчера получилъ я письмо изъ Петербурга о присылкѣ 25 паръ сѣренькихъ перчатокъ.

— Чтожъ изъ этого? Перчатки не Богъ знаетъ что стоятъ.

— Какъ будто нельзя найти сѣрыхъ перчатокъ въ Петербургѣ! Могли бы распечатать письмо; ловкій комментаторъ смекнетъ, что не перчатки требуются, а 25 паръ пятидесятирублевыхъ сѣрыхъ кредитокъ. Слава Богу, письмо осталось въ дѣвственной оболочкѣ, потому что было адресовано на имя одной русской паненки.

— Которая, не такъ какъ вдовушка, довольствуется покуда одною платоническою любовью. Панъ уже два

года ведетъ ее къ алтарю и не доводитъ до сихъ поръ,—подхватилъ пузатенькій господинъ.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся воевода. — Съ одной стороны деньги, съ другой важныя услуги. Браво!

Насмѣявшись вдоволь со своими собесѣдниками этой продѣлкѣ, онъ продолжалъ прерванную рѣчь.

— И такъ, мы будемъ вести въ началѣ кампаніи войну гверильясовъ. Мое воеводство доставитъ до 30 тысячъ повстанцевъ; расчислите по этой мѣркѣ, что дадутъ всѣ губерніи отъ Нѣмана до Днѣпра, по крайней мѣрѣ 200. Присовокупите къ нимъ войска Франціи, Англіи, Италіи и Швеціи. Я получилъ изъ Парижа извѣстіе, что Макъ-Магону велѣно поставить четвертую колонну на военную ногу. На берегъ Курляндіи высадится десантъ изъ Швеціи съ оружіемъ и войскомъ, предводимымъ русскими знаменитыми эмигрантами.

— Измѣнники своему отечеству не могутъ быть надежными союзниками, — замѣтилъ Пржшедиловскій.

— Мы должны пользоваться всѣми средствами, какія предлагаютъ намъ обстоятельства, — возразилъ Жвирждовскій. — Когда подаютъ утопающему руку спасенія, онъ не разбираетъ, чиста ли она или замарана. Хороши ваши правила во времена идиллій, а не революцій. Я говорилъ вамъ до сихъ поръ, многоуважаемые паны, о нашихъ средствахъ, теперь изложу вамъ ходъ нашихъ дѣйствій. Первыми застрѣльщиками въ передовой нашей цѣпи выйдутъ ученики Горыгорѣцкаго земледѣльческаго института, основаннаго недогадливыми москалями на свою голову въ сердцѣ Бѣлоруссіи. Студентъ Висковскій, наименованный мною начальникомъ мѣста, и фигурусъ Дымкевичъ не дремлютъ; гнѣздо заговорщиковъ тамъ надежно свито. Они ждутъ только моего пароля.

— Какъ бы эти фигурусъ и студенты не остались на однѣхъ фигурахъ!—сказалъ Пржшедиловскій.

— Они выкинутъ такія, отъ которыхъ задрожитъ земля русская.

— Жаль мнѣ бѣдныхъ дѣтей, отторгнутыхъ отъ науки, отторгнутыхъ отъ семействъ, чтобы положить неразумную свою голову въ первомъ неравномъ бою; жаль мнѣ бѣдныхъ матерей, которымъ придется оплакивать ихъ раннюю утрату.

— Оплакивайте ихъ сами, панъ Пржшедиловскій, если у васъ слезы вода,—сказалъ ксензъ. — Наши матери вѣдь польки; онѣ сами съ благословеніемъ посылаютъ дѣтей своихъ на бой съ врагами ойчизны и, если сыновья ихъ падутъ за дѣло ея свободы, поютъ гимны благодарности Пресвятой Дѣвѣ.

— Прошу вниманія, паны добродзеи, — произнесъ особенно торжественно Жвирждовскій.—Панъ ксендзъ, котораго имѣемъ счастіе видѣть между нами, самоотверженно покидаетъ свою богатую паству въ Москвѣ и переселяется въ лѣсную глушь Рогачевскаго уѣзда, въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ костеловъ губерніи. Тамъ его вліяніе будетъ полезнѣе, нежели здѣсь. Онъ стоитъ цѣлаго корпуса повстанцевъ. Его умъ, его образованность, его увлекательное краснорѣчіе привлекутъ къ нему все наше шляхетство и народъ. Паны и паненки уже безъ ума отъ одной вѣсти, что онъ къ нимъ прибудетъ, и заранѣе готовятся усыпать путь его цвѣтами и приношеніями.

— Благодаримъ, благодаримъ, — закричали голоса.

— Великій миссіонеръ нашей свободы!

— Да будетъ похваленъ панъ ксендзъ въ семъ мірѣ и въ другомъ.

— Да возсядетъ на бискупскую каѳедру въ польскомъ крулевствѣ!

Ксендзъ всталъ, приложилъ руку къ сердцу и, поклонившись собранію, произнесъ съ чувствомъ:

— Сдѣлаю все, сыны мои, что повелѣваетъ мнѣ ойчизна и церковь наша.

— Теперь,—сказалъ Жвирждовскій, — приступимъ къ плану нашихъ дѣйствій въ обширныхъ размѣрахъ. Нынѣшняя осень и будущая зима пройдутъ въ приготовленіяхъ къ организаціи нашихъ войскъ. Лучше тише, да вѣрнѣе. Съ первымъ весеннимъ лучемъ иноземная помощь прибываетъ съ двухъ сторонъ—съ одной чрезъ Галицію, съ другой, какъ я сказалъ, десантомъ отъ береговъ Балтійскаго моря. Русскія войска достаточно подготовлены пропагандой и деморализованы, чтобы съ прибытіемъ союзниковъ не желать долго упорствовать въ удержаніи поголовно возставшей Польши. Въ это время Литва, въ полномъ возстаніи, очищается отъ русскихъ. Гвардіи опасаться нечего: въ рядахъ ея имѣются друзья [1]).

— Не ошибитесь,—перебилъ оратора Пржшедиловскій,—два, три офицера изъ поляковъ не составляютъ еще цѣлаго корпуса. Гвардія русская всегда отличалась преданностью своему государю и отечеству.

— Смѣшно! Сидя въ своемъ темномъ уголку надъ канцелярскими бумагами, вы, кажется, хотите знать, что дѣлается въ политическомъ мірѣ, лучше меня. Не даромъ вращаюсь я въ тайныхъ и открытыхъ высшихъ сферахъ.

— Кажется, панъ Пржшедиловскій est plus moscovite que les moscovites eux-mêmes,—замѣтилъ, сардонически усмѣхаясь, ксендзъ Б.

— Замолчите же, ревностный пасынокъ Россіи,— закричали голоса.

---

1) Смотри статью: „Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи“.

Пржшедиловскій презрительно посмотрѣлъ на своихъ антагонистовъ.

— Я обстрѣленъ пулями и ядрами, — сказалъ воевода, — такъ мнѣ ли смущаться огнемъ холостыхъ выстрѣловъ! Кончаю. Отряды Сѣраковскаго со всѣхъ сторонъ подступаютъ и берутъ Вильно. Относительно моего могилевскаго воеводства: должно сперва временно отбросить — говорю: временно — мало-надежные уѣзды: гомельскій, климовскій и мстиславскій, гдѣ, кажется, родился панъ, мой оппонентъ.

— Точно такъ, — отозвался Пржшедиловскій,—вы знали хорошо моего отца и мать.

— Они оказали мнѣ нѣкоторыя услуги во время моего сиротства,—сказалъ покраснѣвъ Жвирждовскій,— и еслибы я ихъ забылъ, то давно не позволилъ бы вамъ говоритъ такъ самонадѣянно.

Пржшедиловскій взглянулъ вопросительно на хозяина.

— Позволить и не позволить никто здѣсь не имѣетъ права,—гнѣвно возвысилъ голосъ Стабровскій,—у меня въ домѣ нѣтъ пока особеннаго начальства; всѣ мои гости равные и свободные отъ всякой диктатуры. Говорить и возражать имѣетъ право всякій, кого имѣю честь видѣть у себя. Вы сами это давича объявили, панъ Жвирждовскій.

Стабровскій, по отношеніямъ Жвирждовскаго къ брату, къ матери и своему твердому характеру, не былъ такое лицо, которое можно было безнаказанно возстановлять противъ себя, и потому будущій воевода, проглотивъ горькую пилюлю, просилъ у него извиненія за слова, сказанныя въ патріотическомъ увлеченіи. Наконецъ онъ приступилъ къ финалу своей заученной рѣчи, сначала нѣсколько тревожнымъ голосомъ, потомъ все болѣе и болѣе воодушевляясь:

— «Прочіе уѣзды поднимаются съ помощью быстро

сформированныхъ жондовъ на берегахъ Днѣпра. Тогда, подчинивъ рѣшительно своей власти все воеводство, устремляемся въ рославскій уѣздъ смоленской губерніи. При общемъ настроеніи умовъ въ Россіи, обработанныхъ польскою пропагандой въ учебныхъ заведеніяхъ, тайною, зажигательною литературой и прочее и прочее, съ появленіемъ повстанцевъ на Днѣпрѣ мы несомнѣнно тотчасъ присоединяемъ губерніи: смоленскую, московскую и тверскую и безпрепятственно доходимъ до Волги. Тамъ, на правомъ берегу, водружаемъ наше польское знамя. Въ этомъ я ручаюсь вамъ гоноромъ своимъ и головой. Разумѣется, мы будемъ только авангардомъ великой арміи союзниковъ. Такимъ образомъ, явясь въ началѣ апрѣля на берегу Днѣпра, мы избѣгнемъ ошибки Наполеона, погубившей его въ двѣнадцатомъ году. Онъ привелъ только къ осени въ Москву войско, утомленное сраженіями и походами. Ему лишь стоило остановиться на зимнихъ квартирахъ въ западныхъ губерніяхъ и, подобно намъ, двинуться уже слѣдующей весной во внутренность Россіи.

— Умно, геніально задуманное дѣло,—закричали офицеры.—Виватъ, панъ Жвирждовскій!

— Ваше имя не умретъ въ потомствѣ, панъ воевода,—прибавилъ кто-то.

Пржшедиловскій молчалъ, потому что на такую заносчивую, шарлатанскую рѣчь нечего было возражать.

— Выгоднѣе было бы спуститься по Днѣпру въ Кіевъ,—сказалъ панъ Суздиловичъ, шевеля усиками,—и тамъ подписать приговоръ Россіи.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричали нѣкоторые изъ заговорщиковъ.

— Позвольте объяснить,—просилъ Суздиловичъ задыхаясь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—кричали еще громче несогласные съ его мнѣніемъ.

— Позвольте.

— Не позволяемъ.

Шумъ возрасталъ, такъ что панъ въ колтунѣ, продремавшій большую часть засѣданія, проснулся и со страхомъ озирался.

— На голоса, паны,—сказалъ Стабровскій.

Согласились.

Голоса всѣ были въ сторонѣ воеводы.

— Остается намъ узнать отъ васъ, панове,—спросилъ Жвирждовскій,—какія обязательства вы на себя принимаете?

— Я не могу отлучиться отъ своей должности, ни отъ особы, которая такъ щедро доставляетъ мнѣ средства поддерживать польское дѣло,—сказалъ опекатель богатой вдовушки.

— Добрже, панъ.

— Я также собираю здѣсь офяры и обязанъ доставлять вамъ ихъ лично, какъ мы условились,—отозвался другой.

— Согласенъ.

— Я учитель, — сказалъ третій, — и мое дѣло обработывать здѣшнее юношество.

— И то очень, очень полезно для насъ.

— Вы, панъ?—громко спросилъ воевода помѣщика въ колтунѣ, опять задремавшаго.

Тотъ протеръ себѣ глаза и отвѣчалъ:

— Я ужь вамъ сказалъ, что снаряжаю сто повстанцевъ, одѣваю и содержу на свой счетъ.

— Прекрасно!

Офицеры вызвались явиться по первому призыву въ отрядъ Владислава Стабровскаго, которому, какъ военные, могутъ быть полезны въ организаціи повстанцевъ.

Студенты объявили то же.

Одобрено.

— Я жертвую на первый разъ пять тысячъ... успѣлъ только произнести пузатенькій господинъ.

— Рублей серебромъ,—подхватилъ одинъ изъ студентовъ.

— Злотыхъ, — сердито договорилъ Суздиловичъ.— Еслибъ вы не перебили меня, я сказалъ бы рублей.

— Вы богаты, панъ,—замѣтилъ Жвирждовскій,— могли бы больше...

— Обязываюсь вносить ежегодно столько же въ кассу жонда, пока продолжится война.

— Панъ надѣется на троянскую войну,—замѣтилъ студентъ.

И всѣ засмѣялись.

Задѣтый этимъ смѣхомъ за живое, Суздиловичъ самоотверженно объявилъ, что онъ обязывается сверхъ того проливать кровь свою за ойчизну въ отрядѣ Владислава Стабровскаго.

— Въ нѣкоторомъ родѣ, — прибавилъ Пржшедиловскій, хорошо знакомый съ русской литературой.

— Я буду работать этимъ кинжаломъ въ отрядѣ пана Владислава, если онъ пожертвуетъ его мнѣ,— зыкнулъ Волкъ,—и не положу охулки на руку.

— Вамъ давно нравится этотъ кинжалъ,—сказалъ Стабровскій, — хотя это подарокъ матери, онъ не можетъ перейти въ лучшія руки, какъ въ ваши.

Волкъ обнялъ Владислава. Лишь только бросился онъ къ кинжалу и шатнулъ этимъ движеніемъ столъ, гибкая сталь еще жалобнѣе прежняго заныла. Вынувъ мускулистой рукой глубоко засѣвшій клинокъ, онъ поцѣловалъ его.

— А вы, панъ Пржшедиловскій? — спросилъ воевода.

— Безразсудно было бы мнѣ покинуть на произ-

волъ судьбы жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей; не могу жертвовать и деньгами, потому что я бѣденъ и только своими трудами содержу семейство свое.

— Но вы можете быть полезны, распространяя въ обществахъ и между своими сослуживцами вѣсти, благопріятныя для польскаго дѣла, подслушивая, что говорятъ между ними опаснаго для этого дѣла, и насъ увѣдомляя.

— Развѣ для того панъ приметъ эту обязанность, чтобы вредить намъ,—отозвался кто-то.

— Вотъ видите,—сказалъ Пржшедиловскій,—и я на низкую роль шпіона не гожусь, а потому здѣсь лишній и удаляюсь.

— Лучше искренній врагъ, чѣмъ двусмысленный другъ,—проворчалъ воевода.

— Ни тотъ, ни другой,—холодно отозвался Пржшедиловскій.

Онъ успѣлъ только проговорить, какъ вбѣжалъ въ кабинетъ Кириллъ и доложилъ своему господину, что къ хозяйкѣ приходилъ квартальный и спрашивалъ ее, почему у пана такое большое сборище поляковъ.

При этомъ извѣстіи у многихъ вытянулись лица; Суздиловичъ собирался ужь утечь въ спальню хозяина.

— Не тревожьтесь,—сказалъ Владиславъ спокойнымъ голосомъ,—я ужь научилъ панну Шустервагенъ объявить любопытнымъ, что мы провожаемъ русскихъ офицеровъ въ Петербургъ. Впрочемъ хозяйка умѣетъ ладить со здѣшними аргусами.

Всѣ успокоились.

Пржшедиловскій взялъ шляпу и, отведя Владислава въ сторону, тихо сказалъ ему:

— Прощай, другъ; я не останусь у тебя завтракать. Боюсь, чтобы гости твои, упоенные добрымъ виномъ и торжествомъ будущихъ своихъ побѣдъ не вздумали оскорблять меня за то, что я несогласенъ съ

ихъ шарлатанствомъ. Меня дома ждутъ жена и дѣти, и я въ кругу ихъ отдохну отъ всего, что здѣсь слышалъ и видѣлъ.

Владиславъ не настаивалъ, но вызвался проводить друга своего въ коридоръ.

Здѣсь они остановились. Пржшедиловскій крѣпко пожалъ ему руку и, видимо тронутый, сказалъ, покачавъ головой:

— Et toi, Brutus? И въ этомъ сумасбродномъ обществѣ?...

— Развѣ я не вижу, что они безумствуютъ, что всѣ ихъ планы не болѣе, какъ миражъ? Но я рѣшился покончить такъ или сякъ съ своей судьбой. Для меня все равно, погибнуть ли въ обществѣ разсудительныхъ людей или безумцевъ.

— А Елизавета? Я надѣялся, что ты будешь съ нею счастливъ по моему.

— Не мнѣ суждено это счастіе. Она отвергла мою любовь; у нея есть женихъ. Я золъ на нее, золъ на отца ея, на всѣхъ русскихъ. Польское имя здѣсь въ презрѣніи.

— Безразсудный!

— Все кончено. Прощай, другъ; мы, можетъ быть, болѣе не увидимся.

Слезы навернулись на глазахъ обоихъ. Они горячо обнялись,—и разстались.

— Слава Богу, тринадцатый выбылъ изъ нашего общества,—сказалъ Суздиловичъ,—за столомъ этого рокового числа не будетъ.

— Ну его къ діабламъ!—сердито прибавилъ Жвирждовскій.

Клятва, установленная высшимъ трибуналомъ жонда, была произнесена членами общества, принявшими на себя, каждый по средствамъ своимъ, обязанности служить дѣлу ойчизны.

— Теперь, панове, мы сыты по горло духовными требами; примемся за утоленіе голодныхъ тѣлесъ нашихъ,—провозгласилъ хозяинъ.

Суздиловичъ, любившій хорошо покушать, отъ радости то потиралъ себѣ руки, то похлопывалъ себя по пустому брюшку.

Спѣшили завтракомъ. Къ тремъ часамъ столъ былъ сервированъ, блюда подавались избранныя, вино лилось въ изобиліи; Кириллъ и три хорошенькія дѣвушки прислуживали за столомъ не хуже татаръ Дюссо. Было много тостовъ на французскомъ языкѣ, непонятномъ прислугѣ. Пили дружно за свободу ойчизны, великихъ союзниковъ, за Чарторижскаго, Мѣрославскаго, Сѣраковскаго, воеводу могилевскаго, хозяина, отсутствующихъ пулковниковъ, былъ тостъ въ честь польскаго знамени, водруженнаго на правомъ берегу Волги. Особенно воевода и ксендзъ соперничали другъ передъ другомъ въ осушеніи бокаловъ. Владиславъ повременамъ задумывался, но старался залить виномъ огонь, его пожиравшій.

Всѣ гости встали уже изъ-за стола; отяжелѣвшіе отъ изобилія винъ и яствъ, они посѣли и полегли въ разныхъ позахъ на диванахъ, кушеткахъ и креслахъ, кто дремля, кто болтая всякій вздоръ, кто закуривъ сигару.

Исчезли слѣды завтрака; женская прислуга была отпущена, оставался одинъ Кириллъ за своей перегородкой, отправлявшій въ свой желудокъ остатки кушаньевъ.

Послышался звонокъ, и вслѣдъ за его дребезжащимъ звономъ влетѣла въ кабинетъ, шурша своимъ длиннымъ шелковымъ шлейфомъ, молодая дама, блистая красотой, парою обворожительныхъ глазъ и алмазами, сверкавшими на ея груди и въ ушахъ. Она была въ траурѣ, скрашенномъ нѣкоторыми туалет-

ными принадлежностями національнаго цвѣта. При появленіи ея всѣ спѣшили оправиться и встать со своихъ мѣстъ.

— Виватъ, панна N. N!—громогласно раздалось по комнатѣ.

— Штъ,—прошептала она, положивъ палецъ на свои розовыя, соблазнительныя губки, потомъ прибавила очаровательнымъ голосомъ:—Я знала отъ пана Жвирждовскаго, что вы собираетесь здѣсь для великаго дѣла Польши. Простите великодушно, что не могла быть съ вами во-время, занята была по этому же дѣлу. Увѣрена, что всѣ вы исполнили свой долгъ. Я пріѣхала къ вамъ на нѣсколько минутъ, чтобы положить и мою офяру на алтарь ойчизны.

Она развернула большой свертокъ, который держала въ рукѣ. Это было знамя съ богатыми золотыми украшеніями и изображеніемъ на немъ одноглаваго бѣлаго орла, держащаго въ своихъ когтяхъ чернаго двуглаваго. Сверху была надпись: „Za niepodległość ojczyzny“, а надъ ней Пресвятая Дѣва въ сопровожденіи папы, благословляющіе колѣнопреклоненныхъ передъ ними воиновъ въ старо-польскомъ вооруженіи.

— Я приношу это знамя легіону могилевскаго воеводы Топора (пана Жвирждовскаго), — сказала красавица,—вы знаете, что я по смерти мужа до сихъ поръ отказывала въ рукѣ моей всѣмъ искателямъ ея. Тотъ, кто водрузитъ это знамя на куполѣ смоленскаго собора, хоть бы онъ былъ не лучше чорта, получитъ съ этой рукой мое богатство и сердце. Клянусь въ томъ всѣми небесными и адскими силами.

— Виватъ, панна N. N!—закричали восторженные голоса.

— Насъ принесутъ къ ногамъ вашимъ мертвыхъ на этомъ знамени,—сказалъ Жвирждовскій,—или съ этимъ знаменемъ въ рукѣ, но только съ прибавкой на

немъ новой надписи: «развѣвался на главѣ Ивана Великаго».

— Клянемся, клянемся!—подхватили другіе.

— Теперь, панъ Стабровскій, бокалъ мнѣ шампанскаго за успѣхъ нашего общаго дѣла и за здоровье присутствующихъ и отсутствующихъ освободителей Польши.

На поверхности бокала, стремительно налитаго усердною рукой, образовалась пѣнистая коронка, метавшая отъ себя искорки. Жвирждовскій подалъ ей на маленькомъ серебряномъ подносѣ, преклонивъ передъ ней, какъ рыцарь передъ дамой своего сердца, одно колѣно. Обведя бокаломъ все собраніе, она молодцовато осушила его.

— Теперь за здоровье панны, передъ которой вся Польша должна преклонить колѣни; только не изъ бокала, а изъ башмачка ея! — воскликнулъ Жвирждовскій.

Красавица ловко скинула башмакъ съ крошечной своей ножки и передала его воеводѣ. Шампанское было въ него налито, и пошла круговая ходить при оглушительныхъ виватахъ.

Когда панна надѣвала башмакъ на ногу, кто-то замѣтилъ, что она можетъ простудиться.

— Женщины, въ которыхъ течетъ польская кровь, не простуживаются, когда сердце ихъ согрѣто патріотизмомъ друзей, — отвѣчала панна, и распростилась со своими восторженными поклонниками. — Не могу дольше оставаться съ вами, — прибавила она, — дала слово быть въ этотъ часъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ должна поневолѣ кружить головы москалямъ.

«Я знаю одну подобную ножку у русской красавицы»,—подумалъ Владиславъ, настроенный виномъ и прошедшей сценой къ чувственнымъ впечатлѣ-

ніямъ:—«о! эту ножку я обсушилъ бы своими поцѣлуями!»

Къ шести часамъ вечера заговорщики разошлись всѣ по домамъ, иные спѣша уѣхать къ своему назначенію, другіе желая поспѣть къ отъѣзду Жвирждовскаго со своими услугами.

V

Сурминъ, посѣщая повременамъ Ранѣевыхъ, выигрывалъ все болѣе и болѣе въ сердцѣ старика. Михайло Аполлонычъ угадывалъ, что Лиза сдѣлала на него сильное впечатлѣніе, и почелъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ назвать его членомъ своего семейства. Лиза находила удовольствіе въ его обществѣ, въ его бесѣдахъ, нерѣдко спорила съ нимъ, радовалась, когда успѣвала надъ нимъ торжествовать, находила его добрымъ, умнымъ, любезнымъ, достойнымъ составить счастіе дѣвушки, съ которой соединилъ бы онъ свою судьбу. Но, къ отчаянію своему, влюбленный молодой человѣкъ въ рѣчахъ ея и обращеніи съ нимъ не находилъ до сихъ поръ того, что можно было бы признать за чувство, котораго добивался. Кокетства, желанія завлечь его сильнѣе въ свои сѣти онъ также не находилъ даже малѣйшихъ слѣдовъ.

У Ранѣевыхъ онъ познакомился съ новою интересною личностью, Антониной Павловной Лориной. Это была сестра хозяина дома, въ которомъ они квартировали, и самая задушевная подруга Лизы. Тони передавала она свои радости и печали, свои тайны, кромѣ одной, которую повѣрила только Богу. Чтобы короче познакомить читателя съ этимъ новымъ лицомъ, я долженъ отступить отъ начатаго разсказа.

Павелъ Иванычъ Лоринъ, выйдя изъ военной службы гвардейскимъ капитаномъ, былъ избранъ въ губерніи, гдѣ имѣлъ прежнее помѣстье, совѣстнымъ судьею и въ этой должности пріобрѣлъ себѣ доброе имя. Пробывъ въ ней два трехлѣтія, онъ распростился съ нею и губерніей и переселился въ Москву, гдѣ жена его по случаю купила на свои деньги и имя небольшой домъ на Прѣснѣ. По пріѣздѣ сюда у нихъ были три сына и три дочери, отъ четырехъ до пятнадцати лѣтъ. Здѣсь поручили старшихъ воспитанію русской гувернантки, дѣвицы Фундукиной, вышедшей изъ казеннаго заведенія кандидаткой 1-го разряда. И не даромъ досталась ей пальма первенства. Она отлично знала языки французскій и нѣмецкій, была непогрѣшима и противъ грамматическаго кодекса русскаго; помимо этихъ знаній владѣла нѣкоторыми искусствами: хорошо рисовала, изучила музыкальную школу и была истинною художницей въ каллиграфіи. Все, что знала, она умѣла и передать своимъ ученикамъ и ученицамъ. Прибавьте къ этимъ достоинствамъ доброе обращеніе съ ними, заботы о здоровьѣ матери и дѣтей, и вы согласитесь, что такая воспитательница была истинный кладъ для Лориныхъ. За то и платили они ей полнымъ довѣріемъ, теплою благодарностью и любовью.

Скоро, по болѣзни Лориной, Фрундукина приняла въ свои руки и бразды домашняго хозяйства. И тутъ у нея все спорилось; удивлялись только, какъ ея доставало на такія разнородныя занятія. Благодѣтельное господство ея, которое она старалась скрасить вкрадчивыми услугами четѣ и добрымъ обращеніемъ съ прислугой, простиралось на все, ее окружавшее. Пользуясь привязанностью къ ней госпожи Лориной и нѣкоторыми признаками минутнаго увлеченія мужа, она стала забрасывать въ его душу разныя зажигательныя вещества, на которыя кокетки такъ изобрѣтательны.

Назвать ее хорошенькой нельзя было, но съ одной стороны молодость (ей было съ небольшимъ двадцать лѣтъ), свѣжесть, румяныя щечки, изъ которыхъ кровь, казалось, готова была брызнуть, дѣвственныя формы, искусная работа сѣренькихъ глазъ, то бросающихъ мимоходомъ на свою жертву мѣткія стрѣлы, то покоющихся на ней въ забытьи сладострастной нѣги; съ другой стороны жена, давно больная отъ испуга послѣ родовъ во время пожара,—все это приготовило капитана къ паденію. Лорина, ослѣпленная новыми, усиленными заботами объ ней Фундукиной, ничего не подозрѣвала. Не скрылась эта связь отъ прислуги, даже дѣти смутно понимали ее. Нашелся, однакожъ, усердный членъ двороваго штата женскаго пола, который потрудился открыть глаза своей госпожѣ. Ударъ былъ силенъ, но несчастная женщина ни однимъ словомъ, ни однимъ знакомъ не обнаружила мужу и гувернанткѣ, что знаетъ роковую тайну. Между тѣмъ она съ каждымъ днемъ гасла все болѣе и болѣе, и наконецъ, совсѣмъ угасла, какъ огонь въ лампадѣ, который пересталъ питать поддерживающій его елей. Дѣти оплакали ее горячими слезами, плакалъ мужъ, но кто видѣлъ, какъ онъ въ эти горячія минуты охорашивался въ зеркалѣ, какъ будто говоря: «хоть куда еще молодецъ!»—могъ догадаться, что онѣ не текли изъ глубины души. Поплакала притворно и гувернантка, мысленно предвидя пріятную развязку этой драмы. Развязка эта не заставила себя долго ждать. Черезъ три, четыре мѣсяца Лоринъ повелъ свою бывшую тайную подругу къ вѣнцу. Скоро новая madame Лорина, какъ артистка, искусно разыгравшая свою роль и сошедшая со сценическихъ подмостковъ, явилась передъ семействомъ мужа и домочадцами въ безъискусственномъ видѣ. Здѣсь она не имѣла болѣе нужды скрывать свои природныя качества. Все вокругъ нея по

чувствовало, что жезлъ, которымъ она прежде такъ легко и благотворно правила, вдругъ чувствительно отяжелѣлъ. Если онъ обвивался иногда цвѣточною вязью, такъ только для Павла Иваныча, и то въ часы, когда нужно было выманить у него подарокъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. У него, какъ мы уже сказали, было хорошенькое помѣстье въ губерніи, гдѣ онъ прежде служилъ. Боясь, чтобы оно по смерти настоящаго владѣльца не перешло къ его законнымъ наслѣдникамъ по частямъ, а ей пришлась бы только ничтожная доля, она сочла за благо воспользоваться имъ безъ раздѣла и потому уговорила мужа продать его. Полученныя за имѣніе деньги перешли на ея имя билетами опекунскаго совѣта. Прочее движимое имущество завѣщано ей законнымъ актомъ. Корыстолюбіе ея не знало границъ и проявилось даже въ мелочахъ. Съ годами пошли у нея свои дѣти; тѣхъ же, которыя были отъ первой жены, держала она въ загонѣ. Ихъ помѣстили отдѣльно въ небольшія комнаты мезонина, худо отапливаемыя, иногда черезъ день, черезъ два, такъ какъ Лорина находила, что все тепло снизу уходитъ къ нимъ наверхъ. Обращеніе съ ними было не только холодное, но и суровое. Если они и удостоивались ея лицезрѣнія, такъ для того только, чтобы привѣтствовать отца и мачиху съ добрымъ утромъ и пожелать имъ на сонъ грядущій покойной ночи, да приложиться къ ихъ ручкѣ. Не обходилось, однакожъ, при этихъ торжественныхъ пріемахъ, чтобъ она не разбранила кого-нибудь изъ пасынковъ или падчерицъ. Болѣе всѣхъ доставалось Тони, которую она особенно не любила за то, что обидчивая дѣвочка не всегда подчинялась ея деспотизму.

— Ce petit lutin me fouette toujours le sang,—говорила она мужу и постороннимъ.

Дѣти отъ перваго брака не обѣдали съ нею и отцомъ

за общимъ столомъ; кушанья, и тѣ въ-обрѣзъ, подавали въ ихъ отдѣленіе, какъ подачку со стола господъ. Сама чета съ новымъ выводкомъ комфортабельно жила въ бель-этажѣ. Но и между дѣтьми своими, которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ насчитывала также до шести, г-жа Лорина имѣла двухъ любимцевъ-баловней — старшую дочь и старшаго сына, остальныхъ она не жаловала. Особенно не терпѣла одного, Петю, *послѣдыша*, какъ говорятъ у насъ въ народѣ, обыкновенно болѣе другихъ любимаго отцомъ и матерью, бабушкой и дѣдушкой. Этого худенькаго, слабаго ребенка преслѣдовала она безпрестанно своими гнѣвными придирками, бранью и даже побоями. Сталъ не такъ, взглянулъ не такъ,—и тяжелая рука ея падала на худыя щечки, на голову малютки. Это была какая-то непонятная ненависть къ нему, не смягчаемая ни его покорностью, ни видомъ болѣзненнаго состоянія. Бѣдное, загнанное, забитое дитя дрожало отъ одного ея появленія, отъ одного взгляда. Только въ защитѣ отца, вспыхивавшей въ рѣдкія минуты самостоятельности, въ горячихъ ласкахъ, украдкой расточаемыхъ, на груди его находилъ Петя кой-какія жизненныя силы. Такъ хрупкая былинка, едва держась въ землѣ изсыхающимъ корешкомъ сохраняется еще нѣжными заботами садовника.

Между тѣмъ проходили годы, время облетало подлунную или подсолнечную, какъ хотите, и вычеркивало милліоны изъ списка живущихъ на ней, отъ царя до поденщика, великихъ и малыхъ. Въ числѣ послѣднихъ пришла очередь и Павлу Иванычу. Пожилъ довольно на свѣтѣ, исполнилъ вѣрно завѣтъ, данный Предвѣчнымъ начинателю рода человѣческаго, народилъ двѣнадцать дѣтей, не считая умершихъ,—чего-же больше? Не велика потеря для міра, не велика и для семьи, кромѣ одного бѣднаго мальчика Пети, безъ него осиротѣвшаго. Похороны были скромно спра-

влены, съ однимъ священникомъ и его причтомъ, безъ балдахина съ рыцарскимъ плюмажемъ, безъ коней, въ черныхъ попонахъ, безъ факеловъ, которыхъ зловѣщій, красноватый огонь среди бѣлаго дня, съ ихъ смолистымъ куревомъ, такъ жутко бросается въ глаза прохожихъ. Да изъ чего было дѣлать эту дорогую процессію неутѣшной вдовѣ, оставшейся съ многочисленнымъ семействомъ, по слухамъ, ею распущеннымъ, совершенно неимущей? Шествіе къ кладбищу было поразительно-грустно. За гробомъ, въ совершенномъ изнеможеніи, шла она, поддерживаемая подъ обѣ руки своими родными. Вслѣдъ за нею плелись двѣнадцать человѣкъ дѣтей отъ двухъ многоплодныхъ браковъ, разныхъ возрастовъ. Старшая дочь отъ перваго брачнаго союза удушливо кашляла; злая чахотка отъ простуды въ сырой, холодной спальнѣ, не облегченная въ своемъ началѣ никакими врачебными пособіями, пустила глубокіе корни въ ея груди. Она это знала и давно безропотно покорилась волѣ Божіей, утѣшая себя только тѣмъ, что жизнь ея недолго продлится; Петю несъ на рукахъ своихъ дворникъ Лориныхъ отставной семидесятилѣтній солдатъ, какъ лунь бѣлый, но еще крѣпкій старикъ, въ порыжѣломъ мундирѣ, украшенномъ медалями 12-го года и за взятіе Парижа и анненскимъ солдатскимъ крестомъ. Черные глазки малютки, горѣвшіе болѣзненнымъ огнемъ, выскакивали изъ шафраннаго личика и приковались къ трупу покойника. Онъ тянулъ свои исхудалыя ручки къ гробу и жалобно причиталъ: «возьми меня, папаша, съ собою». Священникъ и причтъ, привыкшіе къ похороннымъ сценамъ, смотря на этого бѣднаго ребенка, слыша его стенанія, не могли удержать слезъ своихъ. Долго еще послѣ того разсказывали они своимъ прихожанамъ, какое грустное чувство оставили въ нихъ похороны Лорина.

Прошло шесть недѣль, и многочисленное семейство его стало рѣдѣть въ домѣ на Прѣснѣ, какъ стая голубей, распуганная налетомъ коршуна. Сама Лорина со старшимъ сыномъ и старшею дочерью выѣхала изъ дому, который по наслѣдству принадлежалъ дѣтямъ отъ первой жены, и переѣхала въ наемную квартиру. При этомъ переѣздѣ она захватила съ собою изъ движимости все, что могло имѣть какую-нибудь цѣну, отъ серебряной ложки до глиняной плошки и обручей со старыхъ боченковъ. На новомъ мѣстѣ, отслуживъ молебенъ, она стала поживать въ полномъ довольствѣ. Старшую падчерицу снесли скоро на кладбище, гдѣ безмятежно почивалъ прахъ отца ея. Петю снесъ въ воспитательный домъ тотъ же семидесятилѣтній дворникъ. Сестры и братья его, отъ которыхъ онъ былъ такъ безжалостно отторгнутъ родною его матерью, простились съ нимъ со слезами, иные съ рыданіями. Когда его вынесли изъ воротъ, инвалидъ велѣлъ ему перекреститься. Исполнивъ это, онъ долго еще оборачивался на гнѣздо свое и родныхъ, стоявшихъ у воротъ и благословлявшихъ его. Когда жъ потерялъ ихъ изъ виду, «вздохнулъ, такъ тяжко вздохнулъ», говорилъ послѣ инвалидъ, «словно кто меня въ грудь ножомъ пырнулъ».

Недолго промаялся Петя въ своемъ новомъ пріютѣ, гдѣ увидалъ незнакомыя лица, можетъ быть непривѣтливыя, напоминавшія ему суровую мать. Тоска по роднымъ и болѣзнь свалили его. Онъ отдалъ Богу душу и послѣднее свое прощальное слово старшему брату и Тони, пріѣхавшимъ навѣстить его и усладить, чѣмъ могли, его участь

Четырнадцатилѣтнюю Тони взяла къ себѣ старушка, аристократка, узнавшая о бѣдномъ положеніи многочисленнаго семейства Лориныхъ, и увезла ее съ собою въ Петербургъ. Она дала слово замѣнить ей

мать и тѣмъ охотнѣе исполнила это слово, что скоро полюбила свою названную дочь за ея прекрасныя душевныя качества.

Одну изъ собственныхъ дочерей, пятилѣтнюю, Лорина помѣстила въ малолѣтнее отдѣленіе воспитательнаго дома, что на Гороховомъ полѣ, другую, постарше, въ Николаевскій институтъ, собственнаго сына отдала въ гимназію на казенный счетъ, другой, отъ перваго брака, поступилъ юнкеромъ въ пѣхотный полкъ. Оставались въ домѣ матери трое изъ дѣтей отъ перваго брака. Одинъ, старшій, Иванъ, по окончаніи курса въ университетѣ, служилъ столоначальникомъ въ какомъ-то судебномъ мѣстѣ и адвокатствовалъ по дѣламъ, которыя не производились въ мѣстѣ его служенія. Объ немъ скажемъ только, что онъ былъ неглупъ, точенъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и во всѣхъ своихъ дѣлахъ, добрый братъ. Другой, нѣсколько моложе его, Павелъ, кончившій курсъ въ гимназіи, служилъ помощникомъ столоначальника въ томъ же судѣ; здѣсь не могли нахвалиться его дѣятельностью. Знакомлю съ нимъ читателя только на шапочный поклонъ. При нихъ оставалась сестра, лѣтъ пятнадцати, Даша. Года черезъ два по освобожденіи своемъ отъ ига мачихи она сдѣлалась помощницей своихъ братьевъ по служебнымъ обязанностямъ. По маленькому росту ея, Тони прозвала ее *Крошкою Доритъ* (главное лицо въ романѣ этого названія Дикенса). Такъ размѣстились всѣ члены многочисленнаго семейства волею Провидѣнія и дипломатическими заботами г-жи Лориной. И заслужила же она себѣ въ свѣтѣ славу хорошей матери и примѣрной мачихи. Прибавить надо, лучшею, существенною ей наградой, какъ искусной актрисѣ на мірской сценѣ, былъ порядочный капиталецъ, оставленный ей мужемъ и обезпечившій ее на всю жизнь. Присоедините къ этому небольшую

сумму, завѣщанную ея любимой дочери богатымъ старичкомъ, державшимъ у купели на рукахъ своихъ эту дочку и къ которому она умѣла поддѣлаться, развлекая его по цѣлымъ часамъ игрою въ *дурачки*. Возвратимся къ Дашѣ или Крошкѣ Доритъ, какъ называла ее сестра. Характеристику ея нужно мнѣ дополнить по особенной симпатіи къ ней. Даша была маленькое, крошечное созданьеце. Какого роста сложилась она въ 14 лѣтъ, такою и осталась навсегда. Между тѣмъ во всѣхъ частяхъ ея фигурки и въ цѣломъ не было ничего уродливаго; все въ ней гармонировало одно съ другимъ. Миловидное, умное личико, съ правильными по величинѣ ея чертами, съ глазками блестящими какъ два черные граната, обведенными черными бровками, было особенно привлекательно добродушіемъ, на немъ выступавшимъ. Смотря на нее, вы сказали бы, что это — доброе дитя, неспособное никогда сердиться. И въ самомъ дѣлѣ никто въ домѣ не слыхалъ, не видалъ ея гнѣва. Только услугами своими, ласками, утѣшеніями давала она знать о себѣ въ своемъ семействѣ. Когда въ этихъ услугахъ и утѣшеніяхъ не нуждались, ея не слышно было, какъ будто она и не существовала въ домѣ. Бывали, однакожъ, у нея вспышки необыкновенной настойчивости, вслѣдствіе какихъ-нибудь твердыхъ убѣжденій, и тогда ничто не могло сбить ее съ этихъ убѣжденій. Оставшись жить съ двумя братьями, Даша видѣла, что эти бѣдные труженики приносили съ собой изъ суда цѣлыя кипы бумагъ и, заснувши часокъ послѣ обѣда, принимались писать и писать цѣлыя ночи напролетъ. Ей стало жаль ихъ. Фундукина передала ей вполнѣ, какъ ни одной изъ сестеръ, свой каллиграфическій талантъ; Даша задумала воспользоваться имъ, чтобы помочь братьямъ въ ихъ трудахъ. Задумано и исполнено: она стала переписывать не только канцелярскія дѣловыя бумаги, но и прошенія, даже

на высочайшее имя, такимъ мастерскимъ, четкимъ почеркомъ, что надо было любоваться, какъ она своею маленькою ручкой проворно низала строки, будто нити крупнаго жемчуга. Вдобавокъ самъ Гречъ не могъ бы найдти въ этихъ строкахъ грамматической ошибки— достоинство, которое рѣдко встрѣчается и у хорошихъ канцелярскихъ писцовъ. Слава Даши Лориной, какъ отличнаго калиграфа, росла понемногу. Къ ней чаще и чаще стали обращаться просители, труды ея вознаграждались гонораріемъ, достававшимъ не только на ея скромный туалетъ, но и на нѣкоторыя домашнія нужды ея маленькаго семейства. Богатые, особенно купцы, за переписку прошеній на высочайшее имя щедро платили ей. Завоевавъ себѣ славу хорошаго переписчика, Даша, подстрекаемая самолюбіемъ, захотѣла сочинять дѣловыя бумаги. Съ навыкомъ къ нимъ, природнымъ умомъ и смышленностью, пріученная братомъ отыскивать въ разныхъ уложеніяхъ приличные къ дѣлу законы, она вышла изъ этой школы маленькимъ чудомъ-адвокатомъ. Первые опыты были одобрены братомъ, вторые оказались еще удачнѣе и такъ далѣе и далѣе. Разумѣется, просители въ этой крошкѣ-дѣвочкѣ не подозрѣвали своего настоящаго адвоката, скрытаго за именемъ брата, но большею частью изъявляли желаніе, какъ непремѣнное условіе, чтобы бумаги ихъ были переписаны *легкою*, золотою ручкой барышни, потому что ручка эта, какъ гласила молва, приносила счастіе. И все это дѣлала Даша безъ всякаго ученія объ эмансипаціи женщинъ, комунистическихъ и соціалистическихъ доктринъ, о которыхъ она не имѣла и понятія.

Русская Крошка Доритъ была особенно дружна съ меньшимъ изъ двухъ братьевъ своихъ, съ которыми жила. По привязанности ихъ другъ къ другу, по одинакимъ склонностямъ, смиренію и добротѣ души, они,

казалось, родились двойниками. Съ малолѣтства предались они глубокому религіозному направленію. Духовная ли натура ихъ была такъ создана, настроили ли ее бесѣды старой, набожной няни о великихъ христіанскихъ сподвижникахъ и разсказы о страданіяхъ матери ихъ, которая, какъ святая, несла свой крестъ, чтеніе ли духовныхъ книгъ и церковное служеніе укрѣпили ихъ въ этомъ благочестивомъ направленіи,—такъ или иначе, Даша и Павелъ съ годами почувствовали, что теплая молитва къ Богу — высшая отрада человѣка. Они не пропускали ни одной ранней обѣдни. Къ поздней, особенно въ праздники, они не любили ходить, избѣгая многолюдства, которое пугало и смущало ихъ робкія души. За то въ эти дни они усердно молились дома, оградивъ себя отъ постороннихъ глазъ въ комнатѣ, менѣе другихъ посѣщаемой. При этомъ они произносили или пѣли молитвы, установленныя церковнымъ богослуженіемъ. И какъ стройно, умилительно пѣли они—братъ своимъ чистымъ баритономъ, сестра своимъ сладкимъ голоскомъ. Въ праздное отъ занятій время они читали духовныя книги и бесѣдовали о томъ, что прочли. Случалось, что, прекративъ чтеніе, сидя рядомъ въ широкомъ отцовскомъ креслѣ, они, обнявшись, засыпали. Смотря на нихъ улыбающіяся во снѣ лица, можно было догадаться, что имъ видятся свѣтлыя видѣнія. Въ ихъ религіозномъ настроеніи не было, однакожъ, никакого ханжества. Ни про кого во всю жизнь свою не сказали они злого слова, никого не осудили, что считали большимъ грѣхомъ, тѣмъ болѣе береглись даже намекнуть что-нибудь въ осужденіе мачихи. Напротивъ того, отзывались объ ней съ благодарностью за то, что, давши имъ воспитаніе, она дала и средства доставать себѣ насущный хлѣбъ.

Павелъ былъ нехорошъ собою, но его наружные

недостатки скрашивали какое-то благодушіе, какая-то дѣвственная чистота, разливавшаяся на его лицѣ. Онъ избѣгалъ общества, особенно молодыхъ людей, прельщавшихъ его разными соблазнами; при встрѣчѣ съ красивою женщиной всегда потуплялъ глаза и краснѣлъ, когда она съ нимъ заговаривала. Канцелярія и церковь были единственныя мѣста, имъ посѣщаемыя. И поплыли они, сплетясь руками и душой, на утломъ челнѣ своемъ по мятежнымъ водамъ жизни къ пристани, гдѣ нѣтъ болѣзни и печали.

Черезъ четыре года присоединилась къ нимъ и Тони. Эти годы, проведенные ею въ Петербургѣ, у ея благодѣтельницы, г-жи Z, мелькнули передъ ней, какъ прекрасное, волшебное видѣніе. Изъ маленькихъ, сѣрыхъ, съ оборванными обоями комнатъ, гдѣ ее радовалъ бѣдный кустикъ фуксій и будила кукушка, высовывая свою плѣшивую головку изъ облупленной часовой будки, она перенесена въ палаты. Здѣсь все сіяетъ, и стѣны подъ мраморъ, и бронза въ изобиліи, и паркеты, и зеркала, отражающія ея хорошенькую фигурку; здѣсь она гуляетъ, какъ въ тропическомъ саду, и часы съ миѳологическими каріатидами играютъ ей мелодическіе куранты. Вмѣсто сурового лица мачихи, ея крикливаго голоса, она видитъ добродушное, пріятное лицо старушки, своей благодѣтельницы, слышитъ ея ласковую, тихую рѣчь, которая такъ отрадно вѣетъ на душу. Повременамъ подслѣповатые глаза устремлены на нее съ любовью, морщинистая рука заглаживаетъ ея густые, пепельнаго цвѣта волосы, разметавшіеся отъ бѣганья, треплетъ ея разгорѣвшіяся щечки. Бѣдные клавикорды, которыхъ непокорные, помертвѣвшіе клавиши мучили ее до слезъ, заступилъ Эраровъ рояль, издающій подъ ея пальчиками послушные имъ гармоническіе звуки. Старушка, угадавъ въ ней музыкальный талантъ, для усовершенствованія въ

немъ, пригласила лучшихъ учителей давать ей уроки музыки и пѣнія. У госпожи Z была избранная библіотека. По назначенію ея являлись къ нимъ знаменитости русской и иностранной литературъ. Русской? — спросите вы, мой недовѣрчивый читатель. Да, русской, потому что она не походила на другихъ аристократокъ, которымъ имя отечественнаго писателя такъ же чуждо, какъ бы имя арабскаго, которыя, къ стыду ихъ, не умѣютъ не только правильно писать, но и говорить на своемъ родномъ языкѣ. Воспитаніе ея было направлено отцомъ ея, однимъ изъ генераловъ 12-го года, горячимъ патріотомъ; она была знакома съ Жуковскимъ, когда служила фрейлиной при дворѣ и чтицей одной изъ высокихъ особъ, и потому успѣла полюбить и отечественную литературу, и отечественную славу, въ какомъ бы родѣ онѣ не проявлялись. Чтеніе съ госпожею Z смѣнялось иногда и бесѣдами. Старушка любила разсказывать о лучшихъ временахъ своей жизни, о характеристическихъ чертахъ славныхъ полководцевъ царствованія Александра I-го и скромной жизни царственной четы. Не знавъ еще, какая высокая участь ожидала сельцо Ильинское [1]), госпожа Z разсказывала своей любимицѣ о посѣщеніи Ильинскаго государыней Елизаветой Алексѣевной помнится мнѣ—еще до 20 года.

«Съ полудня», — говорила словоохотливая старушка,—«встала пыльная полоса отъ Москвы къ селу. Разнородные экипажи, нанятые во множествѣ тогдашнимъ владѣльцемъ имѣнія, графомъ Александромъ Ива-

---

[1]) Оно принадлежало сперва канцлеру графу Андрею Ивановичу Остерману, сподвижнику мудрой Екатерины, потомъ перешло по наслѣдству къ графу Остерману-Толстому, герою кульмскому, а отъ него къ князю Леон. М. Голицыну, отъ вдовы котораго куплено государемъ императоромъ.

новичемъ, и собственные гостей то и дѣло слѣдовали одинъ за другимъ и обгоняли одинъ другого. Тутъ была отчасти знать московская и отчасти петербургская, пріѣхавшая въ императорской свитѣ, всѣ очень просто одѣтые. На обширномъ лугу, противъ господскаго дома, разставлены были качели разнаго устройства, палатки съ деревенскими лакомствами, балаганы съ народными увеселеніями, стояли бочки съ виномъ, пивомъ и медомъ. Въ разныхъ мѣстахъ гремѣли хоры музыки и пѣсенниковъ, полковыхъ и цыганскихъ. Красивыя лодки съ разноцвѣтными флагами, также съ пѣснями и музыкой, разгуливали по Москвѣ-рѣкѣ. На возвышеніи просѣки, въ сосновой рощѣ, за лугомъ, противъ дома, была построена красивая бесѣдка вродѣ греческаго храма. Лугъ просто залитъ былъ народомъ. Хороводы крестьянокъ въ нарядныхъ платьяхъ, большею частью любимыхъ яркихъ цвѣтовъ, казались цвѣтниками изъ разноцвѣтнаго мака. Зрѣлище было истинно-живописное, тѣмъ болѣе, что и красивая мѣстность была въ гармоніи съ нимъ. Съ утра день былъ прекрасный, но по пріѣздѣ императрицы сталъ накрапывать дождикъ и вскорѣ, къ досадѣ хозяина и хозяйки, засѣялъ чаще, такъ что песчаныя дорожки отсырѣли. Государыня нѣсколько минутъ полюбовалась съ террасы на оживленную пеструю картину и послала рукою поцѣлуй народу, который громкими, восторженными криками привѣтствовалъ ее. Дождь утихъ, и она изъявила желаніе прогуляться по саду. Ей такъ много расхвалили его. Въ сопровожденіи графа и графини, ею особенно любимой, она спустилась съ боковой террасы въ главную аллею сада. Свита хлынула за нею. Прошлась она легко, быстро по всѣмъ дорожкамъ, любовалась особенно тою, которая проведена по овражку, посѣтила гротъ, взошла на небольшую высоту, гдѣ стояла бесѣдка изъ необдѣланныхъ березъ,

осмотрѣла домъ, гдѣ провели свой медовой мѣсяцъ *молодые* А—ины. Надо замѣтить тебѣ, флигель-адъютантъ Вл—ъ Ст—ъ А—инъ женился незадолго до того на графинѣ С—ѣ П—ѣ Т—ой, племянницѣ графа по женѣ. И что это за красавица была! Не одного искателя ея руки свела съ ума.

«Самъ дядя, графъ Александръ Иванычъ, нечего грѣха таить, былъ суроваго, не совсѣмъ любезнаго характера, но большой поклонникъ красоты. Въ великолѣпномъ домѣ его, что на Англійской набережной, нынѣ графини Брогліо, былъ портретъ С—и П—вны во весь ростъ, писанный знаменитымъ художникомъ. Случилось мнѣ однажды видѣть, какъ онъ при всѣхъ насъ, пріѣхавшихъ къ нему, сталъ передъ нимъ на колѣни въ какой-то позѣ обожанія. Мы этому тогда очень смѣялись. Но я отбилась отъ своего разсказа. Какъ заговоришь о старинѣ, такъ и занесешься далеко. Словно почтовый голубь, посланный съ письмомъ, увидавъ свою родную сторону, закружился надъ ней и забылъ о своемъ назначеніи. Воротимся же въ садъ. Ничего особенно художественнаго, богатаго въ немъ не было. Но всѣмъ восхищалась императрица, все радовало въ этомъ садикѣ владѣтельницу Царскаго Села. Такъ-то, душа моя, и цари любятъ укрываться отъ блеска, великолѣпія и этикета, ихъ безпрестанно осаждающихъ, и хоть на нѣсколько часовъ спускаться въ тихую, скромную долю простого смертнаго, которая не была имъ предназначена. Когда государыня возвратилась въ домъ, она почувствовала, что немного промочила ноги. Для переодѣванія ей приготовлена была туалетная, прекрасно, съ большимъ вкусомъ устроенная. Здѣсь горничная графиня скинула съ нея отсырѣвшую обувь и хотѣла надѣть другую, заранѣе приготовленную и согрѣтую, но императрица сказала:

«— Благодарю, милая, я сама надѣну,—и сама надѣла, потомъ ласково потрепала хорошенькую горничную ручкой своей по розовымъ щечкамъ.

«Это былъ настоящій ангелъ»,—прибавила старушка, вздохнувъ и перекрестясь».

Тони припоминала, какъ она выѣзжала со старушкою въ свѣтъ, пока та еще была въ силахъ дѣлать выѣзды, какъ избранный кружокъ, собиравшійся у нея въ домѣ, обращался съ бѣдною воспитанницей, словно съ родной дочерью аристократической барыни. Засыпая у себя дома, ей чудилось, что сухая рука ея, исписанная синими жилками, благословляла ее на сонъ грядущій, и она вѣрила, что благословеніе это принесетъ ей счастье. Помнила Тони, какъ заболѣла тяжко старушка, перемогалась недолго и просила ее передъ смертью закрыть ей глаза.

— Непремѣнно ты, чистая душа, закрой мнѣ,—говорила она.

И закрыла Тони глаза своей благодѣтельницы, успокоившіеся на ней въ послѣдній разъ вѣчнымъ сномъ. Госпожа Z хотѣла и за гробомъ продолжить свои благодѣянія Тони и завѣщала ей 15 тысячъ рублей, которыми могла законно располагать, не обижая своихъ дальнихъ родственниковъ (близкихъ она не имѣла). Библіотека и Эрарь, съ которыми Тони сроднилась, перешли къ ней также по сердечному наслѣдству. Прошелъ сорокоустъ послѣ смерти г-жи Z, и Тони возвратилась въ свое семейство, принеся въ него ту же простоту нрава, доброту души и любовь къ роднымъ, которыя изъ него нѣкогда вынесла и которыхъ не могли извратить годы, проведенные въ роскоши аристократическаго дома и въ большомъ свѣтѣ. Капиталецъ свой передала она старшему брату, чтобы онъ сдѣлалъ изъ него употребленіе, какое найдетъ полезнымъ для общихъ нуждъ ихъ. Только оставила

въ своей шкатулкѣ сотню завѣтныхъ екатерининскихъ и елизаветинскихъ имперіаловъ, подаренныхъ ей въ годовые праздники и въ дни рожденія и ангела. Эти приберегала она на черный день. Братъ, взявъ порученную ему сестрою сумму, отдалъ ее въ банкъ для приращенія на ея имя. Чтобы не быть своимъ въ тягость, она опредѣлила: проценты вносить въ общую семейную кассу. Водворясь въ родномъ домѣ, Тони не только не разстроила гармоніи въ мирной жизни двухъ братьевъ и своей Крошки-Доритъ, но внесла еще въ эту гармонію новые, живые звуки, которыхъ въ ней недоставало. Разница въ нынѣшней Тони съ прежнею была единственно та, что 14-лѣтняя дѣвочка пышно расцвѣла и развилась въ очаровательную 18-лѣтнюю дѣвушку. Жизнь въ мезонинѣ потекла, никакими невзгодами не нарушаемая. Только самый мезонинъ, по желанію новой жилицы, обновился и принялъ болѣе комфортабельный видъ, только повременамъ оглашался на весь кварталъ чудными звуками, извлекаемыми изъ богатаго рояля, и звуками контральто изъ грудного инструмента, какими природа ее щедро наградила. Скоро Тони, приноровясь къ религіозному настроенію младшаго брата и сестры, составила изъ своего и ихъ голосовъ, съ аккомпанементомъ рояля, маленькій хоръ, очень стройно и отъ души исполнявшій духовные гимны.

Въ это время, съ водвореніемъ ея въ родномъ домѣ, бельэтажъ въ немъ, остававшійся нѣсколько мѣсяцевъ пустымъ, заселился жильцами. Одно отдѣленіе, окнами на нижній Прѣсненскій прудъ, наняли Ранѣевы, другое, поменьше, окнами на дворъ, вдова коллежскаго совѣтника (котораго она повременамъ величала статскимъ, а иногда, въ жару хлестаковщины, производила въ дѣйствительные), лѣтъ сорока пяти, Левкоева. Пенсіонъ ея послѣ мужа, не такъ давно

умершаго, былъ невеликъ, но она жила безбѣдно, на какія средства—это оставалось ея тайной.

У Лориныхъ былъ при домѣ садикъ саженъ въ 15 длины и столько же въ ширину. Лиза встрѣтила Тони въ этомъ саду. Разговорились. Обѣ потеряли въ дѣтствѣ свою мать, обѣ съ дѣтства перешли на чужое, но благодѣтельное попеченіе. Оказалось также изъ разговора ихъ, что братья ихъ служили въ одномъ полку, расположенномъ въ Радомскомъ округѣ — Владиміръ Ранѣевъ юнкеромъ, Иванъ Лоринъ прапорщикомъ. Эти случаи сблизили ихъ. Несмотря, что натура одной была серьезная, энергическая, замкнутая, другой — веселая, мягкая, открытая, онѣ скоро сошлись на перепутьѣ жизни и полюбили другъ дружку.

Мало-по-малу невольно Тони подчинилась первенству Лизы и съ удовольствіемъ склонялась передъ нимъ, счастливая, гордая, что такое дивное, несравненное существо избрало ее, помимо многихъ другихъ, въ свои друзья. Просто она была влюблена въ нее, а влюбленные, какъ извѣстно, не видятъ и малѣйшаго недостатка въ предметѣ своей любви.

Тони слышала отъ своей подруги, что она не такъ давно познакомилась съ интереснымъ молодымъ человѣкомъ, Андреемъ Ивановичемъ Сурминымъ, очень неглупымъ и очень любезнымъ, и разсказывала при этомъ странную встрѣчу его съ отцомъ. Въ этомъ разсказѣ не могло быть эпизода встрѣчи Ранѣева съ какимъ-то давнимъ врагомъ—эпизода, который былъ скрытъ и отъ самой Лизы. Но *диспутъ* о русскихъ женщинахъ и особенно московкахъ не остался въ забвеніи. Похвалы Сурмину до того подстрекнули любопытство Тони, что она просила своего друга дать знать ей, когда онъ у нихъ будетъ. Случай этотъ скоро представился; Лиза поспѣшила исполнить ея желаніе и отрекомендовать обоихъ другъ другу.

— Это мой лучшій другъ, мое второе *я*, —сказала она Сурмину.

— И мой задушевный другъ, моя вторая дочка,— присоединилъ къ этому отзыву и свой старикъ Ранѣевъ.

Тони, окинувъ проницательнымъ взглядомъ молодого человѣка, присѣла передъ нимъ длиннымъ, церемоніальнымъ присѣданіемъ и съ хитрой усмѣшкой сказала:

— А я рекомендую себя, какъ *московская барышня*.

Сурминъ тоже окинулъ мимолетнымъ взглядомъ особу, рекомендуемую ему такимъ перекрестнымъ огнемъ дружескихъ изъясненій, отвѣсилъ ей глубокій поклонъ и сказалъ, обратясь къ Лизѣ:

— Вижу, Лизавета Михайловна, что вы меня выдали головой Антонинѣ Павловнѣ и хотите живыми доказательствами заставить меня горько раскаиваться въ грѣшномъ отзывѣ моемъ о московскихъ жительницахъ. Я такъ непростительно, такъ несправедливо судилъ. Узнавъ васъ, мнѣ и теперь передъ вашимъ вторымъ *вы* ничего не остается, какъ повторить то-же.

Первое впечатлѣніе, произведенное другъ на друга новыми знакомыми, было въ пользу того и другого. Послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Тони у Ранѣевыхъ, Сурминъ сдѣлалъ объ ней слѣдующее заключеніе:

— Ей до Лизы, какъ до звѣзды небесной, далеко, но въ ея лицѣ, болѣе чѣмъ хорошенькомъ, въ голубыхъ глазахъ свѣтятся такъ ярко чистая, безмятежная душа и умъ, въ ея живомъ, лукаво-наивномъ разговорѣ, простотѣ ея манеръ есть какой-то завлекающій интересъ. Сколько могу судить по недавнему знакомству, той удѣлъ воспламенять, увлекать, волновать душу, этой—понемногу притягивать ее къ себѣ, успо-

кайвать, согрѣвать, нѣжить. Я сравнилъ бы Лизу съ романомъ Жоржъ-Занда, другую съ романомъ Диккенса.

Лиза между прочимъ отозвалась ему, что ея подруга немного фаталистка.

Этотъ отзывъ повелъ къ длинному разговору, изъ котораго выбираю лишь сущность его.

— Да,—сказала Тони,—я по этой части большая чудачка. Напримѣръ, я вѣрю, что счастіе и несчастіе посылаются намъ по предназначенію свыше. Конечно, если встрѣчусь съ невзгодами жизни, я не останусь пассивной страдалицей, не опущу по-турецки руки. О! тогда, вооружась всѣми силами моей души, всѣми средствами моего умишка, я пойду противъ этихъ невзгодъ. Но если онѣ одолѣютъ, я не предамся отчаянію, а безропотно скажу: онѣ не отъ меня, такъ мнѣ предназначено, такъ Богу угодно, — и мнѣ будетъ легче.

Лиза стояла за силу воли и разума, побѣждающихъ обстоятельства.

— Не всегда,—говорила Тони.—Правда, мы сами часто виновники нашихъ обстоятельствъ, но есть и такія, которыя совершенно отъ насъ не зависятъ. Случается, что разумъ и воля ведутъ тебя по пути, который ими начертанъ, а тутъ вдругъ, Богъ знаетъ какъ, откуда, преградили тебѣ этотъ путь. И пойдешь ты по новой дорогѣ, вправо или влѣво, и очутишься далеко отъ прежней, въ краю, гдѣ ты и не думала быть. И пошла твоя жизнь совсѣмъ иначе, нежели ты предположила и начертала. Чтожъ это, какъ не воля Провидѣнія, какъ не рука невидимая, которая привела тебя въ этотъ край? Разумъ и воля тутъ ничего не подѣлаютъ.

Сурминъ подумалъ, какъ его, счастливаго, со свободнымъ сердцемъ кампаньяра, пріѣхавшаго въ Москву

по тяжебному дѣлу, которое искусный адвокатъ двигалъ къ счастливому концу и слѣдственно не могло его сильно заботить, какъ судьба повела его на Кузнецкій мостъ для бездѣльной покупки барометра и вдругъ столкнула со старикомъ Ранѣевымъ и его дочерью. И кто-жъ знаетъ, что изъ этого будетъ, куда поведетъ его эта ничтожная покупка! Сведя все это въ умѣ своемъ, онъ не могъ отчасти не подчиниться убѣжденіямъ Тони. Не надо забывать, что разговоръ о фатализмѣ происходилъ до полученія Лизой рокового письма отъ Владислава Стабровскаго и до встрѣчи ея съ разными тяжкими обстоятельствами, съ которыми должна была бороться. И боролась она энергически со своимъ сердцемъ, съ судьбой своей: то изнемогала подъ ударами ея, то брала надъ нею верхъ. Но выйдетъ ли она изъ этой борьбы побѣдительницей или судьба ее одолѣетъ, ее или Тони оправдаетъ жизнь,— мы увидимъ впослѣдствіи.

Новое знакомство съ Тони повѣяло, однакожъ, на сердце Сурмина освѣжающимъ, отраднымъ чувствомъ.

Какъ-то по выходѣ его отъ Ранѣевыхъ, обѣ подруги, оставшись однѣ въ Лизиной комнатѣ, долго еще говорили объ немъ.

— Какой онъ душка,—сказала Тони.—Вотъ бы завидная парочка была ты съ нимъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Лиза,—я не могла бы сдѣлать его счастіе.

— Почему-жъ такъ?

— Мой характеръ слишкомъ восторженный, — какъ бы тебѣ еще сказать,—слишкомъ порывистый, мечтательный, а это для полной гармоніи въ жизни мужа и жены, для счастія ихъ не годится. Вотъ ты бы дѣло другое, вы какъ будто созданы одинъ для другого.

— Пожалуй бы созданы—какъ двѣ половинки одной

груши!... Близки другъ къ другу, да не сходимся. Кабы можно было объ этомъ справиться въ книгѣ судебъ. Шутки въ сторону, поставь меня съ тобою рядомъ передъ нимъ, какъ мы теперь стоимъ, да посравни онъ твою олимпійскую красоту...

— Ужь олимпійскую!

— Пожалуйста, не очень скромничай. Да какъ онъ сравнитъ ее съ моимъ личикомъ chiffonné, такъ меня сейчасъ изъ ряду корифеекъ въ задніе ряды кордебалета.

— Въ тебѣ есть что-то, чего во мнѣ недостаетъ— живость, игра безмятежной, чистой души, нѣга въ глазахъ. На тебя любоваться можно, какъ на прекрасный цвѣтокъ, только-что распустившійся, еще не тронутый іюльскимъ зноемъ, не помятый бурею.

Тони взглянула въ зеркало, смѣшно взбила свои кудри, томно повела глазами и захохотала своимъ звонкимъ, дѣтскимъ хохотомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, миленькая,—сказала она,— хоть сейчасъ за конторку въ магазинъ модъ. А твою красоту, чай, изсушилъ сердечный зной, старушка!

— Хоть не старушка, но мнѣ все-таки не надо выходить замужъ.

— Оставаться дѣвой, да еще презрѣлой, должно быть очень обидно, очень грустно—ужь если не Орлеанской, на которую ты что-то трогательно смотришь, такъ московской.

Въ самомъ дѣлѣ, Лиза смотрѣла съ какимъ-то особеннымъ участіемъ на картину, висѣвшую на стѣнѣ, съ изображеніемъ Дѣвы Орлеанской въ ту самую минуту, когда она со знаменемъ въ рукѣ, торжествуя побѣду надъ врагами Франціи, опускаетъ свои взоры съ небесной выси на землю и встрѣчается ими съ глазами молодого рыцаря, простирающаго къ ней съ любовью руки.

— Завидная участь!—сказала Лиза, указывая на картинку.

— И она была несчастна, и надъ нею надругался народъ, котораго цѣпи она разбила. И король, обязанный ей сохраненіемъ своей короны, какъ отплатилъ ей!

— Чтожъ, что была несчастна! Она совершила великій подвигъ, и въ ту минуту, когда узнала, что исполнила данный Пресвятой Дѣвѣ обѣтъ, когда сердце ея трепетало въ восторгѣ побѣды, минута эта была для нея цѣлою жизнью высочайшаго блаженства.

— А были и минуты, когда въ сердцѣ ея зажглась искра земной любви, и героиня, святая, стала обыкновенной женщиной.

— И пала она, и оставили ее небесныя силы!

— Мы живемъ не въ томъ вѣкѣ, когда могли родиться Жанны д'Аркъ, а во времена болѣе положительныя. Удѣлъ нашъ не геройствовать, какъ она, не гоняться за подвигами, а быть доброю дочерью, женою, матерью: это лучшее назначеніе наше. Доброю, примѣрною дочерью ты и теперь; я увѣрена, что сдѣлаешь счастіе человѣка, котораго полюбишь, будешь и прекрасною матерью.

— То-то и есть, что мнѣ трудно полюбить кого по своему идеалу.

Тони погрозила ей пальцемъ, прищурясь однимъ глазомъ.

— Берегись, скрытная душа!

«Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
«Но спустись въ него—ужасный
«Крокодилъ на днѣ лежитъ».

Стихи эти она сказала съ патетической интонаціей и мимикой.

— Смотри, я подозрѣваю, что ты неравнодушна къ своему кузену Владиславу.

— Какіе вздоры! На этотъ счетъ можешь быть покойна; я ограждена отъ этихъ крокодиловъ оружіями, которыя заколдованы не хуже Жанны д'Аркъ.

— Помоги тебѣ Богъ! Съ искусительной красотой лермонтовскаго демона, онъ мнѣ кажется опаснѣе нильскаго амфибія. Мнѣ чудится, женщина, которая его полюбитъ, будетъ несчастна.

— Пожалѣю ее,—сказала Лиза довольно равнодушно и попросила Тони сыграть ей какой-нибудь nocturne на угольникѣ, стоявшемъ близъ нея.

Сыграла Тони одну пьесу, сыграла другую, сдѣлалось темно въ комнатѣ, и не видала она, какъ плакала Лиза, закрывъ глаза рукою.

VI

Было 5-е сентября, именно тотъ день, когда заговорщики собирались въ квартирѣ Владислава Стабровскаго. Всѣ они, какъ мы уже сказали, разошлись къ шестому часу вечера по домамъ. Онъ вспомнилъ, что нынѣ день ангела Лизы, и еще подъ вліяніемъ выпитаго въ изобиліи вина и разнородныхъ чувствъ, бушевавшихъ въ его груди, вздумалъ идти къ Ранѣевымъ съ поздравленіемъ и кстати проститься съ ними навсегда.

«*Онъ* будетъ вѣрно тамъ, увижу его, спугну веселье жениха и невѣсты, побѣшу ее, побѣшу старика. Кстати есть богатая тема — Польша. Брошу имъ въ глаза накипѣвшую въ груди желчь, потѣшусь хотя этимъ мщеніемъ. Завтра раздѣлятъ насъ сотни верстъ, а тамъ цѣлая вѣчность!»

Приведя немного въ порядокъ свой туалетъ, онъ направилъ шаги къ завѣтному дому на Прѣснѣ, гдѣ нѣкогда считалъ себя такимъ счастливымъ.

Пока онъ идетъ къ этому дому, мы будемъ имѣть время заглянуть въ небольшой кружокъ, человѣкъ изъ семи, считая и семейныхъ, собравшійся у Ранѣевыхъ въ саду около большого круглаго стола.

Здѣсь были Сурминъ: Тони, вдова Левкоева, сосѣдка по квартирѣ Ранѣевыхъ, сынокъ ея, только-что на дняхъ испеченный корнетъ, и маленькій, худенькій студентъ—юристъ Лидинъ, котораго привела съ собою Тони. Онъ хаживалъ къ Крошкѣ-Доритъ то посовѣтоваться съ ней, то посовѣтовать ей по какому-нибудь запутанному дѣлу, то позаимствовать у нея «томикъ» свода законовъ. Двухъ братьевъ Лориныхъ и Даши тутъ не было, потому что они избѣгали всякаго свѣтскаго общества. Остальныхъ членовъ семейства Ранѣевы не знали даже въ лицо.

День былъ прекрасный, какими рѣдко балуетъ насъ въ это время наша скупая природа. Лиза, во всемъ сіяніи своей красоты, безъ всякихъ украшеній, кромѣ одинокаго цвѣтка на головѣ и другого у груди, сидѣла подъ древнимъ кленомъ близъ незатѣйливой бесѣдки, которую Тони и студентъ убрали гирляндами и разноцвѣтными фонариками. Осень успѣла уже порядочно общипать листья съ деревъ, да и тѣ, которые держались еще на вѣткахъ своими больными стеблями, уступали слабой струѣ вѣтерка и, кружась, падали на землю. За то, на зло ей, въ клумбахъ красовались въ полнотѣ жизни пышные букеты левкоевъ и кусты далій.

Подлѣ Лизы съ одной стороны сидѣла Левкоева, полная дама, раскраснѣвшаяся отъ избытка здоровья и жаркаго многоглаголанія. Движенія ея были энергическія, рѣчь бойкая, иногда рѣзкая. Повременамъ пересыпала она ее остроумными анекдотами, отъ которыхъ вспыхивалъ всеобщій смѣхъ, или цитатою стиховъ любимыхъ русскихъ поэтовъ. Память у нея была неизсякаемый родникъ. Читала она стихи мастерски, соединяя съ простотою чтенія, гдѣ нужно было, и умѣнье модулировать свой голосъ и выставлять въ яркомъ свѣтѣ красоты поэтическаго произведенія. Чего и кого не знала она въ Москвѣ! Это былъ хроникеръ

самыхъ интересныхъ вѣстей и портретистъ, правда, въ карикатурномъ жанрѣ, но этотъ жанръ и нравится людямъ, которые любятъ погулять насчетъ ближняго. А много-ли такихъ, которые этого не любятъ? И дали ей по качествамъ кличку: «*бой-баба, душа компаніи*». Эта пчелка несла кому медъ, кому ядъ, но и въ послѣднемъ случаѣ пріятно пожужжавъ около особы, которую хотѣла укусить. Завистлива она была до того, что завидовала иногда лишнему блюду на скромномъ столѣ Ранѣевыхъ; она, кажется, посмотрѣла бы съ завистью на серебряную монету подлѣ мѣднаго гроша въ рукѣ нищаго. Михайла Аполлонычъ сначала полюбилъ ее, какъ пріятную собесѣдницу, но скоро, прозрѣвъ, что сквозь всѣ поры ея душонки выступали нечистыя страстишки, сказалъ дочери:

— Эта бой-баба *не по мнѣ*.

Отдѣлаться, однакожъ, отъ нея было нелегко: играя переливами своей золотистой кожи, смотря на васъ своими мягкими глазками, эта змѣйка тихо, вкрадчиво приползала къ груди вашей и согрѣвала себѣ на ней теплое мѣстечко.

Стали говорить о Польшѣ, о полякахъ—тогдашній обильный кладезь для бесѣдъ, да и нынѣ, кажется, неистощенный, потому что новые подземные ключи безпрестанно его питаютъ и выбиваются наружу.

Полетѣла стрѣлка за стрѣлкой изъ колчана злословія Левкоевой, всегда туго ими набитаго, полетѣла одна по какому-то особо тонкому или злому расчету и «въ женоподобнаго» Адониса, Владислава Стабровскаго, который не налюбуется своею красотой. «Этотъ не пойдетъ въ жондъ не изъ преданности къ Россіи, а изъ боязни, чтобы сабля не изуродовала его хорошенькаго личика».

Ранѣевъ поморщился, но не сказалъ ни слова. Ему непріятно было слышать отзывъ о родственникѣ, тѣмъ

болѣе, что находился не въ мирныхъ съ нимъ отношеніяхъ.

Тони, сидѣвшая возлѣ Левкоевой, неожиданно взялась защищать отсутствующаго

— Неправда, — гнѣвно сказала она, — сколько знаю Стабровскаго, я никогда не замѣчала, чтобъ онъ былъ занятъ собой. Что-жъ до его красоты, то никто, конечно, кромѣ васъ не найдетъ въ ней ничего женоподобнаго. Скорѣе къ его энергической, одушевленной физіономіи шли бы латы, каска съ конскимъ хвостомъ, чѣмъ одежда мирнаго гражданина. Воображаю, какъ онъ хорошъ бы былъ на конѣ, съ палашомъ въ рукѣ, впереди эскадрона латниковъ, когда они несутся на непріятеля, когда отъ топота лошадей ходитъ земля и стонетъ воздухъ отъ звука оружій.

Тони говорила съ особеннымъ одушевленіемъ.

— Ужь не затронулъ ли онъ...—начала было Левкоева.

— Моего сердца,—спѣшила твердымъ голосомъ перебить ее Тони,—ошибаетесь! нѣтъ, но затронула меня ваша несправедливая рѣчь.

— Браво, браво! — закричалъ Ранѣевъ, хлопая въ ладоши, потомъ схватилъ руку ея и поцѣловалъ.

Сурминъ съ изумленіемъ и невольнымъ восторгомъ посмотрѣлъ на Тони, которую онъ не видалъ никогда такъ поэтически увлекательной. Лиза улыбнулась,—ея подруга говорила краснорѣчіемъ ея сердца, говорила то, что бы она сказала, если бы только *могла*.

— Молодецъ - барышня, — воскликнула Левкоева, бросаясь цѣловать свою побѣдительницу.—Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser.

— Да гдѣ-жъ она набралась такого батальнаго духа, словно жила между военными, — не пропустила кольнуть ее бой-баба.

— На красносельскихъ маневрахъ,—спокойно отвѣчала Тони.

— Полноте, кумушка, Аграѳена Ѳедотовна,—сказалъ Ранѣевъ, — чесать язычекъ насчетъ ближняго. Вѣдь это все равно, что звуки бубенчиковъ, которые давно шумятъ у меня въ ушахъ; много звону, да непріятно слушать. Извините, вѣдь мы большіе пріятели, да и родня по кумовству, а друзьямъ можно говорить и рѣзкую правду.

— Давно и я говорю: ангельская душа Михайла Аполлонычъ одною ногою держится на землѣ, а другую занесъ прямо въ рай. Правда, многоуважаемый другъ, языкъ мой — врагъ мой. Повѣрьте, грѣхи мои отъ него, а не отъ сердца. Я сама *добрая душа*, какъ Богъ святъ.

Тутъ Левкоева вздохнула, поведя глазами къ небу.

— Ссылаюсь на васъ, mesdames.

Лиза и Тони кивнули ей въ знакъ согласія.

— Петруша, вели-ка отъѣхать своему экипажу подальше, а то въ самомъ дѣлѣ глухари прожужжали намъ уши.

Петруша, къ которому обращалась рѣчь Левкоевой, былъ сынокъ ея, недавно выпущенный въ офицеры. Онъ стоялъ недалеко на дорожкѣ, пощипывая усики, только-что пробившіеся, и не тронулся съ мѣста, занятый горячимъ разговоромъ съ маленькимъ студентомъ, — не слыхалъ ли словъ матери, или слышалъ, но пропустилъ мимо ушей.

— О! онъ у меня большой философъ, — сказала озадаченная Левкоева, — заговоритъ о какомъ-нибудь современномъ вопросѣ, глухъ ко всему постороннему; для философіи и литературы пренебрегъ въ училищѣ и математикой.

— Философія нынѣшняго времени, — замѣтилъ Ранѣевъ,—увлекаясь своимъ критическимъ настроеніемъ,

учитъ, конечно, вашего сына не уважать голоса матери. Да позвольте васъ спросить, изъ какого богатства онъ такъ кутитъ, нанимаетъ четверки въ лихой упряжи. Кажется, у васъ самихъ средства не очень крупныя, какъ вы сами говорите.

— Я ни копѣйки не дала ему на эту блажную потѣху; князь Поддубравскій захотѣлъ побаловать моего офицера и нанялъ ему на нынѣшній день четверку отъ Ечкина. Кто молодъ не бывалъ!

Она лгала.

— Кстати, — продолжала Левкоева, желая замять разговоръ о сынѣ,—я заѣхала съ нимъ по порученію одной графини узнать положеніе семейства вдовы бѣднаго чиновника—недавно умеръ чахоткой отъ усиленной канцелярской работы. Вообразите, нахожу больную женщину, еще молодую, съ шестерыми дѣтьми (двухъ или трехъ она для большаго эффекта прибавила). И гдѣ-жъ? На пустырѣ, заросшемъ по грудь крапивой и репейникомъ. Вблизи прудъ, подернутый зеленоватою корой, отъ котораго несетъ нестерпимою гнилью. Жилище ихъ—шалашъ, кое-какъ сколоченный изъ досчонокъ, постель—гнилая солома, которую мочитъ дождь сквозь щели бивуачной крыши и паритъ полуденный зной. Въ этой конурѣ, на этой постели лежали не собаченки, а творенія съ образомъ Божіимъ. Изсохшую грудь матери, изнуренной болѣзнью, горемъ, лишеніями всякаго рода, теребилъ, кусалъ младенецъ, чтобы выжать изъ нея хотъ каплю молока. Кругомъ другія дѣти кричали: хлѣба, хлѣба, жадная мама! И глаза ихъ изступленно блуждали по угламъ шалаша, какъ-будто шарили ими, не найдется ли гдѣ кусокъ хлѣба.

Въ голосѣ Левкоевой были слезы, мимика ея была артистическая.

— Сердце поворотилось у меня въ груди, — про

должала она,—недолго думая, ѣду къ графинѣ, описываю ей эту ужасную картину. Божественная женщина! Она дала пятьдесятъ рублей и къ завтрашнему дню обѣщала еще сто отъ своихъ пріятельницъ.

Тутъ она не лгала: графиня, о которой она говорила, была ангелъ во плоти. Желая, чтобы одна рука не знала, что подаетъ другая, она черезъ свою повѣренную дѣлала много добра.

Дѣйствительно, Левкоева своимъ бойкимъ язычкомъ, вкрадчивостью и искусствомъ скоро угадывать натуры и подлаживаться къ нимъ, пріобрѣла расположеніе нѣкоторыхъ благотворительныхъ аристократическихъ дамъ и мужчинъ. Одной, очень религіозной, писала письма, исполненныя глубокаго піэтизма, другой разсказывала легкія скандалезныя исторійки; даже успѣла втереться въ знакомство красавицы-польки, подарившей могилевскому легіону знамя. Съ однимъ либеральничала, съ другимъ была пламенная патріотка, готовая выцарапать глаза тому, кто въ ея присутствіи осмѣлился бы отозваться дурно о ея дорогомъ отечествѣ. Когда-жь находилась между двухъ противныхъ сторонъ, старалась осторожно пройти между Сциллой и Харибдой, или пристать къ той, которая вѣсила болѣе на вѣсахъ ея своимъ богатствомъ и значеніемъ въ свѣтѣ. При всѣхъ этихъ случаяхъ Левкоева не забывала французской пословицы: «La bienfaisance bien entendue commence par soi-même». Изъ разныхъ щедрыхъ рукъ сыпались на бѣдную вдову, живущую однимъ пенсіономъ, то на обмундировку сына, то ему на фронтовую лошадь, то на экипировку ея самой или домашнія нужду. Злые язычки говорили,—но я не даю имъ вѣры, — будто она отдѣляла себѣ порядочную долю отъ тѣхъ благотвореній, которыя шли черезъ ея руки. Это была просто клевета. Въ противномъ случаѣ бѣдные, получавшіе черезъ нее помощь, не

называли бы ее *доброю душой*, благодѣтельницей, матерью своей.

— Помогите и вы, messieurs et mesdames, добрымъ дѣломъ отпраздновать день ангела нашей хозяйки, у которой душа такъ же прекрасна, какъ и ея наружность,—сказала Левкоева.

Ранѣевъ далъ рублевую кредитку. Сурминъ сунулъ осторожно Левкоевой двѣ двадцати-пяти рублевыя (которыя, однако, къ неудовольствію его, она разложила и тщательно расправила на столѣ). Тони сказала, что для дня Елизаветы даетъ елизаветинскій имперіалъ, и обѣщала изъ своего гардероба платья для матери несчастнаго семейства; Лиза вызвалась одѣть дѣтей изъ гимназическаго и студенческаго гардероба брата, который ему теперь не нуженъ; студентъ пошарилъ, пошарилъ въ своемъ жилетномъ кармашкѣ, вынулъ со дна его четвертакъ и отдалъ съ нимъ день своего существованія.

— А вы, разъѣзжающіе на четверкахъ?—спросилъ онъ.

— Довольно, что мать моя хлопочетъ объ этихъ несчастныхъ,—отвѣчалъ тотъ;—да, надо признаться, сердобольная душа, по обыкновенію, немного прилыгаетъ. Ужъ ничего безъ краснаго словца.

Такъ какъ никто не расточалъ особенныхъ знаковъ вниманія воину-философу, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ долгъ гостепріимства и свѣтской вѣжливости, и не старался занять его своею бесѣдой о новѣйшихъ вопросахъ, онъ отвелъ своего оппонента на прежнее мѣсто, съ котораго свело студента приглашеніе къ пожертвованіямъ. Попрежнему онъ пощипывалъ свои усики, только-что намѣченные, постукивалъ шпорами и гремѣлъ саблей, забывъ, что это не принято, не *современно*. Можетъ быть, онъ думалъ этимъ стукомъ придать болѣе энергіи своей рѣчи или озадачить бѣд-

наго студентика, котораго удостоилъ своего благорасположенія. Жаль, что некому было разсказать ему, какъ громомъ шпоръ можно было въ давно-прошедшее время сдѣлать себѣ карьеру. Ты думаете, мой читатель, что я шучу. Нимало; я дѣйствительно знаю, какъ одинъ юнкеръ или корнетъ изъ малороссовъ, явясь къ графу Аракчееву на ординарцы, пошелъ въ гору отъ того, что сорвалъ улыбку съ его угрюмаго лица молодецкимъ пристукомъ шпоръ, такъ что полъ задрожалъ и звукъ ихъ раздался на всю пріемную.

— Молодецъ! — сказалъ своимъ гнусливымъ голосомъ всесильный вельможа и приказалъ имѣть его *на виду*.

Корнетъ нашъ говорилъ рѣшительно, самонадѣянно, безъ аппеляціи, все болѣе и болѣе горячился, до пѣны во рту. Да и слова его были только пѣна, снятая съ разныхъ теорій, тогда предпочтительно любимыхъ юношами, и особенно съ теорій одного моднаго сочиненія, дѣлавшаго между ними фуроръ. — Авторъ его, говорилъ воинъ-философъ, геній, какого Россія еще не производила, съ него начинается эра нашего умственнаго развитія. Далѣе и далѣе перебралъ онъ ученіе объ эмансипаціи женщинъ, великое учрежденіе комунъ, уравненіе состояній, говорилъ съ жаромъ о *трудѣ*.— «Трудъ, трудъ»,—провозглашалъ онъ, ударяя себя въ грудь,—вотъ нашъ лозунгъ.

Брызги летѣли изо рта его, одна изъ нихъ упала на скромное платье студентика. Этотъ поморщился, вытеръ ее носовымъ платкомъ и продолжалъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ возражать ему.

— Вы напитались ретроградным духомъ Москвы, немудрено, что вы такъ говорите, — продолжалъ корнетъ. — Здѣсь, въ этой Бухаріи, цивилизованному, европейскому человѣку дышать тяжело. Здѣсь все носитъ печать отсталости, все, отъ грязи на улицахъ,

въ которой утонуть можно, до беззубой московской литературы и младенческой науки. Не очаровываютъ ли вашу патріотическую душу оглушительные гимны вашихъ сорока сороковъ съ басомъ profondo ихъ дѣдушки — Ивана Великаго? Не поклоненія-ли?... Мнѣ просто отъ всего здѣсь тошно.

— Не договаривайте: я васъ понимаю. Разговоръ о московской литературѣ и наукѣ въ сравненіи съ петербургскою повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Помяните меня, ваши начала съ шикомъ любимыхъ вашихъ авторитетовъ доведутъ васъ къ худому концу. Чтожъ до чувствъ, на которыя вы намекаете...

— Поставимъ точки.

— Спрошу васъ только: неужели—извините — изъ спячки вашего животнаго матеріализма не пробуждалась въ васъ никогда духовная натура человѣка? Если-жъ въ душѣ вашей нѣтъ искры того божественнаго огня, который отличаетъ человѣка отъ другихъ животныхъ, такъ не прикасайтесь, по крайней мѣрѣ, нечистыми руками къ религіозному чувству народа. Всѣхъ философами по своему не передѣлаете.

— Однакожъ все-таки...

— Къ слову разскажу вамъ случай изъ жизни одного новѣйшаго мудреца, котораго иные изъ нашей молодежи чествуютъ. Мнѣ этотъ случай переданъ помѣщикомъ, недавно умершимъ. Во время путешествія своего по Швейцаріи съ извѣстнымъ нашимъ врачемъ Ин..... они заѣхали въ Цюрихъ. Тогда Штраусъ читалъ тамъ съ каѳедры свои лекціи. Только-что наши путешественники успѣли въ гостиницѣ разобрать свои чемоданы, какъ послышались на улицѣ крики и ружейные выстрѣлы. Взглянули въ окно—толпы народа залили улицы и хлынули къ ратушѣ. Перепугались русскіе, думали, что затѣялась въ городѣ революція. Кёльнеръ спѣшилъ ихъ успокоить, сказавъ, что это

скоро кончится и они могутъ оставаться безопасно на своемъ мѣстѣ. — «Хотятъ запретить Штраусу читать свои лекціи,—прибавилъ кёльнеръ,—и выгнать его изъ города. Онъ развращаетъ сыновей нашихъ своимъ безумнымъ ученіемъ, хочетъ лишить насъ лучшаго утѣшенія въ жизни, лучшей надежды за гробомъ».—И въ самомъ дѣлѣ, вспыхнувшій мятежъ скоро угасъ, власти были вынуждены уступить религіозному чувству народа, Штраусъ былъ изгнанъ изъ города.

— Невѣжество, такіе же глупые, какъ и стада, которыя они пасутъ.

— Эти глупые пастухи имѣли, однакожъ, Телля и много ученыхъ знаменитостей, этотъ маленькій народецъ пастуховъ стоитъ вѣка цѣлъ и могучъ среди другихъ народовъ, въ тысячу разъ его могучѣе своими войсками и богатствомъ. Ни одна политическая буря въ сосѣднихъ странахъ не поколебала его. Отчего? отъ того, что нравственныя силы этого народца велики. Желалъ бы очень встрѣтить васъ года черезъ четыре, пять, и увѣренъ, что вы, познакомясь съ опытами жизни,—если не пропадете, — заговорите другое.

— Моихъ убѣжденій не перемѣню, хотя-бъ мнѣ пришлось прожить Маѳусаиловъ вѣкъ

— Жаль. Я самъ нѣкогда въ какомъ-то опьянѣніи отъ чаду, которымъ былъ окуренъ, разсуждалъ, какъ вы. Здѣсь я отрезвился и узналъ всю тщету и безразсудство идеекъ, которымъ прежде поклонялся. Здѣсь стремлюсь къ одной цѣли: быть полезнымъ моему отечеству, себѣ, старушкѣ-матери и сестрѣ. Себѣ, сказалъ я, потому что самоотверженіе нахожу нужнымъ только тогда, когда отечество дѣйствительно требуетъ его для своего благосостоянія и чести. Я увѣренъ, что, исполняя свой долгъ на мѣстѣ, которое самъ себѣ выбралъ, буду для него полезнѣе, чѣмъ пускать изо рта

дымныя колечки разныхъ модныхъ теорій. Вотъ мои убѣжденія. Могу только покончить нашу бесѣду однимъ вопросомъ. Получивъ на него отвѣтъ, поставлю точку молчанія.

— Ожидаю вопроса.

— Мать ваша говорила мнѣ, что дядя вашъ, еще зравствующій, духовнымъ актомъ завѣщалъ вамъ двадцать тысячъ рублей. Вы ихъ не пріобрѣтали собственнымъ трудомъ, не правда-ли?

Студентикъ, задавъ этотъ вопросъ, лукаво улыбнулся, точно поставилъ ловушку, въ которую долженъ былъ попасть глупый звѣрекъ.

Корнетъ съ убѣжденіями помялся было отвѣчать, однакожъ отвѣчалъ:

— Хоть не 20, а почти столько.

— Вы съ жаромъ говорили мнѣ о трудѣ, объ уравненіи состояній и проч. Когда получите эти деньги, отдадите ли ихъ бѣднымъ или распредѣлите на комуны?

— Это дѣло другое,—невольно вырвалось у комуниста.

Покраснѣвъ отъ своей опрометчивости, отъ сталъ пощипывать усики и отдѣлываться отъ заданнаго ему вопроса какими-то двусмысленными словами, въ которыхъ нельзя было добраться ни до какого заключенія.

Студентъ сжалъ руку въ кулачекъ, махнулъ имъ энергически, какъ будто вколачивая гвоздь молчанія вмѣсто того, чтобы ставить точку въ концѣ своей рѣчи, и, не сказавъ ни слова, отошелъ къ кружку, сидѣвшему за столомъ, на которомъ шипѣлъ ужь самоваръ.

Въ это время задребезжалъ колокольчикъ у входа квартиры.

— Не почтальонъ ли? — сказалъ Михайло Аполлонычъ,—Марѳа, Марѳуша! Да, гдѣ-жь она?

Служанка, стоявшая за нѣсколько минутъ недалеко въ ожиданіи приказаній господъ, на этотъ разъ отлучилась.

— Петруша, — только что проговорила Левкоева, но студентъ, догадываясь, что Петруша не двинется со своего мѣста, поспѣшилъ туда, откуда слышался звонокъ.

У входныхъ дверей стоялъ Владиславъ. Онъ съ усмѣшкой глядѣлъ на четверку въ наборной, тяжелой сбруѣ съ цвѣтными бантами въ гривахъ и холкахъ и бубенчиками. «Ужь не женихова ли?» подумалъ онъ: «долженъ быть какой-нибудь фатъ!»

Дверь отворилась, передъ нимъ предсталъ студентикъ съ вопросомъ, кого ему нужно.

— Ранѣевыхъ.

— Они въ саду, пожалуйте, я провожу васъ.

— Знаю я этотъ садъ,—угрюма процѣдилъ сквозь зубы Владиславъ и широкими, спѣшными шагами опередилъ своего спутника

VII

Когда онъ явился передъ маленькимъ обществомъ въ саду, въ глазахъ его былъ какой-то демоническій блескъ, на губахъ демоническая усмѣшка.

Лиза при видѣ его измѣнилась въ лицѣ; рука, державшая чайникъ, изъ котораго она наливала чай, задрожала. Это замѣтили Левкоева и Тони.

Стабровскій и Сурминъ встрѣтились мимолетными взглядами и угадали, кто они таковы.

Сурминъ мысленно признался, что «сердце рѣдкой женщины можетъ устоять противъ обаянія его красивой наружности, въ которой не было ничего женоподобнаго», какъ говорила бой-баба. Владиславъ подумалъ: «это долженъ быть женихъ ея, не этотъ же военный молокососъ и не этотъ цыпленокъ-студентъ. Ничего, мужчина хоть куда, можетъ понравиться иной женщинѣ».

Старикъ Ранѣевъ по близорукости прищурился, приложилъ ладонь надъ глазами и, узнавъ Стабровскаго, насупилъ брови. Левкоева лукаво улыбнулась, на лицѣ Тони изобразилось удивленіе: она давно не видала Владислава у Ранѣевыхъ.

— Я пришелъ поздравить *васъ* со днемъ вашего ангела, Елизавета Михайловна, — сказалъ Владиславъ, подойдя съ глубокимъ поклономъ къ Лизѣ, — и пожелать вамъ всего, чего вы сами себѣ желаете. Это поздравленіе банально — извините, я не приберу теперь лучшаго. По крайней мѣрѣ вѣрьте, оно отъ искренняго, преданнаго вамъ сердца.

— Благодарю,—могла только отвѣтить Лиза.

Подойдя къ Ранѣеву, онъ сказалъ:

— Я пришелъ проститься съ вами, Михаилъ Аполлонычъ.

— Куда это, батюшка, собрался? — спросилъ Ранѣевъ.

— Въ отпускъ, къ матери, пишетъ, очень больна, желаетъ меня благословить...

— Не въ жондъ-ли, какъ и братца Ричарда? Знаемъ мы ее, патріотка отъ пятокъ до конца волосъ!

— Патріотизмъ, вы согласитесь, былъ всегда привилегіей не низкихъ душъ.

— Низкихъ, когда онъ дѣйствуетъ въ потьмахъ, измѣннически, коварно, по-іезуитски.

— Не мое дѣло разбирать поступки моей матери,— я ихъ и не вѣдаю; не знаю и того, что думаетъ она дѣлать изъ меня, знаю только, что долгъ дѣтей свято повиноваться волѣ родителей. Кромѣ закона природы, это повелѣваетъ намъ и заповѣдь Божія.

Посылка эта была принята Лизой по назначенію.

— Хоть бы она приказала вамъ измѣннически поднять оружіе на Россію, которая васъ вскормила, воспитала, устроила вашу судьбу, которой вы присягали?

— Это до меня не касается, вѣроятно, до брата моего; гдѣ онъ, что съ нимъ, вы, должно быть, лучше меня знаете. Это можетъ касаться до многихъ поляковъ, поднявшихъ оружіе противъ Россіи.

— Чай, представляютъ важные резоны къ своему оправданію; пожалуй, Россія у нихъ виновата! Съ больной головы да на здоровую.

— Они говорятъ, что благодарность забывается народомъ, когда онъ стонетъ подъ желѣзнымъ игомъ, когда польское имя здѣсь въ униженіи, въ презрѣніи, религія ихъ гонима, когда изъ поляковъ хотятъ сдѣлать рабовъ, а не преданныхъ подданныхъ.

Ранѣевъ готовъ былъ выдти изъ себя, колѣни его дрожали. Лиза, боясь, чтобы этотъ горячій разговоръ не повредилъ здоровью отца, взглянула умоляющими глазами на Владислава, но тотъ, замѣтивъ этотъ взглядъ, остался все-таки неумолимъ.

Пожалъ старикъ руку Сурмину и сказалъ, немного успокоившись, указывая на Владислава:

— Этотъ молодой человѣкъ—Стабровскій. Онъ мнѣ родственникъ, хотя и дальній, но я любилъ его, какъ самаго близкаго. Уполномочиваю васъ,—онъ, конечно, позволитъ,—поговорить съ нимъ за меня. Не то боюсь по родству оскорбить его жесткимъ словомъ. Къ тому жъ онъ теперь мой гость и на проводахъ. Можетъ быть, мы съ нимъ растанемся до свиданія *тамъ*.

Ранѣевъ указалъ на небо, потомъ, обращаясь къ Владиславу, прибавилъ:

— Это мой лучшій другъ, Андрей Иванычъ Сурминъ. Не откажись поднять перчатку, которую онъ, жалѣючи старика, броситъ тебѣ за меня. Онъ человѣкъ безпристрастный, хотя хорошій патріотъ, и лучше меня владѣетъ оружіемъ слова.

Молодые люди слегка другъ другу поклонились.

— Бывало, — сказалъ Сурминъ, добродушно улыбаясь, — благородные рыцари, выходя на поединокъ, подавали другъ другу руку. Вотъ вамъ моя рука, вѣрьте, на ней нѣтъ пятна.

Стабровскій немного смутился отъ неожиданнаго вызова, но невольно отвѣчалъ:—«Съ удовольствіемъ»,—и подалъ ему руку.

Ему предстояло защищать дѣло темное, революціонное, которое онъ самъ въ душѣ осуждалъ; но онъ продалъ душу свою этому дѣлу, какъ сатанѣ, и долженъ былъ стоять за него, лишь бы удары падали больнѣе на сердце отца и дочери. Онъ видѣлъ передъ собою, какъ полагалъ, счастливаго соперника, ему казалось, что онъ униженъ, презрѣнъ, и, ослѣпленный своею страстью, сдѣлался золъ и мстителенъ.

Студентъ и корнетъ подошли ближе къ мѣсту поединка; Левкоева коварно улыбалась, мысленно представляла себѣ этотъ поединокъ въ смѣшномъ видѣ, вродѣ боя пѣтуховъ, спущенныхъ одинъ на другого. Она заранѣе радовалась, какъ завтра будетъ потѣшать своихъ покровительницъ разсказомъ объ этой уморительной сценѣ. Можно догадаться, что чувствовали въ это время Лиза и ея подруга.

— Вы, конечно,—началъ Сурминъ,—живя въ Россіи, находясь на русской службѣ, не отъ себя, а отъ лица поляковъ высказали тѣ нареканія, которыя привыкли они пускать на вѣтеръ.

— Да, я говорилъ отъ лица поляковъ, только, кажется, не на вѣтеръ, а прямо въ цѣль.

— Положимъ такъ, то есть вы дѣлаетесь адвокатомъ польскаго дѣла, а я русскаго.

— Я только передаю, что отъ нихъ слышалъ, и умываю себѣ руки какъ въ ихъ убѣжденіяхъ, такъ и дѣйствіяхъ.

— Вы сказали, что польскій народъ стонетъ подъ игомъ русскимъ. Гдѣ-жъ этотъ народъ?

— На всемъ пространствѣ изъ-за Вислы до Днѣпра.

— Вы не хуже меня знаете, что народъ слагается

изъ разныхъ классовъ, которые держатся одинъ за другого, какъ звенья одной цѣпи.

— Точно такъ.

— На томъ пространствѣ, которое вамъ угодно было отмежевать Польшѣ, вижу я только съ двухъ концовъ цѣпи два далеко разрозненныя звена — два класса: одинъ высшій, панскій, другой — низшій, крестьянскій. Съ одной стороны власть неограниченная, богатство, образованіе, сила, съ другой—безмолвное униженіе, бѣдность, невѣжество, рабство, какого у насъ въ Россіи не бывало. — Вы, Михайло Аполлонычъ, долго пожили въ бѣлорусскомъ краѣ, вы знаете лучше меня бытъ тамошняго крестьянина.

— Да, слишкомъ хорошо,—ввернулъ Ранѣевъ свое слово въ рѣчь противниковъ. — Только вспомнишь объ немъ, такъ морозъ по кожѣ подираетъ. Стоитъ только поставить рядомъ русскаго крестьянина и бѣлорусца. Что ѣстъ этотъ несчастный, въ чемъ одѣтъ, подъ какою кровлей живетъ? И свѣтъ-то Божій проходитъ у него со двора черезъ крошечныя отверстія вмѣсто окошекъ, а не съ улицы. Какой-то сочинитель писалъ: «что и собаки, увидавъ панскую бричку, съ испуга бросаются въ подворотни».

— Вотъ тутъ-то стонъ—не народа, а одного класса отъ угнетенія другимъ,—продолжалъ Сурминъ. — Неужели вы думаете, что въ нынѣшнюю революцію этотъ классъ пристанетъ къ своимъ притѣснителямъ?

— Обѣщай ему земное Эльдорадо, и онъ пойдетъ, куда угодно.

— Не пойдетъ, потому что были уже филантропическія обѣщанія, да жаль было панамъ разстаться со своею властью надъ рабочей силой. Пока вы обѣщаете, а русское правительство даетъ. Теперь укажите мнѣ у себя средній классъ, который служилъ бы связью

двухъ, о которыхъ мы говорили. Нѣтъ его, а безъ него нѣтъ и народа.

— Не было, но поляки говорятъ, что его создали.

— Такъ, вдругъ, въ два-три мѣсяца, по панскому хотѣнію, по щучьему велѣнію! Для такого рода фокусовъ не родился еще новый Пинетти. Позвольте же спросить: изъ какого-же элемента онъ созданъ? Не изъ еврейскаго-ли?

— Нѣтъ, изъ польскихъ ремесленниковъ, фабричныхъ, экономовъ, офиціалистовъ, бывшей шляхты, у которой отняты русскими ихъ исконныя права.

— То есть изъ подонковъ народа. Это прекурьезная новость, учрежденіе небывалое. Извините, какъ я не считалъ польскую интеллигенцію легкомысленной, любящей строить зданія на воздухѣ, но не полагалъ, что она дойдетъ до такого... (безразсудства, хотѣлъ онъ сказать, но не сказалъ) до такой крайности. Средній классъ, какъ вы знаете, составляется изъ осѣдлыхъ, имущественныхъ гражданъ, а не изъ сброда всякой бездомной, наемной вольницы, готовой идти драться за того, кто пріютитъ ее, получше накормитъ и, пуще всего, получше напоитъ горѣлкой. Это, конечно, будетъ или есть что-нибудь вродѣ шляхетской дворни, какую нѣкогда магнаты возили на сеймы и сеймики голосить, буйствовать и драться за нихъ. Неужели это классъ народа? Спрашиваю васъ, гдѣ-жъ послѣ того польскій народъ?

— Какъ хотите, а этотъ сбродъ—сила, съ которой до сихъ поръ не могутъ сладить ни ваша администрація, ни ваше регулярное войско со своими пушками. Посмотрите, какое единодушіе патріотизма въ называемомъ вами разрозненномъ народѣ. Сила эта растетъ не по днямъ, а по часамъ, эта сила нравственная, а передъ нею ничто матеріальная.

— Правда, насъ заставали врасплохъ по милости русскаго простодушія, русской обломовщины, самоуниженія. Правда и то, что хитрость, коварство, измѣна искусно проводили, гдѣ только могли, пороховыя мины подъ русскую землю. Давно уже приготовляли взрывъ ксендзы своими проповѣдями, пани и паненки чарами своей красоты, магнаты своимъ золотомъ, зависть иностранныхъ державъ къ возрастающей силѣ Россіи. Но, слава Богу, Россія почуяла, что не вѣчно же ей играть въ жмурки со врагами своими, скидаетъ повязку съ глазъ, приложила руку къ сердцу— бьется попрежнему патріотизмомъ двухъ двѣнадцатыхъ годовъ. Кликнетъ кличъ, и встанетъ народъ русскій, вотъ тутъ-то я скажу: народъ—встанетъ какъ одинъ человѣкъ. Тогда мы увидимъ, на чьей сторонѣ истинная сила.

— Увидимъ.

— Вы отмѣрили для польской національности земли изъ-за Вислы до Днѣпра и забыли, конечно, что въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, на Волыни, въ Кіевѣ живутъ милліоны русскихъ, православныхъ — какая-жъ тутъ польская національность?

— Кіевъ не долженъ, не можетъ принадлежать полякамъ.

— Слава Богу,—сказалъ Ранѣевъ, скидая шляпу,— хоть купель нашего христіанства намъ отдаютъ. Благодарите, господа и госпожи, отъ лица всѣхъ русскихъ.

— Въ этомъ случаѣ вы говорите, вѣроятно, отъ себя,—продолжалъ Сурминъ,—поляки и Кіевъ считаютъ своимъ законнымъ достояніемъ. Посмотрите, какъ они тамъ работаютъ. Ужь если рука протянулась, такъ брать все, что глазами воображенія можно взять до Чернаго моря. Я повторяю свой вопросъ: гдѣ-жъ въ православномъ, русскомъ по числу населенія краѣ

польская національность? Одни паны не составляютъ еще ее, какъ мы сказали.

— Крестьяне, что дѣти, выучатся тому языку, которому заставляютъ ихъ учиться, тѣмъ молитвамъ, тому знаменію креста, которыми велятъ имъ молиться, и сдѣлаются католиками, поляками.

— Зачѣмъ-же имъ переучиваться? Изъ какого добра дѣлаться имъ поляками, когда они русскіе, православные? Дѣти эти дорожатъ крестомъ, которымъ крестились ихъ отцы и дѣды, твердо помнятъ, что они русскіе по вѣрѣ и языку, дорожатъ этимъ заповѣданнымъ наслѣдствомъ, несмотря на всѣ происки и обольщенія іезуитовъ и тиранію пановъ. Вы говорили о гоненіи вашей вѣры, о притязаніяхъ на вашу совѣсть.

— Говорилъ.

— И это клевета, сударь, безстыдная клевета, выдуманная тѣми же іезуитами, тою же панской интелигенціей, тѣми и другими для своихъ корыстныхъ цѣлей. Россія извѣстна своею терпимостью ко всѣмъ вѣрамъ, которыя исповѣдываютъ ея подданные. Это истина, которую не хотятъ признать одни ея враги. Господствующая вѣра есть въ каждомъ государствѣ. Не посягайте только на законныя права ея, не дѣлайте изъ католической вѣры какую-то польскую, не дѣлайте ея орудіемъ для революціи. А какъ ваша вѣра унижена въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи? У дяди моего есть имѣніе въ Витебской губерніи. Онъ разсказывалъ мнѣ о величественной архитектурѣ вашихъ каменныхъ костеловъ, о довольствѣ и комфортной жизни вашихъ безсемейныхъ ксендзовъ. А наши церкви?.. тѣсны, ветхи, на крышахъ поросли деревья, скудна церковная утварь, истлѣли одежды служителей алтаря. Только такія были въ первые вѣка христіанства, когда воздвигали на него гоненія. А какъ живутъ со своими семействами наши пастыри духовные? Въ бѣдныхъ ха-

тахъ ихъ дождь льетъ сквозь крышу, нужды ихъ одолѣваютъ. Гдѣ-жъ гоненія на вашу вѣру, на чьей сторонѣ униженіе?

— Правда, но и это доказываетъ, что польская національность выше вашей въ этомъ краѣ, что она умѣетъ достойно поддерживать и храмы свои, и своихъ пастырей.

— Опять польская національность! Я долженъ паки и паки повторить вамъ прежнее наше заключеніе, что тамъ нѣтъ польской національности, гдѣ нѣтъ польскаго народа. А ваша замѣтка доказываетъ, что преобладающій, высшій и богатый классъ поляковъ заботится только о поддержкѣ своей вѣры и униженіи русской, которая есть вѣра ихъ бѣдныхъ, угнетенныхъ крестьянъ.

Ранѣевъ не выдержалъ и къ рѣчи Сурмина прибавилъ иронически:

— А какими обольщеніями не пытаютъ этихъ несчастныхъ! «Образумься, дескать, сынку, — говорятъ имъ ксендзы,—полно тебѣ мотать ноги, ходить за десятки верстъ молиться въ бѣдныя русскія церкви, которыя того и гляди обрушатся на твою голову. Полно хоронить на дальнихъ кладбищахъ, въ глуши лѣсной, своихъ братьевъ и отцовъ. Не лучше-ль бы было тебѣ молиться и исполнять свои требы въ нашихъ богатыхъ костелахъ, бокъ-о-бокъ съ вашими домами, слушать божественную музыку нашихъ органовъ и трогательную, горячую проповѣдь нашу Пусть бы почивали тогда въ мирѣ кости твоихъ отцовъ и братій у подножія нашихъ храмовъ». Но не слушаютъ бѣдные русскіе крестьяне этихъ обольстительныхъ рѣчей и попрежнему ходятъ они за десятки верстъ въ свои ветхіе, разрушающіеся храмы и хоронятъ прахъ своихъ кровныхъ въ глуши лѣсовъ.

— Теперь остается намъ очистить одинъ изъ самыхъ важныхъ нареканій вашихъ на Россію,—сказалъ

Сурминъ, — если мы не наскучили своимъ длиннымъ споромъ и особенно я своимъ ораторствомъ нашимъ слушателямъ и слушательницамъ...

— Сдѣлайте одолженіе, продолжайте, — сказали Тони и Ранѣевъ въ одинъ голосъ.

— А вы какъ, Лизавета Михайловна? Вы, кажется, любите споры. Помню ваши слова, нѣкогда мнѣ сказанныя: «въ природѣ, въ жизни, все споръ; чтожъ за побѣда безъ борьбы!»

— Я и теперь то же повторю и буду слушать васъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ вашихъ словахъ столько патріотическаго чувства и нѣтъ никакого хвастовства.

И эта посылка была принята по назначенію.

— Вы сказали, — продолжалъ торжествующій адвокатъ русскаго дѣла, обращаясь къ Стабровскому, — что польское имя здѣсь унижено, въ презрѣніи.

— Говорилъ.

— Не слова, а факты доказываютъ противное. Дѣти такъ-называемыхъ вами поляковъ, изъ какой бы губерніи они ни были, принимаются въ наши учебныя заведенія, гражданскія и военныя, на счетъ правительства наравнѣ съ русскими, безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ.

— Ничего не имѣю противъ этого сказать.

— Въ войскѣ русскомъ, въ судахъ, въ мѣстахъ финансовыхъ, административныхъ, вы вездѣ стоите съ нами рядомъ. Взгляните въ адресъ-календарь и вы удостовѣритесь собственными глазами, сколько польскихъ именъ занимаютъ видныя, почетныя и выгодныя мѣста въ государствѣ.

— Все такъ, но эти услажденія, такъ сказать, по усамъ, не вознаградятъ поляковъ за потерю свободы, самостоятельности ихъ отечества.

— Вы пользовались широкой свободой во времена вашихъ польскихъ и саксонскихъ королей, и чтожъ вы изъ нея сдѣлали? Довели до раздѣла Польши. Великодушный, высоко-гуманный государь далъ вамъ конституцію и какъ вы ею воспользовались?

— Конституція эта была нарушена разными неправдами.

— Извините, вы ее нарушили революціонными тенденціями, стремленіемъ къ анархіи. Вы и тутъ доказали, что законная свобода не по натурѣ вашей, что вы неспособны пользоваться ею.

— Если смотрѣть съ вашей стороны, многое изъ вашихъ словъ, можетъ быть, *резонно*; могу только отъ лица моихъ компатріотовъ, безъ всякихъ паки, сказать въ заключеніе: «Польша до тѣхъ поръ не успокоится, пока не будетъ Польшей, или погибнетъ».

— И погибнетъ, если не сольется съ Россіей, — возвысилъ свой голосъ старикъ-Ранѣевъ, потрясая рукой,—двумъ рѣкамъ нельзя отдѣльно течь въ одномъ руслѣ.

— Спрошу васъ еще, всѣ-ли польскіе уроженцы, какъ вы называете и бѣлорусцевъ, говорятъ то же, что вы сказали?—спросилъ Сурминъ.

— Ужь конечно, всѣ единодушно; между ними я не знаю отступниковъ.

— Я найду вамъ живыя противорѣчія; для примѣра укажу вамъ на одного, мстиславца.

— Я желалъ бы знать имя этого презрѣннаго человѣка.

— Напротивъ того, это честнѣйшій, благороднѣйшій изъ людей; имя ему Пржшедиловскій.

— Это имя ошеломило Владислава, куда дѣвались всѣ доводы его въ пользу дѣла, за которое онъ такъ горячо ратовалъ!

— Пржшедиловскій?—онъ мой другъ.

— А мой адвокатъ по весьма важнымъ, интереснымъ дѣламъ и человѣкъ, за котораго отдалъ бы я съ удовольствіемъ сестру свою, еслибы онъ не былъ женатъ и полюбилъ ее.

— Ваши отзывы о немъ не преувеличены. Пржшедиловскій, конечно, не скажетъ о польскомъ дѣлѣ того, что я говорилъ, потому что онъ счастливъ здѣсь. Русская дѣвушка, которую онъ страстно полюбилъ, отдала ему свое сердце и руку, отецъ ея не погнушался принять поляка въ свое семейство. Мудрено ли, что онъ приросъ сердцемъ къ русской землѣ!

— Отецъ его жены, конечно, не погнушался отдать дочь свою за бѣлорусца, — отозвался Ранѣевъ съ какою-то горечью въ голосѣ, — потому что увѣренъ былъ въ твердости и честности его характера, увѣренъ былъ, что ни братъ его, если онъ у него есть, ни онъ самъ не измѣнитъ своему долгу и чести, хотя бы сулили ему номинацію не только въ пулковники, но и въ воеводы.

Какъ растопленный свинецъ, мѣтко падали капля за каплей эти слова на сердце Стабровскаго.

Лиза шепнула своей подругѣ, чтобы не зажигали фонариковъ; ей было не до иллюминаціи; праздникъ былъ разстроенъ.

— Судьею въ этомъ спорѣ, — сказалъ Ранѣевъ, — я не желаю быть и самъ себя отвожу по личнымъ моимъ отношеніямъ къ обѣимъ сторонамъ. Пусть Антонина Павловна и дочь моя рѣшатъ его и подадутъ, одна или другая, руку побѣдителю.

Глаза Лизы горѣли лихорадочнымъ огнемъ, она порывисто встала со своихъ креселъ и спѣшила подать руку Сурмину, на эту руку наложила свою и Тони, какъ бы въ знакъ тройственнаго союза.

— Какъ же, — замѣтила Левкоева, коварно улыбаясь, — вы Антонина Павловна, недавно такъ горячо

защищая пана Стабровскаго, желали ему воинственной карьеры?

На это злое и неприличное замѣчаніе, сначала немного было смутившись, потомъ съ твердостью отвѣчала Тони:

— Когда взводили вы на него напраслину, я была за него, а теперь противъ него правда и сердце русской женщины.

Ранѣевъ грустно покачалъ головой.

— Эхъ, Владиславъ,—дружески произнесъ онъ, — жаль, очень жаль мнѣ тебя, ты не таковъ былъ, когда мы тебя впервые узнали. Тебя совратили безумцы съ истиннаго пути. Образумься, не то, помяни меня, они тебя погубятъ.

— Я долженъ былъ говорить, что сказалъ, я не могъ иначе говорить,—отвѣчалъ Владиславъ.

Голосъ его замеръ, слезы выступили на глаза, и онъ, закрывъ ихъ рукою, не простившись ни съ кѣмъ, быстро направилъ свои шаги къ садовой калиткѣ.

Всѣ, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, молчали, смотря другъ на друга, какъ бы спрашивая другъ друга разгадки этого быстраго исчезновенія, этихъ слезъ.

Только одна хорошо понимала ихъ.

Между тѣмъ корнетъ-философъ, желая полиберальничать, догналъ Стабровскаго у калитки и закричалъ ему.

— Позвольте!

— Что вамъ угодно отъ меня? — рѣзко спросилъ тотъ.

— Вы правы.

И понесъ было философъ разную дичь о сепаратизмѣ и федерализмѣ вродѣ «центральнаго движенія, воздушнаго давленія».

Владиславъ спѣшилъ обрѣзать его на первыхъ словахъ.

— На это я буду имѣть честь доложить вамъ вотъ что,—отвѣчалъ онъ сердито и громко, такъ что могли слышать его оставшіеся въ саду. — Я понимаю еще стремленіе поляковъ къ самостоятельности Польши, можетъ быть, безразсудное, несбыточное, горячо сочувствую движенію итальянцевъ, какъ и нѣмцевъ, къ объединенію Италіи и Германіи. Въ немъ они видятъ благо своего отечества. Но не понимаю, чего желаютъ подобные вамъ русскіе въ разъединеніи Россіи, въ ея обезсиленіи. Я называю это просто безуміемъ, низостью—и потому такихъ людей презираю.

Юноша-философъ погрозилъ ему кулакомъ въ спину. Проглотивъ оскорбленіе, онъ возвратился въ садъ, будто опущенный въ холодную воду, но тутъ встрѣтила его мать грознымъ приказаніемъ сейчасъ уѣхать въ свою гостиницу и не смѣть показываться ей на глаза, пока сама не вызоветъ его.

Собесѣдники разстались, унося съ собою разныя впечатлѣнія, оставленныя въ сердцѣ ихъ *Елизаветинымъ днемъ*.

Когда Ранѣевы возвратились на свою квартиру, съ мезонина послышалась трогательная молитва, прекрасно исполненная тремя голосами съ акомпанементомъ рояля.

И помолились усердно отецъ и дочь, чтобы Владиславъ обратился на путь истинный.

VIII

На другой день около десяти часовъ утра шла Лиза, углубленная въ мрачныя мысли о вчерашнемъ днѣ, по набережной Прѣсненскаго пруда, въ домъ, гдѣ она давала уроки. Все, на небѣ и вокругъ нея, согласовалось съ печальнымъ настроеніемъ ея души. День былъ пасмурный, желтые листья устилали землю; отъ пруда, подернутаго будто свинцомъ, вѣяло пронзительнымъ холодомъ; осеннія птички жалобно чиликали въ обнаженныхъ кустахъ. Казалось Лизѣ, что она со вчерашняго дня отдѣлилась отъ всего, что радовало ее еще въ людяхъ и въ природѣ. Ни души не было въ саду, но еслибы кто ей попался на встрѣчу или обгонялъ ее, онъ мелькнулъ бы передъ нею, какъ тѣнь.

Вдругъ слышитъ, кто-то назвалъ ее по имени. Голосъ знакомый, голосъ Владислава, но не тотъ смѣлый, звучный, который нѣкогда ласкалъ ея сердце, а робкій, грустный, словно замогильный.

Она вздрогнула; передъ ней стоялъ Владиславъ.

Лиза испугалась было, но скоро оправилась и, надвинувъ брови на глаза, спросила:

— Что вамъ угодно?

— Вчера, убитый горемъ и униженіемъ своимъ, я не простился съ вами... я узналъ, что вы въ этотъ день, въ этотъ часъ проходите здѣсь, и пришелъ...

— Кто-жъ довелъ васъ до этого униженія? — спѣшила перебить его Лиза, — не вы-ли сами? И теперь не вздумали-ли стать на моей дорогѣ, чтобы оскорбить меня какими-нибудь новыми безумными рѣчами? Довольно и того, что вы вчера, въ день моего ангела, при многихъ постороннихъ свидѣтеляхъ, пришли разстроить мой праздникъ, внести смуту въ наше маленькое мирное общество, огорчить моего больного старика и будто ножемъ порыться въ груди моей.

— Я нынѣ хотѣлъ васъ видѣть только для того, чтобы испросить у ногъ вашихъ прощеніе за мои безумныя рѣчи, за все, чѣмъ могъ вчера огорчить отца вашего и васъ. Хоть не проклинайте меня.

— Гдѣ-жъ былъ вашъ разсудокъ, ваша такъ названная высокая любовь ко мнѣ?

— Я потерялъ совсѣмъ голову, потому что потерялъ все, что мнѣ дорого было въ жизни. Признаюсь вамъ, вчера раздосадованный, огорченный вашимъ отвѣтомъ, послѣ пирушки на проводахъ моихъ друзей, отуманенный виномъ, я пришелъ прямо къ вамъ...

— Вы ужь и до этого дошли.

— Отчаяніе до всего доводитъ, до убійства тѣла и души. Вѣсть, что у васъ есть женихъ, что вы скоро выходите замужъ...

— За кого, позвольте васъ спросить?

— За Сурмина, этого вчерашняго краснорѣчиваго оратора.

— Краснорѣчиваго, согласна, потому что онъ говорилъ отъ души, какъ русскій патріотъ. Однакожъ, откуда почерпнули вы эти свѣдѣнія?

— Ваша бывшая няня сказала это моему слугѣ, когда я посылалъ вамъ роковое письмо.

— Большіе же успѣхи дѣлаете вы на разныхъ благородныхъ путяхъ! Я не знала еще до сихъ поръ у васъ достоинства подбирать соръ на заднихъ крыльцахъ. Не имѣю нужды отдавать вамъ отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ и чувствахъ, но такъ какъ слухъ, до васъ дошедшій, чистая ложь, бабья сплетня, то по старой дружбѣ и должна вамъ сказать: Сурминъ ни явно, ни тайно не былъ никогда моимъ женихомъ. Люблю его, какъ добраго, благороднаго друга моего отца, какъ пріятнаго, умнаго собесѣдника—ничего болѣе. Уважаю его и за то, что онъ никогда не посягнетъ на семейное спокойствіе кого бы то ни было. Въ томъ, что я сказала вамъ, свидѣтель Тотъ, Кто читаетъ въ душѣ нашей. Осталась-ли еще у васъ искра благородства и разсудка, чтобы повѣрить женщинѣ, которую вы нѣкогда называли своимъ другомъ?

— Вѣрю, вѣрю я, сто разъ безумный, сто разъ несчастный! Теперь поймешь, что происходило въ моей душѣ, когда я пришелъ къ вамъ. Холодный отвѣтъ твой на мое письмо...

— Ты вчера говорилъ, что обязанъ повиноваться волѣ матери, что не можешь и не долженъ сказать ничего кромѣ того, что говорилъ. И я тоже не могла написать тебѣ ничего кромѣ того, что писала (Лиза говорила это болѣе задушевнымъ, любящимъ голосомъ). Повѣрь мнѣ, Владиславъ, бываетъ въ жизни человѣка стеченіе роковыхъ обстоятельствъ — ты самъ ихъ понимаешь, ты самъ и братъ твой накликали ихъ... Передъ этими обстоятельствами падаютъ слабыя души, болѣе сильныя торжествуютъ надъ ними. Ты увлеченъ ими, пойди противъ нихъ.... не уѣзжай... она схватила его руку и сжала въ своей), *станься*...

Въ голосѣ, произносившемъ слова: «не уѣзжай, останься», было столько любви, столько надеждъ.

— Я послушался бы тебя, еслибъ ты мнѣ сказала эти слова, только одни эти слова, дня за два тому назадъ, теперь уже *поздно*. Лиза, другъ мой, позволь мнѣ еще разъ, конечно послѣдній, назвать тебя этимъ сладкимъ именемъ и унести его съ собою въ мою мрачную будущность. Своимъ безразудствомъ я обрекъ себя на погибель, воротиться не могу и долженъ погибнуть. Осталось мнѣ молить Бога, чтобы ты была счастлива, просить тебя сохранить сердечную память о человѣкѣ, который любилъ тебя, какъ никто на свѣтѣ не можетъ тебя любить. Прощай. Попроси за меня отца простить мнѣ безумныя мои рѣчи. Благодарю тебя за тѣ прекрасныя минуты, которыми ты меня подарила, за то счастіе, которое теперь испытываю; прощай еще разъ.

Рука Лизы была еще въ его рукѣ, онъ съ жаромъ поцѣловалъ ее, уронивъ на нее не одну горячую слезу.

— Прощай,—сказала Лиза и судорожно сжала его руку.

Грудь ея готова была разорваться, но она превозмогла себя, махнула ему платкомъ, и пошли они оба въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы, можетъ быть, никогда не свидѣться. Никто изъ нихъ не замѣтилъ, что за ними наблюдалъ зоркій глазъ соглядатая.

Такъ же спокойно, такъ же внимательно, какъ и всегда, дала она урокъ своимъ ученицамъ; ни въ голосѣ ея, ни на лицѣ незамѣтно было никакой перемѣны.

Пришедши домой, Лиза разсказала отцу о встрѣчѣ съ Владиславомъ и какъ онъ глубоко раскаявался въ

своихъ вчерашнихъ безумныхъ рѣчахъ и какъ просилъ у него прощенія.

Отецъ прижалъ ее къ своей груди, поцѣловалъ въ лобъ и перекрестилъ. Ни одного слова не произнесъ онъ при этомъ

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

I

Купчиха вдова Варвара Тимоѳеевна Маврушкина занимала богато убранный домъ. При ней жили трое малолѣтнихъ дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ. Гувернеръ у нихъ былъ полякъ, учителя, ходившіе давать имъ уроки — большею частью поляки, которыхъ выборъ и назначеніе зависѣли отъ *друга дома*, Людвиковича, уже знакомаго намъ. Мужъ Маврушкиной завѣщалъ ей на условіяхъ богатое денежное состояніе помимо наслѣдства, оставленнаго дѣтямъ. Сверхъ того на воспитаніе и содержаніе ихъ отпускалась ей ежегодно значительная сумма. Заглянемъ сначала въ отдѣленіе дѣтское. Въ классной комнатѣ за столомъ, на которомъ разложена карта, сидятъ трое мальчиковъ, внимательно слушая урокъ, задаваемый имъ учителемъ исторіи и географіи. Между словесными объясненіями онъ оттушевывалъ на картѣ карандашемъ своевольныя границы Польши и, такимъ образомъ, нѣсколькими штрихами

графита завоевывалъ для нея у Россіи не только Царство Польское, но и всѣ губерніи, отошедшія къ намъ съ 1772 года.

— Помните, милыя дѣти,—говорилъ онъ съ нѣсколько польскимъ акцентомъ,—Королевство Польское тянется съ запада отъ границъ Пруссіи и Австріи до Днѣпра въ разрѣзъ города Смоленска, съ сѣвера на югъ отъ Балтійскаго моря до Карпатскихъ горъ и съ юго-запада отъ границъ нѣмецкой Австріи до Кіевской губерніи включительно.

— Какъ же,—спросилъ старшій изъ учениковъ,—на картѣ означены другія границы? А ваши, карандашныя, можно разомъ стереть резинкой.

— Это старая, негодная, неправильная карта. Она копирована съ той, которая была составлена по приказанію императрицы Екатерины II. Я вамъ надняхъ принесу новую. Надо вамъ сказать, это была властолюбивая женщина. Разскажу объ ней, когда дойдемъ до нея въ исторіи Россіи. Такъ изволите видѣть, она всякой неправдой забирала чужія земли, а на полякахъ хотѣла отмстить за то, что они были нѣкогда господами русскаго государства, да и въ цари былъ выбранъ самими русскими польскій королевичъ Владиславъ. Воспользовалась она нашими домашними смутами, подкупила измѣнниковъ, какихъ вездѣ бываетъ, задарила ихъ золотомъ, соединилась съ австріаками и пруссаками, да и раздѣлила съ ними Польшу на три части. Несправедливость, вопіющая къ Богу! Но отольются волкамъ слезы агнцевъ. Это все равно, какъ еслибъ я подкупилъ слугъ вашей мамаши и съ ними въ одну ночь обобралъ ее. Не правда-ли?

Маленькіе слушатели въ знакъ согласія кивнули головой.

— Русскій императоръ Александръ Благословенный возстановилъ Польское Королевство и хотѣлъ

было по чувству правосудія и законности возвратить ему тѣ границы, которыя я вамъ начертилъ на картѣ, но преемники его пошли по стопамъ бабушки. Жаль имъ сдѣлалось прекрасныхъ, богатыхъ земель нашихъ. Лѣтъ за тридцать тому назадъ поляки пытались было потягаться за свои законныя, Богомъ данныя границы, да тогда было еще не время — сила одолѣла. Вотъ нынѣ дѣло другое. Польша возстала, вся Европа идетъ къ ней на помощь, и вы увидите, много черезъ полгода она войдетъ въ прежніе свои предѣлы. Тогда мы будемъ владѣть своимъ, а вы своимъ, и станемъ жить какъ добрые братья, дѣти одной славянской семьи. Вы завоюете всю Азію, тутъ же и Китай, заберете въ свои руки всю чайную торговлю, разбогатѣете и будете просвѣщать тамошніе народы, а мы васъ. Надо вамъ сказать, друзья мои,—поляки народъ рыцарскій, благородный, умный, образованный, не то что ваши русскіе, мужики грубые, неотесанные, отъ которыхъ несетъ лукомъ... Сравните хоть пана Людвиковича съ вашимъ дядей, что кладетъ только крестъ на ротъ, когда...

Учитель, для вящшаго убѣжденія своихъ слушателей въ необразованности русскихъ отцовъ, попытался подражать нѣкіимъ неприличнымъ гортаннымъ звукамъ.

Дѣти смѣялись.

— Но вотъ вы теперь учитесь, позаймитесь отъ насъ всего добраго, умнаго и полезнаго и, Богъ дастъ, сравняетесь съ нами.—А наши пани и паненки... посмотрѣли бы на нихъ... Что за красавицы! Какія плечики, грудь, какая ножка! А какъ подхватятъ васъ на мазурку, да взглянутъ на васъ своимъ жгучимъ взглядомъ, словно золотомъ дарятъ, поневолѣ растаешь. Не то, что ваши лапотницы.

Глазки старшаго слушателя необыкновенно закс-

крились. И продолжалъ педагогъ-искуситель свою лекцію въ томъ же родѣ.

Маврушкина была женщина лѣтъ слишкомъ сорока, худощавая, перегорѣлая въ огнѣ чувственной любви. Сказывала же она себѣ тридцать съ небольшимъ, между тѣмъ какъ у нея были дочери замужемъ и имѣли сами дѣтей. И потому *бабушка* запрещала такъ называть ее при постороннихъ людяхъ; въ случаѣ же, если внучки посѣщали сыновей ея, да къ ней въ это время пріѣзжалъ Людвиковичъ, такъ ихъ опрометью выпроваживали въ заднія комнаты. Когда-жъ выѣзжала на гулянье, брала съ собою меньшого изъ своихъ дѣтей, чтобы казаться молодою матерью. *Другъ дома* зналъ всѣ эти маневры, но притворялся, что не вѣдаетъ ихъ и боготворимую имъ женщину считаетъ молодою и въ высшей степени привлекательною. «Цѣль оправдываетъ средства», этому лозунгу служилъ онъ вѣрно, презирая мнѣнія русскаго общества, счастливый, что можетъ изъ богатой сокровищницы купчихи черпать полными руками и пользоваться возможными земными благами, пока эта сокровищница не изсякнетъ. Маврушкина, съ ограниченнымъ умомъ, со слабымъ характеромъ и сильнымъ аппетитомъ любви, предалась совершенно своему обожателю, видѣла только его глазами, дѣйствовала только по его направленію. Апатичная къ роднымъ и дѣтямъ, она со всѣмъ жаромъ, какой сохранился еще въ ея крови, предалась своему кумиру. Всегда богато одѣтая по послѣдней модѣ, искусно гримированная съ помощью самыхъ утонченныхъ косметическихъ снадобій, о которыхъ ежедневно вычитывала изъ газетъ, надушенная,—она готова была во всякое время принять своего обожателя.

Нынѣ богатые купцы стараются соперничать съ дворянами въ свѣтскомъ образованіи своихъ дѣтей; не

только воспитательницы француженки, но и англичанки появляются въ ихъ семействахъ, не только сыновья ихъ, но и дочери стали дѣлать экскурсіи въ чужіе края. Но Варвара Тимоѳеевна родилась почти за полвѣка назадъ, когда купцы учили своихъ дѣтей только читать и писать, да развѣ первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. И въ томъ, чему учили Маврушкину, сдѣлала она слабые успѣхи. Писала она какими-то каракульками и безграмотно. Людвиковичъ, получая ея посланія, смѣялся про себя надъ ними, но увѣрялъ ее, что читаетъ ихъ съ величайшимъ наслажденіемъ.—«У всѣхъ порядочныхъ людей есть кабинетъ, какъ же не имѣть его такой богатой дамѣ, какъ Варвара Тимоѳеевна»,—говорилъ ея чичисбей и устроилъ ей кабинетъ на барскую ногу, со всѣми модными письменными принадлежностями, купленными имъ за баснословную цѣну въ лучшихъ магазинахъ. Не забыта была и библіотека, въ которой книги красовались своими великолѣпными переплетами, никогда не раскрываемыми, и потому оставались элевзинскими таинствами для обладательницы ихъ. На стѣнахъ какъ-то дико смотрѣли, какъ будто изумленные своимъ появленіемъ въ жилищѣ Маврушкиной, великіе мужи разныхъ народовъ, которыхъ имена коверкала она по своему. Надъ этими продѣлками смѣялись родные и знакомые. Человѣкъ, который истинно любитъ, постарается отстранить отъ насмѣшекъ предметъ своей любви, но Людвиковичъ торговалъ собою, и ему ни по чемъ было униженіе женщины, купившей его особу, лишь бы извлечь изъ нея какъ можно болѣе выгодъ для себя.

Варвара Тимоѳеевна въ ожиданіи домашнаго друга, вся въ шелку, блондахъ, изукрашенная на рукахъ, въ ушахъ и на груди бриллiантами, приправленная разными косметическими соусами, одѣтая по послѣдней

модѣ, какъ будто манекенъ на выставкѣ, сидѣла въ своемъ кабинетѣ и гадала въ карты. Другого занятія она не знала.

— Такъ и есть,—говорила она сама съ собою,— эта бѣлобрысая не отходитъ отъ него, я у него въ ногахъ. Тузъ пикъ и семерка трефъ—ударъ и слезы. Разлучница, пожалуй, отобьетъ его у меня. Нѣтъ, этому не бывать. Не пожалѣю ничего, чтобы разстроить ихъ свадьбу. Горячѣй меня никто не можетъ его любить; буду сыпать тысячами, а его никому не отдамъ; онъ поклялся мнѣ своимъ Богомъ... Однакожъ, не былъ два дня. Сказалъ будетъ провожать друзей въ Петербургъ, все-таки могъ бы заѣхать. Развѣ сердится, что просрочила... Говорилъ, крайне нужно, землицу дешево продаютъ, тамъ у нихъ, въ какой-то польской губерніи, хочетъ купить бѣдному отцу и матери. Все проклятые попечители задержали. Хоть бы поскорѣе выдали мнѣ всю завѣщанную сумму. Пріѣзжай скорѣе, мой *анжъ*—кажется такъ выговариваю, благо Вася выучилъ. Успокой меня. Вотъ онѣ десять тысячъ, тутъ у сердца, но не дамъ прямо, пускай поиграетъ въ отгадку.

Бѣлобрысая соперница, такъ сильно растравлявшая ея сердце, была та самая молодая особа, которую Людвиковичъ велъ нѣсколько лѣтъ къ вѣнцу и до сихъ поръ не доводилъ. Маврушкина знала, что между ними, какъ она говорила по-своему, нѣтъ ничего *худого*, потому что щедро платила прислугѣ Леденцовой (такъ называли нареченную), чтобы ей доносили, когда онъ бываетъ у ея соперницы и что между ними дѣлается. Не все-таки ревнивую женщину, замѣчавшую утрату своихъ наружныхъ чаръ, не могли эти мысли успокоить. Она принялась опять за карточную хиромантію. Бубновая дама опять неотвязчиво ложилась подлѣ сердечнаго короля. Ее взяли горе и досада, и

она принялась было писать къ нему нѣжное письмо съ упреками, что ее, больную, забылъ, что ей стало хуже, что ей непремѣнно нужно видѣть его для дѣла, которое его самого сильно интересуетъ. Выраженія были большею частью выбраны изъ пѣсенника. Только что кончила она посланіе, какъ послышался звонокъ. Звукъ его, дважды повторенный, одинъ за другимъ, означалъ приходъ друга дома. Маврушкина спѣшила спрятать письмо подъ сукно стола.

Людвиковичъ вошелъ безъ доклада и, горячо поцѣловавъ въ два пріема ея ручку или, вѣрнѣе сказать, ея перстни, спросилъ о здоровьѣ.

— Здорова-то, здорова, — отвѣчала она, сдѣлавъ грустную мину, — только съ тоски пропала по тебѣ. Жестокій! легко-ли, два дня не былъ.

— Я тебѣ сказалъ, что буду провожать друзей, да и больныхъ на рукахъ много, нельзя же ихъ бросить.

— Не больна-ли ужь твоя нареченная? Чай, не преминулъ двадцать разъ навѣстить.

— Опять все та же исторія! Развѣ не клялся я тебѣ Маткой Божьей и всѣми святыми, что люблю тебя одну. Если ѣзжу къ Леденцовой, такъ для того, чтобы меня считали ея женихомъ. Она служитъ намъ ширмами, за которыми прячемъ нашу связь. Поймешь ли ты, я берегу твое имя, твою честь. Кто мѣшалъ бы мнѣ жениться на ней, еслибы я хотѣлъ.

— Кто? — спросила со сверкающими глазами Маврушкина и выпрямилась, какъ разъяренная Медея.— Кто?—повторила она,—я! Я заколю тебя и ее во время вѣнчанія и объявлю всѣмъ, на весь народъ, что я твоя любовница.

— Ну полно бѣсноваться, душка, ты остаешься для меня навсегда, мой милый, безцѣнный другъ, которую не промѣняю ни на какихъ барышень, которую

буду любить до гроба. Перестань хмуриться, улыбнись, моя краса. Повѣрь, что ты не можешь имѣть друга болѣе тебѣ преданнаго, готоваго пожертвовать тебѣ своею жизнью. Если послѣ этого ты будешь ревновать меня, такъ лучше разстанемся.

— Скорѣе утоплюсь или удавлюсь.

— Ты говорила, что всякую минуту обо мнѣ думала, а вспомнила-ли свое обѣщаніе?

— Нѣтъ, забыла, неблагодарный! Поцѣлуй меня хорошенько, выручу.

— Хоть сто разъ.

И поцѣловалъ ее Юстиніанъ Павловичъ страстнымъ поцѣлуемъ, захвативъ немного розовой помады съ губъ ея.

Въ упоеніи своей любви Варвара Тимоѳеевна недолго помучила его въ отгадку, а пакетъ съ 10 тысячами отъ сердца ея перешелъ къ его сердцу, въ боковой карманъ фрака.

— О! какъ будутъ радоваться мои родители, что я ихъ успокою на старости, какъ будутъ молить Бога за тебя!

Распростились они—Людвиковичъ, довольный, что получилъ значительный кушъ, который можетъ посвятить ойчизнѣ, — Маврушкина, счастливая увѣренностью, что онъ безгранично одну ее любитъ и карты солгали. Вышедши въ сѣни, онъ плюнулъ и платкомъ обтеръ себѣ губы.

Надо было передать этотъ кушъ Жвирждовскому. Онъ поѣхалъ къ нему, но не засталъ дома; слуга доложилъ, что капитанъ возвратится не прежде двухъ часовъ, не будетъ обѣдать у себя, вечеромъ поѣдетъ въ театръ и на другой день уѣдетъ въ Петербургъ.

— Какъ быть? — подумалъ Людвиковичъ,—въ 2 часа мнѣ непремѣнно нужно по службѣ на совѣщаніе, потомъ у богатой родильницы, гдѣ меня, вѣроятно,

задержатъ. Всего лучше доставлю ему деньги черезъ Аннету Леденцову, она для меня готова въ огонь и въ воду. Милое, преданное мнѣ созданіе.

Разсудивши такимъ образомъ, онъ поѣхалъ къ весталкѣ, столько лѣтъ неусыпно сожигающей огонь своего сердца на алтарѣ платонической любви, въ надеждѣ, что онъ скоро поведетъ ее къ брачному алтарю.

Аннета жила съ матерью своей, старушкой, слабой здоровьемъ и характеромъ. Людвиковичъ слылъ у нихъ въ домѣ и у интимныхъ ихъ знакомыхъ женихомъ дочки, хотя это не было объявлено формально, потому что онъ время отъ времени откладывалъ свадьбу за разными препятствіями и не такъ еще давно по причинѣ, будто не совсѣмъ приличенъ бракъ съ полякомъ въ самый разгаръ польской революціи. Блаженъ, кто вѣруетъ, блаженны были мать и дочка Леденцовы, одна по простодушію своему, другая, ослѣпленная любовью. Надо сказать, что Аннета сначала ихъ знакомства очень нравилась ему своимъ смазливымъ личикомъ, живостью характера и бойкимъ умомъ, нравилась и придачей 15 тысячъ, которыя мать давала за нее чистоганомъ. Но случилось, что между колебаніями его, броситься ли ему въ брачный омутъ или наслаждаться свободною, холостою жизнью, онъ сталъ лѣчить Маврушкину отъ разныхъ истерическихъ припадковъ, вылѣчилъ ее и сдѣлался другомъ ея дома и сердца. Это обстоятельство, брошенное судьбою на вѣсы его вмѣстѣ съ пачкою депозитокъ, положенныхъ на одну изъ чашечекъ, перетянуло на сторону вдовушки и ту небольшую привязанность, которую онъ начиналъ чувствовать къ Леденцовой. Искушеніе было сильное, но мимолетное. Онъ продолжалъ, однакожъ, питать въ сердцѣ Аннеты надежду, что скоро увѣнчаетъ ихъ любовь законнымъ союзомъ.

Отважная, рѣшительная, къ тому-жъ зараженная модными теоріями объ эмансипаціи женщинъ, хотя и отвергающая гражданскій бракъ, но любя искренно Людвиковича, Аннета готова была исполнить все, что онъ потребуетъ для блага, пользы и спокойствія своего.

Аннета обрадовалась, какъ и всегда, его посѣщенію и протянула ему свою руку, которю онъ нѣсколько разъ съ жаромъ поцѣловалъ. Мать ея была нездорова, и потому они могли наединѣ повѣрять другъ другу свои тайны.

Скоро передана ей была та, для которой онъ къ ней пріѣхалъ.

— Вы знаете, милый Юстиніанъ Павловичъ, что я всегда счастлива, когда могу сдѣлать для васъ пріятное, — сказала она. — По адресу, который вы мнѣ даете, я вижу, что онъ живетъ недалеко, полчаса ходьбы не болѣе; да еслибъ мнѣ пришлось для васъ на край Москвы, я сдѣлаю это съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Смотрите, одѣньтесь потеплѣе, погода суровая, а для меня ваше здоровье такъ дорого. Вы пойдете, конечно, подъ вуалемъ?

— Нѣтъ, съ открытымъ лицомъ. Если встрѣтятся знакомые, je m'en fiche. Все это предразсудки, на которые я плюю.

— Я совѣтовалъ бы вамъ быть осторожнѣе: вы идете въ гостиницу, васъ узнаютъ, могутъ прослѣдить, распустятъ глупые слухи, а меня это очень бы огорчило. Помните, поручаю вамъ дѣло секретное. Человѣкъ, къ которому васъ адресую, не долженъ быть компрометированъ.

— Будетъ по вашему, мой милый повелитель.

— Знаю, что вы не потеряете пакета, и потому не имѣю нужды напоминать вамъ объ этомъ.

— Вашъ пакетъ съ деньгами? Потеряю его развѣ съ жизнью моей.

— Прощайте, мой ангелъ, еще вашу ручку, спѣшу къ важной больной.

— Не держу васъ. Мнѣ также нужно по туалетной практикѣ; хочу явиться передъ вашимъ другомъ хорошенькой, чтобы онъ нашелъ меня достойной васъ.

— Вы всегда моя прекрасная, божественная Аннета,—сказалъ Людвиковичъ, цѣлуя опять съ упоеніемъ ея руку.—О! когда бы могъ назвать эту ручку своею. Смотрите, однакожъ, не заслушивайтесь льстивыхъ словъ, которыя вамъ будутъ расточать. Вы не знаете, я ревнивъ.

Она кокетливо погрозила ему пальчикомъ, онъ пошелъ было къ двери, но воротился, прибавивъ:

— Не забудьте взять отъ него визитную карточку и попросите его написать на ней только одно слово: «получилъ».

— Все будетъ исполнено, какъ по воинскому артикулу.

Аннета проводила его поцѣлуемъ рукою на воздухъ.

Въ сѣняхъ онъ не обтеръ губъ своихъ и не плюнулъ, а только сказалъ про себя: — «Чортъ побери, нынѣ она особенно интересна; кабы не чучело, набитое золотомъ, можно бы рискнуть».

Ровно къ двумъ часамъ пополудни явилась она въ гостиницу, гдѣ стоялъ Жвирждовскій, и сказала швейцару, чтобъ онъ передалъ нумерному такого-то нумера, что капитана желаетъ видѣть дама по порученію доктора Л.

Швейцаръ позвалъ нумерного, стоявшаго на площадкѣ лѣстницы, и передалъ ему, что говорила дама въ вуалѣ.

— Ваша фамилія? — спросилъ нумерной.

— Аннета Чертоплясова.

— Вы смѣетесь, сударыня.

— Хоть бы и такъ. Вотъ тебѣ цѣлковый на водку, раздѣли съ швейцаромъ и дѣлай, что тебѣ велятъ.

Нумерной съ цѣлковымъ въ рукахъ пошелъ исполнять ея приказаніе и, дорогой повторяя имя Чертоплясовой, чуть не прыснулъ отъ смѣха. Черезъ три минуты онъ воротился къ дамѣ подъ вуалемъ съ докладомъ, что капитанъ велѣлъ ее просить. Капитанъ догадался о мистификаціи. Провожаемая слугой, она у двери нумера объявила ему, что онъ далѣе не нуженъ, и, войдя въ нумеръ, затворила за собою дверь.

— Заприте дверь на ключъ, — сказала она Жвирждовскому.

Онъ исполнилъ волю таинственной незнакомки и попросилъ ее присѣсть на диванъ и сказать ему, кого онъ имѣетъ честь принимать у себя.

— Мое настоящее имя вамъ не нужно знать, — отвѣчала она, садясь на диванъ и поднявъ вуаль. — Я имѣю порученіе отъ доктора Людвиковича передать этотъ пакетъ. Сочтите деньги (она подала ему пакетъ). Дайте мнѣ вашу карточку, приложите на ней печать и подпишите слово: «получилъ». Болѣе ничего не нужно. Прошу поскорѣе...

Жвирждовскій раскрылъ пакетъ, прочелъ записку, въ него вложенную, взялъ со стола карточку, зажегъ свѣчу, приложилъ печать и, написавъ, гдѣ нужно было, слово, которое отъ него требовали, вручилъ карточку Леденцовой.

— Считать я не стану, — сказалъ онъ, положивъ пакетъ въ ящикъ письменнаго стола, — такому прекрасному повѣренному, какъ вы, съ такими ангельскими глазами, можно повѣрить милліоны. По запискѣ моего друга я знаю, кто вы. Счастливъ онъ, что имѣетъ такую достойную невѣсту, еще счастливѣе будетъ,

когда назоветъ васъ своею супругой. Мнѣ остается у ногъ вашихъ благодарить васъ за ваше одолженіе и за счастіе, которое вы мнѣ доставили своимъ посѣщеніемъ. Поблагодарите за все и моего друга. Дай Богъ вамъ скорѣе исполненія вашихъ общихъ желаній. Вѣрьте, обворожительныя черты ваши никогда не изгладятся изъ моего признательнаго сердца.

Миссія Леденцовой была исполнена, она встала и, опустивъ вуаль, простилась съ капитаномъ. Онъ проводилъ ее до параднаго крыльца и при прощаніи отвѣсилъ ей глубокій поклонъ, чему были зрители нумерной и швейцаръ.

Эти знаки уваженія госпожѣ Чертоплясовой въ придачу къ цѣлковому на водку подвигли и трактирную прислугу къ особенно почтительному провожанію таинственной дамы, пробывшей не болѣе пяти минутъ въ нумерѣ и потому не возбудившей никакого нескромнаго подозрѣнія.

Аннета Леденцова была на верху блаженства, она исполнила, какъ нельзя лучше, порученіе своего милаго жениха, слышала отъ его друга, капитана, столько лестнаго для себя, въ его словахъ заключалось столько надеждъ.

Скорѣй, скорѣй на квартиру Людвиковича. У подъѣзда гостиницы она взяла щегольскія пролетки, вспорхнула на нихъ, не торгуясь, закричала извозчику:

— Къ Малиновымъ воротамъ! — и полетѣла къ своему сердечному довѣрителю.

Доктора не было дома. Здѣсь она, по согласію со слугою его или человѣкомъ, — какъ называютъ еще нашихъ слугъ и какъ, по словамъ Тьерри, называли Норманы своихъ невольниковъ—положила въ кабинетѣ карточку, служившую квитанціей въ полученіи денегъ, не безъ наказа, чтобы она хранилась какъ зеница ока

и была тотчасъ указана господину по возвращеніи его домой.

Въ этотъ день Сурминъ былъ въ большомъ театрѣ, гдѣ давали «Жизнь за царя». Онъ сидѣлъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ и замѣтилъ, что въ другомъ горячо аплодировалъ патріотическимъ мѣстамъ піесы офицеръ генеральнаго штаба. Всмотрѣвшись въ него въ антрактѣ, онъ увидалъ, что это знакомый его по прежнему мѣсту служенія, капитанъ Жвирждовскій. Зная, что онъ находится нынѣ на службѣ въ Вильно при главномъ начальникѣ края, Сурминъ, изъ желанія вывѣдать, что дѣлается въ этомъ краю, подошелъ къ нему. Они другъ другу обрадовались, по крайней мѣрѣ, наружно. Одинъ притворился, что вѣренъ прежнимъ связямъ товарищества, другой имѣлъ затаенную мысль, что не надо слишкомъ довѣрять поляку, но все-таки никакъ не подозрѣвая въ немъ измѣнника Россіи. Когда бъ онъ зналъ, да вѣдалъ, вмѣстѣ съ публикой, что въ театрѣ подлѣ него сидитъ самъ воевода могилевскій!.. Помѣнявшись мѣстами съ его сосѣдомъ, Сурминъ занялъ кресло подлѣ Жвирждовскаго. Слово за слово, большею частью голосомъ, настроеннымъ на сурдинку, обрывками, сосѣдъ разсказалъ ему о смутахъ въ Царствѣ Польскомъ не только что было уже извѣстно по газетамъ, но отчасти и то, что не было по нимъ извѣстно, не компрометируя себя ни въ отношеніи къ польскому дѣлу, которому тайно служилъ, ни въ отношеніи къ Россіи, которой служилъ по наружности. Казалось, онъ былъ такъ откровененъ, такой горячій русскій патріотъ. Въ разговорѣ о состояніи умовъ въ западныхъ губерніяхъ онъ завѣрялъ, что кромѣ безразсудныхъ гимновъ и революціонныхъ знаковъ въ одеждѣ все обстоитъ благополучно и что русскимъ правительствомъ приняты рѣшительныя и строгія мѣры къ погашенію революціи, еслибъ она,

паче чаянія, вспыхнула въ этомъ краѣ. Такъ умѣлъ капитанъ искусно пройти между двухъ перекрестныхъ огней. Но не желая, какъ онъ замѣтилъ, чтобы сосѣди слышали то, что онъ имѣетъ передать Сурмину по секрету, онъ пригласилъ его къ себѣ для болѣе свободной бесѣды на слѣдующій день въ 2 часа по полудни, не ранѣе и не позже, и вручилъ ему карточку со своимъ адресомъ. Этотъ далъ слово быть у него въ назначенный часъ. Во все продолженіе піесы, воевода могилевскій не измѣнилъ своей роли вѣрноподданнаго и даже во время польскихъ танцевъ, простившись съ сосѣдомъ въ ожиданіи пріятнаго свиданія, вышелъ изъ театра, чтобы, какъ онъ замѣтилъ Сурмину, не смотрѣть на веселье поляковъ въ такое смутное для нихъ время.

На другой день въ назначенный часъ Сурминъ былъ въ гостиницѣ, гдѣ стоялъ Жвирждовскій. Проходя длиннымъ корридоромъ къ номеру его, онъ встрѣтилъ какого-то купца съ тощею, посѣдѣлою бородкой, въ кафтанѣ со сборами, выходившаго изъ этого номера. Шафранное лицо его, сѣрожелтые, косые глаза казались ему знакомы.

— Ба! да это тотъ самый, котораго я видѣлъ на Кузнецкомъ мосту, когда Ранѣевъ боролся съ нимъ, и который отъ него вырвался, — подумалъ Сурминъ. — Но не ошибаюсь ли? Дай-ка, попробую, назову его по имени.

— Здравствуй, Киноваровъ, пріятель Ранѣева! — сказалъ онъ громко, обратившись къ купцу.

Купецъ вздрогнулъ, отъ нечаяннаго ли къ нему обращенія, или отъ другой причины, посмотрѣлъ на Сурмина или на другой предметъ въ корридорѣ, что опредѣлить нельзя было по косинѣ его глазъ, и отвѣсилъ ему глубокій поклонъ.

— Вы вѣрно обмишулились, — сказалъ онъ спо-

койно,—я купецъ Жучокъ изъ Динабурга, живу то въ Бѣлоруссіи, то въ Литвѣ и не имѣю чести знать Ранѣева.

Тутъ ужъ смутился Сурминъ. Что было дѣлать ему въ этомъ случаѣ? Онъ дѣйствительно могъ ошибиться, Киноварова видѣлъ онъ только мелькомъ. Правда, черты злодѣя врѣзались въ его памяти, но развѣ не встрѣчалъ онъ иногда на улицѣ или въ обществѣ человѣка, ему совершенно незнакомаго, и не принималъ его за своего давнишняго пріятеля? Игра природы, не болѣе! Развѣ она, лѣпя милліоны разнообразныхъ личностей, не могла вылѣпить двѣ по одной и той же формѣ? Да еслибъ и не ошибался, что можетъ онъ предпринять? Задержать купца, произвести тревогу въ гостиницѣ? Къ чему бы это повело? Къ слѣдствію, къ суду, на которое онъ не былъ уполномоченъ Ранѣевымъ; скорѣе къ хлопотамъ, въ которыхъ онъ безвыходно запутался бы, а, можетъ быть, и пострадалъ бы. Онъ довольствовался только сказать: я тебя отыщу хоть на днѣ моря.

— Зачѣмъ нырять такъ глубоко, сударь, для такого мелкаго человѣка, я стою въ Зарядьѣ на подворьѣ № 56, гдѣ на досугѣ можете меня найти. Очень радъ познакомиться съ вами, можетъ статься, мы и дѣльце съ вами коммерческое затѣемъ. Позвольте имя вашей милости.

— Мое имя Сурминъ, не забудь его.

— Сурминъ?—сказалъ купецъ, приложивъ руку ко лбу, какъ бы стараясь что-то вспомнить.—Въ Витебской губерніи есть помѣстье одного русскаго барина, Пе́тра Сергѣича Сурмина. Самъ не живетъ въ немъ, болѣе пребываніе имѣетъ въ Прирѣченскомъ имѣніи, а только наѣзжаетъ повременамъ въ Бѣлоруссію.

— Это мой дядя,—отвѣчалъ Сурминъ, ошеломленный показаніями того, кого принималъ за Киновара.

— Какъ же, батюшка, ведемъ мы и съ нимъ коммерческія дѣла, покупаемъ у него хлѣбецъ для винокуренныхъ заводовъ. Прошлаго года построилъ ему поташный заводъ. Валежника у него въ лѣсу, что и звѣрю не пролѣзть. Говорю ему: что-жъ у васъ, сударь, лѣсъ-то даромъ гніетъ, давайте-ка гнать поташъ. И послушался. Теперь доходецъ славный получаетъ. Какъ же, баринъ умный, хоть, не въ осужденіе будь сказано, характерный, любитъ поприжать нашего брата. Да и то сказать, не всѣ люди Богомъ подъ одну масть подобраны. Давнишній благопріятель. Прошу и племянника любить меня и жаловать.

Купецъ подалъ Сурмину руку; тотъ, побѣжденный простотой обращенія его и естественностью его разговора, протянулъ ему два пальца своей руки.

— Такъ спокойно, натурально не можетъ говорить подозрѣваемый въ преступленіи, — подумалъ молодой человѣкъ и, извинясь въ своей ошибкѣ, взялъ за ручку двери, которая вела въ нумеръ Жвирждовскаго.

Купецъ, отошедшій было отъ него нѣсколько шаговъ, воротился.

— Вы вѣрно къ капитану,—сказалъ онъ, — спросите у него, честный ли человѣкъ купецъ Жучокъ, или какой бездѣльникъ. Да при случаѣ спросите у дядюшки, у Петра-то Сергѣича.

Отвѣсивъ Сурмину глубокій поклонъ, онъ пошелъ тихими шагами по корридору; тотъ вошелъ въ нумеръ, качая головой и усмѣхаясь отъ удовольствія, что избавился отъ хлопотъ, за которыя могъ бы дорого поплатиться.

— Надѣлалъ бы я дѣло, — думалъ онъ, — еслибы погорячился, остался бы въ дуракахъ, да еще въ какихъ!

— Знаете ли, капитанъ, какую было я штуку выкинулъ у васъ въ корридорѣ, принялъ купца Жучка,

что отъ васъ выходилъ, за мошенника, котораго отыскиваю.

— Жучка? ха, ха, ха!

И разразился хохотомъ Жвирждовскій, подавая руку Сурмину.

— Жучка? Да это честнѣйшій человѣкъ, какого я знаю. Онъ доставляетъ мнѣ и нашему штабу кяхтинскій чай и другіе товары прямо съ нижегородской ярмарки. Настоящій кяхтинскій! А то у насъ продаютъ все кантонскій, контрабандный и то съ негодною примѣсью. Мерзость такая! (Жвирждовскій плюнулъ). Вы знаете, мы, русскіе офицеры, прихотливы, привыкли къ своему, хорошему. Вотъ онъ только-что съ Макарія. Купилъ я у него для себя, своей братьи и отцовъ-командировъ нѣсколько цибиковъ. Приходилъ за разсчетомъ. Мошенникъ, что вы! Ну что, какъ поживаете? Все у себя въ деревнѣ?

— Да, сдѣлался пахаремъ, тружусь въ потѣ лица по завѣту Господню.

— Все это хорошо, да труды-то помѣщичьи нынѣ плохо вознаграждаются. Эмансипація отняла у насъ рабочія руки, но скоро замѣнимъ ихъ наемными. На это надо деньги, а достать негдѣ, всѣ обнищали.

— Богъ дастъ, поправимся. Великое, славное дѣло сдѣлано, жертвы неминуемы. Благоразумные дворяне это хорошо понимаютъ, и безропотно покоряются, ради блага отечества.

— Ну, а крестьяне какъ?

— Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, настроенные злонамѣренными людьми, пошумѣли было, да, благодаря мѣрамъ правительства, совершенно успокоились; они поняли, что все это сдѣлано для ихъ же блага.

— Славу Богу, слава Богу.

— А у васъ какъ тамъ?

— Вчера въ театрѣ неосторожно было бы гово-

рить вслухъ о томъ, что въ нашихъ краяхъ творится. Теперь мы одни съ вами, никто насъ не слышитъ. Могу сказать вамъ откровенно, какъ давнишнему товарищу—вы знаете, какъ я привыкъ уважать васъ за твердость и благородство вашего характера, — на Западѣ плохо. Безмозглые поляки,—говорю это съ стѣсненнымъ сердцемъ—все-таки братья мнѣ по родинѣ,— заварили кашу, какую не расхлебать скоро, затѣяли революцію, какой не бывало. На верху, снаружи это игрушки. Кунтуши тамъ да гимны мальчишекъ и паненокъ, трауръ и прочее... вздоръ. Сильна подземная работа не только въ Западномъ краѣ, но и здѣсь въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Кіевѣ. Тутъ же подулъ для революціонеровъ вѣтеръ съ дальняго запада... вотъ что грозитъ бѣдами... вы меня понимаете. Слова нѣтъ, Россія сильна, мы угомонимъ поляковъ. Но боюсь, чтобы обстоятельства не сложились и не потребовали чрезвычайныхъ жертвъ отъ правительства. Много, много будетъ пролито крови, помяните меня.

— Это старая исторія, которая по-прежнему и кончится.

— Дай Богъ. Могу сказать вамъ по секрету: насъ извѣстили, что здѣсь живутъ польскіе эмисары, совращаютъ здѣшнихъ поляковъ; мнѣ тайно поручено.. Признаюсь, порученіе непріятное, тяжелое, фискальное... Сами разсудите, все-таки компатріоты... Я долженъ слѣдить нити заговора въ разныхъ губерніяхъ и здѣсь. Впрочемъ, моей миссіи никто здѣсь не знаетъ, числюсь въ отпуску, бываю на обѣдахъ, на вечерахъ у гостепріимныхъ москалей, танцую до упаду.

— Лихой мазуристъ.

— Вывертываю на нихъ исправно ногами, а дѣла своего не забываю.

— Неужели и въ Москвѣ есть заговорщики?

— Да, батюшка, вы и здѣсь ходите на вулканѣ,

который того и гляди готовъ вспыхнуть. Будьте осторожны. Стараюсь молодыхъ людей образумить, говорю имъ о могуществѣ Россіи, о долгѣ присяги... Живя въ Москвѣ, вы посѣщаете разные кружки, не знаете ли какихъ неблагонадежныхъ поляковъ?

— Неблагонадежныхъ, нѣтъ. Знакомъ хорошо съ однимъ, который не продастъ Россіи ни за какія деньги, ни за мечту возстановленія Польши.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ у меня пріятель, адвокатъ мой Пржшедиловскій, за этого ручаюсь, какъ за самого себя.

— Не кладите ему пальца въ ротъ. Иной такой тихій, воды не замутитъ, честный, благородный, преданъ на словахъ Россіи, а онъ-то и есть величайшій врагъ ея. Къ прискорбію долженъ сказать опять про своихъ компатріотовъ: поляки ужь не тотъ рыцарскій народъ, какимъ знавали мы ихъ прежде, все іезуиты развратили. Повѣрьте, надо съ нынѣшнимъ полякомъ пудъ соли съѣсть, чтобъ его узнать. Впрочемъ, сколько знаю Пржшедиловскаго, онъ мстиславецъ, какъ и я. Нельзя подозрѣвать его въ измѣнѣ, женатъ на русской, имѣетъ дѣтей, наживаетъ здѣсь хорошія деньги; куда ему до революціонныхъ замысловъ! Еще кого не знаете ли?

— Третьяго дня познакомился въ домѣ друга моего, Ранѣева, съ Владиславомъ Стабровскимъ, братомъ того гвардейскаго офицера, что бѣжалъ изъ II. полка.

— Ричардъ безразсудный мальчишка, самъ голову свою кладетъ въ петлю. Не знаю, правда ли, говорятъ, его ужь и поймали. Ну и братецъ хорошъ, чай, заносился выше облаковъ. Горячаго темперамента!

— Онъ говоритъ, что ѣдетъ къ матери въ Бѣлоруссію. Кажется, не глупый, благородный молодой человѣкъ, жаль—une tête un peu montée.

— Не мало, а много. Такія личности все равно, что лошадь съ колеромъ, сейчасъ налетитъ на рогатку. Немудрено, по породѣ. И мать его горячая патріотка. Поѣдетъ къ ней, еще болѣе свихнется. Но у насъ и тамъ есть лазутчики, въ случаѣ революціонной попытки, накроемъ разомъ медвѣдицу и медвѣжатъ въ берлогѣ. Ксендза Б. не знаете?

— Нѣтъ.

— Вотъ этого опаснаго, хитраго эмисара по моему настоянію выпроводили изъ здѣшняго богатаго прихода въ бѣднѣйшій сельскій приходъ Могилевской губерніи, въ глушь лѣсовъ. Это все равно, что въ Сибирь. Паршивую овцу изъ стада вонъ. А Людвиковича не знаете?

— Слыхалъ объ немъ, какъ о человѣкѣ, искусномъ по своей профессіи, въ лицо не знаю.

— Много говорили объ немъ подозрительнаго, но я вывѣдалъ отъ своихъ ищейныхъ, что эти слухи распускали изъ зависти враги. Нынѣ я пригласилъ его къ себѣ и исповѣдывалъ не хуже ксендза. Вздоръ! Дай Богъ, чтобъ всѣ поляки были такъ преданы Россіи! Къ тому-жъ онъ имѣетъ здѣсь дружескія отношенія съ одной богатой купчихой, наслаждается не только привольной, но роскошной жизнью: куда ему до опасныхъ замысловъ! Покончивъ здѣсь свои дѣла, какъ сумѣлъ, ѣду завтра въ Петербургъ. Пожалуйста, въ разговорѣ о нынѣшней революціи успокойте вашихъ компатріотовъ, скажите, что правительство приняло энергическія мѣры къ потушенію пожара, если онъ сильно вспыхнетъ. Вы женаты или нѣтъ?

— Нѣтъ еще, а пора бы завестись хозяйкой.

— Не заводите въ такое смутное, печальное время. Я зналъ васъ всегда горячимъ патріотомъ: чтобы вамъ опять подъ знакомыя вамъ знамена? Можетъ быть, пришлось бы служить вмѣстѣ, мы бы объ этомъ постарались. Вмѣстѣ опасности и лавры.

— У меня на рукахъ старушка-мать и двѣ сестры, безъ меня имъ будетъ плохо; куда-жъ тутъ до лавровъ! Если-жъ обстоятельства потребуютъ, о! конечно, не задумаюсь тогда ни надъ какими жертвами.

Простились.

Не было Сурмину причины не довѣрять словамъ своего прежняго товарища по генеральному штабу; Жвирждовскій казался такъ всегда преданъ Россіи. Въ этотъ день два мошенника искусно провели его.

При первомъ свиданіи съ Ранѣевымъ, онъ смѣясь разсказалъ ему о встрѣчѣ съ купцомъ Жучкомъ, котораго принялъ было за Киноварова.

— Можетъ быть, это и былъ Киноваровъ, — сказалъ Михайло Аполлонычъ. — Если онъ умѣлъ выпутаться отъ подозрѣнія вашего, такъ на это мастерства у ловкаго и умнаго плута достанетъ. Это актеръ, какого мы еще на сценѣ не видали. Впрочемъ, вы хорошо сдѣлали, что отъ него отступились. Впутались бы въ слѣдствіе, которое могло бы продлиться годы и ни къ чему бы доброму для меня не привело. Какъ я вамъ говорилъ, это дѣло рѣшенное, положено въ архивъ до суда на томъ свѣтѣ. Несчастіе совершено, его уже ничѣмъ не поправишь, имущество мое все-таки не возвратятъ мнѣ, жену не воскресятъ.

— Вы не разъ обѣщали мнѣ разсказать эту печальную исторію.

— Я и не забылъ своего обѣщанія, любезный другъ. Но чтобъ не затруднить ни васъ, ни себя длиннымъ разсказомъ, собираю разрозненные аргументы, написанные на многихъ клочкахъ, привожу ихъ въ порядокъ и отдамъ переписать вѣрному человѣчку. Дней черезъ десять — можетъ быть, немного болѣе, вы получите полную исторію моей жизни, — даю вамъ слово. Этотъ знакъ моей довѣренности послужитъ вамъ доказательствомъ, какъ я васъ люблю.

II

Вы видали, конечно, какъ смышленный попугайчикъ, наклонивъ голову на сторону, внимательно слушаетъ урокъ, задаваемый ему его учителемъ. Такъ слушала Крошка Доритъ, боясь проронить слово, что говорилъ ей Ранѣевъ. Она сидѣла въ его комнатѣ, съ глазу на глазъ съ нимъ, утонувъ въ большихъ креслахъ, на которыя онъ ее усадилъ, и спустивъ съ инхъ ножки, не достававшія до полу Михайло Аполлонычъ расположился противъ нея, держа въ рукѣ тетрадь.

— Милая Дарья Павловна,—говорилъ онъ, — я позвалъ васъ въ отсутствіе моей дочери по секретному дѣлу. То, о чемъ я буду васъ просить, должно оставаться между мною и вами, какъ-будто въ неизвѣстномъ для другихъ мірѣ. Ни ваши братья, ни сестра, ни даже Лиза моя не должны объ этомъ знать. Дадите ли мнѣ слово сохранить эту тайну?

— Все, что могу, сдѣлаю для васъ, — отвѣчала Даша, нѣсколько смущенная таинственностью предложенія, — если вы удостоиваете меня довѣрія, такъ я, конечно, не употреблю его во зло. Я привыкла хранить секреты по дѣламъ, которыя на рукахъ у брата моего, а я переписываю; да, считаю за очень дурной поступокъ передавать другимъ то, что мнѣ не принадлежитъ.

— Вотъ видите, въ чемъ дѣло. Мы сказывали, что вы мастерски разбираете трудные почерки, пишете правильно и четко. Одолжите мнѣ на время вашу золотую ручку и вашу смышленную головку.

— Пишу недурно, разбирала также до сихъ поръ худые почерки. Вы, вѣроятно, хотите дать мнѣ переписать какой-нибудь чернякъ тяжебнаго дѣла?

— Долго, долго жизнь моя была тяжбою съ судьбою. Въ этой тетради исторія ея.

Ранѣевъ развернулъ тетрадь и представилъ Дашѣ нѣсколько листовъ на разсмотрѣніе.

— Рукопись, какъ видите, написана мною очень неразборчиво. Немудрено: по должности моей я дѣлалъ до 30 тысячъ подписей въ годъ, чѣмъ мы въ годовыхъ отчетахъ своихъ хвастались въ доказательство нашей дѣятельности Были же такія времена! А сколько черняковъ нацарапалъ я моею рукой. За то въ мѣстѣ моего служенія былъ только одинъ мудрецъ, разбиравшій ее. Здѣсь испугаютъ васъ и безчисленныя помарки, и поправки, то между строкъ, то на поляхъ листовъ. Настоящіе іероглифы!

Даша взяла тетрадь, пробѣжала нѣсколько листовъ, прочла нѣсколько трудныхъ мѣстъ, хоть и съ запинкой, и сказала потомъ съ увѣренностью:

— О! я и не такія разбирала. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, грамотно, даже литературно написано. А были у меня и такія, что до смысла добраться, какъ до минотавра... Вотъ хотѣла было похвастаться передъ вами своимъ краснорѣчіемъ, — прибавила она, немного покраснѣвъ — да не впопадъ, Тезеемъ не могу вѣдь быть, а вы...

— А я подавно Аріадной.

Старикъ засмѣялся своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Все-таки путеводную ниточку вамъ подамъ.

— Разумѣется, чего не пойму, такъ сейчасъ по-

прошу васъ объяснить мнѣ. Мы живемъ вѣдь руку другъ другу подать.

— Лизѣ я не могъ поручить этотъ трудъ, она и безъ того обременена уроками, надо же ей часъ отдыха. Да, признаться вамъ, тутъ есть описанія нашихъ семейныхъ несчастій, смерти матери ея... не хотѣлось бы возобновить въ ней грустныя воспоминанія; это разстроило бы ея здоровье.

— Извольте, я приведу въ порядокъ вашу рукопись и перепишу ее, только...

Даша посмотрѣла на Ранѣева съ маленькимъ лукавствомъ (на большое она не была способна) и остановилась, какъ будто хотѣла потомить его недосказаннымъ условіемъ.

— Что жь только?

— Откровенно вамъ скажу, я даромъ ничего не дѣлаю.

Это условіе, такъ черство высказанное, озадачило старика, оно было неожиданно. И отъ кого жь, отъ Даши, отъ Крошки Доритъ, дитяти наружностью и душой, сестры Тони, которую онъ считалъ членомъ своего семейства?... Онъ готовъ былъ условиться въ платѣ за труды съ какимъ-нибудь обыкновеннымъ писцомъ, но ей не смѣлъ бы предложить деньги. Развѣ постарался бы отдарить ее какою-нибудь хорошенькою вещицей, хоть бы вродѣ вазочки vieux Saxe съ шалунами-ребятишками на ней. Даша, взглянувъ на нихъ, улыбнулась бы и вспомнила бы объ немъ, когда его не будетъ. Такъ было у него въ мысляхъ.

— Сколько же вамъ нужно?—спросилъ онъ доволно сухо.

— Не *сколько*, а *только*, Михайло Аполлонычъ.

И не давъ ему разрѣшить трудную задачу, да считая за грѣхъ томить долѣе почтеннаго старика, она не выдержала своей роли, ей несродной, и прибавила:

— Подарите мнѣ на память карточку съ вашимъ портретомъ; это будетъ лучшая награда за мои труды... Еслижъ вы предложите мнѣ что-нибудь другое, я съ вами навѣки разсорюсь, и тогда ищите себѣ другого переписчика. Я маленькое твореньеце Божье, но вы меня не знаете. Разъ что-нибудь сказала, такъ тому и быть.

Она говорила энергическимъ голосомъ, поднявъ гордо головку и стукнувъ кулачкомъ по локотнику креселъ, будто маленькая фея своею багетой.

Отъ сердца Ранѣева отлегло; онъ былъ тронутъ, несмотря на комическую позу Даши, превратившейся изъ кроткаго, покорнаго существа въ строгаго повелителя; онъ былъ счастливъ, что на это чистое созданіе не пало пятно.

— Доброе, милое дитя мое, — сказалъ онъ, — и я могъ...

Онъ не договорилъ.

— Съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ да не знаю, есть ли еще у меня карточка... Кажется, была одна, единственная... Дай Богъ, чтобы нашлась...

Онъ засуетился, сталъ шарить въ ящикѣ письменнаго стола и, наконецъ, на днѣ его нашелъ завѣтную карточку.

— Есть, есть, какъ я счастливъ!—васъ ждала.

Даша перенесла свои умные глазки съ портрета на оригиналъ и обратно и спрятала на груди.

— Знаете ли, Михайло Аполлонычъ, я въ васъ давно влюблена, а вы и не подозрѣвали (она покачала головкой въ видѣ упрека). Съ какимъ удовольствіемъ слушала похвалы вамъ отъ Тони, какъ засматривалась на васъ, подбирала ваши слова, когда вы удостоили меня пригласить къ себѣ.

Даша принялась опять за тетрадь, пробѣжала ее, познакомилась съ указательными знаками, спросила

объясненія нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстъ, потомъ быстро спустилась съ креселъ, сказавъ: «до свиданья, съ Богомъ!» и унесла рукопись съ собою. Закипѣла у нея работа, не безъ того, однакожъ, чтобы не сбѣгать повременамъ къ жильцу въ тѣ часы, когда Лиза не была дома. Сколько разъ при списываніи патетическихъ мѣстъ слезы выступали у нея изъ глазъ! Она съ живымъ участіемъ слѣдила за ходомъ исторіи Ранѣева, какъ за приключеніями интереснаго романическаго лица, сердцемъ желала ему счастливаго конца, но конца не было... Какъ бы она хотѣла въ это время быть Провидѣніемъ, чтобы довершить развязку по своему! Черезъ двѣ недѣли трудъ ея былъ готовъ и на славу. Красивыя буквы стояли въ строкахъ, какъ въ линейномъ строю солдаты, всѣ въ одинъ ранжиръ, готовясь предстать къ инспекторскому смотру. О, тѣнь Востокова и цѣлый ареопагъ грамматиковъ, возложите на голову Даши вѣнокъ имортелей за то — въ тетради, ею написанной, не нарушила она ни на одну іоту вашихъ уставовъ

И ты, богиня молчанія, со свитою дипломатовъ, выдай ей похвальный листъ за то, что умѣла она сохранить ввѣренную ей тайну, едва-ли не лучше ихъ. А то читаешь нерѣдко въ газетахъ, что изъ такой-то канцеляріи такого-то посольства обнаружили государственное дѣло, хранимое за семью печатями. Правда, для сохраненія тайны не нужно ей было принимать трудныя и хитрыя средства. Тони никогда не интересовалась вмѣшиваться въ бумажныя дѣла братьевъ и сестры, братьямъ маленькій скрибъ въ корсетѣ рѣшительно объявилъ, чтобы они не смѣли спрашивать, какимъ дѣломъ она занимается. Такимъ образомъ рукопись, исправленная, четко и грамматически написанная, щегольски переплетенная золотою ручкой, была вручена законному владѣльцу ея. При этомъ торже-

ственномъ случаѣ не было краснорѣчивыхъ рѣчей, но были съ одной стороны слезы радости, что умѣла угодить доброму Михайлу Аполлонычу, съ другой— слезы благодарности. Онъ опять думалъ было подарить вазочку своему скрибу, но не смѣлъ, боясь навлечь на себя гнѣвъ его.

Нечего говорить, съ какою благодарностью Андрей Иванычъ принялъ рукопись.

Вотъ что онъ прочелъ въ ней.

III

«Я родился въ Тульской губерніи, гдѣ *Красивая Мечь* опрометью бѣжитъ между крутыми, живописными берегами и шумомъ своихъ безчисленныхъ мельницъ оглашаетъ окрестность. Нѣтъ въ этой мѣстности ни высокихъ горъ, на которыхъ любятъ кочевать караваны облаковъ, ни величественныхъ рѣкъ, ни лѣсовъ дремучихъ, то поющихъ вамъ, какъ таинственный хоръ духовъ, свою скорбную, долгую пѣснь, то разрывающихся ревомъ и трескомъ урагана. Я сравнилъ бы тамошнюю природу со свѣжимъ, миловиднымъ типомъ русской дѣвушки, которой удѣлъ плѣнять и нѣжить, а не восторгать душу, я сравнилъ бы ее съ моей дорогой Тони. Въ этихъ мѣстахъ была колыбель того, кто долженъ былъ современемъ придать имъ блескъ своего имени. Пріѣхавъ однажды въ отпускъ изъ артиллерійскаго училища на вакаціонное время, я увидалъ въ приходской церкви небольшого мальчика съ интересною, выразительною наружностью. На вопросъ мой, кто это такой, бабушка сказала мнѣ, «что это Тургеневъ, сынъ нашего сосѣда». Ужъ, конечно, не подозрѣвалъ я тогда въ немъ будущаго поэта-обличителя проходившихъ передъ нимъ поколѣній. Недалеко и Ясная Поляна, гдѣ другой высокоталантливый писатель завелъ образцовое училище для крестьянскихъ дѣтей и пишетъ свои прекрасные разсказы.

«Мнѣ былъ годъ, когда мать моя, только-что откормившая меня грудью своей, умерла. Грустно мнѣ и теперь подумать, что я не могъ помнить ни лица ея, ни ласкъ. Лицо отца, ласки его я помню, но не видалъ надъ собою благословенія умиравшаго далеко отъ меня на Бородинскомъ побоищѣ. Шести лѣтъ остался я круглымъ сиротой и перешелъ подъ теплое крыло бабушки, матери моего отца, жившей съ нами и съ малолѣтства моего замѣнявшей мнѣ родную мать. Это была женщина стараго вѣка, съ предразсудками, которые, однакожъ, никому не вредили, религіозно-гуманная, но не понимавшая этого слова, любящая и между тѣмъ скопидомка, даже до мелочи. Только эта слабость происходила не изъ врожденной скупости, а для того, чтобы сберечь въ цѣлости дорогому внуку родовое имѣніе, оставшееся послѣ отца моего. Управленіе за восьмидесятью душами было самое патріархальное. Ни бухгалтеріи, ни письменныхъ приказаній и донесеній за нумерами она не вѣдала. Отчетность велась мѣлкомъ на стѣнахъ анбара рукою безграмотнаго старосты, приказанія отдавались ему каждый вечеръ на словахъ, рапорты отъ него были тоже словесные. А все какъ-то спорилось по хозяйству подъ Божіимъ благословеніемъ, которое бабушка часто призывала къ себѣ на помощь. Крестьяне наши знали свои три рабочіе дня и самыя легкія натуральныя повинности, за то пользовались привольными угодьями, да еще во время лѣтней страды по уборкѣ хлѣба и въ день моего ангела угощались до пресыщенія, и потому миръ между ними и доброй госпожей никогда не нарушался. Къ ней приходили за совѣтами и особенно за снадобьями не только свои крестьяне, но и со всего околодка, — такъ славилась она авторитетомъ своего ума и честности и искуснымъ лѣченіемъ. Бабушка знала тайны заговаривать кровь, обжоги и лихоманку,

лѣчить раны живою водой изъ заячьей капустки, и все это съ крестомъ и молитвой. Не вѣдала она гомеопатическихъ разложеній, за то какихъ травъ не готовила. Побывши съ нею нѣсколько минутъ въ ея аптечкѣ, уносишь бывало съ собою на цѣлый день ароматъ мяты, душицы, укропа, липоваго цвѣта и другихъ пахучихъ растеній. А какъ хороша была, какъ ласково глядѣла на насъ тамошняя мѣстность! Березовыя и дубовыя рощицы, будто саженыя художникомъ-садоводомъ, оазисы цвѣтущихъ, природныхъ кустовъ и деревъ, играющая въ своихъ берегахъ рѣчка, раскинутые по широкимъ полямъ ковры гречи розово-молочнаго цвѣта, перемежающіеся волнами ржи и пшеницы, едва видныя соломенныя крышки деревеньки, потонувшей въ конопляхъ своихъ огородовъ, все такъ нѣжило взоры и душу. И какіе дивные концерты задавали намъ по вечерамъ соловьи. Казалось, пѣло каждое дерево, пѣлъ каждый кустъ. И что это за восторженный до самозабвенія пѣвецъ соловей! Случалось, гуляешь по саду и видишь, да, видишь, не только что слышишь, какъ на липкѣ, аршина въ три вышиной, поетъ онъ съ закрытыми глазами, замирая въ сладострастной нѣгѣ своей пѣсни. Я стоялъ отъ него въ двухъ шагахъ, а онъ меня не замѣчалъ. Еслибъ я былъ немного побольше, могъ бы схватить его руками, покрайней мѣрѣ мнѣ такъ думалось. Воспоминанія изъ дѣтства трудно изглаживаются и въ старости, даже и такія, которыя не оставляютъ по себѣ рѣзкихъ слѣдовъ на будущность нашу. Извините, другъ мой, если я говорю вамъ объ этихъ пустякахъ. Они могутъ вамъ наскучить; но дайте мнѣ насладиться вдоволь у конца моего земного странствованія разсказомъ о томъ времени, когда мы еще незнакомы ни съ заботами, ни съ опытами и страстями. Деревня, это былъ райскій садъ мой, изъ котораго пламенный мечъ гнѣвнаго послан-

ника Божьяго не выгонялъ еще меня за ограду его. Можетъ быть, эти пустяки навѣютъ и на вашу душу сладкія воспоминанія о вашемъ дѣтствѣ. Бабушка, когда выѣзжала къ сосѣдямъ или по дѣламъ въ уѣздный городъ, всегда брала меня съ собою, пока у меня не было гувернера. Изъ этихъ экскурсій выбираю только событія, рѣзче другихъ запечатлѣнныя въ моей памяти.

«Разъ ѣхали мы съ нею къ одному дальнему сосѣду. При выѣздѣ изъ нашей деревни погода была намъ благопріятна. Не успѣли мы отъѣхать отъ себя не болѣе десяти верстъ, какъ бабушка сказала мнѣ:— «Не во-время собрались мы съ тобою въ путь, Миша; рука у меня сильно заныла, быть грозѣ». И дѣйствительно, черезъ полчаса съ небольшимъ начали слетаться съ разныхъ сторонъ тучи, все чернѣе и чернѣе одна другой, сталъ погремыхивать громъ, молнія разрѣжетъ ихъ то тамъ, то тутъ, далѣе удары зачастили и усилились. Мы только-что въѣзжали въ околицу какой-то деревушки, какъ сильная гроза разыгралась со всѣми своими ужасами. Надо было пріютиться подъ какимъ-нибудь кровомъ; добираться до порядочной избы некогда было. Бабушка приказала кучеру свернуть лошадей къ первой избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая попалась намъ на глаза. Видно было, что нашему возничему это не понравилось: онъ помоталъ въ знакъ неудовольствія головой и почесалъ кнутовищемъ за ухомъ. Но дѣлать было нечего, надо было повиноваться барскому приказу. Какъ я узналъ послѣ, онъ хотѣлъ лучше стоять на улицѣ подъ ударами грозы, чѣмъ остановиться у избушки, которой хозяйка, бобылка, слыла въ околодкѣ колдуньей. Лошади стали головами подъ дырявымъ, соломеннымъ навѣсомъ у покосившихся воротъ, мы съ бабушкой поспѣшно выбрались изъ коляски, кучеръ забрался въ нее. Длин-

ный слуга нашъ Вавила дотронулся до щеколды, дверь сама собою потянулась въ убогое жилище бобылки. Мы бросились въ него — нашъ Ричардъ не безъ того, чтобы не согнуться въ три погибели. Въ это время ослѣпительная молнія ворвалась за нами не только въ двери, но и въ окна и, казалось, сквозила во всѣ пазы избушки. Со временемъ представлялась она въ моемъ воображеніи клѣткой, охваченной со всѣхъ сторонъ огнемъ. Сухой, раздирающій ударъ грома потрясъ ее до основанія. Я прижался къ бабушкѣ; она остановилась, какъ вкопанная, на одномъ мѣстѣ, но, оправившись отъ испуга, стала благоговѣйно креститься и читать псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго», да и мнѣ велѣла читать его за собою. Мы осмотрѣлись. Нищета, ужасная нищета охватила насъ со всѣхъ сторонъ. Не только почернѣвшія отъ дыма, но и обугленныя стѣны, вѣроятно построенныя изъ бревенъ оставшихся послѣ пожара, покачнувшаяся печь, наклонившіяся скамьи, закопченныя и облупленныя тараканами, недостатокъ домашней утвари, —все это бросилось намъ въ глаза. На одной изъ скамеекъ сидѣла безобразная старуха. Лицо ея было изрыто оспой, одинъ глазъ подернутъ бѣльмомъ, другой, свѣтлосѣрый, смотрѣлъ какимъ-то кошачьимъ взглядомъ; сѣдые волосы торчали прядями изъ-подъ головного, замасленнаго платка. Большимъ деревяннымъ гребнемъ, какимъ чешутъ ленъ, она искала въ головѣ женщины, растянувшейся на той же скамьѣ. Лица этой женщины не было видно, потому что оно закрывалось густымъ покрываломъ темнорусыхъ волосъ, упадавшихъ по полу. Въ минуту удара грома и одновременнаго появленія нашего, старушка вздрогнула и опустила гребень. Одинокій зрячій глазъ ея засверкалъ фосфорнымъ блескомъ и остановился на насъ. Вдругъ закричала она какимъ-то дикимъ голосомъ: «Чуръ, чуръ насъ!» Вѣроятно, увидавъ нашего

длиннаго лакея, который насъ немного опередилъ и заслонялъ собою, она подумала, что это нечистый духъ, упавшій къ ней въ избушку съ громовой стрѣлой. Женщина, лежавшая головой на ея колѣнахъ, вскочила и во всѣ испуганные глаза свои смотрѣла на насъ. Мы тутъ увидѣли, что это была очень молодая, пригожая дѣвушка. Она своимъ свѣжимъ, хорошенькимъ личикомъ рѣзко выступала изъ общаго разрушенія, ее окружавшаго.

«— Господь съ вами,—сказала бабушка, выдвинувшись изъ-за слуги нашего,—позволь старушка, укрыться на время отъ грозы въ твоей избѣ.

«— А ты отколь? — спросила безобразная старушка.

«Бабушка назвала деревню нашу и нашу фамилію.

«Одинокій глазъ вѣдьмы еще сильнѣе засверкалъ какимъ-то зловѣщимъ огнемъ.

«— Шабры, какъ же, вѣдаемъ. Вѣстимо, ты и есть та барыня-знахарка, что лѣчитъ нашихъ крестьянъ, знаешься съ нечистою силой. Отбила у меня хлѣбецъ! Пусто бы вамъ было, вонъ изъ моей избы, окаянные, чтобъ и духу вашего здѣсь не пахло.

«Въ груди ея слышалось какое-то клокотанье.

«— Что ты, что ты, неразумная,—сказала своимъ тихимъ, добрымъ голосомъ бабушка.—Господь прости тебѣ грѣшныя слова твои.

«Длинный нашъ Вавила выдвинулся опять впередъ, показалъ старушкѣ свой огромный кулакъ, и къ этой многозначащей мимикѣ присоединилъ словесную угрозу.

«— Смѣй еще сказать хоть одно супротивное слово моей барынѣ, такъ я тебя, поганая колдунья, разомъ пришибу этимъ цѣпомъ.

«Только-что онъ успѣлъ это проговорить, какъ на улицѣ послышались крикъ и гамъ, кто-то постучался въ окно избы и послышались слова: «Эй, баба, пожаръ!

выноси поскорѣе крюкъ» — и вслѣдъ затѣмъ раздался хохотъ.

«— Чтобъ тебя самого скрючило! — проговорила хозяйка.

«— Не бранись, бабушка, и за-подлинно пожаръ,— сказала дѣвушка, успѣвшая подобрать волосы и затѣмъ заглянуть въ окно:—овинъ сусѣдній горитъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, огненный столбъ поднимался противъ окошекъ, народъ бѣжалъ на пожарище. Но огнегасительная помощь оказалась уже ненужною: крупный градъ забарабанилъ по крышѣ, вслѣдъ затѣмъ полилъ дождь какъ изъ ушата, такъ что, думалось мнѣ, готовъ былъ затопить насъ; онъ и залилъ огонь. Гроза стала утихать, громъ ослабѣвалъ, только повременамъ слышалось еще ворчанье его. Казалось, разгнѣванный громовержецъ былъ удовлетворенъ проявленіемъ своего могущества.

«Злая хозяйка, угомонившись, молчала и всматривалась въ меня, будто пронизывала меня насквозь своимъ одинокимъ глазомъ, потомъ обратясь къ бабушкѣ, спросила:

«— Это внучекъ твой?

«— Внучекъ, Михаилъ.

«— Испугался, чай, грома? — спросила она меня болѣе ласковымъ голосомъ.

«— Испугался, — отвѣчалъ я, боясь смотрѣть на нее.

«— Баютъ, Илья-пророкъ ѣздитъ по тучамъ на своей колесницѣ. — Пустое, это желѣзные шары катаютъ по небу нечистые духи.

«Опять стала она всматриваться въ меня.

«— Грозы ты не бойся, малый, прибавила она.— Много ты на своемъ вѣку увидишь грозъ, много услышить грома, да вынесешь свою голову цѣлъ и невредимъ; не гроза небесная пришибетъ тебя, а лихіе люди.

«Слушалъ я ее со страхомъ, потупляя повременамъ глаза. И что жь! сбылось ея предсказаніе: ужасные громы варшавской битвы перекатывались надо мною, гроза свирѣпствовала вокругъ меня, но я вышелъ изъ нея цѣлъ и невредимъ. А лихіе люди все-таки меня пришибли.

«Бабушка, какъ я уже говорилъ, была не безъ предразсудковъ. Она видимо смутилась отъ вѣщихъ словъ колдуньи, подвинула меня къ себѣ и перекрестила, читая про себя молитву, потомъ ласковою, задобривающей рѣчью старалась подкупить ея благосклонность: пожалуй, испортитъ или *обойдетъ* меня. То заговаривала голубка моя о ея бѣдности, о ветхости избушки, обѣщалась прислать лѣску на перемѣну ветхихъ бревенъ, плотниковъ, мучки, крупъ; пригожей внучкѣ ея подарила четвертакъ на ленту въ косу, и наказала приходить къ намъ.

«Дѣвушка въ восторгѣ показала своей бабкѣ серебряную монету и потомъ поцѣловала у моей бабушки руку.

«— Дай и мнѣ копѣечку,—сказала хозяйка.

«Расщедрилась моя бабушка, и дала ей тоже четвертакъ.

«Когда мы садились въ коляску, передъ нами за деревней поднялась конусомъ гора и на ней деревянная церковь. Обвивъ ее кругомъ, ходили еще клубами тучи, но въ одномъ мѣстѣ сквозь облако прорвалась свѣтлая точка и первый лучъ ея заигралъ на крестѣ колокольни.

«О! и теперь этотъ золотой лучъ играетъ на немъ въ глазахъ моихъ.

«— Какъ зовутъ это мѣсто?—спросилъ я бабушку.

«— *Судбище*, дружокъ, Судбище. Здѣсь, говорятъ,—правда или нѣтъ, — сходился встарину народъ судиться.

«Многіе годы впослѣдствіи думалъ я, какъ бы добраться до сути этого преданія, но мнѣ не удалось.

«Случилось мнѣ въ зимній Николинъ день ѣхать съ бабушкой къ обѣднѣ въ нашу приходскую церковь, версты за двѣ отъ насъ. Былъ прекрасный день, солнышко играло на небѣ, воздухъ съ прохладью умѣреннаго морозца румянилъ только щеки, но не щипалъ ихъ. Мы ѣхали въ одиночку въ пошевняхъ; бабушка сидѣла на грядкѣ, съ задка которой спускался до земли персидскій разноцвѣтный коверъ. Я помѣщался на сидѣньѣ рядомъ съ кучеромъ и правилъ бойкой лошадкой, метавшей мнѣ въ лицо изъ-подъ ногъ снѣжную пыль. Подрѣзи потѣшно сипѣли, поля искрились, все кругомъ глядѣло такъ весело; я былъ счастливъ, какъ не бываютъ счастливы великіе міра сего, правя народами. Въ это время плелся, оступаясь, по снѣжной дорогѣ старенькій мужичекъ, одѣтый въ новый длинный тулупъ, но безъ шахматныхъ вставокъ въ немъ, мотавшійся по ногамъ. На голову нахлобучена была бархатная малиновая шапка, довольно выцвѣвшая и пострадавшая отъ времени. Когда мы были уже отъ него близко и онъ еще не успѣлъ посторониться съ дороги, я крикнулъ на него грознымъ голосомъ: «пади, пади!» Но бабушка велѣла кучеру остановить лошадь. Эта помѣха моему удальству была мнѣ досадна. Мужичекъ, поровнявшись съ нами, остановился, скинулъ шапку обѣими руками и отвѣсилъ глубокій поклонъ, отчего обнажилась его голова, едва окаймленная тонкимъ вѣнчикомъ бѣлыхъ волосъ.

«— Здорово, Калинычъ,—сказала ласковымъ голосомъ бабушка.

«— Здорово, Миколавна,—проговорилъ старикъ,— къ обѣднѣ, матушка? Пошли тебѣ Господь милости свои.

«— Надѣнь, надѣнь шапку-то.

«— Чай, голова не отвалится отъ мороза.

«— Снѣжно, — замѣтила бабушка, — трудно ужь плестись въ твои годы. Садись-ка со мной, вотъ рядкомъ.

«Говоря это, она подвинулась на грядкѣ къ одной сторонѣ.

«— Полно, Миколавна, пригодно ли мнѣ, воронѣ, затесаться въ барскія хоромы; дотащусь кое-какъ на своихъ на кривыхъ.

«— Нѣтъ, нѣтъ, садись, а то не поспѣешь къ началу; безъ того не тронусь съ мѣста.

«— Коли на то воля твоя, неча съ тобою дѣлать.

«Надѣлъ онъ шапку и сѣлъ бочкомъ около барыни, положивъ одну ногу въ сани, а другую свѣсивъ на отводъ и держась рукою за прясла; тулупъ его мелъ снѣгъ по дорогѣ.

«— По-добру ли по здорову живешь, Миша?— сказалъ онъ, когда усѣлся.

«Я обидѣлся, что онъ назвалъ меня Мишей, и молчалъ.

«— Почтенный человѣкъ съ тобою здоровается, а ты, поросенокъ, и руки къ шапкѣ не приложишь,— сказала съ сердцемъ бабушка.

«— А сколько тебѣ лѣтъ, Калинычъ?—спросила она своего спутника.

«— Да девятый десятокъ давно пошелъ, коли не обмишулился, память становится плохонька.

«— А сколько служилъ у дѣдушки и батюшки?— продолжала спрашивать бабушка.

«— Десятка три, чай, будетъ, правилъ вашей палестиной. Еще молодого взялъ меня дѣдушка. Были и старше, и умнѣе меня, да знать на взглядъ полюбился.

«— И не ошибся покойникъ, честно и усердно служилъ ты, за то и почетъ тебѣ слѣдуетъ. Вотъ ка-

ковъ этотъ человѣкъ, Миша, а ты не удостоилъ его и отвѣтомъ. Кабы не къ обѣднѣ ѣхала, такъ побранила бы тебя не такъ, да и возжи велѣла бы кучеру отобрать отъ тебя. Почитай стариковъ, — прибавила она болѣе мягкимъ голосомъ,—да помни, что крестьяне кормильцы наши.

«Куда дѣвалось мое счастье! Возжи падали изъ рукъ, въ глазахъ у меня помутилось, на душѣ не было свѣтлѣе. Я стоялъ въ церкви, какъ убитый.

«Во всю жизнь мою не могъ я забыть этого урока!

«Чтобы не наскучить вамъ дальнѣйшими разсказами о моемъ дѣтствѣ, не стану подробно описывать вамъ, какъ я началъ свое ученіе у одного отставного учителя народнаго училища, котораго бабушка наняла для меня, какъ онъ повременамъ зашибался и между тѣмъ понятливо преподавалъ мнѣ русскій языкъ и ариѳметику, какъ онъ успѣлъ привить мнѣ любовь къ литературѣ. Восьми лѣтъ я уже съ жаромъ декламировалъ тираду изъ Дмитрія Донского:

«Любезные сыны, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы»,

и читалъ хорошо наизусть оду: «Богъ» Державина, басни Хемницера и другія произведенія тогдашнихъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. За русскимъ учителемъ послѣдовалъ французъ-гувернеръ, сынъ эмигранта, довольно образованный. Характеръ его былъ мягкій, онъ умѣлъ пріятно и полезно занимать меня въ часы, свободные отъ ученія, и познакомить съ благостью и премудростью Творца въ Его твореніяхъ на землѣ и на небѣ. Не только не охладилъ онъ во мнѣ любви къ поэзіи, которой искру бросилъ въ душу мою русскій поклонникъ Музъ и Вакха, но еще болѣе раздулъ ее знакомствомъ съ Расиномъ, Корнелемъ и другими французскими знаменитостями. Изъ прозаиче-

скихъ произведеній онъ особенно любилъ Эмиля Руссо и «Contemplations de la nature» аббата де-С.-Пьера. И я къ нимъ, какъ говорятъ, во вкусъ вошелъ.

«Четырнадцати лѣтъ, по настояніи дяди моего, артиллерійскаго полковника, отвезли меня въ Петербургъ въ артиллерійское училище. Сколькими благословеніями провожала меня бабушка, сколько слезъ пролили мы съ нею при разставаніи, какую дань заплатилъ я ими моему доброму гувернеру за его попеченія о моемъ образованіи и воспитаніи! Обойду первые годы училищной жизни. На бытъ корпусовъ новѣйшими писателями и безъ меня пролито много свѣта, накинуто въ то же время и много грязи, можетъ быть, не безъ пользы. Скажу только, что я долго скучалъ своимъ сиротствомъ, долго представлялъ себя изгнанникомъ изъ свободнаго, свѣтлаго, прекраснаго міра. Я принялся горячо за ученіе, но не могу не признаться, что тогдашнее образованіе въ училищѣ стояло не на высокой степени. Повѣрите ли, выпускали оттуда въ офицеры молодыхъ людей, которые не умѣли правильно, грамматично написать записки на родномъ языкѣ. По спеціальнымъ же ихъ математическимъ наукамъ, они, служа уже въ батареяхъ, должны были переучиваться у учителей гимназій, приглашаемыхъ давать имъ уроки, когда они стояли въ губернскихъ городахъ. Правда выходили изъ училища ученики и съ отличными познаніями, но это были рѣдкія исключенія, обязанныя своимъ образованіемъ необыкновеннымъ природнымъ способностямъ и горячей любви къ наукѣ. На этой богатой почвѣ и тощія сѣмена возрастали сторицей и помимо воздѣлывателей ея.

«Учитель русской словесности изъ малороссійскихъ бурсаковъ . . . . . чъ былъ олицетворенное невѣжество. Задавая параграфы изъ реторики, онъ приба-

влялъ, чтобы ихъ выдалбливали на память, и, если на экзаменѣ ученикъ замѣнялъ печатное слово своимъ, хоть и равнозначащимъ, строго взыскивалъ съ него. Спеціальныя математическія науки, къ которымъ предпочтительно должны мы были готовиться, преподавались также посредственно. Но изъ среды бездарныхъ наставниковъ выступали двѣ личности, которыхъ имена должны сохраниться въ лѣтописяхъ училища. Одинъ былъ К. Н. Арсеньевъ, учитель исторіи, сдѣлавшій бы честь наукѣ въ любомъ университетѣ. Онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ слова и умѣлъ не только говорить уму юношей, но и сердцу ихъ, то воспламеняя ихъ примѣрами высокихъ подвиговъ, то возбуждая ихъ негодованіе противъ неправды, слабодушія и низкихъ дѣлъ. Онъ извѣстенъ и гоненіями, воздвигнутыми на него за его статистику во времена Магницкаго. Другой служитель правды и добра былъ законоучитель нашъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ былъ кумиромъ воспитанниковъ. Кажется, самъ Божественный Учитель возложилъ на голову его руку свою, чтобы онъ училъ насъ по Его примѣру. Его уроки были христіанскія бесѣды съ нами, не для заучиванія на память, но для воспріятія сердцемъ. Онъ умѣлъ обольщать насъ прелестью добра, представляя его во всѣхъ видахъ и страдающимъ, и торжествующимъ. Не въ стѣнахъ училища, не на экзаменахъ должны мы были дать отчетъ въ нашемъ ученіи, а за порогомъ его, на пути служебной и общественной жизни, дѣлами нашими. Еще и теперь, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, эта прекрасная личность представляется мнѣ во всемъ обаяніи истинно-пастырскаго служенія. Да будетъ благословенна память его! При мнѣ поступилъ въ училище инспекторомъ Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, авторъ «Дома сумасшедшихъ»; переводчикъ «Садовъ» Делиля и бывшій профессоръ русской словесности въ

дерптскомъ университетѣ. И тамъ, и здѣсь служилъ онъ, такъ сказать, спустя рукава. Какъ теперь вижу его узенькіе, калмыцкіе глазки, его ужимки. Не могу забыть и странной привычки его здороваться, подавая руку, завернутую въ полу фрака или сюртука, какъ это дѣлаютъ кучера при передачѣ и пріемѣ проданной лошади. Для чего онъ это дѣлалъ, не понимаю—боялся ли прикосновенія чужой, нечистой руки, свою ли почиталъ нечистою. Высшимъ начальникомъ училища былъ тогда его основатель, великій князь Михаилъ Павловичъ. Говорятъ, онъ былъ строгъ, но кто зналъ его душу, его дѣла, не всѣмъ извѣстныя, скажетъ навѣрное, что это былъ добрѣйшій изъ людей. Онъ былъ строгъ—и первый запретилъ тѣлесныя наказанія въ училищѣ; онъ былъ строгъ — и когда директоръ заведенія предложилъ ему исключить одного ученика за значительную шалость изъ заведенія и сослать его юнкеромъ на Аландскіе острова, онъ помиловалъ виновнаго и по этому случаю сказалъ директору незабвенныя слова, которыя осчастливился я слышать изъ другой комнаты: «Повѣрь, Александръ Дмитріевичъ, каждаго изъ этихъ ребятъ легко погубить, но сдѣлать ихъ счастливыми не въ нашей власти. Помни притомъ: мы взяли ихъ отъ отцовъ и матерей для того, чтобы образовать и воспитать, въ чемъ должны отдать отчетъ Богу». Говорили, онъ былъ ригористъ, а въ комплектъ 120 воспитанниковъ велѣлъ принять 121-го изъ солдатской роты. А сколько помогалъ онъ бѣднымъ офицерамъ изъ своего кошелька, знаютъ только они и Всевидящій! Спустимся ниже къ Воейкову и моимъ отношеніямъ съ нимъ. Александръ Ѳедоровичъ, узнавъ отъ кого-то, что я могу прочитать на память нѣсколько лучшихъ мѣстъ изъ Делиля, любимаго его поэта, велѣлъ мнѣ прочесть ихъ, что я и исполнилъ со славой. Съ этого времени онъ обратилъ

на меня особенное вниманіе и покровительство и сталъ задавать мнѣ, помимо учителя, сочиненія на разныя темы. Оставшись доволенъ исполненіемъ ихъ, онъ поощрилъ меня къ дальнѣйшимъ литературнымъ трудамъ и сталъ поручать мнѣ составлять разныя статейки для «Славянина», который онъ тогда издавалъ. Какъ журналъ этотъ, такъ и статейки мои потонули въ Летѣ. Онѣ послужили мнѣ, однакожъ, въ пользу, потому что, упражняясь въ литературной гимнастикѣ, наблюдая и соображая законы русскаго языка, я изучилъ ихъ лучше, чѣмъ по всѣмъ грамматическимъ курсамъ, которые зазубрилъ. Произведенный въ офицеры, я сдѣланъ былъ репетиторомъ и позднѣе помощникомъ профессора русской словесности, но, не поладивъ со своимъ премьеромъ въ методѣ преподаванія, перешелъ на службу сначала въ гвардейскую, а потомъ въ армейскую батарею. Здѣсь прослужилъ я недолго. Разразилась гроза польской революціи 30 года, и я, возгорѣвъ чувствомъ патріотизма, пожелалъ служить въ дѣйствующей арміи. Отъ бабушки, аккуратно писавшей ко мнѣ каждыя двѣ недѣли, пересталъ я получать письма. Причину этого молчанія разрѣшило мнѣ донесеніе старосты, что бабушка отошла въ жизнь вѣчную, пославъ мнѣ на смертномъ одрѣ благословеніе. Можно судить, какъ утрата моей второй матери сильно огорчила меня. До сихъ поръ храню въ сердцѣ горячую память объ этой превосходной женщинѣ. По аккуратнымъ отчетамъ ея, имѣніе мое было въ порядкѣ, и я, отъѣзжая въ армію, поручилъ его тому же старостѣ, который уже столько лѣтъ правилъ рулемъ моего хозяйства; только велѣлъ ему, въ случаѣ важныхъ дѣлъ, относиться къ дядѣ, получившему отъ меня на этотъ предметъ законную довѣренность.

IV.

«Наступилъ 31-й годъ. Я полетѣлъ въ мѣста, гдѣ бились мои братья за дѣло, которое стоило отечеству нашему съ пераго 12-го года столько крови и золота. Не скрою, что меня окрыляла и мечта славы, вкравшаяся въ мою молодую голову. Спалъ и видѣлъ я, что ужь полководецъ, ознаменовалъ себя великими подвигами, обвѣшанъ знаками отличія. И мало ли какихъ грезъ не приходило въ нее! Переѣздъ нѣсколькихъ сотъ верстъ не могъ растрясти ихъ. Я пріѣхалъ въ Вильно въ то время, когда генералъ, завѣдывавшій тамъ распредѣленіемъ по корпусамъ офицеровъ, прибывавшихъ туда съ разныхъ мѣстъ, затруднялся, кого послать въ Поневѣжъ. Тамъ предположено было устроить госпиталь на 2,000 кроватей и провіантскій магазинъ на 80,000 человѣкъ для резервной арміи графа Толстого. Чтобы оградить этотъ важный пунктъ отъ нападенія непріятеля, надо было привести его въ возможно-оборонительное положеніе. Не было подъ рукою у генерала способнаго инженера; благо на глаза попался артиллеристъ, и на меня возложили это порученіе. Я воображалъ себя и строителемъ укрѣпленій, и героемъ-защитникомъ ихъ. Порученіе это вскружило мнѣ еще

болѣе голову. Мысленно прохожу курсъ фортификаціи, укрѣпляю слабыя мѣста, одушевляю солдатъ патріотическими рѣчами, ожидаю осады, дѣлаю вылазки. Геройски отразить непріятеля, или, въ случаѣ, если сила одолѣетъ, взорвать укрѣпленіе и себя вмѣстѣ съ моими храбрыми сподвижниками — вотъ святой обѣтъ, который я далъ себѣ. Горя желаніемъ скорѣе явить міру свои подвиги, мчался я на почтовыхъ и обывательскихъ къ мѣсту моего назначенія. У каждаго изъ солдатъ перваго Наполеона въ патронной сумѣ лежалъ маршальскій жезлъ; почему-жъ мнѣ, русскому офицеру, воспитанному въ артиллерійскомъ училищѣ, проходившему курсы всѣхъ возможныхъ военныхъ наукъ и способному, какъ я воображалъ, произносить воспламеняющія воинственный духъ рѣчи (у меня въ головѣ слагались уже подобныя рѣчи), почему-жъ мнѣ не мечтать хоть не о маршальскомъ жезлѣ, а о чемъ-нибудь подобномъ? Дорогой, даже въ облакахъ, надо мною носившихся, видѣлъ я однѣ картины битвъ. Мнѣ предстояло создать твердыню, если нужно будетъ, защищать ее всѣми силами своего ума, науки и мужества или, какъ я мечталъ въ разгарѣ своей храбрости, похоронить себя подъ ея развалинами.—Въ послѣднемъ случаѣ, думалъ я, мнѣ поставятъ тамъ памятникъ съ надписью. «Здѣсь палъ молодой герой Ранѣевъ: онъ рѣшился лучше погибнуть съ честью, взорвавъ на воздухъ созданныя имъ укрѣпленія, чѣмъ, отдать ихъ непріятелю» Какъ видите, надпись довольно длинная; могутъ ее сократить, по крайней мѣрѣ, смыслъ останется тотъ же, имя мое не умретъ въ потомствѣ.

«Не успѣлъ я еще отъѣхать сотни верстъ, какъ неожиданный случай окатилъ всѣ мои горячія мечты будто ушатомъ холодной воды. Въ мѣстечкѣ, гдѣ мнѣ нужно было перемѣнить лошадей, не оказалось ямщиковъ, а вслѣдствіе того и станціоннаго смотрителя.

Первый засаленный еврей, попавшійся мнѣ на площади, ломанымъ нѣмецкимъ жаргономъ объявилъ мнѣ, что они утекли прошедшею ночью, но что на мызѣ за четверть мили отъ мѣстечка стоитъ отрядъ русскихъ гусаръ. Нечего было дѣлать, я велѣлъ везти меня на мызу. Вы знаете, конечно, разсказъ польскаго простодушнаго крестьянина, какъ до такого-то мѣста было прежде три мили, «да панъ взмиловался, сдѣлалъ изъ нихъ только одну». Такъ и мнѣ пришлось четверть мили проѣхать спѣшною ѣздою слишкомъ полчаса. Оказалось, что мыза была пуста, но въ полуверстѣ отъ нея замѣтилъ я высокое каменное зданіе вродѣ аббатства и около него шевелился солдатъ.

«— Туда, скорѣй, во всѣ лопатки, — кричалъ я ямщику,—гони въ хвостъ и въ гриву.

«Вотъ мы и у воротъ аббатства. На вопросъ мой часового, кто здѣсь отрядный командиръ, онъ сказалъ мнѣ его фамилію и чинъ и указалъ мнѣ, гдѣ его найдти. Я вошелъ въ большой дворъ защищеннаго католическаго монастыря, огражденный высокою каменною стѣной, и увидѣлъ нѣсколько десятковъ лошадей, взнузданныхъ и осѣдланныхъ, готовыхъ въ походъ. Около нихъ суетились гусары или закусывали на ходу. Это не предвѣщало мнѣ ничего добраго, сердце упало у меня въ груди. По каменной лѣстницѣ, довольно изрытой ногами нѣсколькихъ поколѣній отшельниковъ, я взобрался въ верхній этажъ и черезъ длинный коридоръ въ первую келью, откуда слышались голоса. Когда я вошелъ въ нее, три офицера усердно работали ножами, вилками и ртомъ надъ жаренымъ гусемъ и запивали водкой пропущенные въ желудокъ куски. Видно было, что все это дѣлалось на-лету.

«— Трошка, — говорилъ одинъ изъ нихъ солдату, который прислуживалъ имъ,—выпей для куражу шка-

ликъ да закуси жаренымъ, не оставлять же добро полякамъ, да живо!

«Замѣтивъ меня, всѣ выпучили глаза, какъ на чудище, выступившее изъ полу. Обращавшійся къ солдату офицеръ, высокій, осанистый, съ воинственнымъ, загорѣлымъ лицомъ и огромными усами, разметавшимися въ стороны (это и былъ начальникъ отряда) спросилъ меня—не съ приказаніемъ ли я отъ начальства.

«Я объявилъ ему причину моего появленія.

«— Не въ пору же тронулись вы въ путь, батюшка, — сказалъ онъ, разразясь добродушнымъ смѣхомъ.—Вамъ до мѣста вашего назначенія, какъ до сѣвернаго полюса. Всѣ мѣста до него заняты непріятелемъ, того и гляди нагрянетъ сюда. Я получилъ сейчасъ приказаніе сняться съ моего поста и ретироваться. Закусите-ка на скорую руку, чѣмъ Богъ послалъ, и маршъ съ нами, если не хотите попасться въ плѣнъ. Да на чемъ вы сюда?

«— На почтовыхъ,—отвѣчалъ я.

«—Трошка, — закричалъ громовымъ голосомъ ротмистръ, — мигомъ гужи и прочее изъ тройки его благородія перерѣзать, выбрать изъ нея лучшую лошадь, какой-нибудь войлочекъ, смекаешь (тутъ онъ хлопнулъ ладошами), если сѣдла запаснаго нѣтъ.

«Потомъ прибавилъ, обратясь ко мнѣ:—Намъ приходится утекать, сударь, а въ такомъ случаѣ не до комфортабельной осѣдлости, взлѣзешь и на чорта, лишь бы дался. Если придется поработать, пафъ, пафъ, прошу слушать моей команды. Есть у васъ какое оружіе кромѣ кортика?

«— Есть пара заряженныхъ пистолетовъ.

«— Прекрасно, въ дѣло ихъ. Прошу, господа, на коней.

«Я только-что успѣлъ глоткомъ живительной влаги

и кускомъ хлѣба заморить чувство, которое скребло мнѣ сердце, какъ вбѣжалъ вахмистръ, со словомъ: «поляки!»

«— Гдѣ?—спросилъ озадаченный ротмистръ, сдѣлавъ гримасу.

«— Скачутъ сюда, человѣкъ слишкомъ сто будетъ.

«Мы всѣ бросились на дворъ, солдаты были уже на коняхъ, я нашелъ и своего почтоваго фрунтовика, покрытаго войлочкомъ, съ веревочною подпругой и стременами изъ такого же пеньковаго вещества. Выхватить пистолеты изъ телѣги, вцѣпиться въ загривокъ своего буцефала и вскочить на него — было дѣломъ одной минуты. Откуда взялось у меня волтижерное искусство! Въ это самое время бурнымъ потокомъ хлынули польскіе уланы въ ворота. Блеснули сабли, зашатались и преклонились копья съ значками, мнѣ бросились въ глаза звѣрскія лица, лошадиныя морды, клубы дыма; воздухъ огласился дикими криками, пальбой; русскіе гусары и польскіе уланы смѣшались вмѣстѣ. Лошадь, кажется, создана для военнаго дѣла, она откликается веселымъ ржаньемъ на звукъ трубы, вовремя сраженія одушевляется какимъ-то необычнымъ пыломъ, не знаетъ усталости. И моя измученная лошаденка пріободрилась и ринулась со мною въ сѣчу. Я разрядилъ свои пистолеты не даромъ, пули, вылетѣвшія изъ нихъ, попали мѣтко въ непріятелей, и не мудрено, я стрѣлялъ въ упоръ. Дуломъ ударилъ я было сгоряча наотмашь одного по зубамъ, но въ это самое время почувствовалъ, что загорѣлась у меня икра правой ноги, и я вслѣдъ затѣмъ свалился съ падавшей подо мною лошади, убитой тѣмъ же ударомъ, который меня ранилъ. Благородное животное, издыхая, жалостно посмотрѣло на меня. Бой продолжался нѣсколько минутъ, сила одолѣла. Насъ было съ небольшимъ тридцать человѣкъ, непріятеля едва ли не впя-

теро больше. Съ десятокъ нашихъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, проложили себѣ дорогу сквозь сражающихся и успѣли ускакать черезъ ворота, такъ что погоня за ними была напрасна. Начальникъ нашъ истекалъ кровью отъ раны въ рукѣ.

«Такъ кончились мои геройскіе подвиги, и маршальскій жезлъ выпалъ изъ рукъ! Сколько мечты вознесли меня, столько дѣйствительность унизила. Я былъ въ плѣну; эта мысль невыносима для военнаго. Рана моя не представляла опасности, пуля только сорвала кусочекъ мяса съ икры; ротмистръ былъ раненъ тяжеле, но за жизнь его ручался лѣкарь-полякъ, который (надо отдать справедливость, его человѣколюбію), управясь со своими, принялся и за нашихъ. Убитымъ, своимъ и чужимъ, вырыли отдѣльныя ямы, чтобы и по смерти отлучить католиковъ отъ еретиковъ, и, какъ водится, насыпали на нихъ по бугорку земли. Всѣхъ насъ, живыхъ, враговъ и невраговъ, помѣстили въ зданіи монастыря. Провели мы въ немъ нѣсколько дней, но раненые не успѣли еще совершенно оправиться, какъ дошли до начальника польскаго отряда какіе-то тревожные слухи, и мы тронулись въ путь. Меня гнали съ моими товарищами, какъ овцу на закланіе, ругали, били; я куска хлѣба не видалъ двое сутокъ и умеръ бы съ голоду, еслибъ не сжалился еврей. Цѣлую недѣлю въ проливной дождь мѣсилъ я грязь и глину по щиколку подъ грозою сабли, которая пришпоривала меня, когда я изнемогалъ отъ усталости. Повѣрите ли, горстями снималъ съ себя разную тлю. Скажу еще болѣе: проѣзжая въ какомъ-то жидовскомъ мѣстечкѣ черезъ базаръ, я укралъ съ крестьянской телѣги конецъ сѣраго грубаго сукна аршина въ три и окуталъ себѣ имъ шею и грудь. Да, сударь, укралъ!.. Не въ мочь уже было мнѣ выносить потоки холоднаго дождя, который заливалъ меня. Правда, польскій ге-

нералъ Дембинскій, увидавъ насъ въ этомъ положеніи, очень сердился на отряднаго начальника, выдалъ ему деньги и велѣлъ насъ одѣть и накормить получше. Но приказаніе это не было исполнено. Вскорѣ отрядъ уланъ отдѣлился отъ насъ, остались нѣсколько конвойныхъ, да и тѣ, провѣдавъ отъ евреевъ, что на пути нашемъ находятся русскія войска, бросили насъ на произволъ судьбы и сами утекли до лѣса. Не стану также описывать вамъ похожденія наши до прибытія въ русскую главную квартиру. Здѣсь потребовали насъ къ главнокомандующему, фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому; онъ стоялъ въ какомъ-то фольваркѣ. Насъ ввели въ довольно большую комнату. Вдоль ея ходилъ скорыми шагами взадъ и впередъ генералъ маленькаго роста, довольно плотный, въ сюртукѣ, видавшемъ виды, съ потусклыми генеральскими эполетами и аксельбантомъ. Ходя и останавливаясь повременамъ, онъ диктовалъ адъютанту приказъ. Русская рѣчь его была не совсѣмъ правильна, съ нѣмецкими оборотами. (Вѣроятно, адъютантъ, записывая ее, поправлялъ ошибки противъ языка и переводилъ по-русски нѣмецкія слова, повременамъ вырывавшіяся у него, когда онъ затруднялся прибрать приличное русское слово). Молніей вылетали его слова, скоры были движенія. Мы стояли передъ фельдмаршаломъ Дибичемъ. Кончивъ диктовку, онъ быстро взглянулъ на насъ своими мутными, покраснѣвшими отъ безсонницы глазами, покачалъ головой, конечно, отъ впечатлѣнія, сдѣланнаго на него видомъ нашей оборванной и грязной обмундировки, и обратился къ моему товарищу, ротмистру.

«— Когда вы получили приказаніе сняться съ своего поста?—спросилъ онъ довольно сурово.

«— За четверть часа до появленія непріятеля, — отвѣчалъ ротмистръ.

«— Чтожъ вы мѣшкали?

«— Я далъ своей командѣ закусить и приготовиться къ походу.

«— Закусить! Вы могли бы это сдѣлать на походѣ. На войнѣ минуты дороги. Виноватъ, однакожъ, тотъ, кто далъ вамъ поздно ордеръ. Впрочемъ, видно, вы храбрый офицеръ, не утекли отъ непріятеля, какъ другіе изъ вашей команды. Я взыскалъ съ нихъ. На рукѣ вашей по перевязи вижу, что вы кровью своей искупили вашу вину.

«Дѣйствительно, на лицѣ моего товарища не было кровинки, онъ былъ не краше мертвеца, да и представлялъ изъ себя печальную фигуру. Тутъ графъ обратился ко мнѣ, спросилъ, какъ я, артиллеристъ, попалъ въ отрядъ гусаръ, и, когда я разсказалъ ему, куда и за какимъ дѣломъ я былъ посланъ, пожалъ плечами, такъ что густые эполеты запрыгали на плечахъ; на лицѣ его изобразилось неудовольствіе.

«— Вамъ дадутъ ордеръ, въ какую команду явиться, и деньги на обмундировку. До свиданья, господа; на боевомъ полѣ,—сказалъ онъ, кивнувъ головой.

«Намъ не суждено было свидѣться съ нимъ на боевомъ полѣ,—онъ вскорѣ умеръ отъ холеры.

«Немного времени спустя я видѣлъ другого главнокомандующаго, гр. Паскевича-Эриванскаго, у моей батареи, во время осады Варшавы. Голубые глаза его такъ привѣтливо смотрѣли, лицо сіяло удовольствіемъ, улыбка возвышала духъ войска и заранѣе сулила ему побѣду.

«Таковъ онъ былъ всегда во время разгара битвы.

«Не мнѣ, субалтернъ-офицеру, заключенному въ тѣсномъ кругу своихъ обязанностей, — такъ сказать, прикованному къ своимъ орудіямъ, описывать ходъ и перепитіи войны, да и предметъ моихъ записокъ не она, а моя маленькая личность.

«Во время кампаніи я свято исполнилъ долгъ свой,—могу это сказать безъ хвастовства,—и щедро награжденъ за свои заслуги, которыя угодно было начальству замѣтить. Горячечныя мечты мои остыли, я ихъ уже самъ стыдился. Когда Царство Польское и Литва успокоились до-поры до-времени, мнѣ дали батарею. Съ нею ходилъ я нѣсколько лѣтъ по разнымъ грязнымъ мѣстечкамъ и городамъ Литвы и Бѣлоруссіи, имѣлъ дѣла съ панами, экономами, крестьянами и евреями и узналъ *досконально* ихъ бытъ и нравы. Влюблялся я въ ловкихъ и очаровательныхъ полекъ, но, влюбляясь, не поддался чарамъ этихъ сиренъ и не полюбилъ ни одной. Въ 42 году пришелъ я квартировать въ губернскій городъ В.

«Что за грустная сторона Бѣлоруссія! То хвойные, мрачные, завывающіе лѣса, мѣстами непроходимые отъ гніющаго валежника, населенные стаями волковъ, то плѣшивые пригорки съ рѣдкими порослями, которыя и черезъ двадцать лѣтъ будутъ такими же уродцами, какими видѣли мы ихъ нынѣ. Тощая земля, тощіе обитатели! Кажется, и солнце свѣтитъ здѣсь, какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, попадаются и живописныя мѣстности, но все это покрыто печальною пеленой — такъ душевное настроеніе облекаетъ всѣ предметы свои красками. Печально и положеніе здѣшнихъ крестьянъ, забитыхъ, загнанныхъ. Между тѣмъ бросьте въ сердце этого добраго, простодушнаго народа благотворную искру, заставьте его на часокъ забыть панскій и жидовскій плѣнъ, и вы увидите, какъ этотъ мертвый народъ оживляется будто гальваническимъ токомъ. Тогда появляются въ деревенскомъ кружкѣ музыканты съ волынкой и скрипкой, дивчаты пускаются въ плясъ, довольно легкій и граціозный, распѣваютъ тонкими голосами веселыя пѣсни. Но все это вспугнетъ вдругъ бричка, хоть-бы пана эконома, или появленіе неумо-

лимаго, вѣчнаго кредитора — еврея. Вездѣ копошатся рои этого израильскаго рода, размножающагося какъ рои комаровъ отъ луча солнечнаго, или бѣгутъ въ одиночку на рысяхъ, раскинувъ по вѣтру свои пейсики. Польскіе евреи носятъ съ собою свой собственный запахъ, какъ слуга Чичикова. Войдите въ ихъ жилище, и минуты черезъ двѣ нестерпимое зловоніе выгонитъ васъ на вольный воздухъ, хотя бы это было въ жестокіе морозы. Дворы ихъ—вмѣстилище всякихъ нечистотъ, настоящія клоаки. Воображаю, сколько жертвъ уноситъ эта нечистота во время эпидемій. И никто не подумаетъ объ этомъ.

«На лѣто команда моя размѣщалась въ уѣздѣ, я повременамъ посѣщалъ ее. Верстъ за десять отъ города жилъ панцырный бояринъ Яскулка (по-русски Ласточка), у котораго стоялъ офицеръ моей батареи. Я увидалъ тамъ 19-ти-лѣтнюю дочь его Агнесу и скоро полюбилъ ее. Не стану описывать вамъ ея красоту, портретъ ея вамъ знакомъ. Скажу только, что эта красота была отраженіемъ ея души. Она получила воспитаніе въ панскомъ семействѣ, родственномъ ей по матери. Яскулка былъ вдовъ. Жена его происходила изъ дворянскаго рода Стабровскихъ, и потому онъ имѣлъ шляхетское родство, да и самъ вѣтвью своего рода, хотя и слабою, держался къ шляхетскому дереву. На прикрѣпленіе къ нему онъ имѣлъ притязанія. Права были затеряны, но это не останавливало его хлопотать о возстановленіи ихъ. Гордый, не зная почему, своимъ панцырнымъ боярствомъ и развѣ тѣмъ, что предокъ его держалъ стремя у одного изъ польскихъ королей и удостоился привѣтливыхъ словъ найяснѣйшаго, онъ стремился дорыться, во что бы ни стало, въ архивныхъ мусорахъ до утраченной дворянской короны. Хорошо устроенный фольваркъ, большое количество угодьевъ, большое стадо, доходная

мельница, множество рабочихъ, которыхъ онъ держалъ въ дисциплинѣ, доказывали его достаточное состояніе. Онъ жилъ на шляхетскую ногу, хотя и не широко, но по-своему комфортабельно. Мнѣ и въ голову не приходило получить съ рукою Агнесы его богатство, для меня она, одна, своимъ лицомъ, была сокровище дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ. Притягиваемый неодолимой силой, я сталъ часто ѣздить къ Яскулкѣ и въ каждый разъ свиданія съ его дочерью находилъ въ ней новыя, прекрасныя достоинства. Мы полюбили другъ друга тою чистою, высокою любовью, которая должна была освятиться бракомъ или сдѣлать насъ несчастными. Я просилъ у Агнесы руки ея и вмѣстѣ позволенія обратиться за тѣмъ же къ отцу ея. Не въ силахъ долѣе скрывать свои чувства, она со слезами на глазахъ бросилась мнѣ на шею и запечатлѣла поцѣлуемъ обѣтъ принадлежать мнѣ или никому. Отецъ давно замѣчалъ наши сердечныя отношенія другъ къ другу и, казалось, одобрялъ. Я обратился къ нему съ просьбою осчастливить меня рукою Агнесы. Родство съ русскимъ полковникомъ, можетъ статься, будущимъ генераломъ, должно было льстить сердцу честолюбиваго панцырнаго боярина.

«— Ваше предложеніе, — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку, — дѣлаетъ мнѣ высокую честь, почту себя счастливымъ имѣть такого достойнаго зятя, какъ вы. Давно привыкъ я уважать васъ и любить. Но знаете ли, что я еще не утвержденъ въ правахъ своихъ на шляхетство, что я еще мужикъ и потому дочь моя мужичка.

«— Для меня это все равно, — отвѣчалъ я, — вы дорожите этими правами и, конечно, справедливо. Сколько я слышалъ отъ васъ объ этомъ предметѣ, можно ручаться за успѣхъ вашего домогательства. По своимъ связямъ (дернуло меня сказать) и я помогу

вамъ въ этомъ дѣлѣ, даю вамъ свое честное слово. Но теперь отдайте мнѣ вашу дочь, какъ она есть, дочь панцырнаго боярина. Никакой родовой, ни денежной придачи къ ней мнѣ не нужно. Мы любимъ другъ друга, благословите нашу любовь.

«— Помните ваше слово,—сказалъ онъ, горячо обнимая меня,—и берите мою дочь.

«Онъ былъ не нѣжнаго характера, но тутъ прослезился.

«— Агнеса, — крикнулъ онъ, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату,—поди сюда.

«— Любишь-ли ты пана пулковника? — спросилъ онъ ее, когда она вошла къ намъ.

«— Всѣми силами своей души, — промолвила она.

«— Ну такъ поцѣлуй своего жениха.

«Я принялъ ее въ свои объятія, прижималъ къ сердцу, цѣловалъ безъ счета.

«Вскорѣ мы были обручены и помолвлены.

«Въ городѣ надѣлала много шуму вѣсть о будущемъ нашемъ бракѣ, много толковали объ немъ; иные пожимали плечами, говоря, что это ужасная mésalliance. Я пренебрегъ этими толками и пересудами и гордился моею невѣстой, предпочитая ее всѣмъ сіятельнымъ. Красота ея, прекрасный нравъ, образованіе, любовь ко мнѣ—были для меня выше всѣхъ родовыхъ отличій.

«Отецъ ея былъ католикъ; дочь захотѣла принять православіе.

«— Мой будущій мужъ православный, дѣти мои станутъ исповѣдывать его вѣру, они пойдутъ молиться въ одну церковь, а я должна пойти въ католическую, если она еще случится въ мѣстѣ, гдѣ намъ придется жить. Вотъ уже рознь въ семействѣ... не хочу ея.

«Русскій священникъ, приготовивъ ее къ переходу въ новое исповѣданіе, совершилъ надъ нею тайну мѵропомазанія. Католики подняли гвалтъ и готовы были,

еслибъ могли, закидать ее каменьями, но ограничились въ кругу своихъ единовѣрныхъ однѣми насмѣшками и проклятіями... Никто изъ католической родни ея матери не пріѣхакъ на нашу свадьбу, за то въ русскомъ соборѣ, гдѣ мы вѣнчались, было избранное русское общество.

«Какъ хороша была моя Агнеса подъ вѣнцомъ!

«Я былъ счастливъ, отъ нея вѣяло какимъ-то неземнымъ блаженствомъ. Отецъ ея былъ веселъ, гордясь, что имѣетъ зятемъ своимъ полковника, украшеннаго знаками отличія; я старался всячески изъявлять ему мое уваженіе, особенно при значительныхъ лицахъ города; офицеры моей батереи, любя меня, оказывали ему свое вниманіе. Мнѣ случилось при немъ говорить по дѣлу объ отысканіи имъ потеряннаго шляхетства съ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Они обѣщали содѣйствовать, сколько отъ нихъ зависѣло, успѣшному ходу этого дѣла, когда всѣ доказательства будутъ собраны и представлены. Мой тесть собиралъ ихъ, рылся со своимъ адвокатомъ въ архивахъ и, несмотря на свою скупость, не жалѣлъ денегъ.

«Медовый мѣсяцъ нашъ не прошелъ, однакожъ, безъ непріятностей. Однажды, когда меня не было дома, горничная моей жены пала къ ногамъ Агнесы, ломала себѣ руки и призналась ей, что хотѣла ее отравить по наущенію ксендза, бывшаго духовника ея матери, за то, что она перешла въ русскую вѣру. Горничная не исполнила этого, измученная угрызеніями совѣсти и страхомъ послѣдствій. Жена моя любила ее, знала такою преданной и была поражена этимъ признаніемъ, но мнѣ разсказала все полушутя, какъ глупую исторію, которую стыдно бы пускать въ ходъ. Я рѣшился исполнить ея совѣтъ и предоставить все суду Божьему. Мы щедро наградили горничную съ тѣмъ, чтобы

она молчала, если не хочетъ себя погубить, и отпустили ее.

«Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Агнеса почувствовала, что носитъ подъ сердцемъ залогъ нашей любви.

«Разъ въ мучительномъ ожиданіи разрѣшенія ея, сидѣлъ я за перегородкой ея спальни. Вдругъ слышу крикъ ребенка. Это былъ крикъ свободы пришельца въ здѣшній міръ изъ девятимѣсячнаго тюремнаго заключенія, привѣтъ братьямъ человѣка, вступающаго въ ихъ общество. Съ чѣмъ можно сравнить чувство отца, услыхавшаго этотъ крикъ! Я палъ на колѣни и со слезами на глазахъ благодарилъ Творца за ниспосланнаго мнѣ первенца. Лиза родилась въ эту минуту. Надо было видѣть тихую радость моей жены, когда поднесли къ ней хорошенькое дитя, и она рукой указала мнѣ на него. Черезъ два года послѣ того родился у меня сынъ Володя. Дѣти наши росли пригожія. Немудрено, ихъ кормила сама мать. Часто и теперь представляется она мнѣ въ ореолѣ свой наружной и душевной красоты, съ ребенкомъ у полуобнаженной груди. Оттого-то, когда я встрѣтился съ вами въ первый разъ у оконъ Даціаро, я съ такимъ жаромъ говорилъ вамъ о картинкѣ, на которой изображена была мать, кормившая дитя своею грудью. Оттого-то, когда я не нашелъ въ магазинѣ этой картинки, вырвались у меня слова: «ея ужь нѣтъ!» Ея ужь нѣтъ, и съ того времени не прошло дня въ жизни моей, чтобъ я не оплакивалъ эту божественную женщину. Возвращаюсь къ тому времени, когда она *была*.

«Не желая, какъ военный человѣкъ, котораго жизнь похожа на кочевую, таскаться съ женою и дѣтьми съ мѣста на мѣсто, я рѣшился искать другой, болѣе осѣдлой службы. Съ этою цѣлью поѣхалъ я въ Петербургъ. Здѣсь предложили мнѣ довольно значительное мѣсто въ Прирѣчьѣ. Протекція была у меня силь-

ная, и я, уволенный изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, назначенъ на предложенное мнѣ мѣсто. Я шелъ столько лѣтъ по одному пути, и вдругъ разсчеты моего разума и сердца толкнули меня на другой, совершенно новый для меня. Владѣя перомъ, ознакомясь съ формами дѣлопроизводства при пособіи моего пріятеля, посвященнаго въ эту премудрость, и со всѣми постановленіями, касающимися до моей должности, я былъ убѣжденъ, что въ состояніи добросовѣстно сладить съ предстоящими мнѣ обязанностями. Природная логика должна была довершить то, чего недоставало моей неопытности; этой логики не замѣнятъ никакія знанія и долговременная служба, чему я видѣлъ много примѣровъ.

«Возвратясь въ В. за женою и дѣтьми и для сдачи батареи назначенному на мое мѣсто лицу, я съ удовольствіемъ узналъ отъ моего тестя, что дѣло его въ ходу и всѣ данныя обѣщали ему успѣхъ. Одно, что мнѣ не нравилось по этому дѣлу, былъ выборъ адвоката-поляка, хотя и умнаго дѣльца, но, какъ мнѣ сказали, слишкомъ смѣлаго, готоваго иногда, очертя голову, и на нечистые извороты. Яскулка, которому я передалъ мои опасенія на счетъ этого господина, совершенно ввѣрился ему и не хотѣлъ передавать дѣло, начатое съ такими большими трудами и, по словамъ его, такъ успѣшно веденное, другому адвокату. Я просилъ еще в—скія вліятельныя лица помочь моему тестю въ окончаніи этого дѣла, и мы разстались совершенными друзьями.

«Въ Прирѣчьѣ, при первомъ представленіи моему начальнику (буду называть его Анонимомъ), я замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ доволенъ опредѣленіемъ меня въ товарищи къ нему. Немудрено, онъ хлопоталъ о другомъ на мѣсто, которое я занялъ, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Взглядъ его былъ су-

ровый, рѣчь сухая, манеры жесткія. Онъ мнѣ съ перваго раза не понравился, но на службѣ нельзя поддаваться сердечному влеченію или отвращенію, а остается только думать объ исполненіи своего долга, несмотря, пріятна или непріятна личность, съ которою долженъ служить. Впрочемъ, мы скоро съ нимъ поладили. Я увидѣлъ въ немъ, хоть и строгаго формалиста, но дѣятельнаго и, сколько я могъ судить по его рѣчамъ и открытымъ дѣйствіямъ, честнаго человѣка. Одно обстоятельство доставило мнѣ въ первомъ году моего служенія въ Прирѣчьѣ случай оказать ему услугу. Онъ былъ въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и въ интимной бесѣдѣ со мною откровенно признался въ нихъ, прибавивъ, что не знаетъ, гдѣ найти денегъ, что лица, предлагавшія ихъ, имѣютъ дѣла въ его вѣдомствѣ, слѣдственно неблаговидно занимать у нихъ. Я только-что продалъ свое 80-душное имѣніе, которое по смерти моего умнаго и честнаго старосты и всѣдъ затѣмъ моего дяди оставалось безъ надлежащаго призрѣнія и стало давать мнѣ скудные доходы. Мнѣ же управлять имъ за нѣсколько сотъ верстъ было несподручно. Свободныя деньги отъ этой продажи лежали у меня въ шкатулкѣ. По простодушной природѣ моей, увлеченный желаніемъ оказать помощь вѣрному человѣку въ нуждѣ, я намекнулъ Анониму, что у меня есть такая-то сумма. На этотъ разъ онъ обошелъ неблаговидность займа у человѣка, служившаго подъ его начальствомъ. Онъ просилъ у меня эту сумму на годъ подъ заемное письмо, предлагая и проценты, какіе назначу. Разумѣется, я взялъ *узаконенные* и получилъ слѣдующее мнѣ обязательство. Онъ не зналъ, какъ благодарить меня за выручку его изъ критическаго положенія, и въ изліяніи своихъ чувствъ обнималъ, цѣловалъ меня такъ, что покололъ мнѣ щеки колючками своей, небритой по случаю не-

здоровья, бороды. Это одолженіе, извѣстное только намъ двумъ и маклеру, не измѣнило моихъ служебныхъ отношеній къ начальнику, что старался я доказать, продолжая дѣятельно заниматься моими должностными обязанностями.

«Жена моя была принята въ Прирѣчьѣ съ тѣмъ вниманіемъ, какое она заслуживала по своему уму, душевнымъ качествамъ и ровнымъ обращеніемъ со всѣми, съ кѣмъ вынуждена была знакомиться. Пошептались между собою о ея плебействѣ провинціальныя аристократки, до которыхъ дошло свѣдѣніе, что она дочь какого-то шляхтича, непризнаннаго еще въ дворянскомъ достоинствѣ, но, побѣжденныя ея привлекательною любезностью, признались, что она достойна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ихъ обществѣ.

«Годовой срокъ заемному письму, данному мнѣ Анонимомъ въ занятыхъ у меня деньгахъ, миновалъ. Я покупалъ имѣньеце верстахъ въ десяти отъ Прирѣчья. Съѣздивъ его обозрѣть, я нашелъ его не только выгоднымъ по угодьямъ, но и чрезвычайно живописнымъ, а это для эстетическаго наслажденія моего и жены моей было необходимо. Небольшая рѣчка, гремящая по камнямъ, которыми дно ея было усыпано, въ прихотливыхъ извилинахъ своихъ весело пробиралась между холмами, увѣнчанными разнородными рощицами. На одномъ берегу, вдавшемся мысомъ въ континентъ, росли купы молодыхъ, но уже тѣнистыхъ липъ и тополей; перерѣзавъ его, можно было образовать островокъ. Съ небольшой горы открывались прекрасные виды сквозь просѣку дальняго лѣса на церковь села Холмецъ, напоминавшую мнѣ Судбищенскую, на мельницу и курганы, гдѣ, по преданію, были похоронены рыцари исчезнувшаго съ лица земли народа. Это гора, какъ нарочно, предлагала мѣсто для постройки господскаго дома. Скоро сладилъ я съ про-

давщицей къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Издержавъ довольно денегъ на путешествіе изъ В. въ Петербургъ, обратно и въ Прирѣчье, такъ же какъ и на приличную здѣсь по мѣсту моему обстановку, я не имѣлъ другихъ денегъ на покупку и устройство этого имѣньица кромѣ тѣхъ, которыя долженъ мнѣ былъ Анонимъ, и потому я обратился къ нему съ просьбою возвратить ихъ. Онъ поморщился и сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ, что увѣренъ былъ въ отсрочкѣ займа еще года на два, на три, что приготовилъ уже и проценты на слѣдующій годъ, что требованіе мое ставитъ его въ отчаянное положеніе.

«— Вы совершенно снимаете съ меня голову,— прибавилъ онъ.

«За нѣсколько дней до этой перемолвки одинъ добрый пріятель мой, узнавъ, что я покупаю имѣніе, предлагалъ мнѣ ровно ту сумму, какая была дана мною Анониму, и потому я обѣщалъ должнику моему выхлопотать ее для него подъ заемное письмо за тѣ же узаконенные проценты, которые я бралъ съ него. Анонимъ помялся было, но дѣлать было нечего—согласился на мое посредничество. Дѣло благополучно уладилось и тѣмъ успѣшнѣе, что моему пріятелю нужно было устроить своего сына въ штатъ канцеляріи его превосходительства. Я получилъ свои деньги, и мы съ Анонимомъ остались, можетъ быть, наружно, въ тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, какія существовали прежде между нами.

«Купивъ имѣніе, я сталъ устраивать его по плану, заранѣе начертанному въ моемъ живомъ воображеніи, возвелъ двухэтажный деревянный домикъ съ балконами и террасами, весело глядѣвшій на всѣ четыре стороны и при освѣщеніи казавшійся волшебнымъ фонаремъ. Затѣмъ вырылъ я проточный прудъ съ помощью безчисленныхъ ключей, питавшихъ его. Отъ него съ

рѣчкой по другую сторону образовался островокъ. Сажалъ я деревья, выводилъ цвѣтники. Всѣмъ этимъ пріятнымъ заботамъ посвящались мною праздничные дни и лѣтніе вакаціонные мѣсяцы; онѣ радовали меня и еще болѣе жену мою. Посѣтивъ со мною наше имѣньеце, она была въ восторгѣ отъ него, да и сосѣди мои говорили, что я пустынное мѣстечко, какимъ оно прежде было, магическимъ жезломъ превратилъ въ очаровательную виллу.

«Въ Прирѣчьѣ родился у меня сынъ Аполлонъ. Агнеса еще кормила его; ему было только десять мѣсяцевъ, а мать наложила на себя обѣтъ не отнимать дѣтей отъ груди прежде года—видѣла ли она въ этомъ продолжительномъ кормленіи залогъ ихъ здоровья или ей жаль было оторвать отъ себя дитя, которое питала своею жизнью, съ которымъ она составляла какъ бы одно существо. Разстаться со сладкими заботами кормилицы-матери, знать, что эта разлука принесетъ ему много горя и неминуемое разстройство здоровья, было для нея мучительно. Вы найдете это чувство даже въ матеряхъ-крестьянкахъ, обремененныхъ тяжкими работами. По выздоровленіи ея мы съ нею и дѣтьми повременамъ, въ свободное отъ службы время, продолжали ѣздить въ свой обѣтованный сельскій уголокъ, улучшать и украшать его.

«Къ домашнимъ моимъ радостямъ присоединилось отрадное чувство, что и моя служебная жизнь не нарушалась никакими важными непріятностями. Правда, съ нѣкотораго времени случались у меня съ Анонимомъ столкновенія, доходившія до высшаго начальства, изъ которыхъ я выходилъ, однакожъ, съ торжествомъ; правда, были колючки съ его стороны, не улегшіяся въ его ежовой душенькѣ за неудавшійся заемъ, но онѣ скользили только по моему сердцу, не оставляя въ

немъ глубокихъ слѣдовъ. Сочтемся бывало, и остаемся въ прежнихъ мирныхъ отношеніяхъ.

«Господи! Ты читаешь всевидящимъ окомъ въ душѣ моей, Тебѣ извѣстно, что ни одного чернаго дѣла не сдѣлалъ я въ продолженіи моей жизни, что я не измѣнялъ никогда долгу и чести ни въ отношеніи къ своимъ ближнимъ, ни въ отношеніи къ своему отечеству и государю. Это скажу и тогда, когда предстану предъ высочайшій судъ Твой.

«Не воображалъ я тогда, что невидимая злодѣйская рука подкопалась уже подъ мое благополучіе.

V

«Въ тѣ годы, о которыхъ говорю, въ Россіи была какая-то эпидемія на расхищеніе общественныхъ и казенныхъ суммъ. Кто не слыхалъ о растратѣ инвалидныхъ управляющимъ кассою ихъ? Онъ задавалъ обѣды и пиры на весь городъ, ставилъ по десяти тысячъ на карту. Знатные, высокопоставленные господа члены, обязанные повѣрять кассу, должны были сильно поплатиться. Но въ этомъ несчастіи для нихъ нашелся одинъ богачъ, пожертвовавшій огромную сумму на пополненіе растраченныхъ денегъ, и члены были освобождены отъ взысканія. Не всегда случаются такіе благодѣтельные и щедрые люди, особенно когда подвергается подобному несчастію такая мелочь, какъ наша братья.

«Въ одинъ изъ этихъ годовъ открылась утайка или, лучше сказать, похищеніе тысячной суммы въ губернскомъ общественномъ банкѣ города Прирѣчья. Деньги, полученныя изъ одного судебнаго мѣста, не были записаны на приходъ болѣе полутора года и переползли въ карманъ управляющаго банкомъ. Виновный былъ коллежскій совѣтникъ Киноваровъ, служившій прежде чиновникомъ особыхъ порученій при предмѣстникѣ Анонима и считавшійся доселѣ честнымъ и дѣятель-

нымъ чиновникомъ; Анонимъ особенно благоволилъ къ нему. Но честность его была только маска, которую онъ на себя надѣвалъ, пока не имѣлъ еще возможности распоряжаться важными суммами. Страсть его къ карточной игрѣ обнаружила, на какія черныя дѣла онъ былъ способенъ, и погубила его. Игралъ онъ съ кѣмъ ни попало, съ жителями Прирѣчья, съ пріѣзжими иностранными артистами и волтижерами, съ честными людьми и шуллерами. Проигрывая большіе куши, онъ, какъ водится, хотѣлъ отыгрываться и, наконецъ, зарвался до того, что сталъ полною рукою черпать изъ общественнаго сундука. Все это, однакожъ, было извѣстно его интимнымъ друзьямъ и скрыто отъ начальства. Анонимъ, поймавъ и улучивъ его въ похищеніи тысячной суммы, въ первый взрывъ негодованія велѣлъ подать ему въ отставку, но, неизвѣстно по какой снисходительной причинѣ, похититель остался на своемъ мѣстѣ и представленъ за разныя заслуги къ знаку отличія. Анонимъ не замѣчалъ, что онъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ похищалъ изъ кассы губернскаго общественнаго банка важныя суммы.

«Мое сердце не лежало къ Киноварову по какому-то инстинктивному чувству, да и физіономія его съ сѣрокошачьими стекляными глазами, въ которыхъ нельзя было читать ни одного движенія души, отталкивала отъ него. Впрочемъ, не смѣя судить о человѣкѣ, иначе какъ по дѣламъ его, я не показывалъ ему своего нерасположенія, но не принималъ его въ свое семейство, а только имѣлъ съ нимъ сношенія по службѣ. Жена моя при первой встрѣчѣ съ нимъ въ обществѣ призналась мнѣ, что онъ возбуждаетъ въ ней какое-то отвращеніе, словно кошки, которыхъ она не терпѣла и въ домѣ не держала. Преступникъ не могъ воровать безъ сообщниковъ. Вся канцелярія губернскаго банка была подобрана имъ въ одну шайку

изъ людей, готовыхъ на всякія черныя дѣла. Тутъ были, какъ оказалось впослѣдствіи, составители фальшивыхъ кассовыхъ билетовъ, геніальный калиграфъ, подписывавшій подъ чужія руки такъ искусно, что тотъ, подъ руку котораго онъ подписывался, долженъ былъ признать ее за свою. Были тутъ и другіе художники подобнаго рода изъ канцелярскихъ чиновниковъ, закупленныхъ Киноваровымъ, въ томъ числѣ и секретарь, главный товарищъ атамана шайки. А кабы видѣли, какіе это были святоши по наружности, какъ они усердно ставили свѣчи передъ образами, и клали земные поклоны! Самъ Киноваровъ, стоя въ церкви у клироса, присоединялъ всегда свой голосъ къ голосамъ причта, возносившимъ молитвы къ престолу Бога. Лицедѣйство было доведено ими до совершенства. Разъ искусившись въ злодѣяніи, они должны были молчать о продѣлкахъ своего ближайшаго начальника изъ своего интереса и изъ боязни поплестись въ Сибирь. Слѣпая же довѣренность и необыкновенная благосклонность къ нему Анонима поощряли ихъ къ постоянному дальнѣйшему участію въ подвигахъ главнаго преступника, тѣмъ болѣе, что члены, присутствовавшіе въ губернскомъ общественномъ банкѣ и ближайшіе блюстители банковыхъ суммъ, ничего изъ этихъ подвиговъ не видѣли. Члены эти были: одинъ отъ дворянства, хворый умомъ и тѣломъ, упивавшійся, въ чаяніи движенія воды, покуда хлѣбнымъ опіумомъ, подписывавшій журналъ у себя на дому, другой—отъ купечества, едва умѣвшій выводить каракульками свое званіе и фамилію, и третій отъ крестьянъ, мѣщанинъ, лакейски исполнявшій то, что прикажетъ ему секретарь, не только-что Киноваровъ. Онъ подавалъ въ отсутствіе сторожа теплую одежду и калоши приходившимъ въ банкъ чиновнымъ посѣтителямъ. Мало-по-малу стали открываться, одна за другою, разныя утайки значи-

тельныхъ суммъ, продолжавшіяся,—какъ я сказалъ,—нѣсколько лѣтъ. Ихъ нельзя уже было скрыть. Анонимъ, обязанный ревизовать ежемѣсячно суммы банка, былъ въ ужасной тревогѣ, но старался всячески спастись отъ крушенія, которому онъ самъ, испытанный кормчій, подвергнулъ общественный корабль, и потому напрягъ всѣ силы своего ума и душенки, чтобы выпутаться изъ бѣды. На первый разъ онъ двусмысленно донесъ высшему начальству объ утратѣ нѣкоторыхъ суммъ, оговоривъ, что нельзя опредѣлить, похищены ли онѣ или поздно записаны на приходъ, и потому, писалъ онъ, невозможно еще судить о степени виновности Киноварова. Впрочемъ, приказалъ сдѣлать сначала секретное, и затѣмъ формальное слѣдствіе. Между тѣмъ онъ не дремалъ. Родные и друзья Киноварова окольными путями начали вносить деньги на покрытіе недостающихъ въ банкѣ. Родному брату своему онъ незадолго помогъ на украденныя деньги жениться на богатой невѣстѣ, обставилъ его щегольскимъ экипажемъ, богато-меблированною квартирой, приличною прислугой и пр. и пр., чѣмъ можно было блеснуть, какъ жениху съ большимъ состояніемъ. Этотъ братъ прислалъ ему довольно значительную сумму, которую преступникъ, будучи уже подъ стражей, получилъ черезъ вторыя руки съ почты. Движимое имущество его довольно цѣнное, секретно продано было разнымъ лицамъ и вырученныя деньги внесены въ банкъ взамѣнъ похищенныхъ съ запискою ихъ на приходъ, гдѣ слѣдовало, хотя черезъ дальніе сроки послѣ похищенія. Я былъ спокоенъ, потому что похищенія эти до меня не касались, такъ какъ всѣ онѣ сдѣланы были во время управленія Анонима, — спокоенъ до того, что, получивъ отпускъ въ деревню, уѣхалъ туда, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Мое отсутствіе удалило отъ него товарища, который могъ, оставаясь въ Прирѣчьѣ,

быть невольнымъ свидѣтелемъ его не совсѣмъ чистыхъ изворотовъ. Оказалось, однакожъ, что всѣхъ, разными путями вырученныхъ денегъ на покрытіе похищенныхъ было недостаточно; отсѣкали одну голову у гидры, выростала другая. Анонимъ вынужденъ уже былъ утвердительно донести объ этомъ обстоятельствѣ. Вслѣдствіе этого донесенія пріѣхали слѣдователи изъ Петербурга.

»Не подозрѣвая ничего неблагопріятнаго для себя и не имѣя ничего, чѣмъ упрекнуть себя по служебнымъ дѣламъ, я наслаждался въ моемъ сельскомъ убѣжищѣ прекрасными лѣтними днями, счастливый любовью моей Агнесы и разсвѣтомъ жизни моихъ дѣтей.

«Срокъ моего отпуска кончился, я возвратился въ Прирѣчье и явился къ Анониму. Лицо его было печально и сурово, глаза изъ-подъ надвинутыхъ на нихъ бровей метали отъ себя какой-то зловѣщій огонь. Недалеко отъ него стоялъ почтмейстеръ съ озабоченнымъ видомъ.

«— А вы въ объятіяхъ природы прогуляли важную сумму (такую-то) общественнаго банка,—сказалъ онъ мнѣ.

«Я думалъ, что онъ корчитъ угрюмую рожу, желая помистифировать меня, какъ случалось ему дѣлать, засмѣялся и отвѣчалъ, что онъ, конечно, шутитъ.

«— Шутка плохая! Не угодно-ли вамъ удостовѣриться въ этомъ. Потрудитесь съѣздить съ господиномъ почтмейстеромъ въ почтовую контору и потомъ въ банкъ—вы удостовѣритесь въ истинѣ моихъ словъ.

«Съ тревожнымъ чувствомъ поѣхалъ я на почту. Тамъ по страховой денежной книгѣ видно было, что за два года назадъ, во время моего управленія, по случаю отсутствія Анонима, Киноваровъ дѣйствительно получилъ съ почты важную сумму и въ полученіи ея

росписался. Ѣду въ банкъ — по денежной книгѣ эта сумма не записана на приходъ.

«— Что, справились? — спросилъ меня иронически Анонимъ, когда я возвратился къ нему съ почтмейстеромъ.—Пораженный своимъ несчастіемъ, будто громовымъ ударомъ, я ничего не отвѣчалъ и закрылъ рукою глаза, изъ которыхъ хлынули слезы.

«Я былъ увѣренъ въ своей невинности, но зналъ, что казенныя деньги, тутъ же и общественныя, не горятъ и не тонутъ (надо прибавить, а только таютъ въ горячихъ рукахъ), и взысканіе ихъ должно пасть на меня съ членами банка. Изъ преступника было выжато все, что можно было выжать на покрытіе суммъ, похищенныхъ во время управленія Анонимомъ. Жена, дѣти послѣ моей смерти остаются безъ куска хлѣба, вся моя будущность отравлена, разбита въ прахъ. Поставьте себя на мое мѣсто, и вы не удивитесь, что я въ первыя минуты моего несчастія заплакалъ, какъ дитя. Твердый подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, я палъ тутъ, какъ самое слабое существо.

«Вотъ какъ совершено преступленіе Киноваровымъ и открыто оно умными, дѣятельными и вѣрными своему долгу петербургскими слѣдователями. Пробираясь по нитямъ его, они потребовали отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ отзыва, какія деньги присылались ими или вносились въ губернскій банкъ. Въ почтовой конторѣ найдено, что тамъ получена была значительная сумма изъ высшаго петербургскаго банка, адресованная въ губернскій, что она принята Киноваровымъ съ почты и не записана имъ въ денежной книгѣ на приходъ, слѣдовательно имъ похищена. За два года до раскрытія этого похищенія Анонимъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ по дѣламъ службы, свидѣтельствовалъ суммы и документы губернскаго банка. Киноваровъ, увѣренный въ успѣхѣ своего преступнаго замысла, заранѣе при-

готовилъ отношеніе въ высшій петербургскій банкъ, подписанное имъ и скрѣпленное секретаремъ, будто по опредѣленію губернскаго общественнаго банка (тогда, когда этого опредѣленія не существовало) посылается столько-то билетовъ, на которые и проситъ прислать за нѣсколько прошедшихъ годовъ проценты. До свидѣтельства же или во время свидѣтельства Анонимомъ билеты выкрадены изъ казеннаго сундука такъ искусно, что онъ этой передержки не замѣтилъ, вложены въ отношеніе и тутъ же посланы въ почтовую контору. Слѣдовательно, билеты похищены при Анонимѣ и приступъ къ похищенію процентовъ сдѣланъ при немъ. Послѣ того онъ оставался еще съ недѣлю въ Прирѣчьѣ. Еслибы онъ въ этотъ промежутокъ времени пригласилъ меня въ губернскій банкъ и сталъ бы сдавать мнѣ суммы и документы, какъ по законамъ слѣдовало, тогда-жъ открылась бы преступная отсылка билетовъ въ Петербургъ, и похищеніе требуемыхъ процентовъ было бы предупреждено. Онъ этого не сдѣлалъ, а далъ мнѣ только предложеніе вступить въ его должность. Мѣсяца черезъ два, три въ отсутствіе его получаются проценты на значительную сумму и съ ними возвращаются билеты. По журналу губернскаго банка, подписаннаго подъ мою руку и членами его, дается довѣренность Киноварову получить съ почты деньги и билеты. Онъ медлитъ близъ мѣсяца принять ихъ изъ боязни, чтобы какъ-нибудь члены не вышли изъ своей дремоты и не вспомнили о данной ему довѣренности, и выжидаетъ для лучшаго успѣха своего подвига удобнаго случая. Случай этотъ представляется. Члены спятъ по прежнему и подписываютъ журналы, не читая ихъ; я занятъ приготовленіями къ пріему одной высокой особы и вслѣдствіе того размѣщеніемъ малочисленнаго войска въ городѣ. Наканунѣ пріѣзда ея Киноваровъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, полу-

чаетъ изъ почтовой конторы деньги и билеты, деньги кладетъ себѣ въ карманъ, а билеты, съ помощью своихъ сообщниковъ, въ денежный сундукъ. При первомъ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ деньги по приходо-расходной книгѣ и журналамъ оказываются на лицо (помните, что тѣ, которыя получены съ почты изъ высшаго банка, не записаны на приходъ), билеты искусно предъявлены мнѣ, членамъ и прокурору. Никто изъ насъ, не подозрѣвая преступленія, не посмотрѣлъ на оборотномъ листѣ надписи, что проценты по нимъ выданы: Вотъ моя единственная вина, если судить меня, какъ провидца. Послѣ того двадцать разъ въ теченіе двухъ лѣтъ Анонимъ съ членами дѣлаетъ ежемѣсячныя свидѣтельства и не видитъ этихъ надписей. Комиссія, секретная и формальная, наряженныя при открытіи первыхъ похищеній Киноварова, тоже не видятъ ихъ. По открытіи петербургскими слѣдователями преступленія, Киноваровъ посаженъ въ острогъ, главный сообщникъ его, секретарь, по особеннымъ видамъ и расчетамъ Анонима, остается въ прежней своей должности нѣсколько лѣтъ. Только впослѣдствіи, когда губернскій судъ разсмотрѣлъ дѣло, не избѣгъ онъ заключенія въ тюрьму, но, посидѣвъ въ ней нѣсколько времени, выпущенъ, однакожъ, изъ нея на поруки по причинѣ, что не спрошены еще всѣ лица, причастныя къ дѣлу, которое болѣе и болѣе разросталось. Меня нѣсколько лѣтъ ни въ продолженіе слѣдствій, ни въ продолженіе суда не спросили ни единымъ словомъ, что мнѣ извѣстно по этому дѣлу, между тѣмъ губернскій судъ приговорилъ меня, наравнѣ съ членами банка, къ уплатѣ похищенныхъ денегъ, отстранивъ по нимъ отъ всякой отвѣтственности своего главнаго начальника и главнаго виновника всѣхъ безпорядковъ въ банкѣ—Анонима. Мудрено ли! онъ могъ во всякое время найти безпорядки *въ подвѣдомственномъ ему судебномъ*

мѣстѣ или пригрѣть членовъ его лучомъ благоволенія. Оговорки суда въ пользу его были условныя, гадательныя, какъ: «*могло бы, если бы, можно полагать, могло статься*» и т. п.

«Я сказалъ, что меня нѣсколько лѣтъ не спросили ни единымъ словомъ, что я могу объяснить по этому дѣлу. Знаю одного собрата моего по такой же должности, какую я занималъ, попавшаго совершенно такъ же, какъ и я, въ приготовленную западню, котораго черезъ 20 лѣтъ по открытіи преступленія, не имъ совершоннаго, но такъ же, какъ и я, присужденнаго губернскимъ судомъ къ уплатѣ важной суммы, спросили, что можетъ онъ сказать въ оправданіе свое. Представьте себѣ, какую нечеловѣческую память долженъ былъ имѣть мой собратъ, чтобы вспомнить и сообразить обстоятельства дѣла, случившагося за 20 лѣтъ. Таковы были во время оно наши суды подъ гнетомъ административнаго вліянія и подъ покровомъ глубокой тайны.

«Послѣ нѣсколькихъ недѣлъ заключенія Киноварова въ острогѣ, Анониму донесли, что онъ умеръ тамъ и, какъ слѣдуетъ, похороненъ. Черезъ дней десять послѣ того полиціймейстеръ, изъ нѣмцевъ; небойкаго ума и характера, по секрету разсказываетъ мнѣ, что хоронилъ Киноварова, но что человѣкъ, котораго онъ хоронилъ, былъ совершенно непохожъ на него.

«— Донесли-ли объ этомъ Анониму во-время? — спросилъ я полиціймейстера.

«— Говорилъ, — отвѣчалъ мнѣ простодушный нѣмецъ.

«— Чтожъ онъ сдѣлалъ?

«— Закричалъ на меня такъ, что я прикусилъ языкъ.

«Мнѣ-то что оставалось дѣлать въ этомъ случаѣ? Подавать бумагу, возбудить слѣдствіе, вырывать мерт-

вое тѣло! Вождь полиціи, боясь гнѣва своего главнаго начальника, отказался бы отъ своихъ словъ, время было упущено, все осталось бы шито и крыто и меня запутали бы въ новыя, нескончаемыя затрудненія. Передъ этимъ случаемъ былъ одинъ почти подобный, хотя не такъ важный, въ тюремномъ замкѣ. Крестьянинъ г-жи П—вой былъ посаженъ въ немъ отъ своей помѣщицы за побѣгъ и разныя воровства, по которымъ и судился. По прошествіи нѣкотораго времени, г-жа П—ва получаетъ черезъ мѣстную земскую полицію повѣстку, что ея крестьянинъ умеръ въ острогѣ, а мѣсяца черезъ два, три этотъ самый крестьянинъ въ образѣ и плоти живого человѣка является къ ней и бросается ей въ ноги, умоляя о прощеніи. Можно вообразить изумленіе помѣщицы, когда она увидала передъ собою живого мертвеца. Что было дѣлать съ нимъ? По совѣту своего зятя, она отдала его въ солдаты... Тѣмъ и дѣло кончилось.

«Ходили въ Прирѣчьѣ подъ сурдиной слухи, что Киноваровъ тайно выпущенъ изъ тюрьмы. Кто содѣйствовалъ его побѣгу, покрыто мракомъ неизвѣстности. Говорили, будто онъ перебрался подъ фальшивымъ паспортомъ въ П. губернію. Вы помните, что я встрѣтился на Кузнецкомъ мосту съ этимъ мертвецомъ въ костюмѣ мѣщанина или купца, помните, какъ я въ первую минуту отчаяннаго порыва вцѣпился было въ него, и онъ отъ меня вырвался. Вы сами встрѣтили его въ гостиницѣ подъ именемъ купца Жучка изъ Динабурга. Немудрено, что онъ выхлопоталъ себѣ подъ этимъ именемъ видъ, приписавшись въ купцы, платитъ гильдейскія повинности и поживаетъ себѣ спокойно. Въ той мѣстности, гдѣ онъ имѣетъ осѣдлость, бѣглые находятъ себѣ безмятежный пріютъ подъ извѣстнымъ покровительствомъ; если-жъ какой-нибудь случай потревожитъ ихъ, то переѣзжаютъ рѣку и ускользаютъ

отъ преслѣдованій въ любой изъ трехъ смежныхъ губерній.

«Жена моя кормила еще нашего меньшого сына Аполлона. Я скрывалъ отъ нея свое несчастіе, чтобы не повредить здоровью ея и ребенка. Меня еще поддерживала надежда, что я, по своей невинности, которую, конечно, признаетъ судъ, не пострадаю. Но меня удивляли какія-то уловки Агнесы скрыть отъ меня признаки горя. Нерѣдко заставалъ я ее въ грустномъ раздумьѣ; увидавъ же меня, она тотчасъ принимала веселый видъ, шутила, смѣялась. Еще болѣе изумило меня, что она, не выждавъ годового срока кормленія ребенка, какъ себѣ предположила, отняла его вдругъ отъ груди. Я не выдержалъ и спросилъ ее о причинѣ такой перемѣны.

«— Другъ мой,—сказала она мнѣ, наконецъ, покачавъ головой, — зачѣмъ скрывать отъ меня то, что всему городу извѣстно? Развѣ ты и я не составляемъ одно существо, развѣ я не сумѣю снести несчастіе, которое угодно было Богу послать на насъ? Понесемъ его вмѣстѣ и облегчимъ другъ другу бремя его. Да будетъ воля пославшаго вамъ это испытаніе! Я увѣрена, что ты чистъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Тотъ, кто несъ крестъ на распинаніе себя. Вотъ дѣло бы другое, если-бы я потеряла твою любовь. О, тогда я не могла бы перенести своего несчастія. Но я знаю, что ты меня любишь, и эту любовь не промѣняю ни на какія сокровища. Умремъ,—Отецъ небесный не оставитъ дѣтей нашихъ.

«Я прижалъ Агнесу къ груди моей и разсказалъ ей все, что вамъ здѣсь разсказалъ. Съ этого времени она удвоила свои горячія ласки, безпрестанно почерпая ихъ въ богатомъ родникѣ любящей души своей, казалась спокойна, весела.

«Вотъ какъ она узнала о похищеніи изъ банка

суммы, падавшей на мою отвѣтственность. Къ ней хаживала вдова канцелярскаго служителя, оставшаяся по смерти мужа съ многочисленнымъ семействомъ безъ всякихъ средствъ къ существованія. Агнеса помогала повременамъ этой женщинѣ. Приходитъ она къ ней и разсказываетъ, что ея сына, лѣтъ двадцати-пяти, служащаго въ общественномъ банкѣ, единственнаго ея кормильца, посадили въ острогъ по подозрѣнію, что онъ былъ участникомъ въ расхищеніи суммъ.

«— Вступитесь, матушка, ваше превосходительство въ наше бѣдственное положеніе,—говорила она женѣ моей, горько плача,—замолвите словечко вашему супругу, попросите его защитить невиннаго отъ напрасной клеветы. Сынъ мой не болѣе виноватъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ его правосходительство Михайла Аполлонычъ.—И разсказала вдова, что слышала отъ сына по дѣлу о расхищеніи суммъ въ банкѣ.

«Дѣйствительно, ея сынъ, единственный честный чиновникъ въ банкѣ, оказался непричастнымъ къ совершонному преступленію и по опредѣленію высшаго суда освобожденъ изъ заключенія, въ которомъ его протомили нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ главный сообщникъ Киноварова оставался на свободѣ и на службѣ секретаремъ въ томъ мѣстѣ, которое они ограбили.

«Недаромъ говорятъ, что одно горе ведетъ за собою цѣлую вереницу ихъ. Появится на небѣ тучка, и набѣгаютъ на нее новыя, облегаютъ все небесное пространство мрачнымъ покровомъ, и разражается ужасная гроза.

«Въ ласкахъ жены моей, въ лепетѣ и играхъ старшихъ дѣтей, въ улыбкѣ меньшого я забылся и сталъ не такъ тревожно помышлять о послѣдствіяхъ киноваровскаго дѣла.

«Получаю изъ В. отъ своего пріятеля письмо, ко-

торымъ онъ увѣдомляетъ меня, что дѣло моего тестя Яскулки приняло несчастный оборотъ. Адвокатъ его, увлеченный нетерпѣніемъ поскорѣе кончить это дѣло, за которое обѣщана ему была значительныя награда, не отыскавъ въ архивахъ нѣкоторыхъ документовъ, необходимыхъ для подкрѣпленія правъ своего довѣрителя на шляхетство, вмѣсто того, чтобы идти по законному пути, вздумалъ, очертя голову, прибѣгнуть къ нечистымъ средствамъ. Въ это время образовалась шайка составителей грамотъ на дворянство и другихъ подобныхъ документовъ. Тутъ были искусные рѣзчики изъ евреевъ, печатники, калиграфы, мастерски поддѣлывавшіе печати и подписывавшіе подъ руку давно истлѣвшихъ польскихъ королей. Многіе по такимъ фальшивымъ актамъ получили шляхетство. Успѣхъ ихъ подстрекнулъ адвоката Яскулки обратиться къ вожакамъ этой шайки. На бѣду негодяевъ, пріѣхалъ въ В. новый губернаторъ, князь Д., человѣкъ энергичный, горячо преданный своему долгу, котораго не могли подкупить не только деньги, но и чары польской женщины. Его память чтутъ доселѣ всѣ честные жители В—ой губерніи, которою онъ управлялъ, къ сожалѣнію, недолго.

«Онъ накрылъ дѣлателей грамотъ на дворянство и разгромилъ шайку ихъ. Адвокатъ моего тестя вмѣстѣ съ другими преступниками былъ преданъ суду, всѣхъ ихъ постигла законная кара. Самъ Яскулка былъ оговоренъ въ этомъ дѣлѣ. Въ одно время съ моимъ пріятелемъ онъ писалъ къ дочери своей письмо, исполненное горькихъ упрековъ, что я, давъ ему слово благороднаго человѣка хлопотать по его дѣлу, не исполнилъ своего обѣщанія, измѣнилъ чести, связямъ родства и т. п. Выраженія были подобраны самыя жестокія, рѣзкія. Оканчивалъ Яскулка свое письмо тѣмъ, что разрываетъ всѣ сношенія съ нами и не хочетъ болѣе

насъ знать, предоставляя Богу судить насъ за наше коварство. Надо было потерять вовсе разсудокъ, чтобы сваливать вину своего адвоката и, можетъ статься, собственную вину на меня и Агнесу, ни въ чемъ невиновныхъ передъ нимъ. Несмотря на эту вопіющую несправедливость и болѣзнь жены моей, пораженной незаслуженнымъ гнѣвомъ отца, испросивъ себѣ отпускъ, я поѣхалъ въ В..

«Яскулка не хотѣлъ принять меня и, чтобы я какъ-нибудь не переступилъ черезъ порогъ его дома, выѣхалъ изъ своего фольварка къ одной родственницѣ. Пренебрегая несправедливымъ гнѣвомъ безумца, я сталъ хлопотать, чтобы не притягивали его къ уголовному суду. Мнѣ это удалось, такъ какъ составленіе фальшивой грамоты было прямымъ дѣломъ его адвоката, уже пострадавшаго за свое преступленіе.

«Намъ съ Агнесой не въ чемъ было упрекать себя по этому дѣлу. Мы писали нѣсколько писемъ къ Яскулкѣ и ни на одно не получили отвѣта.

«Умеръ у насъ меньшой сынъ Аполлонъ.

«Всѣ эти удары, одинъ за другимъ, расшатали окончательно здоровье Агнесы, въ груди ея образовалась ужасная болѣзнь, для исцѣленія которой врачебная наука не нашла еще никакихъ средствъ. Несмотря на сдѣланную здѣсь, въ Москвѣ, операцію, часъ нашей земной разлуки наступилъ. Послѣдняя ея просьба была стараться помириться съ отцомъ ея. Ничего не завѣщала она мнѣ насчетъ дѣтей нашихъ, твердо увѣренная, что это завѣщаніе и безъ словъ ея будетъ свято мною исполнено. Она благословила восьми-лѣтнюю Лизу и пяти-лѣтняго Володю, припавшихъ съ рыданіями къ хладѣющей рукѣ ея, крѣпко пожала мою руку и, устремивъ на насъ послѣдній взоръ, отошла въ лучшій міръ.

«Агнеса умерла въ маѣ. Въ то же время каждый годъ

цвѣтетъ на ея могилѣ бѣлая сирень и кругомъ ея наполняетъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Такъ цвѣла и благоухала душа ея!

«Говорить-ли вамъ послѣ описанія этой ужасной утраты о потерѣ моего имущества? Еще и теперь вычитаютъ изъ моего пенсіона половину.

«Съ Анониномъ мы стали крѣпко не ладить и, наконецъ, совсѣмъ разсорились. Онъ умеръ недавно, оставивъ хорошее состояніе своему семейству. Я переѣхалъ въ Москву, гдѣ живу уже нѣсколько лѣтъ. Родственница моя, Зарницына, о которой говорилъ я вамъ въ первый день нашего знакомства, не имѣя дѣтей, взяла къ себѣ на воспитаніе Лизу, пристроила ее на свой счетъ въ учебное заведеніе, чтобы она была поближе ко мнѣ, заботилась объ ней, какъ о собственной дочери. Володя жилъ при мнѣ долгое время; сначала я самъ училъ его всему, что зналъ, потомъ онъ поступилъ на казенный счетъ въ гимназію; оттуда перешелъ съ помощью той же Зарницыной въ университетъ. Остальное вамъ извѣстно.

«Вотъ вамъ, другъ мой, исторія моей жизни. Какъ видите, много въ ней печальныхъ страницъ, надъ которыми вы призадумаетесь. Но не забудьте, что я съ благодарностью цѣлую десницу, пославшую мнѣ нѣсколько лѣтъ несравненнаго счастія съ моею неоцѣненной Агнесой и моими добрыми дѣтьми».

VI

Михайла Аполлонычъ, раскрывъ Сурмину тайны своей жизни, какъ бы пріобщилъ его къ своему семейству. Сурминъ высоко цѣнилъ этотъ знакъ дружбы, еще болѣе уважалъ его, если можно сказать, благоговѣлъ передъ нимъ. Сколько несчастій пронеслось надъ головою благороднаго старика! Какъ не палъ онъ подъ ударами судьбы! И теперь еще, сколько можно судить, живетъ онъ въ нуждѣ. Изъ его пенсіи, заслуженной столькими годами честной службы, вычитаютъ половину, дочь даетъ уроки по домамъ. Между тѣмъ злодѣй Киноваровъ гуляетъ по бѣлому свѣту, можетъ быть, наслаждается жизнью въ полномъ довольствѣ. И этотъ безумный честолюбецъ Яскулка, довершившій то, что другой началъ...

Въ горячихъ выраженіяхъ молодой человѣкъ изъяснилъ свою благодарность Ранѣеву.

И тотъ, и другой тайно желали скрѣпить узы дружбы, ихъ соединявшія, болѣе тѣсными, родственными. Но Ранѣевъ, слѣдя очами сердца за отношеніями другъ къ другу Сурмина и Лизы, замѣчалъ только съ одной стороны постоянное искательство и неудачу въ немъ, потому что, въ противномъ случаѣ, ничто не

помѣшало бы Андрею Иванычу просить руки ея. Лучшей партіи не могъ желать отецъ для своей дочери. Какое торжественное чувство заставляло его подозрѣвать, что она любитъ другого. И этотъ другой, думалъ онъ, никто, какъ Владиславъ Стабровскій, братъ измѣнника русскаго знамени и едва ли не самъ сторонникъ польскаго дѣла. Онъ былъ увѣренъ, что дочь не преступитъ завѣта его, не отдастъ руки своей врагу Россіи.

Между тѣмъ нѣкоторые признаки, не ускользнувшіе отъ него, особенно послѣднее свиданіе и прощаніе ея съ Владиславомъ въ Прѣсненскомъ саду, горячее заступничество за него послѣ этого свиданія, не разъ повторенное, оставили въ немъ смутное и грустное впечатлѣніе. Можетъ статься, Владиславъ далъ ей слово остаться вѣрнымъ Россіи, убѣдить брата возвратиться къ своему долгу и просить прощенія у Того, Кто въ безпредѣльной добротѣ милуетъ раскаявшихся преступниковъ. Во всякомъ случаѣ, это подозрѣніе сильно тревожило его. Ни однимъ, однакожъ, словомъ не обнаружилъ онъ передъ дочерью грустной тайны души своей, предоставляя разсудку ея и разлукѣ сдѣлать свое дѣло.

Что происходило въ это время съ Сурминымъ? Любовь къ Лизѣ, какъ приливъ и отливъ моря, то набѣгала на его сердце бурными, кипучими волнами, то успокаивалась на мысли, что если она къ нему равнодушна, такъ онъ пуститъ свои горячія надежды по вѣтру и попрежнему обратится къ однѣмъ заботамъ о благосостояніи матери и сестеръ. Его характеръ не былъ романическій, горѣть безнадежно страстью, играть глупую роль селадона или рыцаря печальнаго образа не находилъ онъ себя способнымъ. Такъ же, какъ и старикъ Ранѣевъ, онъ замѣчалъ проблески чувства къ Владиславу, болѣе чѣмъ родственнаго. Не

могъ Сурминъ забыть, какъ въ первый день знакомства съ ними Лиза смутилась при одномъ имени кузена, какъ на вечерѣ Елизаветина дня при появленіи Владислава она измѣнилась въ лицѣ и рука ея, наливавшая чай, сильно задрожала. Хотя лицо Сурмина было полуобращено въ другую сторону, однакожъ, ревнивый взоръ успѣлъ все это уловить. Онъ угадывалъ также, что въ рѣшеніи спора его со Стабровскимъ о польской національности, когда Лиза подала руку побѣдителю, она не могла иначе поступить, хотя и противъ своей воли, боясь гнѣва отцовскаго и суда маленькаго кружка, передъ которымъ происходилъ споръ, да и предметъ состязанія былъ патріотическій, и показать себя сторонницей польскаго дѣла было противно разсудку и сердцу ея. Среди этого раздумья, бросавшаго мысли Сурмина изъ одной стороны въ другую, онъ осторожно вывѣдалъ отъ адвоката своего, Пржшедилсвскаго, что соперникъ его уѣхалъ изъ Москвы въ Бѣлоруссію, можетъ быть, навсегда и тѣмъ положилъ между собою и Лизой вѣчную преграду. Сурминъ, успокоенный этимъ отъѣздомъ, предался опять своимъ надеждамъ. «Къ тому же подозрѣніе не есть еще доказательство», думалъ онъ, и рѣшился узнать отъ самой Лизы свой приговоръ и покончить такъ или сякъ со своею мучительною неизвѣстностью. Онъ увѣренъ былъ, что она неспособна притворятся и прямо объявитъ ему рѣшеніе его участи, и сталъ выжидать случая приступить къ этому рѣшенію. Въ минуты грустнаго настроенія, Сурминъ находилъ отраду въ сближеніи съ привлекательною Тони, въ ея заманчивомъ, игривомъ разговорѣ, въ которомъ высказывались ея умъ и открытый характеръ.

Не только видалъ онъ ее у Ранѣевыхъ, но сталъ посѣщать и въ мезонинѣ, иногда съ Михайлой Апол-

лонычемъ и Лизой, иногда одинъ. Повременамъ играла она ему Шуберта и Шопена или пѣла своимъ чистымъ, задушевнымъ контральто пьесы, какъ она замѣтила, имъ особенно любимыя, то веселыя и разсыпчатыя, то заунывныя, въ которыхъ слышалась натура русскаго человѣка. И во всемъ этомъ не было и тѣни кокетства, хотя и была доля желанія нравиться ему. Самъ Ранѣевъ не пропускалъ случая искусно выставить передъ нимъ ея достоинства. Когда Лизы не было дома, онъ приглашалъ Сурмина посѣтить его дорогую Тони.

— Пойдемъ къ моей второй дочкѣ,—говорилъ ему старикъ,—послушаемъ ея сердечную музыку, отведемъ душу отъ житейскихъ невзгодъ.

И ковылялъ старикъ по крутой лѣсенкѣ въ мезонинъ, поддерживаемый своимъ молодымъ другомъ.

Тони занимала двѣ отдѣльныя отъ братьевъ и сестры комнаты, изъ которыхъ въ одной принимала своихъ посѣтителей. Комната эта была такая хорошенькая, убранная хотя небогато, но комфортабельно и со вкусомъ. При входѣ въ нее васъ опахивало благоуханіемъ цвѣтовъ. Особенно одно померанцевое дерево, подаренное ей Сурминымъ, было осыпано цвѣтами. Ему посвящены были материнскія заботы. Отъ хорошенькаго личика хозяйки вѣяло невозмутимымъ счастіемъ, въ самомъ звукѣ ея голоса былъ такой гармоническій отголосокъ чистой души, такъ пріятно умѣла она занять своихъ гостей, что они, возвращаясь домой, дѣйствительно забывали свои житейскія невзгоды.

Мы сказали, что въ то время, когда Лиза и Владиславъ прощались на береговой дорожкѣ нижняго Прѣсненскаго пруда, никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ за ними наблюдалъ зоркій глазъ соглядатая. Этотъ свидѣтель ихъ прощанія была бой-баба Левкоева. Вы-

ходя со двора, чтобы по дѣламъ своимъ направиться къ Прѣсненскому мосту, она замѣтила, что Лиза повернула къ Горбатому мосту, и, находя, что ей пріятнѣе идти въ обществѣ ея по одному направленію, садомъ, хотя и ощипаннымъ рукой суровой осени, но по песчаной дорожкѣ, чѣмъ по улицѣ, довольно грязной,—она вздумала нагнать Ранѣеву. Раза два Левкоева окликнула ее. Та, вѣроятно, занятая мрачными мыслями, не слыхала ея голоса и вошла въ садъ черезъ ворота Горбатаго моста. Левкоева за нею, сдѣлала уже съ десятокъ шаговъ, но, увидавъ, что Лиза и Владиславъ встрѣтились, остановилась, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ происходить эта встрѣча, и спряталась за древнимъ вязомъ, у рѣшетки, отдѣляющей садъ отъ улицы. Представлялся случай узнать, можетъ быть, какія-нибудь тайныя отношенія двухъ особъ, которыя, казалось ей, были неравнодушны другъ къ другу. Не пропустить же эту оказію даромъ! — И увидала Левкоева, какъ они встрѣтились, какъ жарко говорили, какъ Владиславъ долго держалъ руку Лизы въ своей, цѣловалъ ее (ей померещилось даже, что Лиза поцѣловала его). Видѣла она, что они простились, Лиза махнула ему платкомъ и потомъ приложила платокъ къ глазамъ, вѣроятно, чтобы скрыть свои слезы. Для злораднаго любопытства бой-бабы довольно было и того, что она видѣла, и того, что воображеніе ей подрисовало. Она вышла изъ своей засады, скользнула назадъ къ Горбатому мосту, очутилась на немъ, какъ-будто шла черезъ него съ другой стороны пруда, и повернула въ Девятинскую улицу. Владиславъ, шедшій тоже къ Горбатому мосту, мелькомъ замѣтилъ этотъ маневръ и, нагнавъ ее уже на Девятинской улицѣ противъ овощной лавочки, поравнялся съ нею. Увидавъ, что это Левкоева, жилица Лориныхъ, бывавшая у Ранѣевыхъ, онъ злобно на нее взглянулъ, какъ бы

хотѣлъ убить ее этимъ взглядомъ, и не утерпѣлъ, чтобы не сказать: «домашній эмисаръ!» Левкоева не смутилась, сердито посмотрѣла ему въ лицо и вслѣдъ ему бросила свою отповѣдь: «только не польскій». Тѣмъ и кончилась эта встрѣча.

— Онъ далеко уѣзжаетъ, — думала она, — слѣдственно, для нея не опасенъ.

И вотъ носитъ она тайну свою въ мукѣ ожидаемаго разрѣшенія ея. Не передавать же ее Ранѣеву! Можетъ быть, дочка, подъ видомъ, что ничего не скрываетъ отъ отца, сумѣла сама искусно разсказать ему о прощаніи своемъ со Стабровскимъ, утаивъ, конечно, поцѣлуи и слезы. Отецъ, не чающій души въ дочери, не повѣритъ словамъ вѣстовщицы, на которую онъ съ нѣкотораго времени нападаетъ своими сарказмами. Хотя бы Левкоева въ минуту добраго его стиха и разсказала ему поосторожнѣе, что видала, чтожъ пользы, какія выгоды отъ этого получитъ она для себя? Вотъ дѣло бы другое—Сурмину. Онъ человѣкъ богатый, показалъ свою щедрость, давъ для бѣдной вдовы двѣ двадцатипяти-рублевыя депозитки, и можетъ ей самой въ нуждѣ пригодиться. Онъ неравнодушенъ къ Лизѣ и радъ будетъ узнать, что ея строгость только маска, накинутая на себя, чтобы скрыть свои настоящія чувства, и оцѣнитъ услугу преданной ему женщины. Кстати ужъ и отомстить Ранѣеву за дерзкія его выходки противъ нея и сына, отмстить за холодность и гордость дѣвчонки, тоже съ нѣкотораго времени видимо не взлюбившей ея. Если Сурминъ думаетъ женится на ней, такъ не бывать этому — недаромъ же зовутъ ее бой-бабой. Дней съ десятокъ поносилась она со своимъ бременемъ въ нерѣшительности исполнить задуманное ею и отчасти въ тревогѣ нечистой совѣсти. Что ни говори, а въ подобномъ дѣлѣ, гдѣ замѣшана честь дѣвушки, и у отважнаго человѣка

опустятся руки. Однакожъ, измучившись своими долгими колебаніями, она рѣшилась отправиться къ Сурмину. Его не было дома. Поѣхала дня черезъ четыре. —опять неудача. Тутъ неожиданно упала на нее съ неба особенная благодать. Какой-то добрый, вліятельный въ обществѣ господинъ, тронутый разсказомъ о ея бѣдномъ, несчастномъ положеніи, предложилъ устроить въ пользу ея благородный спектакль, съ тѣмъ, чтобы она сама въ немъ играла. Сборъ выдастся ей секретно, публика не будетъ знать, въ чью пользу онъ устроенъ, ей же поручатъ раздачу билетовъ и сочиненіе исторіи насчетъ бѣднаго, анонимнаго семейства, участь котораго желаютъ облегчить. На выборъ пьесы, актеровъ, помѣщенія для сцены и приготовленіе прочихъ аксесуаровъ, необходимыхъ для спектакля, еще болѣе для выучки ролей, потребовалось недѣли двѣ. Наконецъ, Левкоева сбросила съ себя эту обузу, она свободна! Надо было развозить билеты. Кстати случилась новая размолвка съ Ранѣевыми, и она поспѣшила воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поточить свое жало на оселкѣ злословія.

Было десять часовъ утра — лучшее время застать Сурмина дома.

Сидя въ своемъ шлафрокѣ, онъ пилъ чай, когда слуга доложилъ ему о приходѣ статской совѣтницы Левкоевой.

«Зачѣмъ чортъ принесъ?» — подумалъ онъ и велѣлъ все-таки просить ее. Переодѣвшись, онъ принялъ бой-бабу со всею свѣтскою вѣжливостью, всегда строго соблюдаемою имъ передъ дамами, кто-бы онѣ ни были.

— Ожидалъ ли баринъ такую раннюю гостью? — сказала она своимъ бравурнымъ тономъ, хлопнувъ съ высоты подъема своей руки по рукѣ, ей протяну-

той.—Я ужь раза три была у *него* и все-таки не поймала вѣтренника дома.

— Очень жалѣю, что невольно заставилъ васъ такъ много безпокоиться, — отвѣчалъ Сурминъ, усаживая свою гостью около чайнаго стола, — вы могли бы приказать мнѣ явиться къ вамъ. Не угодно ли чаю?

— Я вполнѣ русская, и потому отъ чаю никогда не отказываюсь; нынѣ же такъ сыро и холодно, что не худо согрѣть старыя кости, которымъ давно пора на погостъ.

— Ужь и старыя кости,—замѣтилъ Сурминъ, усмѣхаясь, — униженіе паче гордости. Вы еще такъ цвѣтете, полны жизни.

— Комплименты въ сторону; я пріѣхала къ вамъ по дѣлу, мой добрѣйшій господинъ.

— Иначе я и не предполагалъ, вы вѣчно хлопочете за другихъ, ангельская душа.

— Не говорита этого: намъ, бѣднымъ пассажирамъ на утломъ суденышкѣ по треволненному жизненному морю, приходится хлопотать и за себя. Особенно, когда имѣешь на рукахъ сынка, требующаго всего отъ матери. Чтожъ дѣлать? — прибавила, она вздохнувъ,—иные сынки содержатъ свою мать, а мое дитятко вздумало въ кавалерію. Вы знаете, какъ тамъ нужны пенензы и пенензы.

Говоря это, она прихлебывала чай урывками отъ своей рѣчи.

— А какой у васъ ароматный чай! Я давно не пивала такого и попрошу у васъ другую чашку. Гдѣ вы его покупаете?

— Право, не помню,—отвѣчалъ онъ, наливая другую чашку.—Если бы смѣлъ, я предложилъ бы вамъ вступить со мною въ дѣлежъ изъ цибика, только-что початого.

— Развѣ для хвастовства, попотчевать какую-нибудь сіятельную.

— Сережа,—закричалъ Сурминъ и, когда слуга явился, велѣлъ ему подать цибикъ и два листа оберточной бумаги самаго большого формата.

Цибикъ съ двумя листами бумаги былъ принесенъ, отъ него понесло чайнымъ ароматомъ. Левкоева стала махать на себя руками, какъ бы желая подышать воздухомъ, который былъ имъ напитанъ. Андрей Иванычъ стаканомъ и ложкой бережно насыпалъ на каждый листъ по цѣлой горѣ чаю и приказалъ слугѣ хорошенько завернуть и отдать барынѣ, когда она отъ него выйдетъ.

— Смотри, Сережа,—сказала Левкоева, у которой глаза заискрились отъ полученнаго подарка,—заверни и увяжи получше въ двойную бумагу, чтобы благодать, благодать-то не улетучилась;—потомъ, обратясь къ хозяину, промолвила, — ого, какіе вы щедрые! видно, что служили въ кавалергардахъ. Впрочемъ, всякое даяніе благо, особенно когда предлагается такъ любезно. Большое, пребольшое спасибо (она протянула черезъ столъ руку). Дай Богъ вашимъ сердечнымъ и денежнымъ дѣламъ въ гору.

— Вотъ денежная статья отличная,—сказалъ Сурминъ, притворяясь человѣкомъ корыстолюбивымъ.— Сантиментальность въ наше время поступила въ архивъ. Кабы вы мнѣ посватали богатую невѣсту, какую-нибудь купчиху.

— За этимъ дѣло бы не стало, еслибъ вы говорили искренно. Теперь потолкуемъ о моемъ дѣлѣ, а тамъ примемся за сердечныя, провѣримъ васъ.

— Готовъ внимать.

— Извольте видѣть, мой безцѣнный, мы съ однимъ добрымъ человѣчкомъ устроили благородный спектакль въ пользу одного благороднаго семейства. Ужь

это не изъ той мелочи, для которой я на-дняхъ хлопотала и которой вы такъ великодушно помогли—подымай выше! Я принимаю въ этомъ спектаклѣ участіе, играю роль сварливой барыни съ язычкомъ, какъ бритва, видите, роль совершенно по мнѣ.

— Вы и себя по привычкѣ не жалѣете.

— Нечего грѣха таить, вижу и свой сучекъ въ глазу.

— Увѣренъ, что сыграете свою роль мастерски.

— Безъ хвастовства скажу, на репетиціи всѣ были отъ меня въ восторгѣ. На меня же взвалили обузу развозить билеты; вы, конечно, не откажетесь взять парочку.

— Хоть пять.

Левкоева вынула изъ своего портмоне пять билетовъ и вручила ихъ Сурмину Онъ сходилъ въ сосѣднюю комнату и передалъ ей двадцатипяти-рублевую кредитку.

— Давно были у Ранѣевыхъ?—спросила она.

— Дня съ три, четыре, право, не помню

— Прекрасное семейство! Жаль, что несчастія сдѣлали старика раздражительнымъ, сталъ накидываться и на друзей своихъ

— Я замѣтилъ, что въ этихъ случаяхъ правда всегда на его сторонѣ. Уважаю его, какъ бы онъ мнѣ былъ отецъ родной.

Левкоева лукаво погрозила ему пальцемъ.

— Или около того. Признайтесь, вы не совсѣмъ равнодушны къ дочкѣ.

— Какъ и всякій другой, кто увидѣлъ бы ее хоть разъ. Но до серьезной любви, до посягательства на ея руку очень далекъ.

— Нечего сказать, дивно увлекательна. Между нами, une tête exaltée. Съ виду гордая, холодная, на-

стоящая Семирамида, у ногъ которой все должно преклоняться, а между тѣмъ...

— Чтожъ?

— Бѣда, если полюбитъ какого-нибудь красавца съ такою же горячей головой, съ такимъ же пылкимъ сердцемъ, какъ у нея, и оба бросятся въ омутъ приключеній.

Сурминъ успѣлъ хорошо узнать Левкоеву, зналъ, что злословіе—ея пятая стихія, но, заинтересованный разговоромъ о Ранѣевыхъ и своею ревностью, невольно слушалъ ее съ видимымъ участіемъ.

— Она такъ разсудительна,—замѣтилъ онъ,—что, конечно, не полюбитъ сорванца.

— Кто знаетъ, можетъ быть и полюбила. Говорю это изъ сожалѣнія, изъ желанія этой превосходной дѣвушкѣ, тутъ же и вамъ добра.

Сурминъ благодарилъ кивкомъ головы.

— Молю Бога, чтобъ она избавилась отъ злого навожденія. Сказала бы больше, да боюсь, не причли бы моихъ словъ къ привычкѣ чесать языкъ насчетъ ближнихъ. Я такъ люблю, такъ предана этому семейству, оно же такъ много пострадало въ жизни своей. Считаю за смертный грѣхъ прибавить къ его горю новое.

— Вѣрю вамъ, и я люблю, уважаю много это семейство и не потерпѣлъ бы злословія насчетъ кого-либо изъ членовъ его. Убѣжденъ, что Лизавета Михайловна чиста, какъ золото безъ лигатуры...

— О! и я за это ручаюсь сама. Но искушенія ежедневныхъ сближеній съ красивымъ, пылкимъ, умнымъ молодымъ человѣкомъ... Къ тому-жъ кузенъ, хоть и седьмая вода на киселѣ... родственныя отношенія, подъ прикрытіемъ которыхъ говорится многое, чего не дозволено постороннему, высказываются тайны сердечныя краснорѣчиво, съ жаромъ... нынѣ, завтра, мѣсяцы... И металлъ поддается. Сердце — не камень.

Лизавета Михайловна въ порѣ разгара страстей, кипучая натура.. И вы не удивитесь, если они оба потеряли головы.

— Однакожъ, я думаю,—сказалъ Сурминъ не безъ тревожнаго чувства, — что у нея достанетъ довольно благоразумія, довольно любви къ отцу, чтобы не впасть въ искушеніе, вопреки волѣ его, питать надежду въ сердцѣ того, кто...

— По національности своей непріязненъ къ Россіи, скажете вы.

— Да, покинуть отца, который вдали отъ сына видитъ въ ней свое единственное утѣшеніе и опору, да это святотатство, на которое способна только безумная женщина.

— Конечно, до этого дѣло не дошло. Отецъ можетъ умереть... Чѣмъ бѣсъ не шутитъ! Помните Елизаветинъ день, помните сцену, когда Владиславъ вошелъ, какъ демонъ (я замѣтила, что онъ былъ немного выпивши).

— Ужь будто и это!

— Глазъ мой вѣренъ. Да, еслибъ не вино, не сталъ бы городить такой вздоръ, особенно къ концу вашего спора. Сравнивая свою судьбу со счастливою жизнью вашего адвоката, онъ высказалъ передъ нами тайну своего сердца. Замѣтили ли, какъ Лизавета Михайловна при появленіи его сдѣлалась бѣлѣе скатерти на чайномъ столѣ? Рука ея задрожала такъ, что, я думала, чайникъ выпадетъ и произойдетъ какой-нибудь скандалъ. Видѣли ли вы все это?

— Признаюсь, я былъ занятъ приходомъ новаго лица, меня интересовавшаго, и ничего не замѣтилъ. Впрочемъ, это все догадки безъ доказательствъ, можетъ быть и миражъ вашего подозрительнаго, лукаваго характера. Вы могли видѣть признаки страсти въ томъ, въ чемъ другіе видѣли одну случайную тревогу души.

Не забудьте, Владиславъ бывшій другъ дома, родственникъ ихъ, еще прежде Елизаветина дня онъ оскорбилъ отца и, слѣдственно дочь, безразсуднымъ разговоромъ о польской національности въ Бѣлоруссіи, давно не былъ у нихъ и вдругъ нежданно, негаданно явился именно въ день ея ангела.

— Хорошо бы, еслибъ это такъ было. Но я могу сказать еще болѣе, могу сказать то, что видѣла собственными глазами. Ужь не негодованіе за оскорбленіе патріотическаго чувства, а доказательство истинной любви...

— Любопытно, однакожъ, знать, что̀ вы видѣли, хоть для того, чтобы посмѣяться.

— Если вы уважаете эту дѣвушку, такъ, конечно, не смѣхъ возбудитъ мой разсказъ. Еще оговорку. У меня одинъ сынъ; каковъ ни есть, онъ дорогъ матери. Отними его, Господи, у меня, если я хотя въ одномъ словѣ покривлю душой въ томъ, что вамъ передаю. Слушайте же.

И разсказала Левкоева все, что ей удалось нечаянно увидѣть на береговой дорожкѣ Прѣсненскаго пруда. Когда-жъ дошла до того, какъ Владиславъ цѣловалъ у Лизы руку, какъ она сама поцѣловала его и плакала, прощаясь, Сурминъ не выдержалъ и, вспыхнувъ, спросилъ:

— И она сама поцѣловала? Не обмануло ли васъ разстояніе?

— Не такое же оно было большое, чтобы глаза мои могли меня обмануть. Впрочемъ, я увѣрена, что тайна эта останется между нами.

— Не можете сомнѣваться. Впрочемъ, я и тутъ не вижу ничего особенно предосудительнаго, ничему не удивляюсь. Конечно, поцѣлуй, если вы не ошиблись, данный тайно мужчинѣ,—важный, роковой актъ любви. Но вѣдь и то сказать, она прощалась съ кузеномъ...

Владиславъ уѣзжалъ далеко, можетъ статься, навсегда... увлеченіе въ этихъ случаяхъ простительно. Вѣрьте, тайна, переданная мнѣ, хотя она мнѣ ни на что не пригодна, будетъ зарыта въ душѣ моей, какъ бы это была тайна моей сестры. Честь дѣвушки — такое сокровище, котораго не возвратишь, если оно разъ потеряно. Умоляю васъ сохранить между нами то, что вы мнѣ передали. Въ противномъ случаѣ, вы найдете во мнѣ ожесточеннаго врага — клянусь вамъ въ томъ честью своей.

Послѣднія слова сказалъ Сурминъ рѣшительнымъ, строгимъ голосомъ.

Разговоръ болѣе не клеился. Левкоева замѣтила, что онъ былъ смущенъ, разстроенъ, да и самоё ее тревожилъ червякъ въ сердцѣ. Разстались, повидимому, друзьями, повторивъ обѣщаніе свято хранить тайну, извѣстную только имъ двумъ

Онъ проводилъ ее до дверей, сказавъ слугѣ, чтобы не забылъ передать ей чай.

— Мерзкая, низкая женщина! — вырвалось у него изъ груди, когда онъ воротился въ комнату.—Мнѣ казалось, рука моя дотронулась до какой-то гадины, которую стоитъ только пришибить камнемъ.

— Сережа!—закричалъ онъ,—дай мнѣ умыть руки.

Разсказъ Левкоевой, какъ ни находилъ Сурминъ источникъ его нечистымъ, сдѣлалъ, однакожъ, на него сильное впечатлѣніе. Порѣшить какою-нибудь развязкой со своею любовью и поскорѣе—сдѣлалось для него необходимостью, которую ничто не должно было измѣнить. Могла бой-баба и прилгать по своему обыкновенію, можетъ быть изъ чувства мщенія за какую-нибудь воображаемую обиду со стороны Ранѣевыхъ. Но все-таки, какъ ни обертывай это обстоятельство, оно накидываетъ какую-то тѣнь подозрѣнія на отношенія Лизы къ Владиславу Разсудокъ и сердце велятъ ему

разрубить гордіевъ узелъ, такъ крѣпко затянувшійся. Лизѣ, ей одной, безъ свидѣтелей, долженъ онъ передать откровенно свою душевную тревогу и услышать отъ нея свой приговоръ, которымъ все, еще смутное для него, все неразгаданное должно объясниться. Но какъ это сдѣлать безъ свидѣтелей, въ томъ заключалась трудная задача.

Былъ конецъ октября на дворѣ, въ одну ночь выпалъ частый снѣгъ при легкомъ морозцѣ, все утро до полудня сѣялъ онъ густыми хлопьями. Замелькали сани по улицамъ. Жители нашего сѣвера такъ же рады первымъ признакамъ зимы, какъ и появленію первыхъ теплыхъ дней мая. Наша осень со своею слякотью нагоняетъ хандру, ѣзда по грязи несносна. То-ли дѣло родная матушка-зима! Она подстилаетъ вамъ ровный, какъ скатерть, путь, румянитъ щеки красавицы, сбрасываетъ нѣсколько лѣтъ съ плечъ старика, все въ это время оживляется. Наканунѣ былъ Сурминъ у Ранѣевыхъ. Ему сказали, что Тони не такъ здорова и не должна дня два выходить изъ комнаты. Онъ изъявилъ свое сожалѣніе, но внутренно доволенъ былъ, что одинъ человѣкъ, и самый важный, не помѣшаетъ его объясненіямъ съ Лизой. Надо было освободиться отъ присутствія Михайлы Аполлоныча, и на это составилъ онъ свой планъ.

«Если завтра,—думалъ Сурминъ,—не будетъ оттепели и путь не испортится, пріѣду къ Ранѣевымъ на ямской тройкѣ и приглашу Лизу прокатиться со мною. Она не изъ щепетильныхъ барышень и, конечно, не откажется, Михайла Аполлонычъ и подавно дастъ свое согласіе.

Сама природа содѣйствовала ему. Онъ прикатилъ на лихой тройкѣ съ рысакомъ въ корню и завивными на пристяжкахъ въ самыя сумерки, когда фонари только-что зажигались и великолѣпный фонарь на небѣ

дѣлалъ свѣтъ ихъ ненужнымъ. Все устроилось по его желанію. Лиза съ удовольствіемъ согласилась на предложенное ей катанье. Михайла Аполлонычъ видимо доволенъ былъ, что молодой человѣкъ, котораго онъ такъ любилъ, будетъ какой-нибудь часъ наединѣ съ дочерью. Можетъ быть, въ этотъ часъ разрѣшатся его надежды. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою затаенную мысль, и всѣ они, какъ-будто нарочно, условились устроить это partie de plaisir. Пролетѣлъ ямщикъ на своихъ вихряхъ-коняхъ нѣсколько улицъ, такъ что огни фонарей казались сѣдокамъ одною лучистою, огненною полосой и дома быстро двигались мимо нихъ. Лиза видимо не боялась такой быстрой ѣзды. Сердце у Сурмина сильно стучало. Подлѣ него сидѣла та, которая въ этотъ часъ должна рѣшить его судьбу. Прекрасное лицо ея озарялось матовымъ свѣтомъ мѣсяца, черные глаза ея горѣли необыкновеннымъ огнемъ. «Еслибъ эта женщина была моя»,—думалъ онъ,—«съ какимъ удовольствіемъ полетѣлъ бы я съ ней рука въ руку, хоть на край свѣта». Но Лиза была не *его*, и онъ приступилъ къ цѣли, имъ задуманной. Ямщику велѣно ѣхать тише, Сурминъ говорилъ съ Лизой по-французски, чтобы тотъ не понялъ ихъ разговора.

— Я устроилъ это tête-à-tête съ вами, — началъ онъ,—не для пустого удовольствія прокатить васъ.

— Я это угадывала, — отвѣчала Лиза, — и вы видѣли, какъ я охотно приняла ваше предложеніе.

Онъ сталъ объяснять ей свои чувства, глубокія, неодолимыя, зародившіяся въ душѣ его съ первой встрѣчи съ нею, говорилъ, что она должна была ихъ замѣтить, что мука неизвѣстности, раздѣляетъ ли она эти чувства, сдѣлалась для него невыносимой, и потому умоляетъ ее рѣшить его судьбу. Всѣ подобныя объясненія влюбленныхъ почти на одинъ ладъ, съ нѣкоторыми варіантами. Пламенная рѣчь Сурмина дышала такою лю-

бовью, такою преданностью, она изливалась изъ сердца открытаго, благороднаго. Та, къ которой относились его слова, не могла сомнѣваться въ искренности ихъ. Наконецъ, она отвѣчала:

— Я ожидала этого объясненія, скажу болѣе, я его желала. Увѣрены ли вы, что говоритъ съ вами женщина, которой слова такъ же честны, какъ и душа ея?

— Увѣренъ такъ же, какъ и въ томъ, что есть Богъ.

— Что разъ сказанное мною не въ состояніи измѣнить никакая власть на землѣ?

— Убѣжденъ въ твердости вашего характера и тѣмъ болѣе поклоняюсь вамъ.

— Считаете ли вы меня другомъ своимъ, лучшимъ другомъ послѣ отца моего?

— Счастливъ бы я былъ, еслибъ могъ имъ назваться.

— Дайте же мнѣ вашу руку, другъ мой, братъ мой.

Сурминъ подалъ ей свою руку, Лиза крѣпко пожала ее и продолжала:

— Теперь, сбросивъ съ души все, что могло затруднить мои объясненія съ вами, скажу вамъ то, что должна сказать для общаго нашего спокойствія. Не хочу васъ обманывать. Вы мнѣ раскрыли свое сердце, также честно раскрою вамъ свое. Я не могла не замѣтить, что вы ко мнѣ болѣе, чѣмъ неравнодушны, что лучшее желаніе моего отца, хотя онъ мнѣ прямо не говорилъ, было бы назвать васъ членомъ нашего семейства. Осуществить это желаніе было бы для него истиннымъ счастіемъ. Но я, неблагодарная, безразсудная дочь, готовая пожертвовать ему своею жизнью, не хочу, даже и за цѣну его счастія, продать свою душу. Я знаю ваши достоинства, знаю, что была бы съ вами счастлива, но не могу отдать вамъ съ рукою своей сердца чистаго, никого не любившаго прежде, сердца,

васъ достойнаго. Зачѣмъ не явились вы къ намъ за годъ прежде! Я была бы ваша.—На глазахъ Лизы выступили слезы.—Теперь, другъ мой, скажу вамъ то, чего не говорила близнецу моего сердца, Тони, не говорила даже отцу. Таково мое довѣріе къ благородству вашему. Я любила, можетъ быть, еще люблю... Скажу еще болѣе, даже тотъ, кого я любила, не знаетъ этого вполнѣ. Разсудокъ, обстоятельства, отецъ, патріотизмъ, все было противъ этого чувства

— Неужели этотъ счастливецъ Владиславъ?

Лиза ничего не отвѣчала.

— Но онъ ужь уѣхалъ и едва-ли не навсегда.

— Я простилась съ нимъ навсегда.

— Если-жъ онъ врагъ Россіи?

— И я буду его врагомъ Чтожъ вамъ и тогда въ сердцѣ, которое въ другой разъ такъ любить не можетъ, измятомъ, разбитомъ, сокрушенномъ? Я обманула бы васъ, еслибъ отдала вамъ руку свою, не отдавъ вамъ нераздѣльно любви своей. Хотите ли жену, которая среди ласкъ вашихъ будетъ думать о другомъ, хоть бы для нея умершемъ?

— Боже меня сохрани отъ этого несчастія!

— Видите, какая я странная, безумная, непохожая на другихъ женщинъ. Оцѣните мою безграничную довѣренность и останемся...

— Друзьями,—договорилъ Сурминъ, глубоко вздохнувъ.—Я у ногъ вашихъ, преданный вамъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо. Если постигнетъ васъ какое-либо несчастіе... (молю Бога отвратить его отъ васъ), жизнь ваша не усыпана розами... могутъ быть случаи... обратитесь тогда ко мнѣ, и вы найдете во мнѣ человѣка, готоваго пожертвовать вамъ всѣмъ, чѣмъ можетъ только располагать.

Такъ кончилось это объясненіе, давно обоими желаемое. Сурмину казалось, что съ груди его свалился

тяжелый камень: гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, подлѣ него сидѣла ужь *сестра* его.

Они ѣхали по площади такъ-называемыхъ «Старыхъ тріумфальныхъ воротъ».

— Въ поле, гдѣ шире! — закричалъ Сурминъ ямщику,—прокати молодецки.

Замелькали опять передъ ними огни фонарей, и пронеслись мимо дома Тверской-Ямской, и отступили отъ нихъ, какъ-будто въ страхѣ, миѳологическіе гиганты, безмолвные стражи новыхъ тріумфальныхъ воротъ. Вотъ они миновали Петровскій паркъ, Разумовское. Снѣжное поле, и надъ ними по голубому небесному раздолью плыветъ полный, назрѣвшій мѣсяцъ. Широко, привольно, словно они одни въ мірѣ, дышится такъ легко.

Ямщикъ укоротилъ возжи, поѣхалъ шагомъ и запѣлъ звонкимъ, пріятнымъ голосомъ пѣсню «про ясны очи, про очи дѣвицы-души». Пѣснь его лилась яркою струей, кругомъ тишина невозмутимая, хотя бы птица встрепенулась. Когда онъ кончилъ ее словами: «Ахъ, очи, очи огневыя, вы изсушили молодца», страстно заныла душа пѣвца.

— Не знаешь-ли другой, поновѣе?—спросилъ Сурминъ ямщика.

— Какъ не знать, ваше сіятельство, — отвѣчалъ молодой парень, приподнявъ немного шапку. — Спою вамъ перваго сорта, выучилъ меня школьникъ, что ходитъ въ верситетъ на Моховую. Стоялъ нонѣшнимъ лѣтомъ въ жниво у насъ въ деревнѣ, сложилъ для одной зазнобушки писанной, словно барыня, что сидитъ въ саняхъ.

И запѣлъ ямщикъ новую пѣснь съ жаркимъ колоритомъ звуковъ.

«Запахнись скорѣе, красно-солнышко,
Дальнимъ, темнымъ лѣсомъ, частымъ ельничкомъ
Холодкомъ плесни, роса вечерняя.
Больно истомилась, измоталася,
Цѣлый день съ серпомъ къ землѣ склоняючись.
А придешь какъ на свиданье, миленькій,
Встрепенуся, будто сиза утица,
Что въ студеной рѣчкѣ искупалась.
Постелю тебѣ, дружокъ, постелюшку
Мягче пуха, пуха лебединаго,
Отберу снопы всѣ съ василечками.
Расцѣлую друга въ очи ясныя
И въ уста твои, что слаще сахару,
И забудемъ, есть ли люди на свѣтѣ,
Кромѣ насъ съ тобою двухъ, мой яхонтный.
Слышишь, бьетъ, стучитъ, какъ во ржи перепелъ?
Бьется такъ вътруди моей сердечушко,
Мила друга къ ночи поджидаючи».

Тревожное чувство закралось въ сердце Лизы, она боялась долѣе поддаться ему; ее проняла какая-то дрожь, это не могло быть отъ легкаго, едва замѣтнаго морозца, она была окутана тепло.

— Пора домой, — тихо проговорила она своему спутнику,—отецъ будетъ безпокоиться.

Они поѣхали домой; когда-жъ вышли у крыльца домика на Прѣснѣ, Лиза сказала ему глубоко-задушевнымъ голосомъ.

— Благодаря вамъ, я была болѣе часа счастлива, и этимъ вамъ обязана.—Сурминъ высадилъ ее изъ саней и поцѣловалъ протянутую ему руку, которую уже никогда не могъ назвать своею.

«Чтожъ сказала бы Левкоева, увидѣвъ насъ въ эту минуту»,—подумалъ онъ.

Отуманенная всѣмъ, что испытала въ этотъ вечеръ, Лиза еще разъ поблагодарила его за удовольствіе, ей доставленное, и, сказавъ отцу, что немного устала, удалилась въ свою комнату.

Вслѣдъ затѣмъ простился и молодой человѣкъ съ Михайломъ Аполлонычемъ. Ничего не было промолвлено о томъ, чего ожидалъ отецъ, ни слова не было произнесено и въ слѣдующія свиданія ихъ. Тони скоро выздоровѣла и посѣтила свою подругу. Разговорились о санномъ катаньѣ.

— Выдался же такой прекрасный вечеръ, — сказала Лиза, — какъ будто Господь устроилъ его для насъ. Посмотри, какая теперь оттепель и по улицамъ мѣсиво.

Тони слушала ее съ трепетнымъ участіемъ.

— А знаешь-ли, душа моя, что въ этотъ вечеръ Сурминъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

Тонкій румянецъ сбѣжалъ съ лица Лориной, губы ея побѣлѣли.

— Чтожъ, ты отвѣчала? — спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Рѣшительно отказала ему.

— Ему?

Тони произнесла это слово, какъ будто ея подруга совершила святотатство.

— Да, ему.

— Такому милому, прекрасному человѣку! Онъ имѣетъ все, что можетъ составить счастіе женщины.

— Только не мое. Развѣ не говорила ужь тебѣ, что я-то не могу составить его счастья. Я это ему то-же сказала. Обманъ въ этомъ случаѣ былъ бы съ моей стороны преступленіемъ. Такой умный, благородный, богатый молодой человѣкъ можетъ устроить себѣ партію получше меня.

— Не о богатствѣ его рѣчь, а о душевныхъ достоинствахъ.

— Ихъ оцѣнитъ другая и отдастъ ему вмѣстѣ съ рукою чистое сердце свое. Моя участь не такова.

— Странное, причудливое существо! — довершила этотъ разговоръ Тони.

VII

Сурминъ не былъ на представленіи піесы, въ которой подвизалась бой-баба, но слышалъ, что ее осыпали рукоплесканіями за прекрасное, художественное исполненіе ея роли. Чтобы она не тревожила его болѣе своими посѣщеніями, онъ приказалъ слугѣ не принимать ее, если придетъ. Ранѣевы были къ ней такъ холодны, что она перестала ихъ посѣщать и переѣхала на другую квартиру. Несмотря на сценическое торжество свое и хорошій кушъ, полученный ею съ театральнаго сбора, она была неспокойна, но не смѣла распускать, какъ бы хотѣла, нечистыхъ вѣстей на счетъ Лизы, боясь мщенія Сурмина, котораго, знала она, слово было дѣло. Въ половинѣ декабря получилъ онъ отъ матери слѣдующую телеграмму: «*Дядя твой умеръ скоропостижно, не сдѣлавъ духовнаго завѣщанія. Ты останешься его единственнымъ наслѣдникомъ. Пріѣзжай поскорѣе. Анастасія Сурмина*» Онъ простился съ друзьями своими, жившими въ домикѣ на Прѣснѣ, и поспѣшилъ съ адвокатомъ своимъ по Николаевской желѣзной дорогѣ къ матери, оставивъ позади себя двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ и старика, его истинно по своему любившихъ. Михайла Аполлонычъ провожалъ его, какъ сына, своими благословеніями. Каза-

лось, квартира Ранѣевыхъ и комнаты Тони безъ него опустѣли. И ему самому было грустно разставаться съ ними. Его сердце такъ стройно сжилось съ ними, ему такъ отрадно было въ ихъ кружкѣ, какъ-будто для него не существовало другого міра, кромѣ того, который заключался въ этомъ кружкѣ и собственномъ его семействѣ. Старикъ видимо скучалъ, сдѣлался нетерпѣливъ, раздражителенъ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало. Двѣ подруги, каждая питая къ отсутствующему разнородныя чувства, находили особенное удовольствіе говорить объ немъ и между тѣмъ посвящали нѣжныя заботы свои дорогому для нихъ старцу. Вторая дочка его, въ отсутствіе родной, когда та ходила давать уроки, старалась всячески разсѣять его мрачныя мысли то завлекательною бесѣдой, то чтеніемъ, иногда музыкой. Усердной, преданной, горячо любящей сидѣлкой была у него нерѣдко и Крошка-Доритъ. Правда, повременамъ успокоивали его письма отъ сына изъ Царства Польскаго. Въ нихъ увѣдомлялъ Володя, что здоровъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ военныхъ дѣйствій, что ему поручено полковое знамя и онъ этимъ гордится, что любимъ командиромъ полка, любимъ обществомъ офицеровъ и особенно друженъ съ братомъ Лориныхъ. Несмотря, однакожъ, на эти успокоительныя извѣстія и нѣжныя попеченіи кровнаго и названныхъ членовъ его семейства, Ранѣева тяготило какое-то томительное предчувствіе, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета и отъ котораго не въ силахъ былъ избавиться. Сердце Лизы растравляло грустное, болѣзненное состояніе ея отца. Нерѣдко почитала она себя отчасти виновницей этой душевной тревоги.

«Я могла бы утѣшить, осчастливить его, еслибъ не отказала Сурмину. Слава Богу, онъ этого не знаетъ, можетъ быть, думаетъ, что и самъ Сурминъ не дѣ-

лалъ мнѣ предложенія. Воротить прошедшаго невозможно, я исполнила свой долгъ, къ тому-жъ... Тони любитъ его, я это замѣтила», думала Лиза, и эта мысль нѣсколько успокоивала ея совѣсть.

Общій любимицъ ихъ писалъ изъ Прирѣчья къ Михайлу Аполлонычу, что «не забываетъ ихъ среди пріятной жизни въ своемъ семействѣ и хлопотъ по наслѣдству, заочно познакомилъ ихъ съ матерью и сестрами, которыя, не видавши еще ихъ, полюбили.— Когда кончатся мои дѣловыя заботы, — прибавлялъ онъ,—непремѣнно привезу ихъ въ Москву, чтобы онѣ сами могли оцѣнить душевныя качества, которыми жители дома на Прѣснѣ скрасили мою московскую жизнь и замѣнили мнѣ мое кровное семейство».

При этомъ случаѣ онъ посылалъ Ранѣеву нѣсколько дорогихъ группъ Vieux Saxe, доставшихся ему по наслѣдству, съ просьбою оставить себѣ тѣ, которыя ему болѣе понравятся, а остальныя распредѣлить *своимъ*, чья память ему, отсутствующему, такъ дорога. Разстановка этихъ группъ и выборъ ихъ разсѣяли на время хандру старика. Онъ выбралъ себѣ хорошенькую жницу. На плечѣ ея былъ серпъ, за спиной въ тростниковой корзинѣ пригожій, улыбающійся ребенокъ, протягивающій рученку къ цвѣтку на головѣ его матери.

— Теперь выбирайте сами, что вамъ по душѣ,— сказалъ Ранѣевъ Лизѣ и Тони,—да не обдѣлите моего маленькаго скриба, Дашу.

Глаза Тони заискрились при видѣ красиваго рыцаря со знаменемъ въ рукѣ.

— Знаешь ли, на кого онъ похожъ,—шепнула она своей подругѣ.

Лиза осмотрѣла фарфороваго рыцаря.

— Въ самомъ дѣлѣ необыкновенно похожъ, — сказала она, — такіе же голубые, добродушные глаза,

профиль, станъ, волосы, какъ онъ носитъ ихъ. Настоящая статуэтка Сурмина!

Глаза и сердце Тони выбрали эту статуэтку, но она не смѣла просить ее, чтобъ не обнаружить чувства, привлекавшаго ее къ ней.

— Возьми *его* себѣ,—сказала Лиза, замѣтившая, что ея подругѣ очень хотѣлось имѣть рыцаря, потомъ обратясь къ отцу, спросила его: — Неправда-ли, папаша, этотъ рыцарь похожъ на Андрея Иваныча.

Старикъ своими подслѣповатыми глазами осмотрѣлъ куклу и наконецъ сознался, что въ ней дѣйствительно есть сходство съ Сурминымъ.

— Кому-жъ достанется?—спросилъ онъ.

— Тони желаетъ его имѣть,—отвѣчала Лиза.

— Кто-жъ тебѣ это говорилъ?—перебила ее Тони, покраснѣвъ.

— Твои глаза, твое...—Лиза не договорила.

— Отдай *его* Тони, — произнесъ энергически Ранѣевъ.—Она достойна владѣть имъ.

Кукла была передана Тони, принявшей ее съ нескрываемымъ удовольствіемъ, она готова была ее расцѣловать.

— А знаешь ли, папаша, что она неравнодушна къ нему?

— Какой вздоръ городишь!—сказала Тони.

— Чтожъ тутъ удивительнаго, — замѣтилъ Ранѣевъ. — Какая же дѣвушка съ *чистымъ сердцемъ* (на эти два слова онъ особенно ударялъ), съ умомъ, безъ глупыхъ фантазій, видя его такъ часто, не оцѣнитъ, помимо его привлекательной наружности, его ума, прекраснаго, благороднаго характера, не полюбитъ его. Берите, берите моего рыцаря, душа моя, и дай Богъ, чтобы самъ оригиналъ принадлежалъ вамъ. Какую-жъ, *куклу* выберешь ты, Лиза? — прибавилъ онъ иронически.

Лиза поняла изъ загадочныхъ словъ отца свой приговоръ. Смущенная, съ растерзаннымъ сердцемъ, она стояла передъ нимъ, какъ преступница передъ своимъ грознымъ судьей, глотала слезы, готовыя хлынуть изъ глазъ, но скрыла свое смущеніе и отвѣчала съ твердостью:

— Ту, которую вы сами мнѣ назначите.

Долго искалъ старикъ между группами, какую бы ему выбрать для дочери, то прикасался сильно дрожавшей рукой къ одной фигуркѣ, то къ другой, и ни на одной не остановился.

— Я вижу тутъ сестру милосердія,—проговорила Лиза,—дайте мнѣ ее.

Отецъ пробѣжалъ по фарфоровымъ статуэткамъ сщуренными глазами, на которыхъ дрожали слезы, нашелъ сестру милосердія въ бѣломъ покрывалѣ, прижавшую крестъ къ груди съ обращенными къ небу, молящими глазами и передалъ дочери. Вмѣстѣ съ этимъ онъ горячо поцѣловалъ Лизу въ лобъ, какъ бы желая вознаградить ее за жесткій и, можетъ быть, незаслуженный укоръ.

Не забыли Даши. Ей выбрали мальчика, который положилъ руку на барашка и смотрѣлъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ на небо, будто видѣлъ въ немъ прекрасное видѣніе. Остальныя фигуры назначено поберечь для Володи.

Скоро наступилъ 63-й годъ, роковой для Россіи, роковой для многихъ изъ сподвижниковъ за честь и благосостояніе ея. Революція была въ разгарѣ, получались тревожныя вѣсти изъ Царства Польскаго. Наконецъ новая варѳоломеевская ночь съ 10 на 11 января, положившая вѣчное пятно на польское имя, въ которую погибли столько мучениковъ свирѣпаго фанатизма, сдѣлалась извѣстна изъ газетъ... Газеты, выписываемыя Сурминымъ и отсылаемыя по его распоряженію

къ Ранѣевымъ, были пробѣгаемы сначала Лизой и Тони, потомъ читались Михайлу Аполлонычу. Разумѣется, чтицы пропускали мѣста, гдѣ выставлялись слишкомъ рѣзкія описанія происшествій на театрѣ революціи, или искусной передѣлкой смягчали ихъ, или перемѣняли мѣстности, на которыхъ они разыгрались. И потому извѣстіе о рѣзнѣ въ ночь на 11 января миновало слуха и сердца Ранѣева. Недѣли двѣ, три, четыре, нѣтъ писемъ отъ Володи, нѣтъ писемъ отъ брата Лориныхъ. Старикъ въ мучительной тревогѣ, не менѣе тревожатся Лиза и подруга ея.

Онѣ старались успокоить его и себя тѣмъ, что по смутному времени правильныя сообщенія невозможны, что почты останавливаются мятежниками; многіе почтовые дворы разорены, войска безпрестанно передвигаются съ мѣста на мѣсто, вынужденныя вести сшибки съ бандами въ лѣсахъ, которыми такъ обильны польскій край и смежныя губерніи. Когда-жъ, гдѣ тутъ заниматься письмами, черезъ кого посылать!

— Вотъ и въ семействѣ, гдѣ даю уроки, есть сыновья, служащіе въ дѣйствующихъ войскахъ, и тѣ не получаютъ писемъ,—говорила Лиза.

— Такъ долго, такъ долго,—жаловался Ранѣевъ,—это невыносимо.—Впрочемъ, да будетъ воля Божья,—прибавлялъ онъ, успокоиваемый убѣжденіями близкихъ его сердцу.

Въ такихъ колебаніяхъ страха и упованія на милосердіе Божіе прошелъ мѣсяцъ. Наступилъ февраль. Въ одну полночь кто-то постучался въ ворота домика на Прѣснѣ, дворная собака горячо залаяла. Лиза первая услыхала этотъ стукъ, потому что окно ея спальни были близко отъ воротъ, встала съ постели, надѣла туфельки и посмотрѣла въ окно. Изъ него увидала она при свѣтѣ фонаря, стоявшаго у самыхъ воротъ, что

полуночникъ былъ какой-то офицеръ въ шинели съ блестящими погонами.

«Ужъ не Володя ли,—подумала она,—произведенъ, можетъ статься», и сердце ея радостно забилось. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ дворникъ и, спросивъ поздняго посѣтителя, впустилъ его во дворъ. Собака, такъ сердито прежде лаявшая, стала ласкаться около офицера, визжала, бросалась ему на грудь.

— А! узнала, Барбоска,—сказалъ онъ, лаская собаку.

«Барбоска такъ любила Володю», — подумала Лиза и, еслибъ могла, готова была выпрыгнуть изъ окна, готова была закричать: «Володя!» Но дворникъ и офицеръ пошли на заднее крыльцо, откуда былъ ходъ въ мезонинъ Лориныхъ Сердце у нея упало. Послышались въ мезонинѣ голоса, ускоренные шаги, суетня.

Ночной посѣтитель былъ поручикъ Лоринъ. Можно судить, какъ радостно было свиданіе братьевъ и сестеръ.

Лиза ждала, не будетъ ли письма отъ Володи — письма не было. Раздирающее душу предчувствіе не дало ей сомкнуть глазъ; всю ночь провела она въ молитвахъ.

Поутру слѣдующаго дня Тони прислала просить ее къ себѣ, и все для нея объяснилось. Лоринъ былъ изуродованъ мятежниками въ роковую ночь на 11-ое января, на лицѣ его оставался глубокій шрамъ, трехъ пальцевъ на одной рукѣ недоставало. Володя палъ подъ вилою злодѣя, но палъ съ честью, со славой, сохранивъ знамя полку. Все это разсказала Тони бѣдной своей подругѣ. Что чувствовала Лиза, услыхавъ ужасную вѣсть, можно себѣ вообразить! Но ей было теперь не до себя. Какъ передать эту громовую, убійственную вѣсть отцу?

Съ начала прошедшей ночи старикъ заснулъ было часокъ, но, разбуженный какимъ-то страшнымъ сно-

видѣніемъ, уже не засыпалъ болѣе. Онъ слышалъ суетню въ мезонинѣ, подумалъ, не случился ли тамъ пожаръ, но успокоился, когда тревожные звуки улеглись. Утромъ позвалъ онъ къ себѣ Лизу. Лицо ея страшно измѣнилось, это была тѣнь прежней Лизы, глаза ея впали.

— Что съ тобою сдѣлалось? — спросилъ отецъ, встревоженно смотря на нее.

— Пріѣхалъ братъ Лориныхъ изъ Польши, ужасно изуродованъ.

— Не объ немъ же ты такъ безпокоилась, повидимому, не спала цѣлую ночь. Вѣрно, худыя вѣсти о Володѣ?

— Да, другъ мой, не совсѣмъ благопріятныя, только не отчаянныя. Онъ сильно раненъ, но за жизнь его ручаются. Володя совершилъ великій подвигъ, не далъ врагу опозорить честь полка, сохранилъ ему знамя.

— Благодарю тебя, Господи, — сказалъ Ранѣевъ, благоговѣйно перекрестясь. — Скажи мнѣ всю правду. Онъ умеръ? По лицу твоему и голосу я вижу... Говори, теперь мнѣ легче будетъ узнать эту ужасную вѣсть.

Лиза пала передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки, обливала ихъ слезами.

— Крѣпись, мой другъ... Господь послалъ намъ жестокій ударъ. Володя отошелъ къ матери моей.

— Онъ далъ намъ его, Онъ и взялъ, — произнесъ изъ глубины души Ранѣевъ, и слезы заструились по блѣднымъ, исхудалымъ его щекамъ.—Я хочу слышать отъ самого Лорина подробности его смерти. Не тревожься за меня, я выслушаю ихъ съ сыновнею покорностью волѣ Всевластнаго. Пригласи ко мнѣ молодого человѣка.

Явился поручикъ Лоринъ. Это былъ статный офи-

церъ; несмотря, что шрамъ нѣсколько обезобразилъ его лицо, можно было прослѣдить въ чертахъ его большое сходство съ сестрой его, Тони; слегка замѣчалось, что онъ хромалъ.

Михайло Аполлонычъ бросился обнимать его и, припавъ къ его плечу, горько плакалъ.

— Теперь,—сказалъ онъ,—я готовъ съ твердостью выслушать васъ. Вы, конечно, были при послѣднихъ минутахъ моего сына, разскажите все, что, какъ было съ нимъ, не утайте отъ меня ничего.

Лиза, Тони и Даша усѣлись кругомъ разсказчика, впиваясь слухомъ и сердцемъ въ каждое его слово.

«— Въ январѣ,—началъ поручикъ Лоринъ,—стояли мы въ деревнѣ, въ штабѣ нашего полка, за нѣсколько верстъ отъ Плоцка. Двѣ неполныя роты размѣстились по крестьянскимъ хатамъ, я со взводомъ моимъ содержалъ караулъ на фольваркѣ, саженей во ста отъ нихъ. Остальныя части полка расположились по окрестнымъ деревнямъ. Наканунѣ ночи на 11-е января полковой командиръ нашъ поѣхалъ ихъ осмотрѣть. Все кругомъ было спокойно, о шайкахъ мятежниковъ не было слуха. Да и время-ли было имъ дѣйствовать въ жестокіе морозы. Такимъ безмятежнымъ состояніемъ мы и пользовались, какъ бы въ самое мирное время у себя, въ своемъ отечествѣ. Ночь была мятельная при слабомъ свѣтѣ молодого мѣсяца, да и тотъ повременамъ подернутъ былъ сѣтью облаковъ. Ни одинъ огонекъ не мелькалъ въ деревнѣ, все спало глубокимъ сномъ. И я крѣпко заснулъ въ отдѣльной комнаткѣ у пана эконома. Въ самую полночь, будто кто меня толкнулъ въ бокъ; просыпаюсь. Только вѣтеръ повременамъ жалобно стоналъ въ вѣковомъ сосновомъ лѣсу, который тянулся кругомъ на десятокъ верстъ, да вторилъ ему вой волковъ. Сверху сѣялъ снѣгъ, снизу мела поземка, занося плетни около дворовъ и насыпая бѣлые валы

кругомъ скирдъ и ометовъ. По ближнему озеру, окованному льдомъ, снѣжные вихри, словно привидѣнія въ саванахъ, кружились или обгоняли другъ друга. У казеннаго ящика расхаживалъ часовой и вблизи его вашъ сынъ. «Что ты не спишь, Володя?» — спросилъ я его. Надо вамъ сказать, мы жили съ нимъ, какъ родные братья. «Сердце у меня что-то не на мѣстѣ»,— отвѣчалъ онъ,— «сильно замираетъ, не до сна».—«Что за вздоръ! Не волковъ же бояться, да русалокъ-снѣжурокъ, что бѣгаютъ по озеру»,

«Только-что успѣлъ я это проговорить, какъ съ дальняго конца деревни донеслись къ намъ какіе-то дикіе, нестройные звуки, вслѣдъ затѣмъ вспыхнулъ огонекъ, потомъ другой, послышалась пальба изъ ружей. Вдругъ прибѣгаетъ къ намъ запыхавшись, съ окровавленнымъ лицомъ, солдатъ и кричитъ:—«Братцы, поляки напали на насъ врасплохъ, рѣжутъ сонныхъ, зажгли двѣ хаты, наши съ просонья отстрѣливаются изъ оконъ. Ихъ тьма тьмущая съ косами, вилами и ножами». Съ этими словами онъ грянулъ на снѣгъ. Послышались снова крики, усиливались и приближались къ намъ. «Паша», — сказалъ мнѣ вашъ сынъ, «дѣло плохо. Какъ бы спасти знамя и честь полка».

«Надо вамъ сказать, за нѣсколько дней передъ тѣмъ мы говорили съ нимъ объ унтеръ-офицерѣ Азовскаго мушкетерскаго полка Старичковѣ, который въ аустерлицкомъ дѣлѣ спасъ на себѣ знамя полка. Умирая, онъ передалъ его своему товарищу. Эта мысль пришла ему теперь въ голову, но, подумавъ немного, онъ ее оставилъ. «Боюсь»,—сказалъ онъ, — «что непріятель, убивъ меня, пожалуй раскрошитъ, и такимъ образомъ пропадетъ знамя. Лучше, снимемъ его съ древка и спрячемъ въ фундаментъ амбара, черезъ продувное окошечко, а древко оставлю при себѣ. Будемъ сильно защищать его, чтобы обмануть мятежниковъ».

«Мы такъ и сдѣлали, амбаръ былъ недалеко. «Передай этотъ секретъ»,—сказалъ онъ,—«нѣсколькимъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ. Если что съ тобою случится, такъ кто-нибудь укажетъ нашимъ. Буду убитъ, увидишь когда отца и сестру, скажи имъ, что въ роковыя минуты я думалъ объ нихъ и умеръ, какъ онъ завѣщалъ мнѣ».

«Мы обнялись, онъ сталъ у казеннаго ящика съ древкомъ отъ знамени, на которомъ надѣтъ былъ клеенчатый чехолъ. Я передалъ нѣсколькимъ солдатамъ изъ моей команды о мѣстѣ, гдѣ хранилось знамя, и зажегъ сигнальную ракету, чтобы батальоны нашего полка, стоявшіе въ окольныхъ деревняхъ, узнали о нашемъ опасномъ положеніи. Стрѣльба стала рѣдѣть, видно, наши изнемогли, пламя разрослось и вдругъ упало, послышался грохотъ разрушенныхъ хатъ, и на мѣсто огня всталъ густой дымъ столбомъ. Команда моя была въ сборѣ, мы приготовились встрѣтить мятежниковъ. Огромная толпа ихъ съ усиленнымъ гуломъ приближалась къ намъ. Позволивъ ей подойти на нѣсколько десятковъ саженъ, мы обдали ее дружнымъ залпомъ. Она разстроилась было, но вскорѣ оправилась и стала отстрѣливаться. Потомъ помню только,—словно въ безобразномъ кошмарѣ,—что мятежники хлынули на насъ съ косами, вилами и ножами. Я и нѣсколько солдатъ отчаянно защищали вашего сына и казенный ящикъ. Я видѣлъ, какъ одинъ полякъ ударилъ въ него вилой, другой выхватилъ у него изъ рукъ древко. Думали, что досталось имъ знамя. Восторженные клики огласили воздухъ. Володя палъ въ кругу распростертой около него геройской семьи солдатъ. Въ эту самую минуту ударили меня саблей по лицу, другой бросился на меня съ ножомъ. Ухватился я за ножъ, почувствовалъ, что кровь льется изъ руки, и упалъ недалеко отъ вашего сына. Тутъ

пырнули меня въ ногу какимъ-то острымъ оружіемъ. Что было потомъ, не знаю. Когда я пришелъ въ себя, стало разсвѣтать. Полковой лѣкарь перевязывалъ мнѣ руку, фельдшеръ хлопоталъ около моей ноги, кругомъ меня стояли офицеры. Я слышалъ, что полковой командиръ кричалъ: «Гдѣ-жъ знамя, Боже мой, гдѣ знамя?» Первая мысль моя была спросить объ юнкерѣ Ранѣевѣ. «Юнкеръ Ранѣевъ убитъ»,—сказали мнѣ,—«мы нашли тебя около него»

«Отнесите меня къ амбару», проговорилъ я. Меня приподняли и отнесли туда; я указалъ, гдѣ знамя, и сказалъ, кто его сохранилъ. Полковой командиръ крестился, офицеры цѣловали руки вашего сына. Какъ хорошъ онъ былъ и мертвый! Улыбка не сходила съ его губъ, словно онъ радовался своему торжеству. Какъ любили мы нашего Володю! Его похоронили съ большою честью, его оплакали всѣ, отъ командира до солдата. Имя Ранѣева не умретъ въ полку».

Кончивъ свой разсказъ, поручикъ Лоринъ уцѣлѣвшимъ обрубкомъ кисти правой руки закрылъ глаза, изъ которыхъ лились слезы.

Ранѣевъ палъ на колѣни передъ образомъ Спасителя и, крестясь, изнемогающимъ голосомъ произнесъ:

— Благодарю Тебя, Господи, что сподобилъ сына моего честной, славной кончины. Имя Ранѣевыхъ до сихъ поръ безукоризненно.

Его приподняли и хотѣли довести до дивана, но онъ рукою далъ знакъ, что самъ дойдетъ, и прилегъ на диванъ.

Слѣдующіе дни онъ казался спокойнѣе, бесѣдовалъ часто.

Лоринъ дополнилъ разсказъ о ночи на 11-е января.

— Вы не можете повѣрить, какія неистовства совершали злодѣи надъ нашими солдатами, когда напали на нихъ сонныхъ. Живыхъ потрошили, бросали въ

огонь, доканчивали звѣрски раненыхъ; содравши съ нихъ кожу, вѣшали за ноги съ ругательствами и хохотомъ. Только подоспѣвшіе къ намъ по сигнальной ракетѣ батальоны положили конецъ этимъ неистовствамъ, возможнымъ развѣ у дикарей. Вотъ вамъ цивилизованный польски-христіанскій народъ, какимъ величаютъ его попы и ксендзы. Ожесточенные солдаты наши, при видѣ изуродованныхъ и сожженныхъ товарищей своихъ, не давали врагамъ пардона, только немногіе утекли до лѣса и болота. Казенный ящикъ съ деньгами, еще не разграбленный, и древко отъ знамени были отбиты нашими.

Несмотря, что Михайло Аполлонычъ крѣпился, ударъ, поразившій его, былъ такъ жестокъ, что онъ не могъ долго его перенести. Силы его стали день ото дня слабѣть, нить жизни, за которую онъ еще держался къ землѣ, должна была скоро порваться. Онъ позвалъ къ себѣ однажды дочь, велѣлъ ей сѣсть подлѣ себя и, положивъ ея руку въ свою, сказалъ:

— Единственное, милое, дорогое дитя мое, я желалъ бы передать тебѣ то, что у меня тяжело лежитъ на сердцѣ. Можетъ быть, то, что хочу тебѣ сказать, не удастся сказать въ другое время.

Лиза начала было говорить въ утѣшеніе его, но онъ на первыхъ словахъ ее остановилъ:

— Не прерывай меня, мой другъ. Немного словъ услышишь отъ меня, но выслушай ихъ, какъ бы говорилъ тебѣ свое завѣщаніе умирающій отецъ.

— Свято исполню волю вашу,—отвѣчала съ твердостью дочь

— Объ одномъ заклинаю тебя, не выходи послѣ смерти моей за *врага Россіи*. Въ противномъ случаѣ не будетъ надъ тобою моего благословенія съ того свѣта, ты потревожишь прахъ мой, прахъ матери и брата.

— Клянусь вамъ въ этомъ прахомъ ихъ,—произнесла Лиза, обративъ слезящіе глаза къ образу Спасителя.—Неужели вы могли сомнѣваться въ моихъ убѣжденіяхъ?

— Вѣрю, теперь мнѣ легче будетъ умирать.

Онъ перекрестилъ дочь, крѣпко, крѣпко продержалъ ее въ своихъ объятіяхъ и, немного погодя, сказалъ:

— Напиши завтра къ Сурмину, что я очень нездоровъ и желалъ бы его видѣть,—прибавь,—если возможно. Я такъ люблю его. Онъ знаетъ всѣ тайны моей жизни. Кстати, напиши Зарницыной о нашей потерѣ.

Лиза писала къ Сурмину:

«Другъ нашъ, Андрей Иванычъ! Братъ мой убитъ въ Царствѣ Польскомъ въ ночь на 11-ое января. Смерть его сильно потрясла моего дорогого старика. Онъ нездоровъ и желалъ бы очень васъ видѣть, если вамъ возможно.

«Преданная вамъ всею душою
«*Лизавета Ранѣева*».

Лиза, въ постоянной перепискѣ съ Евгеніей Сергѣевной Зарницыной, не утаивала отъ нея ничего изъ своей сердечной жизни. На этотъ разъ она въ нѣсколькихъ словахъ увѣдомляла ее только о смерти брата и болѣзни отца.

VIII

Какой-то купецъ сталъ похаживать къ дворнику Лориныхъ, вызывалъ его къ воротамъ и вывѣдывалъ, что дѣлается у постояльцевъ, Ранѣевыхъ. Дворникъ былъ падокъ на денежную водку, а таинственный его собесѣдникъ умѣлъ задобрить его то полтинникомъ, то четвертачкомъ. Въ послѣднее время онъ узналъ, что сынъ Ранѣева убитъ въ Польшѣ и старикъ сильно хвораетъ. Шнырялъ онъ однажды въ вечернія сумерки около дома Лориныхъ съ мальчикомъ и увидалъ, что со двора вышли сначала трое молодыхъ мужчинъ, изъ нихъ одинъ офицеръ, и вслѣдъ за ними выѣхали на извозчичьихъ саняхъ двѣ молодыя женщины, а конфидентъ его собирался затворить ворота.

— Смотри,—сказалъ шопотомъ купецъ мальчику,— помни, ты Владиміръ, Володя.

— Не сызнова учить урокъ,—отвѣчалъ тотъ.

Купецъ подозвалъ къ себѣ привратника.

— Кто это вышелъ изъ воротъ?—спросилъ онъ.

— Хозяева молодые.

— А выѣхали въ саняхъ?

— Барышня Тонина Павлова съ постоялкой, видно, прокатиться что-ли вздумали.

— А что, старикъ Ранѣевъ все еще боленъ?

— Плохъ, на ладанъ дышитъ.

— Кто-жъ изъ вашихъ дома?

— Дарья Павловна.

— Одна?

— Одна.

— Можно мнѣ увидѣть ее, поговорить, бумажку написать?

— Пошто нѣтъ. Коли бумажку написать, такъ все едино; барышня разумная, малъ золотникъ да дорогъ. Настрочитъ тебѣ такъ, что и приказному носъ утретъ.

— Проведи меня къ Дарьѣ Павловнѣ.

— Пожалуй, проведу. А что, это сынокъ твой?

— Сынъ.

И, передвигаясь дряхлыми ногами, словно на нихъ были тяжелыя гири, провелъ ихъ дворникъ къ Дашѣ. Лохматая Барбоска злобно лаяла на пришедшихъ, теребила ихъ за фалды кафтановъ, точно чуяла въ нихъ недобрыхъ людей. Дворникъ сердито закричалъ на нее и пинкомъ ноги угомонилъ ея злость.

Купецъ, вошедши въ комнату Дарьи Павловны, благоговѣйно перекрестился на иконы, стоявшія въ кіотѣ.

Даша зорко посмотрѣла на него и спросила, что ему угодно.

— Вотъ, разлюбезная барышня, мнѣ нужно по одному дѣльцу прошеньице въ судъ написать.

— Пожалуй, я это могу. О чемъ же дѣло?

— Ставилъ я разный товаръ въ Бѣлоруссію богатому еврею, да затягиваетъ расплату, разныя прижимки дѣлаетъ.

— Какъ имя еврея, какой гильдіи, мѣсто жительства, какой товаръ, словесныя при свидѣтеляхъ или письменныя сдѣлки, и прочее, что я буду васъ спрашивать. Все это напишу сначала начерно.

— Вотъ что, барышня, живетъ у васъ баринъ, Ми-

хайла Аполлонычъ Ранѣевъ... мнѣ знакомый, какъ былъ еще военнымъ... хотѣлъ бы по этому дѣлу съ нимъ слово замолвить. Умъ хорошъ, а два лучше. Нельзя ли къ нему?

И вынулъ купецъ красненькую бумажку и съ тупымъ поклономъ подалъ Дашѣ.

— Не дѣлавъ дѣла, я не беру благодарности за него,—сказала она и отклонила рукою приношеніе. — А имя ваше какъ?

— Купецъ 3-й гильдіи, изъ Динабурга, Матвѣй Петровичъ Жучокъ.

— Жучокъ изъ Динабурга!—воскликнула Даша.

Она приложила руку ко лбу, желая вспомнить что-то, и стала пристально всматриваться въ посѣтителя.

Живые, разгорѣвшіеся глазки ея, пронизывавшіе душу посѣтителя, слова ея, полуговоромъ сказанныя, какъ таинственныя заклинанія, нашептываемыя надъ водою или огнемъ, смутили его.

— Сѣро-желтые съ крапинами глаза, косые... — тревожно, но тихо произнесла Даша, всматриваясь въ купца, будто полицейскій сличалъ примѣты подсудимаго съ его паспортомъ. — Нѣтъ, ты не Жучокъ, — вырвалось у нея, наконецъ, изъ груди,—а Киноваровъ, злодѣй Киноваровъ.

Киноваровъ-Жучокъ не ожидалъ новаго свидѣтеля его преступленій, поблѣднѣлъ и затрясся, но вдругъ въ какомъ-то изступленіи произнесъ:

— Коли вамъ это извѣстно, я—Киноваровъ, злодѣй, погубившій Ранѣева. Вяжите меня, ведите въ тюрьму, дѣлайте со мною, что хотите, только дайте мнѣ видѣться съ Михайлой Аполлонычемъ. Пропадай моя голова, мнѣ ужъ не въ мочь.

И бросился онъ на колѣни передъ Дашей.

— Угрызенія совѣсти не даютъ мнѣ покоя, бѣсы

преслѣдуютъ меня по ночамъ, днемъ лазутчики сторожатъ по заказу Сурмина.

— Сурмина нѣтъ въ Москвѣ.

— Онъ поручилъ своимъ сыщикамъ и безъ себя караулить меня, отсыпаюсь только деньгами.

— Встаньте,—сказала Даша,—не могу видѣть васъ въ этомъ низкомъ положеніи.

Киноваровъ всталъ.

— Такъ или сякъ, я долженъ покончить со своими мученіями. Если вы знаете мое гнусное дѣло, такъ должны знать, что оно случилось очень давно. Погубить меня можно, но прошедшаго для Михайлы Аполлоныча не воротишь.

— Не воротишь съ того свѣта и жену его, которую вы убили. Еслибъ я могла...

Крошка Доритъ не договорила. Гнѣвно горѣли глаза ея; она, казалось, готова была вцѣпиться въ грудь его.

— Меня сошлютъ въ Сибирь, чтожъ изъ этого? Видите, это мой сынъ, одно утѣшеніе мнѣ въ жизни. Не погубите его. Помните слова Спасителя: «Иже аще пріемлетъ сіе отроча во имя мое, меня пріемлетъ». Бросьте въ насъ послѣ того камень и убейте насъ обоихъ.

Передъ словами Спасителя смирилась Даша, и гнѣвъ ея утихъ.

Горько плакалъ Киноваровъ.

— Я имѣю передать важную тайну Михайлѣ Аполлонычу; отъ нея зависитъ участь цѣлаго края. Знаю, увѣренъ, что онъ не станетъ гнать меня, не захочетъ погубить этого отрока. Онъ самъ имѣлъ сына.

— И потерялъ его, — сказала грустно Даша, покачавъ головой, — тотъ былъ сынъ честнаго человѣка.

— Не вы, а Ранѣевъ судья мой. Доставьте мнѣ только случай увидѣть его, больше ни о чемъ не прошу, предупредите обо мнѣ. Онъ сжалится надъ этимъ безвиннымъ мальчикомъ, а если нѣтъ, да будетъ воля Божія.

Даша задумалась, потомъ, поднявъ головку, вдохновенная высокимъ чувствомъ любви къ ближнему и покорности волѣ Всевышняго Судіи, сказала твердымъ голосомъ:

— Во имя Господа я исполню вашу просьбу. Теперь у старика никого нѣтъ. Я пойду прежде къ нему одна, а вы здѣсь подождите меня.

Даша сошла къ Ранѣеву и со всѣми предосторожностями, какія могли придумать ея умная головка и любящее сердце, разсказала ему о появленіи Киноварова и все, что онъ говорилъ.

Ранѣевъ спокойно выслушалъ ее.

— Я долженъ покончить со всѣмъ своимъ прошедшимъ,—произнесъ онъ съ чувствомъ.—Не на свѣжей же могилѣ сына приносить жервы мщенія. Можетъ быть, скоро предстану передъ свѣтлый ликъ Вышняго Судіи. Повергну себя передъ Нимъ и скажу ему: «Отче мой, отпусти мнѣ долги мои, какъ я отпустилъ ихъ должникамъ моимъ». Пускай придетъ. Да покараульте дочь мою и Тони. Потрудитесь, мой другъ, передать имъ, что я занятъ съ нужнымъ человѣкомъ.

— Онѣ, вѣроятно, не такъ скоро будутъ, хотѣли заѣхать въ домъ, гдѣ Лиза даетъ уроки, — сказала Даша и поспѣшила позвать Киноварова и мальчика, а сама удалилась въ комнату Лизы.

Киноваровъ молча преклонилъ голову передъ судьею своимъ; въ косыхъ, безжизненныхъ глазахъ его, какъ и всегда, нельзя было ничего прочесть.

Ни одного слова въ оскорбленіе его не произнесъ Ранѣевъ; онъ сталъ говорить съ нимъ, какъ съ че-

ловѣкомъ, который никогда не сдѣлалъ ему никакого зла.

— Это сынъ твой?—спросилъ онъ.

— Сынъ.

— Непохожъ на тебя, хорошенькій мальчикъ, со свѣтлыми, бойкими глазами.

— Весь въ мать.

— Дай Богъ. Какъ его зовутъ?

— Владиміръ

— Такъ звали и моего, но того ужъ нѣтъ на свѣтѣ. Сколько ему лѣтъ.

— Тринадцать.

— Во имя Господа, Искупителя нашего, прощаю тебя.

Ошеломленный такимъ внезапнымъ великодушіемъ, Киноваровъ не зналъ что сказать, хотѣлъ бы броситься къ ногамъ Ранѣева, но, хорошо знакомый съ его характеромъ, стоялъ неподвижно, склонивъ низко голову и скрестивъ руки на груди.

Михайла Аполлонычъ подозвалъ къ себѣ мальчика и, положивъ ему руку на кудрявую головку, сказалъ:

— Не забудь, что буду тебѣ говорить, Володя. Когда злое искушеніе придетъ тебѣ на умъ, помолись Спасителю, чтобы не допустилъ тебя совершить его. Помни, ни одно худое, безчестное дѣло не проходитъ мимо очей всевидящаго Бога. Если злодѣй и кажется счастливъ, не вѣрь этому: есть въ душѣ его обличитель, который не даетъ ему покоя. Не играй въ карты, будь честенъ.

Мальчикъ смутился было, но вскорѣ оправился и произнесъ всхлипывая:

— Буду честенъ, не стану играть въ карты.

— Видно, въ мать. Сама она кормила его?

— Сама, — отвѣчалъ Киноваровъ, — дивная была женщина, хоть и простого рода.

— Была?

— Умерла лѣтъ пять тому назадъ; умирая,—говорила Володѣ то, что вы теперь ему сказали.

— Садитесь,—сказалъ Михайла Аполлонычъ и указалъ Киноварову на стулъ, подалѣе отъ себя,—а ты, Володя, садись подлѣ меня.

Посѣтители размѣстились, какъ указалъ имъ хозяинъ.

— Теперь, ради любопытства, которымъ я, еще земной житель, одержимъ, разскажи, какъ ты...

Ранѣевъ остановился, увидавъ, что Киноваровъ указалъ головой на сына своего, какъ бы желалъ, чтобъ не слыхалъ его откровенія, и приказалъ мальчику идти въ сосѣднюю комнату.

— Вы вѣрно хотите, — началъ Киноваровъ, когда тотъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и затворилъ за собою дверь,—чтобы я вамъ разсказалъ, какъ я укралъ банковыя деньги, что̀ заставило меня это сдѣлать, какъ я бѣжалъ изъ тюрьмы и что затѣмъ со мною послѣдовало.

— Разскажи.

— Я игралъ въ карты въ азартныя игры. Гнусная страсть эта, какъ вы знаете, ведетъ за собою преступленіе. Проигралъ я проѣзжему иностранцу, содержателю цирка, съ орденомъ Меджидія, пять тысячъ рублей, хотѣлъ отыграться и спускалъ все большіе и большіе куши. Получаемыя въ общественный банкъ деньги не записывались на приходъ по нѣскольку мѣсяцевъ, иногда по году и болѣе, онѣ покрывали мой проигрышъ и доставляли новую пищу для игры. Иногда пріятели давали мнѣ ко дню ревизіи свои деньги, разумѣется за хорошее вознагражденіе. Вы знаете, какіе были члены банка. За мною не слѣдили, никто ничего не видѣлъ. Канцелярія, составленная мною изъ отъявленныхъ и искусныхъ мошенниковъ, въ томъ

числѣ главнаго сообщника моего, секретаря, купленныхъ мною, усердно содѣйствовала мнѣ. Получаемыми мною въ банкъ деньгами покрывалъ я старыя похищенія. Такъ понемногу наросла значительная сумма. Воровали отъ себя и мои клевреты. Случалось, пошлешь на почту тысячу, а посланный съ нею возвращается и доноситъ мнѣ, что я обложился, не оказалось столько-то. Нечего было дѣлать, молча докладывалъ я деньги. Братъ мой звалъ меня въ Москву и просилъ помочь ему въ его роковыхъ обстоятельствахъ.

«Я имѣю въ виду очень богатую невѣсту,—писалъ онъ,—но мнѣ шепнули, что родители желали знать, какъ я живу. Надо было пустить имъ золотую пыль въ глаза, и я занялъ деньги за огромные проценты. Пріѣзжай скорѣе, другъ мой, выручи меня, скоро сочтусь съ тобою лихвою». Въ это время сдѣлана мною покража суммы, которая погубила васъ. Внутренній искуситель мой нашептывалъ мнѣ, что разбогатѣвшій братъ мой искупитъ всѣ мои грѣхи. Ловкость моихъ сподручниковъ, спячка моихъ сослуживцевъ помогли этому искушенію...

— И подпись подъ мою руку въ журналѣ, которымъ давалась тебѣ довѣренность принять съ почты сумму, полученную изъ Петербурга, не правда ли?

— Мастерски была она сдѣлана братомъ секретаря, такъ что вы, кажется, сгоряча признали ее за свою. Все содѣйствовало успѣху моего преступленія. Съ этими деньгами поѣхалъ я въ Москву, заплатилъ долги брата и обстановилъ его, какъ богатаго человѣка, свѣтскою мишурою, которая въ близорукихъ глазахъ идетъ за чистое золото. Свадьба состоялась. Съ рукою невѣсты онъ получилъ нѣсколько сотъ душъ въ одной изъ губерній, что зовутъ житницей Россіи. Братъ обнималъ меня, изливался въ горячихъ благодарностяхъ и обѣщалъ, какъ скоро заберетъ свою половину въ

руки, пополнить издержки, которымъ обязанъ мнѣ былъ своимъ благосостояніемъ. Возвратясь въ Прирѣчье, благодаря своей ловкости, слѣпой довѣренности и благосклонности моего начальника, испросившаго мнѣ въ это самое время награду знакомъ отличія за мои подвиги на пользу службы, я продолжалъ ремесло чиновнаго вора. Желая заморить червяка, который грызъ мнѣ сердце, пилъ водку едва-ли не стаканами, щедро помогалъ бѣднымъ...

— Знаю, ты слылъ благодѣтельнымъ человѣкомъ.

— Дѣлалъ богатые вклады въ церкви.

— Слыхалъ позднѣе и объ этомъ. Фарисейство!

— Какъ открылось мое преступленіе, вамъ извѣстно. Меня посадили въ острогъ. Братъ узналъ обо всемъ, прислалъ мнѣ изъ степной деревни, въ которую переселился съ женою, три тысячи рублей. Это было нѣсколько капель на изсохшую почву. Будучи уже подъ стражей, я получилъ эти деньги съ почты по довѣренности моей черезъ одного пріятеля. Ими и вырученными за мое движимое имущество, отчасти расхищенное, пополнилась только часть украденныхъ денегъ. Пріѣхалъ въ Прирѣчье братъ мой Мнѣ дали возможность видѣться съ нимъ въ острогѣ Я умолялъ его внести хотя ту сумму, которая была похищена во время вашего управленія. Онъ поклялся всѣми богами исполнить этотъ, какъ онъ говорилъ, священный долгъ.

— Полиціймейстеръ, видѣвшій его, говорилъ мнѣ это; но...

— Но не исполнилъ братъ своей клятвы, между тѣмъ какъ по богатству могъ бы... Богъ ему судья! Я былъ заключенъ въ одиночную камеру для *благородныхъ*. Меня стали спаивать водкой. Графинъ всегда стоялъ возлѣ моей кровати, авось либо я сопьюся и со мною умретъ тайна моихъ сообщниковъ и покровите-

лей. Я прежде любилъ заливать водкой угрызенія совѣсти, но тутъ вскорѣ рѣшительно отказался и объявилъ на-отрѣзъ посѣтившимъ меня пріятелямъ по карточной игрѣ, что если не доставятъ мнѣ средствъ бѣжать изъ тюрьмы, такъ я выведу сообщниковъ своихъ на чистую воду. Эта угроза сильно подѣйствовала. Всѣ препятствія къ побѣгу сняты, ожидали только благопріятнаго случая выпустить птицу изъ клѣтки. Случай этотъ палъ, какъ сонъ въ руку. Умеръ въ острогѣ крестьянинъ. Меня снабдили фальшивымъ паспортомъ и выпроводили благополучно изъ тюрьмы, а вмѣсто меня похоронили крестьянина. Не стану разсказывать вамъ моихъ похожденій во время моего побѣга. Вамъ извѣстно, какъ подобнаго рода странствующіе рыцари находятъ у насъ на Руси содѣйствіе къ укрывательству. Добравшись до имѣнія брата, я жилъ сначала у него въ лѣсной сторожкѣ, потомъ переселился на мельницу, какъ наемщикъ ея, изучилъ мельничную механику, сталъ строить и другія въ окрестности. Дѣла мои шли успѣшно. Я приписался въ уѣздный городъ въ мѣщане. Здѣсь приглянулась мнѣ хорошенькая мѣщанская дочь, сирота. Я своей наружностью не могъ ей понравиться, но родные ея выдали ее за меня, какъ обыкновенно выдаютъ изъ этого сословія отцы своихъ дочерей, по приказанію; съ первымъ, однакожъ, ребенкомъ она привязалась ко мнѣ всею силою простой души. Въ это время случился на моей мельницѣ пожаръ, мы были разорены, жена моя умерла. Братъ мой имѣлъ помѣстье въ Бѣлоруссіи. Желая удалить со мною живой укоръ въ сообществѣ съ моимъ преступленіемъ, онъ предложилъ мнѣ переселиться туда съ тѣмъ, что подаритъ мнѣ нѣсколько десятинъ земли съ водами, удобными для постройки мельницы, и дастъ деньги на обзаведеніе. Ничто не привязывало меня къ мѣстамъ, гдѣ умерла жена моя; я согласился. Прибывъ

на новое мѣсто, я нашелъ дѣйствительно на немъ воды, удобныя для постройки мельницы, и устроилъ ее. Скоро свелъ я сношенія съ сосѣдними помѣщиками, экономами, евреями и офицерами расположенныхъ тамъ командъ. Послѣдніе дали мнѣ мысль заняться торговлей. Ухватившись горячо за эту мысль, я тотчасъ принялся выполнять ее. Продалъ мельницу, переселился въ Динабургъ, откуда глазомъ видишь Литву, Прибалтійскія и Бѣлорусскія губерніи, и записался въ купцы. Дѣла мои пошли хорошо въ кругу этихъ губерній. Мало-по-малу я вошелъ въ роль купца, какъ-будто она мнѣ была прирождена. Но съ нѣкотораго времени, покупая кяхтинскій чай и другіе товары для русскихъ офицеровъ, я долженъ былъ нерѣдко ѣздить въ Москву. Здѣсь судьба наткнула меня на васъ на Кузнецкомъ мосту и встрѣтился я въ гостиницѣ съ вашимъ пріятелемъ Сурминымъ. Вы, вѣроятно, разсказали ему о моемъ преступленіи, онъ меня преслѣдуетъ.

— Я на это не уполномочивалъ его,—сказалъ Ранѣевъ,—и къ чему теперь! Даю тебѣ слово, онъ броситъ свои напрасныя гоненія. Наша тяжба съ тобою рѣшена. Какую-жъ особенную тайну хотѣлъ ты мнѣ передать?

— Она тяжело лежитъ на груди моей, не даетъ мнѣ теперь съ нѣкотораго времени покою. Но будь, что будетъ, открою вамъ ее. Дѣлайте, изъ нея, что хотите.

Голосъ Киноварова дрожалъ, казалось, его била лихорадка.

— Въ нашемъ Бѣлорусскомъ краѣ творится что-то недоброе. Пани надѣваютъ трауръ, мужчины и парни поютъ революціонныя пѣсни въ церквахъ, закупается холодное и огнестрѣльное оружіе. Я самъ, по заказу капитана генеральнаго штаба Жвирждовскаго, обязался

поставить въ имѣніе пани Стабровской топоры, косы и охотничьи ружья, сколько могу.

При имени Стабровской вздрогнулъ Михайло Аполлонычъ, будто ужалила его змѣя. Слухъ и сердце его приковались къ словамъ разсказчика. Тотъ продолжалъ:

— Скупалъ я ихъ по дорогамъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, недавно отправилъ обозъ съ русскими ящиками до границъ Могилевской. Все это уложено въ ящикахъ, наглухо заколоченныхъ, подъ именемъ чайныхъ цибиковъ и разныхъ колоніальныхъ товаровъ. Часть ихъ примутъ въ Могилевской губерніи, другую, большую часть отправятъ въ Витебскую черезъ евреевъ. Сколько я могъ узнать, въ послѣдней складываютъ товаръ въ имѣніи Стабровской, которое досталось ей по наслѣдству отъ одного родственника, въ костелѣ, недостроенномъ въ пятидесятыхъ годахъ. Постройка запрещена была тогда мѣстнымъ начальствомъ. Вы знаете, что новые костелы, вслѣдствіе указа, воздвигать запрещено. Хотя покойный панъ и отзывался, что строитъ музей, гдѣ будутъ поставлены бюсты великихъ мужей и фамильные, но полиція на этотъ разъ настояла на своемъ

— Что слышно о сынкахъ Стабровской?—спросилъ Ранѣевъ

— Слыхалъ отъ евреевъ—они знаютъ все, что дѣлается не только на землѣ, но и подъ землей,—говорятъ, будто меньшой, бѣжавшій изъ полка, пропалъ безъ вѣсти. Старшій при ней, да что-то не ладятъ, часто ссорятся, хотѣлъ было воротиться въ Москву, однакожъ, мать ублажила, остался.

Многозначительное «гмъ!» вырвалось изъ груди Ранѣева.

— Нельзя ли вамъ дать знать кому-нибудь...

— При послѣднихъ дняхъ моей жизни я не берусь за это. Тутъ нужны энергія, живыя силы личная по-

ѣздка... и тутъ... меня и тебя затаскали бы, поляки взяли бы свое.

Ранѣевъ махнулъ рукою и потомъ погрузился въ думу, наконецъ сказалъ:

— Не слыхалъ въ своей губерніи о полковницѣ Зарницыной?

— Кого я не знаю! Ее зовутъ Евгеніей Сергѣевной. Такая полная, черныя брови дугой, красивая барыня, даромъ ей гораздо за сорокъ. Умная, бойкая барыня, добрѣйшая душа. Я и ей доставляю изъ Москвы чай. Дама на рѣдкость.

— Писать къ ней объ этомъ дѣлѣ не буду, а ты постарайся поскорѣе повидаться съ нею и разскажи ей отъ имени моего все, что знаешь. Даю тебѣ слово, она не будетъ дремать и выведетъ козни враговъ на свѣтъ Божій. Скажи ей только отъ меня, чтобы тебя поберегла, да самъ будь осторожнѣе.

— Непремѣнно явлюсь къ ней и сдѣлаю все по вашему

— Если рѣшишься сослужить службу своему отечеству, то совершишь благое дѣло. Да благословитъ тебя Господь! Помни, мы съ тобою сочлись на землѣ и на томъ свѣтѣ. Иди теперь съ миромъ. Дочь моя должна скоро воротиться; я не желалъ бы, чтобъ она тебя видѣла.

Позвали мальчика.

— Поцѣлуй меня, — сказалъ Ранѣевъ, когда тотъ вошелъ.

Мальчикъ бросился цѣловать руку его.

Киноваровъ и сынъ его стали уходить, первый воротился.

— Михайла Аполлонычъ, одно слово.

— Говори.

— Знаю, вы бываете въ нуждѣ.

— Это до меня одного касается.

— Еслибы смѣлъ, предложилъ бы вамъ хоть двадцатую долю того, что...

— Пособіе?.. ты... Ни отъ кого на свѣтѣ, подавно отъ тебя. Помогаетъ мнѣ Зарницына, моя родственница, мой другъ. Спасибо, ступайте.

Когда двуногій сторожъ и четвероногій его помощникъ, Барбоска, выпроваживали Киноварова и сына его со двора, онъ спросилъ перваго, обдѣлалъ ли свои дѣла.

Киноваровъ молча сунулъ ему серебряную монету въ руку, мальчикъ живо отвѣчалъ за него:

— Обдѣлали на славу.

Лишь только отошли они нѣсколько десятковъ саженъ отъ дома Лориныхъ, мальчикъ захохоталъ

— Лихо же надули мы старика, сказалъ онъ и разразился еще болѣе жаркимъ хохотомъ.

— Не смѣйся, Ѳедюшка,—замѣтилъ грустнымъ голосомъ Киноваровъ, выведенный смѣхомъ своего спутника изъ глубокаго раздумья, въ которое было погрузился,—человѣкъ онъ Божій.

— Какъ есть простота. Раздѣвай его до-гола, онъ самъ будетъ помогать скидать съ себя одежду; долби ему ворона клювомъ голову, не смахнетъ рукой. А признайся, дяденька, мастерски сыгралъ я камедь, хоть бы Расплюеву. Чуть-чуть было *не сорвалось*, какъ сталъ читать проповѣдь. Да разомъ поправился, захныкалъ такъ, что любому актеру не лучше состроить. Откуда взялись слезы.

— Бестія порядочная! Смотри ни-гугу, а то запутаешься, что и въ сибирку попадешь.

— Чтобъ глаза мои лопнули, да и ты смотри, дядя, уговоръ лучше денегъ. Зелененькую таки дашь, а въ театръ, какъ хочешь, своди.

— Сказано. Самъ не пойду, а заплачу за билетъ въ раекъ.

— Признаться, люблю въ театръ. Какъ тамъ принцъ датскій вмѣсто мыши убиваетъ человѣка, али Кречинскій подмѣниваетъ алмазы на стеклышки. Самъ я мастеръ на разныя штуки. То водочки отбавишь изъ графинчика, да водой подольешь, то въ счетцѣ постояльцу припишешь, да серебряную ложку подтибришь. Все съ рукъ сходило. Да вѣдь и учители у насъ, старшіе, хороши, хозяина надувать горазды.

Киноваровъ шелъ молча.

Мальчикъ вошелъ въ энтузіазмъ и съ жаромъ продолжалъ.

— Все это мелочь, плевое дѣло. Вотъ бы удрать важную штуку: краснаго пѣтуха подпустить подъ хоромы этажа въ три. Богачъ пузо отростилъ, словно боровъ, ѣздитъ себѣ развалившись въ коляскѣ, на лихихъ рысакахъ, что земли подъ собой не чуютъ. А чернозубая, жиромъ заплыла, хозяйка съ нимъ рядомъ, будто жаръ-птица. Разомъ бы имъ спѣсь сбилъ. А потѣхи, потѣхи сколько! скачутъ пожарные со всѣхъ концовъ, генералы, полиціймейстеры, громъ раскатывается по мостовымъ, земля ходитъ ходенемъ. Зарево на всю Москву, крики, трескъ, а ты стоишь себѣ въ народѣ, молчокъ, только ухмыляешься—мое, дескать, дѣльце. Человѣчекъ съ ноготокъ, дрянцо, а всѣ эти пожарные, генералы, солдаты, народъ собрались будто по твоей командѣ. Любо!

И захлебнулся Ѳедька отъ восторга, огонь глазъ его прорѣзывалъ ночную темноту, онъ съ жаромъ размахивалъ руками

— Тѣшился такъ въ Прирѣчьѣ одинъ малый, немного постарше тебя, да и попался, словно куръ во щи. Видѣлъ я его послѣ этой потѣхи въ острогѣ, за желѣзной рѣшеткой, да на хлѣбѣ и водицѣ, видѣлъ потомъ, какъ его въ тяжелыхъ цѣпяхъ ссылали въ Сибирь. Тамъ, братецъ, въ рудникахъ, подъ землею, не

видно никогда свѣта Божьяго, грудь хоть глоткомъ свѣжаго воздуха не поживится, исчахнешь въ молодые годы. Смотри, Ѳедька, не угодить бы тебѣ за нимъ. Однако взять бы ваньку, мнѣ что-то нынѣ не въ моготу пѣшкомъ плестись.

Взяли они извозчика и отправились на подворье, гдѣ стоялъ Киноваровъ. Во время остального пути болтовня была не у мѣста.

Пріѣхавъ домой, Киноваровъ далъ сорванцу зеленую кредитку за мастерское исполненіе своей роли и мелкую монету на билетъ въ раекъ и отпустилъ его къ хозяину, у котораго отпросилъ на два часа.

Очутившись въ своемъ номерѣ, впалъ онъ въ глубокое раздумье. И было ему о чемъ задуматься, и было для чего спуститься въ тайникъ своей души. Передъ отъѣздомъ въ деревню Сурминъ наказалъ вѣрному, купленному имъ человѣку навѣдываться объ немъ, слѣдить, гдѣ онъ будетъ въ Москвѣ останавливаться, когда и куда выѣдетъ изъ нея. Киноварову тоже вѣрный человѣкъ далъ знать объ этомъ и возбудилъ въ немъ подозрѣніе, что его отыскиваютъ по дѣлу Ранѣева. Онъ перемѣнилъ квартиру, другую, но и тутъ наводили объ немъ справки въ полиціи. Хотя не было никакихъ запросовъ отъ него, ему шепнули, однакожъ, что какой-то тайный шпіонъ слѣдитъ за нимъ и не выпускаетъ его изъ виду. Ему нужно было, во чтобы ни стало, покончить въ Москвѣ разсчеты по торговымъ дѣламъ. Сурминъ уѣхалъ въ Прирѣчье, но могъ скоро возвратиться, тогда судьба его можетъ худо разыграться. Пожалуй, дѣло о похищеніи суммъ изъ банка снова поднимется Онъ рѣшился, въ отсутствіе своего гонителя, на отчаянный подвигъ — итти напроломъ, напропалую къ Ранѣеву, тяжко больному, пасть ему въ ноги, испросить себѣ, въ память убитаго сына, прощеніе, въ противномъ случаѣ бросить всѣ

дѣла свои и ускакать въ Бѣлоруссію. Услыхавъ отъ своего благопріятеля, дворника Лориныхъ, что Михайла Аполлонычъ любитъ Дарью Павловну, какъ родную дочь, онъ предположилъ отнестись къ ней сначала съ просьбой написать прошеніе въ судъ. — Потомъ, думалъ онъ, не открывая, кто я такой, буду умолять ее дать мнѣ возможность переговорить съ Ранѣевымъ, какъ человѣку, знакомому съ нимъ. Мы видѣли, какъ это Киноварову удалось, не съ такими изворотами, а болѣе открытымъ, отчаяннымъ путемъ. Чтобы разжалобить сильнѣе старика, онъ легко согласилъ мальчика, бойкаго и плутоватаго, изъ прислуги съ подворья, гдѣ квартировалъ, сыграть роль его сына, Владиміра. То же имя, которое носилъ убитый сынъ Ранѣева, должно было имѣть магическую силу на умъ и сердце больного старика. Онъ научилъ мальчика, что говорить и дѣлать, предоставляя его изворотливому умишку выпутываться изъ трудныхъ обстоятельствъ, какъ сумѣлъ. Киноваровъ не солгалъ, сказавъ, что былъ женатъ, что жена его была добрая и честная и умерла. Онъ дѣйствительно имѣлъ сына, которому могло быть въ настоящее время тринадцать лѣтъ, но и тотъ года четыре назадъ также померъ. Представленный имъ Володя былъ подставной сынокъ, взятый на прокатъ. Ни въ одномъ словѣ остального разсказа своего онъ не покривилъ душой Не раскаяніе, а чувство самосохраненія вело его къ тому, кого онъ нѣкогда разорилъ. Разсчеты его были довольны вѣрны, — онъ надѣялся на доброту души Ранѣева, еще болѣе усиленную потерею сына и физическихъ силъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Однакожъ, безграничное великодушіе Михайлы Аполлоныча, не помраченное не только оскорбленіемъ, даже гнѣвнымъ словомъ, сильно тронуло и негодяя — «Иди съ миромъ», сказалъ ему судья его, а миръ не былъ въ его душѣ. Онъ рѣшился раскрыть

Зарницыной подземныя, коварныя дѣйствія бѣлорусскихъ пановъ и тѣмъ хоть нѣсколько загладить свое прошедшее. Дѣла его въ Москвѣ были почти на исходѣ, на дняхъ окончательно развязанныя; они дадутъ ему возможность возвратиться въ край, гдѣ ему предстоитъ первый въ жизни благородный подвигъ. Онъ всю ночь не спалъ и провозился съ боку на бокъ на кровати въ тяжелыхъ думахъ. Когда-жъ къ утру заснулъ, ужасныя видѣнія преслѣдовали его. Онъ кричалъ во снѣ такъ страшно, что Ѳедюшка, разбуженный этими криками, всталъ, приложилъ ухо къ двери номера, но, успокоенный наступившимъ затѣмъ молчаніемъ, возвратился на свой войлочекъ.

IX

Завернемъ къ Сурмину въ его сельскій прирѣченскій пріютъ, гдѣ семейство его свило себѣ постоянное гнѣздышко. Можно вообразить, какъ мать и сестры, не видавшія его нѣсколько мѣсяцевъ, обрадовались ему. Настасья Александровна была типомъ тѣхъ женщинъ, которыя въ любви къ дѣтямъ, въ ихъ радостяхъ и успѣхахъ воспитанія находятъ всѣ свои радости, надежды, все свое счастіе. Въ первые часы свиданія, какъ она, такъ и сынъ забыли о цѣли его пріѣзда, забыли о богатомъ наслѣдствѣ, посланномъ имъ съ неба. Они и безъ него имѣли хорошее состояніе и сверхъ того обладали сокровищемъ, котораго не купишь ни за какія деньги—семейнымъ согласіемъ, любовью, миромъ, невозмутимымъ никакими сильными житейскими невзгодами. Двѣ сестры Андрея Иваныча, Оля и Таня, шестнадцатилѣтніе близнецы, милыя созданія, и подавно не думали о богатствѣ, не зная даже и цѣны ему. Онѣ жили жизнью одна другой и только дѣлились ею съ матерью и братомъ, не помышляя ни о какой лучшей долѣ на землѣ. Скучала одна, а это случалось очень рѣдко, скучала и другая; что находила одна хорошимъ, то находила и другая, и

наоборотъ. Это были двѣ птички inséparables. Еслибъ умерла Оля, умерла бы Таня. Наружное сходство ихъ было такъ велико, что даже домашнимъ случалось въ нихъ ошибаться, и потому мать вынуждена была отличить каждую простенькими браслетами, у одной съ бирюзой, у другой съ изумрудцемъ. И характеры ихъ были такъ же сходны, какъ и наружность. Привязанность ихъ другъ къ дружкѣ тревожила иногда мать за ихъ будущность. «Вѣдь нельзя же обѣимъ оставаться въ безбрачномъ состояніи», думала Настасья Александровна и старалась, не разстраивая этой привязанности, смягчать ее временной разлукой: то оставляла одну или другую погостить на нѣсколько дней въ Прирѣчьѣ и у добрыхъ сосѣдей, гдѣ были дѣвицы сходныхъ съ ними лѣтъ, то стала вывозить въ губернскій прирѣченскій свѣтъ, собирала у себя кружокъ разнаго пола и возраста, гдѣ было полное раздолье всякимъ играмъ и увеселеніямъ. Имѣли и намѣреніе посѣтить нынѣшней зимой Москву, чтобы познакомить дочерей со всѣми удовольствіями и достопамятностями древней столицы. Не оставляла также внушать имъ, что жизнь ихъ не можетъ ограничиться домашнимъ кругомъ, въ которомъ онѣ родились и воспитывались, но что ожидаетъ ихъ другая будущность, гдѣ онѣ встрѣтятъ другія привязанности, именно супруги и матери, другія священныя, дорогія обязанности, которымъ должны будутъ отдаться всѣмъ существомъ своимъ. Такія внушенія, если не охлаждали ихъ дружбы, все-таки притупляли опасный характеръ ея. Образованіемъ ихъ, по программѣ матери, занимались англичанка среднихъ лѣтъ и русская институтка, обѣ съ добрымъ характеромъ и съ достаточнымъ запасомъ знаній. Холодная наружность и манеры одной расцвѣчивались веселымъ, живымъ характеромъ другой. За религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ дочерей на-

блюдала сама Настасья Александровна, согрѣвавшая ихъ душу теплымъ дыханіемъ своей души.

Среди откровенныхъ разговоровъ матери съ сыномъ, когда они оставались одни, она замѣчала ему,— «почему онъ, живя такъ долго въ Москвѣ, не избралъ себѣ до сихъ поръ въ тамошнемъ обществѣ подруги».

— Не выбралъ еще по сердцу,—отвѣчалъ онъ.

— Ты писалъ мнѣ съ такимъ необыкновеннымъ восторгомъ о Лизѣ Ранѣевой, съ такимъ теплымъ чувствомъ объ Антонинѣ Лориной,—говорила мать.

— Изъ моихъ писемъ вы, конечно, замѣтили, что я полюбилъ первую страстно, какъ не любилъ ни одной женщины.

— Эти порывистыя страсти бываютъ ненадежны.

— За то и сокрушились разомъ, когда она сама призналась мнѣ, что любила другого. Мы все-таки остались друзьями, я еще болѣе прежняго сталъ уважать ее за честное, откровенное признаніе, и съ того времени къ двумъ сестрамъ моимъ прибавилась третья.

— А Лорина?

— Мое сердце, милая мамаша, не переметная сума. Нынѣ полюбилъ страстно одну, не удалось пріобрѣсть ея любви, не предложить же вдругъ своего сердца другой.

— Не зная ихъ лично, могу только судить объ нихъ по твоимъ письмамъ. Признаюсь тебѣ, мое сердце лежитъ болѣе къ Лориной. Та съ горячею, эксцентрической головкой, энтузіастка, съ жаждой какихъ-то подвиговъ, не совсѣмъ по мнѣ. И сестры твои, по твоимъ портретамъ, склоняются болѣе на сторону Тони. Можетъ быть, мы и ошибаемся.

Въ задушевныхъ бесѣдахъ съ матерью и сестрами пролетѣли дня два. Андрею Иванычу надо было приступить къ цѣли своего пріѣзда. Дядя его, Петръ

Андреевичъ, котораго будемъ называть младшимъ въ отличіе отъ брата его, Ивана Андреевича, прежде умершаго, поссорился нѣкогда съ нимъ изъ-за дѣлежа наслѣдства, въ которомъ почиталъ себя обиженнымъ, и долго питалъ къ нему неудовольствіе. Современемъ помирились они. Младшій вкрался въ довѣренность къ старшему до того, что тотъ поручилъ ему завѣдываніе своимъ имѣніемъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ, гдѣ удерживало его нѣсколько лѣтъ воспитаніе сына. Петръ Андреевичъ не только принялся усердно хозяйничать въ этомъ имѣніи, но и ссужалъ старшаго брата деньгами, когда оказывалась у того засуха въ бумажникѣ. А это случалось нерѣдко по случаю дорогой жизни въ Петербургѣ, съ которою онъ, сельскій житель, не могъ сладить. Послѣ смерти Ивана Андреевича оказались на немъ долги, и самые главные брату. При этихъ займахъ не забывалось брать законныя обязательства, но забывались росписки въ полученіи то процентовъ, то части капитальной суммы — росписки, которыя по родственной и дружеской довѣренности бросались куда ни попало, а иногда и вовсе уничтожались. Мы видѣли, что Петръ Андреевичъ былъ выбранъ опекуномъ надъ имѣніемъ своихъ племянника и племянницъ, видѣли, что это имѣніе было доведено до продажи съ аукціоннаго торга. Къ счастію малолѣтнихъ, было отыскано нѣсколько росписокъ и остальной долгъ заплаченъ кредитору, хотя не безъ тяжкихъ жертвъ. Въ послѣднее время дядя, подстрекаемый своимъ корыстолюбіемъ и страстью къ сутяжничеству, затѣялъ снова тяжбу съ дѣтьми своего брата о значительныхъ пустошахъ, которыя онъ по межевымъ книгамъ считалъ своими. Въ нижнихъ инстанціяхъ ему было повезло, но дѣло перенесено въ сенатъ и тутъ приняло другой, болѣе законный оборотъ, благопріятный для семейства

Ивана Андреевича. Эта неудача озлобила еще болѣе Петра Сурмина, и онъ поклялся, что дѣти родного брата его не получатъ послѣ смерти его ни гроша, а отдастъ онъ все свое богатое имѣніе дальнимъ родственникамъ, хоть бы пришлось отыскивать ихъ на краю свѣта. Провидѣніе распорядилось, однакожъ, иначе. Параличный ударъ положилъ конецъ этимъ враждебнымъ замысламъ и тяжбѣ. По законамъ, все, что оставалось послѣ него, движимое и недвижимое, правдою и неправдою нажитое, переходило именно къ тѣмъ, кого онъ въ злобѣ своей отстранялъ отъ наслѣдства. Права прямыхъ наслѣдниковъ были безспорны, оставалось только судебнымъ мѣстамъ признать ихъ актуально.

— Не забудь сдѣлать что-нибудь для обезпеченія Прасковьи и дѣтей ея, — сказала Настасья Александровна сыну, когда тотъ собрался ѣхать въ имѣніе дяди.—Остались безъ куска хлѣба. Простая женщина, а между тѣмъ сколько въ ней благородства, честной энергіи! Будешь тамъ, все узнаешь подробно и оцѣнишь ее.

Пріѣхалъ Андрей Иванычъ въ имѣніе дяди и нашелъ, что мѣстная полиція исполнила правильно свои обязанности. Оставалась въ домѣ молодая особа, экономка по названію, но болѣе близкая по связямъ къ покойнику. Она была дочь двороваго человѣка. Прасковья, какъ называли ее господа, и Прасковья Семеновна, какъ величала ее домашняя прислуга, прижила съ дядей Сурминымъ троихъ дѣтей. Ничего не сдѣлалъ онъ для ихъ обезпеченія, откладывая со дня на день исполненіе этой обязанности въ надеждѣ на крѣпкое свое здоровье. Во время суматохи, происшедшей въ домѣ по случаю внезапной кончины владѣльца, эта особа могла бы,—какъ это дѣлается въ подобныхъ случаяхъ,—съ помощью дворовыхъ людей, любившихъ

ее за кроткій нравъ, и въ надеждѣ дѣлежа, воспользоваться большею частью движимаго имущества покойника. А имущество это заключалось въ богатой серебряной посудѣ, музеѣ рѣдкостей, доставшемся ему по закладной, въ серіяхъ и кредитныхъ билетахъ. Къ удивленію Андрея Иваныча, все это оказалось въ цѣлости согласно съ описями, которыя велъ дядя въ величайшей исправности и которыя могли бы быть истреблены съ помощью и не дворовыхъ людей. Только-что успѣлъ остыть трупъ покойника, Прасковья дала знать мѣстной полиціи, чтобы она прибыла для освидѣтельствованія движимаго имѣнія и опечатанія его. Нашлись чиновники, намекнувшіе ей о возможности сдѣлать львиный раздѣлъ ему, но она была глуха ко всѣмъ искушеніямъ и объявила, что если кто осмѣлится дотронуться до цѣнныхъ вещей и денегъ, оставшихся послѣ покойника, до пріѣзда законнаго наслѣдника, такъ дастъ немедленно знать объ этомъ Настасьѣ Александровнѣ. Между тѣмъ эта диковинная женщина оставалась съ дѣтьми безъ куска хлѣба. Андрей Ивановичъ при этомъ случаѣ вспомнилъ разговоръ свой съ Ранѣевой о русскихъ женщинахъ и устыдился, что въ числѣ ихъ оскорбилъ своимъ злословіемъ и Прасковью. Первымъ его дѣломъ было обласкать ее и дѣтей ея, вторымъ—устроить ихъ будущность. До совершенія законнаго ввода его во владѣніе имѣніемъ онъ выдалъ такъ-называемой экономкѣ отъ своего имени заемное письмо на полгода въ десять тысячъ рублей, дозволилъ ей жить въ домѣ, сколько ей угодно, и на это время положилъ ей приличное содержаніе съ дѣтьми. Дворовые люди не были забыты и получили также щедрое обезпеченіе. Такимъ образомъ жилище скорби и страха радостно оживилось съ пріѣздомъ молодого наслѣдника. Благословеніямъ ему не было конца.

Всѣ распоряженія сына Настасья Александровна скрѣпила печатью своего сердца. Формальности о признаніи въ законныхъ правахъ его требовали иногда его присутствія въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ оставилъ для успѣшнѣйшаго хода дѣла своего адвоката. Что ему особенно было непріятно, такъ это неминуемая поѣздка въ Бѣлоруссію, гдѣ дядя имѣлъ значительное помѣстье, въ эту terra incognita, край, по слухамъ, враждебный, сулившій ему много скучныхъ и тревожныхъ дней.

Среди заботъ по наслѣдству, смѣняемыхъ мирными удовольствіями семейной жизни, онъ не забылъ обитателей домика на Прѣснѣ и пробѣгалъ мысленно послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Москвѣ. Обновлялась въ памяти его роковая встрѣча на Кузнецкомъ мосту съ добродушнымъ, благороднымъ старикомъ Ранѣевымъ, такъ горячо полюбившимъ его и къ которому онъ самъ привязался, будто къ отцу родному. Какъ горячій лучъ палъ въ душу его и дивный образъ Лизы, этой странной, чудесной дѣвушки, околдовавшей было его чарами своей красоты и ума, создавшей въ его сердцѣ цѣлый міръ блаженства. И чтожъ потомъ? Нѣсколькихъ словъ довольно было, чтобъ все это разсѣялось прахомъ. Изъ-за этого образа всталъ другой, не столько ослѣпительный, а все-таки свѣтлый, привлекательный, съ животворной улыбкой, съ очами, ласкающими сердце, съ дѣтскимъ, игривымъ говоромъ, вносящимъ въ него миръ и отраду.

Могъ ли Сурминъ думать, что въ это самое время смерть вырывала жертву изъ дорогой ему семьи и носилась уже надъ другою!

Письмо отъ Лизы глубоко тронуло его. Не задумываясь ни одной минуты, онъ бросилъ свои дѣла, довѣривъ окончаніе ихъ своему адвокату, и простился съ матерью и сестрами.

Въ передней квартиры Ранѣевыхъ встрѣтила его

Лиза, какъ-будто неземного врача, который долженъ былъ поднять отца съ болѣзненнаго одра. Она готова была броситься ему въ объятія.

— Онъ васъ такъ ждалъ, такъ часто спрашивалъ,— говорила она Андрею Иванычу, подавая ему дружески обѣ руки.—Пойдемте за мною, я предупрежу его.

Черезъ двѣ минуты она позвала пріѣзжаго. Старикъ лежалъ на постели, но при входѣ Сурмина приподнялся, лицо его просіяло.

— Благодарю, благодарю,—произнесъ онъ слабымъ голосомъ, сжимая его руку въ своей, и слезы покатились по щекамъ, изрытымъ болѣзнью.

Въ слѣдующіе дни онъ казался спокойнѣе и тверже, бесѣдовалъ повременамъ съ молодымъ другомъ своимъ, разсказывалъ ему о славной смерти сына, не забылъ, между прочимъ, просить, чтобы онъ прекратилъ свои гоненія на Киноварова

— Я разсчитался уже со своимъ прошедшимъ,— говорилъ старикъ,—и простилъ всѣхъ, кто меня оскорбилъ и сдѣлалъ мнѣ зло. Къ тому-жъ онъ можетъ быть полезенъ для русскаго дѣла въ краю, гдѣ живетъ.

Сурминъ далъ слово исполнить его волю.

Такая благодатная перемѣна въ состояніи больного продолжалась съ недѣлю, сердце оживилось надеждою, все кругомъ его приняло болѣе веселый видъ. Сурминъ находилъ, что Тони еще похорошѣла, глаза ея блестѣли необыкновеннымъ огнемъ, когда она съ нимъ говорила.

Но признаки выздоровленія Ранѣева были обманчивы, были только радостными проблесками, которыми Провидѣніе хотѣло украсить послѣдніе его дни и дать передохнуть окружавшимъ его передъ печальною катастрофой, готовою надъ нимъ разразиться. Ему дѣла-

лось хуже, онъ сталъ тяжело дышать и потребовалъ священника. Исполнивъ христіанскія обязанности, разрѣшавшія его земныя узы, онъ заснулъ, но сталъ вскорѣ бредить. Сокровенныя тайны души вырвались у него въ эти минуты.—«Лиза, бѣдная Лиза,—говорилъ онъ,—помни, мое милое, дорогое дитя... Никогда за врага Россіи! Бѣдность, бѣдность!... Дочь генерала!... ходитъ въ слякоть, въ дождь, въ морозъ давать уроки по домамъ! Билеты, карточки! А сколько у тебя билетовъ на похороны?... И три аршина для праха отца надо купить золотомъ». Въ предсмертномъ бреду переплетались слова: «*Судбище, варѳоломеевская ночь, Володя*». Очнувшись, онъ долго, долго всматривался вокругъ себя, подозвалъ дочь, благословилъ ее дрожащими руками, завѣщалъ похоронить его возлѣ Агнесы, церемоній похоронныхъ никакихъ не дѣлать, да и не изъ чего... «Простой гробъ и одинъ священникъ... довольно для напутствованія его праха въ ту землю, изъ которой онъ взятъ». Простился со всѣми; простился съ поручикомъ Лоринымъ, другомъ его сына, пожелалъ спать, закрылъ глаза и заснулъ сномъ вѣчнымъ. Послѣднее біеніе его сердца отдалось на устахъ его дочери, лобызавшей его руку, и замолкло. Маятникъ жизни остановился.

Задернемъ занавѣсъ надъ наступившей потомъ печальной сценой. Кто видѣлъ смерть близкихъ, дорогихъ ему людей, знаетъ, какъ тяжелы подобные часы!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

I

Пока предали землѣ останки того, кого называли на ней Ранѣевымъ смерть пощадила черты добраго лица его. Казалось, онъ наслаждался пріятнымъ сномъ. И пора ему было отдохнуть отъ тяжелаго пути, по которому онъ шелъ, отъ всѣхъ житейскихъ потрясеній, которыми жизнь его была столько разъ надломлена. Предстояло Лизѣ справить похороны, хоть скромныя, но приличныя; одно мѣсто на кладбищѣ стоило довольно дорого. Заработанныхъ ею билетовъ за уроки было немного, они не могли пополнить и четвертой доли расходовъ. Къ горестному чувству о потерѣ отца присоединились обычныя въ этомъ случаѣ заботы о погребеніи его. Можно вообразить, въ какомъ затруднительномъ положеніи она находилась.

Сердце Тони спѣшило выручить ее.

Сурминъ, какъ другъ покойника, осторожно намекнулъ было черезъ Тони о денежныхъ услугахъ.

— Благодарю васъ,—сказала она, принимая его въ своей комнатѣ на мезонинѣ, какъ и всѣхъ, кто имѣлъ въ это время дѣло до ея подруги,—деньги *у насъ* есть, но отъ дружескихъ вашихъ услугъ не откажемся. Мы попросимъ васъ заняться покупкой и устройствомъ всего, что нужно для приличныхъ похоронъ. Лизѣ не до того, а я не сумѣю распорядиться. Не откажитесь, Андрей Иванычъ, вы такіе добрые.

И посмотрѣла она на него нѣжнымъ, умоляющимъ взглядомъ.

— Съ величайшею готовностью.

— Я принесу вамъ сейчасъ деньги, Лиза мнѣ ихъ поручила.

Тони юркнула въ свою спальню и минуты черезъ двѣ передала ему довольно тяжеловѣсный свертокъ. Въ немъ завернуто было золото.

— Сколько же тутъ? — спросилъ онъ, смотря на нее съ какимъ-то подозрительнымъ недоумѣніемъ.

— Сорокъ девять.

— Довольно будетъ и половины, можетъ быть, еще менѣе. Покойникъ желалъ скромныхъ похоронъ. Что будетъ положено на мертваго, то отнимется у живыхъ.

Сурминъ развернулъ свертокъ—все имперіалы временъ Елисаветы и двухъ Екатеринъ

— Должно быть — замѣтилъ онъ съ коварною улыбкою, отложивъ себѣ въ кошелекъ двадцать штукъ и возвращая остальные Антонинѣ Павловнѣ,—что пятидесятый убѣжалъ въ Елисаветинъ день на помощь бѣдной вдовѣ.

— Право, Лизины,—отозвалась Тони, покраснѣвъ отъ стыда, что говорила неправду,—ей подарены были Зарницыной на черный день.

— Было много черныхъ дней въ жизни ихъ, Ан-

тонина Павловна,—грустно сказалъ Сурминъ,—а золотые не убывали. Впрочемъ, я забылъ, что вы второе *я* Лизаветы Михайловны.

— Желала бы, чтобы вы всегда это помнили и не пытали меня болѣе, а то я заплачу

И въ самомъ дѣлѣ слезы готовы были навернуться на глазахъ Тони.

— Ужь и такъ много слезъ пролито въ эти дни, и я вовсе не желаю быть ихъ причиною изъ-за пустяковъ. По крайней мѣрѣ, вы позволите мнѣ сказать, что сердце ваше—сокровище.

Сурминъ раскланялся было, но, дойдя во двери, вдругъ оборотился.

— Вы меня, кажется, звали?—спросилъ онъ.

Въ это время взоры ихъ встрѣтились: онъ смотрѣлъ на нее, если не влюбленными, то симпатичными глазами, она глядѣла вслѣдъ ему своими синими глазами съ любовью.

— Нѣтъ,—отвѣчала она, вспыхнувъ.

— Ну, такъ придется вѣрить магнетическому току вашихъ глазъ. Если вы не говорили, такъ хотѣли мысленно позвать меня, и я повиновался. Но за то, что вы заставили меня вернуться, попрошу вашу ручку.

Тони съ удовольствіемъ подала ему руку. Продержавъ ее съ минуту въ своей, онъ вышелъ; она, вся пылая, погрузилась въ глубокую думу, изъ которой только выведена была монотоннымъ чтеніемъ псалмовъ дьячка, слышавшимся изъ нижняго этажа. Ей казалось, что въ эти минуты ея думы, ея чувства—были святотатство.

Отнесли останки Ранѣева на кладбище одного изъ женскихъ монастырей и похоронили подлѣ Агнесы, потѣснивъ немного сторонняго покойника.

Похороны были приличныя. Говорить ли, что въ

долѣ расходовъ тайно участвовалъ Сурминъ? Тониныхъ золотыхъ не употреблялъ онъ даже тѣхъ, что взялъ у нея, и подалъ ей въ этихъ деньгахъ подробный расчетъ. Она умѣла только поблагодарить его нѣсколькими сердечными словами.

На похоронахъ появилась и Левкоева, но и тутъ замѣтила одному изъ братьевъ Лориныхъ, что генералу церемонія подобала понаряднѣе; критиковала, почему не было болѣе богатаго гроба и парчеваго покрова, катафалка, четверни лошадей; прибавила, что «если они *ужъ такіе бѣдные*, то она, Левкоева, со своими связями, еслибъ только *попросили*, могла бы собрать достаточную сумму на генеральскія похороны». Никто не далъ ей отвѣта, да и вообще не обратилъ на нее вниманія.

Первымъ дѣломъ Лизы, когда она немного успокоилась и могла взять перо въ руки, было написать Зарницыной о смерти отца. Дней черезъ десять она получила слѣдующій отвѣтъ:

«Милое, дорогое дитя мое, Лиза! Ужасныя потери твои, одна за другою, глубоко поразили меня. Воображаю состояніе твоей души, твое одинокое, сиротское положеніе при матеріальныхъ лишеніяхъ! Что будешь дѣлать въ Москвѣ? Не на уроки же опять ходить въ слякоть и морозы! Ты знаешь, что у тебя есть вторая мать. У меня нѣтъ дѣтей, и ты всегда замѣняла мнѣ ихъ. Пріѣзжай ко мнѣ, все мое также и твое. Мой мужъ любитъ тебя не менѣе меня и усердно зоветъ. Ты писала ко мнѣ, что у тебя есть близнецъ твоего сердца, Антонина Лорина, которую очень любилъ и отецъ твой. Разлука съ нею была бы для тебя тяжела. Не мнѣ разсѣкать эту связь, сплетенную такъ крѣпко, не мнѣ отрывать отъ тебя твое второе *я*, какъ ты изъяснялась мнѣ въ одномъ твоемъ письмѣ. Это было бы жестоко съ моей стороны. Сколько я

знаю по этимъ же письмамъ, она свободна. Пригласи ее съ собою, уговори всѣми сердечными убѣжденіями, на которыя ты такая мастерица. Увѣрь ее, что въ сердцѣ моемъ, хотя и старушечьемъ, найдется теплое мѣстечко для васъ обѣихъ, вы же составляете одно существо. Ты знаешь меня хорошо. Прошу и приказываю не много размышлять и не колебаться. Путешествіе, невѣдомый вамъ край, новые люди хоть немного разсѣютъ васъ. Пріѣзжайте непремѣнно. Ты вѣрно заняла на похороны. Посылаю тебѣ на уплату долга и на путевые расходы, сколько, по моему расчету, нужно. Мое сердце и горячія объятія ждутъ васъ.

«Твоя
Евгенія Зарницына».

«P S. И надъ здѣшнимъ краемъ поднимаются грозовыя тучи. Я дѣйствую и устраиваю отводы. Хочу доказать, что если польки способны на патріотическіе подвиги, такъ и русскія женщины сумѣютъ дѣйствовать за дѣло своего отечества. Посылаю отцу твоему на небо сердечное спасибо за присылку ко мнѣ довѣреннаго человѣка. Онъ далъ мнѣ руководящую нить. Не стану болѣе писать объ этомъ, пріѣдешь, все узнаешь, можетъ быть, и сама поможешь мнѣ».

Лиза увѣрена была заранѣе въ этомъ приглашеніи. Не было другого лучшаго исхода изъ ея тяжкаго положенія, какъ принять его; не было другого болѣе надежнаго пріюта для нея, какъ домъ ея второй матери. Но *онъ* тамъ, въ этомъ Бѣлорусскомъ краѣ. Конечно, если встрѣтитъ его, она ограждена отъ увлеченій завѣщаніемъ отца, своею клятвою, разсудкомъ, она сумѣетъ выйти изъ сердечной борьбы побѣдительницей, но все-таки сильно задумалась надъ письмомъ. О какомъ довѣренномъ человѣкѣ говорила Зарницына,

кто такой, — осталось для Лизы тайной. Если-жъ?.... блеснула въ головѣ ея молніеносая мысль, и она рѣшилась ѣхать, какъ скоро минетъ шесть недѣль по смерти отца. Ей очень хотѣлось убѣдить Тони на эту поѣздку. Она не будетъ разлучена съ подругой, съ которою такъ сердечно сжилась; ее, доселѣ такую твердую, энергическую, побуждала и надежда, въ минуту душевнаго изнеможенія, опереться на Тони, этомъ слабомъ въ сравненіи съ нею существѣ. Такъ Лиза начинала извѣряться въ собственныя свои силы. Подавая ей письмо Зарницыной, она горячо обняла ее и принималась нѣсколько разъ съ жаромъ цѣловать. Ожидались нерѣшительность, колебанія, можетъ быть отказъ. Но какъ изумилась Лиза, когда Тони, не думая долго, объявила ей, что ѣдетъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Мои братья и сестра, — говорила Тони,—привыкли жить въ разлукѣ со мною; я буду знать, что имъ здѣсь хорошо, и не стану тревожиться на ихъ счетъ. Съ Евгеніей Сергѣевной и ея мужемъ ты давно меня познакомила; путешествіе, новый край, новые люди, какъ она пишетъ, ты подлѣ меня,—чего-жъ мнѣ желать лучше?

Поцѣлуямъ и увѣреніямъ въ неизмѣнной дружбѣ не было конца. Скажу вамъ по секрету, мой читатель, что если къ этому быстрому рѣшенію подвинула ее дружба, такъ надъ этимъ чувствомъ въ то же время господствовало другое, можетъ быть болѣе сильное. Тони уловила изъ разговора Сурмина съ Ранѣевымъ, что онъ долженъ непремѣнно ѣхать въ Бѣлоруссію для полученія наслѣдства, доставшагося послѣ дяди, она будетъ видѣть его, будетъ близко отъ него... Головка ея воспламенилась отъ этой мысли.

Когда-жъ Лиза объявила Сурмину о своей по-

ѣздкѣ, онъ просилъ у нея позволенія сопутствовать имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ подруги обязали бы его, завернувъ по дорогѣ въ Прирѣченскій пріютъ хоть дня на два, на три.

— Вы еще мало путешествовали, — прибавлялъ Андрей Ивановичъ,—къ тому-жъ съ желѣзной варшавской дороги должны будете своротить на почтовую до мѣстопребыванія Зарницыной. Времена смутныя. Могутъ встрѣтиться хлопоты, дорожныя заботы. Человѣкъ, вамъ преданный, не лишній товарищъ на такомъ дальнемъ пути. А если осчастливите нашъ домъ, такъ это будетъ для матери, для сестренокъ моихъ, заочно васъ полюбившихъ, большимъ праздникомъ.

Отказываться отъ такого приглашанія не было причинъ, и Лиза за себя и Тони согласилась. Нечего говорить, что послѣдняя примкнула къ этому согласію словомъ и сердцемъ.

Денежный долгъ Тони былъ уплаченъ, всякая движимость, остававшаяся въ квартирѣ Ранѣевыхъ, отчасти продана, отчасти перешла въ комнату Даши и въ комнату Тони, которую занялъ искалѣченный братъ ихъ. Ему же, какъ бы по наслѣдству, перешли всѣ группы vieux Saxe, назначенныя Володѣ. Лиза взяла съ собою только дорогіе для нея семейные портреты, картину съ изображеніемъ Жанны д'Аркъ и завѣщанную ей отцомъ фарфоровую сестру милосердія. Тони не разсталась со своимъ рыцаремъ.

Простились въ урочный день не безъ слезъ съ оставшимися жильцами домика на Прѣснѣ. Даша старалась быть твердою, утѣшала себя, сестру и Лизу словами надежды, что имъ будетъ хорошо въ новомъ краѣ, и словами упованія на милосердіе Божіе; обѣщались чаще переписываться. Провожаемыя благословеніями, обѣ подруги, въ сопутствіи Андрея Ивановича,

отправились въ дорогу. Въ Прирѣченской усадьбѣ Настасья Александровна и дочери ея, предупрежденныя о пріѣздѣ къ нимъ дорогихъ гостей, встрѣтили ихъ съ неподдѣльною радостью. Скоро между семействомъ Сурмина и пріѣзжими установилось дружеское сближеніе. Настасья Александровна нашла, что похвалы сына обѣимъ подругамъ были не преувеличены. Обѣ очаровали ее своею наружностью, умомъ и простотою обращенія. Только, сравнивая оригиналы съ портретами, писанными домашнимъ живописцемъ, она замѣтила, что кисть его погрѣшила. Въ Лизѣ, можетъ быть по краткости знакомства, можетъ быть по горестному положенію, въ которомъ она находилась, не видно было той пылкой энтузіастки, какою представилъ ее сынъ, вѣроятно, въ минуты досады на нее. Напротивъ того, строгія черты лица, оттѣненнаго грустью, сдержанный тонъ разговора и манеръ были скорѣе отраженіемъ твердаго, болѣе холоднаго характера, чѣмъ тотъ, который придавали ей письма сына и потомъ воображеніе матери.

Преобладай въ Ранѣевой эксцентричность характера, все-таки и въ ея положеніи складки этого характера выступили бы какъ-нибудь невольно на покровѣ, который на первыхъ порахъ знакомства она бы на себя накинула.

Но если Настасья Александровна и чувствала къ ней сердечное влеченіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть и старушка, не могла не подчиниться и невольному чувству уваженія къ ея личности, помимо того, на которое вызывали ея несчастія.

Также, по мнѣнію Сурминой, и въ портретѣ Тони живописецъ погрѣшилъ. Андрей Иванычъ называлъ ее хорошенькой, миленькой, а мать нашла, что она болѣе чѣмъ хорошенькая и привлекательна въ высшей степени. Но и въ этомъ случаѣ нашлось для него изви-

неніе. Онъ писалъ къ ней во время своего страстнаго поклоненія другой очаровательной дѣвушкѣ, передъ ослѣпительной красотой которой все, ее окружавшее, представлялось ему въ тѣни, на заднемъ планѣ.

— Еслибъ, — говорила Настасья Александровна,— зависѣлъ отъ меня выборъ жены для сына, такъ я выбрала бы Антонину Павловну.

Гувернантки, англичанка и русская, раздѣлились въ мнѣніяхъ на двѣ стороны. Одна, холодная миссъ, отдавала пальму первенства Лизѣ, вторая, болѣе воспріимчивая по своей натурѣ, — Тони. Дочери сердцемъ присоединялись къ партіи послѣдней. Тони въ одинъ день сдѣлалась какъ бы ихъ семьянинкой, словно жила съ ними годы. Играя своимъ живымъ, открытымъ характеромъ на юныхъ сердцахъ, она будто перебѣгала по клавишамъ своего рояля. Въ первый же день сестры Сурмина и Лорина обращались уже другъ съ дружкой на *ты*, называли другъ дружку: Тони, Оля, Таня.

Близнецы-сестры просили гостей своихъ оставить имъ на память нѣсколько строкъ въ общемъ ихъ альбомѣ. Лиза написала въ немъ слѣдующія строки изъ одного сочиненія г-жи Неккеръ де-Соссюръ:

«*Совершенство, къ которому стремится человѣкъ, таково, что оно вызываетъ или наше одобреніе, или восторгъ и удивленіе. Первое относится къ исполненію своего долга, послѣднее къ доблести или самоотверженію*».

«*Елисавета Ранѣева*».

Тони написала:

Любите чистымъ сердцемъ и во всемъ поручите себя Богу. Въ любви найдете источникъ долга, доблестей и самоотверженія».

«*Тони Лорина*».

На другой день кружокъ, собравшійся въ домѣ Сурминыхъ, сидѣлъ за вечернимъ чаемъ. Распахнулась дверь, и влетѣла молодая дѣвушка, довольно интересной, шикарной наружности, въ бархатномъ малиновомъ кепи, въ перчаткахъ съ широкими раструбами, по образцу кучерскихъ. За поясомъ блестѣлъ маленькій кинжалъ съ золотою ручкой. При входѣ въ комнату, она разразилась хохотомъ, такъ что всѣ тутъ бывшіе вздрогнули.

— Ха, ха, ха!—зарокотало по залѣ, имѣвшей сильный резонансъ.

— Что случилось?—спросила пришедшую сконфуженная хозяйка.

— Вообразите, mesdames, — отвѣчала та, — мы ѣхали съ мамашей на тройкѣ, я правила...

— По обыкновенію.

— Одна изъ пристяжныхъ отъ моего бича лягнула ногой черезъ постромку и пошла чесать. Сани немного на бокъ, мамаша струсила, вздумала выпрыгнуть, какъ русалка *Леста*, и прямо въ снѣжный сугробъ, почти подъ ноги лошади. Съ нами только тринадцатилѣтній мальчикъ. Я не потеряла головы, остановила mes fiers coursiers, ввела буянку въ постромочную дисциплину, усадила мать и, какъ видите, предстою передъ вами.

— Гдѣжъ ваша мать?

— Въ вашей спальнѣ. Дайте ей какого-нибудь эскулаповскаго снадобья. Ce sont des chimères.

Настасья Александровна пожала плечами и пошла подавать ушибенной возможную помощь.

Пріѣзжія были близкія сосѣдки ея, Бармапутины, довольно зажиточныя.

Полина Бармапутина, дочка, бойко подала руку Андрею Иванычу, поздоровалась съ сестрами его, сказала нѣсколько привѣтливыхъ словъ англичанкѣ по-англійски, русской гувернанткѣ по-французски, потомъ,

прищуриваясь и нахмуривъ немного брови, свысока обвела глазами Лизу и Тони.

Андрей Иванычъ представилъ ее своимъ гостямъ.

Она видѣла, что Лиза говорила съ англичанкой, и обратилась къ ней на англійскомъ языкѣ.

— Извините,—сказала Лиза, — я плохо говорю по-англійски, и потому разговоръ на этомъ языкѣ былъ бы для насъ затруднителенъ.

— И та, другая тоже?—спросила Бармупутина у одной изъ сестеръ Сурмина, кивая на Тони.

— Тоже,—отвѣчала та.

Mademoiselle Бармапутина сдѣлала гримасу.

— Fi! quelle misère! а говорили, образованныя.

Правда, это замѣчаніе было сдѣлано довольно тихо.

Какъ мамаша ея, такъ и она мѣтили на богатаго женишка Сурмина, онъ же чувствовалъ къ нимъ какую-то антипатію.

Новопріѣзжая, вооружась богатымъ складнымъ лорнетомъ и еще разъ сдѣлавъ смотръ Лизѣ и Тони, замѣтила, что онѣ обѣ хорошенькія и потому опасныя для нея соперницы.

Она обратилась къ сестрамъ-близнецамъ на англійскомъ языкѣ, посыпались, какъ ей казалось, остроумныя замѣтки на счетъ московокъ.

— Мамаша не приказываетъ намъ говорить по-англійски,—сказала Оля,—когда есть въ комнатѣ кто-нибудь, кто не понимаетъ этого языка: она находитъ это неприличнымъ.

Возвратилась въ залу Настасья Александровна и за нею, переваливаясь уткой, вошла кряхтя дама лѣтъ слишкомъ сорока, довольно полная, съ тупою физіономіей; Оля и Тоня бросились къ ней и стали съ участіемъ распрашивать о ея ушибѣ.

— Ничего, немного зашибла плечо, а все эта шалунья-дочка.

— Всегда дочки виноваты,—перебила ее съ сердцемъ Полина.—Вольно-жъ было струсить и выскочить безъ толку изъ саней.

Послѣ обычныхъ рекомендацій старушки-Бармапутиной и нашихъ московокъ всѣ усѣлись опять за чайный столъ. Дочка повременамъ въ разсыпномъ разговорѣ съ Андреемъ Ивановичемъ, сестрами его и гувернантками старалась парадировать выдержками изъ Бокля, Дарвина и Либиха. Видно было, что она читала ихъ поверхностно, надо ей было заявить только, что читала. Повременамъ она перебивала мать, горячо спорила съ нею, безцеремонно по привычкѣ покрикивала на нее, не стѣсняясь выказывала ее во всей ея ничтожности. Мать, покорно смиряясь передъ репримандами дочки, смыкала уста и углублялась взорами на дно отпитой чашки, переворачивая ее съ боку на бокъ. Здѣсь, по чайнинкамъ, приставшимъ къ краямъ фарфора, прозрѣвала судьбу свою и своего единороднаго деспота.

Дочка въ эти минуты смотрѣла на нее съ презрительною улыбкой. Между тѣмъ и безъ чайнаго оракула можно было предвѣщать обѣимъ, что одна до конца своей жизни останется тряпкой, а другая, если и выйдетъ замужъ, будетъ домашнимъ демономъ, сведетъ съ ума злополучнаго супруга, а тотъ убѣжитъ отъ нея хоть къ полюсамъ.

— Я забыла вамъ сказать, — обратилась Полина Бармапутина къ сестрамъ-близнецамъ, — что привезла вамъ обѣщанныя ноты; прикажите ихъ взять отъ нашего мальчика.

Тетрадь съ нотами была принесена и отдана на разсмотрѣніе Настасьи Александровны. Перевернувъ листы, она объявила, что музыкальныя сочиненія въ одной части тетради слишкомъ игривы, не ладятъ съ положеніемъ, въ которомъ находятся ея

гостьи; а въ другой части духовныя — не по силамъ дочерей.

Это были произведенія знаменитыхъ maestro: «Прославленіе Бога» (Die Himmel rühmen) Бетховена, «Молитва» Россини и «Ave Maria» Баха.

— Помилуйте, — замѣтила Полина, — я ихъ легко играю и пою.

— Сдѣлайте одолженіе.

И mademoiselle Бармапутина, желая блеснуть своими талантами, сѣла за рояль и стала играть и пѣть первую попавшуюся ей піесу. Жребій палъ на Бетховена.

Играла она посредственно, пѣла такъ же, слушатели остались равнодушны.

Андрей Ивановичъ, желая, чтобы одна изъ московскихъ его гостей восторжествовала надъ самонадѣянною провинціалкой, попросилъ Антонину Павловну съиграть и спѣть ту же піесу. Тони не заставила себя упрашивать. Побѣда была полная, соперничество уничтожено. Сколько искусства, столько и души вложила она въ свою игру и пѣніе! Это была несомнѣнная музыкальная сила. Спѣла еще безъ просьбы «Молитву» Россини. Жаркія похвалы, жаркія рукоплесканія увѣнчали ея торжество, къ нимъ невольно присоединила свои и Полина Бармапутина. Скоро, однакожъ, мать и дочка, уязвленныя въ своемъ самолюбіи, распростились съ хозяевами.

Пріѣздъ этой странной парочки разстроилъ было семейный кружокъ, такъ хорошо сладившійся, и оставилъ въ немъ по себѣ непріятное впечатлѣніе.

— Уфъ! — сказалъ Сурминъ, проводивъ ихъ. — Вотъ вамъ, Лизавета Михайловна, образчикъ нашихъ провинціальныхъ эмансипированныхъ дѣвицъ.

Лиза ничего не отвѣчала.

— Жаль, — сказала Настасья Александровна, — дѣвочка неглупая, а напустила на себя дурь.

Далѣе не было объ нихъ разговора; въ семействѣ Сурминыхъ остерегались осужденія. А было что поговорить о Полинѣ. Она была дѣйствительно неглупая дѣвочка, но считала себя, со своимъ англійскимъ языкомъ и свитою громкихъ ученыхъ именъ, такою умною и образованною, что все, ее окружающее, должно было пасть передъ нею безмолвно на колѣни и восторгаться ею. Надо было видѣть, какъ она свысока смотрѣла на того, кто осмѣливался ей противорѣчить, съ какою олимпійскою важностью смотрѣла съ высоты, нахмуривъ брови, на своего противника. Въ провинціи она считала себя звѣздою первой величины, отъ которой всѣ спутники заимствовали свой свѣтъ. Если она щадила сестеръ Сурмина и его семью, такъ потому, что имѣла виды на него.

На третій день своего пребыванія въ Прирѣченской усадьбѣ Лиза и Тони, заполонивъ сердца жительницъ ея, въ сопровожденіи Андрея Ивановича отправились въ Петербургъ. Имъ надо было явиться въ урочный часъ на мѣстномъ дебаркадерѣ. Здѣсь встрѣтилась имъ небольшая остановка. Московскій поѣздъ еще не приходилъ, прибылъ только петербургскій. Въ одномъ изъ вагоновъ сидѣло до тридцати повстанцевъ изъ Царства Польскаго, взятыхъ въ плѣнъ въ разныхъ сшибкахъ. Это былъ едва-ли не первый транспортъ ихъ, все избранники изъ самыхъ ярыхъ революціонеровъ. Въ числѣ ихъ были два ксендза, схваченные съ крестомъ въ одной рукѣ и съ кинжаломъ въ другой. Ихъ сторожили двѣнадцать жандармовъ и при нихъ капитанъ. Немудрено, что всѣ бывшіе въ дебаркадерѣ, въ томъ числѣ и наши путешественницы со своимъ спутникомъ, бросились на платформу, съ которой можно было близко видѣть плѣнныхъ, не смѣвшихъ

выходить изъ своего вагона. Они большею частью, казалось, не очень горевали, насмѣшливо и злобно смотрѣли на зрителей, то и дѣло опустошали графины водки и бутылки шампанскаго, такъ что жандармскій капитанъ, боясь опасныхъ послѣдствій, не велѣлъ служителямъ гостиницы давать имъ болѣе вина. Видно, они имѣли при себѣ порядочныя деньги. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій у открытаго окна съ голой шеей, несмотря на сырое время, въ гарибальдійской рубашкѣ, видной изъ-подъ чемарки, остановилъ на себѣ вниманіе двухъ московскихъ подругъ. Онъ очень походилъ на Владислава Стабровскаго. Такой же красивый, съ такимъ же типомъ итальянской національности. Но это не былъ Владиславъ. Не братъ ли его, Ричардъ?... Плѣнный, вѣроятно, очарованный прекрасною наружностью Лизы и Тони и трогательнымъ участіемъ къ его судьбѣ, выражавшимся въ ихъ глазахъ, приковался къ нимъ и своими. Лиза грустно покачала головой, она думала: «несчастный, у тебя есть, можетъ быть, мать, была, можетъ быть, и женщина, которая тебя страстно любила, и ты покинулъ ихъ изъ мечтательной цѣли, къ которой ведутъ тебя враги Россіи».

Между тѣмъ Сурмина встрѣтилъ на платформѣ какой-то господинъ, лѣтъ тридцати, съ русою козлиной бородкой, и назвалъ его по имени.

— Вы не узнаете меня,—сказалъ онъ,—я Ла...кій, помните, петербургскій студентъ, что хаживалъ къ вамъ.

— А? Л...кій!—отозвался Сурминъ,—какими судьбами здѣсь? Ужь не...

Онъ указалъ на вагонъ, гдѣ сидѣли повстанцы.

— Вы думаете, изъ той когорты, нѣтъ я изъ другого разряда. Тѣхъ не выпускаютъ изъ вагона, а я гуляю себѣ, какъ видите. За то тѣмъ выдаютъ по 50 копѣекъ въ сутки, а мнѣ 15. Хорошо правосудіе!

— Свобода стóитъ чего-нибудь.

— Свобода? нѣтъ, не совсѣмъ. Видите, за мною, по пятамъ моимъ слѣдитъ жандармъ.

Сурминъ дѣйствительно увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ жандарма, не терявшаго Ла...каго изъ вида.

— Я имѣю право выходить, гдѣ хочу, останавливаться въ городахъ въ любой гостиницѣ, но мой сторожъ со мною вездѣ, днемъ, ночью, какъ тѣнь моя.

Ла...кій говорилъ чисто по-русски, какъ русскій.

— За чтожъ, про что?—спросилъ Сурминъ.

— Я былъ посредникомъ въ Минской губерніи. На меня донесли, что я собираю у себя сосѣднихъ помѣщиковъ и составляю заговоръ. Я ссылаюсь на жительство въ глушь Т..... губерніи. Тираннія!

— А вы хотѣли бы, чтобы мы потакали вамъ, ласкали васъ, какъ братья, когда вы насъ ругаете, оплевываете, ногтями дерете нашей матери грудь до крови.

— Пойте себѣ!

И понесъ Ла...кій сумасбродный вздоръ о границахъ польскаго королевства 1772 года, о польской національности въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и юго-западныхъ губерніяхъ, словомъ — все, что проповѣдывали тогда поляки и, можетъ статься, проповѣдуютъ теперь, не добывши себѣ ума-разума своими несчастіями.

— Вы женаты?—спросилъ Сурминъ.

— Нѣтъ.

— У васъ есть мать?

— Двѣ. Одна дала мнѣ жизнь, другая—моя отчизна. За эту готовъ я отдать жизнь.

Сурминъ не вступалъ съ нимъ въ дальнѣйшее напрасное состязаніе. Наконецъ Л...кій затормозилъ горячій ходъ своихъ рѣчей и обратился къ своему собесѣднику съ запросомъ, приправленнымъ медоточивымъ, вкрадчивымъ голосомъ и лисьимъ, заискивающимъ взгля-

домъ, какіе поляки умѣютъ употреблять, когда имъ нужно что-нибудь выпросить.

— Не знаете ли кого изъ *тамошняго* начальства?

— Для чего-жъ вамъ?

— Я хотѣлъ бы по старой дружбѣ попросить васъ замолвить кому-нибудь изъ тамошнихъ вліятельныхъ, хоть двумя строчками, за меня. Запрутъ въ какой-нибудь Тмутаракани, въ глуши лѣсовъ.

— Думаю, что мѣстность въ Минской губерніи не привлекательнѣе

— Все-таки лучше бы въ какомъ-нибудь Ли...ѣ, Мо...ѣ, гдѣ полоднѣе, общество пообразованнѣе, какъ бы сказать... вы меня понимаете.

— Еслибъ я зналъ кого-нибудь тамъ изъ вліятельныхъ, такъ извините, во мнѣ достанетъ довольно патріотизма—хоть вы, западники, и не признаете его въ насъ, русскихъ,—чтобъ не подать дружески руку врагу Россіи.

Съ этими словами Сурминъ отвернулся отъ Ла...каго и присоединился къ своимъ спутницамъ.

— Москва!—злобно процѣдилъ вслѣдъ ему сквозь зубы минутный его собесѣдникъ.

Въ это время подъѣхалъ московскій поѣздъ, наши путешественники удобно размѣстились въ одномъ вагонѣ. Заныхтѣлъ и крикнулъ драконъ-паровозъ, ударилъ третій звонокъ, и тронулись поѣзда, одинъ въ Петербургъ, другой въ Москву. Многимъ сѣдокамъ одного изъ вагоновъ послѣдняго лежалъ путь далеко, далеко на холодный востокъ.

Лиза во всю дорогу была видимо скучна, не развлекали ее ни оживленные разговоры ея подруги и спутника ихъ, ни интересныя и смѣшныя сцены, которыми иногда обильны бываютъ поѣзда на желѣзныхъ дорогахъ. За то Лорина и Сурминъ были какъ нельзя болѣе довольны своимъ положеніемъ. Казалось

ему, Тони съ каждой станціей хорошѣла, съ каждой станціей болѣе и болѣе притягивала его сердце къ себѣ. Сколько разъ мысленно срывалъ онъ поцѣлуи съ ея розовыхъ, нѣсколько роскошныхъ губокъ!

Пріѣхали въ Петербургъ. Лиза умоляла своего спутника не оставаться тамъ болѣе сутокъ, хоть она никогда не видала сѣверной столицы. Всѣ мысли, всѣ чувства ея стремились къ послѣднему пункту ихъ путешествія; надо было ей повиноваться.

Когда они ѣхали по желѣзной варшавской дорогѣ, то и дѣло на станціяхъ слышались тревожные слухи, что революція разгорается въ Литвѣ и готова вспыхнуть въ бѣлорусскихъ губерніяхъ

Сурминъ любилъ комфортъ и привыкъ къ нему; мудрено-ли, что онъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобы доставить его своимъ спутницамъ. Когда имъ надо было своротить съ желѣзной дороги на почтовую, ихъ ожидала ужь четверомѣстная карета, заранѣе туда высланная, въ которую они и пересѣли для довершенія своего путешествія.

Вотъ они въ Бѣлоруссіи, въ городѣ, который назовемъ городомъ при Двинѣ. Совершенно новый край, новые люди! Такъ какъ я не пишу исторіи ихъ въ тогдашнее время, то ограничусь разсказомъ только объ извѣстныхъ мнѣ личностяхъ, дѣйствовавшихъ въ въ моемъ романѣ, и о той мѣстности, гдѣ разыгрывались ихъ дѣйствія. И потому попрошу читателя не взыскивать съ меня скрупулезно за нѣкоторые незначительные анахронизмы и историческія недомолвки и помнить, что я все-таки пишу *романъ*, хотя и полуисторическій [1]).

---

[1]) Для историческихъ справокъ прошу читателя обращаться къ статьѣ: «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи», напечатанной въ Русск. Вѣстн. 1864 г.

II

Нечего говорить, съ какимъ дружескимъ радушіемъ Евгенія Сергѣевна Зарницына приняла пріѣзжихъ. Мужъ ея отсутствовалъ. Произведенный въ генералы и получивъ бригаду, онъ отправился съ ней въ Литву. Исправный служака, добрый и благородный въ полномъ смыслѣ человѣкъ, онъ былъ и величайшій флегматикъ во всемъ, что не касалось его служебныхъ обязанностей и, прибавить надо, любви къ женѣ. Онъ предоставилъ ей дѣлать что ей угодно по управленію домомъ и имѣніемъ и не мѣшалъ ни въ какихъ филантропическихъ затѣяхъ, и потому говорили, что онъ подъ ея башмачкомъ.

Лизѣ и Тони приготовлены были двѣ комнаты, одна подлѣ другой, со всѣми удобствами, какія могло придумать горячее сердце Зарницыной, а иначе она и любить не умѣла. Это была женщина, перешедшая гораздо за полдень свой, но живая, бойкая, энергическая не по лѣтамъ и по тучности своей. Она жаждала всю жизнь свою дѣла, полезнаго для ближнихъ, для общества, и безъ этого дѣла считала ее прозябаніемъ. Душевный огонь не потухалъ еще въ черныхъ глазахъ ея; красота, которою она нѣкогда славилась, еще оставила слѣды на отцвѣтшемъ лицѣ. Вполнѣ русская,

она была и пламенная патріотка. Экзальтація ея, о которой говорилъ нѣкогда Ранѣевъ Сурмину, била изъ самаго чистаго источника. Дай Богъ Россіи поболѣе такихъ экзальтированныхъ женщинъ! Проницательный умъ ея умѣлъ скоро узнавать людей, и если она иногда пользовалась двусмысленными личностями, такъ употребляла ихъ, какъ необходимыя, полезныя орудія для своихъ цѣлей.

Сурминъ не оставался долго въ городѣ при Двинѣ. Дѣла призывали его въ имѣніе, доставшееся на границѣ Витебской и Могилевской губерній. Онъ распростился съ обѣими подругами и Зарницыной, обласкавшей его, какъ друга семейства Ранѣевыхъ, и потому для нея не сторонняго.

— Будете ли помнить меня?—спросилъ онъ съ чувствомъ Тони, уловивъ минуту, когда могъ сказать ей нѣсколько задушевныхъ словъ наединѣ.

— Еще бы нѣтъ,—сказала она съ увлеченіемъ. Взглядъ ея докончилъ, чего не договорили слова.

— Мнѣ такъ хорошо было съ вами во всю дорогу, я былъ такъ счастливъ, мое сердце такъ свыклось видѣть васъ каждый день, что мнѣ тяжело разстаться со своими спутницами.

Тони крѣпко пожала руку, ей поданную.

Скучнѣе и грустнѣе города, куда пріѣхали наши подруги, я не знаю. Когда я жилъ въ немъ, онъ мнѣ казался мѣстомъ заточенія. Когда я въ 1854 году, выпущенный изъ-за рѣшетки его, въѣхалъ въ Смоленскъ, я, казалось, готовъ былъ облобызать родную землю, на которую ступилъ, благовѣстъ русскихъ колоколовъ радостно прозвучалъ въ моемъ сердцѣ, какъ-будто оно хотѣло пропѣть: «Христосъ воскресе!» Не скажу, чтобы мѣстность города на Двинѣ была непріятна. Напротивъ того, по своему положенію на этой рѣкѣ, онъ имѣлъ бы живописную физіономію,

еслибъ не накрыла его своимъ мрачнымъ наметомъ польская и еврейская характеристика. Русскій любитъ строить жилища свои и особенно храмы Божіи на берегахъ рѣкъ и на высотахъ, чтобы куполы этихъ храмовъ и шпили ихъ колоколенъ весело возносились къ небу, весело глядѣли на всю окрестность. Въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ, сколько знаю, для церквей и костеловъ избираютъ плоскія, низменныя мѣста, въ котловинахъ, такъ что они издали не видны. Не говорю о синагогахъ съ неопрятною ихъ наружностью. При въѣздѣ въ городъ съ московскаго шоссе, васъ встрѣчаютъ пустыри. Незамѣтно здѣсь садовъ, которые въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ и особенно въ малороссійскихъ губерніяхъ въ весеннее время облиты цвѣтами и къ осени на солнышкѣ играютъ роями своихъ золотистыхъ и румяныхъ плодовъ. А климатъ здѣшній, согрѣваемый теплымъ дуновеніемъ, навѣваемымъ съ Балтійскаго моря, такъ благопріятенъ для плодовыхъ произрастеній. Здѣсь растутъ пирамидальные тополи и каштаны, неогражденные ничѣмъ отъ зимняго холода. Между тѣмъ у насъ, въ великорусскихъ губерніяхъ, стоящихъ на одномъ градусѣ долготы съ бѣлорусскими, они хирѣютъ и часто умираютъ, хотя ихъ на зиму окутываютъ въ шубы. Еврей—врагъ земли и всякаго тяжелаго труда съ нею, онъ не считаетъ ее, какъ другіе народы, своею кормилицей [1]). Торговля, промышленность, легкія ремесла—вотъ его стихія. Меркурій—единственный богъ, которому онъ поклоняется, его ухищренія, его уловки знакомы ему съ дѣтства. Дайте ему мелкую монету, и онъ пробѣ-

---

[1]) Говорю о бѣлорусскихъ евреяхъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ Волынской губерніи евреи горячо и съ успѣхомъ занимаются хлѣбопашествомъ. И какая же это благодатная по почвѣ и климату страна!

житъ по вашей комиссіи десятокъ верстъ, но за рубль не возьметъ заступа въ руки. За то еврей властелинъ на торговой площади. Посмотрите его тамъ. Тощъ, изнуренъ, въ замасленныхъ лохмотьяхъ, но одного слова его, одного взгляда довольно, чтобы бѣлорусскій крестьянинъ шелъ, дѣлалъ, куда, что повелѣваетъ ему это лаконическое слово, этотъ магическій взглядъ. Птичка, отъ страха передъ своимъ врагомъ-кошкой, бьетъ крылышками и, между тѣмъ, обвороженная магнетическимъ токомъ его глазъ, притягивается къ нему и попадаетъ въ его когти. Вы ничего не купите на торгу у бѣлорусскаго мужичка, если конкурентъ вашъ еврей. Вѣрьте, что мужичокъ продастъ ему за меньшую цѣну, нежели вамъ, такъ онъ привыкъ вѣрить, что сынъ Израиля единственный его благодѣтель въ нуждахъ и сверхъ того держитъ ключъ къ источнику живительной и отуманивающей влаги. Немудрено, что изъ среды этого народа вышли знаменитые банкиры. — А великіе музыканты, писатели, врачи, ученые?...—спросите вы. Правда, но всѣ эти знаменитости вышли изъ нѣмецкихъ евреевъ. Надо, однакожъ, замѣтить, что съ недавняго времени проявляются литературныя дарованія и между нашими русскими евреями. Натура-то даровитая, да погрязла глубоко въ своихъ вѣковыхъ, религіозныхъ и бытовыхъ заблужденіяхъ и придавлена роковымъ ходомъ исторіи. Они ждутъ своего Мессію, а *этотъ* Мессія подлѣ нихъ—*просвѣщеніе*. Стоитъ только отдаться ему всемъ сердцемъ.

Къ пустырямъ примыкаетъ торговая, грязная площадка, окруженная корчмами. Отъ знакомства съ ними да избавитъ васъ Богъ. Затѣмъ начинается главная улица. Можете имѣть понятіе объ ней по главнымъ улицамъ нашихъ уѣздныхъ городковъ, да и нѣкоторые изъ этихъ городковъ перещеголяютъ здѣшній, губерн-

скій. Каменныхъ домовъ очень мало, и тѣ невзрачной архитектуры, русскій соборъ довольно величественной наружности, двѣ, три русскія церкви, въ томъ числѣ единовѣрческая, и костелъ, затѣмъ нѣсколько деревянныхъ, нечистыхъ жилищъ евреевъ — вотъ вамъ и первенствующая улица. Къ концу города опять грязная и безобразная торговая площадь и примыкающіе къ ней жалкіе домишки евреевъ, въ окнахъ которыхъ вмѣсто стеколъ красуются грязныя тряпицы. А чтобы вымостить ее и обсадить деревьями, никто и не подумаетъ. Все это довершаютъ каменныя зданія больницы и острога. За рѣкою такія же еврейскія жилища и опять болотная, торговая площадь. Прибавьте къ этому по сю сторону рѣки руины древняго католическаго монастыри. Говорятъ о вокзалѣ въ городѣ, я его не видалъ. Правда, есть на берегу Двины аллея древнихъ пирамидальныхъ тополей передъ высокимъ зданіемъ начальника края, но эти пирамидальные тополи стоятъ уныло, какъ тюремные стражи, поднимающіе къ небу пики своихъ остроконечныхъ вершинъ. На этомъ мѣстѣ, которое могло бы быть пріятнымъ народнымъ гуляньемъ, вы не увидите никого, кромѣ рѣдкихъ прохожихъ. Если бы продлить городъ еще на нѣсколько верстъ и населить его такими же обывателями, какихъ онъ нынѣ имѣетъ, онъ все остался бы такимъ пустыннымъ, грустнымъ городомъ, какъ онъ есть или по крайней мѣрѣ былъ въ мое время. И все оттого, что въ немъ нѣтъ людей-братьевъ, нѣтъ никакой общественной связи. Поляки держатъ себя особо, евреевъ не принимаютъ въ польскія и русскія общества, служащій русскій людъ какъ-будто во всякое время на отлетѣ во-свояси.

Самая рѣка смутно шлетъ къ сѣверу свои желтоватыя воды; изрѣдка пробѣжитъ по нимъ торговое судно или плотъ съ лѣсомъ, или мелькнетъ рыбачья лодка.

За городомъ съ западной стороны, верстахъ въ двухъ, есть восхитительная мѣстность на высокомъ берегу Двины. Въ другомъ краю она навѣрно оживлена была бы веселыми группами гуляющихъ, но здѣсь посѣщаютъ ее только изрѣдка *благородные* аматеры прекраснаго въ природѣ. Въ поѣздкѣ моей туда поразили меня покачнувшіяся деревянныя распятія на обнаженномъ полѣ съ развѣвающимися клочками ткани въ родѣ юбокъ, какъ-будто ксендзы, старающіеся о постановкѣ въ наибольшемъ числѣ подобныхъ крестовъ, не могли бы придумать для святыни болѣе приличной обстановки. Съ восточной стороны города, начиная отъ острога, тянется на многія и многія версты березовая аллея. Какъ и все, насажденное рукою мудрой Екатерины, ее не могло сокрушить и столѣтіе. Подобныя аллеи и каменныя пирамидальныя версты вы увидите до сихъ поръ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Въ одно утро изъ дней, слѣдовавшихъ за пріѣздомъ московокъ (это было воскресенье), вошла въ комнату Лизы Евгенія Сергѣевна и притворила за собою дверь.

— Я пришла,—сказала она,—поговорить съ тобою, мой другъ, о многомъ, что должно тебя сильно интересовать. Мы теперь однѣ.

— А Тони?

— Пошла къ обѣднѣ въ единовѣрческую церковь.

— Въ единовѣрческую? что за фантазія!

— Любопытство слушать тамошнее служеніе и помолиться всѣмъ намъ общему Отцу. Да, говоритъ, тамъ будетъ, вѣроятно, поменьше народу. Поменьше? Всѣ наши русскія церкви обыкновенно пусты, между тѣмъ костелъ во время утренняго и вечерняго служенія и въ простые дни биткомъ набитъ. Обѣдня въ единовѣрческой церкви тянется долго, и мы будемъ имѣть время келейно побесѣдовать съ тобою о *матеріяхъ* важныхъ и очень важныхъ.

— Буду слушать сердцемъ.

— Во-первыхъ, начну съ дѣдушки твоего Яскулки, отъ него же идетъ источникъ вашихъ семейныхъ несчастій.

— Живъ онъ? знаетъ-ли о смерти отца моего? Такъ же ли преслѣдуетъ, хоть рѣчами, мертвыхъ, какъ преслѣдовалъ живыхъ?

— Все разскажу по порядку, душа моя. Я писала тебѣ, что поставила себѣ долгомъ стоять въ здѣшнемъ краю на стражѣ русскаго дѣла. Не пренебрегаю никакими средствами, чтобы служить ему, сколько достанетъ у меня разума, энергіи и, пожалуй, лукавства. Для этого дѣла не обошла я и дѣда твоего. Познакомилась съ нимъ, ѣзжу къ нему, оказываю ему всевозможные знаки уваженія, а это ему льститъ, и поддѣлываюсь подъ его сумасбродный характеръ. Съ начала нашего знакомства я заставала его всегда надъ документами, которые не переставалъ онъ отрывать въ архивахъ и которые, по мнѣнію его адвоката, могли служить доказательствомъ его дворянства. На этомъ пунктѣ онъ помѣшался. И какого завиднаго званія добивается! Я знаю здѣсь кухарокъ-шляхтянокъ, кучеровъ-шляхтичей. Доставалось въ разговорахъ объ этомъ предметѣ отцу твоему. Разумѣется, я оправдывала его, не раздражая, однакожъ, безумнаго старика. Тутъ польская интеллигенція разыгралась въ Царствѣ Польскомъ, стала перебираться въ Литву и здѣсь подняла свою драконовскую голову, набитую мечтами о возстановленіи польскаго королевства въ предѣлахъ 1772 г. Яскулка спряталъ свои акты въ сундукъ. Явились у него новыя мечты. Онъ вынулъ изъ завѣтнаго шкапа боярскій панцырь своего прадѣда, счистилъ съ него ржавчину и сталъ приготовляться къ встрѣчѣ будущаго пана круля, который при этомъ случаѣ долженъ будетъ возвратить ему утраченное шляхетство. Въ это

время былъ убитъ братъ твой, вскорѣ умеръ и отецъ. Я поспѣшила передать Яскулкѣ эти роковыя вѣсти, прибавивъ, что покойникъ до послѣдней минуты своей жизни помышлялъ о мирѣ съ нимъ, говорилъ, что всегда любилъ и уважалъ его, какъ отца своей дорогой Агнесы. Тутъ же описала твое сиротство, твою красоту, твои душевныя достоинства. Старикъ былъ видимо пораженъ этимъ извѣстіемъ. Раскаяніе ли, что онъ былъ виноватъ противъ дочери, противъ своего зятя, противъ тебя, или сожалѣніе о твоей участи выжали нѣсколько слезъ изъ глазъ этого черстваго, помѣшавшагося старика. На цѣлую недѣлю онъ заперся въ своей берлогѣ и никого не принималъ. Я увѣдомила письмомъ «многоуважаемаго пана Яскулку», что ты должна скоро пріѣхать сюда и остановиться у меня. «Я хочу *ее* видѣть,—отвѣчалъ онъ, — все-таки течетъ въ ней кровь Яскулки». Ты должна его видѣть, онъ живетъ въ десяти верстахъ отсюда.

— Да, я поѣду къ нему, помирю его хоть съ мертвыми.

— На дняхъ попросилъ онъ меня къ себѣ. Я застала его очень грустнымъ, сильно одряхлѣвшимъ. Старикъ, который еще не такъ давно таскалъ со своими работниками кули муки въ амбаръ, едва держалъ дрожащими руками чашку чаю. Не было болѣе помину о польскомъ крулѣ, казалось, онъ забылъ о своемъ шляхетствѣ. Всѣ помыслы, всѣ чувства его сосредоточились на тебѣ. И знаешь-ли, что задумалъ странный старикъ, какіе онъ имѣетъ на тебя виды?

— На меня виды? ужъ не политическіе-ли?

— Болѣе—фамильные. Ты изумишься его планамъ. Старикъ богатъ, самыхъ близкихъ родныхъ у него нѣтъ...

— Не думаетъ-ли, что я, при всей своей бѣдности, прельщусь его наслѣдствомъ, стану искать его благо-

склонности, его любви изъ корыстныхъ видовъ. Они были всегда противны моему сердцу.

— Планъ ему принадлежитъ, у тебя есть свой разумъ, своя воля. Твое дѣло согласиться съ нимъ или нѣтъ. Слушай же меня. Ближайшій ему родственникъ, хотя и въ третьемъ колѣнѣ... не скажу пока его имени, чтобы помучить тебя. Яскулка желаетъ, чтобъ ты отдала ему свою руку, и тогда отдастъ вамъ все свое состояніе съ тѣмъ, чтобы вы приняли его фамилію.

— Я? мою руку? не зная нареченнаго? не любя? Никогда.

— Ты его любила, можетъ быть, и теперь еще любишь.

— Неужли это?..

— Владиславъ Стабровскій.

— Онъ, опять онъ. Да, я его любила вопреки моему разсудку, моему долгу.

— А теперь?

— Передъ смертью отца я дала ему клятву, что врагъ Россіи никогда не будетъ моимъ мужемъ. Повторяю и теперь тебѣ, моей второй матери, эту клятву и исполню ее, хотя бы пришлось мнѣ разбить мое сердце о судьбу свою.

— Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствуетъ противъ Россіи, я сама стану между нимъ, тобой и дѣдомъ твоимъ. И еслибъ ты была слабая, рядовая женщина, какихъ много, готовая увлечься страстью до того, чтобы забыть свой долгъ, я сама предала бы тебя общественному позору. Въ глазахъ моихъ ты была бы ниже дѣвушки, которая продаетъ себя изъ нищеты. Но теперь я говорю съ моею дочерью. Знаю твой твердый характеръ, знаю, что ты скорѣе погибнешь въ душевныхъ мукахъ, чѣмъ увлечешься сердечною слабостью. Не совратить тебя хочу съ твоего благороднаго пути, а сдѣлать орудіемъ патріотическаго под-

вига. Мы исполнимъ его, не такъ-ли? а если не успѣемъ, да будетъ воля Божія. Ты описывала мнѣ исторію своего сердца въ борьбѣ съ разсудкомъ и долгомъ, ты вышла изъ этой борьбы съ торжествомъ, ты исполнила свои обязанности, какъ дочь. Исполни ихъ теперь, какъ русская патріотка. Еще вотъ что скажу тебѣ. Мать Владислава, сколько мнѣ извѣстно, имѣла замыслы въ здѣшнемъ краѣ противъ Россіи, жертвовала для своихъ цѣлей и своимъ состояніемъ, и двумя сыновьями. Ричардъ пропалъ безъ вѣсти, вѣроятно, погибъ въ какой-нибудь схваткѣ съ русскими или на висѣлицѣ. Владиславъ, если и пріѣхалъ сюда по волѣ матери для какихъ-нибудь революціонныхъ замысловъ...

— Именно для нихъ, онъ мнѣ объ этомъ писалъ.

— Такъ онъ игралъ въ нихъ, вѣроятно, пассивную роль. Вызвана же она была твоимъ холоднымъ письмомъ. Ты отвергла его любовь, и онъ изъ отчаянія повиновался волѣ матери. Слышно, что онъ часто ссорился съ нею изъ политическихъ видовъ, отказался отъ богатой невѣсты-красавицы, которую она ему предлагала. Думаю, онъ еще ни къ чему рѣшительному не приступилъ.

— Можетъ быть, еще не время...

— Ничего этого не вѣдаю. Знаю только, что обстоятельства измѣнились. Мать, услыхавъ, что за нею зорко слѣдятъ, что замыслы Мѣрославскаго, ея патрона, съ братіею не удаются, потерявъ съ Ричардомъ горячаго исполнителя своихъ патріотическихъ затѣй, видя ихъ холодную поддержку въ Владиславѣ, умерла, говоритъ, отъ разрыва сердца.

— Умерла? — вырвалось изъ груди Лизы. — Умерла?—твердила она.

Она впала въ глубокую задумчивость и черезъ двѣ минуты подняла голову.

— Боже!—сказала она, поднявъ къ небу глаза, — укажи мнѣ правый путь мой. Отецъ, внуши мнѣ съ того свѣта, что я должна дѣлать. Не поздно-ли? Любитъ-ли *онъ* еще меня?

— Я за это ручаюсь. Я познакомилась съ нимъ у твоего дѣда, онъ бываетъ у меня

— И чтожъ?

— Изъ словъ Владислава, хотя осторожныхъ, узнала я, что онъ тебя любитъ попрежнему, съ силою страсти, къ которой только способенъ энергическій, пылкій его характеръ, что одного слова надежды въ отвѣтъ на его письмо было бы достаточно, чтобъ онъ остался въ Москвѣ. Я увѣрена, что онъ и теперь готовъ на жертвы, если только ты...

— Люблю-ли я его? Да, я его люблю и теперь, если онъ не посягнулъ на дѣла, враждебныя моему отечеству.

— Испытай его.

— Испытаю.

— Хочешь-ли его видѣть?

— Хочу непремѣнно. Видно, насталъ часъ мой, судьба готовила меня къ нему.

Глаза Лизы горѣли огнемъ вдохновенія, щеки ея пылали. Въ эти минуты она походила на портретъ Жанны д'Аркъ, когда та шла на битву со врагами Франціи.

— Какъ ты теперь дивно хороша, Лиза,—сказала Зарницына, горячо поцѣловавъ ее.—Какой божественный огонь горитъ въ глазахъ твоихъ! Еслибъ на моемъ мѣстѣ былъ молодой мужчина, онъ палъ бы къ ногамъ твоимъ, и нѣтъ жертвы, который бы не принесъ тебѣ. Теперь, дитя мое, успокойся и возвратимся опять къ дѣду твоему. Я сказала ему, что планы его могутъ состояться, если только Владиславъ не замѣшанъ сильно въ какихъ-нибудь революціонныхъ замыслахъ. Между

тѣмъ направила его мысли о дворянствѣ въ другую сторону.—Сообразите,—говорила я ему,—ничтожность нынѣшней революціи, безъ регулярнаго войска, безъ оружія, безъ денежныхъ средствъ. Сравните силы ея съ силами русскаго государства. Печальный исходъ ея можно предвидѣть. Дайте другое направленіе вашей политикѣ. Вы—сила въ здѣшнемъ краѣ,—прибавила я, желая польстить его самолюбію, — употребите се на пользу русскаго дѣла. Тогда, повѣрьте мнѣ, дворянство придетъ къ вамъ само собою, безъ хлопотъ. — Старикъ, казалось, былъ убѣжденъ, онъ обѣщалъ мнѣ подумать немного и дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Ты докончишь, что я начала. Еще нѣсколько словъ о моихъ патріотическихъ затѣяхъ, ты должна ихъ знать. Я писала тебѣ, что отецъ твой прислалъ мнѣ довѣреннаго человѣка.

— Что это за личность? Отецъ не говорилъ мнѣ никогда объ немъ.

— Знаю только, что онъ русскій купецъ Жучокъ изъ Динабурга.

— Онъ открылъ мнѣ, что доставлялъ черезъ евреевъ для Эдвиги Стабровской холодное и огнестрѣльное оружіе. Этотъ воинственный запасъ хранился въ недостроенномъ костелѣ, въ имѣніи ея, на границахъ Витебской и Могилевской губерній. Но, вѣроятно, опасаясь, чтобы его не открыли въ этомъ мѣстѣ, перевезли въ другое, какое—еще не знаю. Жучокъ обѣщалъ мнѣ сыскать слѣдъ къ нему.

— Вотъ видишь, Владиславъ уже участникъ въ революціонныхъ замысламъ противъ Россіи.

— Еслибъ этого ничего не было, не было бы теперь и жертвы съ его стороны, съ твоей стороны—подвига. Чѣмъ больше жертва, тѣмъ выше подвигъ. Мы, однакожъ, не упустимъ этого обстоятельства изъ виду. Если ты не убѣдишь его измѣнить дѣлу, кото-

рое затѣяли мать его и ея сподручники, такъ мы накроемъ эти революціонныя затѣи:

— И тогда?

— И тогда Владислава ожидаетъ позорная казнь: его разстрѣляютъ или повѣсятъ.

— Боже! не допусти его до такой позорной смерти.

— Думаю, въ твоихъ рукахъ его судьба и, можетъ быть, судьба здѣшняго края.

— О! еслибъ это такъ было!

— Съ другой стороны, Жучокъ дѣйствуетъ на бывшихъ крестьянъ Платеровъ. Это раскольники — стража русскаго духа въ здѣшнемъ краѣ, она охраняетъ его отъ полонизма. Живутъ къ сѣверу Витебской губерніи, разбросаны и по другимъ мѣстамъ ея. Народъ трезвый, фанатически преданнный своей вѣрѣ [1]). Они зорко слѣдятъ за всѣми дѣйствіями пановъ. Жучокъ, хитрый, лукавый, не упускаетъ случая, чтобы вывѣдать о польскихъ затѣяхъ. Есть еще у меня одинъ человѣчекъ, полякъ Застрембецкій, врагъ поляковъ.

— Полякъ и врагъ поляковъ?

— Къ этой враждѣ привели его обстоятельства его жизни. Онъ служитъ мнѣ, какъ самый преданный изъ людей. Изъ ненависти къ своимъ соотечественникамъ онъ готовъ для русскаго дѣла положить свою голову. Я сообщу тебѣ его исторію. Застрембецкій родился въ Царствѣ Польскомъ. Приготовясь дѣльнымъ, основательнымъ ученіемъ, онъ поступилъ на службу въ артиллерію. Отецъ его былъ богатый че-

---

[1]) Я самъ слышалъ въ 1853 году отъ одного изъ Платеровъ, что изъ всѣхъ крестьянъ его раскольники самые трезвые, трудолюбивые, исправные.

ловѣкъ, но отъявленный игрокъ, подъ конецъ своей жизни проигрался на-чистую, застрѣлился и оставилъ сыну только прекрасное воспитаніе. Мой Застрембецкій, какъ слышно, отличный математикъ,—я въ этомъ не судья,—говоритъ на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, какъ на своемъ родномъ. Пріятный музыкантъ, стрѣлокъ, какихъ мало... Ты знаешь, я хорошо стрѣляю изъ пистолета, но состязаться съ нимъ не могу. Изъ пяти разъ въ пятнадцати шагахъ я попадаю однажды въ очко туза,—онъ вырѣзываетъ сердце его пулей всякій разъ. Однимъ ударомъ кончаетъ партію на билліардѣ. Въ мазуркѣ нѣтъ ему соперника. Ловкій, умный, съ красивою наружностью, онъ пріобрѣлъ себѣ въ обществѣ офицеровъ имя пріятнѣйшаго товарища, въ обществѣ нашего пола—сокрушителя женскихъ сердецъ. Вотъ его блестящая сторона. Къ сожалѣнію, должна сказать и о темной. Эта смѣсь рыцарскаго благородства, доброты души до самоотверженія. Онъ готовъ отдать бѣдному часы свои, послѣднюю рубашку, заложить себя за товарища въ нуждѣ, но не затруднится передернуть карту, если играетъ съ зѣваками. «На то и щука въ морѣ,—говоритъ онъ,—чтобы карась не дремалъ». Надо сказать, что съ товарищами по службѣ онъ играетъ честно, они въ этомъ увѣрены. Привыкнувъ при отцѣ жить въ довольствѣ, даже сорить деньгами, въ которыхъ тотъ ему не отказывалъ, онъ послѣ смерти его сѣлъ какъ ракъ на мель и, чтобы выпутаться изъ нужды, пустился въ разные обороты, часто неблаговидные. Нѣтъ у него, бывало, ни копѣйки,—займетъ, передъ торгомъ за заставой скупитъ разные съѣстные припасы, дѣлается монополистомъ и черезъ довѣреннаго еврея продаетъ скупленный товаръ по какой цѣнѣ хочетъ. Завтра задаетъ товарищамъ пиръ. Евреи боятся его и любятъ.

Въ двухъ, трехъ, попеременно, масонскихъ ложахъ онъ занималъ видныя степени. Полякъ, онъ сдѣлался врагомъ поляковъ по слѣдующему случаю: Застрембецкій страстно любилъ одну благородную дѣвушку, родители отказали ему въ рукѣ ея, онъ ее увезъ. Она платила ему такою же безграничною любовью. Связь ихъ была незаконная. У нихъ было дитя. Но между ними сталъ фанатикъ-ксендзъ, представилъ обольщенной муки ада, ожидающія ее за ея проступокъ, и увлекъ ее въ монастырь. Дитя пропало безъ вѣсти. Застрембецкій поклялся мстить человѣку, лишившему его любимой женщины и ребенка его. При выходѣ ксендза изъ костела онъ затѣялъ съ нимъ ссору и ударилъ его всенародно по лицу. Братья по ойчизнѣ и масонству, свидѣтели этой сцены, готовы были растерзать его. Преступленіе не могло остаться безъ законнаго наказанія. Застрембецкій, разжалованный въ солдаты, хотя и съ выслугою и не лишенный дворянства, поступилъ подъ начальство моего мужа. Нечего говорить, что мужъ мой и общество русскихъ офицеровъ, зная его несчастную исторію, стараются всячески облегчить его участь. Недавно произведенъ онъ въ унтеръ-офицеры и потомъ въ фельдфебели; есть надежда, что ему скоро возвратятъ офицерскій чинъ. Со времени, какъ я взяла его въ руки, онъ бросилъ свои нечистыя спекуляціи и сдѣлался благоразумнѣе. Въ нуждѣ онъ знаетъ, что мой кошелекъ для него всегда развязанъ. За то и любитъ меня, какъ сынъ, и платитъ мнѣ неоцѣненными услугами, для меня готовъ въ огонь и въ воду Поляки ненавидятъ его, почитая предателемъ польскаго дѣла и измѣнникомъ ойчизны. Они готовы всѣми средствами погубить его языкомъ, кинжаломъ, огнемъ. Да, огнемъ. Когда онъ квартировалъ въ одной бѣлорусской деревнѣ, въ полночь подожгли избу, въ которой онъ спалъ. Но

солдаты его взвода, преданные ему, любящіе его русскою, простою, горячею любовью, вытащили его невредима изъ пламени. Въ другой разъ его было отравили. Какъ нарочно, въ деревню, гдѣ онъ квартировалъ, на это время пріѣхалъ полковой лѣкарь и успѣлъ спасти его отъ смерти. Съ того времени ненависть его къ своимъ врагамъ и врагамъ Россіи сильнѣе возгорѣлась. Онъ слѣдитъ за дѣйствіями ихъ, какъ коршунъ за своею добычей, онъ чуетъ, кажется, струю воздуха, напитанную революціонными міазмами. Передъ походомъ мужниной бригады онъ заболѣлъ и остался въ здѣшнемъ лазаретѣ или лучше сказать, при мнѣ. Нынѣ онъ увѣдомилъ меня, что въ костелѣ, во время обѣдни, будутъ говорить революціонную проповѣдь, пѣть революціонные гимны. Таково настроеніе здѣшняго польскаго общества.

— Чтожъ дѣлаетъ здѣшняя администрація?

— Пока молчитъ. Полагаетъ, что кроткими мѣрами образумитъ потерявшихъ голову, но готова принять строгія мѣры, если эти манифестаціи усилятся. Вотъ, слышишь, жалобно запищали колокола здѣшняго костела. Посмотри изъ окна, сколько валитъ въ него народа.

Лиза подошла къ окну и увидала толпы мужчинъ и женщинъ, вторгающихся въ католическій храмъ, какъ широкій потокъ, который образуется изъ мелкихъ струй, стекающихъ въ него изо всѣхъ концовъ города.

Въ головѣ Лизы отъ разговора ея съ Зарницыной бродили неопредѣленныя, мечтательныя мысли, только одна сквозь хаосъ ихъ блестѣла яркимъ лучемъ— мысль обратить Владислава на путь истинный и тѣмъ отвратить отъ него позорную казнь и отъ здѣшняго края многія бѣдствія. Замыслы матери его и революціонеровъ представлялись ея воображенію въ гигант-

скихъ размѣрахъ. Собесѣдницы продолжали говорить о современныхъ происшествіяхъ, какъ въ комнату, гдѣ они сидѣли, отворилась дверь, и явилась передъ ними Тони, блѣдная, дрожащая; грудь ея сильно колебалась.

— Что съ тобою? Что съ вами, Антонина Павловна?—спросили въ одно время Лиза и Евгенія Сергѣевна.

— Дайте мнѣ немного успокоиться, собраться съ духомъ,—отвѣчала Тони, садясь на первое попавшееся ей кресло.

Придя въ себя, она разсказала, что съ нею случилось.

— Возвращаясь домой изъ единовѣрческой церкви, я зашла въ костелъ послушать католическое служеніе. Я сѣла на первую скамью, недалеко отъ входныхъ дверей Народу въ церкви было до удушья. Мужчины были въ старинныхъ польскихъ одѣяніяхъ, женщины—всѣ въ глубокомъ траурѣ, на головахъ ихъ блестѣли мелкія серебряныя бляхи съ изображеніемъ польскаго орла. Такъ какъ я была въ траурѣ, то сначала никто не обратилъ на меня вниманія, но потомъ вглядѣлись въ меня. Замѣтивъ, вѣроятно, что у меня на головѣ не было революціоннаго знака и что я молилась не по-ихнему, стали кругомъ меня перешептываться, кидать на меня зловѣщіе взгляды, нахально кивать головой. Между тѣмъ ксендзъ говорилъ какую-то громовую проповѣдь, въ которой, сколько могла понять, уловила нѣсколько враждебныхъ Россіи словъ. Вслѣдъ затѣмъ всѣ бывшіе въ костелѣ запѣли гимны. Когда народъ хлынулъ изъ костела, окружавшія меня женщины стали меня тѣснить, толкать локтями въ бока и до того меня прижали, что я едва могла дышать. Кругомъ меня раздавались голоса: «русская шпіонка»! Я готова была упасть въ обморокъ. Не знаю, чѣмъ бы

это кончилось, еслибъ сквозь толпу не продрался красивый молодой человѣкъ, который сталъ горячо убѣждать оскорблявшихъ меня, потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «дайте мнѣ вашу руку, Антонина Павловна: я васъ защищу отъ этихъ безумныхъ патріотокъ».— Это былъ Владиславъ. Я подала ему руку,—продолжала Тони,—онъ проводилъ меня до здѣшняго дома, шаговъ съ двадцать не болѣе будетъ. «Вотъ, сказала я ему дорогой, ваша польская цивилизація, которою вы такъ хвастаетесь!» — «Чтожъ дѣлать, — отвѣчалъ онъ:—духъ времени».— «Приличный только грубому народу, дикарямъ. Вы считаете насъ, русскихъ, варварами, но въ какомъ темномъ уголкѣ Россіи посягнутъ на оскорбленіе католички-польки, еслибъ она вошла въ православную церковь?»—«Фанатическій патріотизмъ доводитъ ихъ до безумія», отвѣчалъ Владиславъ. «Кончится дурно, кто образумитъ ихъ теперь? Прорвалась плотина, и ничѣмъ не удержишь бѣшеныхъ водъ, пока не устроится новая». — Тутъ обратилъ онъ рѣчь на смерть брата твоего, Лиза, на смерть отца. «Сколько должна была выстрадать Лизавета Михайловна», прибавилъ онъ. «Что до меня, то я со времени, какъ оставилъ Москву, не зналъ ни одного радостнаго дня». Когда мы подошли къ подъѣзду, я предложила ему зайти къ намъ. «Не смѣю теперь», сказалъ онъ, «но если Лизавета Михайловна позволитъ, въ другой разъ». Какъ я замѣтила, онъ ужасно похудѣлъ, глубокая грусть видна на его лицѣ.

Тони, своимъ разсказомъ стряхнувъ прахъ съ своихъ сандалій или, проще сказать, желчь, накипѣвшую въ голубиной груди ея, бросилась къ Евгеніи Сергѣевнѣ и просила у нея извиненія, что встревожила ее своими похожденіями.

— Стоило бы васъ немножко пожурить, Антонина

Павловна,—сказала Зарницына, поцѣловавъ ее,—да я и сама виновата, что не предупредила васъ быть осторожнѣе въ теперешнія времена.

Какое впечатлѣніе сдѣлалъ разсказъ Тони на слушательницъ, осталось тайною ихъ.

III

Когда Владиславъ, прошедшею осенью, простившись съ Лизой, выѣхалъ изъ Москвы, разнородныя чувства разрывали его сердце на части. Въ минуты досады на нее, на отца ея, въ минуты какого-то бѣшенаго изступленія онъ рѣшился на безумное дѣло. Еще бы увлекъ его горячій патріотизмъ, а его и не было. Онъ видѣлъ всю тщету задуманныхъ его компатріотами замысловъ, онъ понималъ, что всѣ планы ихъ—неосуществимыя мечтанія, бредъ разгоряченныхъ умовъ, возбужденный врагами Россіи, желавшими только смутъ въ ней, чтобы ослабить ея возрастающее могущество. «Говореніе, одно говореніе, — думалъ онъ,—а дойдетъ до дѣла, всѣ эти планы разсыплются въ прахъ». Обожаемую имъ Лизу потерялъ онъ навсегда. Ослѣпленный, развѣ не могъ онъ убѣдиться, что она его любитъ, что однѣ обстоятельства, воля отца заставляли ее скрывать настоящія чувства? Почему-жъ онъ не послушался ея, когда она, прощаясь съ нимъ, такъ задушевно убѣждала его остаться, не уѣзжать? Еслибъ Лиза не любила его, она довольна была бы, что онъ оставляетъ Москву. Развѣ это не былъ залогъ прекрасныхъ надеждъ? Соперника у него не было, въ этомъ онъ убѣдился. Развѣ онъ не могъ, не раздражая

безумными выходками благороднаго старика Ранѣева, который оказалъ ему столько добра, дождаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ? Но дѣло уже сдѣлано, онъ далъ клятву жонду служить ему, прошедшаго не воротишь.

Невольникъ своей присяги, Владиславъ ѣхалъ по Смоленской дорогѣ. Со станціи, противъ Бородинскаго поля, онъ видѣлъ памятникъ, поставленный во славу Россіи, боровшейся съ громадными силами двадцати народовъ и величайшаго генія-полководца. Подъ Краснымъ такой же памятникъ. Не съ бродячими шайками повстанцевъ имѣли тогда дѣло русскіе, не съ какими-нибудь Мѣрославскими, Жвирждовскими и Машевскими! Не отворили они побѣдоносному непріятелю дверей своей столицы, сожгли ее, испепелили свое сердце и изъ пепла возродились еще сильнѣе. Такой-ли народъ испугается угрозъ изъ-за угла палатскихъ стѣнъ и трибунъ клерикальныхъ ораторовъ?... Много крови будетъ вновь пролито, много падетъ жертвъ. Бѣдная отчизна Польша! Развѣ мало обагрялась ты ею? развѣ мало уже падало жертвъ?

По дорогѣ все было тихо мертвенною тишиной. Будущею весной должна кругомъ разразиться революціонная гроза и облечь здѣшнюю страну кровавымъ саваномъ.

О! кабы скорѣе окутали и его самого.

Эдвига Стабровская ожидала сына съ нетерпѣніемъ и при первомъ свиданіи съ нимъ осыпала его самыми нѣжными, горячими ласками. Недолго, однакожъ, дала она волю чувствамъ матери,—патріотическое увлеченіе скоро заняло ихъ.

— Исполняя вашу волю, я пріѣхалъ сюда,—сказалъ Владиславъ,—приказывайте, мнѣ остается только повиноваться. Готовы-ли войско, оружіе, деньги?

— Все припасено будетъ ко времени, мой милый

пулковникъ, когда получимъ пароль дѣйствовать, — отвѣчала Эдвига.

— Худой я полководецъ. Всю жизнь свою держалъ перо въ рукѣ, мечъ для меня оружіе непривычное.

— Есть оружіе острѣе всѣхъ мечей, убійственнѣе ружей и пушекъ, — это любовь къ ойчизнѣ, а мы съ тобою и Ричардомъ не имѣемъ въ ней недостатка. Падете вы оба, я сама явлюсь на полѣ битвы. Будетъ рука моя слаба, чтобы поражать враговъ, поведу, по крайней мѣрѣ, своихъ воиновъ противъ притѣснителей моей ойчизны и одушевлю ихъ собственнымъ примѣромъ. Не въ первый разъ Польша видѣла своихъ дочерей въ челѣ полковъ!

И стала Эдвига развивать свои патріотическіе планы и надежды. Владиславъ повторялъ только, что онъ покорный исполнитель ея воли и готовъ умереть за дѣло ойчизны.

Начались съѣзды польскихъ пановъ, посвященныхъ въ тайны заговора и участниковъ въ немъ, начались обѣды, пиры. За столомъ приборы были изъ польскаго (фальшиваго) серебра: настоящее, русское, пробное серебро, котораго у богатыхъ помѣщиковъ были пуды, хранилось въ глубокихъ тайникахъ земли или стѣнъ. Такъ продолжалось во все время польской революціи и даже послѣ нея, потому что распущены были слухи что русское правительство станетъ отбирать серебро и выдавать за него кредитные билеты. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, Эдвига, близкая къ совершенному разоренію, заложила свою серебряную посуду евреямъ. Явились на съѣздахъ знакомыя уже намъ лица: вѣчный запѣвало въ спорахъ, Суздиловичъ, со своими тараканьими усиками и арбузнымъ брюшкомъ, свирѣпый Волкъ, панъ въ колтунѣ, нѣсколько другихъ помѣщиковъ, офицеровъ, дробной шляхты, мелкихъ чиновниковъ изъ Витебской губерніи, сту-

дентовъ и даже гимназистовъ. Много говорили, еще болѣе ѣли и пили. Часто вспыхивали раздоры, иногда изъ бездѣлицы, изъ покроя платья, шитья на немъ, знаковъ отличія по должностямъ въ жондѣ. Раздоры эти доходили бы до ножей, если бы не усмиряли пыла горячихъ патріотовъ присутствіе и убѣжденія хозяйки. Посвящалось, однакожъ, офицерами время, подъ предлогомъ охоты за звѣрями, на упражненіе разнаго навербованнаго сброда въ стрѣльбѣ, пониманіи команды и военныхъ эволюціяхъ. Охоты эти пріучали повстанцевъ къ травлѣ за русскими. Отважные и ловкіе стрѣлки, умные доѣзжачіе получали денежныя награды. Не забыты были и хлопы. Съ ними паны стали обращаться гуманнѣе, сократили ихъ работы и не посылали на панскій дворъ по воскресеньямъ постукать топоромъ, обѣщали имъ даровыя земли, если они будутъ преданы своимъ господамъ. Но добродушные бѣлорусцы, смекая въ этихъ приманкахъ что-то недоброе, не очень поддавались имъ, были себѣ на умѣ. Сдѣланъ былъ, какъ мы уже видѣли, черезъ Жучка подрядъ на косы, вилы, топоры, охотничьи ружья, порохъ. Надежды были великія, росли, казалось, съ каждымъ днемъ. Жвирждовскій не дремалъ въ Могилевской губерніи, ксендзъ Б. въ Антушевскомъ приходѣ воспламенялъ полекъ своими проповѣдями до того неосторожно, что русское правительство вынуждено было выслать его въ одну изъ внутреннихъ губерній Россіи. Собратъ Жвирждовскаго по генеральному штабу, Машевскій, организовалъ заговоръ въ Минской губерніи. Подъ начальствомъ Владислава образовалась сильная банда, которая должна была выступить изъ витебскихъ лѣсовъ и ударить на непріятеля, еслибъ могилевскія шайки оплошали. Ожидали съ нетерпѣніемъ весеннихъ дней, когда желѣзо сошниковъ будетъ раздирать грудь земли и деревья станутъ наигрывать почки.

Между тѣмъ Эдвига замѣчала, что въ сынѣ ея Владиславѣ не было тѣхъ горячихъ патріотическихъ увлеченій, которыхъ отъ него ожидала, дѣйствія его были вялы, на пирахъ онъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Волкъ подшучивалъ надъ своимъ пріятелемъ, говоря, что «Москва надломила его и уроки Пржшедиловскаго, видно, не пропадали даромъ».

— А знаете ли, пани Эдвига,—прибавлялъ Волкъ,—вашъ сынъ передалъ мнѣ кинжалъ, который вы ему нѣкогда подарили.

— Онъ перешелъ въ достойныя руки, — отвѣчала она.

— Съ тѣмъ,—замѣтилъ Волкъ,—чтобы онъ упился кровью измѣнника, еслибъ измѣнникъ между нами оказался.

— Не пощадите въ такомъ случаѣ и моего сына.

Владиславъ угрюмо молчалъ.

Стабровская подозрѣвала, что онъ еще груститъ по своимъ московскимъ привязанностямъ, и старалась развлекать его обществомъ хорошенькихъ, ловкихъ, увлекательныхъ сосѣдокъ. Даже одну изъ нихъ, блестящее созвѣздіе среди свѣтилъ Бѣлорусскаго края, которую она особенно любила и за которую многіе безнадежно сватались, предложила ему въ супруги, увѣряя его, что красавица къ нему неравнодушна.

— Время-ли теперь думать о женитьбѣ,—говорилъ Владиславъ,—когда мы готовимся къ битвамъ? Не для того-ли, чтобы, поживъ нѣсколько недѣль съ женою, оставить послѣ себя молодую вдову? Вы сами говорили, что мы—крестоносцы, давшіе обѣтъ освободить родную землю отъ ига невѣрныхъ, и ни о чемъ другомъ не должны думать. Прошу васъ о невѣстахъ мнѣ болѣе не говорить.

И не было болѣе помина о невѣстахъ. Но случалось, что онъ оспаривалъ слишкомъ фанатическія на-

дежды ея, говорилъ, что многіе планы заговорщиковъ построены на пескѣ, что они могутъ разрушиться, когда Россія встанетъ со своими могучими силами на борьбу съ ненадежными силами польской интеллигенціи. Въ спорахъ у матери съ сыномъ дѣло доходило до серьезной размолвки. Въ это время конфиденты ея увѣдомили ее, что русская полиція начинаетъ зорко слѣдить за нею, что въ самомъ домѣ у нея есть измѣнники. Эдвига стала подозрѣвать вѣрныхъ ей доселѣ слугъ и экономовъ, сдѣлалась раздражительна, выходила нерѣдко изъ себя, начались гоненія. Одинъ изъ ея конфидентовъ, Жучокъ, желая изъ своихъ цѣлей выиграть ея довѣренность и замаскировать свое предательство, далъ ей знать подъ глубокой тайной, что депо оружія, стоившее ей такъ дорого, не безопасно хранится подъ склепомъ недостроеннаго костела. Надо было перевезти это депо въ другое надежное мѣсто. На это требовались большая осторожность и глубокая тайна. Кому-жъ поручить это дѣло, какъ не сыну и Волку? Волкъ и сынъ не могли измѣнить ей. Ночь окутала транспортъ своимъ чернымъ покровомъ, дремучій боръ принялъ его въ свои нѣдра. Молчаніе людей, перевозившихъ ящики и тюки съ оружіемъ, большею частью евреевъ, куплено золотомъ и страхомъ мучительной смерти. По проселочнымъ дорогамъ, по которымъ ѣхалъ транспортъ, жители деревушекъ, отдаленныхъ другъ отъ друга озерами, болотами и лѣсами, спали глубокимъ сномъ. Да если бы кто изъ этихъ жителей, разбуженный шумомъ проѣзжавшихъ мимо его хаты саней, вздумалъ взглянуть въ щель своего окошка, такъ и тотъ сказалъ бы только, махнувъ рукой: «Не наше дѣло, знать, евреи везутъ контрабанду».

Сердце Эдвиги было, однакожъ, не на мѣстѣ. Вслѣдъ затѣмъ до нея секретно дошла роковая вѣсть, что Ри-

чардъ погибъ... какъ, никто навѣрно, кромѣ нея, не зналъ. Она увѣдомила своихъ друзей, что онъ убитъ въ Царствѣ Польскомъ въ сшибкѣ съ русскими. Наружно разыгрывая роль героини, Эдвига старалась казаться спокойной, говорила, что гордится, счастлива, пожертвовавъ сына ойчизнѣ. Но душа ея была сильно потрясена; вскорѣ разочлась она со всѣми земными замыслами и навсегда опочила отъ нихъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла Владислава, когда пріѣхала Лиза въ городъ на Двинѣ. Любовь къ ней не угасала въ разлукѣ, она разгорѣлась еще сильнѣе со смертью ея отца, со смертью его матери, неурядицами и несогласіями, возникавшими между заговорщиками. Патріотизмъ его былъ невольный, машинальный. Стоило только сильному толчку сбить его. Слово любимой женщины могло быть этимъ толчкомъ. Планы Яскулки развернули передъ нимъ новый свитокъ прекрасныхъ надеждъ. Онъ старался познакомиться съ Евгеніей Сергѣевной, о связяхъ которой съ семействомъ слыхалъ отъ него. Добиться, во что бы то ни стало, свиданія съ Лизой было непремѣннымъ его рѣшеніемъ. Онъ метался мыслями и чувствами то въ міръ блаженства, то въ мрачную будущность, ожидавшую двойного клятвопреступника. Измѣнникъ однажды Россіи, онъ уже сердцемъ измѣнилъ клятвѣ, которую далъ жонду.

Лиза пожелала скорѣе видѣть своего дѣда и на другой же день секретнаго разговора съ Зарницыной поѣхала къ нему Старикъ былъ предупрежденъ о ея пріѣздѣ. Какъ забилось сердце ея, когда она завидѣла скромный домъ его среди плодовыхъ садовъ съ одной стороны, длинныхъ амбаровъ и службъ съ другой и многочисленной семьи пирамидальныхъ скирдъ, ровныхъ, гладкихъ, будто отесанныхъ топоромъ. За домомъ видна была Двина, сбросившая уже съ себя ле-

дяныя оковы. Порогъ *Пурга* запѣвалъ свою шумную пѣсню. На дворѣ стоялъ высокій столбъ, на вершинѣ его красовались бархатная малиновая шапка и свитка съ шелковымъ кушакомъ. Когда экипажъ Лизы въѣхалъ на дворъ, нѣсколько десятковъ крестьянъ и крестьянокъ, большіе и малые, въ праздничныхъ платьяхъ, встали съ бревенъ, на которыхъ сидѣли. Мужчины сняли свои бѣлыя валеныя шапки въ видѣ гречниковъ, всѣ низко поклонились. Самъ Яскулка ожидалъ свою внучку у дверей въ сѣни и встрѣтилъ ее, по-русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью. Лиза пала передъ нимъ на колѣно и поцѣловала его руку; онъ съ горячностью принялъ ее въ свои объятія и повелъ въ покои.

По портрету панцырнаго боярина, хранившемуся столько лѣтъ у Ранѣевыхъ, Лиза привыкла воображать своего дѣда такимъ, какимъ онъ изображенъ былъ на холстѣ, съ черными, огненными глазами, проницающими насквозь, съ пышнымъ лѣсомъ черныхъ волосъ, падающихъ на плечи, съ прямымъ, гордымъ станомъ. И чтожъ теперь наяву осталось отъ этой воинственной фигуры? Сгорбленный старикъ, съ мутными, покраснѣвшими глазами, съ обнаженнымъ, какъ ладонь, черепомъ. Огромные усы побѣлѣли и пожелтѣли, на нихъ дрожали слезы. И вотъ, этотъ гордый панцырный бояринъ, вмѣсто того, чтобы на рьяномъ конѣ встрѣчать польскаго пана круля, встрѣчаетъ съ нѣжностью, съ любовью хорошенькую внучку, пріѣхавшую изъ ненавистной ему доселѣ Москвы. Онъ почитаетъ себя счастливѣе любого пана круля; такъ измѣнились обстоятельства.

— Внучка, милая внучка, мое дорогое дитя, моя яскулка (моя ласточка), дай мнѣ насмотрѣться на тебя,—могъ онъ только сказать, утирая длинные усы, на которые капали слезы.

Казалось, всѣ нѣжныя чувства, которыхъ лишенъ былъ Яскулка въ продолженіе своей жизни, притекли разомъ къ его сердцу. Онъ ставилъ Лизу къ солнечному свѣту, чтобы лучше разглядѣть ее. Не ожидала она такого пріема и въ восторгѣ отъ него расточала дѣду самыя горячія ласки. Наконецъ, онъ усадилъ ее на почетное мѣсто дивана и сѣлъ противъ нея въ креслахъ.

— Безумный, — говорилъ онъ, — я такъ долго не зналъ этого сокровища, не могъ оцѣнить его. Слушай, Елизбета, счеты наши съ твоимъ отцомъ тянулись слишкомъ долго. Кончаю ихъ, хоть и поздно. Виноватъ я былъ передъ нимъ, передъ твоею матерью; сильно каюсь въ томъ. Прости мнѣ, добрая моя Агнеса, прости, Михаилъ Аполлонычъ. Не взыщите съ меня на страшномъ судѣ и, когда явлюсь передъ вами, примите меня съ миромъ.

И плакалъ старикъ горячими слезами.

— Какъ радуются отецъ и мать вашему примиренію съ ними! — сказала Лиза, схвативъ руку дѣда и цѣлуя ее.

— Розалія! — крикнулъ онъ, и на этотъ зовъ явилась благовидная, съ добрымъ лицомъ, старушка, въ широкомъ чепцѣ бозукоризненной бѣлизны, отороченномъ кружевцами.—Это моя экономка, шляхтянка, живетъ у меня слишкомъ двадцать лѣтъ,—сказалъ Яскулка, указывая на вошедшую.—Сколько разъ совѣтовала она мнѣ помириться съ твоимъ отцомъ, но я не слушался ея, сколько терпѣла за это отъ меня!

Потомъ, обратясь къ экономкѣ, примолвилъ, указывая на Лизу:

— Это моя внучка, Елизбета Ранѣева, дочь генерала. Посмотри на нее, полюбуйся. Видѣла-ли ты въ здѣшнемъ краю что-нибудь краше?

Экономка, скрестивъ руки, благоговѣйно смотрѣла

на внучку Яскулки, дочь генерала, какъ-будто пораженная ея красотой и величіемъ.

— Словно ангелъ слетѣлъ въ нашу обитель,—промолвила, наконецъ, Розалія и бросилась было цѣловать руку у Лизы, но та не допустила до этого и сама горячо обняла.

Яскулка властительно далъ знать рукою экономкѣ, чтобъ она удалилась, и когда та вышла изъ комнаты, сказалъ Лизѣ:

— Евгенія Сергѣевна, конечно, говорила уже тебѣ, какіе замыслы имѣю я на тебя.

— Говорила.

— Владиславъ Стабровскій любитъ тебя, онъ тебѣ пара, я старъ, гляжу въ гробъ. . Мое желаніе, мое лучшее утѣшеніе въ послѣдніе дни моей жизни было бы видѣть васъ мужемъ и женою... Все имѣніе мое завѣщаю вамъ съ тѣмъ, чтобы вы приняли мою фамилію.

— Дѣдушка,—отвѣчала Лиза твердымъ голосомъ,—къ исполненію этихъ желаній есть неодолимое препятствіе,—обѣтъ, данный отцу, не выходить замужъ за врага Россіи. Обѣту этому не измѣню ни за какія сокровища въ мірѣ. Вы, конечно, знаете, что Владиславъ замѣшанъ въ революціонныхъ замыслахъ противъ моего отечества.

— Знаю.

— Пока онъ не отречется отъ нихъ, пока не докажетъ на дѣлѣ, что будетъ вѣренъ Россіи, нашему русскому государю, сердце и рука моя не могутъ ему принадлежать. Я была бы недостойна видѣть свѣтъ Божій, еслибъ изъ корыстныхъ видовъ измѣнила клятвѣ, данной умирающему отцу.

— Онъ тебя любитъ, въ этомъ я увѣренъ, мы обратимъ его на путь истинный, если-жъ нѣтъ, такъ пусть покараютъ его Богъ и русскіе законы. Во вся-

комъ случаѣ ты останешься моею дорогою внучкой, наслѣдницей моего богатства и имени... Какой молодой человѣкъ, да еще влюбленный, поколеблется идти для тебя хоть на чорта

Яскулка посмотрѣлъ на стѣнные часы.

— Владиславъ долженъ черезъ часъ быть здѣсь..

— Такъ скоро? — сказала Лиза, вздрогнувъ при этомъ имени. Она не ожидала такого скораго свиданія.

— «Куй желѣзо, пока горячо», говоритъ ваша русская пословица. Время не терпитъ. — Розалія! — крикнулъ онъ, — мою шапочку и палку, а паненкѣ ея теплую одежду и обувь.

Когда та и другая были принесены, помолодѣвшій Яскулка, будто вспрыснутый мертвою и живою водой, бодро накинулъ на себя шапку и, опираясь на суковатую палку, вышелъ изъ комнаты, сказавъ Лизѣ, надѣвавшей на себя теплую одежду, чтобы она за нимъ слѣдовала.

Они вышли на крыльцо двора. Старикъ махнулъ рукою народу, чтобы подошелъ къ нимъ, и, когда крестьяне и крестьянки составили изъ себя кольцо около господскаго крыльца, сказалъ имъ громогласно: «Вотъ моя внучка, Елизбета, ваша будущая госпожа».

— Много лѣтъ здравствовать,—закричалъ въ толпѣ отставной солдатъ, за нимъ повторили то же другіе, женщины смотрѣли на свою будущую госпожу съ умиленіемъ и любовью.

— Теперь выпейте горѣлки за здравіе ея, — примолвилъ Яскулка,—и веселитесь, сколько душѣ угодно.

На дворѣ разставлены были столы съ разными крестьянскими яствами и боченки съ горѣлкой. Первая чарка сопровождалась новымъ пожеланіемъ здравія паненкѣ Елизбетѣ и дѣду ея, Яскулкѣ. Пошло пированіе, пили водку старики, взрослые, пили кобиты, дивчаты, мальчики, какъ-будто они привыкли вкушать

ее съ того времени, какъ отняли ихъ отъ груди матери. Бѣлоруссцы переродились, куда дѣвалась ихъ неподвижность! Появились волынки, скрипки, дивчаты пустились въ плясъ, началось акробатическое состязаніе по мачтѣ, намазанной саломъ. Много было смѣха, когда нѣкоторые молодцы, желая достигнуть побѣднаго вѣнка—бархатной шапки и свитки съ шелковымъ кушакомъ, скользили съ разной высоты и падали на землю. Награда досталась, однакожъ, одному изъ самыхъ отважныхъ и ловкихъ рыцарей. Экономка принесла большую корзинку, загроможденную разноцвѣтными лентами, платками, черевичками и другими женскими нарядами. Раздача ихъ представлена была царицѣ дня, внучкѣ Яскулки. Съ какою радостью исполнила она эту обязанность, какъ умѣла искусно уравнять подарки и приправить ихъ ласковымъ словомъ, для котораго обращалась къ живому бѣлорусскому словарю своего дѣда! Нѣкоторыхъ пригожихъ и дѣтей она перецѣловала. Всѣ были веселы, всѣ были счастливы. Въ это время въѣхалъ во дворъ экипажъ, въ немъ сидѣлъ Владиславъ. Лиза сейчасъ узнала рокового посѣтителя, она поблѣднѣла, задрожала и машинально оперлась на руку дѣда, забывъ, что эта рука не можетъ поддержать ее.

— Пойдемъ въ комнаты,—сказалъ Яскулка, замѣтивъ ея тревожное состояніе, и, загородивъ ее собою, показалъ ей дорогу впередъ.

Прежде чѣмъ Владиславъ вошелъ за ними въ домъ, она успѣла нѣсколько оправиться; когда-жъ онъ вступилъ въ комнату, гдѣ она и Яскулка его приняли, Владиславъ и Лиза окинули другъ друга пытливымъ взглядомъ. Какъ говорила Тони, онъ очень похудѣлъ, красота Лизы выступала еще рѣзче изъ-подъ глубокаго траура. Онъ хотѣлъ подать Лизѣ руку, но та опустила свою и церемоніально присѣла передъ нимъ.

— Вы родные, люди близкіе,—сказалъ Яскулка,—а встрѣчаетесь точно чужіе. Не хочу мѣшать вамъ своимъ присутствіемъ, авось безъ меня наединѣ скорѣе поладите.

— Я пріѣхалъ сюда,—началъ первый Владиславъ, когда старикъ удалился, — чтобы имѣть счастіе тебя увидѣть, хоть подышать съ тобою однимъ воздухомъ, услышать отъ тебя, если не слово любви, то по крайней мѣрѣ дружескаго привѣта.

— Прежде всякихъ объясненій я спрошу тебя, Владиславъ, съ кѣмъ я говорю: съ врагомъ Россіи, съ измѣнникомъ, или...

— Твое слово,—отвѣчалъ онъ,—должно порѣшить: броситься-ли мнѣ окончательно въ безумный сбродъ польскихъ революціонеровъ и погибнуть съ ними. Любила-ли ты меня, любишь ли еще?

— Любила, да. И какъ еще любила! Ты одинъ этого не понималъ. Ты не видѣлъ моей любви въ глазахъ моихъ, не слыхалъ ея въ звукѣ моего голоса. Мало ли я боролась со своимъ разсудкомъ, съ волею отца, со своимъ долгомъ! Легко ли мнѣ было! Развѣ не замѣтилъ ты этой любви, когда я разставалась съ тобою въ Прѣсненскомъ саду? Для тебя я отказала въ рукѣ своей прекрасному человѣку, который предался мнѣ всѣмъ сердцемъ, котораго назначалъ мнѣ отецъ. Для тебя отказалась отъ мирной, семейной жизни въ довольствѣ. И для кого-жъ пріѣхала сюда? Какихъ-же еще доказательствъ нужно тебѣ? Откажись отъ революціонныхъ затѣй своей матери, оторвись отъ безумныхъ братій своихъ—и тогда...

Наступила минута рѣшительная.

Владиславъ покачалъ головой и закрылъ рукою глаза, изъ которыхъ готовы были брызнуть слезы.

— Вновь предатель, вновь измѣнникъ... перемётчикъ... позорныя имена! Я далъ присягу.

— Безумная присяга, вырванная у тебя въ минуту отчаянія! Ты прежде далъ другую присягу русскому царю! Ее слышалъ, ее принялъ общій намъ Всемогущій Богъ, общій намъ Судья. Развѣ шутилъ ты святою клятвою?

— И тогда, чтожъ?

— О! тогда я *твоя*. Бери меня, мою душу, мою жизнь. Видишь, на мнѣ траурная одежда. Для тебя сниму ее, потревожу прахъ отца, пойду съ тобою въ храмъ Божій и тамъ, у алтаря его, скажу всенародно, что я тебя люблю, что никого не любила кромѣ тебя и буду любить, пока останется во мнѣ хоть искра жизни. Не постыжусь принять имя Стабровскаго, опозоренное измѣною твоего брата.

— Но если русское правительство узнаетъ, что я былъ участникомъ революціонныхъ замысловъ поляковъ, и тогда... преступникъ, ссыльный въ Сибирь... что съ тобою будетъ?

— Вѣдь ты еще не совершилъ ихъ, этихъ замысловъ? Говори.

— Рѣшительно, нѣтъ еще.

— Мы съ Зарницыной оправдаемъ тебя, представимъ доказательства. Я брошусь тогда къ ногамъ государя моего, разскажу ему и твои вины, и твое раскаяніе. Онъ милостивъ, нашъ царь, онъ проститъ тебѣ минутное заблужденіе. А если нѣтъ, я жена ссыльнаго, поплетусь за тобою въ тундры и снѣга Сибири, понесу твои цѣпи, буду твоей работницей.

— Я былъ бы чудовище, еслибъ послѣ твоихъ словъ сказалъ: нѣтъ! Лиза, моя безцѣнная Лиза, мое божество: вотъ здѣсь, у образа Спасителя и Пречистой Его Матери, клянусь передъ лицомъ ихъ отнынѣ, съ этой минуты принадлежать Россіи всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами, всѣми дѣлами моими

— Вѣрю, милый другъ, и вотъ тебѣ доказательство, что я тебѣ вѣрю—мой брачный поцѣлуй.

Она бросилась ему на грудь, обняла его и поцѣловала страстнымъ поцѣлуемъ, отъ котораго они оба обезумѣли.

Владиславъ разсказалъ ей планы бѣлорусскихъ заговорщиковъ и средства ихъ разрушить.

— Теперь позови сюда дѣдушку,—сказала она.

Владиславъ позвалъ Яскулку и объявилъ ему, что все между ними порѣшено и онъ можетъ поздравить ихъ женихомъ и невѣстой. Яскулка благословилъ ихъ, но взялъ съ нихъ слово принять его фамилію.

За обильнымъ обѣдомъ старикъ пилъ за здоровье жениха и невѣсты, густымъ, какъ масло, токаемъ, отрытымъ въ завѣтномъ углу погреба; пригласили и экономку выпить рюмку за это здоровье съ пожеланіемъ имъ счастія.

— Парочка,—говорила она, осушивъ рюмку,—изо всего свѣта подобрать. Тряхну же я старыми костями на вашей свадьбѣ.

Условлено было строго до времени хранить тайну между лицами, посвященными въ нее, и Зарницыной, которой Лиза должна была ее передать.

IV

Какія мысли и чувства волновали душу Лизы, когда она возвращалась домой! Вся жизнь ея перевернулась вверхъ дномъ. И какъ быстро это совершилось! Видно, на то была воля Божія. Тони сказала бы, что этотъ день записанъ въ книгѣ судьбы ея подруги еще при рожденіи ея. Нарушила-ли Лиза клятву, данную отцу? Нѣтъ, думала она. Опасный врагъ Россіи сдѣлался преданнымъ ей сыномъ, цѣлый край избавится отъ многихъ бѣдствій, кровь и жизнь многихъ тысячъ будутъ пощажены, отцы будутъ сохранены дѣтямъ, мужья женамъ. «Нѣтъ, — повторила Лиза, желая себя успокоить,—отецъ мой видитъ съ того свѣта мои помыслы, чистоту моихъ намѣреній и благословляетъ меня на этотъ подвигъ. Благодарю Тебя, Господи, что избралъ меня орудіемъ для совершенія его. Я была къ нему предназначена».

Евгенія Сергѣевна ждала Лизу съ нетерпѣніемъ и приказала слугѣ, какъ скоро пріѣдетъ она, просить ее въ кабинетъ. Здѣсь Лиза передала Зарницыной все, что съ нею случилось въ этотъ день. Рѣшимость ея на бракъ съ Владиславомъ не вызвала противорѣчія со стороны ея второй матери, воспламененной патріотическою мыслью, что бракъ этотъ послужитъ вѣрнѣйшимъ орудіемъ въ пользу русскаго дѣла.

— Время не терпитъ, — сказала Евгенія Сергѣевна, — я получила извѣстіе, что на границѣ Витебской губерніи паны и дробная шляхта готовятся къ возстанію. Владиславъ сдѣлаетъ для жены своей то, чего не сдѣлалъ бы для женщины, хотя имъ любимой, но которую онъ не можетъ еще назвать *своею*.

Рѣшено было между Зарницыной и Лизой, чтобы бракъ былъ скорѣе совершенъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ города, ближе къ псковской границѣ, въ костелѣ и русской церкви, при немногихъ свидѣтеляхъ, на скромность которыхъ можно было положиться. Между тѣмъ вызваны были и Жучокъ и Застрембецкій на совѣщаніе Пока дѣлались приготовленія къ роковому браку, пришло письмо на имя Евгеніи Сергѣевны отъ слуги Сурмина, что баринъ его отчаянно боленъ горячкою, которою заразился, ухаживая за больными въ деревнѣ, гдѣ валитъ эта болѣзнь стараго и малаго. Слуга просилъ карету и доктора. «Лошади разставлены отъ деревни до города на станціяхъ», говорилось въ письмѣ.

Это извѣстіе очень опечалило Зарницыну и Лизу; Тони, которой передали его, не въ силахъ была скрыть своихъ слезъ. О! какъ бы она хотѣла назваться *его* сестрою, поѣхать за больнымъ, ухаживать за нимъ дорогой. Что̀ ей приличія, общественное мнѣніе! Слова напрасныя! Тамъ нѣтъ приличія, гдѣ любимый человѣкъ требуетъ помощи, въ которую должно положить душу свою, которую можетъ только оказать мать, сестра, кто-бы она ни была, но лишь бы была любящая женщина. Что ей судъ здѣшняго общества? Она его не знаетъ, не знаетъ и ея это общество. Заразы отъ больного она не боится.

Этотъ сердечный порывъ смѣнился, однакожъ, убѣжденіями разсудка. Помощь доктора и, какъ говорила Евгенія Сергѣевна, посылка съ нимъ фельдшера бу-

дутъ полезнѣе для больного во время пути. Она только затруднитъ путешествіе, да и кто помѣшаетъ ей за нимъ ходить, когда его привезутъ въ городъ.

Послали тотчасъ за докторомъ Левенмаулемъ, изъ курляндскихъ евреевъ, учившимся въ дерптскомъ университетѣ и славившимся искусною и счастливою практикой. Докторъ согласился ѣхать, запасся нужными, по его соображеніямъ, медикаментами, взялъ съ собою фельдшера и отправился въ путь.

Слуга Сурмина, Сергѣй, встрѣтилъ его со слезами на глазахъ.

— Живъ?—спросилъ Левенмауль.

— Живъ, но плохъ,—отвѣчалъ слуга.

Больной найденъ былъ докторомъ въ опасномъ положеніи, въ сильномъ жару и бреду. Нечего было мѣшкать. Подавъ ему возможное пособіе, какое у него было подъ руками, и оставивъ смышленому русскому конторщику разныя аптечныя снадобья и наставленія для больныхъ крестьянъ, уложили, сколько возможно было, покойнѣе паціента въ каретѣ. Съ одной стороны сѣлъ докторъ, съ другой—фельдшеръ, Сергѣй на козлы, и тронулись въ путь. Наступала ночь. Горѣли два фонаря у кареты, зажгли одинъ внутри ея, впереди ѣхали два конные съ фонарями. Огни отъ нихъ, при быстрой ѣздѣ, мелькали, какъ пролетающіе метеоры, и мимолетно отражались въ лужахъ, образовавшихся отъ стаявшихъ снѣговъ. Верстахъ въ десяти отъ деревни Сурмина надо было ѣхать густымъ сосновымъ лѣсомъ. Корни столѣтнихъ деревъ, выступивъ изъ земли, переползали дорогу и дѣлали ѣзду несносною. Докторъ, боясь сильныхъ толчковъ для больного, приказалъ ѣхать тише. По узкой дорогѣ пристяжныя задѣвали за деревья. Поѣхали ощупью. Вдругъ, среди ночной тишины, послышались веселые голоса, пѣли революціонныя и вперемежку двусмысленныя пѣсни.

Эхо повторяло ихъ. Раздавался хохотъ, хохоталъ и лѣсъ. Казалось, лѣшій тѣшился въ ночи. Дорогу, по которой ѣхали наши путешественники, перекрещивала другая, такая же проселочная. На ней замелькали тоже огни. Пѣсни вдругъ смолкли, скоро толпа всадниковъ обступила экипажъ и остановила выносныхъ лошадей.

— Кто ѣдетъ? — закричалъ по-польски громовый голосъ.

— Русскій помѣщикъ Сурминъ, — отвѣчалъ съ козелъ слуга Сергѣй.

— Русскій! богачъ! знаемъ! чтобъ его бисы побрали!

— Поселился въ нашемъ польскомъ краю, совьетъ себѣ здѣсь гнѣздо на нашу бѣду.

— Начнемъ кампанію съ него, съ нами револьверы.

— Убьемъ его, однимъ врагомъ меньше.

— Убьемъ, убьемъ, — повторяли голоса, и вслѣдъ затѣмъ ударъ какимъ-то твердымъ орудіемъ разбилъ вдребезги стекло въ окнѣ кареты, такъ что осколки его посыпались на доктора; фельдшеръ закрылъ собою больного.

— Господа, — сказалъ Левенмауль по-польски, высунувъ голову изъ окна,—пощадите больного, умирающаго. Ваши дѣйствія приличны только разбойникамъ, а не честнымъ патріотамъ. Если-жъ вы затѣете что-нибудь худшее, такъ въ отвѣтъ вамъ есть и у насъ револьверы.

— А ты кто такой?—закричалъ одинъ изъ всадниковъ. — Не нашъ-ли компатріотъ-измѣнникъ, въ услуженіи у русскаго?

— Я докторъ Левенмауль.

— Докторъ Левенмауль?—повторила ватага.

— Виватъ докторъ Левенмауль!

— Онъ спасъ меня отъ смерти.

— Онъ воскресилъ мою жену.

— Простите насъ, докторъ, мы были на пиру, подпили порядкомъ.

— Дайте намъ вашу руку и ступайте съ Богомъ.

Левенмауль выставилъ свою руку изъ окна, нѣсколько рукъ, одна за другою, спѣшили пожать ее.

Карета тронулась, мѣсто разбитаго стекла умудрились заложить подушкой. Этой бѣдой кончилось разбойническое нападеніе патріотовъ, которое могло бы имѣть ужасныя послѣдствія, еслибъ не былъ тутъ Левенмауль, любимый и уважаемый всѣми въ губерніи. Отчаянная ватага дѣйствительно, возвращалась съ пирушки у сосѣдняго пана. На ней, въ чаду винныхъ паровъ, положено было не щадить ни одного русскаго, гдѣ бы онъ ни попался. Остальной путь сдѣлалъ докторъ безъ особенныхъ приключеній. Больному приготовлены были комнаты въ нижнемъ этажѣ квартиры Зарницыной, остававшіяся пустыми по случаю отсутствія генерала. Тони, Евгенія Сергѣевна и Лиза тотчасъ посѣтили его. На разспросы доктора о состояніи его, Левенмауль не могъ сказать ничего рѣшительнаго, впрочемъ, возлагалъ упованіе на Бога.

Тони отрекомендовала себя ему, какъ сестра больного, и просила позволенія ухаживать за нимъ.

— И вы не боитесь, чтобы болѣзнь пристала къ вамъ?—сказалъ Левенмауль.—Я долженъ предупредить васъ, что она заразительна.

— Тутъ не до страху,—отвѣчала Тони,—когда человѣкъ близкій въ опасности.

— Мы примемъ, однакожъ, мѣры, чтобъ она васъ не коснулась, прошу соблюдать ихъ.

— Все, что вы прикажете.

И стала Тони съ этого времени ухаживать за больнымъ, какъ самая усердная сидѣлка, какъ ухаживала бы мать за сыномъ, сестра за братомъ, горячо любя-

щая жена за мужемъ. И просиживала она не только нѣсколько часовъ дня, но и по ночамъ, у постели его. Ускореніе и замедленіе его пульса повергали ее въ ужасную тревогу, малѣйшій проблескъ выздоровленія дѣлалъ ее счастливою. Казалось, она жила его жизнью и должна была умереть вмѣстѣ съ нимъ. Обо всѣхъ перемѣнахъ больного она давала подробный отчетъ доктору. Разъ Сурминъ въ бреду произнесъ ея имя. Осмотрѣвшись и увидавъ, что въ комнатѣ не было ни фельдшера, ни слуги, она схватила его руку и съ жаромъ поцѣловала ее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на Тони, улыбнулся и снова закрылъ ихъ. Пріѣхалъ докторъ, пощупалъ пульсъ больного и объявилъ названной сестрѣ, что кризисъ миновался и есть надежда на благополучный исходъ болѣзни. Тони съ благодарностью взглянула на образъ Спасителя, слезы обильно потекли по исхудалымъ щекамъ ея. Крѣпко пожала она руку доктора и, еслибъ не стыдилась его, бросилась бы передъ нимъ на колѣни. Съ каждымъ днемъ Сурмину дѣлалось лучше; Левенмауль, прежде задумчивый, грустный, повеселѣлъ и сталъ пошучивать, Тони сіяла отъ удовольствія.

— Мнѣ кажется,—спросилъ доктора больной, увидавшій мелькнувшее въ дверяхъ женское платье,—что здѣсь была женщина, кто это была?

— Ваша сестра, — отвѣчалъ докторъ.

— Моя сестра, — спросилъ Сурминъ, приложивъ руку ко лбу,—развѣ она пріѣхала? Которая же? Поэтому и мать моя здѣсь?

— Нѣтъ, одна сестра ваша, да вы, конечно, забыли въ своей болѣзни, что пріѣхали вмѣстѣ съ нею.

— Я пріѣхалъ съ Ранѣевой и Антониной Павловной Лориной. Неужели она?

— Она во все время болѣзни ухаживала за вами, ночь просиживала у вашей кровати. Я боялся, чтобы она сама не заболѣла, да, видно, натура сильная.

— Я ничего тутъ не понимаю, неужели? — твердилъ Сурминъ.

— И я самъ тоже ничего не понимаю, знаю только, что вамъ нужно спокойствіе.

— Я спокоенъ, я счастливъ. Дайте мнѣ только увидать ее.

— Дня черезъ два, три, посмотримъ, когда соберетесь съ силами.

— Такъ долго, такъ долго, жестокій человѣкъ, — говорилъ Сурминъ, и между тѣмъ какое-то смутное, радостное чувство оживляло его.

На другой день больной чувствовалъ себя еще лучше и просилъ доктора узнать отъ горничной Зарницыной, какъ зовутъ ту, которая такъ усердно ухаживала за нимъ. Докторъ не хотѣлъ противорѣчить своему паціенту, чтобы не раздражать его, и, узнавъ имя и отчество прекрасной сидѣлки, сталъ подозрѣвать какую-то мистификацію.

«Моего паціента зовутъ Андрей Иванычъ, а ее Антонина Павловна, какая-жь тутъ сестра»,—думалъ онъ и сошедши къ Сурмину, нашелъ уже его сидѣвшимъ въ креслахъ.

— Браво, браво! — провозгласилъ докторъ, — день два, и вы будете на ногахъ. Только прошу васъ не волноваться, не тревожиться. Если вы будете пай, мое дитя, такъ я позволю вамъ завтра увидѣть вашу хорошенькую сестрицу.

— Опять завтра,—пожаловался Сурминъ съ неудовольствіемъ.

— Вотъ вы и волнуетесь, въ такомъ случаѣ я вынужденъ буду прибѣгнуть опять къ латинской кухнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой любезнѣйшій, добрѣйшій докторъ... Я буду кротокъ, послушенъ, какъ самое покорное дитя. Скажите мнѣ только ея имя.

Левенмауль усмѣхаясь погрозилъ на него пальцемъ.

— Шашни, шашни, любезный другъ. Позвольте васъ спросить, какъ васъ зовутъ?

— Андрей, Ивановъ сынъ, Сурминъ.

— А ту интересную дѣвушку, что за вами ухаживала, Антониной Павловной Лориной. Ха, ха, ха!

— Добрая моя Тони, ангелъ мой,—говорилъ Сурминъ,—ты могла заразиться отъ меня, такая молодая, умереть. Какія жертвы! Я назвалъ ее *моя*, докторъ; да, Антонина Павловна моя невѣста, пока не назову ее болѣе дорогимъ именемъ.

— Я это подозрѣвалъ,—отвѣчалъ докторъ.

Между тѣмъ онъ ничего не подозрѣвалъ, занятый одною болѣзнью своего паціента.

— Крѣпните, мужайтесь, и скорѣе маршъ молодцомъ къ вѣнцу.

— Отчего въ домѣ такъ тихо? — спросилъ Сурминъ.—Подъѣздъ почти у моихъ оконъ, а не слыхать стука экипажа.

— Немудрено, хозяйка велѣла настлать передъ вашими окнами соломы, — навалили цѣлую гору, — да какъ скоро узнала, что вамъ лучше, уѣхала съ другою гостьей своей за городъ и до сихъ поръ не возвращалась.

На другой день докторъ, увѣренный въ полномъ выздоровленіи Сурмина, исполнилъ свое обѣщаніе. Предупредивъ его, онъ ввелъ къ нему Антонину Павловну и оставилъ ихъ однихъ. Радость и любовь сіяли въ глазахъ ея: казалось, она расцвѣла въ эти минуты. Сурминъ сидѣлъ въ креслахъ, она сѣла подлѣ него въ другія. Онъ взялъ ея руку, съ жаромъ поцѣловалъ ее и, задержавъ въ своей, сказалъ:

— Милая... не буду говорить: Антонина Павловна, скажу просто, милая, прекрасная, добрая моя Тони. Я обѣщалъ доктору говорить съ тобою спокойно, безъ увлеченій, которымъ готово было бы мое сердце предаться въ эти минуты, — такъ и сдѣлаю. Не имѣю нужды спрашивать тебя, любишь ли меня, ты это мнѣ доказала. Мнѣ разсказали, какимъ опасностямъ ты подвергалась, ухаживая за умирающимъ. Тебѣ извѣстно, что я нѣкогда страстно, бѣшено полюбилъ твою подругу. Такія страстныя вспышки не надежны. Слава Богу, онѣ разомъ погасли отъ нѣсколькихъ словъ Ливеты Михайловны. Она любила другого и прямо, честно сказала мнѣ, что сердце ея не свободно. Благородная, твердая дѣвушка! Дай Богъ ей счастья! Но не для нея Провидѣніе въ одинъ изъ августовскихъ дней прошлаго года вызвало меня на Кузнецкій мостъ, не для нея приготовило оно мнѣ встрѣчу съ Михайломъ Аполлонычемъ, привело меня въ домъ вашъ. Не Лиза, а Тони была предназначена мнѣ свыше. Ты магнетическимъ токомъ своимъ очаровательныхъ глазъ, ангельскимъ характеромъ, не могу объяснить еще чѣмъ, притягивала меня къ себѣ болѣе и болѣе каждый день. Сердце твое чисто и свободно, я это знаю.

— Оно принадлежало тебѣ, мой другъ, съ первой минуты, какъ я тебя увидала.

Сурминъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ. Тони зардѣлась любовью и счастіемъ.

— А знаешь ли, — сказалъ онъ, — сколько разъ мысленно цѣловалъ я тебя, когда мы сидѣли другъ противъ друга въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ?

— О! еслибъ открывать всѣ задушевныя тайны свои, много такихъ поцѣлуевъ отъ меня пересчиталъ бы ты.

— Какъ будетъ довольна, счастлива моя добрая, безцѣнная старушка-мать и сестренки, когда узнаютъ, что ты моя невѣста! Какъ онѣ тебя любятъ! Въ каж-

домъ письмѣ ко мнѣ спрашиваютъ о тебѣ съ живымъ участіемъ. Я увѣренъ, что лучшее ихъ желаніе видѣть тебя подругою моей жизни.

Такъ говорили они, рука въ рукѣ, когда пришелъ докторъ и подалъ Тони письмо.

— Слуга здѣшній просилъ меня передать вамъ, — сказалъ онъ. — Все еще воркуютъ голубки мои; не прописать-ли вамъ успокоительнаго, мой другъ?

— Эта особа прописала мнѣ такое сердечное лѣкарство, какого не найдешь ни въ одной аптекѣ.

— Отъ котораго однако-же умираютъ, если оно дается въ слишкомъ сильной дозѣ.

Тони прочла письмо; оно было отъ Евгеніи Сергѣвны. Вотъ что она писала:

«Не безпокойтесь, милый другъ, объ насъ. Мы гостимъ у дѣдушки Лизы, Яскулки, здоровы, веселы и *счастливы*. (Послѣднее слово было подчеркнуто и заставило Тони призадуматься). Я послѣзавтра возвращаюсь домой, Лиза остается еще здѣсь на нѣсколько дней. До свиданья, мой ангелъ. Напишите намъ съ нарочнымъ, поправляется ли нашъ больной. Мы обѣ очень тревожимся на его счетъ, хотя при отъѣздѣ нашемъ докторъ ручался за жизнь его. Насъ успокоиваетъ мысль, что Андрей Ивановичъ на надежныхъ рукахъ искуснаго врача и прекраснаго человѣка и на рукахъ женщины, которой сердце — дорогой алмазъ, какого не имѣютъ цари въ своихъ коронахъ».

Тони передала письмо Сурмину; тотъ, читая его, также призадумался надъ подчеркнутомъ словомъ: «*счастливы*». Онъ прочелъ доктору строки, касающіяся его. Лёвенмауль былъ, видимо, доволенъ, только замѣтилъ, что Евгенія Сергѣевна прекрасная, добрая, умная дама, однимъ словомъ—была бы совершенство, еслибъ только...

Онъ не договорилъ, а покружилъ рукою надъ го-

ловою своей, какъ-будто хотѣлъ сказать, что вихри летаютъ въ головѣ Зарницыной.

Докторъ былъ человѣкъ положительный.

Что дѣлалось въ это время съ Лизой? Какое *счастіе* внезапно упало на нее съ неба? Она сама не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что, какъ съ нею случилось. Голова ея кружилась, горѣла... Она чувствовала, что несется на огненныхъ крыльяхъ въ край невѣдомый, таинственный и не въ силахъ спуститься на землю, образумиться...

Бракъ ея былъ совершенъ въ костелѣ и въ православной церкви въ одномъ изъ уѣздовъ, ближайшихъ къ псковской границѣ, она носила ужь имя Стабровскаго. Свидѣтелями были унтеръ-офицеръ изъ дворянъ Застрембецкій и отставной изъ инвалидной команды капитанъ, старичекъ, преданный душою Зарницыной за многія пособія которыя она оказывала его семейству. Матерью посаженою у Лизы была она, отцомъ посаженымъ у Владислава — Яскулка. Тайна брака строго сохранялась до времени подъ страховыми печатями любви и преданности. Для новобрачныхъ дѣдушка Яскулка отвелъ свои парадныя комнаты въ бельэтажѣ, самъ же переселился въ мезонинъ. Свадьба была отпразднована скромно всѣми лицами, участвовавшими при вѣнчаніи. Всѣ были веселы, *счастливы*, какъ писала Тони Евгенія Сергѣевна. Послѣдняя пробыла у *молодыхъ* дня съ три и возвратилась съ Застрембецкимъ и капитаномъ въ городъ, взявъ напередъ съ Владислава слово черезъ нѣсколько дней приступить къ дѣйствіямъ, которыя должны были подрѣзать козни витебскихъ революціонеровъ. По пріѣздѣ домой она вдвойнѣ обрадована была выздоровленіемъ Сурмина и переданною Тони вѣстью, что она невѣста его. Тайна Лизина брака была пока утаена отъ ея подруги. На вопросъ Лориной, что значитъ подчеркнутое въ письмѣ

слово: *«счастливы»*, Евгенія Сергѣевна объяснила его тѣмъ, что Лиза счастлива примиреніемъ съ дѣдомъ, его ласками и любовью.

Между тѣмъ Владиславъ въ упоеніи своего счастія, такъ внезапно его посѣтившаго, забылъ весь міръ, каждый день собирался въ городъ для совѣщанія съ Зарницыной и каждый день откладывалъ отъѣздъ, до слѣдующаго. Мысль вырваться изъ объятій прекрасной, обожаемой имъ подруги приводила его въ отчаяніе. Прошла недѣля, а онъ не трогался съ мѣста. Домъ Яскулки могъ сдѣлаться его Капуей, и потому Евгенія Сергѣевна, боясь, чтобы влюбленные счастливцы не забыли патріотическаго дѣла, которому она себя посвятила, рѣшилась протрезвить ихъ письмомъ на имя Владислава. Она писала къ нему:

«Помните, подъ какимъ условіемъ я отдала вамъ дочь свою, подъ какимъ условіемъ она рѣшилась на эту *жертву*. Исполните слово честнаго человѣка, а потомъ наслаждайтесь съ нею счастіемъ, котораго вы только тогда будете достойны. Не узнаю и Лизы. Она жаждала подвига, а когда онъ приготовленъ, потонула въ брачныхъ восторгахъ, забыла о своемъ долгѣ, забыла завѣтъ отца своего. «Пускай, дескать, льется кровь моихъ братьевъ, страдаютъ честь и благосостояніе моего отечества, мнѣ хорошо въ объятіяхъ друга, я вполнѣ наслаждаюсь безмятежными благами». Но содрогнется она, можетъ быть и поздно, когда явятся у ложа ея изъ розъ тѣнь брата съ кровавою раною въ груди, требующаго мести, тѣнь отца съ горькимъ упрекомъ измѣны. Неужели, какъ она нѣкогда писала мнѣ, должно сбыться мнѣніе Сурмина о русскихъ женщинахъ, что онѣ не способны на жертвы, на самоотверженіе, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ течетъ рыбья кровь? Стыдно намъ передъ поляками. Пусть докажетъ она противное. Я жду васъ, Владиславъ. Весна

дышетъ теплотворными испареніями приближающейся революціонной грозы. Честь и счастіе ваше въ вашихъ же рукахъ. Я не колеблюсь пожертвовать вами и Лизой, если вы не образумитесь.

«Ваша
«*Евгенія З*».

Письмо это, нашпигованное стрѣлами ироніи, залитое желчью патріотическаго негодованія, сдѣлало свое дѣло: влюбленные счастливцы отрезвились. Лиза спѣшила выпроводить мужа изъ дома Яскулки, въ которомъ они провели столько прекрасныхъ, упоительныхъ дней. Они разстались. Лиза Стабровская воспрянула, это уже была прежняя Лиза Ранѣева, которая такъ восторженно поклонялась Жаннѣ д'Аркъ. Воображеніе стало опять рисовать ей подвигъ, хоть не подобный подвигу Орлеанской Дѣвы, все-таки, не безслѣдный для блага ея отечества. Провожая мужа, она глотала свои слезы.

— Если нужно будетъ, по первому призыву твоему, — говорила она, благословляя его, — я проберусь къ тебѣ хоть бы сквозь ряды вражескихъ кинжаловъ, раздѣлю съ тобою опасности и, если не смогу спасти тебя, умру на твоей груди.

Условились не писать другъ къ другу, чтобы польскіе шпіоны не перехватили ихъ писемъ; въ крайнемъ же случаѣ Владиславъ обѣщалъ прислать ей извѣстіе съ вѣрнымъ слугою своимъ, Кирилломъ или самъ пріѣхать къ ней при первой возможности.

— Будь остороженъ, береги себя, — сказала она, осыпая его своими жаркими поцѣлуями,—и помни, что твоя и моя жизнь отнынѣ нераздѣльны.

Явясь къ Зарницыной, Владиславъ просилъ у нея, ради обстоятельствъ, прощенія, что такъ долго замедлился.

— Время терпитъ,—говорилъ онъ, — я имѣю свѣдѣнія, что только въ концѣ апрѣля должны начаться дѣйствія заговорщиковъ въ Могилевской губерніи, а безъ пароля вождя ихъ, Жвирждовскаго, никто въ здѣшнемъ краѣ не тронется съ мѣста. Пароль этотъ долженъ я получить. Теперь же мы только въ началѣ апрѣля.

Евгенія Сергѣевна, тронутая искренностью его раскаянія, убѣжденная основательностью его доводовъ, извинилась въ жестокости выраженій своего письма. Могла ли она оставаться равнодушною къ положенію молодого человѣка, который обрекъ себя на дѣло опасное, роковое и долженъ былъ изъ объятій пламенно-любимой имъ женщины броситься въ омутъ приключеній съ тѣмъ, чтобы, можетъ статься, потерять въ немъ свою голову. Рѣшились, однакожъ, заранѣе принять нужныя мѣры противъ революціонныхъ замысловъ. Какъ осторожный и искусный шахматный игрокъ заранѣе, въ отсутствіе своего противника, изучаетъ предполагаемые ходы его и свои, такъ соображала Евгенія Сергѣевна, какъ вѣрнѣе дать шахъ и матъ врагамъ своего отечества.

Призванъ былъ Застрембецкій на секретное совѣщаніе. Ходы опредѣлены. Открытіе важной тайны должно было служить залогомъ преданности Владислава русскому дѣлу. Онъ описалъ мѣстность, гдѣ хранилось депо оружія, на которое мать его положила столько заботъ и денегъ.

Застрембецкій просилъ у Владислава позволенія занести это описаніе въ свою памятную книжку. Позволеніе охотно дано, важная тайна принадлежала уже двумъ новымъ лицамъ.

Планы и дѣйствія Зарницыной и ея сообщниковъ слѣдовало пока скрыть отъ мѣстной полиціи, которая могла бы преждевременно ударить въ набатъ, и, мо-

жетъ быть, такъ какъ она имѣла въ своей средѣ польскихъ чиновниковъ, шепнуть заговорщикамъ, чтобы они приняли свои мѣры. Да, Евгенія Сергѣевна не хотѣла, чтобы эта полиція, ничего не знавшая, что у нея дѣлается подъ носомъ, чужими руками загребала жаръ. Положено было тревожить заговорщиковъ, особенно наиболѣе колеблющихся и робкихъ анонимными письмами отъ лица, преданннаго имъ, что имена ихъ отмѣчены въ спискѣ лицъ, заподозрѣнныхъ русскимъ правительствомъ. Въ этихъ письмахъ не должно было щадить имя Владислава Стабровскаго и спуститься на совѣты не вдаваться до времени въ отчаянныя предпріятія. Особенно Суздиловичъ, хотя и обѣщавшій проливать въ нѣкоторомъ родѣ кровь свою за дѣло ойчизны, однакожъ, болѣе храбрый въ словесныхъ битвахъ, чѣмъ въ кровопролитныхъ, долженъ былъ служить мишенью, въ которую сподвижники Зарницыной предполагали бить на-вѣрняка. Сдѣлать въ немъ брешь значило поднять тревогу въ польскомъ лагерѣ. Паника отъ него могла широко распространиться. Положено было также дѣйствовать на хлоповъ слухами объ измѣнѣ пановъ «Бѣлому Царю», оказавшему имъ недавно столько милостей освобожденіемъ отъ крѣпостного ига. Имѣніе Сурмина было близко отъ мѣстности, изъ которой витебскіе заговорщики должны были выступить на помощь могилевцамъ, а Сурминъ во время пребыванія своего среди бѣлорусскаго населенія, доставшагося ему по наслѣдству, успѣлъ разными льготами по оброкамъ, надѣлу земли и разными гуманными мѣрами склонить это населеніе въ пользу всѣхъ, кто носилъ имя русское. Стоило только мѣстной администраціи заявить, что она расположена энергически дѣйствовать противъ мятежной шляхты, какъ поднялись бы тысячи рукъ, готовыхъ на народную войну.

Впослѣдствіи бѣлорусскіе крестьяне это доказали.

Во время совѣщаній нашего тріумвирата слуга доложилъ Евгеніи Сергѣевнѣ, что пришелъ Жучокъ и желаетъ видѣть ее съ глазу на глазъ. При этомъ имени Владиславъ съ изумленіемъ вопросительно посмотрѣлъ на нее. Жучокъ, повѣренный Жвирждовскаго въ покупкѣ оружія для витебскихъ повстанцевъ, преданный ихъ интересамъ, этотъ самый Жучокъ имѣетъ теперь секретныя сношенія съ тою, которая посвятила себя на уничтоженіе ихъ замысловъ?

Она поняла вопросительный взглядъ Владислава и отвѣчала на него по-французски:

— Не бойтесь, онъ изъ *нашихъ*, — и, обратившись къ слугѣ, приказала просить Жучка и сказать ему, что здѣсь всѣ *свои*.

— Берегитесь, однакожъ, его,—замѣтилъ Застрембецкій,—я людямъ съ кошачьими глазами никогда не довѣряю. Мой благодѣтель-ксендзъ имѣлъ точно такіе. Вчера Жучокъ предалъ Стабровскому, завтра предастъ Зарницыну.

— Ранѣевъ прислалъ мнѣ его, какъ довѣреннаго человѣка Не знаю отношеній ихъ другъ къ другу, но я, полагаясь на слово умирающаго, истиннаго патріота, довѣрилась Жучку и покуда не имѣю причины раскаяваться. Скажу вамъ русскую пословицу, хоть и немного грубую, сырую: «мнѣ хоть бы песъ, да яйца несъ». Послушаемъ, что скажетъ. Онъ доставилъ оружіе матери Владислава, я имѣю на это доказательства, и если осмѣлится измѣнить намъ, такъ самъ на себя накинетъ петлю.

Жучокъ, войдя въ комнату, благоговѣйно перекрестился передъ образомъ Спасителя, висѣвшимъ въ углу комнаты, осмотрѣлъ бывшихъ въ ней такъ, что никто изъ нихъ не могъ опредѣлить, на кого именно онъ смотрѣлъ.

«— Люди *свои?* два поляка!—думалъ онъ, — одинъ

сынъ революціонерки Стабровской, другой разжалованный». Чтожъ онъ самъ? Воръ, грабитель, бѣжавшій изъ тюрьмы. Не глубокое раскаяніе привело его къ смертельному одру Ранѣева, а чувство самосохраненія, желаніе избѣгнуть опасности попасть опять за желѣзную рѣшетку и кончить жизнь въ рудникахъ. И въ это самое время, когда благородный старикъ, собираясь перейти въ вѣчность, такъ великодушно прощалъ его, онъ сыгралъ съ нимъ злую шутку, представивъ ему за сына своего чужого мальчика, взятаго на прокатъ изъ подворья. Правда, онъ далъ слово Ранѣеву служить въ Витебской губерніи русскому дѣлу и выполняетъ это служеніе усердно, умно, хоть и не безкорыстно. Но онъ животолюбивъ, жаль ему разстаться съ довольствомъ жизни, и рѣшился быть осторожнымъ при двухъ свидѣтеляхъ, ему мало знакомыхъ.

— Что скажешь хорошенькаго? — спросила его Зарницына.

Жучокъ не скоро отвѣчалъ, ему надо было сообразиться что говорить среди обстановки лицъ, между которыми нежданно очутился, и для этого употребилъ слѣдующій маневръ: приложилъ руку къ груди, откашлялся и только тогда, когда тяжело перевелъ духъ, отвѣчалъ:

— Извините, сударыня, одышка меня взяла, лѣсенка ваша высока, человѣкъ старый, немощный. Что угодно спросить?

— Нашелъ-ли слѣдъ къ мѣсту, гдѣ хранится оружіе, которое ты же доставлялъ Стабровской?

Одинъ глазъ Жучка посмотрѣлъ на Застрембецкаго, другой на Владислава, рукою онъ указалъ на послѣдняго.

— Его милость, кажись, сынокъ ея, Владиславъ, по батюшкѣ не знаю, да у поляковъ это не въ обычаѣ, скажу просто: панъ лучше меня знаетъ объ этомъ.

Владиславъ нарочно сталъ описывать невѣрно мѣстность, гдѣ хранилось оружіе.

— Шутить изволишь, панъ, — перебилъ его Жучокъ, — или дѣлаешь отводъ.

— А какъ по твоему? — спросила Зарницына.

— По моему? Сказалъ бы, да...

— Не бойся пана Владислава: повторяю тебѣ, онъ нашъ. А чтобы болѣе тебя увѣрить въ этомъ, открою тебѣ подъ великимъ секретомъ: онъ мужъ дочери Михайла Аполлоныча Ранѣева.

— Дочки Ранѣева? Елисаветы Михайловны? Не повѣрилъ бы, кабы не вы говорили. Какихъ чудесъ нынѣ не творится! Пожалуй, скоро услышимъ, что Мѣрославскій командуетъ отрядомъ противъ поляковъ. Дивны дѣла твои, Господи!

И силился онъ возвесть горѣ непослушные глаза свои и перекрестился, какъ-будто нечистая сила налегла на него.

— Коли такъ, — продолжалъ онъ, — вотъ что вамъ открою. Его милость панъ Владиславъ и другой панъ, по прозванью Волкъ, закадышный другъ покойной панны Стабровской, сами подъ своимъ надзоромъ въ первыхъ числахъ марта, въ полночь, перевозили оружіе. Возчики были евреи. По именамъ ихъ назвать могу, да вамъ скучненько будетъ подбирать Мошекъ да Осекъ. Верстахъ въ десяти съ одной стороны отъ фольварка пана Стабровскаго и въ семи отъ вотчины Сурмина съ другой стороны есть дремучій лѣсъ, нога человѣческая и конская прокладываютъ въ немъ слѣдъ развѣ тогда, когда охотники-паны дѣлаютъ облавы на медвѣдей. Да въ послѣднее время подъ видомъ охоты учили въ тамошнихъ мѣстахъ воинскому дѣлу шляхту и разный набранный съ борка и съ сосенки сбродъ. Панъ Владиславъ долженъ это знать. Среди лѣса, болѣе къ солнечному восходу, отъ бури покачнули свои

кудрявыя головушки три богатыря-дуба, а все-таки не покорились ей. Только стопочки повывернули изъ песчанаго грунта. Отъ этого земля съ корнями вздулась, а подъ ними устроился будто нарочно сводъ. Сводъ этотъ протянули подъ корнями другихъ деревъ. Надо сказать къ чести шляхтичей, они забыли свой гоноръ и работали усердно до поту лица. Такъ устроили подвалъ и уложили въ него ящики и тюки съ оружіемъ. Сухо и безопасно, лѣсъ не разскажетъ. Подъ корнями одного дуба сдѣлали лазейку и заклали ее искусно сучьями, а по деревьямъ къ этому мѣсту подѣлали топоромъ мѣтки, чуть-чуть видныя. Такъ-ли, панъ Владиславъ?—покончилъ Жучокъ свое объясненіе твердымъ, самонадѣяннымъ голосомъ, торжествуя успѣхъ своихъ искусныхъ поисковъ. Онъ собирался окончательно обезпечить себѣ выходъ изъ опаснаго положенія, еслибы польская сторона вздумала потревожить его.

— Вѣрно,—отвѣчалъ Владиславъ.

Дѣйствительно, описаніе мѣстности, гдѣ хранилось оружіе, было сдѣлано Жучкомъ вѣрно съ описаніемъ, которое сдѣлалъ Владиславъ Зарницыной и Застрембецкому.

— Еще вотъ что скажу, панъ,—продолжалъ Жучокъ, — когда откидывали снѣгъ отъ корней дерева, гдѣ дѣлали лазейку, одинъ изъ рабочихъ неосторожно кинулъ въ тебя мерзлый комъ снѣга и зашибъ тебѣ глазъ. Помнишь-ли, съ какимъ синякомъ ходилъ ты нѣсколько дней.

— И это вѣрно,—сказалъ Владиславъ.

— Теперь ты *нашъ*,—порѣшилъ Жучокъ.—Полякъ хитеръ, да...

— Да неразуменъ, хочешь ты сказать, какъ говорятъ здѣшніе хлопы,—подхватилъ Застрембецкій.

— Смѣю ли это выговорить, да еще при панахъ. А вотъ что по моему, какъ я сужу объ нихъ. Сгоряча

звѣзды хватаетъ, а подъ ногами не видитъ капкана. Русскій сѣръ, да волка съѣлъ. Съ виду простоватъ и въ землю глядитъ, и въ затылкѣ почесываетъ, будто думку въ немъ отыскиваетъ, а она давно у него на ладони. Какъ сильно схватитъ за ретивое, такъ отчеканитъ такой фортель, какого и лукавому щеголю, поляку не выкинуть.—Теперь, барыня,—обратился онъ къ Евгеніи Сергѣевнѣ,—развязывай кошель. Мы люди торговые, услужить услужимъ добрымъ людямъ, а все-таки своихъ счетовъ не забываемъ. Евреямъ, да еще кой-кому заплатилъ я 20 дукатовъ, по-нашему арабчиковъ, а коли такихъ у тебя не окажется, такъ мы и русскимъ золотомъ не побрезгаемъ.

Евгенія Сергѣевна вышла въ другія комнаты и, возратясь, отсчитала Жучку 40 полуимперіаловъ и въ придачу къ нимъ сказала ему «сердечное спасибо».

— Что я тебѣ говорилъ, написалъ бы на бумагу, да мы люди не чернильные, къ этому дѣлу не привычны. Оно и надежнѣе. Совѣтую и вамъ, паны, и тебѣ, барыня, не довѣрять секретовъ бумагѣ. Помни, каждая буква—доносчикъ и предатель.

Выходя, Жучокъ опять благоговѣйно перекрестился передъ образомъ и, раскланявшись съ собесѣдниками, примолвилъ:—«Понадоблюсь, позовите».

— Ручаюсь, плутъ порядочный,—замѣтилъ Застрембецкій, когда Жучокъ вышелъ.—Я подозрѣваю въ немъ человѣка болѣе образованнаго, чѣмъ онъ кажется. У него вырываются иногда слова, которыя простой купецъ не привыкъ употреблять. Впрочемъ намъ доискиваться до его тайнъ не для чего. Человѣкъ для насъ безцѣнный. Такими сыщиками дорожила бы и французская полиція.

— Все это bel et bon,—сказала Зарницына послѣ минутнаго молчанія,—но теперь намъ надо разсудить, что мы изъ этого сдѣлаемъ.

Собесѣдники погрузились въ глубокую думу.

— А вотъ что пришло мнѣ въ голову,—отозвался Застрембецкій первымъ, ударивъ себя ладонью по лбу.— Прошу вниманія у моей аудиторіи и молчанія, пока я самъ не задамъ вамъ вопросовъ.

— Буду нѣма, какъ статуя,—сказала Евгенія Сергѣевна.

— А я, какъ рыба, — присовокупилъ Владиславъ.

— Черезъ пять дней я окончательно выписываюсь изъ лазарета. Могутъ въ Литвѣ начаться военныя дѣйствія, стыдно мнѣ въ это время не быть при полку. Пожалуй, еще трусомъ назовутъ, а я скорѣе готовъ всадить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ заслужить такое позорное названіе. Со мною выписываются десять солдатъ. Съ этимъ отрядомъ дѣлаю крюку верстъ пятьдесятъ, можетъ быть, и болѣе отъ маршрута нашего. Хоть бы пришлось опять подъ судъ, какъ Богъ святъ, я это исполню. Мы завертываемъ ужь, конечно, не къ пану Стабровскому, а... отгадаете-ли куда?

Евгенія Сергѣевна и Владиславъ отвѣчали: «нѣтъ».

— Завертываемъ въ имѣніе русскаго помѣщика Сурмина, вашего постояльца. Вы слышали отъ Жучка, что это имѣніе верстахъ въ семи отъ заколдованнаго лѣса. Не знаете-ли, кто у него управляющій, полякъ или русскій?

— Слышала, что русскій конторщикъ, выписанный имъ изъ Прирѣченскаго имѣнія.

— Прекрасно! Можете ли вы, Евгенія Сергѣевна, выхлопотать отъ вашего постояльца приказъ управляющему его, чтобы онъ далъ намъ для нашей экспедиціи достаточное число подводъ и рабочихъ, и вина въ волю. Послѣднее условіе неизмѣнно.

— Увѣрена, что Сурминъ не откажетъ.

— Кругомъ глухой мѣстности, о которой мы столько говорили, всемірный потопъ оставилъ отстой свой — безчисленныя озера и болота. Между ними жилья по двѣ, по три хаты, въ нѣсколькихъ верстахъ другъ отъ друга. Заколдованный лѣсъ не пойдетъ на меня и моихъ сослуживцевъ... какъ бишь... (онъ постучалъ пальцемъ по лбу) те, те, те... нашелъ! эврика!.. какъ Барнамскій лѣсъ на Макбета. Между ночью и утреннею зорькой вытаскиваемъ ящики и тюки изъ кладовой и прямо въ ближайшее озеро бултыхъ. Такимъ образомъ повстанцы останутся безъ оружія кромѣ того, которое могутъ набрать у пановъ. Дѣло сдѣлано, Стабровскій въ сторонѣ. Какой власти посмѣютъ заговорщики заикнуться объ этой пропажѣ?

Владиславъ пожалъ Застрембецкому руку.

— Но не подвергаете-ли вы солдатъ какой-нибудь опасности?—спросила Евгенія Сергѣевна.

— Въ такой глуши развѣ квакающія персоны нападутъ на насъ.

— Такъ какъ эта экспедиція можетъ состояться, какъ вы разсчитываете, дней черезъ пять, черезъ шесть,—отозвался Владиславъ,—а я отправлюсь нынче же къ себѣ въ деревню, чтобы показаться заговорщикамъ, то я послѣзавтра же устрою осмотръ мѣстности, гдѣ хранится оружіе. Со мною будетъ Волкъ, мой affidé. Разумѣется, мы найдемъ все въ порядкѣ, и спокойны... Дожидайтесь только моего пароля. Онъ будетъ заключаться въ одномъ словѣ: *пора*. Я пришлю вамъ его съ Лизой.

— Дай Богъ вамъ успѣха,—сказала Зарницына.— Мое дѣло выхлопотать отъ Сурмина приказъ его управляющему и написать письмо къ мужу, чтобы онъ строго не взыскивалъ съ Застрембецкаго за просрочку по маршруту.

Застрембецкій въ знакъ благодарности поцѣловалъ ручку у Евгеніи Сергѣевны.

— Помните, — сказалъ Владиславъ, прощаясь съ нимъ,—черезъ недѣлю, не прежде. Ручаюсь вамъ, не опоздаете.

V

Владиславъ у себя въ деревнѣ. Ему казалось, онъ упалъ съ седьмого неба въ пропасть, гдѣ кишатъ змѣи и разные гады, готовые вонзить въ него свое жало или облить его своимъ ядомъ. Десять дней прошли для него въ земномъ раю. Не дивный-ли сонъ мелькнулъ передъ нимъ? Нѣтъ, это было на-яву, онъ наслаждался счастіемъ, какимъ только избраннику свыше дано наслаждаться на землѣ. Онъ обладалъ вполнѣ Лизой, этой прекрасной, божественной женщиной, которой одинъ взглядъ бывало обдавалъ его восторгомъ, и за эти дни готовъ идти хоть на пытку. А пытка душевная его ожидаетъ. Онъ долженъ надѣть личину преданнаго заговорщика, разставлять сѣти своимъ товарищамъ и между тѣмъ самъ избѣгать ловушки Онъ знаетъ, что за нимъ слѣдятъ соглядатаи и зорче другихъ одинъ — неумытный, свирѣпый Волкъ. Владиславъ вооружился всею твердостью своего характера и приготовился отклонить каждый ударъ, противъ него направленный. Къ этимъ политическимъ тревогамъ присоединились и домашнія, хозяйственныя, которыя только отчасти могъ онъ удовлетворить. Рабочіе и прислуга не получали жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ, крестьяне ѣли хлѣбъ изъ мякины пополамъ съ

корою деревъ и мохомъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, отчаянные парни, изъ-за хлѣба и вина и напуганные панами, что всѣхъ холостыхъ русскихъ заберутъ въ казаки, очертя голову, поступали въ жондъ. Волкъ, которому поручено было распоряжаться суммами его, исправно платилъ этимъ новобранцамъ положенное жалованье. Но большая часть холоповъ, старики, женщины, дѣти, — это бродящія по землѣ тѣни... Глядя на нихъ, сердце замирало у Владислава. Въ закромахъ господскихъ амбаровъ проглядывало дно, службы и хозяйственныя заведенія валились, винокуренный заводъ не дѣйствовалъ, серебро было продано или заложено евреямъ, долги росли. До такого разстроеннаго состоянія Эдвига Стабровская патріотическими затѣями довела свое богатое состояніе. Еслибъ не одолжилъ Владислава панъ въ колтунѣ небольшою суммою, да не дѣдушка Яскулка, подарившій новобрачнымъ три тысячи рублей, такъ молодой пулковникъ пришелъ бы въ отчаянное положеніе. Изъ этихъ денегъ онъ спѣшилъ удовлетворить дворовыхъ жалованьемъ и удѣлить, по возможности, на хлѣбъ крестьянамъ. Надо, однакожъ, было ему приняться за дѣло, которому онъ душою отдался. Онъ пригласилъ къ себѣ вожаковъ и участниковъ заговора. Въ этомъ засѣданіи, по обыкновенію, спорили, горячились, передавали другъ другъ то отрадныя, то неблагопріятныя вѣсти. Пріѣхалъ Волкъ и сѣлъ въ кружокъ ихъ, угрюмъ и мраченъ. Онъ ерошилъ свои щетинистые волосы и долго глазами впивался въ Владислава, наконецъ крякнулъ:

— Между нами есть измѣнникъ.

— Кто такой? — спросили нѣсколько встревоженныхъ голосовъ,—откройте негодяя.

— Вотъ онъ, — разразился Волкъ, указывая на Владислава.

Кто смотрѣлъ на обвиненнаго съ бѣшенствомъ, кто съ изумленіемъ, иной пожималъ плечами.

Первая мысль Владислава была, что тайна его измѣны открыта. Онъ поблѣднѣлъ — отъ страха или негодованія, всякій изъ присутствующихъ заключалъ по своему. Но скоро оправился онъ и спросилъ твердымъ голосомъ:

— Какія доказательства?

— Ты женатъ на русской.

Надо оговориться, что Жучокъ, желая угодить и *нашимъ* и *вашимъ*, далъ знать Волку черезъ довѣреннаго человѣка о женитьбѣ Стабровскаго. «Отъ этого для русской стороны бѣды никакой не будетъ», думалъ онъ, «по крайней мѣрѣ, на случай, задобрю *сильнаго* поляка въ свою пользу».

— Только-то!—воскликнулъ Владиславъ съ особеннымъ одушевленіемъ и не безъ закваски горькой ироніи.—Важное преступленіе! криминальное дѣло! И за него-то, многоуважаемые паны и братья, я обвиняюсь въ измѣнѣ! Да, я женатъ дней съ десять на русской. Но развѣ Пустовойтова, подруга и адъютантъ нашего знаменитаго генерала Лангевича, не русская? А его за это никто не называлъ измѣнникомъ. Да, я женатъ на русской Ранѣевой. Но въ ней течетъ польская кровь, мать ея была полька, дѣдъ ея, панцырный бояринъ Яскулка—полякъ, родъ ея соединенъ кровными узами съ родомъ Стабровскихъ. Я полюбилъ ее еще въ Москвѣ страстно, какъ можетъ только полюбить пылкій молодой человѣкъ. Еслибъ вы ее увидѣли, признались бы, что я не могъ не сдѣлаться данникомъ ея красоты. Отецъ ея не соглашался на нашъ бракъ, но онъ умеръ, и Елизбета, оставшись сиротой, укрыла свою голову отъ житейскихъ грозъ подъ кровомъ дѣда и сердце свое на моей груди. То, что я чувствую, что я мыслю, чувствуетъ, мыслитъ и она. Старикъ-Яскулка

видитъ во внучкѣ лучшее свое утѣшеніе, любитъ меня и устроилъ нашу свадьбу. Онъ завѣщаетъ намъ все свое богатство съ тѣмъ, чтобы мы приняли его фамилію. Вы знаете, что мать моя, принеся на алтарь ойчизны двухъ сыновей, принесла на него и все свое состояніе. Я разоренъ. Еслибъ не добрый другъ мой (Владиславъ указалъ рукою на пана въ колтунѣ) и не дѣдъ Яскулка, я не имѣлъ бы теперь насущнаго хлѣба и чести принимать васъ у себя. Дружба, любовь и самолюбивыя прихоти старика спасаютъ меня отъ разоренія. Неужели мнѣ надо было испрашивать благословенія на бракъ мой у пана Волка? Не прислалъ-ли ему нашъ святой отецъ папа секретной буллы на разрѣшеніе и запрещеніе браковъ? Не вручилъ-ли ему жондъ диктаторской власти располагать нашимъ семейнымъ благосостояніемъ? Давно точитъ онъ безполезно кинжалъ, который я же ему, какъ другу, подарилъ. Крови, крови ему нужно, хотя бы своего брата. Суду вашему, паны, повергаю себя. Грудь моя открыта, разите ее. До сихъ поръ не было у насъ палача, посвятите его мость въ новый, высокій санъ.

Рукоплесканія покрыли эту горячую, сильную рѣчь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не виновенъ панъ Владиславъ Стабровскій, не измѣнникъ онъ! — закричали всѣ единодушно, кромѣ Волка.

Онъ дрожалъ отъ стыда и ярости.

— На мѣстѣ пана Волка,—сказалъ одинъ изъ членовъ жонда, — я просилъ бы прощенія у того, кого онъ такъ несправедливо обвинилъ въ измѣнѣ.

Волкъ молчалъ и не двинулся съ мѣста.

— А чтобы доказать вамъ,—сказалъ Владиславъ,— какъ моя жена стоитъ вашей любви, я готовъ представить вамъ ее черезъ два дня, здѣсь въ кругу вашемъ.

— Желаемъ, просимъ,—закричали всѣ, опять кромѣ Волка.

— Поляки были всегда рыцари чести и поклонники красоты, — продолжалъ торжествующій Владиславъ, — и я увѣренъ, что она принята будетъ вами съ должнымъ уваженіемъ.

— Кто осмѣлится оскорбить панну хоть малѣйшимъ непріятнымъ намекомъ, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— И со мною,—подхватили голоса.

— Черезъ два дня ваше желаніе будетъ исполнено, многоуважаемые паны.

Едва Владиславъ проговорилъ это, какъ вошелъ слуга и подалъ Суздиловичу письмо за тремя печатями.

— Отъ кого?—спросилъ тотъ.

— Привезъ нарочный изъ вашей экономіи, — отвѣчалъ слуга, — а туда доставилъ еврей, отдалъ письмо и ускакалъ, не сказавъ отъ кого

Тараканьи усики зашевелились. Суздиловичъ дрожащими руками сломалъ печати и сталъ читать про себя таинственное посланіе.

Во время чтенія грудь и брюшко его сильно колебались, на лицѣ его отпечаталось смущеніе и страхъ. Прочитавъ письмо, онъ передалъ его Стабровскому, а этотъ, пробѣжавъ посланіе, просилъ у Суздиловича позволеніе передать его вслухъ ко всеобщему свѣдѣнію.

Письмо начиналось увѣреніями въ горячей преданности польской справѣ и въ дружбѣ къ лицу, къ которому было адресовано. Вслѣдъ затѣмъ анонимъ предупреждалъ, что русскому правительству извѣстны имена многихъ членовъ витебскаго жонда и оно собирается потребовать ихъ къ допросу. Прилагался списокъ заговорщиковъ, въ томъ числѣ большей части собравшихся теперь у Владислава. Во главѣ стоялъ пул-

ковникъ ихъ. Неизвѣстно, почему въ спискѣ не фигурировалъ Волкъ.

— Какой-нибудь пуфъ, чтобы насъ обморочить и напугать,—сказалъ Владиславъ

— Утка, которой надо свернуть голову,—проворчалъ Волкъ.

— Однакожъ долженъ быть изъ нашихъ, — замѣтилъ кто-то, — посторонній не могъ бы узнать такъ вѣрно имена членовъ нашего жонда.

— Кто-бы это былъ, какъ вы думаете?—спросили Суздиловича.

Холодный потъ капалъ съ лица на его закрученные усики. Пыхтя, онъ отвѣчалъ, что не можетъ придумать кто-бы былъ сочинителемъ таинственнаго посланія.

— Все-таки не безопасно,—прибавилъ онъ.

— Надо-бы принять мѣры, явиться въ городъ, показаться начальству, прикрыть измѣну хитрыми увѣреніями въ преданности русскому правительству,—подали свой голосъ болѣе робкіе.

Волкъ злобно усмѣхнулся.

— Ступайте, ступайте, паны, оставьте изъ себя заложниковъ московскимъ властямъ или попрячьтесь въ своихъ норахъ. Но не забывайте, какое наказаніе ожидаетъ измѣнника. Оно отыщетъ его и подъ письменнымъ столомъ превосходительнаго. Что до меня, то я остаюсь на своемъ посту, пока эта рука (онъ поднялъ кулакъ своей мускулистой руки) въ состояніи будетъ разить враговъ моей ойчизны и предателей ея. А чтобы повѣрить наши дѣйствительныя силы, я, съ позволенія пана пулковника Стабровскаго (слово пулковника было произнесено съ особенной ироніей), приглашаю *вѣрныхъ* нашему дѣлу прибыть къ мѣсту, гдѣ мы обыкновенно производимъ наши маневры.

— Согласенъ,—сказалъ Владиславъ.

— Согласны, — отвѣчало все собраніе, многіе изъ страха угрозы Волка.

— Мое дѣло и ваше, паны, собрать туда подъ предлогомъ охоты на медвѣдя, — продолжалъ онъ,— всѣхъ, завербованныхъ въ нашъ жондъ. Мы сосчитаемъ повстанцевъ, распредѣлимъ ихъ на разряды, косиньеровъ и другихъ рукопашныхъ бойцовъ, стрѣлковъ и кавалеристовъ. Кстати сдѣлаемъ ученіе. Не все говорить, пора и дѣлать. А то дождемся, что *бабы русскія* перевяжутъ насъ по рукамъ и ногамъ.

Рѣшено было завтра же исполнить предложеніе Волка.

— Кстати, — сказалъ потихоньку Владиславъ Волку,—осмотримъ и мѣстность, гдѣ хранится оружіе. Мы давно туда не заглядывали.

— Я тамъ былъ на дняхъ, — сказалъ также тихо Волкъ,—все благополучно, впрочемъ предосторожность ваша не лишняя, я къ вашимъ услугамъ, панъ пулковникъ.

Волкъ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Владиславъ, увлекаясь порывомъ доказать своимъ собратамъ, что красавица-жена его не только не опасна для польскаго дѣла, но еще сочувствуютъ ему, далъ слово заговорщикамъ представить имъ ее. Развѣ ему мало было, что онъ самъ ходитъ по раскаленному желѣзу, что каждая минута его жизни отравлена страхомъ быть открытымъ въ предательствѣ, что онъ долженъ притворяться, обманывать, лукавить, играть тяжелую, двусмысленную роль, онъ еще привлекаетъ въ эту опасную игру женщину, имъ боготворимую. Но слово дано, его надо исполнить. Онъ знаетъ, что Лиза изъ любви къ нему и патріотизма готова на всѣ жертвы (та, которую онъ отъ нея теперь требуетъ, должна быть послѣдняя), и рѣшился послать за женой своей Кирилла, преданнаго ему слугу,

и бывшую свою няньку, старушку, любившую его, какъ сына.

«Безцѣнная, дорогая моя Лиза!» писалъ онъ женѣ. «Я здоровъ и покоенъ, все здѣсь благополучно. Но у меня есть до тебя жарчайшая просьба. Я долженъ исполнить желаніе моихъ собратовъ, познакомить тебя съ ними. Увѣренъ, что ты пріѣдешь и сумѣешь быть привѣтливой, обворожительной хозяйкой. Не учиться тебѣ стать. За почтительное вниманіе къ тебѣ моихъ гостей я ручаюсь. Посылаю за тобой преданныхъ мнѣ людей. Цѣлую заочно тысячу разъ твои ручки и ножки, пока не перецѣлую ихъ въ-явѣ.

«Горячо любящій тебя
«*В. С.*».

За Лизаветой Михайловной Стабровской отправлена легкая и покойная бричка, какія умѣютъ только дѣлать въ Варшавѣ, на четверкѣ бойкихъ лошадокъ, съ мужскою и женскою стражей, которая должна охранять въ дорогѣ свою госпожу. Что бы сказалъ Михайло Аполлонычъ Ранѣевъ, увидавъ дочь свою, паню Стабровскую, ѣдущую въ этомъ экипажѣ на свиданіе съ польскими заговорщиками!

На другой день повстанцы по данной повѣсткѣ собрались на назначенномъ мѣстѣ. Ихъ обѣщано было паней Эдвигой Стабровской нѣсколько тысячъ, оказалось на-лицо человѣкъ пятьсотъ. Все дробная шляхта, мелкіе чиновники, экономы, псари, изъ хлоповъ гуляки и бѣглые, отчаянные бобыли, которымъ дома нечего было ѣсть, а въ жондѣ отпускались обильныя порціи хлѣба, иногда мяса и вина, и обѣщана богатая добыча отъ непріятеля. Были тутъ и студенты, и мальчики-гимназисты, настроенные матерями и сестрами къ патріотическимъ подвигамъ. Вождями ихъ большею частью назначены служившіе въ русской службѣ офицеры,

измѣнившіе своему законному знамени. Все-таки эта была сила, которая, если не могла бороться съ русскими войсками, имѣла возможность въ соединеніи съ могилевскими и минскими бандами раздуть революціонный пожаръ и озаботить русское правительство. Не даромъ же потребовало оно нѣсколько полковъ изъ внутреннихъ губерній.

Мѣстность, гдѣ собралась банда, была глухая. Сосновый вѣковой лѣсъ, устланный засохшимъ папоротникомъ, тянулся продольнымъ островомъ на десятокъ верстъ. Съ одной стороны огромное озеро, которому въ нѣсколькихъ мѣстахъ не было дна. Съ другой стороны непроходимое болото. Только съ востока проходила каймой, на версту въ длину и на десятки саженъ въ ширину, ровная возвышенность изъ твердаго грунта, поросшая травой и образовавшая родъ плотины между озеромъ и лѣсомъ. Здѣсь можно было ѣхать и возамъ. Но какой шальной не только на телѣгѣ, но и пѣшій пустился бы въ путь, изъ котораго не было исхода на торную дорогу! Деревушки изъ трехъ, четырехъ дворовъ мелькали за озеромъ. По ту сторону его онѣ имѣли свои надежныя сообщенія. На луговинѣ этой расположилась банда. Офицеры размѣстили повстанцевъ, какъ сказано было на совѣщаніи, по разрядамъ. Имъ даны образцовыя оружія изъ экономій пановъ до полученія *казенныхъ* изъ депо. Ряды стрѣлковъ должны были открыть аттаку. Многіе изъ нихъ мѣтко попадали въ деревья, служившія мишенью. Учили ихъ пользоваться каждымъ деревомъ, каждымъ пнемъ, холмомъ, камнемъ, чтобы изъ-за нихъ поражать непріятеля, а самимъ быть подъ защитою, предлагаемою имъ мѣстностью. И въ этихъ маневрахъ показали многіе свою смѣтливость и проворство. За стрѣлками должны были слѣдовать ряды косиньеровъ, какъ напирающія гряды морскихъ валовъ, одна за другою. Имъ наказано

косить москалей не слишкомъ низко, какъ траву, чтобы не подвергнуть головы ударамъ враговъ, и не слишкомъ высоко, чтобы не открыть имъ грудь, а вполчеловѣка, въ разрѣзъ живота. Затѣмъ хлынули ряды съ вилами. Натискъ трезубцевъ въ рукахъ избранныхъ мощныхъ повстанцевъ, похожихъ на мясниковъ, долженъ былъ, казалось, произвести сильное опустошеніе въ рядахъ непріятелей. Но это была только театральная сцена, на которой актеры не видѣли настоящаго, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, солдата, привыкшаго безтрепетно встрѣчать огонь и острее штыка, не слыхали стона своихъ братьевъ, пожинаемыхъ ядрами и картечью русской артиллеріи. Для испытанія кавалеристовъ были устроены плетни и вырыты канавы. Стрѣляли въ цѣль на всемъ скаку. И тутъ, особенно псари, показали свое искусство. Офицеры аплодировали ловкимъ наѣздникамъ. По окончаніи маневровъ приготовлено раздольное угощеніе повстанцамъ, водка лилась, какъ-будто изъ неисчерпаемыхъ бочекъ Данаидъ. Во время маневровъ Волкъ и Владиславъ Стабровскій ходили осматривать мѣстность, гдѣ хранилось депо оружія. Ни одного человѣческаго слѣда не оказалось къ ней, все найдено было на своемъ мѣстѣ. Ни люди, ни лѣсные духи не выдали тайны. Довольные удачнымъ ученіемъ повстанцевъ и успокоенные на счетъ сохранности оружейнаго депо, избранные члены жонда принялись также за закуску и осушеніе бутылокъ и въ этомъ дѣлѣ перещеголяли даже своихъ субалтерновъ. Сердца патріотовъ упивались торжествомъ будущихъ побѣдъ, но головы ихъ преклонились передъ торжествомъ Вакха. Развезли ихъ по домамъ, какъ возятъ истомленныхъ телятъ на рынки. Только Стабровскій и Волкъ были довольно трезвы и не потеряли разсудка.

VI

Лиза оставалась одна со своимъ дѣдомъ. Тони не выдержала долго разлуки съ нею и посѣтила ее. Съ обѣихъ сторонъ отданъ отчетъ въ томъ, что съ ними случилось съ тѣхъ поръ, какъ онѣ не видались. Не удивилась одна, узнавъ, что Сурминъ сдѣлалъ предложеніе ея подругѣ, она это предугадывала прежде; но изумилась и какъ-бы испугалась другая, когда Лиза открыла ей тайну своего брака.

— Ты, Ранѣева, теперь пани Стабровская? — едва не вскрикнула Тони. — Нѣтъ, это неправда, ты меня морочишь, повтори еще, разскажи, какъ это чудо совершилось.

И разсказала Лиза во второй разъ и про любовь свою къ Владиславу, съ которой она до сихъ поръ боролась, и патріотическія побужденія, заставившія ее рѣшиться на роковой шагъ.

Тони, выслушавъ этотъ разсказъ, горячо обняла ее, припала къ ней на плечо и заплакала.

— Ужъ не хоронишь-ли меня, живую? — сказала Лиза, смущенная ея слезами, — напротивъ, радоваться должна ты моему счастію.

— Прости мнѣ, мой другъ, эти слезы, онѣ невольныя. Оттого ли онѣ льются, что извѣстіе о твоемъ

бракѣ поразило меня своею нечаянностью, оттого ли, что вижу тебя такою радостною, счастливою послѣ столькихъ страданій,—сама не знаю.

Тони, говоря это, слукавила. Какое-то грустное, щемящее сердце чувство охватило ее, она не въ силахъ была его преодолѣть.

— Да, я счастлива,—говорила Лиза,—какъ можетъ быть только счастлива женщина на землѣ. Еслибъ могло надо мною совершиться чудо, чтобы мнѣ вновь начать жизнь, я не желала бы ей другого исхода. Чтобы со мной не случилось, какія-бы несчастія меня впредь ни ожидали, я всегда буду благодарить Бога за то, что Онъ въ это время послалъ мнѣ. Десять дней блаженства, какое и не снилось мнѣ въ грезахъ, да за нихъ развѣ не отдашь всю жизнь свою!

Разставаясь, подруги обѣщались чаще видѣться и передавать другъ другу, что съ ними впредь могло случиться.

Прибыли за Лизой лошади и дворовая ея свита. Кириллъ подалъ ей письмо своего пана. Оно не тревожило ее. Напротивъ того ее одушевляла мысль пожить нѣсколько часовъ между заговорщиками, какъ бы въ станѣ ихъ, и испытать мучительное чувство, какое испытываетъ человѣкъ, около сердца котораго шевелится холодное остріе кинжала. Дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, захватываетъ духъ, смерть на одну линію, но кинжалъ исторгнутъ изъ руки врага и нанесенъ на него самого.

«Безъ борьбы нѣтъ побѣды», — говорила она нѣкогда, и готовится теперь вступить въ эту борьбу и помѣриться силами съ врагами ея отечества. И потомъ сладкое, высокое чувство торжества надъ ними, спасеніе любимаго человѣка отъ позорной казни, возвращеніе блуднаго сына матери-Россіи, о! съ чѣмъ можетъ сравниться наслажденіе этимъ торжествомъ!

Давъ лошадямъ отдохнуть и насытиться, она скоро собралась въ дорогу и стала прощаться со своимъ дѣдомъ.

— Будетъ ли конецъ этимъ тревогамъ!—говорилъ съ грустью Яскулка, провожая ее.

Онъ помышлялъ въ это время ужъ не о дворянствѣ, а о внучкахъ, Яскулкахъ, которые должны были усладить послѣдніе дни его жизни. Когда кончилось прощаніе, онъ сунулъ ей въ руку пакетъ, примолвивъ:

— Молодая пани должна угостить своихъ хлоповъ.

Въ пакетѣ было вложено сто рублей — такъ расщедрился для своей дорогой внучки доселѣ скупой старикъ.

Лиза написала коротенькое письмо Евгеніи Сергѣевнѣ, другое, еще короче, Тони и пролетѣла черезъ городъ на Двинѣ, окутанный мракомъ ночи, не повидавшись ни съ одной изъ нихъ.

Верстахъ въ десяти отъ имѣнія Стабровскаго поднималась конусомъ высокая песчаная гора. У подножія ея была панская мыза.

— Это фольваркъ Волка,—сказалъ Лизѣ слуга Кириллъ,—злостливый чловѣкъ, пану моему пршетивникъ.

Въѣхали на гору. Было время восхожденія солнца. Первые робкіе лучи его пали на желтоватое темя ея, потомъ раскрыли передъ нашими путешественниками ощетинившійся по ея склону сосновый лѣсъ, по которому взмахъ вѣтра гналъ темнозеленыя волны. Все кругомъ на низинѣ казалось обширнымъ озеромъ, но это было не озеро, а миражъ его, напущенный туманомъ. Мало-по-малу лучи солнца разорвали сизую пелену, покрывавшую низменную окрестность, полетѣли въ стороны и взвились дымчатые клочки. Скоро обозначились озера, словно серебряныя блюда (по выраженію поэта Некрасова), разставленныя на зеленой скатерти луговъ. Заискрился мохнатый коверъ болота,

затканный золотымъ утокомъ солнечныхъ лучей. Стаи дикихъ утокъ, покрякивая и стуча крыльями, поднимались со своего ночлега и переносились съ мѣста на мѣсто. Начали слегка обрисовываться на горизонтѣ деревушки, кое-гдѣ выступили и панскіе дома. Лиза не смыкала глазъ и любовалась разостланной передъ нею картиной. Вывелъ ее изъ этого пріятнаго созерцанія голосъ Кирилла.

— Здѣсь, барынька, — сказалъ онъ, обращаясь къ ней съ козелъ смѣсью языковъ русскаго, польскаго и бѣлорусскаго, но все-таки, въ угоду своей госпожѣ, съ преобладаніемъ перваго, — на этой горѣ встрѣчу дѣлали панцырные бояре панамъ крулямъ, коли они пріѣзжали на витебскую землю. Поэтому и гора прозывается сторожевою.—Вотъ граница отсюда видна,— прибавилъ онъ, указывая кнутомъ, взятымъ у кучера, на просѣку, прорѣзанную въ дальнемъ лѣсу,—то Могилевская за нею губернія. Тамъ чай теперь идетъ смута и кровь течетъ, а у насъ, храни насъ Господь и Матка Божья, кажись, все смирно, лишь бы паны не сдуровали.

Это замѣчаніе сильно кольнуло въ сердце Лизы.

«Неужели»,—думала она,—«въ Могилевской губерніи начался открытый мятежъ, а мой мужъ ничего не знаетъ? Не готовятся-ли здѣшніе заговорщики къ рѣшительному удару? не ловушку-ли ему ставятъ?»

— Отъ кого-жъ ты эти вѣсти слышалъ? — тревожно спросила она Кирилла.

— Народъ говоритъ; а вы знаете, барынька, по русской пословицѣ: «гласъ народа—гласъ Божій».

Дорога шла ужь по песчаной отлогости горы, къ тому-жъ лошади, чуя близость домашней конюшни, бѣжали и безъ понужденія. Но Лиза, въ нетерпѣніи увидѣть скорѣе мужа и разрѣшить мучившую ее загадку, приказывала ѣхать шибче.

— Ужъ недалече наша мыза, вотъ видишь, барынька,—сказалъ Кириллъ, указывая кнутомъ на выдвигающійся изъ-за березовой рощи господскій домъ.— А вотъ влѣво, въ другую сторону, чуть видно вдали, экономія пана Сурмина. Богаче всѣхъ въ здѣшнемъ краю. Двѣ мельницы, винокуренный заводъ, да и хлопы его противъ другихъ панскихъ живутъ, якъ у Іезуса на плечикѣ. Ѣдятъ чистый русскій хлѣбъ безъ мякины, и хаты у нихъ не курныя.

— А у насъ каково?

— При пани Эдвигѣ было дюже погано, а какъ сдѣлался хозяиномъ панъ Владиславъ, стало лепше.

Дорога пошла ровная и твердая, кучеръ, гикнувъ, пустилъ лошадей вскачь, будто въ ладъ съ сердцемъ пани, хотѣвшей бы перенестись къ мужу на крыльяхъ.

Когда они въѣхали на господскій дворъ, видъ запущенныхъ службъ и хозяйственныхъ заведеній сдѣлалъ непріятное впечатлѣніе на Лизу, но оно тотчасъ изгладилось при видѣ Владислава, сбѣгавшаго къ ней съ наружнаго крыльца Онъ принялъ ее въ свои объятія. Лицо его было радостно.

— Ничего пріятнаго?—былъ ея первый вопросъ

— Ничего, — отвѣчалъ онъ, — развѣ ты привезла худыя вѣсти?

Она разсказала ему, что слышала отъ Кирилла.

— Вздоръ! Я долженъ бы первый объ этомъ знать,— сказалъ онъ, ведя ее въ комнаты и расточая ей самыя нѣжныя ласки.

Въ комнатахъ сохранялись еще слѣды, хотя полинялые и потускнѣвшіе, прежняго богатства Стабровскихъ, но Лиза ничего не видѣла, ни о чемъ не думала, какъ о желаніи доказать мужу свою любовь, угодить ему разумнымъ пріемовъ ожидаемыхъ гостей и заставить ихъ сознаться, что она достойна его выбора.

Она скидала свой глубокій трауръ по отцѣ только на время вѣнчанія и двухъ, трехъ слѣдующихъ дней и рѣшилась явиться въ немъ и передъ гостями своими. Въ этомъ былъ лукавый умыселъ показаться передъ ними въ одеждѣ, которую носили тогда польки въ знакъ скорби по угнетенной ойчизнѣ. Владиславъ одобрилъ ея намѣреніе.

Было сдѣлано угощеніе хлопамъ изъ денегъ, назначенныхъ на этотъ предметъ Яскулкой. Еще съ ранняго утра разосланы повѣстки панамъ съ приглашеніемъ на обѣдъ.

Съѣхались гости, между ними не было Волка. Отсутствіе его было замѣчено и истолковано не въ пользу его. Всѣ видѣли, что на завтракѣ послѣ маневровъ повстанцевъ онъ и Владиславъ не проявляли другъ къ другу знаковъ непріязни.

— Злой человѣкъ! — слышалось между ними, — оскорбилъ безвинно человѣка и на него-жъ изволитъ гнѣваться. Хорошо, что не онъ избранъ нашимъ довудцемъ, а то бы наложилъ на всѣхъ свою волчью лапу.

Появленіе хозяйки было для нея блистательнымъ торжествомъ. Восторженный шепотъ пробѣжалъ между панами. Всѣхъ очаровала она своею красотой, привѣтливостью, изяществомъ манеръ и умомъ.

— Счастливчикъ этотъ Владиславъ, — говорили они,—кто бы не желалъ быть на его мѣстѣ! Сколько бы завистливыхъ сердецъ заныло при видѣ ея въ кругу нашихъ паннъ!

И гости платили ей возможными любезностями, приправленными искреннимъ уваженіемъ, а любезными поляки, при своемъ образованіи, умѣютъ быть, когда не затемняютъ ихъ разсудка сумасбродныя мечтанія. Траурная одежда ея бросилась имъ въ глаза и польстила ихъ легковѣрному патріотическому чувству. Лиза

присоединялась въ этомъ случаѣ къ ихъ національной скорби. Особенно Суздиловичъ, закручивая свои усики, вертѣлся передъ ней, какъ бѣсъ передъ заутреней, и и разсыпался въ комплиментахъ, какіе могъ только исчерпать со дна своего умственнаго кладезя. Тутъ ужь онъ не спорилъ съ товарищами, а соглашался со всѣми въ похвалахъ пани Стабровской. Лиза извинялась передъ ними, что не можетъ говорить по-польски и принуждена изъясняться по-французски.

— Но,—прибавила она,—любя мужа, я постараюсь скоро выучиться родному его языку, языки же славянскіе такъ братски сродны, только латинское начертаніе буквъ мѣшаютъ ихъ согласію

Первый тостъ провозгласила она за благоденствіе Польши (въ мысляхъ и сердцѣ своемъ она прибавляла: «и только въ сліяніи съ Россіей подъ русскою державой»). Восторженный виватъ сопровождалъ этотъ тостъ.

— Полюбите, полюбите нашу ойчизну, — говорили ей гости, — право она лучше, нежели описываютъ ее у васъ.

— Я и такъ ее люблю, желаю ей всевозможнаго добра,—отвѣчала Лиза.

Тостъ за ея здоровье покрыли изъявленія бѣшенаго восторга виватами, стукомъ ножей и вилокъ, рукоплесканіями, огласившими даже дальнія комнаты. Былъ тостъ и за успѣхъ *патріотическаго дѣла*. И за него осушила хозяйка бокальчикъ, не противорѣча своему чувству.

Оживился разговоръ, посыпались лукавые вопросы, какую страну предпочитаетъ она въ своемъ сердцѣ: Россію или Польшу, на чью сторону она станетъ, еслибы въ здѣшнемъ краю возгорѣлась война между русскими и поляками.

— Предпочту страну, которой болѣе преданъ мой

мужъ, стану на ту сторону, на которой онъ будетъ стоять,—были ея двусмысленные отвѣты.

Разъѣхались гости, радостно убѣжденные, что пріобрѣли прекрасную сосѣдку и горячую патріотку.

«Тяжело, охъ, какъ тяжело»,—думала Лиза—«притворяться, обманывать, говорить не то, что въ мысляхъ, что чувствуешь!» но не сказала мужу, какъ трудна была игра, которую она въ эти часы разыгрывала, и казалась веселою. Она знала, что ему труднѣе нести это бремя цѣлые дни и недѣли. На третій день самъ Владиславъ поторопилъ жену въ городъ.

— Какъ ни жаль мнѣ разстаться съ тобою, милый другъ, радость моя, божество мое, — говорилъ онъ,— но ты должна поспѣшить къ Зарницыной и сказать ей только одно слово: *пора*! Отъ этого слова зависитъ наша судьба.

Въ сладостномъ упоеніи отъ свиданія съ мужемъ, довольная, что успѣшно замаскировала передъ заговорщиками двуличное поведеніе любимаго человѣка, не измѣнивъ своему патріотическому лозунгу, Лиза не мѣшкая снарядилась въ обратный путь.

— Что бы со мною не случилось, — говорилъ ей Владиславъ, — воспоминаніе блаженства, которое ты мнѣ подарила, будетъ для меня отрадой и въ послѣдній часъ моей жизни.

— Не говори о послѣднемъ часѣ теперь, когда мы съ тобою такъ счастливы, не гнѣви Бога,—произнесла Лиза, обвивъ крѣпко его шею своими бѣлоснѣжными руками и на пламенные его поцѣлуи отвѣчая ему безъ счету такими же.

Стоя на крыльцѣ, онъ долго провожалъ ее глазами, пока она не перестала махать ему платкомъ и экипажъ не скрылся у него изъ виду. Возвратившись домой, онъ бросился на диванъ и зарыдалъ, какъ слабонервная женщина.

По пріѣздѣ въ городъ, Лиза на этотъ разъ заѣхала къ Евгеніи Сергѣевнѣ, передала ей роковой пароль, завернула къ Тони, расцѣловала ее и поспѣшила къ себѣ, въ домъ Яскулки, чтобы заключить себя въ четырехъ стѣнахъ и тамъ только думать и молиться о дорогомъ для нея существѣ.

Приказъ отъ Сурмина къ управляющему его витебскимъ имѣніемъ былъ уже въ рукахъ Евгеніи Сергѣевны. Онъ далъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, прибавивъ въ немъ, чтобы солдатъ угостили какъ можно лучше и исполняли всѣ требованія фельдфебеля, дворянина Застрембецкаго, какъ бы господскія.

— Готовы-ли въ экспедицію, которую сами же задумали?—спросила она Застрембецкаго, явившагося къ ней по ея приглашенію.

— Мы выписались изъ лазарета, нужныя бумаги, отъ кого слѣдуетъ, готовы, стоитъ только за ними сбѣгать въ канцелярію.

— Такъ съ Богомъ и вотъ вамъ на случай нужды вашей и вашей команды триста рублей и письмо къ моему мужу. Не берите теперь казенныхъ подводъ, лучше наймите.

— Предосторожность не лишняя.

Получивъ свои бумаги и нанявъ подводы, Застрембецкій отправился ночью въ путь со своей командой и былъ уже на разсвѣтѣ въ имѣніи Сурмина подъ видомъ квартирьеровъ полка, который долженъ былъ прибыть туда жъ черезъ два, три дня. Отдавая приказчику письмо Андрея Иваныча, онъ шепнулъ ему о цѣли своей поѣздки. Этотъ былъ человѣкъ смѣтливый, энергическій, преданный своему довѣрителю, и не успѣло еще солнышко моргнуть своими подслѣповатыми лучами, какъ двадцать парныхъ подводъ, съ такимъ же числомъ возчиковъ и такимъ же числомъ рабочихъ при десяти бравыхъ солдатахъ, съ запасомъ заступовъ и

веревокъ очутились, какъ листъ передъ травой, на мѣстности, гдѣ хранилось оружіе повстанцевъ. Означенная подробно въ записной книжкѣ Застрембецкаго, она была найдена безъ затрудненій. Русскій любитъ удалые подвиги, не даромъ же пословица: «въ одно ухо влѣзъ, въ другое вылѣзъ». Работали живо, горячо, какъ-будто на приступѣ крѣпости. Крестьяне соперничали съ солдатами. Фельдфебель распоряжался работами осмотрительно, осторожно, чтобы команда его не подверглась ушибу. Съ другой стороны за тѣмъ же наблюдалъ приказчикъ надъ своими рабочими. Подсѣкли еще корни деревъ, расширили главную лазейку, устроили новыя. Песчаный грунтъ облегчалъ работу. Сердце Застрембецкаго было, однакожъ, не на мѣстѣ. Что если кто изъ банды услышитъ стукъ въ лѣсу, дастъ знать своимъ, начнется бой, и тогда фельдфебель—снова солдатъ навсегда Но въ этой глуши зловѣщихъ признаковъ ни откуда не видно и не слышно, только птицы, испуганныя стукомъ топоровъ, спѣшили отлетѣть въ глубь лѣса. Черезъ часъ съ небольшимъ ящики, тюки, цибики уложены на подводы, свезены къ озеру, скачены съ берега и свалены въ воду. Совершивъ этотъ подвигъ, солдаты и за ними хлопы перекрестились, какъ-будто утопили нечистую силу. Застрембецкій взглянулъ на небо и благоговѣйно приложилъ руку къ сердцу. Если кто и видѣлъ ихъ съ дальняго противоположнаго берега изъ деревушки, на немъ засѣвшей, такъ они показались шевелившеюся муравьиной кучей. Съ пѣснями возвратились солдаты домой. Сдѣлано имъ и возчикамъ угощеніе, какого они не запомнили изо всей жизни своей. Строго были наказано хранить тайну экспедиціи. — «Были солдаты, квартирьеры, назначили квартиры для полка и уѣхали»— таковъ былъ наказъ въ деревнѣ. Обѣдалъ Застрембецкій у приказчика. За столомъ вкусный разсольникъ

изъ почекъ, молочный поросенокъ подъ хрѣномъ и сметаной, бѣлый, нѣжный, тающій во рту, хоть бы въ Троицкомъ трактирѣ, индѣйка, облитая жиромъ, какъ янтаремъ, поджаренная такъ, что кожа ея слегка хрустѣла на зубахъ, хересъ и шампанское изъ господскаго погреба. Выспавшись часика три, давъ отдохнуть своей командѣ и поблагодаривъ за все про все усерднаго приказчика. Застрембецкій отправился къ ночи въ обратный путь. Между нимъ и Владиславомъ условлено было, чтобы на первую ночь послѣ уничтоженія оружейнаго депо приказчикъ далъ вѣсть объ успѣхѣ зажженнымъ въ видѣ маяка снопомъ соломы. Высмотрѣть издали этотъ сигналъ долженъ былъ нарочно посланный Кириллъ. Но въ ту ночь приказчикъ, боясь возбудить подозрѣніе въ усадьбахъ окружныхъ пановъ, разсудилъ за лучшее сдѣлать это на другой день во время всенощной по случаю какого-то наступающаго годового праздника; кстати надо было иллюминовать колокольню.

Застрембецкій къ утру прибылъ въ городъ на Двинѣ, остановился въ предмѣстьѣ, въ корчмѣ, и на нѣсколько минутъ завернулъ къ Зарницыной, чтобы отрапортовать ей о благополучномъ совершеніи своей экспедиціи. Только на третій день могъ онъ выѣхать изъ города, его задержали *казенныя* подводы, за которыми надо было посылать въ уѣздъ. Пріѣхавъ въ одно изъ мѣстечекъ Виленской губерніи, гдѣ былъ расположенъ штабъ его полка, онъ явился къ генералу Зарницыну, донесъ его превосходительству о благополучномъ прибытіи своемъ съ десятью выписанными изъ лазарета рядовыми, вручилъ ему свои бумаги и потомъ письмо отъ Евгеніи Сергѣевны. Читая его, генералъ усмѣхался и качалъ головой, вслѣдъ затѣмъ богатырскою рукою ласково потрепалъ фельдфебеля по плечу. Но вдругъ въ лицѣ его сдѣлалась перемѣна, брови его насупились:

онъ успѣлъ въ это время взглянуть въ маршрутъ команды и въ свидѣтельство гарнизоннаго начальника о времени отправки ея.

— Какъ ни жаль мнѣ васъ,—сказалъ онъ нѣсколько строгимъ голосомъ,—я предлагаю вамъ отправиться на три дня на гауптвахту, вы просрочили три дня по маршруту.

— Евгенія Сергѣевна...—заикнулся было Застрембецкій.

— Бабамъ не слѣдъ вмѣшиваться въ дѣла службы, я не мѣшаюсь въ ея дѣла. Дисциплина прежде всего.

— Слушаю, ваше превосходительство, — сказалъ только фельдфебель, знавшій, что генералъ въ подобныхъ случаяхъ неумолимъ, и, выставивъ впередъ правую ногу, повернулся налѣво кругомъ къ двери.

По выходѣ его изъ комнаты генералъ сталъ въ раздумьѣ ходить по ней. «Евгенія огорчится за своего protégé», говорилъ онъ самъ собою. «Но мы поправимъ это. За отличіе въ первомъ дѣлѣ я представлю его въ офицеры».

Это задушевное обѣщаніе было вскорѣ исполнено. За отличную храбрость въ двухъ, трехъ дѣлахъ противъ мятежниковъ Застрембецкому возвращенъ прежній его поручичій чинъ.

Владиславъ въ первую ночь послѣ уничтоженія оружейнаго депо посылалъ Кирилла посмотрѣть издали, зажженъ ли вѣстовой маякъ. Кириллъ возвратился съ извѣстіемъ, что ни одного огонька не видно на крышахъ въ имѣніи Сурмина. Сердце у Владислава замерло. «Неужели»,—думалъ онъ,—«не было Застрембецкому удачи? не помѣшало ли ему какое важное затрудненіе? Въ случаѣ же ожидаютъ его бѣдственныя послѣдствія, жондъ восторжествуетъ». Весь слѣдующій день провелъ онъ въ мучительной тревогѣ. Наступила ночь. Кириллъ былъ посланъ вновь на рекогносцировку. На

этотъ разъ отвѣтъ былъ благопріятенъ, посланный донесъ, что колокольня села освѣщена какъ люстра и на огромномъ шестѣ пылаетъ огненный снопъ. Владиславъ успокоился. Черезъ два дня прискакалъ къ нему тощій еврей на тощей лошаденкѣ. Онъ барабанилъ голыми пятками по ребрамъ своей клячи и вдобавокъ выбивалъ изъ нея прыть обломкомъ кнута. Пейсики его, прилипшіе отъ пота ко лбу и къ вискамъ, не развѣвались по обыкновенію изъ-подъ ермолки. Онъ проворно соскочилъ съ неосѣдланной лошади и подалъ письмо первому попавшемуся ему на глаза слугѣ, примолвилъ только: «по еврейской почтѣ, пану Стабровскому, изъ Горыгорѣцка». За доставленіе письма была выслана изъ панскаго дома щедрая награда. Письмо было отъ могилевскаго воеводы Жвирждовскаго, Топора. Онъ извѣщалъ только въ нѣсколькихъ іероглифическихъ строкахъ, къ которымъ ключъ имѣлъ Стабровскій, что начинаетъ свои дѣйствія съ Горыгорѣцкаго института и умоляетъ витебскихъ доброжелателей «*быть немедленно готовыми*».

Наступалъ роковой часъ для Владислава. Можно судить, что происходило въ его душѣ. Игра шла на шахъ и матъ. Онъ оповѣстилъ заговорщиковъ, чтобы они съѣхались къ нему для выслушанія важной вѣсти. Во время его тревожнаго состоянія носился передъ нимъ образъ Лизы въ видѣ ангела-хранителя и утѣшителя его.

Съѣхались заговорщики. Рѣшено было созвать тотчасъ повстанцевъ и распредѣлить по нимъ оружіе изъ депо.

Прибыли къ назначенному мѣсту.

Ужасъ овладѣлъ членами жонда, когда они увидали, что мѣсто это изрыто, кладовыя, гдѣ хранились ящики и тюки, пусты.

Была минута оцѣпенѣлаго молчанія. Блѣдные, тря-

сясь отъ страха и бѣшенства, всѣ озирали другъ друга, какъ бы искали, не обнаружитъ ли чье лицо предателя.

— Измѣна! измѣна!—закричали заговорщики.

Но гдѣ было искать измѣнника, на кого было указать, кого обличить? Всѣ лица были одинаково мертвенно-блѣдны, всѣ они выражали одно чувство ужаса.

Таково состояніе воиновъ передъ сраженіемъ, когда у нихъ не оказалось зарядовъ, таково оно у моряковъ, когда на полномъ бѣгу парохода отъ сильнѣйшаго непріятеля кочегаръ закричалъ: «нѣтъ болѣе топлива».

— Вы осматривали депо во время нашихъ маневровъ, — съ дерзкимъ видомъ обратились офицеры къ Владиславу и Волку.

— Осматривали, — отвѣчали они твердымъ голосомъ, — и нашли все въ порядкѣ, ни одного человѣческаго слѣда не было замѣтно.

— Судить Волка и Стабровскаго! — разстрѣлять ихъ!—слышались голоса.

Волкъ былъ спокоенъ и только злобно усмѣхался; Владиславъ, мысленно призывая на помощь Лизу, старался не измѣнить себѣ. Но если бы приложить руку къ его сердцу, которое то учащенно билось, то совсѣмъ замолкало, какъ у человѣка въ предсмертной агоніи, можно было бы судить, въ какомъ онъ состояніи находился. Однакожъ, большинство собранія утишило поднимавшуюся на нихъ грозу, находя обвиненіе двухъ лучшихъ членовъ своихъ вопіющею несправедливостью. Имя Стабровскаго чтили за великія пожертвованія, сдѣланныя жонду его матерью; его лично любили за прекрасныя душевныя качества; Волка не любили, но знали, что онъ изступленный патріотъ и неспособенъ на измѣну. Положили осмотрѣть кругомъ мѣстность, черезъ которую можно было провезти ящики и тюки.

Освидѣтельствовали твердый перешеекъ, отдѣлявшій лѣсъ отъ озера. Свѣжіе слѣды множества колесъ и копытъ лошадиныхъ обозначались на немъ, на берегу озера видны были прорѣзы отъ спуска въ него тяжестей. Послали лазутчиковъ по корчмамъ и деревушкамъ. Посланные съ западной стороны лѣса не добыли никакихъ свѣдѣній. Посланные съ восточной стороны донесли, по сказанію евреевъ-корчмарей, что на-дняхъ пріѣзжали въ имѣніе Сурмина нѣсколько солдатъ назначили квартиры пѣхотному полку, который долженъ былъ вскорѣ прибыть туда, и оповѣстили, что вслѣдъ за нимъ прибудетъ цѣлая кавалерійская дивизія со своею артиллеріей изъ Тверской губерніи [1]), что квартирьеры ѣздили съ крестьянами Сурмина на многихъ подводахъ, но куда, за чѣмъ—неизвѣстно. Остановились на томъ, что былъ измѣнникъ, но что на измѣнника нельзя было указать. Кто открылъ тайну мѣста, гдѣ было сложено оружіе, кто провелъ къ нему команду, въ этомъ была загадка сфинкса. Кому было разгадать ее? Падало подозрѣніе на евреевъ, возившихъ оружіе въ лѣсъ изъ недостроеннаго костела, на Жучка... Но Жучокъ самъ доставлялъ оружіе, станетъ ли онъ поднимать на себя руки?.. Жаловаться нельзя и некому, продолжать изслѣдованія опасно. Если измѣнникъ найдется, мщеніе, ужасное, примѣрное мщеніе должно пасть на его голову. Предлагали было спалить деревни Сурмина. «Жаль, что мы не убили его, когда онъ, больной, ѣхалъ съ докторомъ Лёвенмаулемъ», говорили нѣкоторые паны, сдѣлавшіе на его экипажъ ночное нападеніе. Спалить деревни Сурмина было нелегко. Узнали, что приказчикъ его взялъ всѣ мѣры предосторожности

---

[1]) Дѣйствительно, кавалерійская дивизія вскорѣ пришла изъ Тверской губерніи и, простоявъ тамъ нѣсколько времени безъ дѣла, возвратилась на свои постоянныя квартиры.

на случай непріязненныхъ дѣйствій со стороны жонда: усилены и вооружены караулы по деревнямъ, двѣ исправныя пожарныя трубы во всей готовности, бочки съ водою припасены. Къ тому-жъ вѣсть о скоромъ прибытіи полка и затѣмъ кавалерійской дивизіи озадачила членовъ жонда. Самые робкіе изъ нихъ, по ироническому совѣту Волка, или попрятались въ своихъ норахъ, или отправились въ губернскій городъ показаться тамошнему начальству подъ личиной преданности русскому правительству. Первый изъ бѣглецовъ былъ Суздиловичъ, обѣщавшій проливать кровь свою за отечество. Оставшимися членами жонда рѣшено было скрывать свое несчастіе въ глубинѣ души, Волка и Стабровскаго не предавать суду, а на-скоро собрать у пановъ огнестрѣльное и холодное оружіе, какое могло у нихъ только оказаться, отобрать волей и неволей у хлоповъ косы и вилы и вооружать ими повстанцевъ, оставшихся вѣрными ойчизнѣ, и дожидаться дальнѣйшихъ событій.

Прискакалъ опять еврей-почтарь съ письмомъ къ Стабровскому. Жвирждовскій-Топоръ просилъ немедленной помощи. Вскорѣ узнали, что осада Горыгорѣцкаго института не удалась, шайки могилевскія разсѣяны, воевода Топоръ и его сподвижники бѣжали, онъ самъ пойманъ и повѣшенъ на обгорѣлой перекладинѣ воротъ въ Опатовѣ, который онъ зажегъ собственною рукою. Такъ вымещалъ онъ на бѣдныхъ своихъ соотечественникахъ горькія неудачи противъ русскихъ. Товарищи его — кто повѣшенъ, кто разстрѣлянъ. Не только небольшіе отряды войска, но исправники съ крестьянами успѣшно дѣйствовали противъ мятежниковъ. Героямъ жонда, мечтавшимъ водрузить польское знамя на колокольнѣ Ивана Великаго и даже на западномъ берегу Волги, неучтиво вязали руки назадъ и представляли законному начальству.

Въ Минской губерніи орагинизаторъ тамошней банды, капитанъ генеральнаго штаба Машевскій, такъ же несчастно кончилъ свои подвиги [1]).

Услышавъ о неудачахъ своего собрата, могилевскаго воеводы, Машевскій утекалъ со свею бандой, довольно многочисленной, на западъ. День былъ жаркій, повстанцы утомились усиленнымъ походомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка *Тимковичи* (Слуцкаго уѣзда), по предложенію одного изъ довудцевъ, хорошо знакомаго съ тамошнею мѣстностью, назначенъ отдыхъ въ густомъ лѣсу. Среди его поляна, обнесенная древними дубами и березами, перерѣзанная ручьемъ, представляла пріятный и надежный пріютъ. Здѣсь расположилась банда. Сочная трава предлагала вкусный кормъ лошадямъ и подъ сѣнью тѣнистыхъ деревъ, которыхъ только верхушки затрогивали солнечные лучи, разстилала свои цвѣтные ковры усталымъ воинамъ. Къ водамъ ручья, чистымъ какъ хрусталь, холоднымъ какъ ледъ, припали жаждущіе. Въ бандѣ было до 70 пановъ, большая часть ихъ — люди богатые. Они совершали походъ со всѣмъ комфортомъ роскошной жизни, какую привыкли вести у себя дома, и потому имѣли съ собою экипажи, множество лошадей, поваровъ, многочисленную прислугу. Повстанцевъ—нижнихъ чиновъ было, какъ говорили, близъ тысячи. Все это расположилось на полянѣ. Задымился костеръ, началось стряпанье Паны сѣли въ свой кружокъ, военная челядь отдѣлилась въ свои. Во всѣхъ было сытно и весело. Въ дворянскомъ кружкѣ подавали изысканныя кушанья, пили дорогія французскія вина; въ артеляхъ довольствовались сытной похлебкой изъ крупъ, суха-

---

[1]) Разсказываю объ этомъ событіи со словъ одного близкаго мнѣ человѣка, чиновника, опредѣленнаго въ Слуцкъ изъ внутреннихъ губерній Россіи.

рями и водкой. Никто не ожидалъ невзгоды. Былъ у нихъ слухъ, что, когда они снимались съ ночлега, позади ихъ, верстъ за 50, ночевать пришелъ русскій небольшой отрядъ. Нужны были крылья, чтобы настичь ихъ. Но у русскихъ солдатъ, когда требуетъ долгъ, есть духовныя крылья, переносящія ихъ черезъ сказочныя пространства. Отрядъ этотъ, возстановившій свои силы пищей и отдыхомъ, состоялъ изъ сотни казаковъ и двухъ батальоновъ пѣхоты. Онъ сдѣлалъ 25 верстъ въ одну ночь, отдохнулъ на зарѣ и послѣ новаго 25-верстнаго перехода очутился близъ упомянутаго лѣса черезъ часъ послѣ прихода туда шайки Машевскаго. Тихо подошли батальоны къ лѣсу, казаки тихо обогнули его. Лошади ихъ, будто понимая мысли своихъ всадниковъ, казалось, затаивали шаги свои. Шайка продолжала еще пировать или отдыхать. Среди лѣса завивался дымокъ и образовывалъ облачко на чистой лазури неба. На этотъ предательскій дымокъ пошли русскіе. Только, когда бѣда была уже на носу мятежниковъ, они встревожились и бросились къ оружію. Но пули и штыки пѣхоты и пики казаковъ дѣлали уже свое дѣло. Надо отдать справедливость находчивости и мужеству повстанцевъ и вождей ихъ. Придя въ себя, они сражались искусно и отчаянно. Во время самаго разгара битвы прибѣгаетъ къ Машевскому мальчикъ-гимназистъ, лѣтъ 14—15, срѣзавшій изъ охотничьяго ружья русскаго солдата.

— Пулковникъ, я убилъ человѣка, — говоритъ онъ плаксивымъ голосомъ.

— Молодецъ! не жалѣй псовъ-москалей, бей ихъ больше, завтра будешь офицеромъ, — былъ отвѣтъ Машевскаго.

Но скоро онъ самъ тяжело раненъ. Истекая кровью, онъ даетъ знакъ рукою русскому солдату, который въ него выстрѣлилъ, подойти къ нему. Солдатъ, видя,

что безсильный, распростертый на землѣ врагъ для него болѣе не опасенъ, подходитъ къ начальнику банды. «Дарю храброму воину это дорогое оружіе»— сказалъ Машевскій, указывая на богатое охотничье ружье, лежавшее у ногъ его».—Прими его отъ умирающаго на память». Простодушный солдатъ принимаетъ подарокъ, но, тотъ собравъ послѣднія силы, схватываетъ револьверъ, лежавшій съ другой стороны, и стрѣляетъ въ него въ-упоръ.

— Вотъ вамъ, собакамъ-москалямъ, на память отъ умирающаго поляка.

Надо-ли говорить, что товарищи убитаго солдата, свидѣтели этой предательской сцены, докончили нѣсколькими штыками умирающаго начальника банды и не давали панамъ пардона. Цѣнныя вещи на нихъ, деньги и заводскія лошади достались большею частью казакамъ, экипажи разрѣшетены пулями. Съѣстное, оставшееся послѣ роскошной трапезы довудцевъ, съѣдено, вина выпиты на память усопшихъ.

Что дѣлалось въ это время въ средѣ витебскихъ заговорщиковъ? Довудцы,—какъ мы сказали,—притаились въ своихъ гнѣздахъ или уѣхали въ городъ, иные пробирались лѣсами на западъ. Повстанцевъ частью распустили, частью разбѣжались они сами. Только Волкъ удержалъ при себѣ самыхъ отчаянныхъ, человѣкъ до пятидесяти. Горя чувствомъ мщенія за неудачи витебскаго жонда, онъ переносился съ отдѣльнымъ отрядомъ изъ потаеннаго мѣста на другое, жилъ въ лѣсахъ, скрывался у друзей сосѣдей, у ксендзовъ, палилъ русскія деревни, наводилъ страхъ на витебскую окраину. Это былъ ужь не революціонный вождь, а атаманъ разбойничьей шайки. Часть ея исправники съ помощью крестьянъ переловили. Самъ Волкъ съ оставшимися при немъ 20 человѣками, рѣшившимися идти на-пропалую, высматривалъ еще жертву позначитель-

нѣй. Измѣнникъ, выдавшій тайну мѣстности, гдѣ хранилось оружіе, не выходилъ у него изъ головы ни днемъ, ни ночью. То на одного, то на другого изъ своихъ товарищей, обращалъ онъ свои подозрѣнія и нерѣдко, по какому-то инстинкту, останавливалъ ихъ на Владиславѣ, хотя не имѣлъ на то основательныхъ доказательствъ. Мысль эта лишила его сна и пищи. Слѣдя за своей жертвой, онъ не могъ найти себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не найдетъ предателя.

Владиславъ оставался еще у себя дома, наблюдая, не вспыхнетъ-ли еще гдѣ въ ближайшемъ краѣ искра изъ-подъ угасающаго пепла революціи. Онъ успокоился, когда переловили большую часть шайки Волка, и собирался ѣхать къ женѣ, но его задерживали еще въ имѣніи нѣкоторыя домашнія, не терпящія отлагательства, распоряженія. Онъ посылалъ повременамъ письма къ Лизѣ и получалъ отъ нея отвѣты. Никто и ничто не тревожило гонца съ этими письмами. До сихъ поръ онъ ничего не писалъ ей о политическихъ дѣлахъ края. Между тѣмъ молва оповѣстила Лизу, что въ Витебской губерніи все успокоилось, она просила мужа прислать ей хоть resumè положенія края. Съ новымъ письмомъ былъ посланъ Кириллъ.—«Наконецъ, только теперь могу сказать тебѣ, мой другъ», писалъ онъ, «что все въ краѣ спокойно. Воля твоя исполнена. Обезоруженный *нами* жондъ не былъ въ состояніи ничего предпринять. Кровь братьевъ не будетъ болѣе литься. Счастіе наше обезпечено. Я остался здѣсь только на два дня по экстреннымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Черезъ 48 мучительныхъ часовъ разлуки я, счастливѣйшій изъ смертныхъ, обнимаю тебя. Но, желая тебя успокоить на свой счетъ, посылаю съ этимъ письмомъ нарочнаго. Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе.

«Твой до послѣдней минуты моей жизни

«*В. С.*»

Письмо было написано въ неосторожныхъ выраженіяхъ въ минуты безмятежнаго спокойствія, въ чаду отъ блаженства, его ожидавшаго. О Волкѣ, котораго онъ почиталъ своимъ врагомъ, ходили слухи, что онъ убѣжалъ въ Царство Польское, знали, что окна въ домѣ его заколочены наглухо, на дворѣ ни живой души; съ другихъ сторонъ не ожидалось опасности.

Кириллъ дѣлалъ прежнія поѣздки свои къ барынькѣ безъ всякихъ приключеній. Онъ ѣхалъ верхомъ и нынѣ спокойный, довольный, что скоро переѣдетъ со своимъ паномъ къ Яскулкѣ, гдѣ не будутъ ихъ пугать революціонныя затѣи и заживутъ они, какъ у «Іезуса на плечикѣ». Повременамъ въ религіозномъ настроеніи затягивалъ онъ духовные гимны. При спускѣ съ сторожевой горы на окраинѣ лѣса и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги показалась фигура Волка и съ нимъ нѣсколько всадниковъ. При видѣ ихъ Кириллъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

— Стой! — закричалъ ему ужаснымъ голосомъ Волкъ, высыпавъ со своею шайкою изъ лѣса и преграждая ему дорогу. — Куда и съ чѣмъ ѣдешь?

Въ это время онъ кивнулъ своимъ клевретамъ, тѣ поняли его — и нѣсколько сильныхъ рукъ остановили лошадь Кирилла за уздцы.

— Ѣду отъ пана въ городъ, — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Кириллъ.

— Есть письмо къ пани Стабровской?

— Посланъ со словеснымъ приказаніемъ, — былъ отвѣтъ слуги.

— Раздѣньте его,—закричалъ Волкъ, слѣдя ястребиными глазами за всѣми движеніями.

Скинули съ Кирилла шинель, сюртукъ, жилетъ, порылись въ нихъ, потрясли ихъ, посыпались мелкія серебряныя монеты. Въ это время онъ нагнулся, какъ бы для того, чтобы подобрать деньги. Письмо, сложенное вчетверо, было у него въ маленькомъ кошелькѣ за голенищемъ сапога. Достать его изъ кошелька, разжевать и проглотить было въ это мгновеніе мыслью вѣрнаго слуги. Но это могло бы удаться развѣ какому-нибудь Боско и то не въ такія тревожныя минуты. Онъ досталъ, однакожъ, кошелекъ, сжалъ его въ рукѣ и силился стереть то, что въ немъ заключалось, въ порошекъ. Волкъ, замѣтивъ это движеніе, приказалъ своимъ схватить его за руку и разнять пальцы. Кошелекъ былъ исторгнутъ съ большими усиліями, такъ что на рукѣ остались синяки и ссадины, и врученъ начальнику шайки,

Волкъ вынулъ изъ кошелька скомканное письмецо, печать разсыпалась. Онъ старался разгладить его и сталъ про себя читать съ видимымъ затрудненіемъ, такъ какъ мелкіе сгибы на немъ мѣшали глазамъ свободно перебѣгать по строкамъ. Безобразное лицо его конвульсивно передернулось и приняло демоническое выраженіе, наконецъ онъ разразился дикимъ хохотомъ.

— Такъ вотъ гдѣ измѣнникъ, — вскричалъ онъ и велѣлъ связать Кириллу руки назадъ, посадить его на лошадь и вести къ себѣ на фольварокъ подъ сильнымъ карауломъ.

Что дѣлалъ Волкъ со своею шайкой въ лѣсу? Не поджидалъ-ли кого? До этого дня онъ, дѣйствительно, скрывался у своихъ друзей, пановъ и ксендзовъ, но, получивъ тайное извѣстіе, что одинъ изъ членовъ жонда, подозрѣваемый въ измѣнѣ, долженъ проѣзжать изъ города по дорогѣ черезъ лѣсъ сторожевой горы, сталъ со своей шайкой тутъ поджидать его. Подозрѣніе па-

дало на невиннаго—судьба послала настоящаго измѣнника. Смыслъ письма съ нѣкоторыми толкованіями былъ ясенъ, особенно выраженія: «*воля твоя исполнена, обезоруженный нами жондъ*», не требовали перевода. Загадка сфинкса была разрѣшена.

VII

Черезъ два дня Владиславъ отправился въ своей варшавской бричкѣ на четверикѣ, при немъ были кучеръ и слуга. Къ шести часамъ вечера онъ взъѣзжалъ на песчаную сторожевую гору. Погода была пасмурная и ненастная. Порывистый вѣтеръ завывалъ въ мрачномъ лѣсу, будто пѣлъ похоронную пѣсню, деревья скрипѣли. Носились-ли въ мысляхъ Владислава ожиданія скораго, сладкаго свиданія съ обожаемою имъ женщиной, или природа настраивала его къ тяжелому предчувствію, зналъ одинъ Богъ Лошади шли медленно по глубокому песку въ гору. Вдругъ съ крикомъ, съ двухъ сторонъ, изъ лѣса налетѣли на экипажъ десятокъ молодцовъ и между ними Волкъ. Лошади остановлены, постромки, гужи и хомутины перерѣзаны. Увидавъ Волка и привязаннаго къ дереву Кирилла, Владиславъ понялъ все, что его ожидало. Первымъ его движеніемъ было схватиться за револьверъ, лежавшій въ сумкѣ брички, и выстрѣлить въ своего врага. Но ударъ, худо направленный неловкимъ стрѣлкомъ, владѣвшимъ, какъ онъ признавался матери, лучше перомъ, чѣмъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, миновалъ цѣль. Минута, и человѣкъ шесть окружили экипажъ, вскарабкались въ него, одинъ выхватилъ револьверъ, другіе силились вытащить Владислава изъ

брички. Кучеръ и слуга слѣзли со своихъ мѣстъ и бросились помогать своему господину. Борьба была отчаянная. У слуги было охотничье ружье. Онъ выстрѣлилъ и свалилъ одного изъ шайки. Противъ него выступилъ съ револьверомъ самъ Волкъ, слуга заноситъ на него на-отмашь прикладъ разряженнаго ружья, какъ попало. Ударъ приходится по колѣну и раздробляетъ чашку. Сгоряча Волкъ не чувствуетъ боли. Наконецъ, сила превозмогла: Владиславъ, изнеможенный борьбою, исторгнутъ изъ брички, связанный по рукамъ и ногамъ, въ плѣну у разбойниковъ; прислуга убита.

— Помнишь-ли, — сказалъ Волкъ у котораго глаза горѣли, какъ раскаленные уголья,—помнишь-ли клятву, данную тобою въ Москвѣ, когда поступалъ въ жондъ? Ты измѣнилъ ей. Помнишь-ли, что завѣщала мнѣ мать твоя, когда я говорилъ о кинжалѣ, который ты мнѣ подарилъ? Ты истопталъ завѣтъ матери. Другъ,братъ!!... А насмѣшки надо мною, надъ всѣми нами? Хоть бы представленіе друзьямъ, братьямъ красавицы-патріотки Елизбеты! Недаромъ нарекъ ты меня палачомъ. Да, я избранъ совершить надъ тобою приговоръ нашего верховнаго трибунала. Видишь, вотъ роковой кинжалъ!

Онъ блеснулъ кинжаломъ, который вынулъ изъ ноженъ. На стали не было ни одного пятна, онъ не употребилъ его въ кровавое дѣло съ простыми смертными, приберегая для высшаго назначенія.

— Тащите его въ лѣсъ, — крикнулъ Волкъ своей шайкѣ. — Пусть слуга его видитъ казнь его и передастъ объ ней прекрасной актрисѣ, достойной его подругѣ.

Владислава повлекли въ лѣсъ и привязали къ дереву противъ того, къ которому былъ привязанъ Кириллъ. Слуга, выбиваясь изъ своихъ узъ, грызъ ихъ отъ чувства безсилія помочь своему господину.

— Скажи: «да здравствуетъ Польша и погибнутъ враги ея», и я облегчу тебѣ переходъ въ вѣчность

Владиславъ молчалъ.

— Такъ раздѣньте его.

Раздѣли.

— Въ этомъ видѣ лучше почуютъ мертвечину дикіе звѣри и разнесутъ ее на части. Теперь готовься, отступникъ, читай себѣ отходную.

Владиславъ взглянулъ на пасмурное небо, едва видное между верхушками деревъ, и благоговѣйно, со слезами на глазахъ, произнесъ молитву, потомъ, обратясь къ вѣрному слугѣ своему, завѣщалъ передать Лизѣ: «что въ послѣднія минуты его жизни дорогое имя ея было послѣднимъ словомъ, которое уста и сердце его сказали на землѣ».

Волкъ поднялъ кинжалъ и утопилъ его въ груди несчастной жертвы. Розовая кровь брызнула на руку убійцы и забила ключомъ на бѣлой, высокой груди мученика. Трава подъ нимъ далеко окрасилась. Скоро прекрасное, цвѣтущее лицо Владислава подернулось бѣлымъ покровомъ смерти.

Къ дереву, къ которому привязано было тѣло его, прибили дощечку, заранѣе припасенную, съ надписью: «*Такъ карають измѣнниковъ ойчизнѣ*». Въ этомъ положеніи оно оставлено на съѣденіе волкамъ. Убитые слуга и кучеръ брошены далеко отъ дороги въ чащѣ лѣса. Бричка разрублена на мелкія части, ихъ также разбросили по лѣсу. Лошади уведены въ фольваркъ Волка, вещи поцѣннѣе и деньги разобраны шайкой, по дорогѣ не осталось слѣдовъ отъ разбоя.

Бѣдный Кириллъ, привязанный къ дереву и осужденный смотрѣть цѣлые часы на трупъ любимаго господина, пробылъ въ этомъ положеніи весь день. Въ ночь озарился лѣсъ заревомъ. То горѣлъ домъ Волка,

службы и хозяйственныя заведенія, подожженныя собственною его рукой.

Тѣло Владислава не было, однакожъ, тронуто волками оттого-ли, что они удовольствовались снѣдью кучера и слуги, или испуганные заревомъ пожара, можетъ быть и стрѣльбою, бывшею наканунѣ. Смертные останки его также пощажены были смертью, такъ какъ вся кровь его ужь истекла, а кто не знаетъ, что такіе трупы сохраняются долѣе труповъ людей, умершихъ естественною смертью.

Утромъ слѣдующаго дня ѣхавшій на возу по дорогѣ черезъ лѣсъ еврей услыхалъ крики. Испуганный, онъ долго былъ въ раздумьѣ, идти-ли на нихъ, наконецъ рѣшился. Ужасное зрѣлище представилось ему. Онъ хотѣлъ было бѣжать къ своему возу и уѣхать, но, склонясь на жалобныя просьбы узника, развязалъ на немъ веревки и, прельщенный обѣщаніемъ щедрой награды, отвезъ его въ станъ. Здѣсь разсказано было Кирилломъ все, что съ нимъ и его паномъ случилось. Началось слѣдствіе, похоронили Владислава на кладбищѣ ближайшаго костела, сдѣланы поиски за убійцей и его шайкой. Шайка была распущена Волкомъ, но вскорѣ большую часть ея переловила мѣстная полиція съ крестьянами. Самъ онъ съ двумя преданными ему сообщниками, не хотѣвшими съ нимъ разстаться сталъ пробираться на обѣтованный западъ. Раздробленное колѣно его сильно разболѣлось, мученія стали нестерпимы. Идти пѣшкомъ сдѣлалось невозможнымъ, на лошади сидѣлъ онъ съ величайшимъ трудомъ. Такъ скитались они нѣсколько сутокъ, какъ бродяги, «гдѣ день, гдѣ ночь», большею частью въ лѣсахъ. Взятыми изъ дому въ изобиліи съѣстными припасами утоляли они голодъ. Револьверъ украли у Волка приставшіе къ нимъ новые бродяги, бѣглецы изъ разныхъ бандъ. Оставшіеся при немъ товарищи, узнавъ, что за ними

послана погоня, и наскучивъ его стонами и скрежетомъ зубовъ, бросили его на волю судьбы. Наконецъ, самого Волка выслѣдили полиція и крестьяне на границѣ Витебской и Минской губерній у какого-то болота. Ему оставалось отдаться въ руки преслѣдовавшихъ его или попытаться переѣхать черезъ болото и, если не удастся, погибнуть въ немъ. Потерявъ голову, онъ бросился въ болото. Нѣкоторое разстояніе проѣхалъ онъ благополучно по кочкамъ и черезъ кусты, жестоко хлеставшіе его по лицу, только въ одномъ мѣстѣ, казавшемся ему надежнымъ, лошадь его завязла. Трясина начала всасывать ее въ себя. Чѣмъ болѣе лошадь билась, тѣмъ болѣе погружалась въ глубь. Волкъ благословилъ бы судьбу свою, еслибъ могъ съ нею утопиться. Но его не теряли изъ вида крестьяне, хорошо знавшіе мѣстность. Имъ велѣно было достать его живьемъ. Они обошли болото съ другой стороны и, перескакивая съ кочки на кочку, цѣпляясь за сучья кустовъ, подкладывая подъ себя жерди, приближались къ своей добычѣ. Раздаются крики: «лови, лови его!» Въ нихъ слышитъ онъ свой приговоръ. Несмотря на мучительную боль въ ногѣ, онъ слѣзаетъ съ лошади. То въ безумномъ отчаяніи, будто вполнѣ владѣя здоровыми силами, шагаетъ по болоту, то падаетъ, изнемогая отъ страданій, едва ползетъ, какъ жаба, которую мальчишки пришибли камнемъ и у которой внутренности выходятъ уже наружу. Онъ выбираетъ самыя опасныя мѣста трясины. Тѣнь руки блуждаетъ около него, она кажется ему рукою баснословнаго исполина. Какіе-то тиски схватываютъ его, онъ чувствуетъ на шеѣ своей мокрую, холодную веревку. Какъ бы затянуть ее?... думаетъ онъ, но у него недостаетъ уже силъ, онъ теряетъ, наконецъ, сознаніе окружающихъ его предметовъ. Съ разныхъ сторонъ схватываютъ его, кладутъ на веревоч-

ныя носилки. Его приводятъ въ чувство, его берегутъ, какъ драгоцѣнный субъектъ, какъ знатнаго заложника. Онъ отвезенъ въ ближайшій городокъ, посаженъ за желѣзную рѣшетку. Надъ нимъ наряженъ военный судъ. Собственное признаніе, приправленное ругательствами на счетъ русскихъ и сожалѣніемъ, что онъ не могъ сдѣлать имъ болѣе вреда, довершаетъ улики свидѣтелей.

Въ одинъ день, на позорной колесницѣ, въ позорной одеждѣ преступника, онъ приближается къ мѣсту казни. Толпа глядитъ на него безчувственно, иные даже насмѣхаются надъ его дикообразною физіономіею. Онъ честитъ народъ именемъ рабовъ, себя превозноситъ героемъ-мученикомъ за свободу ойчизны.

— «Убійца своего брата,»—брошенъ ему изъ толпы громовый упрекъ.

Только пани и паненки со слезами на глазахъ простираютъ къ нему руки и благословляютъ его. Столбъ поставленъ на торговой площади, обряды исполнены, Волкъ повѣшенъ.

Остается мнѣ исполнить тяжкій долгъ—отдать отчетъ въ тѣхъ проявленіяхъ ужаснаго состоянія Лизы, когда она получила черезъ Кирилла и Евгенію Сергѣевну роковую вѣсть о смерти Владислава. Постараюсь сократить описаніе грустныхъ, раздирающихъ душу сценъ. Кириллъ, исхудалый, постарѣвшій въ нѣсколько дней, явился сначала къ Зарницыной и разсказалъ ей о своемъ плѣнѣ и разбойническомъ убійствѣ своего господина. Зарницына, какъ можно судить, была поражена этимъ извѣстіемъ. Со всѣми предосторожностями, со всею горячностью материнской любви передано оно Лизѣ. Были часы, въ которые боялись за ея разсудокъ. Несчастная совершенно упала духомъ, проклинала себя за то, что погубила страстно-любимаго ею человѣка, сурово выговаривала своей вто-

рой матери, что вовлекла ее въ *преступленіе.* Потеря ея преобладала въ ея сердцѣ и мысляхъ надъ убѣжденіемъ, что она совершила подвигъ за дѣло отечества, что избавила край отъ многихъ бѣдствій. Молитва образумила ее. Она поспѣшила на могилу мужа и на ней выплакала свою молодую жизнь, всѣ свои земныя радости. Съ этого времени горесть ея не проявлялась болѣе наружу, но тѣмъ сильнѣе сосредоточилась въ груди ея. Яскулку тоже поразила вѣсть объ ужасной смерти Владислава, имъ искренно любимаго. Онъ сталъ со-дня на-день сильно хирѣть. Евгенія Сергѣевна, представивъ администраціи всѣ доказательства преданности Владислава Россіи, спасла имя его отъ нареканій и осужденій. Имя это осталось безъ пятна. Впослѣдствіи надъ могилой его былъ поставленъ памятникъ съ простою надписью: «*такой-то, такихъ-то лѣтъ, погибъ мученическою смертью отъ руки убійцы за дѣло русское*». Подвигъ двухъ женщинъ остался тайною для всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ имъ. Нужно ли говорить о томъ, сколько нѣжныхъ, горячихъ заботъ и утѣшеній посвятили Тони и Сурминъ несчастной вдовѣ.

Лиза Стабровская осталась жить при своемъ дѣдѣ и отказалась отъ свѣта. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ на рукахъ ея, завѣщавъ ей все свое состояніе. Но для чего было ей теперь богатство? Она продала имѣніе, давъ себѣ слово, вырученныя за него деньги употребить на бѣдныхъ и на обновленіе православныхъ церквей въ Бѣлоруссіи. Только неважную сумму предназначила себѣ. Была у нея еще затаенная мысль, которую подкрѣплялъ по-временамъ видъ фарфоровой статуэтки—*сестры милосердія*, подаренной ей отцомъ ея. «Это было его назначеніе, его завѣщаніе»,—говорила она про себя, — «это была воля Провидѣнія, и я *хоть* этотъ завѣтъ свято исполню».

Совѣстно мнѣ вслѣдъ за разсказомъ о печальной участи моей героини перенестись тотчасъ къ лицу, погрязшему въ омутѣ безчестныхъ дѣлъ, съ клеймомъ преступника, и между тѣмъ довольному своею судьбою, счастливому. Но не такъ ли на сценѣ, гдѣ вращается жизнь человѣчества, стоятъ рядомъ добродѣтельный человѣкъ и злодѣй, люди съ разными оттѣнками — бѣленькій, черненькій и сѣренькій. А романъ есть отраженіе, копія этой жизни. Съ такою оговоркою приступаю къ послѣднему сказанію о Киноваровѣ-Жучкѣ.

Вечеромъ лѣтняго дня шелъ онъ по главной улицѣ города на Двинѣ. Онъ въ этотъ день обходилъ своихъ должниковъ, такъ какъ въ слѣдующее утро собирался отправиться во свояси, въ Динабургъ. Только-что кончилъ онъ свои разсчеты съ Зарницыной и погоревалъ съ ней о смерти Владислава. Довольный, счастливый, что обдѣлалъ дѣлишки, такъ что остригъ овечекъ и снялъ шкурку съ волковъ, Жучокъ мечталъ дорогой, какъ заживетъ въ своемъ домикѣ, будетъ продолжать свою торговлю и идти съ нею въ гору Мало-ли какія мечты роились въ головѣ его И садикъ-то нужно бы спустить по отлогости горы къ Двинѣ, китайскую бесѣдку въ немъ устроить, гдѣ бы въ нѣгѣ соснуть послѣ сытнаго обѣда, не худо бы и купаленку на рѣкѣ поставить. А то, когда онъ сходитъ въ привольныя для всѣхъ воды, не убережешься отъ нахальныхъ взглядовъ прачекъ, моющихъ по-близости грязное бѣлье. Пуще всего надоѣдаетъ ему бинокль, наводимый на него сосѣдкой, вдовушкой гарнизоннаго офицера, когда онъ пробирается по берегу къ вожделѣннымъ струямъ. Чего ей?

По пути его была гостиница, которую содердержалъ полякъ Бршепршедецкій. Кстати нужно было завернуть къ нему, чтобы очистить счеты за забран-

ный кяхтинскій чай, спрашиваемый прихотливыми русскими офицерами полкъ Зарницына, незадолго стоявшаго въ городѣ, и отчасти поляками. Былъ счетецъ и по векселю. Боковой карманъ его кафтана вмѣщалъ уже въ своей утробѣ три тысячи рублей, почему-жъ бы не прибавить въ нее новаго слоя кредитокъ. Содержателя гостиницы не было ни въ конторѣ, ни въ его семейномъ отдѣленіи. Онъ находился въ одномъ изъ номеровъ у своего постояльца, бѣлорусскаго помѣщика, промышлявшаго болѣе карточной игрой, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь собралось человѣкъ съ десять разнородныхъ личностей. На зеленомъ полѣ ломбернаго стола лежали стопы колодъ и другія принадлежности карточной игры, красовались пачки кредитокъ разнаго цвѣта и среди ихъ кучка золота въ ожиданіи, что въ турнирѣ, предложенномъ банкометомъ, рьяные рыцари присовокупятъ къ нимъ новые вклады. Понтеры сидѣли за столомъ или стояли подлѣ него. На докладъ номернаго содержателю гостиницы, что пришелъ такой-то и желаетъ его видѣть, Бршепршедецкій попросилъ хозяина номера позволить Жучку войдти, предупредивъ, что онъ человѣкъ неопасный, да и нѣкоторые изъ игроковъ ручались за его скромность. Позволеніе охотно дано. Трактирщикъ любившій самъ играть въ карты, въ этомъ случаѣ разсчитывалъ, что на нѣсколько часовъ задержитъ въ номерѣ кредитора и оттянетъ свой долгъ до другого дня. А кто знаетъ? Судьба-индѣйка не нанесетъ-ли ему въ этотъ вечеръ золотыхъ яицъ? Тогда и квитъ съ долгомъ.

Вошелъ Жучокъ, не перекрестясь, какъ это обыкновенно дѣлалъ, когда входилъ къ русскимъ, но только низко поклонился и пожелалъ честной компаніи здравія. Трактирщикъ отрекомендовалъ вошедшаго банкомету, хозяину номера; тотъ, занятый игрою, довольно небрежно кивнулъ Жучку.

— Извините, панъ добродзей,—сказалъ своему посѣтителю трактирщикъ, загибая уголъ на выигранной имъ картѣ,—видите, въ ходу, навѣрно принесли мнѣ счастіе. Успѣемъ еще поговорить о дѣлѣ, а вы покуда присядьте да поучитесь въ отгадку.

— Подожду,—отвѣчалъ смиренно Жучокъ.

Содержатель гостиницы мимолетно указалъ глазами молодому человѣку, лѣтъ двадцати, стоявшему недалеко отъ него (это былъ его сынъ), на новаго посѣтителя и на бутылки, стоявшія на подоконникѣ. Молодой человѣкъ понялъ взглядъ отца, раскупорилъ бутылку шампанскаго и, наливъ изъ нея огромный стаканъ, предложилъ его Жучку.

Этому отказываться было совѣстно, бутылка вѣдь для него начата. Въ давнопрошедшее время онъ пивалъ водку стаканами, чтобы заморить въ груди угрызенія совѣсти, и не бывалъ, какъ говорятъ, ни въ одномъ глазѣ, а теперь отъ нѣсколькихъ глотковъ искрометнаго затуманило у него въ головѣ.

Никто изъ игроковъ не обращалъ на него вниманія; знали, что купецъ Жучокъ не умѣетъ и картъ держать въ рукахъ и потому въ обществѣ ихъ человѣкъ посторонній.

Между тѣмъ глаза его разгорались болѣе и болѣе, перебѣгая отъ картъ банкомета и понтеровъ на пачки кредитокъ и особенно на кучку золота, игравшаго своими искрометными лучами. Давно отрекся онъ отъ картъ, погубившихъ его, и твердо держался обѣта — не прикасаться къ нимъ, словно къ огню. Однакожъ, какая-то невидимая сила притягивала его къ столу, онъ къ нему подошелъ.

На этотъ разъ демонъ-искуситель стоялъ за нимъ и нашептывалъ ему то насмѣшливыя, то обольстительныя рѣчи

«Посмотри», говорилъ лукавый голосъ, «какъ тебя

оскорбляютъ здѣсь. Тебя, мизернаго купчишку, выталкиваютъ, какъ парія, изъ среды благороднаго общества, хоть бы изъ учтивости предложили принять участіе въ игрѣ. И не съ такою шляхтою игрывалъ ты, генералы не гнушались перекинуться съ тобою. А кушъ-то порядочный едва ли не десять тысячъ; банкометъ богатъ, не постоитъ и за бо̀льшую сумму. Проигрывалъ ты прежде. Чтожъ? Можетъ быть, судьба ждала тебя въ этотъ часъ, отыграешься, да еще разбогатѣешь. Повѣрь мнѣ, сорвешь банкъ. А удовольствіе поразить неожиданнымъ торжествомъ побѣды людей, которые тебя ни во что считаютъ, съ чѣмъ можно сравнить?—Рискни».

Пыхтѣлъ, боролся Жучокъ со своимъ искусителемъ до поту лица и—рискнулъ.

— Позволите-ли мнѣ, сиволапу, поставить карточку?—сказалъ онъ, обратясь къ банкомету.

— Не имѣю права отказывать здѣсь никому,—отвѣчалъ этотъ, нѣсколько поморщившись, воображая, что ставка такой мизерной личности будетъ ничтожна и только задержитъ игру.

— Помните,—сказалъ насмѣшливо банкометъ,—что правая сторона моя, а лѣвая ваша, и расплата должна быть немедленная.

— Смекаю. И я играю вѣдь не на щепки, — отозвался Жучокъ.

— Я ручаюсь за него въ тысячѣ,—сказалъ хозяинъ гостиницы, мигнувъ банкомету,—авось, дескать, молодецъ попадетъ на удочку.

Карта Жучка пошла и взяла сто рублей.

Онъ поставилъ ее на транспортъ, загнувъ по правиламъ игры.

Взяла.

— Угодно получить деньги? — спросилъ его банкометъ уже голосомъ серьезнымъ и вѣжливымъ.

— Атанде—идетъ на пе.

Карта взяла восемьсотъ рублей серебромъ.

Изумленные игроки переглянулись. Тотъ, кто не умѣлъ брать карты въ руки, преобразился въ искуснаго и отважнаго карточнаго бойца. Самъ банкометъ, хотя и испытанный въ бояхъ подобнаго рода, внутренно призналъ его за опаснаго противника, но не обнаруживъ и тѣни смущенія, спросилъ его, «какими деньгами желаетъ онъ получить выигрышъ, кредитками или золотомъ».

— И тѣми, и другими, винегретецъ, — отвѣчалъ Жучокъ, смотря свысока на игроковъ и вздернувъ рукою свою тощую съ просѣдью бородку.—Вотъ вамъ и сиволапъ, говорили его глаза.

Деньги были отсчитаны золотомъ и кредитками разной масти.

Въ Жучкѣ ожилъ прежній Киноваровъ.

— Прикажите подать бутылочки двѣ *отборной* шипучки, — сказалъ банкометъ хозяину гостиницы, зачесывая пятерней свою прическу.

— Позвольте и мнѣ на выигрышъ поставить полдюжинки,—предложилъ Жучокъ.

— Почему-жъ не такъ, — отозвался, хозяинъ номера.

Трактирщикъ вышелъ изъ комнаты, чтобы распорядиться на счетъ вина.

Жучокъ-Киноваровъ написалъ мѣломъ на столѣ 1000 рублей и закрылъ цифры картою.

Карты въ таліи ложились направо и налѣво.

— Атанде,—закричалъ герой-понтеръ, 600 рублей приписываю. — Взяла, примолвилъ онъ немного погодя и вскрылъ карту.

Банкомета подернуло, онъ отсчиталъ 1600 рублей. Замѣтно было, что онъ нетерпѣливо посматривалъ на дверь. Наконецъ, вошелъ хозяинъ гостиницы, за нимъ

несли корзину съ бутылками. Онъ самъ откупорилъ ихъ.

— Пожалуйста, безъ пальбы, — замѣтилъ банкометъ.

— Какъ удастся, будутъ съ пальбою и безъ нея,— сказалъ хозяинъ гостиницы.

Налили стаканы. Зоркій, наблюдательный глазъ высмотрѣлъ-бы, что Жучку наливалъ онъ изъ одной бутылки, прочимъ игрокамъ изъ другихъ. Жучокъ, упоенный и безъ вина своимъ выигрышемъ, не замѣтилъ этой мошеннической продѣлки и выпилъ поднесенный ему стаканъ. Онъ, однакожъ, поставилъ новую карту на малый кушъ и выигралъ, но вскорѣ голова его стала кружиться, въ глазахъ запрыгали темныя пятна.

— Что, ужь оробѣли?—сказалъ иронически банкометъ,—пошли упражняться къ меледу.

— Оробѣлъ?!—крикнулъ обиженный Жучокъ и поставилъ карту на три тысячи.

Карта была убита. Онъ не замѣтилъ, какъ тотъ передернулъ карту въ таліи. Горячась больше и больше, нашъ понтеръ удвоилъ куши, держался прежнихъ рутерокъ. Противникъ его клалъ ихъ всѣ на правую сторону.

Выигралъ было Жучокъ пятьсотъ рублей на одну карту, банкометъ забастовалъ. Стали разсчитываться. Всѣ выигранныя Жучкомъ деньги были возвращены прежнему ихъ обладателю; три тысячи, хранившіяся въ боковомъ карманѣ купеческаго кафтана, перешли къ нему же вмѣстѣ съ векселемъ трактирщика въ 1000 рублей, да сверхъ того взята съ несчастной жертвы сохранная росписка заднимъ числомъ въ 5000 р. золотою монетою такого-то года. Перо въ руки, и росписка написана и подписана. Онъ попросилъ стаканъ воды, выпилъ и, казалось, нѣсколько отрезвился. Наняли

извозчика, дали Жучку выпить другой стаканъ воды, поднесли спирту къ носу и отправили домой, наказавъ возничему сѣсть съ нимъ рядомъ на дрожки и поберегать его дорогой. Игроки разошлись. Хозяину гостиницы за бутылку *отборнаго* шампанскаго возвращенъ его вексель съ надраніемъ. Прислуга была щедро одѣлена. Дорогой Жучокъ смутно припомнилъ все, что съ нимъ случилось въ этотъ вечеръ. Привезенный извозчикомъ домой, онъ сданъ прислугѣ. Къ утру онъ совершенно пришелъ въ себя. Трехъ тысячъ, лежавшихъ у него въ карманѣ, не оказалось на лицо, также какъ и векселя отъ имени Бршепршедецкаго. Въ полдень пришелъ къ нему квартальный и предъявилъ ему сохранную росписку, данную за нѣсколько дней назадъ.

— Рука ваша? — спросилъ его полицейскій чиновникъ.

— Рука моя,—сказалъ оторопѣвшій Жучокъ, — но я писалъ росписку въ пьяномъ видѣ. Меня опоили зельемъ, обыграли, я не понимаю, что дѣлалъ.

Справилась полиція въ гостиницѣ, допрашивала содержателя ея, прислугу. Жучокъ не зналъ именъ игроковъ кромѣ имени банкомета и то по сохранной роспискѣ, ему предъявленной. Всѣ спрошенные показали, что указаннаго господина, будто обыгравшаго его, не было въ прошедшій вечеръ дома въ гостиницѣ, что Жучокъ дѣйствительно былъ тамъ, потребовалъ водки, закуску и бутылку шампанскаго, потчивалъ имъ хозяина и пьяный отвезенъ домой. Показанія его, какъ ложныя, не приняты въ уваженіе. Полиція распорядилась отобрать у него паспортъ до уплаты долга, обязала хозяина его квартиры не выпускать со двора его экипажа и лошадей и сверхъ того приставила къ дверямъ его полицейскаго унтеръ-офицера, который долженъ былъ, если онъ выйдетъ со двора, ходить

по пятамъ его. Жучокъ въ этотъ день ничего не ѣлъ, черныя мысли начали бродить у него въ головѣ.

Предсталъ передъ нимъ, какъ живой, бывшій его начальникъ, Ранѣевъ, съ его ясными, ласковыми глазами. Совѣсть развернула передъ нимъ свитокъ его преступленій. И видѣлъ онъ себя подъ уголовнымъ судомъ, потомъ за желѣзной рѣшеткой, иногда проходящаго по городу для допросовъ, въ сопровожденіи военнаго конвоя, подъ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ, исполненныхъ злобы и презрѣнія. Видѣлъ онъ себя въ бѣгахъ скрывающимся по лѣсамъ, когда собственная тѣнь пугала его. Наконецъ выступилъ передъ нимъ добродушный ликъ умирающаго праведника, онъ слышалъ его евангельскія слова прощенія, и слезы закапали изъ глазъ его. Назади его былъ мракъ, впереди то же.

— Есть-ли Богъ? — спросилъ онъ своего сторожа.

— Что ты брешешь,—сказалъ ему тотъ,—не рехнулся ли?

— Есть, мой другъ, и судъ Его рано или поздно караетъ преступника, сколько бы онъ отъ него не отвертывался,—оговорился Жучокъ.

Потомъ онъ началъ ласково бесѣдовать съ унтеръ-офицеромъ, спрашивалъ, есть-ли у него жена и дѣти, и на отвѣтъ, что есть жена и трое дѣтей, далъ ему два полуимперіала, присовокупивъ, чтобы помолился за раба Божія *Александра*. Немного погодя, онъ просилъ его идти съ нимъ купаться.

— Надо мнѣ освѣжиться,—говорилъ онъ,—въ прошедшій вечеръ я былъ сильно хмѣленъ.

Полицейскій служитель, обольщенный его ласковою рѣчью и золотыми, согласился на его просьбу. Въ данной ему квартальнымъ словесной инструкціи сказано было только, чтобы «не выпускалъ заложника изъ

вида,» а о томъ, чтобы ему не позволять купаться, ничего упомянуто не было.

Пошли на рѣку.

Жучокъ раздѣлся на берегу и просилъ поберечь его бѣлье и платье, самъ же побрелъ въ воду.

— Смотри только, далеко не ходи, не то набредешь на омутъ. А плавать умѣешь?

— Какъ утка

Ночь была тихая съ нерѣшительнымъ свѣтомъ двухъ зорь. Одна, вечерняя, уже погасала; другая, утренняя, только-что проглядывала. Черной каймой отражались берега въ рѣкѣ, въ вороненой стали водъ ея дрожали звѣзды, чешуйчатыя волны робко набѣгали на берегъ и монотоннымъ плескомъ своимъ наводили дремоту на вѣжды полицейскаго служителя. Посреди рѣки горѣлъ огненный снопъ, онъ отражался въ ней отъ пучка лучины, зажженой на кормѣ челнока, и едва двигался по водамъ вмѣстѣ съ нимъ. Видно было, что въ челнокѣ сидѣлъ человѣкъ, наклонялъ по-временамъ голову и быстро вонзалъ какое-то орудіе въ глубь рѣки. Рыбакъ *лучилъ* налимовъ, которыми Двина изобильна, билъ и ловко поднималъ острогою извивавшуюся, какъ змѣю, рыбу.

Въ это время Жучокъ отдалялся все болѣе и болѣе отъ берега. Сначала шелъ онъ по грунту рѣки, потомъ, потерявъ его подъ собою, погрузился, вынырнулъ, опять порузился и исчезъ. Что-то въ водѣ забурчало. Минута, и все затихло, только въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ послѣдній разъ погрузился и исчезъ, образовался водяной кругъ, и тотъ скоро сгладился. Такъ покончилъ съ собою Киноваровъ. Еслибы онъ тонулъ по неосторожности, то, навѣрно, боролся бы съ водою и успѣлъ бы крикнуть.

Между тѣмъ полицейскій служитель, клюнувъ раза два носомъ, вышелъ изъ своей дремоты и сталъ лю-

боваться огненнымъ снопомъ, ползущимъ по рѣкѣ, и ловкими движеніями рыбака. Вскорѣ онъ вспомнилъ о своемъ плѣнникѣ и оторвался отъ зрѣлища, такъ сильно его занимавшаго. Осмотрѣлся, приложилъ руку надъ глазами, чтобы лучше видѣть—никого на водахъ кромѣ рыбака въ челнокѣ.

— Пріятель, а пріятель!—закричалъ онъ ему.

Рыбакъ, занятый своимъ дѣломъ, не слыхалъ ничего или не хотѣлъ слышать

— Эй! хлопъ! бисовъ сынъ! — закричалъ унтеръ-офицеръ командирскимъ голосомъ такъ, что звуки его ударились въ противоположный берегъ и раскатились по водамъ.

— Что тебѣ надо? И такъ по милости твоей сорвалась важная рыба.

— Не видалъ-ли человѣка, что купался тутъ?

— Мало-ли тутъ купаются, мнѣ-то что.

Бѣдный сторожъ сильно растерялся. — «Не переплылъ-ли Жучокъ черезъ рѣку, не бѣжалъ-ли?—думалъ онъ.—Еслибъ переправлялся вплавь черезъ рѣку, увидалъ-бы все-таки рыбакъ. Да и какъ бѣжать безъ бѣлья и платья?»

Побродилъ по берегу — не видать никого. Оставалось донести обо всемъ начальству, что онъ тотчасъ и и исполнилъ, не забывъ захватить съ собою бѣлье и платье Жучка.

Собрался народъ, стали сновать лодки по теченію рѣки, закинули неводъ. Все напрасно, ни живого ни мертваго Жучка не нашли. Только черезъ дня два, за нѣсколько верстъ отъ города, усмотрѣнъ трупъ его, прибитый къ берегу волнами; раки успѣли ужь полакомиться имъ.

Когда дѣлали опись его движимому имуществу для продажи съ аукціона въ уплату долга по сохранной роспискѣ, нашли подъ чернильницей на столѣ записку,

въ которой онъ объявлялъ, что мученія совѣсти за совершенное имъ нѣсколько лѣтъ преступленіе дѣлаются для него невыносимы и онъ рѣшился на самоубійство. Записка была подписана: «*Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Никаноровъ Киноваровъ, именуемый Жучкомъ*». Недоумѣвали слѣдователи, какимъ образомъ купецъ изъ Динабурга Жучокъ превратился вдругъ въ коллежскаго совѣтника и кавалера Александра Никанорова Киноварова.

Когда Сурминъ, посвященный въ исторію жизни Ранѣева, узналъ о самоубійствѣ Жучка, онъ разъяснилъ Зарницыной смыслъ загадки, затруднявшей слѣдователей. Такъ и осталась она неразгаданною для нихъ.

VIII

По письму Сурмина къ матери она пріѣхала съ двойниками своими въ городъ на Двинѣ и остановилась въ номерахъ той-же гостиницы, куда незадолго до того переѣхалъ сынъ ея изъ квартиры Зарницыной. Она съ радостью благословила его на бракъ, желанный ею съ того дня, какъ узнала Тони.

— Ты съ нынѣшняго дня—третья дочь моя,—сказала Настасья Александровна, обнимая ее, — и потому скажу тебѣ, какъ мать: ты всегда во всемъ поручала себя Богу, а я каждый день молила Его, чтобы Онъ исполнилъ лучшія мои надежды видѣть тебя моей невѣсткой. Ты не искала высокихъ подвиговъ, на нихъ избираются Провидѣніемъ немногіе. Честь имъ, любовь и поклоненіе общества, народа! Но помни, душа моя, что и безъ этихъ подвиговъ женщина, свято исполнившая обязанности дочери, супруги, матери, исполнила свое высокое призваніе, угодила Богу и достойна общаго уваженія. Она сама счастлива и разливаетъ счастіе на тотъ кружокъ, которому себя посвятила.

Дочери Сурминой были въ восторгѣ, что пріобрѣли новую сестру по выбору ихъ сердца. Положено было съ общаго согласія жениха и невѣсты отвезти пока Тони Лорину въ Москву къ братьямъ и Дашѣ, а

потомъ уже Антонину Павловну Сурмину — хозяйкою въ прирѣченское имѣніе, доставшееся послѣ дяди. Прощаніе Лизы и Тони было самое трогательное, онѣ разставались, какъ-будто не надѣялись болѣе свидѣться.

Свадьба была въ Москвѣ, здѣсь провели *молодые* свой медовой мѣсяцъ. Родные остались для Тони тѣми же дорогими друзьями, какими были прежде. Она приглашала Крошку Доритъ къ себѣ на житье въ деревню но та, пожелавъ ей всевозможнаго счастія, не хотѣла разстаться со своими братьями и скромной долей, которой лучше не желала. Тони распредѣлила свой денежный капиталъ, доставшійся ей по смерти ея благодѣтельницы, братьямъ и сестрѣ, только переслала къ себѣ въ деревню свой любимый рояль, съ которымъ не могла разстаться.

Знали, что Лиза переѣхала въ усадьбу Зарницыной, находившуюся въ одной изъ великороссійскихъ губерній, гдѣ Евгенія Сергѣевна проводила каждое лѣто и осень для наблюденія за сельскимъ хозяйствомъ. Съ того времени о Стабровской не было слуха, ни съ кѣмъ она не переписывалась.

Въ одинъ изъ благодатныхъ лѣтнихъ дней прошлаго года въ шестомъ часу вечера пробирались между памятниками кладбища *** дѣвичьяго монастыря красивый, статный мужчина, по виду лѣтъ съ небольшимъ тридцати, и молоденькая дама, блондинка, очень привлекательной наружности. Они шли рука подъ руку. Можно бы засмотрѣться на эту парочку. Позади ихъ бѣжалъ хорошенькій, едва-ли не двухлѣтній мальчикъ, по пятамъ котораго шла нянька, русская, судя по темному шелковому платочку, повязанному на головѣ. Интересная парочка, вѣроятно, мужъ и жена, не останавливалась около великолѣпныхъ памятниковъ. Ребенокъ, попрыгивая, засматривался на улыбающихся ему изваянныхъ ангеловъ и на золотые кресты, искрившіеся подъ лу-

чами солнца. Иногда вбѣгалъ онъ въ часовеньки. Зарождающаяся жизнь играла въ жилищѣ смерти. Такъ мотылекъ порхаетъ надъ черепомъ мертвеца. Молодые мужчина и дама остановились у одной скромной могилы. На ней положена была гладкая гранитная плита съ надписью выпуклыми бронзовыми буквами, утонувшая въ цвѣтахъ свѣжихъ, благоухающихъ, вѣроятно, лелѣемыхъ рукою любящаго человѣка. Молодой мужчина скинулъ шляпу, перекрестился и положилъ земной поклонъ; дама также перекрестилась и преклонила голову; на глазахъ ихъ навернулись слезы.

— Миша, — сказалъ мужчина, взявъ мальчика за руку, — скинь картузъ, поклонись могилкѣ и поцѣлуй ее. Здѣсь похороненъ *честный* человѣкъ, другъ твоего папаши и мамаши. Желалъ-бы видѣть тебя такимъ же честнымъ, когда ты будешь большой.

Дитя не понимало многаго, что говорилъ отецъ подъ впечатлѣніемъ душевнаго настроенія, но исполнило, однакожъ, въ точности, что́ ему было приказано, хотя глазенки его бѣгали по красивымъ цвѣточкамъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, близъ входа въ одну изъ манастырскихъ келій, сидѣла освѣщенная косыми лучами вечерняго солнца, на плетеныхъ креслахъ, молодая монахиня. Лицо ея, несмотря, что было мертвенно-блѣдно, сохраняло еще отпечатокъ прежней красоты. Она по-временамъ кашляла зловѣщимъ кашлемъ. Около нея сидѣли двѣ молоденькія бѣлички, то глядѣли ей въ глаза съ трогательнымъ участіемъ, то бесѣдовали съ ней. Монахиня, при видѣ группы, посѣтившей скромную могилу и почтившей ее горячими изъявленіями любви и уваженія къ почившему въ ней, всплеснула руками:

— Тони, Андрей Иванычъ!—вскрикнула она.

— Лиза! — отозвалась молодая дама и бросилась обнимать монахиню.

— Ужъ не Лиза, милый другъ, а сестра Агнеса,— сказала монахиня, и слезы заструились по блѣднымъ, исхудалымъ щекамъ.

Она дружески протянула руку Сурмину.

— Когда я увидала васъ у могилы отца моего, сердце сказало мнѣ, что это люди, горячо его любившіе.

— И ты въ продолженіе почти трехъ лѣтъ не хотѣла увѣдомить насъ о себѣ хоть одною строчкой,— упрекнула ее Тони.

— Боялась соблазниться убѣжденіями дружбы. Я хотѣла прервать всѣ связи мои съ міромъ, даже съ тѣми, кто мнѣ, какъ вы, былъ дорогъ въ немъ; но, увидавъ насъ, чувствую, что еще не оторвалась отъ земли.

Всѣ было забыли о мальчикѣ, сынѣ Сурминыхъ; сестра Агнеса взглянула на него и спросила: «сынъ вашъ?»

— Миша, — сказала Тони, — подойди къ сестрѣ Агнесѣ и попроси у нея благословенія.

— Имя отца моего, благодарю васъ, друзья мои,— произнесла съ чувствомъ монахиня.

Мальчикъ пугливо подошелъ подъ благословеніе молодой женщины, одѣтой вся въ черное, не такъ, какъ одѣвались мать его и другія женщины, которыхъ видалъ онъ у себя, дома; но, вскорѣ, побѣжденный ласковою рѣчью ея, нѣжными поцѣлуями, приманкою блестящихъ четокъ, сидѣлъ ужъ на ея колѣняхъ.

Она попросила одну изъ бѣличекъ принести изъ ея кельи золотой образокъ Михаила-Архангела и, когда принесли его, благословила имъ дитя.

Когда они прощались, два розовыя пятна горѣли на щекахъ сестры Агнесы.

— Знаете-ли,—сказала она со слезами на глазахъ,— вы задержали меня на время на землѣ. По крайней

мѣрѣ умру со сладкими воспоминаніями о вашей дружбѣ, о краткихъ дняхъ моего счастья и съ убѣжденіемъ, что я не безслѣдно жила въ здѣшнемъ свѣтѣ. Тамъ я *ихъ* увижу.

Въ слѣдующемъ году Сурмины посѣтили монастырь и спросили, какъ пройдти имъ къ сестрѣ Агнесѣ. Имъ указали свѣжую могилу подлѣ могилы Ранѣева.

Говорить-ли объ участи третьестепенныхъ лицъ моего романа. Можетъ быть, мой читатель захочетъ узнать, что сдѣлалось съ ними. Удовлетворю его любопытство, посвятивъ этимъ лицамъ нѣсколько словъ на прощанье. Вотъ что разсказалъ объ нихъ и себѣ Сурмину бывшій адвокатъ его, Пржшедиловскій: онъ продолжалъ съ успѣхомъ свои занятія. Счастіе, которымъ онъ наслаждался въ своемъ русскомъ семействѣ, не мѣшаясь въ политическія дрязги, было долго отравлено извѣстіемъ объ ужасной смерти друга его, Владислава. Маврушкина законно ограничена въ пользованіи своимъ наслѣдствомъ. Распоряженіями тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало, образованіе и воспитаніе дѣтей ея поручены благонадежному надзору умнаго, ученаго и честнаго русскаго педагога. Сѣти, которыми спутывали ихъ польскіе гувернеры и наставники, навсегда разорваны. Дѣтскія сердца, не успѣвшія еще напиться отравой ихъ ложныхъ внушеній, еще неиспорченныя, обновились въ купели новаго, здороваго ученія. Можно надѣяться, что изъ нихъ выйдутъ добрые, вѣрные сыны отечества, образованные, полезные себѣ и обществу граждане. Людвиковичъ послѣ погрома польскаго мятежа едва-ли образумился. Онъ спокойно поживалъ въ полномъ довольствѣ и комфортѣ. Недавно слышалъ , что онъ отправился подышать болѣе свободнымъ воздухомъ. Бой-баба Левкоева странствуетъ по Европѣ при какой-то богатой барынѣ въ видѣ компаньонки, болтаетъ ей собственнаго сочиненія и чужіе анекдоты,

питается крупицами отъ ея трапезы, жуируетъ и благословляетъ свою судьбу. Куда дѣвался сынокъ ея,— Сурминъ не допытывался узнать. — Студентикъ Лидинъ съ честью подвизается въ одномъ изъ новыхъ судебныхъ мѣстъ. Я слышалъ еще въ прошедшемъ году, что Застрембецкій, оставшійся вѣрнымъ своему обѣту, пошелъ по службѣ въ гору.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

стр.

ВНУЧКА ПАНЦЫРНАГО БОЯРИНА

Часть первая, вторая и третья 1

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 076299210